

НВ
XXI

НОВЫЙ ВЕК

2.2003

РУССКО - ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

- **Вл. Буковский: ЧТО ПРОИСХОДИТ С ЕВРОПОЙ?**
- **КТО ПЕРВЫЙ НАЧАЛ ШЕСТИДНЕВНУЮ ВОЙНУ?**
- **60 ЛЕТ ВОССТАНИЮ ВАРШАВСКОГО ГЕТТО**
- **ИЗРАИЛЬ И ДИАСПОРА: МЫ НУЖНЫ ДРУГ ДРУГУ**
- **КУДА ПРИШЛА РОССИЯ**
- **«3000-ЛЕТНЯЯ ЗАГАДКА» ГЛАЗАМИ
АКАДЕМИКА-АНТИСЕМИТА**
- **«НОВЫЕ РУССКИЕ» ПОКУПАЮТ «ВИШНЕВЫЙ САД»**
- **О ЕВРЕЙСКОМ ЮМОРЕ В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ**

«ПЕРЕХОД ИЗРАИЛЬТЯН ЧЕРЕЗ КРАСНОЕ МОРЕ»
из «Золотой Агады» (Испания XIV в.)

«Международный проект «Привет, Израиль» — звучит сухо, официально и (чего греха таить) безлико, бездушно. А по жизни — это доброе, благородное, душевное движение, возникшее по инициативе Даны и Рафи Сорокен, молодых супругов из Нью-Йорка, изучающих иудаизм в Еврейской Теологической Семинарии в Нью-Йорке и в Институте Шехтера в Иерусалиме.

Душевный порыв Даны возник в результате тяжелых переживаний, когда 27 марта 2002 года погибли 29 и получили увечья 150 израильтян в отеле в Нетании, — палестинские террористы таким образом злодейски «поздравили» своих соседей с еврейским праздником Исхода — Песахом.

Уже на другой день после пасхального седера Дана и Рафи отправили электронной почтой более 300 писем своим друзьям во все концы света с призывом направить послания поддержки и солидарности Израилю.

13 тысяч писем, открыток, рисунков, присланных в Израиль конкретными лицами, целыми семьями, школьными классами, общинными центрами, детскими лагерями, были ответом на сердечный призыв Даны. Послания эти адресовались солдатам Армии Оборона Израиля, детям и семьям, пострадавшим от террора.

**Н О В Ы Й
В Е К**

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2

**ИЕРУСАЛИМ — МОСКВА
2003**

НОВЫЙ ВЕК

РУССКО – ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Иосиф БЕГУН**

**ЛИТ. РЕДАКТОР
Валентин КОБЯКОВ**

**ОТВ. СЕКРЕТАРЬ,
РЕДАКТОР
Алла ЮДИНА**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Эдуард МАРКОВ
Валентин ОСКОЦКИЙ
Семен РЕЗНИК
Лев УТЕВСКИЙ
Михаил ХЕЙФЕЦ
Алик ЭПШТЕЙН**

**ДИЗАЙН И ВЕРСТКА
Яков ЭДЕЛЬМАН**

РЕДАКЦИЯ:

Тел.: +7 (095) 210-4019 (Россия)
+972 (02) 563-6492;
+972 (054) 221-382 (Израиль)

E-mail: novvek@novvek.com

Веб-сайт: www.novvek.com

*Подписку на журнал «Новый Век»
можно оформить в отделениях связи
по каталогу “Пресса России”,
стр. 370, индекс 44508.*

См. также отдел “Подписка” на сайте.

Журнал выходит 4 раза в год

Отпечатано с готовых диапозитивов в
типографии ООО «Галлея-Принт»,
Москва, 5-я Кабельная улица, д. 2Б.
Заказ № 501

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

НАШ ПЕРВЫЙ ГОД

Дорогой читатель, НОВОМУ ВЕКУ исполнился год!

«Официальное свидетельство» этого — данный, четвертый выпуск нашего ежеквартального журнала №2 за 2003 г. (два первых выпуска вышли в свет в 2002 г.)

За это время состоялись презентации в Москве и Израиле. Общая оценка читателей и критики в большей степени положительна, что и радует и обязывает.

Мы живем в сложное, тревожное время. Евреи опять оказались в эпицентре вселенской войны добра и зла. И речь не только об израильских «оккупантах», — воины джихада метят и в евреев Франции и Аргентины, США и Марокко.

Два с половиной года не прекращается кровавый террор арабских самоубийц в городах и поселениях Израиля. Еврейское государство, созданное тогда, когда еще не рассеялся дым печей Освенцима, успешно противостоит арафатовским целям «освобождения Палестины» от евреев. Но годы, когда Израиль безуспешно пытался найти мирное решение конфликта, не прошли даром, и на последних выборах население страны отказало в доверии адептам пораженческой политики Осло.

Наш журнал уделяет большое внимание важной теме консолидации евреев всего мира, национальному самосознанию, укреплению связей Израиля и Диаспоры. Один миллион «русских» израильтян с каждым годом все более утрачивают статус «новоприбывших», становясь гражданами «как все». Но при этом интерес в Израиле к России, ее великой культуре, ее истории и ее сегодняшней жизни во всем многообразии отнюдь не ослабевает.

Журнал ставит перед собой задачу освещать животрепещущие, наиболее интересные для читателей темы, которые даже кратко обозначить в рамках данной «колонки» не возможно.

Желаю всем нашим читателям благополучия и оптимизма! Оптимизма, несмотря ни на что! Ведь были у евреев и более тяжелые времена. Как в том старом анекдоте советских времен:

Два еврея обсуждают правителей, под которыми приходилось жить их предкам. Начинают с египетского фараона. Затем вспоминают Рим, Византию, инквизицию... Гитлера. Всех этих гонителей евреев давно нет...

- А евреи есть!

- А как же советская власть — она ведь тоже есть?

И тут же дается комментарий:

- Значит мы — в финале!

На наших глазах сгинула и советская власть. Вакантное место сил зла заняли исламисты. Финальный матч продолжается. И да поможет нам Бог!

Иосиф Бегун

НОВЫЙ XXI ВЕК

СОДЕРЖАНИЕ

Письма в редакцию.....7

К 300-ЛЕТИЮ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ РОССИИ

Валерий РУБИН. Петр Шафиров – «птенец гнезда Петрова».....14
Михаил БЕЙЗЕР. Еврейство Северной столицы (от Петра до Советской власти).....21

Весь мир

УГРОЗА РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА

Наум КОРЖАВИН. Ближневосточный конфликт и судьба цивилизации.....26
Дискуссия по статье Ф.ФУКУЯМА и Н.САМИНА (Новый Век № 1, 2003).
Способен ли радикальный ислам к модернизации?.....32
Эхо 11 сентября. 2 мнения: Н. ПОДГОРЕЦ (США), Дж. ГЕЙДАР (Россия).....38

ЕВРОПА

Вл. БУКОВСКИЙ. Европейское содружество – новое издание Советского Союза.....45
Изи ЛИБЛЕР. Бельгия – «столица» европейского антисемитизма.....54
Рон ДЕРМЕР. Новые друзья Израиля в разделенной Европе.....57

Израиль

ВОЙНА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Григорий МИРСКИЙ. Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт.....59
Майкл ОРЕН. Июнь 1967. Кто первый начал войну?.....74
Давид БЕРНШТЕЙН. От безумия к разуму.....86

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Гур СОЛОМОН. В ночном патруле. Как воюют «русские».....91
Лили ГАЛИЛИ. У них свое мнение в политике. Как голосуют «русские».....95
Валерий РУБИН. Российско-израильское сотрудничество.....99

ИЗРАИЛЬ И ДИАСПОРА

Натан ЩАРАНСКИЙ. (Интервью) Мы нужны друг другу для выживания.....104
Г. ХОФФМАН. Туристы боятся – а волонтеры приезжают.....111
Хемдат ШЕНИ. Добрая Анна из Нью-Джерси.....113

Россия

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Валентин ОСКОЦКИЙ. Праведное житие в антисемитском прищуре.....	118
Отто ЛАЦИС. Куда пришла Россия?.....	134
Реувен ТАЛЕР. «Последняя русская революция»: заслужила ли она бурные аплодисменты?	139

ВЕЧНЫЙ ВОПРОС

Михаил СИДОРОВ. «Острые углы круглой даты» (размышления о книге А. Солженицына).....	146
Борис КУШНЕР. «Одна, но пламенная страсть», о сочинениях математика Шафаревича на еврейскую тему.....	158

Помнить!

Холокост и еврейское сопротивление

Юрий КОРОГОДСКИЙ. Вопреки страху и отчаянию.....	191
К 60-летию восстания в Варшавском гетто	
Анатолий КАРДАШ. Они спасали нашу честь.....	200

Тора и современность

Лев УТЕВСКИЙ. Женщины поколения Исхода	209
С. ГАРФИНКЕЛЬ. Моисей - человек Израиля, человек Бога	217

Культура

Грета ИОНКИС. Еврейство в жизни и творчестве Гете.....	221
Марк Розовский продолжает удивлять и восхищать!	
Заметки к 20-летию Театра “У Никитских ворот”	232
Александр ЛЮБИНСКИЙ. Сплав культур Средиземноморья.....	245

О ЕВРЕЙСКОМ ЮМОРЕ В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

Евгений РАШКОВСКИЙ. Что такое еврейский юмор?.....	249
Йосеф ТЕЛУШКИН. О еврейском в еврейском юморе.....	253
Эфраим КИШОН. «В этом году тарарама не будет». Рассказы.....	259

Книжная полка

М.ХЕЙФЕЦ. Свидетельство эпохи. Шошаны Гельцер «Еще одна», Израиль, 2000.....	264
М.КОПЕЛИОВИЧ. Еще раз про любовь. О новых рассказах Дина Рубиной, Израиль, 2002	266
А.ЭЙДЖИС. О книге Алана М. Дершовича “Почему терроризм добивается успеха: понять суть опасности, ответить на вызов”, США, 2002).....	270
М.КОПЕЛИОВИЧ. Фантастика и реальность. О журнале «22», №127, Израиль, 2003).....	273

IN THIS ISSUE

At a glance

Readers' Letters

Three hundred years of Saint Petersburg

One of the momentous aspects of Russian history the glorious jubilee of the northern Russian capital — lies in the fact that among the closest associates of Peter the Great was Peter Shafirov. A Jew who was baptized, Shafirov was born into a family of serfs and became a powerful financial and diplomatic adviser to the great Russian Czar.

ALL THE WORLD

The threat of radical islam

In this regular section of the Magazine, the main subject A CLASH OF CIVILIZATIONS continues. The current issue presents a polemic on the article by **F. Fukuyama & N. Samin** (*Commentary*, 2002), in which the authors did an analysis of the ability of radical Islam to incur positive changes. Noted Soviet poet **Naum Korjavin** (now living in Boston), who was born a Jew and «lost all his relatives and schoolmates in Babi Yar» but at the same time calls himself «a man of Russian culture and a Christian believer,» writes about «the fate of civilization» He believes is in great danger because the «Policy of Munich» is now being implemented by certain leaders of the Western countries.

What is happening with Europe?

The Europe of today is very much like the «old Europe of the 1920s», whose inhabitants lived with feelings of guilt, self-hatred, fear of war, and a readiness to «appease» any totalitarian regime. **Vladimir Bukovski**, a prominent former Russian dissident, calls the European Union a «new version of the USSR». In his controversial speech given in the British Parliament, he sharply criticized Western policy toward the new Russia: «Imagine what would have happened in Europe if, after the defeat of Hitler's Germany, the Allies had agreed to something like a 'perestroika' of the Nazi regime. Surely, there would have been some kind of 'post-totalitarian' regime, not democracy».

Isi Liebler, vice-president of the World Jewish Congress, is a Belgian-born Jew who, as an infant, escaped from Antwerp on the last boat before the Nazis invaded his country. He criticizes Belgium for its «double standard» in its relations with Israel. He says that Belgium has become «the capital of new anti-Semitism in Europe». Liebler says that any plans to hold a session of the WJC in Belgium should be canceled.

ISRAEL

The ongoing Middle East conflict

Prof. **Gregory Mirsky** of the Academic Institute of International Relations and Economy (Moscow) used the above title for his article about the Arab-Israeli war. Despite all attempts to establish peaceful relations, the confrontation has intensified. «One thing is clear», says Mirsky: «On this land there will always live two peoples. Neither of them is able to destroy the other; they need to find a solution». How much time will it take? The author's answer is «Nobody knows». The Six-Day War of June 1967 was the kind of event that «makes the Middle East». *Novy Vek* presents an excerpt from a book on this subject by Israeli historian **Michael Oren** (translated by Dr. A. Epstein), which considers the crucial question «Who started the war?»

The People and the Land

The main part of this section presents «Russians» in Israel who were recently new olim but now no longer feel like such newcomers. Two articles tell the stories of such expatriates: «How Russians fight» (volunteers who defend settlements in Samaria and Judea); and «How Russians vote» (elections in the Knesset).

Israel and the Diaspora

«Jewish communities around the world and the Jewish State have the same fate. We need each other to survive», says **Natan Sharansky**, who was recently appointed Minister for Diaspora Affairs. «It is time for a unique synthesis between both sides of one people», he says.

There is a wonderful phenomenon of a growing solidarity with Israel among Diaspora Jews: thousands of volunteers are coming to the country to help. Others, like **Ann Greenberg** (the heroine of «Good Ann from New Jersey»), spend their free time collecting donations from American Jews — emigrants from the FSU - to serve the needs of the Jewish settlements in Judea and Samaria.

RUSSIA

Yesterday, today, tomorrow

«Where has Russia come?» This question is discussed widely among the political and scientific elite of Russia. Renowned economist and sociologist **Otto Lazzis** (Moscow) expressed it succinctly in this way: «The result of more than 10 years of reform has changed the 'socialist nomenclature' to 'capitalist nomenclature'. Russia's ability to choose a better way to liberal post-industrial society depends on new Russian bureaucracy - if it can understand its own long-term interest.»

In his article «Why Applaud the Last Russian Revolution?» Israeli economist **Reuven Taler** sharply criticized an article published in our January 2003 issue by Leon Aron (USA). Taler does not agree with the positive appraisal of pere-

stroika by the American historian, arguing that an increase in the number of private automobiles (2.5 times) and the «availability of fresh and tasty food everywhere» are not decisive criteria of the success of the «last Russian revolution» in light of great poverty among a large part of the population.

«The cult of Stalin» was exposed by Soviet officials in 1956; but decades later, attempts were made in the USSR and now in Russia to justify the name and the affairs of this tyrant. **Valentin Oskotski** (literary critic, Moscow) presents his analysis of such a book entitled *Generalissimo* by V. Karpov (former secretary of the Union of Soviet writers). In the style of modern Russian nationalists, this writer, who has the honorary title of Hero of the Soviet Union, praises «the great merit of Stalin for the Russian people in that he went to fight Zionism» which, under the pretext of «world revolution», tried to achieve its main goal - «to attain world domination».

The Eternal Question

The Jewish question manifests itself in today's Russia as it did centuries ago. In this issue, there are two articles on this subject. In his essay, historian **Michael Sidorov** (Israel) comments on Solzhenitsyn's controversial book *200 Years Together*.

Boris Kushner, renowned poet and publicist (USA), wrote a scathing criticism of the new «research» of well-known anti-Semitic writer and academic I. Shafarevich (Moscow) who, presented it in *The Mystery of 3,000 Years*, claims that Jews play an ominous role in history in general and in Russian history in particular.

THE HOLOCAUST

Dedicated to the 60th anniversary of the Warsaw Ghetto Uprising

To defeat the Jewish rebels in the Warsaw Ghetto in April 1943 the Germans needed more time than they did to occupy France. **Eli Wiesel** said, «They fought alone and they suffered alone, but they did not die alone - something in us died together with them».

Yury Korogodsky, a Holocaust researcher (Kiev), points out that «not many people know about the heroic pages of the Jewish Resistance, such as the partisans of Byelorussia and Lithuania; the underground fighters of Kiev and Odessa and the ghetto rebels of Western Volyni».

Anatoly Kardash (Israel), the author of a number of very moving books on the Holocaust, said, «The World War and Jewish catastrophe joined in at the point marked by April 19 and three words - 'Warsaw,' 'ghetto,' and 'uprising'» An excerpt from *The Preliminary Draft* portrays tremendous heroism on the part of Jewish fighters in the Warsaw Ghetto.

Culture

Jews, who have lived among the nations of the world for centuries, exerted their influence on other cultures just as they were subject to the influence of others. In her essay «Goethe and the Jews», German author **Greta Yonkis** describes how it was in Germany in the 18th century: «Very early on, Goethe became interested in Jewish history. He admired Moses as a deliverer, who led his people out of slavery and brought them to God».

Israeli author **Alexander Lubinsky** wrote about another time and another place - the Eastern Mediterranean, where the central idea of ancient Judaism - an eternal aspiration for justice - joined with the Greeks' unending search for knowledge to form the basis of Western civilization.

The *Cherry Orchard* by Anton Chekhov is an enduring literary masterpiece. **Mark Rozovsky**, a prominent producer of Moscow's small theater Near Nikitskya Gate, has proven this once again with a new production of Chekhov's play. «It deals with the subject of our inability to take responsibility. In this personal story, one can see the reflection of the moral macrocatastrophe of Russia», says Rozovsky.

Holiday of Freedom

In celebrating Passover as the holiday of freedom, we also remember our victory over the modern-day Evil Empire. But this victory is not complete, as **Natan Sharansky** says: «Our dream for peace in the Middle East will become a reality when we believe that the power of freedom is not *agada* (a legend)».

The greatest hero of Jewish history was Moses. «After Moses, the people of Israel had a lot of leaders, but nobody took his place. Actually, he is Israel's national alter ego» / **S.Garfinkel** «Moses, Tree of Life (Etz Haim).

According to the Talmud, the Jews were delivered out of Egypt thanks to the merits of the righteous women of the generation. This subject discussed in **Lev Utevsky's** essay «Women of the Exodus Generation».

Book review

The section contains reviews of three new books and one periodical.

New «Love Stories» of **Dina Rubina**, published in Jerusalem Literary Review, #11, 2002 and #13, 2003 (M.Kopeliovich)

One Woman More by **Shoshana Heltzer** (2000, Haifa), memoirs of an Israeli woman, an immigrant from Soviet Lithuania (M. Heifetz)

Why Terrorism Works: Understanding the Threat, Responding to the Challenge by **Alan M. Dershowitz** (New Haven, CT; Yale University Press, 2002). The fight against terror demands more strict policy (A. Ages).

Magazine «22», #127, T-A, 2003, Journal of political opinion and literature of Jewish intelligence from the FSU (M. Kopileovich)

Рад возможности поздравить Иосифа Бегуна и Аллу Юдину с замечательным начинанием – выпуском нового серьезного «толстого» общественно-политического и литературного журнала! Наблюдая за активной издательской деятельностью Бегуна, начавшейся в Израиле в конце 80-х гг., должен заметить, что сегодняшний журнал, по сравнению с предыдущими «Авивом» и «Иерусалимом», выпускавшимся под его редакцией, — действительно новая ступень в освоении духовного богатства еврейского народа: его героического прошлого, его искусства и литературы. В то же время журнал предоставляет читателям достоверную информацию о проблемах современного еврейства, как в диаспоре, так и в Израиле.

Хочу поделиться своими впечатлениями от знакомства с тремя номерами журнала «Новый век». Привлекает, прежде всего, весомость тем и материалов, подготовленных крупными общественными деятелями, представителями еврейской и русской культуры, известными израильскими и российскими историками, писателями и журналистами... Все это свидетельствует об авторитете, завоеванном новым изданием в более чем богатом русскоязычном журнальном пространстве постперестроечной эпохи.

Безусловным достижением редакции является всестороннее раскрытие темы антисемитизма в советскую эпоху, кульминацией которого явились разгром еврейского антифашистского комитета и «Дело врачей», а также дискуссия по поводу готовившейся депортации советских евреев...

Несколько слов по поводу внешнего и внутреннего облика журнала.

Судя по всему, редакция пока находится в поиске наиболее подходящего графического дизайна своего издания: меняются лого названия на журнальной обложке, заголовочные и текстовые шрифты, их размер и межстрочные расстояния, и т.д. Изменяется к лучшему и качество воспроизведения иллюстративных материалов, что весьма важно для атрактивности журнала.

В целом, «Новый век» меня порадовал, и я от души приветствую его создателей с трудной, но весомой победой на журнальном фронте XXI века!

Д-р Леонид Юниверг
гл. редактор альманаха
«Иерусалимский библиофил»
председатель Иерусалимского
клуба библиофилов

Всегда читаю Ваш журнал, в котором отражаются самые различные взгляды, мнения, и всегда это интересно.

Давно хотела поделиться с Вами своим мнением о том, что многие израильские политики и журналисты пристрастно и неадекватно освещают российско-чеченский конфликт. Статья Шломо Громана «Трагедия на «Дубровке» и «террор в Израиле» является, в этом смысле, показательной.

При поверхностном взгляде, террористические акты в Израиле и захват концертного зала на Дубровке — действительно звенья одной цепи. Но так ли это? Не раз мы сталкивались с, мягко говоря, своеобразной трактовкой французами, бельгийцами, датчанами и др. представителями старушки-Европы арабо-израильского конфликта, в котором всегда была виновата только одна сторона — Израиль. Нас больно ранит эта странная смесь фарисейства, глупости и подлости, и именно поэтому, негоже нам, израильтянам, давать сомнительные оценки в столь серьезном вопросе.

При несомненных достижениях России последних 15 лет на пути к подлинной демократии, одним из ее серьезнейших поражений является чеченская война, несущая большую опасность очень слабыми ростками российской демократии.

Когда, в конце 19 века и начале 20 века, часть русского народа нашла ответ на вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» в еврейских погромах, еврейская молодежь, ища ответы на те же вопросы, пришла в революцию. Само собой, погромы и «черная сотня» заставили часть еврейской молодежи примкнуть к революционному террору.

Сейчас бессмысленные и преступные две чеченские войны (по некоторым данным погибло более 200 тыс. чеченцев), с бомбежками и варварским разрушением сел (достаточно вспомнить город Грозный и что Чечня — составная часть России), заставляют чеченскую молодежь искать ответ на те же самые вопросы. Многих это толкает в объятия арабского фундаментализма. Но ведь нет ничего более различающегося в мусульманском мире, чем свободные духом чеченцы, большая часть которых исповедует суфизм (мистическое мусульманское учение, в котором очень силен дух свободы), и арабский фундаментализм, для которого характерно чрезвычайное принижение личности, фанатизм и ненависть к чужакам. Российские чеченцы в большинстве своем прекрасно отдают себе отчет в том, что арабы, навязывая им джихад против неверных, решают свои проблемы, втравливая чеченцев в совершенно ненужную для них войну с Россией (антагонизм между арабами и чеченцами очень силен, о чем, кстати, могут мно-

гое рассказать и израильские чеченцы). Кроме понимания экономической бесперспективности самостоятельного существования, чеченцы слишком высоко любят и ценят русскую культуру (даже военные песни свои они часто поют на русском языке). Напрашивается аналогия, — в плену русской культуры оказались и мы, российские евреи. Чеченцы не ликут и не пляшут на крышах домов, когда у русских случаются несчастья и катастрофы.

Арабский террор — это порождение бессмысленной арабской ненависти к Израилю, и евреям. Чеченские террористические акции, которые ничто не может оправдать, вызваны действиями российской армии в Чечне, с ее практикой расстрелов без суда, пыток, полным отсутствием закона и порядка, который, якобы, защищается российской армией в Чечне. В чеченских акциях террора, из которых значительными являются три — походы Басаева, Радуева и Дубровка, также не прослеживается звериной страсти к уничтожению. И что крайне важно, они не носят массового характера. Сколько сотен евреев погибло с начала интифады в Израиле? В том числе и младенцев, и подростков, женщин, стариков? А ведь для Израиля 1 тысяча, это — как для России 30 тысяч. Насколько надо быть необъективным, чтобы говорить об арабском и чеченском терроре как о явлениях одного порядка!

В России последнего десятилетия чрезвычайно сильно ксенофобия, антисемитизм, ненависть к «черным» и т.д. как реакция на экономические и другие трудности. После массового отъезда евреев освободившуюся нишу заняли чеченцы как персонализация «мирового зла». Это нашло свое отражение в «патриотической» литературе. Приведу два примера: рядом с Мавзолеем, излюбленном тусовочном месте патриотов и коммунистов всех мастей, вы можете купить книгу «Чеченцы — евреи Кавказа». Там же вы сможете купить еще один продукт сумеречного патриотического сознания: книгу «Горные хищники — иудео-ваххабиты».

Чеченский народ был депортирован дважды — в 19 веке и в 20-м. Это притом, что никогда чеченцы не угрожали целостности и существованию Российского государства. Единственная их несомненная «вина» — независимость и любовь к свободе. Представители старшего поколения вспоминают, что при сталинской депортации чеченцев, их соседи-евреи плакали. Российским евреям тогда повезло (о чем писалось и во втором номере Вашего журнала). Чудом избежали мы участи чеченцев. Это сходство судеб требует от нас особой ответственности и объективности.

**Роман и Ирина Голембо
(Петах Тиква, Израиль)**

«Новый XXI век»

Клад, клад, клад!

Иначе не скажешь, познакомившись, подобно мне, сразу с тремя первыми выпусками (1–2 за 2002 и №1 за 2003 г.г.) «толстого» журнала с весьма оригинальным названием: «Новый Век».

Будто клад великолепных изделий нашла, но трудно разобраться сразу, что к чему. «Новый XXI век» серьезней других периодических изданий, как похожих, так и непохожих на него по замыслу. Группа образованных людей стремится (в который раз появляется подобная группа!) еще раз и еще раз привлечь читателей к проблемам прошлого, настоящего и будущего еврейского народа, евреев, Государства Израиль.

Читать не «просто интересно». Люди, создающие журнал, явно стоят за сильный Израиль, за иное, лучшее, чем до сих пор, отношение к народу Израиля, и хочется подбодрить издателей и авторов высшей ивритской похвалой: «Яшар Коах!», что означает — «Так держать! Честь и слава!»

В своем порыве и рвении редакция, на мой взгляд, перегрузила выпуски журнала, особенно — первый номер. Все, без исключения материалы важны, но почти все напечатанное можно было как-то сократить, дать более сжато содержание, выделить выводы, да и графически — уменьшить количество знаков на страницах, увеличить разнообразие рода интервью...

Повторяю — все, без исключения, материалы важны, актуальны, но их восприятие читателем, думается, затруднено как многословием, так и теснотой на страницах.

Притом, что все прочитанное равнодушной меня не оставило, больше всего взволновала статья Малкома Хонлейна («Н.В.» №1 за 2002 г., стр.110-111) «Для евреев мира Израиль — не просто еще одно государство». Позволю себе привести цитату из этой статьи: «Тора и Израиль. Они дарованы нам, чтобы мы их хранили и пестовали и передали их в надежные руки будущих поколений — это бремя и ответственность, которые мы все разделяем. Обеспечение неразрывности еврейства — одна из причин того, что на протяжении тысячелетий, когда у неевреев образование получала только элита, еврейские общины обязаны были следить за тем, чтобы каждый ребенок получил образование. Это была коллективная ответственность и главная обязанность всей общины».

Спросим, не является ли еврейская образованность одной из причин вековой юдофобии?!

При некоторых недостатках, первый номер «Н.В.» интересен, хорош. Второй же номер получился просто уникальным. Это великолепный па-

мятник Еврейскому Антифашистскому Комитету, Великому Михозлсу. Но, кроме того, — умелое восстановление связи времен.

Третья книжка (№1 за 2003 год) также хороша — материалы превосходны, а перегруженность меньшая, чем в предыдущих номерах. Кто-то додумался указывать название статьи, стихов, повести, а также фамилию автора над каждой страницей. Мелочь, а еще как помогает!

Нет смысла перечислять все, что понравилось лично мне. Многое интересно и близко!

Мне лично не совсем понятно, о чем хотят повеждать авторы статей о выдающихся людях — евреях, перешедших в христианство (рецензия А.Гелейна на книгу об отце Александре Мене. №1, 2003г., стр. 244-247).

Взволновали меня великолепные переводы Рахели Торпусман (№1, 2003г., стр.241-243) из Ури-Цви Гринберга — поэта XX века, рабби Геронди, жившего в XI веке, и более всего близкой мне песни, сочиненной на идиш виленским юношей-поэтом Гиршем Гликом. Было это ровно 60 лет тому назад, когда известие о восстании в Варшавском гетто достигло Вильнюса. Кто-то посоветовал петь эти слова на музыку стремительной боевой песни Дм. Покрасса: «То не тучи, грозовые облака...» Песня оказалась пророческой. Причем поэт, почти наверняка зная, что погибнет, предсказывал победу еврейского народа в веках.

«Новый Век», думаю, славно поработает ради этой победы. Яшар коах!

Сара Блюмина, Хайфа

Пурим, пурим — сколько раз ни произносишь слово «мармелад», а во рту не сладко.

Очень интересную статью прочитала — глубокую, ясную, свежую. Это статья Льва Утевского о Пуриме в журнале «Новый Век», №1 за 2003 год. В изложении автора Пурим не отождествляется лишь со сказкой, карнавалом, и «ушами» Амана. Ощущение такое, что смотришь на что-то давным-давно знакомое, но вдруг свет упал под иным углом и... сверкнуло, заискрилось... — вот и еще один неординарный, свежий, сразу привлекающий внимание, взгляд. Как отражение в хрустально чистой воде — все четче и яснее, — сходят пласты давней давности. Да. Я всецело согласна с мнением, с позицией автора статьи.

Бесконечно интересен язык статьи: легкий и, опять же, четкий. Нет недосказанностей, размытостей, нет затушеванной или растянутой информации. В нескольких словах Утевский пытается (и это ему, несомненно, удастся!) сказать, что любая за-

висимость горька, а зависимость от «чужих», зависимость постоянная и полная — еще и невыносимо тяжела. Принять зависимость и... успокоиться?.. Такое спокойствие будет ломким, хрупким. Нет, не стоит шить «еврейские ливреи» — по словам Александра Галича. Любая зависимость приводит к конформизму, а результат нам известен.

Марина Глойх, г. Хайфа

Счастлива была прочитать в журнале «Новый Век» №1, 2003 очерк Леонида Школьника «Биробиджан в последние годы сталинизма», в котором он рассказывает, вспоминает и о моем отце, Миллере Борисе Израилевиче. Перечитываю еще и еще раз...

И возвращаюсь мысленно в Биробиджан, в теперь уже далекое детство и отрочество, в то время, когда был жив папа, и все было освещено им.

1949 и 1956 — эти две даты высечены резцом в моей памяти, в моем сознании.

Но мне хочется вспомнить и те события, которые предшествовали аресту папы в 1949 году. Летом 1948 г., когда папу уволили с работы, родители решили всей семьей (нас было уже трое детей) съездить к родственникам в Москву.

В Москве я стала свидетельницей сцены, завшейся мне, 7-летней девочке, в память: мама плачет, кричит, умоляет папу остаться в Москве. Своей женской, материнской интуицией она, очевидно, чувствовала, что возвращаться в Биробиджан нельзя. А папа молча кусал себе пальцы...

Вернулись. И началось (началось уже для нашей семьи, а для всей страны продолжилось) то, что сверхгениально описала А.Ахматова... в своей поэме «Реквием».

Мужественно перенося изуверство допросов, отец ждал суда, где собирался доказывать, что ни в чем не виновен. Суда не было. Был приговор, заочно вынесенный т.н. «тройкой»: 10 лет лагерей. О лагерных годах папа рассказывал очень скупое: видимо, хотел побыстрее забыть те адские муки. И не от него, а от мамы, которой он, вероятно, рассказывал больше, чем нам, детям, мы узнали, что однажды во время работы на лесоповале он чудом спасся от падающего на него спиленного дерева. Из рассказанного же папой запомнилось то, как заключенных вели с работы и на работу в окружении автоматчиков и собак, заставляли время от времени ложиться в снег, а в это время из уличных динамиков неслись слова песни:

Я другой такой страны не знаю,

Где так вольно дышит человек.

Это был верх издевательства и цинизма. И все-таки папа считал, что отбывал наказание не сов-

сем безвинно. Но этот приговор он вынес себе сам. Он не мог простить себе, что в период репрессий 30-х годов он не понял, что бросают в тюрьмы и расстреливают невинных людей. Но разве нормальный человек, к тому же молодой, мог представить себе, что является свидетелем чудовищных преступлений сталинского режима?

...Много горьких воспоминаний всколыхнула во мне статья Л.Школьника.

Мы выжили. А помогли нам добрые люди, которым удалось сохранить себя в мире зла.

В январе 1956 г. папа вернулся и вскоре был реабилитирован. Но лагерные годы наложили отпечаток на всю его оставшуюся жизнь, и, прежде всего, на здоровье.

Зато в творческую, газетную жизнь он окунулся с головой: писал и правил материалы для литературной страницы «Биробиджан Штерн» и по-прежнему был предан языку идиш.

Вскоре после возвращения папы из лагеря, была перепись населения. По подростковому недомыслию я сказала, что родной язык отца – русский (ведь мы с ним говорили на русском языке). Вернувшись с работы, отец очень расстроился и добился, чтобы в графе «родной язык» исправили русский на идиш.

...В последние годы отец часто болел, все больше времени проводил в больнице. Вспоминаю последний разговор с ним, когда я первый и последний раз видела слезы на его глазах. Я пыталась уговорить его переехать к нам с братом в Хабаровск, но он сказал мне, что кровно связан с Биробиджаном, что здесь прошла вся его жизнь, человеческая, творческая, всякая... И он хочет остаться в Биробиджане...

И он остался в этом городе... И не знает (а может быть, знает?), что помнят его не только в Биробиджане, но и здесь, в Израиле. Вот за это я и благодарю и Леонида Школьника, и журнал «Новый Век».

Софья Миллер, г. Кармизль

По следам нашумевшей дискуссии. (НОВЫЙ ВЕК №2, 2002 и №1, 2003)

ПЛАНИРОВАЛ ЛИ СТАЛИН ДЕПОРТАЦИЮ ЕВРЕЕВ

ФЕДОР ЛЯСС

НЕ НАДО ИСКАТЬ ТОГО, ЧЕГО НЕ МОГЛО БЫТЬ

ответ Г.В. Костырченко

Вам, Геннадий Васильевич, не достаточно признать предвестниками широкомасштабных юдофобских акций и документальным доказательством подготовки к депортации евреев из промышленно важных центров страны вал антисемитских

статей, наводнивших газеты и журналы начала 1953 года, Вам нужен, для того чтобы поверить в планируемую депортацию евреев, документ, подписанный самим Сталиным или кем то из его ближайших сатрапов, в котором черным по белому были бы начертаны директивные слова о необходимости проведения депортации евреев. Такого документа не могло быть. Не было такого документа и при организации насильственного выселения контрреволюционеров, духовенства, значительного слоя интеллигенции, оставшихся в России после революции, бывших анархистов и бундовцев, меньшевиков и эсеров, соратников Сталина по революционной борьбе. К этому перечню нужно прибавить сотни тысяч депортированных ингушей, чеченцев, немцев Поволжья, крымских татар, карачаевцев, калмыков, греков, балкарцев, месхетинских турок, курдов, хемшинов, казаков, «неблагонадежных» граждан, проживавших у западных границ СССР, «кулаков», согнанных вместе с семьями с родных мест и сосланных на вымирание в Сибирь и пустыни Казахстана. По самым скромным подсчетам, около трех с половиной миллионов человек, были просто высланы без суда и следствия. И ни одного документа, подписанного Сталиным о подготовке к проведению депортационных акции и директив о подготовке населения к тотальному государственному террору, захватившему миллионы ни в чем невинных людей.

Теперь рассмотрим Ваш довод в связи с отсутствием подготовительных документов для осуществления мероприятий по депортации евреев на более низком государственной или административном уровне. В своем открытом письме Вы пишете, что ранее проведенным акциям депортации «предшествовало издание той или иной директивы в виде указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений ГКО, Политбюро, СНК...» «...и без них немислима была организация любой более или менее крупной репрессивной акции». Справедливо ли Ваше мнение?

Посмотрим, как и когда оформлялись эти документы. Напомню только, что мы говорим о документах, говорящих о подготовке к депортации евреев, а не о ее реализации. Реализация не осуществлялась, благодаря скоростной смерти тирана. Мы же обсуждаем вопрос возможности существования документов, подтверждающих проведение мероприятий к планируемой депортации, которая, по нашему мнению, должна была состояться после проведения открытого политического процесса над «врачами — вредителями» и публичной их казни в середине, конце марта 1953 года. А ищем мы документы и их не находим в февралье

— то есть за полтора — два месяца до намечаемой акции.

Посмотрим внимательно на опубликованные Вами документы, якобы подтверждающие Ваше мнение о том, что такие документы перед проведенными ранее депортациями существовали, а вот в случае с еврейской депортацией отсутствовали.

1. Операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы была осуществлена 27 декабря, а соответствующее постановление СНК было подписано 28 октября того же года. За 30 дней. Я не помню, чтобы кто-то сделал сообщение о наличии предварительных документов о подготовке к депортации и оформлении соответствующих административных распоряжений, отданных после того, как было постановление о депортации.

2. Операция по выселению чеченцев и ингушей в Казахстан была осуществлена 23 февраля 1944г, а ГКО утвердил постановление о выселении 21 февраля. Только за 3 дня! Документов о подготовке к депортации не найдено. Есть только отчет.

3. Выселение из Крыма всех татар поголовно, в том числе детей, женщин, стариков проводится 18-19 мая 1944г, на основании решения ГКО за № 5859сс от 11 мая того же года. Официальный документ о депортации 150 тысяч его татарского населения совместно с проживающими там болгарами и греками (всего 260 тысяч человек) был написан за 7 дней. Приказ наверняка был... устный: «Приказываю...» и ответ тоже устный: «Слушаюсь...».

Кстати, в статье «Крым» Советского энциклопедического словаря 1982 года издания нет указаний о татарском населении Крыма. Вот Вам, глубокоуважаемый Геннадий Васильевич, и документ на страже правды истории, а статья в энциклопедии бесспорно таковым является. Нет, согласно документу, не жили там татары, и выселять оттуда было некого!

4. Уничтожение «специалистами из НКВД» 25 тысяч польских офицеров в Катыне было осуществлено 5 марта 1940г на основании решения очередного заседания Политбюро от 5 марта 1940г под формулировкой «Рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела». В тот же день! Подписали этот документ с подачи Берии Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян, с особой отметкой т. Калинин, т. Каганович — за.

День в день, час в час, а может быть и минута в минуту под аккомпанемент автоматных очередей и предсмертных криков ни в чем неповинных людей.

Для переброски в Катынь (близ Смоленска) 25 тысяч незаконно арестованных из Козельского (недалеко от Тулы), Старобельского (неподалеку от Харькова) и Осташковского (близь Калинина) концентрационных лагерей было сформировано не менее 20 эшелонов. Они двигались по железным дорогам без единого документа, в экстренном порядке, обгоняя экспрессы, оставляя на запасных путях составы с продовольствием, техникой, углем и нефтью. И зеленый свет на светофорах перед ними открывали не на основании бумажки, а по личному приказу вышестоящего начальника. А самым высшим начальником был Сталин, а его слово-закон.

Нашелся ли документ, по которому расстреливали польских офицеров пулями немецкого производства? А ведь эта «улика» была основной, давшей возможность перевалить Государственной комиссии вину в массовом убийстве на немцев.

Но на этом фальсификации с документами не кончились. Сталин и Берия руками Вышинского добились на Нюрнбергском процессе по делу нацистских преступников, чтобы Катынь вовсе не упоминалась. А для Вас, Геннадий Васильевич, они оставили «документ», да не бумажный, а мраморный с эпитафией: «Здесь похоронены невольники, офицеры Войска Польского, погибшие в страшных мучениях от руки немецко-фашистских оккупантов осенью 1941года».

5. А когда «бумажно», то бишь документально, было оформлено дело «врачей-вредителей»? За четыре дня до публикации в газетах Сообщения ТАСС. 9 января 1953г заседало бюро президиума ЦК КПСС и утвердило текст передовой статьи в газете Правда и адресованного народу сообщения ТАСС, отредактированных лично Сталиным. Над основными обвиняемыми уже в течение полугода проводились так называемые следственные действия — ночные допросы, издевательства, избияния, многочасовые стояния. Что-то не помню, что бы кто-то видел документа в архивах ЦК, Партии, Правительства, санкционирующего арест ведущих врачей страны, кстати, лечивших всех присутствующих на этом заседании членов бюро (Л. Берия, Н. Булганина, К. Ворошилова, Л. Кагановича, Г. Маленкова, М. Первухина, Л. Брежнева и др.)

Для подготовки к еврейской депортации проводилась устная приказная работа. Так что и искать документы не только бесполезно, но и (с точки зрения профессионала историка) ничем не обосновано; и строить целую «антидепортационную» теорию на факте отсутствия документов о подготовке к депортации — неправильно.

В течение января-февраля 1953 года подготовительная работа уже шла форсированными тем-

пами, в виде юдофобской ванханалии в газетах и журналах, и в виде подготовки пресловутого письма «выдающихся», «элитных» евреев — числом около сотни. Тиран считал, что времени у него достаточно, свою смерть он не планировал так скоропалительно. А профессионалу-историку стоило бы посчитать дни и сделать соответствующие «профессиональные выводы» о том, что подготовка к бандитской акции в СССР, как это было и ранее, шла не на основании какого то документа, а оформлялась потом, после ее завершения. Несмотря на отрицание в исторической науке сослагательного наклонения, с большой долей вероятности можно предположить, что если бы Сталин не успел умереть, то, как и раньше (смотри приведенные выше примеры) он наверняка придумал бы *post factum* своему незаконно внешнюю легитимность и облек бы, как это делал раньше, свое единоличное решение о проведении масштабных противоеврейских репрессивных мер в форму то ли указа Президиума Верховного совета СССР, то ли Политбюро, то ли Совмина. А органы, возглавляемые министром С. Игнатъевым за подписью его зама — С. Огольцова (убийцы Михозлса С.) представили бы ему краткий отчет о проведенных (не о планируемых, а уже проведенных) мероприятиях по уничтожению евреев. Но это уже недозвоненная, но вполне реальная глагольная категория, выражающая возможность действия, до которых мы, слава Богу, не дожили.

Так что нечего искать того, чего не было и не могло быть!

С уважением — Федор Лясс

ХАИМ ВЕНГЕР

ПО ПОВОДУ ДИСКУССИИ О ДЕПОРТАЦИИ СОВЕТСКИХ ЕВРЕЕВ

Во втором номере международного еврейского журнала «Новый век» тщательно и разносторонне прослеживается трагическая судьба евреев Советского Союза за период с 1946 по 1953 год. Раздел журнала, названный «Депортация евреев — 1953. Миф или реальный план?», посвящен дискуссии между теми, кто считает этот план мифом и теми, кто доказывает неизбежность депортации советских евреев, не умри «гениальный ленинец» в марте 1953 года. На мой взгляд, наиболее обстоятельно доказал реальность готовящейся акции врач и публицист Федор Лясс. Отвечая тем, кто отрицает реальность этой акции ввиду отсутствия соответствующих документов, он, в частности, утверждает, что живое свидетельство не менее достоверно, чем мертвая бумажка. И приводит сви-

детельства, собранные им при личном контакте с компетентными в этом вопросе людьми, или черпнутые им из печатных источников.

Я полностью согласен с доводами Федора Лясса тем более, что сам располагаю такими свидетельскими «показаниями». Причем, одним из свидетелей, знавших и рассказавших мне о готовящейся депортации, был контр-адмирал военно-морского флота СССР Александр Яковлевич Юровский, с которым я работал в одном институте и дружил в течение шестнадцати лет. А для того, чтобы его свидетельство прозвучало наиболее убедительно, я должен рассказать об этом неординарном человеке. Но невозможно, рассказывая об Александре Яковлевиче, хотя бы бегло не поведать о его отце — Якове Михайловиче Юровском. Как известно, именно он привел в исполнение решение Уральского Совета о ликвидации семьи Романовых, базирующееся, что менее известно, на директиве Ленина, Свердлова и Дзержинского. В то время Яков Михайлович Юровский являлся членом коллегии Екатеринбургского Губчека и комендантом Дома Романовых. По иронии судьбы Николай II записал в своем дневнике, хранившемся в закрытом фонде Ленинградской публичной библиотеки (цитирую по памяти): «... Нам прислали нового коменданта, некоего Юровского. Видимо, он человек порядочный, ибо нас стали лучше кормить, и вернули все драгоценности...». После падения Екатеринбурга Юровский ушел в подполье. Но его отец и мать продолжали открыто жить в городе. Контрразведка Колчака арестовала родителей чекиста. Но, убедившись, что они не знают, где он скрывается, и не причастны к его делам, выпустила стариков на свободу! После того, как большевики отбили город, Юровский становится председателем Губчека. Затем командует одним из двух «золотых эшелонов», которые везли с Урала в Москву слитки золота. После выполнения этого ответственного, полного опасностей задания, Ленин, по рекомендации Дзержинского, назначает Юровского комендантом ГОХРАНа — Государственного хранилища ценностей. Слитки золота, платину, драгоценные камни, по удивительному недосмотру властей, стерегли охранники, работавшие там при царском режиме. Сколько золота и драгоценностей было в то время похищено, сколько переправлено за кордон! Но Юровский порядок в ГОХРАНе навел: 11 человек он отдал под трибунал, приговоривший их к расстрелу, остальных уволил, заменив надежными людьми.

После двух лет работы в ГОХРАНе дала себя знать старая, приобретенная в тюрьмах и ссылках язва желудка, и Юровского перевели на почетную,

но мало к чему обязывающую должность директора Политехнического музея в Москве.

На этом посту застал Юровского 37-ой год. Топор обошел его стороной. А его дочь Римма и ее муж, видные партийные работники, попали в сталинскую мясорубку: их приговорили к двадцати годам лагерей. Потрясенный арестом дочери, в которую безоговорочно верил, Юровский написал письмо Сталину. В нем он обращался к нему не как любящий отец, а как чекист с дореволюционным стажем подпольной работы, заверяя генсека, что от него не могла бы укрыться враждебная государству деятельность дочери и он ручается, что ни она, ни ее муж ни в чем не виноваты. Письмо осталось без ответа, а убитый горем Юровский умер от прободения язвы желудка.

Вот теперь пора рассказать об Александре Яковлевиче Юровском. Благодаря отсутствию логики в сталинском произволе (об этом писал, в свое время, Илья Эренбург) Александр Яковлевич в 1937-ом году не пострадал, хотя был капитаном первого ранга и командовал военным кораблем. Более того, он взял на воспитание двоих сыновей репрессированной сестры. И этот шаг никак не отразился на его военной карьере. Через несколько лет Юровскому присвоили звание контр-адмирала и назначили заместителем начальника артиллерийского управления военно-морского флота СССР. На этом посту он встретил Отечественную войну. Юровский руководил работами по установке пушек крупного калибра на кораблях Балтийского флота, защищавших Ленинград с моря. По долгу службы он неоднократно присутствовал на заседаниях Ставки Верховного Главнокомандующего. После победы над фашистской Германией, Юровский присутствовал на недоброй памяти праздничном банкете в Кремле. Тост, провозглашенный Сталиным, «за великий русский народ», как известно, послужил сигналом последовавшему затем разгулу антисемитской вакханалии. Тут уместно сообщить читателям один весьма любопытный факт. Чтобы обладать свободой передвижения по России, Юровский принял лютеранство. Когда же Советская власть отменила понятие «вероисповедание» и ввела в паспорт графу «национальность», Яков Михайлович записался евреем. Так же поступил и его сын Александр Яковлевич Юровский. За что и поплатился. В начале 1952 года, брошенный на растерзание «тройке», он держался мужественно. На вопрос, почему у него в управлении так много лиц «некоренной» национальности, ответил, что ему не знаком такой принцип подбора кадров. И все же Юровскому повезло: его не расстреляли, а «всего лишь» посадили в тюрьму. В 1953 году, вско-

ре после смерти Сталина, Юровского освободили, вернули все ордена. Выйдя в отставку, он переехал в Ленинград и стал работать в институте, где через несколько лет довелось трудиться и мне.

Несмотря на все пережитое им и его семьей он оставался, как тогда говорили, истинным ленинцем, беспредельно преданным делу партии. Он свято верил официальной пропаганде, каждому печатному слову. Когда, после разоблачений Хрущева, пресса клеймила культ личности Сталина, да и самого «вождя народов», Александр Яковлевич рассказал мне о намерении вождя «окончательно решить еврейский вопрос», выселив наш народ туда, где его ждали мучения, болезни, гибель. Рассказал о том, что на запасных путях уже стояли готовые к отправке эшелоны. Свидетельство такого человека, как Юровский, безусловно, заслуживает доверия и потому, что он обладал мало кому доступной информацией, и потому, что никогда не сказал бы то, в чем был неуверен, тем более, если это могло повредить престижу его «родной коммунистической партии».

Второе свидетельство исходило от нашей соседки по коммунальной квартире. Пробыввшись в партбюро крупного завода, она не узнаваемо изменилась. Как-то, в разгар Дела врачей, соседка по-хозяйски, без стука, вошла к нам и стала внимательно разглядывать потолок, осматривать стены и оконные рамы.

- Чего это ты, Катя? — удивилась моя бабушка.

- Ну, как же, Анна Ефимовна, — спокойно ответила ей Катя, — разве Вы не знаете? Скоро всех евреев выселят из Ленинграда, и я буду просить, чтобы мне отдали ваши две комнаты. Вот я и смотрю: надо будет в них делать ремонт или нет?

- Знаешь, Катя, — сказала ей сдержанная и очень доброжелательная старушка, — ты до этого не доживешь...

И оказалась права.

Валерий РУБИН

ПЕТР ШАФИРОВ – «ПТЕНЕЦ ГНЕЗДА ПЕТРОВА»

Оглядываясь на историю появления на берегах Невы будущей столицы государства российского, невозможно не обратить внимания на целую плеяду сподвижников Петра I, среди которых всеми исследователями особо выделена «великолепная четверка»: вице-канцлер Петр Шафиров, глава русского торгового представительства в Вене и Амстердаме Абрам Веселовский, первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга Антон Дивьер и придворный шут Ян Лакоста. Все – крещенные евреи. Выкресты, иными словами, евреи, перешедшие в православную веру. Умный и дальновидный царь-реформатор приблизил их к себе, рассчитывая на их преданность и таланты, могущие сослужить добрую службу отчеству. Самым значительным, сделавшим по тем временам немыслимую карьеру, «птеном из гнезда Петрова» по праву считается Петр Шафиров.

Начнем нашу «попытку исследования предмета» с беглой, с очевидными пробросами, сухой биографической справки о П.П. Шафирове, почерпнутой нами из книги Шикмана А.П. «Деятели отечественной истории», явленной свету в Москве в 1997 году.

Шафиров Петр Павлович (1669 — 1739, Петербург) — государственный деятель, дипломат. Отец Шафирова до крещения именовался Шая Сапсаев, ребенком был взят в плен «у прусского рубежа» и в 1659 записан в холопы к окольному Б.М. Хитрову. Петр Шафиров в 1691 поступил на службу переводчиком в Посольский приказ и, владея несколькими иностранными языками, смог быстро выдвинуться. Во время Великого посольства — русской дипломатической миссии в Западную Европу в 1697 - 1698 годах — на Шафирова обратил внимание Петр I и приблизил его к себе. Шафиров участвовал в подготовке русско-датско-польского союза 1699 и русско-польского союза 1701. В 1703 Шафи-

ров был назначен секретарем Ф.А. Головина и введен в курс всех дипломатических дел. В 1709 был назначен подканцлером и управляющим почтами. За участие в подписании брачного договора между царевичем Алексеем Петровичем и Софьей-Шарлоттой Брауншвейгской Шафиров был удостоен титула барона. После неудачного Прутского похода 1711 Шафиров, отправленный посланником в Турцию, проявил незаурядные дипломатические способности, добившись сравнительно легких условий мира; подписал в 1713 Адрианопольский договор, предотвратив новую войну с Турцией. Вернувшись в Россию в 1714, Шафиров принял участие в подписании союзных договоров с Польшей и Данией (1715), с Пруссией и Францией (1717). В 1717 при учреждении Коллегии иностранных дел Шафиров был назначен ее вице-президентом. В 1722 он произведен в сенаторы и становится действительным тайным советником. В 1723 в результате борьбы с А.Д. Меншиковым был обвинен в казнокрадстве, приговорен к казни, замененной ссылкой в Нижний Новгород. В 1725 был возвращен из ссылки Екатериной I и назначен президентом Коммерц-коллегии. При Петре II находился в отставке. В 1730 году возвращен на дипломатическую работу и направлен послом в Иран. С 1733 года и до конца жизни занимал пост президента Коммерц-коллегии.

Из других источников нам известно, что на госслужбу Шафиров был выдвинут влиятельным сановником Ф.А. Головиным, который назначил его своим тайным секретарем, а уж потом преемник того канцлер Гавриил Иванович Головкин произвел Шафирова в вице-канцлеры, коим тот оставался долгие годы, управляя Посольским приказом /по нынешним меркам — Министерством иностранных дел/. По окончании бурного периода дипломатической активности Шафиров сел за написание труда, принесшего ему заслуженную славу. Основным содержанием «Рассуждений о причинах войны» было обоснование необходимости для России завоевания контроля над Балтикой. Дважды переизданная книга была высоко оценена царем, и Шафиров в 1722 году удостоен звания сенатора. Высокий титул, однако, не защитил его от обвинений во взяточничестве и казнокрадстве. Особой комиссией в составе 10 членов сената Шафиров в 1723 году лишен чинов, имения и приговорен к смертной казни, в последний момент замененной ссылкой в Нижний Новгород, где он содержался с семьей под домашним арестом — «крепким караулом» — на 33 копейки в день вплоть до смерти Петра I. По поручению своей благодетельницы Екатерины I, вернувшей Шафирова в Петербург, приступил к составлению истории царствования Петра Великого, попутно выполняя при этом возлагаемые на него важные дипломатические миссии в ранге президента Коммерц-коллегии. В 1730 году Шафиров подписывает в Гилане мирный и торговый договор с персидским шахом. В 1733 году возвращается в сенат. В 1734 вместе с бароном Остерманом заключает торговый договор с Англией. Генеалогическое древо Шафировых по-своему любопытно. Отец его Павел Филиппович, по всем статьям нормальный еврей, родился в Смоленском воеводстве, после переезда в Москву был крещен, что дало ему возможность поступить на службу в Посольский приказ, как человеку, знающему несколько иностранных языков. За заслуги по ведению торговых операций с заграничными купцами и в работе переводчиком получает от царя Федора Алексеевича дворянство. Родившийся у него в 1669 году сын Петр пошел по стопам отца, овладев еще в юности французским, немецким, польским и голландским языками. Согласно преданию, царь Петр впервые увидел будущего вице-канцлера в торговой лавке купца Евреинова за чтением книг на латыни. Существует расхожее мнение, что реформы Петра I открыли двери в Россию всем иностранцам. Возможно, это и так, но что касается евреев, придерживавшихся иудейской веры, сомнительно. Вот один из примеров. Группа голландских евреев передала царю, во время пребывания того в Амстердаме, просьбу о разрешении въезда в Россию для занятия торговлей, суля огромные прибыли от коммерции российской казне. Поговаривают даже, что негласно царю предлагалось сто тысяч гульденов в виде «подарка», на что Петр якобы отвечал бургомистру

города Витзену вполне однозначно: «Вы знаете евреев, их характер и нравы, знаете также русских. Я тоже знаю и тех и других, и поверьте мне: не настало еще время соединить обе народности. Передайте евреям, что я признателен за их предложение и понимаю, как выгодно было бы им воспользоваться, но мне пришлось бы пожалеть их, если бы они поселились среди русских». «Пожалеть»... вот так-то! При желании к сказанному можно было бы присовокупить и другое высказывание Петра I, характеризующее его личное отношение к инородцам: «Для меня все едино, был ли человек крещен или обрезан, лишь бы он был порядочный человек и хорошо знал свое дело». Был бы человек хороший... Увы, появление евреев в российских городах вызвало, мягко говоря, неоднозначную реакцию и у знати, и у гольтыбы, а уж о духовенстве просто помолчим. Остается фактом: Петербург в петровские и последующие времена оставался закрытым городом для евреев. Добавим — за редким исключением из общего правила, к которым с легким сердцем можем отнести и Петра Шафирова. Для остальных неукоснительно соблюдалось положение манифеста царя от 1702 года, где Петр Великий самолично высказался против приглашения евреев в Россию среди прочих «искусных иностранцев».

Итак, при Петре I в столице России свободно жили несколько приближенных к царю крещеных евреев, что можно считать доказанным историческим фактом. Надо сказать, платили они высокому покровителю сторицей. Петр Шафиров во время неудачного для русской армии Прутского похода был послан на переговоры с турками для замирения. С присущей ему ловкостью он так выстроил линию поведения, что сумел выторговать со стороны турок важные уступки, что при довольно значительных территориальных потерях /сдача крепости Азов/ дало возможность России сохранить лицо. Сыграли свою роль и преподнесенные им главнокомандующему турецкой армией Мехмет-паше в виде подарка /взятки?/ драгоценности императрицы, стоившие, что там говорить, немалых денег. /По другой версии императрица просто-напросто отдается усатому турецкому военачальнику, а Шафиров провозглашается спасителем России. Но это уже — оттенки/. Оставаясь в Стамбуле в течение двух с половиной лет в качестве живого залога в приложении к договору, Шафиров не потерял присутствия духа и по возвращении из фактического плена был награжден царем Андреевским крестом со звездой и лентой, высшей наградой империи. Обласканный самодержцем, он принимает участие в суде над наследником престола — царевичем Алексеем и вообще находится в большом фаворе вплоть до того момента, когда его угораздило рассориться с обер-прокурором Сената. Для разрешения спора была создана специальная комиссия, неожиданно пришедшая к выводу о том, что Шафиров скрывает ...свое еврейское происхождение. К тому же он был обвинен в казнокрадстве. Было так или не было, — история умеет хранить многие тайны. Приговоренный к казни, Шафиров по-христианскому обычаю перекрестился, прежде чем положить голову на плаху. Тут же был зачитан царский указ о его прощении и замене казни на ссылку в Сибирь, впрочем, до этого не дошло, и верноподданного Шафирова поселили под надзором в Нижнем Новгороде.

В том, что царь-реформатор сподобился применить свои недюжинные таланты в том числе и в кадровой политике, большой неожиданности нет. Можно смело утверждать, что это был первый опыт такого рода — попытка решить еврейский вопрос в масштабах если не Руси, то Петербурга — точно. Но вот что интересно и важно: если Петр Алексеевич на «еврейский вопрос» смотрел скорее под углом целесообразности привлечения инородцев (и евреев, в частности) к управлению государством, то для его преемников во весь рост встала проблема взаимодействия и сосуществования двух религиозных общин на едином территориальном пространстве. Как царь-прагматик Петр I исходил из интересов государства, прекрасно понимая, что шансов стать наравне с титульной нацией у евреев нет и не предвидится. Евреи не имели права собственности на землю, им запрещалось

работать в промышленности и сельском хозяйстве. Со смертью Петра Великого положение евреев лишь усугубилось. Императрица Екатерина I, продолжая курс покойного супруга, распорядилась о полной «зачистке» России от евреев.

Как вам понравится выражение «умеренно-негативное» отношение — применительно к евреям? Между тем именно его использует питерский литератор А. Кац, говоря о позиции русских царей в отношении своих холопов иудейского вероисповедания. Можно быть уверенным, что она /позиция/ находит горячих приверженцев и по сей день. Давайте познакомимся с ходом мыслей одного из гигантов российской национально-патриотической идеи, нашим современником г-ном А.Севастьяновым. «Чего от нас хотят евреи?» — вопрошает он в одноименной статье.

Как известно, евреев, после их изгнания с русской земли совместным решением князей в 1113 году и до раздела Польши в 1772 году, в нашем государстве почти не было — во всяком случае, в массовом количестве. Но отдельные особи встречались. К числу последних относится внук выкреста Шафира, известный сподвижник создателя Российской Империи — Петр Шафиров (1669-1739), лишенный Петром Первым в 1723 году чинов и имущества и сосланный в пожизненную ссылку, но умерший, тем не менее, на посту президента Коммерц-коллегии. Сама фамилия его говорит о принадлежности к влиятельному роду. Дело в том, что еврейская традиция вообще не предполагает фамилий; их массовое появление в XVII-XIX вв. — дань европейской традиции. Причем, евреи попросту брали себе фамилии либо по имени родителей (Малкин, Залкин, Дворкин, Абрамович и т.п.), либо по месту жительства (Краковский, Пинский и т.п.), роду занятий, касте (Левитин, Рабинович, Резник, Коган и т.п.). Богатые же и высокопоставленные евреи предпочитали фамилии поцветистее, производя их, например, от благородных металлов (Гольденберг, Зильберквит и т.п.), цветов (Розенблюм, Лилиенфельд и т.п.) или драгоценных камней (Рубинштейн, Перельман, Бриллиант и т.п.). К последним относится произведенная от самоцвета сапфира (Saphir, Shaphir) фамилия «Шапиро» во всех ее разночтениях (Шафир, Шапир, Сапиро, Сэфайр, Сапгир и даже Снапир).

Петр Первый, перестраивая страну на имперских принципах, как правило, брал «кадры» для этой перестройки откуда только мог — от немцев, голландцев, англичан, французов, шотландцев, итальянцев и даже арапов (Ганнибал). Не поворачивается язык его за это упрекнуть: русские дворяне — новый класс, который в результате реформ взял страну в свои руки, отодвинув прежних хозяев (боярство и церковь), — еще не могли в достаточном количестве поставить своих профессионалов государственного строительства.

В числе инородцев, привлеченных Петром к работе, был и выходец из непростого еврейского рода — переводчик Посольского приказа Шафиров. Именно он, хорошо владея латынью, сконструировал и впервые ввел в русский лексикон слово «патриотизм», употребив его в своем «Рассуждении, какие законные причины е.в. Петр Великий к начатию войны против короля Карла XII Шведского в 1700 году имел», выдержавшем три издания в 1716-1722 гг. На это указала кандидат исторических наук Л.Н. Вдовина в статье «Что есть «мы»? (Русское национальное самосознание в контексте истории от Средневековья к Новому времени — М., АНКО, 1993).

В глазах вышеозначенных господ евреи как были, так и останутся инородцами, где бы они ни проживали — на исторической ли, на доисторической ли родине... «Вглядимся» в портрет Шафинова, писанный мастером жанра, — Алексеем Толстым.

Близ Петра Алексеевича сидел, раздвинув короткие ляжки, Петр Павлович Шафиров, прибывший с фельдмаршалом из Москвы, — низенький, с влажными, улыбающимися глазами, готовыми все понять на лету. Петр давно присматривался к нему — достаточно ли умен, чтобы быть верным, по большому ли хитер, не жаден ли чрезмерно? За последнее время Шафиров из простого переводчика при Посольском приказе стал там большой персоной, хотя и без чина.

- Опять напугал, напетлял! — сказал Петр Алексеевич, морщась. Шафиров взмахнул маленькими руками в перстнях, сорвался, наклонился и скоро, точно перевел темное место.

- А, только-то всего, а я думал — премудрость, — Петр сунул гусиное перо в чернильницу и на полях рукописи нацарапал несколько слов. — По-нашему-то проще... А что, Петр Палыч, ты с фельдмаршалом пуд соли съел, — стоящий он человек?

Сизобритое лицо Шафирова расплылось вширь, хитрое, как у дьявола. Он ничего не ответил, даже не из осторожности, но зная, что немигающие глаза Петра и без того насквозь прочтут его мысли.

Хорош, правда, «птенец гнезда Петрова».

Примерно о том же, о пройдохе-придворном, о Шафирове и прочих еврейских людишках, живописует и мало знакомый широкому читателю Александр Родионов в главке, посвященной Хивинскому походу царя Петра I.

Слушая ласково стелящиеся слова, а им особую сердечность придавал перевод Петра Шафирова, царь глядел на толпящихся искателей русского торгова и молча вспоминал свое первое визитование Амстердама: «...А не те ли здесь доброжелатели русского купечества, которых навязывал мне мой приятель Витзен?»

Много их тогда, много терлось вокруг петровской свиты — искателей новых торговых просторов, но царь, не желая попасть впросак с незнакомым народом, и словом круглошапочных не удостоил... А теперь вот Шафиров ласково все обставил.

Не глядя на своего вице-канцлера, царь спросил его:

- А не родственны ли они тебе, эти надоедливые люди?

- Нет, ваше величество. Но люди хорошие... — попытался смягчить недовольный тон Петра вице-канцлер.

- За чужих так не пекутся. — Петр при этом остро глянул в лицо Шафирову. — Ты скажи мне по совести, они — иудейского закону?

Шафиров, повинувшись взгляду царя, кивнул покорно.

- И они все еще готовы вручить мне в руки сто тысяч гульденов?

Еврейские купцы переглянулись, словно ничего не поняли. Петр подтолкнул Шафирова:

- Ты ведь был со мной рядом в те дни. Напомни им про их жидовское домогательство до наших торгов еще двадцать лет назад. Я и тогда еще Витцену в конверсации трактовал, что я хотел бы видеть у себя в торговых частях магометан либо язычников, нежели жидов. Они плутуют сплошь да рядом. И потому не будет жидам в моем отечестве ни кровли, ни торговли! И ты им скажи, не следует воровски подкатываться ко мне через моих ближних, ради авантажного альянса!

Предчувствуя нежданную грозу, Шафиров налился кровью, побурел, потупился и что-то ответил еврейским торговцам, и они уже затоптались уходить, но в петровских глазах заплясал бесенок:

- Да пусть не спешат. Одного я могу пригласить в мое государство на хорошую должность.

Шафиров перевел слова царя, и купцы вспыхнули глазами: «Должность при русском царе!!! Кто не мечтает о таком! Кто такое счастье упустит?!»

Держа деловую мину на лице, Петр растолковал:

- При моем дворе служит один ваш сродник, некий Ла Коста — португальский выходец. И не смотря, что он жидовин, он занимает весьма важную должность моего советника. Понеже ему в русской земле маклером быть не от чего, то я определил его в шуты. Шут он изрядный, скоро я повышу его в звании. Ла Коста будет королем самоедов и станет управлять «шитыми рожками» при моем дворе, а именовать его надлежит титулярным графом и церемониймейстером увеселений. Когда место его освободится, кто из вас готов ехать шутом в Петербург?

Амстердамские купцы-евреи выслушали бывшего лавочника московского, а ныне дипломата царского Шафирова, переглянулись и, показывая спины, удалились — профессии никто из них менять не захотел. Шафиров крутнул пальцем у виска, глядя им вслед.

Над своей шуткой смеялся только царь Петр, да мелко подрагивали над позументом воротника три подбородка Шафирова. Он, насилуя себя, изображал веселый смех, на-

столько веселый, что и слова не высказать: «Глупые, счастья своего не знают...»

Ладно, г-на Родионова, мало кто читал. Но вот перед нами Николай Коняев, известный российский писатель и патриот, вследствие кризиса жанра перешедший на исторические анекдоты, приправленные добрым народным юмором. Нашлось там место и русскому еврею Шафирову, коего к «людскости» приучать надобно. Вроде как бы нелюдь пока, то есть...

Петр Первый великим полководцем был.

Правда, иногда и у него промашки получались...

Вот однажды он в поход на турков пошел.

- Пошли-ка, ребята, — сказал, — на турков ходим. Побьем их маленько, а то чего-то давно они небитые.

Но турки не знали о решении Петра и сами окружили его со всей армией на Пруте.

Однако Петр не растерялся.

Вызвал Шафирова и сказал:

- Ты, Шафиров, один у меня умный. Поезжай к туркам, скажи, что я им все отдам, если меня живым выпустят. Поселюсь в Петербурге у себя, буду там жить на старости, в окошко на Европу глядеть...

- Гыр-гыр! — Шафиров отвечает. — Пошто, государь, поганым туркам державу таки отдавать? Им и денег хватит, а держава, гыр-гыр, нехай нам останется.

- Делай, как знаешь! — ответил Петр. — А мне только бы живу остаться.

Шафиров откупился от турков деньгами, отпустили турки Петра с его армией.

- Эх, голова, голова! — сказал тогда Петр. — Не быть тебе на плечах, если б не была так умна!

А Меншиков, слышавший эти слова императора, спросил:

- А пошто пасмурной-то такой, Петр Алексеевич?

- Так державу ведь, Сашка, жалко... — ответил Петр. — Я же ее яврею отдал.

- Да ну тебя, камарад... — сказал светлейший. — Повесь Шафирова этого, да и дело с концом...

- А ведь ты правду сказал, Сашка... — подумав, сказал Петр и уже радостней повторил. — Эх, голова, голова...

- Да! — сказал он. — Прав ты, камарад... Все равно ведь и Шафирова к людскости надо приучать.

... Погорел орденоносец государства российского на мздоимстве. Так сказывают.

О том, как воровали на Руси испокон веков, о том, как чиновники удовлетворяли свои личные потребности за счет государства, мы слышаны. Зачисляют в теплую компанию казнокрадов во главе с царевым «мин херц», генерал-губернатором Александром Даниловичем Меншиковым, и Петра Павловича Шафирова. По одной из бытующих версий что-то они там не поделили меж собой. Может, всего-то и хлопотал Шафиров насчет теплого местечка для своего брата Михайлы, — кто знает, — только вышел скандал. «Светила» Шафирову плаха, кабы не прошлые заслуги перед царем и отечеством. И угодил первый почт-директор Петр Шафиров /была у него и такая должность/, как упомянуто выше, в места не столь отдаленные. Финита ля комедия...Развязка близка. И посему бросим прощальный взгляд на выдающегося еврея той эпохи глазами не менее выдающегося критика эпохи нашей. Спасибо Владимиру Шпакову за то, что он есть. Разделал Давида Маркиша с его романом «Еврей Петра Великого или Хроники из жизни прохожих людей» /серия «Метро», СПб, Лимбус Пресс, 2001/, а заодно еще раз прохвостов-евреев под орех. И казней на Красной площади не было, и пьянства на Руси не было, а уж дразнилка «если в речке нет воды, значит, выпили жида» — и вовсе враки, — пишет в рецензии Владимир Шпаков. И вообще, «еврейская тема» звучит у Маркиша и в трудах историков на слишком высокой ноте. И в политике, дескать, и в житейских буднях представители

«избранного народа» играли и играют ничтожно малую роль. Не по чину-с оказаны знаки внимания...

Что верно, то правильно. Истины ради стоит отметить, что Д. Маркиш себе на беду оказался прочитан и маститым Самуилом Лурье.

... Автор /Маркиш/, по словам критика /Лурье/, ни больше ни меньше, как «позаимствовал» – так и написано черным по белому – сюжет книжки из оперы Верди «Риголетто». В том же калашном ряду Лурье поместил подвиг Шафировова, — помните, когда он привел русскую царицу на поругание турку поганому в его шатер...

Замечу мимоходом по поводу «странных сюжетов», осмеянных мэтрами, что нет, таки оставили евреи в истории России след добрый. Признаться, по мне Давид Маркиш не более тенденциозен, чем Алексей Толстой в жизнеописании нелегкой, можно сказать, трагической судьбы нескольких евреев, выдвинутых Историей на авансцену жизни /или наоборот, жизнью на авансцену Истории?/ в жестокую петровскую эпоху?..

«Рабами мы были...» Тысячу раз прав писатель Маркиш, определяя евреев без различия званий и титулов как «прохожих людей». Еврей – это не человек, а раб судьбы, свидетель истории человечества с первого дня Творения, прохожий на обочине дороги в будущее, ибо избран на служение Всевышнему, и не отвертеться ему от своей тяжелой ноши ни за что и никогда. И потому еврей – наднационален. Эдакий космополит вселенского масштаба. Однако, боюсь, дорогой мой читатель, утомил я тебя. Пора и честь знать. И грех не сказать напоследок того, что я обо всем этом думаю. Конечно же, и государство российское, и славный град, носящий имя императора Петра, по совести говоря, мало что связывает, скажем, с Новой Голландией /Нью-Йорком, то есть/, этим прибежищем, плавильным котлом для иммигрантов всех статей и оттенков. В кадровой обойме русского царя, действительно, нашлось место и швейцарцу Лефорту, и русскому Меншикову, и еврею /пусть, крещеному/ Шафирову. Но все эти, с позволения, новые русские нужны были Петру Великому постольку, поскольку отменно знали то или иное ремесло, оказавшись в нужный момент в нужном месте на голову выше конкурентов, — за что те их справедливо не слишком жаловали. Петр, как известно, спешил, очень спешил: поджимало время, чернь, духовенство, двор... Что ж удивительного в том, что царский выбор был продиктован чистым прагматизмом: поскорее заполучить готового «этнического» специалиста, управленца, когда своего домашнего, русского по крови, взять негде!.. Команду Петр Алексеевич подбирал по принципу: во-первых, беспрекословной преданности, во-вторых, людей незнатных, готовых головой отвечать за содеянное в задуманных им реформах, и, в-третьих, талантливых. Радостно, что, по крайней мере, в наших с вами соплеменниках он не ошибся. В главном деле той эпохи, строительстве «окна в Европу», они проявили себя изрядно, оставшись в благодарной памяти потомков и как сподвижники Петра, «птенцы гнезда Петрова», и как еврей-первопроходцы, внесшие заметный вклад в основание северной столицы России.

ЕВРЕИ ЛЕНИНГРАДА

*«Что тогда был Петербург?
Пустыня; теперь же ведь это Бердичев!»*

*Н.Н. Из впечатлений минувшего века.
Воспоминания среднего человека.
(ЕС, №8, 1915, с.187-188)*

Выходцы из еврейской среды, крещеные и некрещеные, появились в Санкт-Петербурге (с 1914 г. — Петрограде) с момента его возникновения в 1703 г.¹ Это были в основном иностранцы — врачи и финансисты, в услугах которых нуждались двор, государство и армия. Они исчислялись единицами. В целом же в России 18-го века преобладала атмосфера нетерпимости по отношению к евреям. Так, во времена Елизаветы Петровны, у португальского врача Антония Санхеса (Санчеса), почетного члена Российской академии, была в 1748 г. отобрана пенсия — на основании лишь подозрения в том, что он, будучи родом из португальских марранов, тайно исповедовал иудаизм. Десятью годами раньше, в годы правления Анны Иоанновны, в Петербурге были публично преданы сожжению отставной капитан-поручик флота Александр Возницин и откупщик из Смоленской губернии Борох Лейбов. Первый из них был приговорен к казни за переход в «жидовскую веру», а второй — за его совращение.²

После трех разделов Польши (1772, 1792 и 1795 гг.) и присоединения к России территорий, густо заселенных евреями, в Петербурге образовалась маленькая еврейская колония финансистов, откупщиков, купцов, поставщиков армии и двора. Позднее к ним присоединилось некоторое число ремесленников, переселившихся из Латвии и Белоруссии. Вслед за принятием закона о воинской повинности евреев (1827 г.) в городе появилась новая социальная группа евреев — семьи нижних армейских чинов.

Характерной особенностью еврейской колонии столицы уже тогда являлось наличие в ней лиц, принимавших на себя, по назначению или добровольно, роль представителей и ходатаев (на иврите — штадланам) всего русского еврейства перед верховной властью. Эти представители, используя свою близость к правительству и связи при дворе, стремились облегчить ограничительные законы о евреях, оправдать еврейский народ в случаях несправедливых наветов, содействовать благоприятным заключениям правительственных комиссий по еврейскому вопросу и влиять на русское общественное мнение в выгодную для евреев сторону. Одним из первых примеров такого заступничества является книга Лейбы Неваховича *Вопль дщери иудейской*, опубликованная в 1803 г. и положившая начало русско-еврейской литературе. Ту же идею выражало и название переведенной в 1871 г. из Одессы в Петербург еврейской газеты Хамелиц (*Заступник, Посредник — иврит*).

Эта специфическая черта лидеров петербургской еврейской колонии — представительство перед правительством интересов народа, отдаленного от столицы сотнями верст, еще ярче проявилась в годы реформ Александра-Второго, когда евреи стали надеяться на получение гражданского равноправия, а их многочисленные ходатайства по этому поводу собирались в Петербурге и передавались властям группой финансовых магнатов во главе с бароном Евзелем Гинцбургом (а позднее — его сыном Горацием).³

На это же время приходится быстрый численный рост петербургского еврейства, последовавший за разрешением (конец 1850-х — 1860-е) селиться вне «черты оседлости»

Михаэль БЕЙЗЕР — многолетний отказник в Ленинграде, читал лекции и проводил экскурсии по теме «Евреи в С.Петербурге – Петрограде – Ленинграде». После репатриации в Израиль издал две книги по этой теме. Ниже приводится фрагмент из второй книги М. Бейзера, удостоенной премии за лучшую книгу о Санкт-Петербурге, написанную иностранцем.

некоторым «полезным» с точки зрения правительства категориям евреев, в том числе наиболее богатым и образованным из них, а также дипломированным ремесленникам и отставным солдатам. При этом для ремесленников, например, право на жительство было обусловлено постоянным занятием только своей профессией, что вечно угрожало высылением в случае потери работы, смерти кормильца и т. д. Подобные законы вместе с конкуренцией более качественного столичного ремесла заставляли многих ремесленников, имевших право переселиться в столицу, предпочитать полуголодное существование в «черте оседлости» полной неуверенности в своем завтрашнем дне жизни в Петербурге. Законы о праве жительства впоследствии неоднократно ужесточались. Соблюдение же их всегда зависело от «видов правительства» в данный момент.⁴

В отличие от петербуржцев других национальностей, среди которых было много пришлого несемейного элемента, евреи переселялись целыми семьями. Еврейская женщина обычно не имела самостоятельных источников дохода. Поэтому среди евреев было гораздо больше «несамодеятельных».⁵ Например, в 1900 г. на 100 самодеятельных евреев в Петербурге приходилось 106 несамодетельных, в то время как у нееврейского населения на 100 самодеятельных — лишь 52 несамодетельных.

Среди столичных евреев-ремесленников многие работали портными и сапожниками, составляя в 1890 г. от одной пятой до четверти всех занятых в этих областях. Было также довольно много евреев-часовщиков, металлостов и печатников. Очень важную группу составляла интеллигенция — совместный продукт еврейского просветительского движения Хаскалы и реформ Александра Второго. Численность интеллигенции быстро росла. В 1900 г. в Петербурге было 608 евреев (мужчин) медицинских работников, 143 адвоката и ходатая по делам, 175 деятелей науки, литературы и искусства; в 1913 г., когда численность евреев в столице приблизилась к 40 тыс., они составили 22% всех присяжных поверенных, 44% помощников присяжных поверенных, 17% врачей, 52% дантистов.⁶ В Петербургском университете в 1894 г. обучалось 71, в 1902 г. — 123, а в 1911 г. — 661 еврейский студент.

На протяжении второй половины 19-го — начала 20-го веков непрерывно росла роль петербургского еврейства в экономической и финансовой жизни страны. Начальный капитал еврейских финансистов обычно складывался в результате занятия винным промыслом, продажа лицензий на который была важнейшей статьёй доходов государственного бюджета. В 1859 г. в Петербурге был открыт первый частный банк западного типа «И.Е.Гинцбург», вслед за которым появились крупные банки, учрежденные под эгидой Самуила Полякова и Абрама Варшавского, банкирский дом «Г.Вавельберг» и другие. Еврейские банкиры принимали участие в строительстве железных дорог, экспорте зерна, добыче золота в Сибири и во многих других отраслях. Несмотря на то, что в 1890-е — 1900-е поддержка государством еврейских банков прекратилась и часть из них пережила серьезный кризис, в предреволюционном Петрограде важные позиции заняло второе поколение еврейских финансистов, таких, как Марк Варшавский, Александр Гинцбург, Даниил Поляков, Борис Каменка, Михаил Вавельберг. Из 17 членов Совета фондового отдела Фондовой биржи в 1915 г. по крайней мере семь были евреями или происходили из евреев.⁷

В Петербурге никогда не было района с преобладающим еврейским населением. Не было и законодательства, предписывавшего, в каких частях города евреям можно жить. Уместно говорить лишь о районах, где процент евреев был выше по сравнению со средним по городу. По такому показателю с 1869 г. по 1910 г. первое место занимал 4-й участок Спасской части, где концентрация евреев была в 4 раза с лишним выше Среднегородской. Этот участок находился на торгово-ремесленном отрезке Садовой улицы, вдоль которой располагались главные рынки столицы. Там же находились многие мелкие мас-

терские и лавочки, принадлежавшие евреям, а также основные еврейские молельни 1860-1880-х.⁸ Евреи селились и на прилегающих участках Коломенской, Спасской, Казанской и других частей. После открытия в 1893 г. на одном из этих участков, 1-м Коломенском, Большой Хоральной синагоги концентрация евреев там выросла еще больше. В этих же кварталах находились многие еврейские учреждения, общественные организации, редакции и издательства. Сугубо еврейским районом виделась Коломна начала 20-го века десятилетнему Осипу Мандельштаму...

Накануне революционного 1917 года 50 000 петроградских евреев (2% всего населения города) представляли собой сильную, динамичную, сравнительно богатую и образованную общину. Они владели роскошной Хоральной синагогой и несколькими молельнями, а также содержавшимся в образцовом порядке кладбищем. Ими был основан и поддерживался целый ряд общественных организаций, имевших общероссийское значение и отвечавших запросам еврейского населения в области просвещения, образования и культуры (ОПЕ и другие), профессиональной помощи (в 1880 г. в Петербурге было основано ОРТ — Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России), содействия эмиграции (Российское отделение Еврейского колонизационного общества — ЕКО — было основано в Петербурге в 1893 г.), здравоохранения (ОЗЕ — Общество охранения здоровья еврейского населения, основанное в Петербурге в 1912 г.), социальной помощи.⁹ В городе имелись еврейские учебные заведения всех ступеней, всемирно известные собрания еврейских книг и рукописей, издавалось несколько еврейских газет и журналов. Вышла в свет шестнадцатитомная Еврейская энциклопедия.

Однако самым, быть может, главным было наличие в Петербурге значительного слоя «организованной еврейской общественности», имевшей влияние в столице и за ее пределами, активной в борьбе за гражданские и национальные права, в политической жизни, в деле помощи нуждающимся, в общинном и культурном строительстве. Немецкий философ Герман Коген, посетивший русскую столицу в 1913 г., на приеме, организованном еврейской общиной в его честь, заявил, что ни в каком другом месте Европы, кроме Петербурга, нельзя устроить собрания, где присутствовало бы так много интеллигентных лиц, проникнутых истинно еврейским духом.¹⁰ Именно эта «организованная общественность» во многом определила неповторимые черты петроградской еврейской жизни в революционном 1917 г., во время «военного коммунизма» и в период НЭПа.

Будучи жителями столицы Российской империи, петроградские евреи оказались в самой гуще революционных событий 1917 г. Они безоговорочно поддержали Февральскую революцию. Мнения разделились лишь в вопросе о степени участия в новых органах власти. Если либералы предпочитали держаться в тени и не спешили занимать посты во Временном правительстве, чтобы не провоцировать антисемитизм, то социалисты с самого начала активно участвовали в работе Петроградского совета. В этот период еврейские общественные деятели столицы подали пример другим городам в деле строительства национально-демократической общины, которой, по их замыслу, предстояло заменить религиозную и стать фундаментом еврейской национальной экстерриториальной автономии. В процессе общинного строительства и подготовки Всероссийского еврейского съезда в Петрограде, как и в Москве и других российских городах, росло влияние сионистов.

Петроградская община, еврейские партии и еврейская пресса решительно выступили против захвата власти большевиками. Практически никто из старожилов не присоединился к пучистам. Октябрьский переворот совершался руками приезжих революционеров. Похожая ситуация наблюдалась и в других городах внутренней России, где советская власть, по словам Ленина, удержалась благодаря поддержке радикально настроенных еврейских беженцев.

Разруха и лишения гражданской войны, от которой Петроград пострадал больше любого другого не переходившего из рук в руки города, привели к массовому бегству его жителей и частичному параличу еврейских общественных организаций. Однако слой национальной интеллигенции, несмотря на эмиграцию, полностью не иссяк, что сказалось на характере еврейской жизни в последующий период.

Создав одну из самых разветвленных в стране систем еврейской взаимопомощи, ленинградские деятели пробовали вернуть себе и всероссийское лидерство.

В Ленинграде дольше продержались независимые исследования и публикации по иудаике. Их уровень оставался высоким, а тематика не ограничивалась региональными рамками. Ленинградские ученые не останавливались и перед печатанием своих работ за рубежом. Перечисленные обстоятельства создали особую, неповторимую картину еврейской жизни Петрограда-Ленинграда 20-х.

Важным моментом в жизни возрожденных еврейских учреждений Ленинграда было создание автономной экономической базы, почти не зависимой от помощи зарубежных организаций. Эта база жила, с одной стороны, на сборах в синагогах, а также среди предпринимателей и интеллигенции. Другим, быть может, более важным источником стало взаимовыгодное сотрудничество старой интеллигенции с объединениями еврейских кустарей, артелями: опытные общественные деятели оказывали приезжим, незнакомым с местными условиями, кустарям помощь в организации и управлении кооперативами, обеспечивали им юридическую защиту, а те в ответ отчисляли часть своих доходов на еврейские общественные нужды, трудоустраивали безработных, зачисляли на фиктивные должности формально неоплачиваемых общественных деятелей.

Попытки возродить национальную общину окольным путем, через расширение легальных полномочий религиозной общины или создание независимых организаций социальной помощи, предпринимались и в других городах (например, в Перми, Нижнем Новгороде, Брянске, Москве, Баку) в основном вне бывшей «черты оседлости», где права религиозной общины были ограничены еще при самодержавии и где секуляризованная интеллигенция имела опыт создания светских организаций помощи, восполнявших функции, отнятые у общины. Однако, насколько мне известно, нигде эта деятельность не достигла столь широкого масштаба, как в Ленинграде.

Кампания по повсеместному закрытию синагог, развернувшаяся в 1928—1929 гг., привела к ликвидации ЛЕРО и закрытию большинства из двух десятков синагог города. В пик кампании было принято решение о закрытии и двух главных синагог страны — ленинградской и московской, однако вскоре власти передумали и оставили их верующим. Закрытые же тогда главные синагоги Киева, Одессы, Харькова, Екатеринослава так и не были возвращены.

В результате подавления независимой общественной деятельности нацменьшинств к началу 30-х почти полностью исчезла «еврейская особенность» Ленинграда. Можно даже сказать, что первенство в еврейской жизни перешло к Москве, поскольку там остались некоторые советские еврейские учреждения и издательства, представительства иностранных организаций Джойнта и ОРТ-Фарбанда, там же проживало большинство ведущих идишистских поэтов и писателей.

В Ленинграде же лидерство в религиозной жизни перешло к Хабаду, привыкшему к нелегальной работе и, быть может, готовому на большие жертвы. Только отдельные писатели и ученые не оставили еврейскую литературу и науку, однако возможности печататься на родине у них уже не было. В создавшемся общественно-культурном вакууме усилилось национальное звучание коммунистических еврейских учреждений, таких, как еврейская школа, Евдомпросвет и ЛеноЗЕТ. Опустошительный террор, подавление всех форм самовыражения нацменьшинств 1937—1938 гг. покончили и с этими последними

островками еврейской жизни. В эти годы были арестованы оставшиеся деятели еврейской культуры в Ленинграде. Наиболее жестоко пострадала синагогальная жизнь. Несмотря на отчаянные протесты верующих, практически все формы религиозной активности были запрещены; синагогальные деятели арестованы, многие из них расстреляны.

Таким образом, за прошедшие после революции два десятилетия численность евреев в Ленинграде резко увеличилась, причем их роль в хозяйственной, научно-технической и культурной жизни города выросла еще больше. Интеграция евреев в советское общество сопровождалась массовой утратой национальных особенностей, родного языка, религии и культуры, а также возможности участвовать в каких бы то ни было формах национальной жизни. Активная борьба старой еврейской общественности и религиозных лидеров задержала этот процесс, однако и им не удалось отворотить неизбежное.

История еврейского населения крупных российских городов представляет большой интерес, так как в послереволюционное двадцатилетие оно более других подверглось процессам модернизации, аккультурации, урбанизации и советизации, и позднее, после второй мировой войны, составило значительную часть еврейства СССР, определив его облик на годы вперед. Эти процессы можно проследить на примере евреев Петрограда-Ленинграда, которые по своим характеристикам более всего напоминали московских евреев и, до некоторой степени, евреев Харькова, также находившегося вне «черты оседлости».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ По истории евреев в дореволюционном Петербурге см., напр.: Л.О.Гордон. К истории поселения евреев в Петербурге. — Восход, 1881, №1, с.111-123; №2. с.29-47; Гессен, 1913.

² Бейзер, 1989, с. 57-58.

³ Г.Слиозберг. Барон Г.Гинцбург, его жизнь и деятельность. К столетию со дня его рождения.

⁴ Восемь лет (1902-1910) тянулось дело выпускницы Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов Двойры Рафайлович, которой градоначальник отказал в праве на жительство в столице, не признав, таким образом, эти курсы высшим учебным заведением (Л. Айзенберг «Виды правительства» в еврейском вопросе. Плева и еврейки-бестужевки. — ЕЛ, Сб.2, 1923, с.73-86).

⁵ Самодеятельным называлось лицо, имевшее какой-либо самостоятельный источник дохода.

⁶ Данные с выставки «Петербургские евреи в документах и фотографиях 19-20 веков» (Музей истории С.-Петербурга, 1994).

⁷ Члены Совета биржи Борис Каменка, Иосиф Кон, Григорий Лесин, М.Соловейчик и, очевидно, Владимир Фридлянский были евреями; Яков Утин и Александр Рафалович происходили из семей выкрестов (Весь Петроград, 1915, с.1181-1182).

⁸ В 1860-х действовала Купеческая синагога у Львиного мостика через Екатерининский канал (Гессен, 1913, с.945). В начале 1870-х, похоже, существовал еще временный молитвенный дом для отставных солдат и ремесленников близ Обуховского моста через Фонтанку.

⁹ О деятельности петроградских еврейских обществ см.: Бейзер, 1989

¹⁰ Слиозберг. 1934 С.309-310.

ВЕСЬ МИР

УГРОЗА РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА

Наум КОРЖАВИН

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ И СУДЬБА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Я начал писать эту статью на очередном витке так называемого ближневосточного кризиса, когда «живые бомбы» встречали хорошо организованное и оркестрованное осуждение, а то и возмущение «мирового сообщества». А ведь это был уже не «просто» террор, а совершенно новый, пока еще диковинный вид тотальной войны — через истребление гражданского населения.

Меня это волнует и как человека еврейского происхождения (у которого в Бабьем Яре погибли родные и школьные товарищи), но я всю сознательную жизнь был русским поэтом, человеком русской, следовательно, европейской культуры, мои пути совершенно естественно привели меня к христианству, и изменять себе в конце жизни я не собираюсь. И поэтому сейчас я хочу говорить не только и не столько об Израиле, сколько в связи с ним о судьбе нашей общей цивилизации. Ибо Израиль, я надеюсь, несмотря на все опрокинутые на него ушаты грязи, сейчас выживет, а насчет нашей цивилизации в целом у меня такой уверенности нет. Разумеется, речь идет о перспективе. Жизнь не прекращается и после крушения цивилизации. И всем, в том числе и Израилю, я желаю уцелеть и в этом случае (поскольку это касается жизни и смерти живых людей), но самому мне, хоть это и грех, не хотелось бы выжить при этих условиях — вне нашей цивилизации. Не интересно как-то...

Но все чаще мне кажется, что цивилизация наша гибнет — во всяком случае, в своей колыбели, в Европе. Во всяком случае, до того, как успех Ле Пена во Франции заставил многих призадуматься. Легализовав предательство, Европа в лице своего истеблишмента не заметила, что начинает предавать саму себя, не только свои ценности, к чему она привыкла, а самое себя — оказалось, что это связано.

Не остались в стороне и считающие своим профессиональным долгом соответствие современности писатели. Вот недавно приезжал в Бостон португальский прозаик, лауреат Нобелевской премии Хосе Сарамага. Отвечая на вопрос о Холокосте, он сначала объявил, что теперь Освенцим — это Дженин (город в Самарии, Западный берег Иордана — прим. ред.), но потом «поправился», что, конечно, масштабы не сравнимы, но он имел в виду накал расизма.

То, что он говорил об Израиле, теперь общепринято. Но на прием, который он использует и который нынче в таком большом ходу, — сравнение израильтян с нацистами, — следует обратить особое внимание. Это не просто ораторское хамство и не просто сваливание с больной головы на здоровую. Это способ завуалировать, скрыть от себя и других свое собственное сходство, во всяком случае, свое совпадение с нацистами. Таким, как Солана, нужно скрывать это от других, большинству — и таким, как упомянутый г-н Сарамага — и от самих себя. Г-н Сарамага не один. Английский поэт и оксфордский профессор Том Полин (Tom Paulin) объявил, что американских евреев, селящихся на «Западном берегу» надо расстреливать. Тут все на месте — весь нынешний «джентльменский набор». Обругана, хоть и косвенно, Америка, прямо — израильская оккупация Западного берега, проявлена враждебность к евреям, но в рамках. Не ко всем вообще (это еще в джентльменский набор не входит), а только к части американских, наиболее провинившейся перед передовой общественностью. Естественно, происходящее в европейских СМИ вско-

Наум КОРЖАВИН (род .1925, Киев) – известный поэт и публицист. В 1947 г. арестован за стихи с критикой сталинизма. В 1973 г. исключен из Союза писателей СССР и выехал в США. Живет в Бостоне (США). Статья печатается с сокращениями.

лыхнуло и традиционных антисемитов, воспринявших это как повод для легализации своей низменности. «Евреи напрашиваются на это, — сказал неназванный член палаты лордов, — и теперь, слава Богу, мы им можем сказать, наконец, что мы думаем» (о них, видимо). Возникает вопрос: а почему до тех пор помалкивал? — ничего себе аристократ! Впрочем, я никак не вешаю его освобожденности на других лордов, хотя читал, что в аристократических кругах антисемитизм стал моден (на основании дезинформации в СМИ). Но ведь не все следуют моде. Всколыхнулись и чистые нацисты: в свете препарированных фактов, преподносимых либеральной прессой, они, вроде бы, оказались правы. Равнодушные доводит этих прожженных реалистов до глупости, они надеются, что с исчезновением Израиля исчезнет и агрессивность исламизма (я вовсе не свожу к нему Ислам как религию). Между тем эта агрессивность вызывается не Израилем, не силой исламизма, а только внутренней слабостью европейцев. Германская полиция из лучших побуждений попросила религиозных евреев поменьше появляться в своей ритуальной одежде, поскольку полиция не всегда может предотвратить нападения на них. Чьи? Разумеется, не немцев. Так кто же теперь хозяин в их стране?

В 1938 году, когда дело шло к Мюнхену, лжи в Европе мало кто противостоял. Гитлер делал вид, что занят только объединением немецких земель и требовал «вернуть» ему отошедшую по Версальскому договору к Чехословакии (но от развалившейся Австро-Венгрии, а не от Германии) населенную немцами Судетскую область, представлявшую собой, кроме всего прочего, хорошо оборудованную линию обороны Чехословакии, и таким образом она могла бы стать сильным Южным фронтом всех антигитлеровских сил в случае войны.

Чехословакия была связана системой договоров с СССР, Францией и через Францию с Англией. После сдачи этой позиции вся Чехословакия оказывалась (как и случилось вскоре) легкой добычей Гитлера, нацизма, о котором в Европе знали достаточно. Защищало бы ее только честное слово Гитлера. Короче, надо было или воевать (до Мюнхена Германия была слабей союзников), или предавать. Воевать, естественно, населению версальских держав и их правительствам не хотелось. А хотелось верить в честное слово Гитлера. Прежде всего политикам. Казалось, что это не за свой счет, и это вдохновляло. И вообще, лучше бы этой Чехословакии вообще не было — расстраивает.

Производилась и обработка общественного мнения демократических стран — причем методами, похожими на нынешние. Телевидения тогда не было, но кинохроника и газеты были. И все они — а отнюдь не только фашистские — были полны кинокадров, очерков и фотографий, рассказывающих, как подлая чешская полиция издевается над бедными судетскими немцами (то есть над подзуживаемыми Гитлером местными нацистскими элементами, специально для этой цели выступавшими, чтоб не сказать: позировавшими). Раздавались и «трезвые» голоса, твердившие: «мы не хотим воевать за евреев и их капиталы».

А что может быть бессовестней того, что произошло в Мюнхене? Респектабельные господа съехались, поговорили с Гитлером, потом вызвали ожидавших в другом помещении членов чехословацкой делегации, как провинившегося школьника на педсовет, и продиктовали им гитлеровские условия. И разъехались. Чемберлен в Лондоне, помахиная текстом соглашений, объявил встречавшей его толпе: «Я привез вам мир!». И толпа была довольна. Как мог после этого Гитлер уважать своих партнеров по переговорам? И как он, будучи Гитлером, мог эти соглашения не нарушить? Он их и нарушил, почти сразу. И это ему тоже сошло с рук. А когда ему Польша с рук не сошла, он до конца жизни возмущался вероломством западных демократий, вдруг переставших ему подыгрывать.

«Мюнхен — как точно сформулировал Солженицын — болезнь воли благополучных наций». Отсутствие воли, как известно, наказывается. Оказалось, а впрочем, это было очевидно с самого начала для всех желающих видеть, что Чемберлен привез не мир, а войну, но с

укрепившимся противником и при ослабленных позициях союзников. Без такой сильной позиции, как Чехословакия с ее заводами Шкоды, работавшими теперь на противника. «Болезни воли», как всякую болезнь, нельзя запускать, а тем более культивировать. В Европе она пахнет летальным исходом. Но и в Америке она опасно запущена.

И те, кто планировал операцию «11 сентября», именно на это рассчитывали. И я не думаю, что они просчитались. Это была хорошо организованная глубоко эшелонированная операция, которая отнюдь не исчерпывалась чудовищным терактом. Теракт этот был поводом для развертывания хорошо подготовленного пропагандистского наступления, развернутого сразу же после него и параллельно объявлению Бушем войны терроризму. Этот беспримерный по варварской жестокости акт был поддержан «мирными» выступлениями множества живущих или гостящих в Америке арабов. Один за другим они выступали по всем каналам радио и ТВ по одной и той же разработанной однажды схеме. Для порядка, осудив этот акт, они тут же начинали «озвучивать» невысказанное требование террористов. По этой же схеме выступили и руководители всех арабских стран, особенно «дружественных». Все они — и лидеры, и гости, и обретшие гражданство США (только последние употребляли «мы») — говорили одно: Америка должна изменить свою политику в отношении Израиля, и тогда таких прискорбных случаев не будет. Некоторые даже добавляли, что если не изменит, то такое может и повториться, «потому что арабам обидно». Особо обратило на себя мое внимание одно выступление, где оратор усиленно упирал на то, что «нас» (не помню только кого — арабов или мусульман вообще) в Америке столько миллионов, и это надо учитывать при принятии решений. Это высказывание на фоне слаженного хора, о котором я только что говорил, не может не наводить на некоторые серьезные подозрения.

Я не сомневаюсь, что многие арабы, переселившиеся в США, как и многие другие, сделали это действительно для того, чтобы приобщиться здесь к американскому образу жизни, к процветанию и свободе. Один араб-мусульманин так и сказал, что в Америке ему хорошо быть мусульманином — никто не внушает ему, как именно он должен это делать. Такие люди после 11 сентября были смущены, растеряны, им было не по себе, неловко, и ни с какими агрессивными поучениями они ни к кому не лезли. Таких, безусловно, есть немало. Но, видимо, были и другие — такие, кто с тем и приезжал, чтобы стать пятой колонной агрессивного исламизма (или был завербован потом посредством шантажа или подкупа). Логика простая и подражательная: «евреев в Америке много, и они поддерживают Израиль («существование Израиля», хотел бы я напомнить, к тому же никто из них не переселялся сюда с этой целью. Н.К.), так пусть нас будет еще больше, и тогда Америка поможет нам («уничтожить Израиль» — опять хотел бы я напомнить, хотя для тех, кто направляет эту «попытку», уничтожение Израиля — это только начало). Чтобы к этому не возвращаться, напоминаю, что в том и состоит весь так называемый «ближневосточный кризис» на всем своем протяжении, а также непримиримость позиций его сторон (и потому я беру этот термин в кавычки), что арабские страны хотят уничтожить Израиль, а он этого не хочет. И на протяжении всего «кризиса» Запад (пока он еще был Западом) со старательной наивностью стремился найти компромисс в этом «конфликте». Логика простая: раз есть конфликт, то необходим (и возможен, если постараться) компромисс. И компромисс достигался — всегда за счет ослабления позиций Израиля в его борьбе за выживание.

Арабы научились говорить «с гяурами по-гяурски», то есть, использовать чуждые им ценности нашей цивилизации как нашу слабость. Допустим, подставить под огонь наименее ценный для них контингент — женщин и детей — и стрелять из-за их спин. Это дает много преимуществ. Во-первых, любой нормальный противник не сразу решится отвечать на огонь в таких условиях. Во-вторых, меньше рискуют более ценным с их точки зре-

ния контингентом — мужским. В-третьих, если противник все-таки будет вынужден отвечать на огонь, получится еще лучше: глупые гяуры по своей слабости очень чувствительны к страданиям этого менее ценного контингента, поднимут шум, и противник в их глазах будет скомпрометирован. Как ни взгляни, все разумно. Видите, какие неоценимые преимущества дает использование норм цивилизации тем, кому они чужды, если эту чуждость из политкорректности игнорировать. И это работало, то есть, запутывало. Из этого, конечно, не следует, что сегодняшние европейские лидеры подражают этой арабской игре по наивности. Они не запутываются, а запутывают других. Если они запутываются, то, повторяю, только в своих расчетах. Ибо исламизм нагнетает. Хотя и пытаются усвоить язык гяурской цивилизации.

Как известно, за все годы своего существования Израиль сам не начинал ни одной войны, но пока, слава Богу, все выигрывал (ибо иной конец означал бы вполне обещанную гибель — как государства, так и всех его граждан), но почему-то всегда, спустя срок, с ним начинали обращаться, как с виноватым, а его противникам (например, Египту до исторического визита Садата в Иерусалим) спускались прямые нарушения всех договоренностей. А какую активность развил «умнейший в мире человек» (Киссинджер) в конце Октябрьской войны 1973 года, чтобы в последний момент спасти окруженную Вторую египетскую армию — вырвать у Израиля окончательную победу над напавшим на него в Судный день Египтом.

Говорят что Израиль проигрывает информационную войну. Уместно ли это выражение? Речь идет о тотальном преступлении всех западноевропейских и отчасти американских СМИ. Ведь все газеты — от «Ле Монд» и «Фигаро» до «Франкфуртер альгемайне» и «Лос-Анжелес Таймс» дезориентировали простодушного читателя. Правда, возникает вопрос, как это было организовано, и куда мы все движемся. Ведь в печати ни один голос не возмутился, не вскрикнул: «Да что вы нам тут мозги промываете?» Вряд ли их не было совсем, в печати не было. — Что за этим — арабские нефtedоллары или эйфория шестидесятников? Не так уж важно — важно, что паралич воли.

В меньшей мере этот паралич поразил пока Америку. Мысль, что Америка должна в первую очередь думать не об Израиле, а о своих собственных интересах и о своей собственной безопасности, которую мне приходилось слышать от вполне порядочных и благожелательных по отношению к Израилю людей, я считаю бесспорной. Это обязанность и право любой страны. Если Америка не будет заботиться об этом в первую очередь, она не сможет ни сама существовать, ни помогать кому-либо. Весь вопрос в том, в чем заключаются эти интересы. Ведь рыба, когда заглатывает наживку, тоже считает, что преследует свои интересы. И такое ли это обеспечение безопасности — выведение из строя единственного, надежного союзника в нужном регионе? А ведь даже предложения порядочных благожелательных людей, когда они начинают мыслить о ситуации, как о конфликте (а Америке действительно невыгодно ссориться с нефтедобывающими странами), обрекают своего союзника на изнурение и, в конечном счете, на гибель. На этом и строятся расчеты врагов Израиля. Не стоит оправдывать эти расчеты: это не только нехорошо, но и опасно.

Да, опасно. Я действительно убежден, что всеобщая плотная тотальная западно-европейская (с включением части американских СМИ вроде СКК) волна лжи и клеветы, которая обрушилась на Израиль и может его погубить, опасна отнюдь не только, а может, даже не столько для Израиля и, допустим, для евреев вообще (поскольку этот посев по своему характеру, безусловно, даст антисемитские всходы), а и для всей нашей цивилизации.

То, с чем мы сейчас имеем и еще долго будем иметь дело — это, как здесь уже не раз говорилось, — не совсем Ислам, а исламизм, в значительной мере утилизовавший Ислам и освящающий свой безудержный экспансионизм и воинственную ненависть име-

нем Ислама. Надо ли доказывать, что такой «Ислам» — а имеем мы дело только с ним — одинаково чужд и миру, и любви, и религиозности? Но большинство телевизионщиков этого не замечают. Впрочем, только ли они?

Вообще все нынешние умонастроения и движения, использующие наряду с тоталитарными исламистами все завоевания демократии, были всегда и остаются теперь по отношению к ней фактором подрывным и разрушительным. За супер-гуманными заботами нынешних энтузиастов ясно прослеживается традиция безответственности, тянущаяся с «героических шестидесятых», когда Америка из-за таких энтузиастов проиграла войну тоталитаризму. Разрушительная традиция безответственности, неграмотной уверенности (образование — особенно гуманитарное — с тех пор непрерывно «демократизируется»), беспардонного идеализма — все время развивалась и крепла.

Первоначальная основа этой безответственности в большевистском намерении решить экзистенциальные проблемы политическими методами. Потом это стремление освободилось и от большевизма, превратилось в гормональное своеволие, для которого все лозунги годятся. Личность освобождается до свободы всего безличного, для противостояния чему и создавались все цивилизации. Бушующий антиглобализм при требовании глобальной ответственности всех имущих стран перед всеми неимущими, с твердой уверенностью, что им ведомо, как эти страны осчастливить, что тут и вопроса нет.

Вместо содействия развитию самостоятельности этих народов, малограмотные гуманисты неколебимо содействуют развитию у них паразитизма. Впрочем, это их не волнует. Их сочувствие бедным и несчастным было и остается сентиментально бесчувственным, неграмотным, равнодушным и неколебимо твердым. Разве те, кто поддерживал установление власти черных в Северной Родезии (пardon, Зимбабве) чувствуют ответственность за последствия, за голод, к которому неминуемо вела эта власть? И ощущает ли журналист «Нью-Йорк Таймс» господин Гвирцман хотя бы тень стыда за свое воспевание революции в Мозамбике в свете того, что получилось? Я был в Южной Африке и видел представителей освобожденного мозамбикского народа, убежавших угнетаться в апартеидную Южную Африку, чтоб спастись от голодной смерти, на которую обрекла их устроенная советскими чиновниками и восторженно поддержанная свободной западной общественностью революция.

У советских дипломатов есть еще одна «заслуга», которая пока остается в тени — они обучили арабов демагогии. Еще по окончании «шестидневной войны» арабские дипломаты прямо объявляли: «Мы хотим уничтожить Израиль, потому что само существование Израиля есть агрессия». С тех пор они неустанно борются за мир и обвиняют в агрессии Израиль. Этому и многому другому их обучил СССР. Наиболее способным учеником оказался Арафат. И все идет как по маслу — он врет, а с ним разговаривают.

Все, о чем шла речь, — это результат глубокого кризиса, который переживает наша цивилизация и который до сих пор столь бравадно воспринимался, как ее кульминация, как пир прогресса. Джордж Буш может сколько угодно раз менять свою позицию, но война, начало которой он констатировал 11 сентября, действительно если не началась, то вышла из латентного состояния именно в этот день. И продолжается. И это от модуляций его голоса не зависит.

В этой войне на нашей стороне как будто бы все преимущества. У Америки (и, думаю, у ее вероятных европейских союзников) превосходная, хорошо тренированная и технически блестяще оснащенная армия, колоссальный экономический и технический потенциал — чего больше желать? Между тем — многого. Прежде всего, чтобы ее генералами не командовали лойеры. Как, допустим, во Вьетнаме — кто еще мог придумать самоубийственную «войну сдерживания», если не они?

На стороне исламистов нет никаких преимуществ — только наша слабость. И этого хватает — они в наступлении. Их сейчас скорей удивляют не их успехи, а осечки — напри-

мер, внезапное осознание Жаком Шираком того простого факта, что во Франции надо считаться не только с избирателями арабами (которых и вправду все больше), а все-таки и с избирателями французами (которых в стране пока еще намного больше). Но это осечка. До сих пор они наступали беспрепятственно, некоторые даже излагают открыто планы исламизации всего христианского мира. И не так уж они несбыточны. Надо помнить, что несут они не свет какой-либо религии, а беспросветную, беспроглядную тиранию, мрак и запустение. На несколько сот лет, не меньше. И лучше бы этого не допустить. Либеральная демократия намного предпочтительней.

Но что делать, если на протяжении последних ста лет она только то и делала, что подрывала свои устои? Если она пародировала сама себя, все свои высокие и такие притягательные слова и ценности, доводя их значение до абсурда и на абсурде жестко настаивая? Как уже говорилось, во имя свободы личности, освобождая в человеке все безличностное. Освобождая прежде всего своеволие от элементарной ответственности, от всех норм, которые отличают человеческое бытие от скотского. И это не только повод для «устарелого» морального негодования, это, может быть, главная наша слабость в сопротивлении исламу. Ибо он все-таки использует ислам и его нормы. Эти нормы часто вполне свойственны и христианству, но на них, как и на самом христианстве, «человеку Двадцатого (а тем более Двадцать Первого!) века» стало как-то неудобно, «непросвещенно» настаивать. И этим не только допускается освобожденное своеволие, но и компрометируются необходимые для достойного существования человека свободы и права. Ибо все это так или иначе связано с христианской цивилизацией.

Но своеволие не унимается. И результаты его видны уже даже теперь.

Цивилизация не отменяет нашей зависимости от собственной природы и от Бога. А в тот момент, когда ей кажется, что она ни от чего не зависит и ей ничто не угрожает, она гибнет. Религия всегда это знала про человека. Но мы, отринув ее, отринув это необходимое знание.

Так и получилось, что исламисты наступают, выдвинув вперед Ислам (пусть и в опошленном варианте), а в тылу христианской цивилизации христианство почти не проглядывается. Только некая бесформенная «прогрессивность», политкорректностью «зафлажившая» все пространство интеллектуальной и духовной жизни, так что чувству общественного самосознания сквозь это не пробиться. Напоминаю, что «зафлаживание» — это обвешивание флажками по всему периметру участка леса, в котором предполагается травля волков — волки почему-то страшатся прорывать эту призрачную завесу. Современные либеральные интеллектуалы так зафлаживают сами себя понятиями, из которых предварительно вынут смысл или вставлен смысл прямо противоположный. Сквозь эту зафлаженность трудно увидеть, что вера в прогресс малость подводит, что в отношении человеческой природы он явно не абсолютен, что действительно наступила другая эпоха, безусловно новая, но что ее новизна чревата неожиданностями, может быть и неприятными, и что, может быть, надо не столько стараться с ней слиться и приспособиться к ней, сколько спасти от нее все хорошее, что стоит спасти.

И вообще, — что происходит не долгожданное благорастворение воздушных масс, а схватка цивилизаций, и мы должны защитить свою, самую человеческую, несмотря на все ее несовершенство. И поэтому надо четче разбираться в таких понятиях, как элементарные «добро» и «зло» в нашем понимании (меньше считаться с тем, что у каннибалов другие понятия.) А псевдоинтеллектуальная зафлаженность, как она ни престижна, как и все, что ограничивает нашу способность видеть реальность и возможность спасения, — смертельна. Уверяю вас, что на свете есть намного более неприятные вещи, чем потеря престижа (к тому же скорей всего, временная) среди тех, кто его в данный момент олицетворяет.

А если перестать стыдиться своих ценностей — все равно, христианских или иудейских — все еще можно спасти: и Израиль, и Европу, и свободу, и вообще всю нашу грешную цивилизацию, без которой все, чем мы в жизни дорожим, стало бы неуместным и невозможным.

СПОСОБЕН ЛИ РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ К МОДЕРНИЗАЦИИ?

Дискуссия по статье Ф.ФУКУЯМА и Н.САМИНА

В первом номере «Нового Века» за 2003 год была опубликована статья Фрэнсиса Фукуямы и Надава Самина «Способен ли радикальный ислам привести к позитивным переменам» (перевод из журнала «Комментари» (США)). Статья вызвала многочисленные отклики, часть которых, а также ответ авторов статьи предлагается вниманию читателя.

Мартин КРЕМЕР

Что происходит, когда по-настоящему крупное реальное событие (как, например, 11 сентября) сталкивается лоб в лоб с по-настоящему крупной идеей (как, например, «конец истории» Фрэнсиса Фукуямы)? Идея неизбежно разваливается под силой удара. Давайте же исследуем развалины.

В статье «Способен ли радикальный ислам привести к позитивным переменам» г. Фукуяма и его соавтор Надав Самин в один голос утверждают, что исламизм является деструктивной силой, что оправдывает сравнение его с коммунизмом и фашизмом. Но, пишут они, он может также сыграть модернизирующую роль – он может, вопреки самому себе, избавить мусульманские страны от тех традиционных ограничений, которые препятствуют модернизации мусульманских обществ. И если можно будет, в свою очередь, избавить исламизм от его идеологии, тогда, быть может, он окажется замаскированным благословением.

Если. И только «если». Во Фрэнсисе Фукуяме восстает вечный Гегель — именно Гегель высказал следующее суждение еще в начале 19 века: «Ислам давно исчез с исторической сцены и отступил в сень своего ориентального покоя и праздности». Неизменный отказ ислама делать именно то, что ему приписывают, является одной из принципиальных ошибочных посылок очередного «изма» — философии «конца», от Гегеля до наших дней, то есть столько времени, сколько современный Запад сталкивается с исламом.

С начала этого времени прошло два столетия, и мы видим тому убедительные свидетельства. Ислам был неиссякаемым источником десятков движений, которые бросали вызов ценностям современного либерализма. От махдизма (Зародившееся в конце 19 века движение за возвращение к чистому, пуританскому исламу. – Прим. перев.) до бин Ладена, от Мусульманского братства до талибов ислам продолжает вырабатывать новые и эффективные вакцины против инфекции, идущей с Запада. Все это заставляет предположить, что сила радикального ислама (как и вообще ислама) заключается в его способности мутировать – приспосабливать себя к постоянно меняющимся обстоятельствам. Сегодня он изобретательно использует тот самый модернизм, который он же пытается остановить. Стоит вам только подумать, что он вышел из моды, – как думали многие аналитики 30 лет назад, – как он вдруг появляется вновь и в совершенно новом (и часто более опасном) обличьи.

Радикальный ислам, рассуждают гг. Фукуяма и Самин, «еще может проложить путь давно уже запаздывающим реформам. И в этом случае мы можем стать свидетелями того, как не впервые коварство истории привело к удивительным результатам». В теории, конечно, ислам может быть реформирован настолько, что потеряет всю свою агрессив-

ность. Покойный Эрнст Геллнер (Ernest Gellner, 1925-1995, известный английский философ, антрополог и социолог. – Прим. перев.) высказал даже такую мысль, что в то время, как ислам «не подвергал опасности современный мир, он все еще может, в отличие от других религий, лучше всех приспособиться к нему».

Проблема заключается в том, что в реальной практике мусульмане обходятся со своими потенциальными реформаторами очень плохо; пространство между исламом и авторитарным государством остается пустым, и ни один мало-мальски харизматический лидер не спешит заполнить эту пустоту. Реформаторы, которые всегда составляли меньшинство, находятся сегодня в еще худшем положении, чем они были полвека назад: сегодня террористы угрожают убить их. В любом случае, нам стоит молиться по пять раз в день за Реформацию ислама. Но давайте согласимся – что-то не видно Лютера, который мог бы вдохновить ее.

Опасность идеи Фукуямы-Самина заключается в том, что она может породить ложное чувство безопасности. На самом деле, они ушли не так уж далеко от идеалистически настроенных экспертов по Ближнему Востоку. Стоит вспомнить, в частности, политолога из Джорджтаунского университета Майкла Хадсона, который однажды заявил на слушании в комиссии конгресса, что «какими бы ни были окончательные намерения исламских движений, их сегодняшняя функция – либерализация». Г. Фукуяма и Самин всего лишь поменяли местами определения: какими бы ни были *сегодняшние* намерения исламских движений, их *окончательная* функция – либерализация. От этого утверждения до призыва к поддержке захвата исламистами власти с целью ускорения неизбежного процесса обновления – весьма небольшая дистанция.

Что касается идеи авторов, что «независимые действия» исламистов «могут заложить основы подлинного гражданского общества», то она звучит в точности, как тезис Джона Эспозито (John L. Esposito – профессор религии и международных отношений Джорджтаунского университета и директор-основатель Центра взаимопонимания между мусульманами и христианами. – Прим. перев.) и множества других «экспертов», которые уверяют нас, что мы должны по достоинству оценивать благотворительные социальные программы таких групп, как Хамас. Эта иллюзия может существовать только в отсутствие других посреднических институтов. Исламизм – гражданское общество бедных людей, и он является весьма плохой заменой подлинного гражданского общества, поскольку в нем отсутствует концепция терпимости. Нет никаких свидетельств в пользу того, что он может развиваться в положительном направлении, но зато есть масса свидетельств тому, что он не может.

В любом случае тезис Фукуямы-Самина не может быть доказан или опровергнут в ближайшем будущем, и нет никакого смысла обсуждать его. Его возможное влияние на реальную политику, в лучшем случае, неясно. И он не меняет тот факт, что в данный момент не исламизм, а этот самый «изм» в лице «философии конца» (если процитировать Гегеля) «исчез с исторической сцены» - даже если он неожиданно расцвел на страницах «Комментари».

“Middle East Quarterly”, Philadelphia

Валид ФАРЕС

Небезынтересная статья Фрэнсиса Фукуямы и Надава Самина является попыткой интегрировать движение Осамы бин Ладена в глобальный процесс модернизации. Не будучи модернизирующей силой сам по себе, исламизм, как они считают, может сыграть роль культурного бульдозера, расчищая путь либерализму путем подрыва традиционных институтов мусульманского общества.

Такая интерпретация выглядит довольно привлекательно, поскольку она включает исламистов в рамки прогресса либерализма. Но нас не должна вводить в заблуждение мысль о том, каким, по нашему мнению, «должен быть» исламизм. Может быть, исламизм и замещает, до определенной степени, пост-оттоманский традиционализм, но он не является модернистским движением, прокладывающим путь либеральной демократии. Как правильно отметили авторы, исламизм, и в самом деле, позаимствовал идеи и методы у фашизма и коммунизма, но в то время как тоталитаристы Запада уничтожали своих предшественников с целью установления лучшего, по их убеждению, модернистского общества, исламисты стремятся учредить общество, еще более традиционное, чем то, которое они замещают. Мы знаем, что есть такой феномен, как проповедующие с помощью Интернета муллы, и что члены Аль Каеды могут водить самолеты, но вся их техническая оснащенность представляет собой скачок в использовании технологии, но вовсе не порыв к модернизации. Они хотят похоронить модернизм с помощью его собственного оружия.

В качестве доказательства того, что исламизм направлен против традиционного ислама и что он может «воспринять западные нормы», гг. Фукуяма и Самин приводят примеры участия женщин в выборах в Иране и деятельность исламских благотворительных обществ в Египте, которые, пишут они, «все еще могут составить основу подлинного гражданского общества». Однако, рассматривать эволюцию исламизма через эти либеральные очки может оказаться очень опасным. Да, шиитские фундаменталисты предоставили право голоса женщинам Ирана – но они сделали это в обмен на ограничение их социальных прав. Что же касается египетских исламистских благотворительных обществ, то они, далеко не представляя собой мусульманские версии Львиного Клуба (Lions Club – существующая с 1917 года международная благотворительная общественная организация, насчитывающая сегодня около 1,4 миллионов членов в 44 тысячах клубов в 190 странах. – Прим. перев.) или Ассоциации родителей и учителей (РТА – старейшая и самая крупная в США добровольная ассоциация, оказывающая помощь детям и молодежи. – Прим. перев.), являются инструментом де-секуляризации общества и превращения его в придаток будущего исламского государства.

Гг. Фукуяма и Самин также переоценивают степень расхождения исламистов с исламскими традициями и авторитетами. Идея принесения себя в жертву во имя *уммы* (общины) правоверных так же стара, как и сам завоевывающий ислам. Концепция *ингхимас фил аду* – смешаться с группой врагов, чтобы убить их, зная наверняка, что погибнешь вместе с ними – родилась тринадцать веков назад. Сегодняшние террористические акты самоубийц, взрывающих себя вместе с автобусом, отличаются только технологией. Что касается Осамы бин Ладена, который, издавая *фатвы*, предположительно присваивает себе без законных на то оснований права религиозного авторитета, то гг. Фукуяма и Самин основываются на неверных данных. Бин Ладен всегда был очень осторожен в своем теологическом поведении; он совершенно недвусмысленно объяснил в своем интервью телестанции Аль-Джезира, что он обратился ко «многим шейхам и муллам» с просьбой издать соответствующие постановления.

Если исламизм не появился бы в 19 и 20 веках, мусульманские общины во всем мире могли бы сейчас с большим или меньшим успехом двигаться по пути политических и экономических реформ Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. На самом деле, в мусульманском мире «все пошло не так» потому, что джихадисты нанесли удар по самой сердцевине их собственной цивилизации. Мусульманские националисты, конституционные монархисты, марксисты и либералы смогли в пост-оттоманский период немного продвинуть свои страны вперед по пути прогресса; радикальный ислам вынудил эти общества сделать два шага назад. Исламисты вовсе не движутся от джихада к модернизму, как предположили гг. Фукуяма и Самин; они, просто-напросто, модернизируют джихад.

Ларри ДАЙМОНД

Фрэнсис Фукуяма и Надав Самин правы в своей попытке оспорить общепринятые мнения по поводу радикального ислама. Это – новый «изм», и его можно отнести скорее к тоталитаристской идеологии, чем к религиозному движению. В этом качестве он характеризуется существенной близостью к фашизму и коммунизму и рискует оказаться не менее деструктивным. Но гг. Фукуяма и Самин лишь отчасти правы, приписывая подъем радикального исламизма – в том числе принятие его интеллектуальными кругами – «быстрому социальному перемещению», которое претерпело мусульманское общество за несколько последних десятилетий.

Отчуждение, завладевшее радикальными исламистами, весьма существенно подпитывалось также широко распространенным чувством национального и культурного унижения. Когда эти, превратившиеся в революционеров кабинетные идеологи смотрели на свои собственные общества, они видели все признаки неудачи – нищету, врожденную коррупцию, политические репрессии, и особенно по сравнению с процветающими Европой и Америкой. Во всем арабском и мусульманском мире разложившиеся, занятые только собой правящие элиты не обеспечили ни экономического роста – сегодня даже в Саудовской Аравии есть высокая безработица – ни обеспеченного законодательством механизма выборности и участия в выборах, лишив свои народы возможности мирного выражения своего недовольства.

В этих обстоятельствах не так уж трудно понять привлекательность всеохватывающих идеологий, которые обещают вытащить мусульманские общества из их глубокой безнадежности. Были испробованы национализм и социализм, и оба они не преуспели. Остались только две альтернативы – радикальный ислам и либеральная демократия. Мусульманские правители настолько боятся второй из них, что предпочитают заигрывать с первой и даже использовать ее.

Но гг. Фукуяма и Самин ошибаются, полагая, что радикальный ислам, сам по себе, стремится к политическому и экономическому развитию. Он может сойти со своего разрушительного пути и освободить дорогу либеральной альтернативе – но какой ценой? Исламская республика Иран – это не модель прогресса. Муллы лишили иранское общество элементарных прав и угнетают его, не сумев при этом решить ни одной из самых острых проблем страны.

Исламизм может способствовать прогрессу только в том случае, если он избавится от своего радикализма, от стремления к гегемонии и нетерпимости и станет бороться за власть в рамках плюралистического демократического общества. Этот процесс, может быть, уже происходит в Турции, где Исламская партия справедливости и развития – чей послужной список может, в определенном смысле, внушить некоторые надежды – убедительно победила на ноябрьских выборах. Исламский радикализм может также сослужить неплохую историческую службу, если, как и коммунистическая угроза Кореи и Тайваню, вынудит правящие элиты создать эффективные и подотчетные формы правления и, в конечном итоге, демократии, чтобы спасти себя от экзистенциальной угрозы.

Но если эти режимы будут реагировать на угрозу со своей обычной нетерпимостью, попросту репрессировав радикальных диссидентов, и если США совершат ошибку, — что часто происходило во время холодной войны, — поддерживая меньшее из зол, исламский радикализм проявит себя с самой худшей стороны. Мы окажемся перед озлобленными и униженными молодыми людьми, которые, пытаясь найти объяснение неудачам своих собственных обществ, обратятся к терроризму против Запада в бесплодной попытке отмщения.

Институт Гувера, Стэнфорд, Калифорния

Ф. ФУКУЯМА, Н. САМИН

ОТВЕТ НА КРИТИКУ

Мартин Кремер и Валид Фарес правы в своем утверждении, что исламизм представляет собой глубоко анти-либеральный импульс, который доказал свою высокую приспособляемость к современным обстоятельствам и является серьезным барьером на пути к политическому и экономическому развитию мусульманского мира. Более глубокий вопрос, однако, заключается в следующем: возникает ли эта тенденция с неизбежностью из существа самого ислама, как в разных выражениях объясняют гг. Кремер, Фарес и другие, или, как считает Ларри Даймонд, она произрастает из менее фундаментальных причин, как, скажем, недостатка политических возможностей в арабском мире. Если верно первое, то либеральное будущее в мусульманском мире неосуществимо.

Разумеется, дать определенный ответ на этот вопрос невозможно, хотя мы, как всем ясно, склонны согласиться с г. Даймондом, что причины, скорее всего, не находятся слишком глубоко в недрах ислама. Представлять радикальный исламизм как неизбежное выражение учений ислама означает согласиться с его в высшей степени грубой, без нюансов, трактовкой его сторонников. В таком случае возникает необходимость объяснить, например, почему во времена Османской империи существовали долгие периоды религиозного плюрализма, или почему мусульманские военные руководители в раннюю эпоху ислама вынуждены были прилагать много усилий, чтобы убедить людей приносить себя в жертву, или каким образом могла появиться современная Турция.

И несоответствия на этом не заканчиваются. В течение только 20 века мусульманский мир испытал на себе влияние трех крупнейших политических тенденций. Первой был авторитарный, в западном стиле, модернизм Атаатюрка и шаха Ирана, затем последовал секулярный национализм Насера и партии Баас, сменившийся религиозным радикализмом Хомейни и бин Ладена. Каждая из этих тенденций представляла собой реакцию на неудачу предыдущей волны, и на наших критиках лежит обязанность доказать, почему только третья, последняя тенденция является, по их мнению, наиболее адекватным и сулящим себе долгую жизнь выражением чаяний мусульман.

Ничто в истории не начиналось, будучи уже либеральным по своей сути. Западный либерализм не являлся автоматическим следствием Западной цивилизации или иудео-христианской традиции. Он сформировался на почве жестоких сектантских войн, которые полыхали в Европе в течение 150 лет после Реформации, а также из общего понимания, что основанная на религии политика не могла обеспечить минимальную степень безопасности и порядка. Либерализм был также необходимым условием экономической модернизации Европы. Если мусульманский мир желает установления гражданского мира и экономического прогресса, секулярная политика явится и для него функциональной необходимостью. Вопрос заключается в том, может ли мусульманский мир осуществить этот процесс в более сжатые сроки, не вовлекая одновременно остальной мир в свою внутреннюю междоусобицу. Но так или иначе, исламский либерализм, даже будучи силой извлечен из инкубатора, может, в конце концов, появиться в виде, не столь уж для нас незнакомом.

Никто не знает, произойдет ли это на самом деле, но есть определенные причины надеяться на то, что политическое колесо повернется еще раз. В то время как исламизм может быть весьма эффективным инструментом политической мобилизации, он оказался катастрофой в смысле управляющей идеологии в тех трех странах, где он пришел к власти: Иране, Афганистане и Саудовской Аравии. Никто из тех, кто отреагировал на нашу статью, за исключением Ларри Деймонда, не увидел реальных перспектив для либерализации в странах, подобных Ирану, который еще должен пережить теократию исламистов.

И наоборот, если исламизм питается теми политическими патологиями, которые описал г. Деймонд, есть основания полагать, что даже в отсутствие мусульманского Лютера другой вид арабской политики породит другой вид оппозиции. Мы не считаем, что это движение может быть сокрушено только военным путем; с ним надо бороться на всех уровнях, идеологическом, политическом и военном, принимая во внимание условия, при которых оно возникло и выросло.

Валид Фарес утверждает, что бин Ладен просил одобрения своим *фатвам* у «многих шейхов и мулл». Но, несомненно, г. Фарес знает, что бин Ладен был лишен саудовского гражданства и что его семья официально отказалась от него задолго до 11 сентября. Поддерживаемая государством исламская ортодоксия, доминантная форма ислама в течение большей части его истории, никогда не подтверждала легитимность тех интерпретаций, которые выдвигались бин Ладеном в оправдание его терроризма. И не случайно, что принципиальным теологическим обоснованием движения нео-ваххабизма является теология ибн Таймийа, ученого 14 века, который рассматривался большинством его современников отступником и мыслителем, находящимся на обочине главного русла ислама.

И в заключение мы хотели бы подчеркнуть, что старались быть достаточно осторожными и не намеревались предположить, что любое общество может совершенствоваться, пройдя через фашизм, коммунизм или исламизм как через предпочтительный путь к модернизму. Но остается фактом то, что двум первым движениям был присущ определенный модернизирующий эффект. Сочетание Гитлера и коммунизма позволило покончить с германской аристократией, которая была традиционной опорой авторитарности в этой стране. Со времени окончания войны Германия была во многих отношениях менее расчленена по классовому признаку, чем Англия, которая не претерпела столь жестокой встряски. Но все это вовсе не означает, что мы могли бы даже на секунду пожелать кому-либо пройти через опыт Германии 20 века.

Перевод Э. Маркова

Геополитика

11 сентября 2001 года (когда исламские фанатики-камикадзе разрушили 110-этажные башни Торгового центра в Манхеттене – визитную карточку Нью-Йорка и символ всей американской цивилизации) продолжает оставаться центральным событием нового века. Оно определяет самые важные процессы мировой политики, отношения между странами, судьбы мировых конфликтов. Оно со всей ясностью раскрыло всему миру то, что раньше было скрыто под туманным флером философских умозрений или литературных образов – мир вступил в эпоху ожесточенного, непримиримого конфликта двух мировых цивилизаций – традиционной исламской, в немалой мере теократической, культуры Востока и иудео-христианской, построенной на идеях демократии и свободы личности, культуры Запада. Об этом «цивилизационном» конфликте идут непрекращающиеся споры, высказываются самые противоречивые мнения.

Два мнения о мире после 11 сентября 2001 года

Норман ПОДГОРЕЦ

ДЕЛО НЕ В ИЗРАИЛЕ

Исламские фанатики ненавидят Америку как таковую

Является ли поддержка Америкой Израиля источником той ненависти к ней, которая пропала арабский мир и в буквальном смысле слова взорвала собой башни Всемирного торгового центра и Пентагон 11 сентября 2001 года? Несомненно, именно так считают многие в Европе, в то время как в Соединенных Штатах до сих пор только некоторые, антиизраильски настроенные неспасаемые экстремисты высказывали публично подобные идеи.

Сейчас многие удивляются тому, что Израиль не назван (пока!) козлом отпущения. Еще более удивительным является то, что даже в самом арабском мире, против всех ожиданий, не делается особого упора на Израиль как на источник всех проблем. Впрочем, никто не сомневается, что одним из величайших «преступлений» Америки в глазах арабов остается ее поддержка Израиля. Точно так же нет никаких сомнений в том, что именно они говорят друг другу по-арабски (в противоположность тому, что говорят их дипломаты на английском, французском или немецком языках), — уничтожение Израиля все еще остается одной из главных надежд всех арабов, а также большинства неарабских мусульман Ближнего Востока, как, например, иранцев.

Я бы порекомендовал также прислушаться к профессору Фуаду Аджами, американцу, который был воспитан в Ливане как мусульманин, и чей одинокий голос доносит до нас правду об отношении к Израилю тех людей, среди которых он вырос. Уже много лет профессор Аджами настаивает на том, что как на «арабской улице», так и среди интеллектуалов, в литературной среде и в профессиональных объединениях царит «тотальный отказ» признать существование Израиля — при каких бы то ни было обстоятельствах. Более того, обо всей мощи этого отказа «свидетельствует и правительственная, и оппозиционная пресса, его разделяет секулярная и правоверно-исламская публика — как в странах, имеющих дипломатические отношения с Израилем, так и в тех, что не идут с ним ни на какие контакты».

Профессор Аджами добавляет, что этот тотальный отказ в наибольшей степени проявляется в Египте, несмотря на мирный договор, подписанный им с Израилем. Поэтому мы впра-

ве ожидать, что в американской политике по отношению к Израилю египтяне должны видеть причину широко распространенной в их стране враждебности к США; вдобавок, уступая только Израилю в объеме получаемой от Америки помощи, Египет весьма нуждается в том, чтобы как-то объяснить столь неблагодарный ответ на ту щедрую поддержку, которую им оказывают.

Но нет. Всего за две недели до нападения на Всемирный торговый центр и на Пентагон Абд аль-Муниб Мурад, обозреватель египетского официоза «Аль-Ак-бар», писал: «Конфликт, который мы назовем арабо-израильским, на самом деле является конфликтом между арабами и западным, прежде всего американским, колониализмом. США обращаются с арабами так, как они обращались со своими рабами на американском континенте. И в этом им помогает наш меньший враг — Израиль».

Но его необычно искренние признания на этом не заканчиваются. «Проблема, — пишет тот же автор, — не заключается более в арабо-израильском конфликте. Настоящей проблемой является арабо-американский конфликт. Арабы должны понять, что США — это не «американский друг», и его задачей — в прошлом, настоящем и будущем — является установление своей гегемонии во всем мире и, прежде всего, на Ближнем Востоке и в арабском мире».

И, наконец, еще один пассаж из того же опуса г-на Мурада содержит некоторый намек на то, каким, по его мнению, должен стать справедливый ответ: «Статую Свободы следует разрушить, ибо она... символизирует безумную американскую политику, бредущую от позора к позору в болоте односторонних пристрастий и слепого фанатизма... Век падения Америки начался».

Если с подобного рода идеями мы сталкиваемся в арабской стране, считающейся «умеренной», то в таких радикальных государствах, как Ирак и Иран, на меньшее, чем отождествление Америки с «большим шайтаном», нечего и рассчитывать. Что касается палестинцев, то их презрение к Америке вряд ли уступает их ненависти к Израилю.

Суть дела заключается в том, что если бы Израиль никогда не появился бы на свет или если бы он каким-то чудом исчез, Соединенные Штаты остались бы для радикально настроенных арабов (а таковых большинство) воплощением абсолютного зла. Действительно, ненависть к Израилю — это в значительной мере суррогат антиамериканизма. Израиль представляется острее американского стремления к доминированию на Ближнем Востоке. Еврейское государство является миниатюрной копией Соединенных Штатов, это «малый враг», «малый шайтан», и потому освобождение региона от его присутствия равносильно очищению всех принадлежащих исламу территорий от богохульного политического, социального и культурного влияния, исходящего от варварской и смертельно опасной силы. Но сила эта принадлежит Америке, а Израиль — всего лишь ее инструмент.

В последние дни нас неоднократно уверяли в том, что использование террористов-самоубийц, будь то в Иерусалиме или в Нью-Йорке, является искажением ислама, культивируемым ничтожной группкой фундаменталистов. Что ж, может быть, так оно и есть. Но верно и то, что восхваление этой тактики ведущими мусульманскими священнослужителями, особенно в Египте и в Палестинской автономии, заглушили голоса тех немногих, кто протестовал против нее.

Не секрет и то, что применение террористов-самоубийц (не только против Израиля) поощрялось и горячо приветствовалось и ранее. В ноябре 2000 года одна из выходящих в Палестине газет опубликовала результаты опроса, согласно которому 73 процента палестинцев поддерживали акции самоубийц, направленные против американских интересов на Ближнем Востоке. Стоит ли после этого удивляться тому, что палестинцы выражали бурную радость в связи с терактами в самой Америке?

Призывы к «сдержанности», к которым всякий раз прибегал госдепартамент, стоило Израилю применить силу в ответ на акции террористов-самоубийц и другие террористические действия, направленные против его граждан на их законной территории, справедливо восприни-

мались многими как лицемерные. Теперь же, после событий 11 сентября, Соединенные Штаты, испытав на собственном опыте то, с чем Израилю приходится сталкиваться на протяжении всей его новейшей истории, вполне справедливо объявили войну не только отдельным террористам, но и преступным сообществам и государствам, которые укрывают, поощряют и поддерживают агентов Террора. И по меньшей мере странно выглядели попытки госсекретаря Колина Пауэла оказать давление на израильтян, требуя от них согласия на встречу с Ясиром Арафатом, который и в прошлом, и в настоящем несет всю полноту ответственности за то, что американцы поклялись нынче искоренить. Ветеран террора, он и поныне возглавляет террористическую организацию, предоставляющую укрытие и помощь другим деструктивным сообществам. В еженедельном бюллетене ХАМАСа читаем: «Аллах ответил на наши молитвы; меч отмщения обрушился на Америку, и так будет впредь».

Может быть, американским дипломатам надлежит вступить в переговоры с Усамой Бин-Ладеном? В конце концов, он не признает своей вины точно в той же степени, в какой Арафат не желает признать, что это он ответственен за развязывание насилия в ответ на безоглядно щедрые предложения Израиля, намеревавшегося достичь мирного соглашения с палестинцами. В 1993 году, скрепив своей подписью лист бумаги, удостоверявший обещание не прибегать к насильственным действиям, Арафат был удостоен Нобелевской премии мира. Почему бы и Бин-Ладену не предоставить аналогичную возможность, увенчав его нобелевскими лаврами?

Буш-старший нуждался в коалиции отчасти потому, что операция «Буря в пустыне» вызвала изрядные нарекания в самих США. Но «малый Буш», как пренебрежительно называют его в некоторых арабских СМИ, пользуется твердой поддержкой большинства в своей стране, и единственным вероятным оправданием коалиции может послужить необходимость в дополнительных территориях для развертывания сухопутных войск, а также и в воздушном пространстве. Посему заигрывание с Пакистаном и предложение ему определенных льгот имеет хотя бы некоторый смысл.

Но едва ли можно оправдать попытки привлечь на свою сторону сирийцев, палестинцев (или даже иракцев?), вполне определенно примыкающих к враждебному лагерю. Я бы отнес к нему и египтян. Хусни Мубарак неизменно выражает готовность сотрудничать с Соединенными Штатами, но в то же время позволяет своей контролируемой прессе источать яд ненависти к Америке.

В свое время Буш-старший не позволил Израилю присоединиться к операции «Буря в пустыне» (даже после того, как сирийцы признали право обстреливаемых «скадами» израильтян на ответные действия). Исключив таким образом Израиль, Буш-старший лишился, как мы знаем сегодня, бесценных военных возможностей в обнаружении и уничтожении тех самых «скадов», которыми обстреливались и американские войска в Саудовской Аравии. Если Джордж Буш-младший собирается повторить эту серьезнейшую ошибку, он рискует и в новой войне лишиться столь же бесценного преимущества — опыта страны, разбирающейся в проблемах террора лучше, чем любая другая (и борьба которой против террора была бы более эффективной, если бы Штаты не совали ей палки в колеса).

Чистота достижения цели предполагает также интеллектуальную и моральную чистоту, и ситуация говорит нам, что мы — в одной лодке с израильтянами. Арабский мир воспринимает их как наш оплот на Ближнем Востоке, и если мы оставим их в стороне от общей борьбы против террора, мы сделаем серьезный шаг на пути к самоуничтожению. Как говорится в арабском учебнике для 11 класса: «Мы, арабы, наконец, пробудились, обнаружив себя в болезненной реальности империализма, мы изгнали его с некоторой части наших земель и готовы изгнать его со всех остальных».

Нам по-прежнему очень нелепо осознать тот факт, что подобно тому, как страстное желание арабского мира стереть с лица земли еврейское государство коренится не в реальных или предполагаемых действиях Израиля, но исходит из самого факта его существования, так

и нас ненавидят не в связи с нашей политикой, а просто потому, что мы — это мы. Все тот же учебник подводит итог одному из своих обвинений: «Западная цивилизация, в обеих ее ипостасях, капиталистической и коммунистической (!), лишает человека мира в душе, стабильности и возможности следования благородному примеру тех, кто не ставит во главу угла материальное благополучие... Деньги ведут в никуда, к самоубийству».

В самом деле, они обвиняют нас во всех смертных грехах, в том числе в уничтожении индейцев. Но, как было недавно замечено, их враждебность вызывается вовсе не нашими дурными поступками, но, напротив, деяниями благами. Наша демократическая политика для них столь же порочна, что и западная экономическая система, создавшая безусловное процветание. Они хотят все это разрушить, сначала на Ближнем Востоке, а затем и во всем остальном мире. Их задача состоит в том, чтобы образ жизни, завещанный им Аллахом, восстал во всей своей священной чистоте — на обломках растленного Запада.

Wall Street Journal
Перевод Э. Маркова

ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ: МУСУЛЬМАНЕ ЗАЩИЩАЮТСЯ,— РОССИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НА ИХ СТОРОНЕ

«Удар по США был результатом сговора международной олигархии с фашиствующими элементами внутри администрации и силовых ведомств», — считает председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль. Эта точка зрения Г. Джемалья, которую он выразил в своем интервью «Независимой Газете» вскоре после 11 сентября 2001 года, принадлежит не только ему одному. Подобный подход к причине и следствиям террористического акта в США имеет своих последователей.

— ГЕЙДАР ДЖАХИДОВИЧ, согласны ли вы с утверждением, что за террористическими актами в США стоят исламские экстремистские организации?

— Пока мы слышали только голословные утверждения американской стороны на этот счет. Вероятность же этого равна нулю. И талибы, и в еще большей степени бин Ладен являются креатурами ЦРУ. Ресурсы, которыми они располагают, происходят из спецфондов американской разведки. Человек, сидя в горах, пользуется спутниковой связью, контролируемой США, перемещает суммы по электронным каналам мировой банковской сети, которая вся просматривается спецслужбами. Или мы должны вообразить, что он, как Али-Баба, сидит на сундуке с золотом с лампой Аладдина в руке? Оперативное пространство все просвечено, любая нестандартная активность политиков как легитимного, так и нелегитимного типа (агентов, посредников разного рода) тут же фиксируется и расследуется. Усаму бин Ладена готовили как голливудскую кинозвезду на роль драматического злодея по сценарию Я. Флеминга: злой миллиардер доктор Ноу начинает войну против всего мира просто потому, что он такой гад. В реальном мире такие сюжеты, устраивающие обывателя, не действуют.

— То есть мусульмане вообще не имеют никакого отношения к происшедшему?

— В последние годы шло систематическое улучшение отношений между США и исламским миром. США упорно отказывались признать талибов террористической организацией, поддерживали палестинцев. Не секрет также, что все политические структуры, существующие в исламском мире, более или менее зависят от финансовой поддержки Саудовской Аравии. Невозможно вообразить, чтобы панарабский истеблишмент, являющийся в целом прозападным, решил в одночасье покончить самоубийством. Причем вопреки благоприятной для себя политической конъюнктуре. Что же касается каких-нибудь

маргинальных групп, которым на этот истеблишмент наплевать, то у них нет возможности взорвать Манхэттен. Поэтому исключено, чтобы мусульманские организации играли какую бы то ни было роль в событиях 11 сентября.

— **Реально ли понятие «международный терроризм» или, по-вашему, он также является чем-то вымышленным?**

— Организации, входящие в стандартный перечень «террористических», появились в годы холодной войны, и создали их либо КГБ против Запада, либо ЦРУ против СССР. С концом холодной войны эти организации не стали бесхозными. Спецслужбы никогда не теряют связи со своей агентурой. Другой вопрос: как ее использовать? США, стремясь реализовать монополярную эгоистическую версию глобализма, предложили всем остальным «цивилизованным» странам использовать контролируемые сообществом спецслужб террористические структуры в роли «врага всего человечества». Последствия этого очевидны. Это ведет не столько к объединению вокруг США, сколько к стремительно ухудшению глобальной ситуации. Странам Ближнего Востока практически приказано отказаться от собственного суверенитета. Европу превращают в ресурс для нового крестового похода. Россию вынуждают также сделать выбор, последствия которого способны нанести ущерб ее государственным интересам.

— **Что это за выбор?**

— США требуют от России присоединиться к западному блоку, начинающему войну против исламского мира.

— **Но ведь, по мнению многих, это означает, что Россия встанет на сторону «цивилизованной части человечества»...**

— «Цивилизованная часть человечества» - демагогический штамп, за которым не стоит ничего, кроме возможности бомбить безнаказанно кого угодно. Тезис германских фашистов «сила создает право» становится сегодня слоганом американской администрации. В атмосфере всемирного стресса российскому руководству навязывается капитуляция перед американской военной машиной. Россия будто бы должна предоставить свои базы для использования США, заставить центральноазиатские страны СНГ участвовать в крестовом походе против талибов. Если центральная власть пойдет на присутствие армии США на российской территории, на нарушение суверенитета Российской Федерации, то перед региональными субъектами нашей страны откроется возможность прямых контактов с абсолютным хозяином мира - Вашингтоном. Это будет означать гибель страны. В этой ситуации меня изумляет, что нигде не видно и не слышно КПРФ. Кому нужна такая «конструктивная оппозиция», которую днем с огнем не сыщешь в критический для России момент?

— **Но даже некоторые исламские страны готовы предоставить свои территории для проведения американской карательной операции...**

— Эти некоторые исламские страны уже фактически оккупированы.

— **Но ведь даже обычно антиамериканский Иран выразил свое согласие.**

— Не думаю, что это нечто большее, чем дипломатический ход. Если же Иран и впрямь пойдет на сотрудничество, то это будет предательство интересов исламского мира. Какие бы разногласия ни были у Ирана с талибами в региональном формате, это не может быть базой для решения блокироваться с США. Кроме того, это явилось бы подрывом стратегических интересов России, которая является стратегическим союзником Ирана и ее гарантом против внешней агрессии. Но я надеюсь, что иранское руководство понимает серьезность брошенного ему вызова.

— **Последнее время почти все российские СМИ демонстрировали безудержную заботу о так называемом Северном альянсе. Талибы считаются в России опасными врагами. Оправданна ли такая позиция в свете российских интересов на международной арене?**

— Сегодня трезвым аналитикам ясно, что талибы - сила, которая может быть использована в критический момент в интересах России. Не забудем, что весь сыр-бор с Афганистаном был заварен больше 20 лет назад из-за угроз американского вторжения в эту страну. Теперь эта угроза налицо. Кстати, не сомневаюсь, что Северный альянс в таких обстоятельствах сделает патриотический выбор, предпочтя племенным разногласиям спасение страны.

— Как бы вы определили взаимоотношения российской власти и исламского мира?

— С начала 90-х годов лидеры политического ислама — и я в их числе — старались объяснить руководству России, что рано или поздно американский стратегический курс приведет к конфликту интересов США и РФ. России необходимо было опереться на поддержку антиимпериалистического ядра мирового исламского движения. Мусульманские низы всегда нуждались в могучем СССР как гаранте против империалистической тирании, в том числе против собственных прозападных правителей. Однако козыревская предательская политика завела прежнее руководство РФ в ловушку. Одним из следствий этого явилась война в Чечне, подготовленная западными спецслужбами. Сегодня эта война — рычаг давления Запада на Москву. Ее продолжение лишает Россию свободы стратегического маневра, поэтому политическое решение чеченского кризиса после 11 сентября становится насущно необходимым.

— Так все-таки откуда пришел удар, поразивший США? Кто заказчик и кто исполнитель?

— Кто исполнитель — не важно. Важно, кому это выгодно. Он и есть заказчик. В краткосрочной перспективе случившееся выгодно правоконсервативному крылу республиканцев, давно стремившемуся превратить Америку в полицейское государство. Однако, если США выберет этот путь, сработает долгосрочная перспектива — мировая власть перейдет к союзу ТНК (транснациональных корпораций), международной бюрократии и мафии. Союзу, который действует уже сегодня. Это станет концом всякой демократии в мире, вплоть до свертывания даже формальных демократических процедур.

— Что же это за зловещие структуры — транснациональные корпорации и международная бюрократия? Не преувеличиваете ли вы их силу? Способны ли они бросить вызов такой мощной державе, как США? И зачем им это надо?

— Любая ТНК на порядок мощнее среднего государства третьего мира. Она располагает гигантским финансовым оборотом, уводимым от налогообложения за счет независимости от определенных национальных экономик, эксплуатирует лучших специалистов на местах, в том числе и в вопросах безопасности, инкорпорирует местные мафиозные структуры. Попытка гуманитарных поборников противостоять им в разных регионах мира (скажем, для защиты экологии) кончается стремительной расправой. ТНК рвутся к статусу мирового правительства, но им не хватает административного ресурса, контроля над силовыми структурами. Тут им на помощь приходит международная бюрократия — порождение послевоенной эры. Мир облеплен фондами, комитетами, комиссиями, курирующими глобальные проекты, в которые принуждают выделять средства из бюджетов разных государств. Возникает новая национальная форма коррупции. До определенной степени помехой этому была администрация США, которая указывала ТНК, на какие рынки им выходить, преследовала за неуплату налогов, за отмывку гигантских сумм «грязных денег» и тому подобное. Соперничество между однополярным американским глобализмом и транснациональным олигархическим глобализмом очевидно. Рано или поздно обнаружится, что удар по Нью-Йорку и Вашингтону был результатом сговора этих олигархических кругов с фашиствующими элементами внутри американской администрации и силовых ведомств. Без их поддержки техническая реализация этой террористической операции была бы невозможна.

Интервьюировал М. Шевченко.

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА

НОВЫЙ ПОРЯДОК: АНТИАМЕРИКАНИЗМ. АНТИСЕМИТИЗМ. ВРАЖДА К ИЗРАИЛЮ.

Сегодняшняя Европа — это «старая Европа» 1920-х годов, до смерти напуганная ужасами Первой мировой войны, проникнутая ненавистью к самой себе и чувством вины, боящаяся войны и ради этого готовая пойти на умиротворение любого тоталитарного агрессора. «Нью-Йорк Пост» заклеимила капитулянтскую позицию Франции и Германии, которые отказались поддерживать военные действия США против Ирака как проявление синдрома «старой Европы».

Британская империя в прошлом часто прибегала к политике умиротворения и получала при этом неплохие результаты, избегая дорогостоящие конфликты и сохраняя международное статус-кво. Другие европейские государства также применяли эту политику.

Затем пришел 1914 год, когда почти вся Европа очертя голову бросилась в пекло Первой мировой войны. Почти 100 лет до этого Европа не воевала, и ее память об ужасах войны испарилась. Мыслители вроде германского философа Фридриха Ницше проповедовали теории, прославляющие войну.

Четыре года ада, особенно — в окопах северной Франции, породили впоследствии огромное чувство вины за проявления энтузиазма 1914 года. Умиротворение стало популярной политикой. И поэтому, когда в 1930-х годах появился Гитлер с его угрозами, британские и французские лидеры попытались откупиться от него. И, конечно же, то, что так хорошо сработывало в колониальных войнах, привело к полной катастрофе, когда пришлось иметь дело с таким врагом, как нацисты.

Казалось, что политика умиротворения тоталитарного оппонента дискредитировала себя. В течение всего периода холодной войны формировалось убеждение, что европейцы никогда не забудут полученный урок. Но они так-таки забыли его, и это случилось вскоре после развала Советского Союза в 1991 году.

Почему это произошло? Давид Гелернтер из Йельского университета объясняет это тем, что «Сила идеи умиротворения, которая была временно затушевана Второй мировой войной и холодной войной», оказалась весьма живучей, потому что Первая мировая война выглядела более поддающейся осмыслению, чем Вторая, которая была «слишком грандиозной, чтобы ее можно было понять по-настоящему». Он считает сегодняшнюю Европу «поразительно» похожей на Европу 20-х годов и в других смыслах: «с ее страстью к самоопределению, ненавистью к империализму и войне, с ее либеральной Германией, немощной Россией и картой Европы, забитой малыми государствами, с европейским презрением к Америке, с европейским эндемическим антисемитизмом, с ее политически, финансово и мазохистски вознаграждаемым преклонением перед мусульманскими государствами, которые презирают ее и ее подсознательное чувство вины и ненависть к самой себе».

И умиротворение замечательно соответствует этим настроениям, превратившись в течение десятилетий в мировоззрение, «которое провозглашает кровавую вину западного человека, моральное банкротство Запада и жестокость западной цивилизации, пытающейся навязать другим свои ценности. Уроки Второй мировой войны уступили место настроениям 20-х годов («Ничто не оправдывает намерения прибегнуть к военным действиям»).

Соединенные Штаты оказались сейчас в роли лидера демократических стран. Их миссия — противостоять этой слабости «старой Европы», поддающейся соблазну умиротворения, что снова может привести к катастрофе в той же мере, в какой она привела тогда ко Второй мировой войне.

Владимир БУКОВСКИЙ

ЕВРОПЕЙСКОЕ СОДРУЖЕСТВО – НОВОЕ ИЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В начале 2002г. группа членов Британского парламента, пригласила Владимира Буковского выступить в здании Британского парламента перед публикой с изложением своей точки зрения на процессы, происходящие в Европе в связи с созданием и дальнейшим развитием Европейского Союза. Изложенные Владимиром Буковским воззрения представляют собой, по нашему мнению, громадный общественный интерес и только на первый взгляд могут показаться парадоксальными. Читателю предлагается русский перевод выступления, записанного на магнитофон.

Легко представить, что я мог бы счесть себя сегодня самым счастливым человеком во Вселенной после того, как в 1991 году мои вечные враги, Советский Союз и советская коммунистическая система, развалились и исчезли с лица Земли. И действительно, двадцать лет назад, или почти двадцать лет назад, выступая, как мне помнится, в этом достойном зале, президент Рейган смело заявил, что судьба коммунистической системы – оказаться на свалке истории. В то время его слова были встречены, в лучшем случае, с недоверием, а в худшем – насмешками. Но двадцать лет спустя даже коммунисты предпочитают, чтобы их не называли этим именем, в то время как последний генеральный секретарь советской коммунистической партии зарабатывает себе на жизнь продажей пиццы.

На самом деле, однако, я не вижу особых причин для радости. Возможно, мы выиграли несколько решающих сражений при Рональде Рейгане и Маргарет Тэтчер, но мы, в противовес общепринятому мнению, явно не одержали победу в холодной войне. Разумеется, если мы интерпретируем холодную войну как чисто военное противостояние между странами Варшавского договора с одной стороны и странами НАТО — с другой, тогда мы, пожалуй, победили. Но, холодная война всегда была нечто большее, чем просто военное противостояние. Это была, прежде всего, и главным образом, идеологическая война, столкновение либеральной демократии с тоталитаристским коммунизмом. И вот эта война так и не была закончена, эта работа не была завершена.

Когда Советский Союз и его союзники рухнули, это произошло не потому, что мы победили их, а потому, что они выдохлись, главным образом, благодаря их собственной глупости: они попросту превысили свои возможности в гонке вооружений, в попытке финансировать громадную империю, во всех своих начинаниях. Но до самого последнего момента существования Союза и его присных Запад фактически пытался оживить их кредитами и займами, технологией и дипломатической поддержкой. В критический момент — в течение решающих последних семи лет — советское правительство получило, если я не ошибаюсь, около 45 миллиардов долларов иностранной помощи, которые помогли ему продлить свое существование. В эти критические семь лет Запад перенес свою поддержку от подлинных демократов, каковыми были мы в Советском Союзе, к «либеральным коммунистам» и так называемым «коммунистическим реформаторам», сделав совершенно бесполезными все наши усилия. И когда советская система, в конце концов, рухнула, на Западе, тем не менее, не было ликования, не прозвучали требования наказать самых гнусных преступников против человечества. Западные лидеры выглядели сбитыми с толку и даже огорченными кончиной их бывшего врага, хотя это было, пожалуй, самым значительным событием всего столетия.

Владимир БУКОВСКИЙ — известный советский правозащитник. В 1972 году был осужден за разоблачение использования психиатрии в борьбе с инакомыслием. В 1976 году был обменен советскими властями на лидера чилийских коммунистов Л.Корволана. Живет в Кембридже (Англия), занимается журналистикой.

Последствия этого незавершенного дела очень серьезные, можно сказать, судьбоносны; во всяком случае, более серьезные, чем война с Саддамом Хусейном. Только вообразите себе, что в 1945 году победившие союзники вместо безоговорочной капитуляции согласились бы на нечто вроде «перестройки» нацистского режима. Что произошло бы в этом случае в Европе? Я могу поручиться, что в следующие тридцать лет в Европе было бы что угодно, кроме демократии. У них было бы то, что сейчас так мило называется «посттоталитарным периодом», что бы это ни означало. И, конечно же, через несколько лет, пусть даже под другим именем, нацистская партия и ее коллаборационисты снова пришли бы к власти во всех странах, где они доминировали прежде. Они учредили бы более умеренную, более либеральную версию своего режима, но это был бы все тот же их режим.

И именно это, боюсь, происходит сегодня. Не только в России или на Украине, Белоруссии или Болгарии, или Румынии, но даже в Польше недавние выборы принесли ошеломляющую победу бывшим коммунистам. Даже в Берлине победа коммунистов была столь поразительной, что никто не мог в это поверить. Но самым тревожным во всем этом является то, что никого на Западе это не насторожило. И это можно назвать победой в холодной войне? Неужели мы до сих пор уверены в том, что одержали в ней победу?

В России, в частности, дела пошли намного хуже, чем в любой другой стране из тех, которые я назвал. Последние президентские выборы показали, какой вид демократии эта страна избрала для себя, когда избиратели были поставлены перед весьма странным выбором между лидером коммунистов и полковником КГБ. Вот они – выборы в русском стиле.

И КГБ победил. После десяти лет нерешительных, половинчатых попыток провести реформы власть снова вернулась к ним, и они очень быстро восстановили свою власть по всей стране. Последние оплоты независимой масс-медиа были закрыты одно за другим. У нас не было политических заключенных в течение десяти лет – сейчас они у нас есть. Несколько человек уже были посажены за решетку за выступления против войны в Чечне, за протесты против злоупотребления военной властью в охваченных войной районах или против нанесения ущерба окружающей среде военными ядерными отходами.

Чечня сегодня является одной из гноящихся ран страны, где, на мой взгляд, осуществляется настоящий геноцид против небольшой незащищенной нации. Поступает масса информации о так называемых «зачистках», когда все население деревень загоняется в фильтрационные лагеря, после которых лишь немногие остаются в живых. Некоторым из них может повезти, если их семьи в состоянии заплатить за них выкуп, чтобы вызволить из лагеря.

Коррупция в сегодняшней России – это нечто, принадлежащее какому-то другому, запредельному миру. Это уже не коррупция, это система. Это система, в которой КГБ управляет большей частью организованной преступности, рэкетом, торговлей наркотиками, продажей оружия. Фактически они превратились в некое подобие преступного синдиката, подобного знаменитому «Спектру» из Бондианы.

Несомненно, сейчас очень неподходящее время для потепления отношения Запада к России, и, тем не менее, именно это мы и наблюдаем. Путина неожиданно принимает президент Буш, который, среди прочего, сказал, что он заглянул ему в душу. Для меня это оказалось большой новостью. Во всех моих встречах с офицерами КГБ именно на душу мне никак не удавалось наткнуться. Ваш премьер-министр Тони Блэйр отправился в Россию, чтобы приветствовать новых союзников на борту грандиозной антитеррористической коалиции. Он сказал, как он очень доволен тем, что Россия стоит сейчас заодно с Западом в этой важной борьбе, потому что «у России есть такой большой опыт в борьбе с терроризмом».

Никогда не думал, что доживу до такого времени, когда мне доведется услышать из уст западного политика такую странную и оскорбительную фразу. Она звучит так же кощунственно и глупо, как звучала бы фраза о том, что у Германии есть невероятно обширный опыт в обращении с евреями. Потому что в ее предыдущей инкарнации в качестве Советского Союза Россия практически изобрела современный политический терроризм и распространила его по всему миру.

И если сегодня мы сталкиваемся со всеми этими новыми очагами терроризма, мусульманского или любого другого, все они имеют предысторию советского вторжения, советских подрывных операций, так называемых «фронтов освобождения», финансируемых, тренированных и подготовленных в Москве. Зачем тебе враги, если у тебя есть такие друзья? Я боюсь, что если вы собираетесь быть союзниками этих людей, ваша глобальная война с терроризмом будет продолжаться вечно.

Меня по-настоящему озадачивает то, что мы ведь совсем недавно, благодаря какому-то чуду, похоронили одного монстра, который угрожал нам в течение пятидесяти лет и вдруг умер, умер действительно чудесным образом. И вот, стоило нам похоронить его, как мы начали создавать еще одного, замечательным образом похожего на того, которого мы только что похоронили. Полный отчаяния и все возрастающей тревоги, я наблюдал за этим сходством, за похожими чертами, которые появлялись по мере того, как создавался этот новый монстр.

Давайте проведем простое сравнение. Что такое СССР? СССР — это Союз Советских Социалистических Республик. Что такое Европейский Союз? Это — союз социалистических республик. Совсем недавно, перед выборами в Италии и Австрии, это был практически союз социалистических республик.

Советский Союз, как мы помним, всегда стремился, во что бы то ни стало, сохранять свою собственную модель социализма, и, если какая-либо страна пыталась отклониться от этой модели, в нее либо вторгались, либо оказывали на нее мощное давление. Это называлось, как мы помним, доктриной Брежнева. То же самое происходит в Европе сегодня. Если Австрия отклоняется от социалистического курса, она подвергается остракизму, на нее оказывается давление, ей объявляется бойкот и еще Бог знает что. Если социализм Милошевича отличается от социализма, исповедуемого в Брюсселе, его просто начинают бомбить. Когда к власти в Италии приходит Берлускони, мне приходится слышать весьма странные заявления французов и немцев: «Ну, это очень плохо, но на этот раз мы не будем объявлять Италии бойкот». Очень мило с их стороны, не правда ли?

Каким образом управлялся Советский Союз? Он управлялся пятнадцатью людьми, которых никто не избирал и которые не были подотчетны никому. Как управляется Европейский Союз? Двумя дюжинами никем не избираемых людей, которые дают назначения друг другу, которые неподотчетны никому и которых мы не можем отправить в отставку.

Как был создан Советский Союз? Принудительно. Или чаще — военной оккупацией силами Красной Армии и марксистских идей. Как был создан Европейский Союз? Правда, без применения вооруженных сил, но с помощью принуждения и запугивания, под угрозой создания невыносимых экономических условий для тех, кто попытался бы остаться за его пределами. Так что и здесь была, как в случае с Советским Союзом, «женитьба под дулом пистолета», как называли бы это американцы.

В конституции Советского Союза содержалась статья о праве любой республики на выход из Союза. Разумеется, она была включена туда из пропагандистских соображений. Люди были достаточно умны для того, чтобы даже не сметь подумать об этом, тем более, что не существовало процедуры такого отделения и даже просто разговор на эту тему рассматривался бы как преступление и посягательство на территориальную целостность Советского Союза. Я был поражен, когда обнаружил, что более или менее такая же ситу-

ация существует и в Европейском Союзе. Вы можете вступить в него, но выйти из него вам не удастся. Не предусмотрено такой процедуры. Никто еще не сказал вслух, что вы не можете выйти, но процедуры не существует. Все это очень похоже на то, к чему я так призывал в Советском Союзе.

Советский Союз был очень агрессивной страной. Он не мог существовать без того, чтобы распространять свою модель социализма все дальше и дальше. В тот момент, когда он перестал делать это, он начал распадаться. У меня есть сильное подозрение, что то же самое справедливо и для Европейского Союза. Хотя экономически совершенно бессмысленно привлекать в Союз все больше и больше стран Восточной Европы с их неразвитой экономикой, он оказывает сильное, иногда просто непереносимое давление на эти восточно-европейские страны, а также на некоторые другие, как, например, Швейцарию, требуя от них вступления в Союз. Создается впечатление, что это носит идеологический характер.

Нам в Советском Союзе прожужжали все уши о том, что целью его существования является создание новой исторической общности — советского народа. Нам следовало забыть о своей национальности, о наших этнических особенностях, мы ничего не знали о них. И в самом деле, когда я рос в России, я не мог сказать, кто украинец, кто русский, кто белорус — об этом не следовало упоминать специально. Мы должны были быть единой общностью.

То же самое, похоже, справедливо для Европейского Союза. Они не хотят, чтобы вы считались англичанами, а кто-то другой — французом или кем-то еще, они хотят, чтобы вы все образовывали единую историческую общность, европейцев — что бы это ни означало. И вообще, одной из великих целей социализма, каким мы его знаем, всегда было разрушение национального государства. Все они верили в то, что государство, по их выражению, изживет самое себя за ненадобностью. С некоторой их помощью, разумеется. И именно это мы наблюдаем сейчас в Европе. Какова цель этого образования, расплывающегося сейчас по Европе из Брюсселя? Цель эта — поглотить национальные государства. В их существовании уже нет нужды.

Мне могут возразить, что в Советском Союзе был Гулаг, и, пока в любой стране нет Гулага, ее нельзя ставить на одну доску с Советским Союзом. Я думаю, что мы уже присутствуем при зарождении Гулага в Европе. По крайней мере, у них есть то, что мы называем интеллектуальным Гулагом, когда любой человек, посмеявшийся выразить свое особое мнение по таким вопросам, как раса, пол, образ жизни или что угодно другое — если его или ее мнение отличается от общепринятого и одобренного неким определяющим центром, — этого человека подвергают остракизму, ему не позволяют появляться на публике, он не может занять какой-либо серьезный пост или опубликовать что-нибудь существенное. Это — уже начало Гулага. Могу вас уверить — я знаю, что я уже в Гулаге.

Но это только начало. Я читал недавно о попытке вашего правительства, нынешнего правительства Великобритании, кодифицировать этот вид политической корректности. Некий мистер Блэнкет попытался провести закон, определяющий устное высказывание как правонарушение, заслуживающее наказания, что противоречит, насколько мне известно, всем законам вашей страны. Это очень опасный прецедент. Нас спасли, как мне помнится, несколько комиков, которые выступили с возражениями против этого закона, заявив, что если он будет принят, они останутся без работы.

И в самом деле, мы оказались на расстоянии вытянутой руки от закона, согласно которому я оказался за решеткой в России, когда высказывание собственного мнения считалось преступлением, видом подрывной деятельности. Нам повезло, что на данный момент с этим законом покончено, но я вас уверяю, что такого рода попытки будут повторяться вновь и вновь. Такова природа этого монстра.

Я с некоторым ужасом заметил, что Соглашение в Ницце включает в себя пункт о создании европейской полиции, которая будет обладать громадными привилегиями. Даже КГБ не имел таких привилегий. Сотрудники этой полиции будут иметь дипломатический иммунитет. Представьте себе на минуту полицейского, который придет к вам в дом, избьет вас, конфискует все, что он захочет — а у вас даже не будет права подать на него в суд. Они будут обладать дипломатическим иммунитетом. Они, видите ли, дипломаты.

Это куда более опасно, чем вы можете себе вообразить. Если вы попадете в компьютер в какой-либо стране как нарушитель закона за якобы «пропаганду ненависти», вас могут вывезти под конвоем из вашей собственной страны без какого-либо предварительного слушания, без возможности защитить свои права на основе законов вашей страны.

Если это не начало Гулага — тогда что это?

Я могу продолжать сравнивать эти две структуры до бесконечности, потому что они так похожи друг на друга. Вопрос заключается в следующем: является ли это сходство лишь поверхностным совпадением? Или, как сказали бы биологи, это феномен ко-эволюции — взаимосвязанного развития близких по сути видов? Или есть еще какие-то причины такого их сходства?

Проработав некоторое время в архивах ЦК КПСС в 1992 году, когда я состоял в должности эксперта Конституционного суда в России на процессе коммунистической партии против президента Ельцина, и после проведения некоторых исследований, в том числе изучения ряда документов, недавно опубликованных в России в связи с десятой годовщиной распада Советского Союза, я могу уверить вас, что это — не совпадение. Это куда больше, чем совпадение.

То, о чем я собираюсь вам рассказать сейчас, отнюдь не мои предположения. Все это хорошо задокументировано, доказано и опубликовано во многих странах, за исключением вашей. Если попытаться изложить это попроще, история двадцатого века может быть очень легко определена как история взаимоотношений между двумя ветвями социал-демократии — коммунистами и социал-демократами, или, как мы называли их в России, большевиками и меньшевиками, которые в прошлом принадлежали к одной и той же организации, к российским социал-демократам, но разделились в начале века. Разница между ними не так уж и велика. Как когда-то сказал мне мой друг Норрис Макуеркер после того, как он выслушал мои объяснения, разница между ними похожа на два разных способа приготовления лобстера. Можно положить лобстера сразу в горячую воду, а можно положить его в холодную воду и начать ее медленно подогревать. Результат будет одним и тем же — лобстер сварится и станет красным.

Именно такова, более или менее, разница между большевиками и меньшевиками. То, что большевики хотели сделать быстро — революцией, террором и так далее, меньшевики собирались сделать медленно — реформами, манипуляциями, индоктринацией и так далее, и тому подобное. Но их окончательные цели отличались незначительно.

Исторически сложилось так, что в то время, как большевики победили в России и в Восточной Европе, меньшевикам удалось добиться большого прогресса и получить большое влияние на Западе. И их взаимоотношения стали весьма важным фактором в истории Европы, и особенно в послевоенное время.

Меньшевики всегда мечтали о том, что однажды большевики поймут, в чем они были неправы, они «помягчают», они начнут в какой-то мере соблюдать права человека и, в конце концов, вернуться в социал-демократию. Большевики знали об этой мечте. Они знали пороки социал-демократии и всегда пользовались ими, оказавшись загнанными в угол. Что они делали, когда попадали в трудное положение? Они делали вид, что вот-вот превратятся в социал-демократов. И хотите — верьте, хотите — нет, но, по меньшей мере,

ре, десяток раз в двадцатом веке этот трюк удавался. Он срабатывал при Ленине, срабатывал при Сталине, срабатывал при Хрущеве, срабатывал при Брежневе, но лучше всего он получился у Горбачева.

Со временем этот фокус превратился в некую философскую концепцию, в теорию конвергенции. Вы, наверное, слышали о ней. Она говорила о том, что, по убеждению социал-демократов, в один прекрасный день, когда большевики станут «помягче», станут более цивилизованными, в Европе наступит царство социал-демократии, произойдет окончательная конвергенция, Европа перестанет быть разделенной, и после этого наступит вечный мир, процветание и счастье для всех людей. Такова была большая мечта социал-демократов и их большая теория.

Эта теория оказалась очень полезной для большевиков, для коммунистов из Москвы, в частности, в 70-х годах, во время так называемой политики детанта, когда они с большим успехом рекрутировали социал-демократов Европы для проведения своей политики. Но цепь последовавших событий свела к нулю все их достижения. Вторжение в Афганистан, появление Солидарности в Польше — все это вернуло их на исходные позиции, и с тех пор они готовились к тому, чтобы начать новый раунд той же игры, потому что они знали, что дела их плохи. И в 1985 году их новая игра началась.

К 1985 году советское правительство уже знало, что находятся в глубоком кризисе, что они, по-видимому, не смогут справиться с кризисом без массивной помощи Запада. А как лучше всего получить эту помощь, если не с помощью их старого заклятого друга — социал-демократов?

Для социал-демократов 1985 год был поворотным пунктом, потому что до этого они были против европейской интеграции и Общего рынка. И точно так же считали Советы. Они до 1985 года были убеждены в том, что идея европейской интеграции враждебна им, что она направлена против них и предназначена для создания в Европе единого фронта, противостоящего им. Это совершенно ясно следует из всех их документов.

Все изменилось в 1985 году. С новыми проблемами, ожидающими их за углом, и с социал-демократами, готовыми помочь им, они полностью изменили свое поведение. Теперь они начали говорить об «общем европейском доме». Между тем, левые, социал-демократы также изменили свое отношение к дальнейшей интеграции Европы, они пришли к выводу, что если они возьмут этот проект в свои руки, то они смогут извлечь из этого выгоду и продвинуть свои идеи.

Говоря об этом, я могу сослаться, если хотите, на одну книгу (хотя есть много подобных книг) под названием «Конец холодной войны», которая написана человеком, многие годы работавшим в секретариате Социалистического Интернационала, человеком по имени Богдан Дени. Какова суть этой книги? Суть этой книги сводится к тому, что конец холодной войны и коллапс Советского Союза вовсе не являлись катастрофой для европейских левых. Это вовсе не означало, что на авансцену выходит либеральный капитализм или, как они выражаются, «дикий капитализм». Если левые консолидируют свои силы и возьмут проходящие в Европе процессы в свои руки, что фактически и произошло, если эти процессы могут быть направлены ими вместе с Советским Союзом в новом, нужном им направлении, то они могут обратить поражение в победу. Такова была основная мысль этой книги, опубликованной в 1990 году, когда все это существовало только в виде плана.

Между тем, Горбачев во всех своих разговорах с западными лидерами социал-демократического толка неустанно обсуждал эту тему. Я просмотрел несколько записей его выступлений и дискуссий с лидерами социал-демократов, и во всех случаях речь шла, в конечном итоге, о сотрудничестве в деле построения общего европейского дома.

Потом, когда проект или, скорее, часть проекта рассыпалась, они, конечно, не отка-

зались от него. Они не сказали, что теперь отпала нужда спасать мир от войны, что теперь уже нет разделенной Европы. Нет, они продолжали.

И это разоблачает все их лицемерие, когда они говорили о спасении мира от войны или о чем угодно другом, потому что на самом деле они просто-напросто понимали, что такой объединенный проект, такая структура очень подходит им, помогает им установить свою власть в Европе. Какая разница, выиграете вы или проиграете очередные выборы? Они все равно сохраняют власть и превратят в закон все социалистические нововведения и социалистические реформы, которые им уже удалось ввести. Они сделают их законом, который уже нельзя будет отменить. Именно такие мотивы, в сущности, двигали ими.

А потом, в 1989 году проявились очень интересные процессы. Как вы все помните, в 1989 году все страны Восточной Европы вдруг начали изменяться. Все это выглядело как некая всеохватывающая революция, прошедшая по странам этого региона.

Исследования, проведенные позже в таких странах, как Чешская республика, Германия, Румыния, а также исследования, проведенные Джоном Симпсоном из БиБиСи, показали, что это была на самом деле операция Советов. Операция, которая, в итоге, пошла вкривь и вкось. Я сам видел, как Джон Симпсон брал интервью у генерала Алоиза Лоренца, главы разведки Чешской республики, который объяснил ему перед объективом камеры, что по указанию Москвы он организовывал спонтанную псевдореволюцию, возвращение к Пражской весне модели 1968 года с всеобщим ликованием людей, которые были счастливы вернуться к социализму с человеческим лицом, но, к сожалению, в конце все пошло не так. То же самое говорили и румыны, за исключением того, что в Румынии Советам на самом деле удалось сделать то, что они хотели. Румыния, вероятно, была единственной страной, где их замысел удался, где они хотели заменить коммуниста Чаушеску коммунистом Илиеску, и именно это и произошло.

Во всех других странах, когда людям давали малейшую возможность изложить то, к чему они стремятся, они отвергали любую форму социализма — с человеческим лицом или без оно, либерального или другого. Когда у них появлялся хоть крохотный шанс сказать то, что они хотят, они отвергали любой сорт просоветской ориентации левого толка и голосовали за бывших заключенных, как Вацлав Гавел в Чешской республике или руководители Солидарности в Польше.

Объединение Германии было неизбежным при любом ходе событий. Но, тем не менее, Советы хотели и добились, до определенной степени, согласия Запада на проведение объединения в рамках европейской интеграции. Если бы они преуспели полностью, мы все еще жили бы в Европе без объединенной Германии. Объединение Германии происходило бы, согласно их планам, сейчас. И, что самое ужасное, большинство западных стран согласилось с этим сценарием, включая и Соединенные Штаты. Президент Буш-старший во время саммита на Мальте полностью согласился с предложением Советов, что не следует педальировать объединение Германии, что оно должно проводиться постепенно, ответственно и только в рамках европейской интеграции.

К счастью для нас, Гельмут Коль в тот момент неожиданно пошел против своих западных союзников и ускорил объединение. Вместо того, чтобы ждать завершения построения Европейского Союза, он сделал все за один год, и, главным образом, потому что восточные немцы, а вовсе не западные немцы стремились к этому изо всех сил. Они знали, с каким огнем они играют. К тому времени люди, которым пришлось пожить при коммунизме, знали это слишком хорошо. Они знали, что если они будут ждать, то не получат ничего.

Как видно из этого, Европейский Союз — это только половина плана. Но даже в таком виде, даже будучи только частью плана, он достаточно отвратителен. В сущности, я могу рассказать вам, что произойдет, потому что, если перефразировать знаменитого деятеля левого движения 30-х годов, я жил в вашем будущем, и оно мне не понравилось.

Результаты того, что они делают сейчас в Европе, будут диаметрально противоположными тому, что они обещают, как это всегда бывает с левыми, с утопистами любой окраски, ибо они не понимают природы человека. Они всегда стремятся изменить ее, и поэтому, когда природа человека отвергает их притязания, они всегда приходят в изумление. Они, как правило, получают результаты, обратные тому, к чему они стремятся.

Нам сказали, что это необходимо для преодоления нашей этнической обособленности, нашей национальности, наших предрассудков, наших традиций, и поэтому после того, как это произойдет, мы во веки веков будем жить счастливо как многонациональное общество.

Я могу сказать вам заранее, что произойдет нечто противоположное. После семидесяти трех лет жизни в Советском Союзе, который должен был быть, в теории, счастливой семьей народов, у нас было столько этнических конфликтов, сколько не могло появиться ни в одной другой стране.

Нам говорят сегодня, что их цель — всеобщее процветание. Наша экономика станет сильной по сравнению с экономикой Соединенных Штатов, способной конкурировать с ней и стоять на страже наших интересов. Произойдет нечто противоположное. Зарегулированная, субсидированная, глупо организованная, коррумпированная экономика Европейского Союза станет очень слабой, и люди станут все более и более бедными и зависимыми от Соединенных Штатов.

Пару лет назад я читал в газете, по-моему, в «Геральд Трибюн», статью, в которой рассказывалось о результатах исследования будущих проблем занятости в Европе, проведенного группой европейских исследователей под эгидой Европейской комиссии. Это было замечательное и, на мой взгляд, очень показательное исследование. Из него мы узнаем, что через 15-20 лет Европе будет настолько катастрофически не хватать рабочей силы, что она вынуждена будет ввезти до 30 миллионов человек из стран третьего мира.

Но почему из третьего мира? У нас есть много рабочих, много квалифицированной рабочей силы в России, Польше, Болгарии, Белоруссии, на Украине — миллионы человек. Но нет, Европейская комиссия не хочет, чтобы они пришли в Европу. Она хочет, чтобы это были этнически другие люди.

Мы все знаем, что адаптация вновь прибывших иммигрантов, и особенно иммигрантов из третьего мира, является весьма болезненным процессом. Он будет болезненным и для иммигрантов, и для общества.

Почему они делают это? А потому, что это очень удобно. Во-первых, они получают привязанный к ним электорат, людей, которые обречены голосовать за трудовые или социал-демократические партии как единственные партии, распределяющие и перераспределяющие общественные средства и помощь, предоставляемые им. Во-вторых, мы все будем испытывать чувство вины. Это так мило. Любой, кто зайкнется по поводу этой проблемы, немедленно превратится в парию. И это так удобно для того, чтобы применять репрессивные меры и затыкать рот любым оппонентам. В-третьих, окончательной целью этих людей, этих утопистов является одно-единственное большое государство на весь мир.

Мы, этикие бесчувственные, эгоистические люди, мы не понимаем этого, мы недостаточно вникаем в проблемы третьего мира. Если же привести третий мир в Европу, люди начнут симпатизировать ему намного больше. Они начнут говорить так, как говорят в Америке о Мексике — давайте поможем мексиканцам жить лучше в Мексике вместо того, чтобы они приходили к нам. Это — еще один долгосрочный проект, а потом появится другой, и так далее. Но результат его будет катастрофическим. В Европе уже существует пропорционально очень большая квота людей из третьего мира. И их очень трудно абсорбировать. Проблема будет нарастать, она примет угрожающий характер и неизбежно приведет к появлению враждебных чувств у обеих сторон.

Что же произойдет? Я не думаю, что Европейский Союз когда-либо создаст Гулаг как систему концентрационных лагерей просто потому, что у вас нет Сибири. Для того, чтобы сделать это, нужна Сибирь. Шетландские острова не так уж плохи, но они слишком малы. Но может случиться — и я хотел бы быть неправым — может случиться, что они будут направлять нас на психологическую обработку. Как это мило — вместо того, чтобы проводить время в психиатрической клинике, как это было со мной в молодости из-за того, что я был антикоммунистом, что в то время считалось проявлением ненормальности, и поэтому меня следовало пичкать соответствующими лекарствами. Теперь эта более мягкая форма социализма не будет засаживать вас за решетку сумасшедшего дома, нет, они пригласят вас на коллективный курс психологической обработки. Вот что ожидает нас. Именно это будет вашей версией Гулага.

Я знаком с этими делами настолько хорошо, что могу предсказать вам многое, и я готов биться об заклад с любым, с любым богатым человеком, который не согласится со мной. Для меня это будет неплохой способ зарабатывания денег.

И еще одну вещь я могу предсказать с легкостью — этот Союз рухнет так же, как развалился Советский Союз. Неизбежность его конца точно так же запрограммирована в нем, как это было запрограммировано в Советском Союзе. Несомненно, его конец оставит после себя полную разруху, и нам придется разгрести это месиво. Все это будет малоприятно, экономическое положение будет намного хуже, к этому следует прибавить все эти этнические проблемы с гигантскими осложнениями, перед нами будут стоять неимоверно тяжелые задачи, но это произойдет.

Позвольте мне сообщить вам и хорошую новость. Противостоять им намного легче, чем КГБ. Эти болтуны из Брюсселя, они просто интеллектуалы, они желают говорить о любви к человечеству, у них нет опыта безжалостности, способности к убийству миллионов людей. Победить их легче, поверьте мне. Если мы смогли победить нашего монстра, если мы смогли собрать горстку молодых безоружных людей, поднять их против самой мощной в истории человечества системы угнетения и победить! Через сорок лет я оглядываюсь назад, на начало пути — и не могу в это поверить. Мы никогда не думали, что нам удастся прожить достаточно долго, чтобы увидеть последние минуты нашего монстра. И, тем не менее, они мертвы, а кое-кто из нас еще жив. Это, на самом деле, очень хорошая новость.

Я могу даже сказать вам, что вам следует делать. Не надо заблуждаться — никакая политическая партия вам не поможет. Все политические партии сегодня коррумпированы. Мы говорим о коррумпированных элитах. И поэтому единственным ответом, как это было с нами сорок лет назад, является создание массового стихийного движения. Только это. Давайте начнем заново, как мы сделали сорок лет назад, с движения за права человека, с защиты нашего права говорить, думать, публиковать, организовывать общества по своему выбору, давайте отвоюем назад нашу демократию. Именно этим мы все должны были бы заниматься сегодня. И я могу сказать вам: если мы сделаем это, все окажется намного легче, чем вы думаете. Эти парни из Брюсселя, они ведь, в большинстве своем, бюрократы, они боятся толпы. Посмотрите, как они были напуганы этими антиглобалистскими хулиганами. Если у нас будет подлинное массовое движение в Европе, они будут дрожать от страха, они забудут про все свои планы, они просто разбегутся. Только сделайте это. Спасибо.

Перевод Э.Маркова

БЕЛЬГИЯ – «СТОЛИЦА» ЕВРОПЕЙСКОГО АНТИСЕМИТИЗМА

Мои дедушка и бабушка и многие члены нашей семьи в Бельгии были депортированы и умерщвлены в газовых камерах Освенцима. Как в большинстве европейских стран, оккупированных нацистами, государственная бюрократия и бельгийские коллаборационисты сотрудничали с нацистскими властями в арестах еврейских граждан. Мне повезло прибыть в Австралию младенцем вместе с родителями на последнем судне, покинувшем Антверпен накануне войны.

Когда Всемирный Еврейский Конгресс собрался в Брюсселе в апреле 2002 года, я настоял на праве обратиться к бельгийскому премьер-министру Ги Верховштадту, который был приглашен на конгресс для выступления, но отменил свое участие в последний момент. Я, тем не менее, написал ему письмо, и премьер министр впоследствии ответил на мои замечания в письме.

Я говорил на ланче в присутствии делегатов и гостей, где, отбросив дипломатические условности, признался бельгийцам, что я возражал против проведения Всемирного Еврейского Конгресса в городе, который превратился в столицу нового антисемитизма в Европе.

Я сказал тогда: «Ваше правительство и, в частности, ваш министр иностранных дел Луи Мишель применяют настолько возмутительные двойные стандарты по отношению к Израилю, что позволительно считать их антисемитскими.

Некоторые обвинения против Израиля в жестокостях настолько вне реальности, что они напоминают времена средневековья, когда евреи обвинялись в отравлении колодцев или в употреблении крови христианских младенцев для приготовления мацы.

Проявляли бы вы терпение, если бы на соседней территории готовили, тренировали и благословляли «святых мучеников», которые в самоубийственных актах террора имели бы целью поразить ваше гражданское население? Проявляли бы вы терпение к ситуации, где бельгийские женщины и дети с ужасом ожидали бы, как их разорвет на части взрывом в ваших кафе и пассажах? Проявляли бы вы терпение к уличным празднествам, происходящим лишь в немногих километрах от вас и показываемым на экранах TV, где участники радуются кровавой бане, только что устроенной вашим гражданам?»

Я напомнил бельгийскому министру иностранных дел, что его страна поддержала в ООН резолюцию, осуждавшую Израиль за самозащиту и неявным образом поощрявшую палестинский террор как средство борьбы с так называемой израильской оккупацией.

«Для вашей страны, в которой нацисты уничтожили большинство евреев, — сказал я тогда, — будет пятном позора выступать теперь во главе движения, имеющего целью раздавить единственное демократическое государство на Ближнем Востоке, государство, которое вдобавок предоставило убежище уцелевшим жертвам Катастрофы. Ваш призыв к бойкоту и другим враждебным актам против Еврейского государства заставляет меня понять, что, несмотря на мои корни в Бельгии, я осквернил бы память моих прародителей, если ассоциировал бы себя в какой-либо степени с правительством, чьи лидеры имеют настолько короткую память, что могут вести себя столь вызывающе по отношению к наследникам Катастрофы».

После вышеописанной встречи отношения с Бельгией основательно испортились. Но последней каплей явилось дело Шарона. Для правительства, чьи предшественники были ответственными за убийство буквально миллионов конголезских граждан, дать зеленый свет судебной процедуре против Шарона значило просто выйти за все рамки.

Только глупец или шарлатан может предположить, что за этой инициативой лежит наивное желание продвинуть права человека, особенно приняв во внимание, что судебная процедура инициирована спустя 20 лет после событий и проводится без всякого упоминания фалангистов, которые фактически провели расправу.

Эта судебная акция несомненно должна быть рассмотрена в контексте страны, которая успешно лидирует в группе тех, кто демонизирует Шарона и в то же время защищает

палестинский террор и выставляет Ясира Арафата в качестве благородного государственного деятеля, борющегося за права человека.

Министр Иностранных дел Биньямин Нетаниягу до конца прав, описав действия бельгийского суда как кровавый навет.

Бельгийцы менее искусны, чем большинство европейцев. Их нападки на Израиль и их антисемитизм — более жестокие и более грубые, чем у их европейских коллег. Но нам не следует предаваться иллюзиям. Бельгийские выходки находят поддержку большинства европейцев, чье усердие в нападках на Израиль мотивировано теми же предубеждениями и теми же двойными стандартами, даже когда они представлены более искусным образом и сопровождаются клише относительно права на существование Израиля.

Антиамериканские выступления по всей Европе только усложняют положение. Поразительно наблюдать за европейцами, без угрызений совести следившими за бомбежками жилых кварталов с целью дестабилизировать власть Милошевича, которые теперь выражают возмущение американскими усилиями «сократить» Саддама Хусейна. Эти же европейцы настаивают, что попытки смены режима Саддама Хусейна аморальны!

Не удивительно, в частности, что евреи находят зловещие параллели в «лагере мира» 1939 года, когда европейцы также демонстрировали страстное желание достичь «мира сейчас» и поддержали Невилля Чемберлена в его политике умиротворения. Рост безудержного антиамериканизма в Европе может породить больше ненависти по отношению к Израилю и усилить антисемитизм. Наблюдатель найдет подтверждение этому на так называемых «демонстрациях за мир», поглотивших весь мир. Там он найдет большую антиизраильскую компоненту и в то же время — полное отсутствие призывов к Саддаму разоружиться и реформировать свой жестокий режим.

Другой урок для Израиля состоит в том, что если европейцы, представляющие наиболее «просвещенные» элементы ООН, могут вести себя настолько гнусно, чего хорошего можем мы ждать от этой организации?

Американцы получили жестокий урок, полагаясь на Совет Безопасности. Теперь им стало понятно, что в трудные времена Лига Наций и ООН оказываются птичками с одинаковым оперением. Действительно, ООН включила в себя много новообразованных тиранических режимов, что еще хуже аристократических правлений, существовавших в предвоенные годы. Должно быть абсолютно ясно, что ООН, Квартет и все остальные предположительно нейтральные третьи стороны без колебаний сдадут Израиль нашим злейшим врагам.

Нет народа в новейшей истории, который страдал бы так много, как израильтяне, из-за поклонения ложным мечтам и иллюзиям. Сегодня мы разделяем более реалистическое понимание миропорядка наших палестинских соседей, тех, кто намерен выступить как нейтральный брокер, и нашего союзника, которому мы крайне признательны, но на которого не стоит возлагать бремя нашего тотального доверия.

В этом же контексте, нам следует хранить в памяти блестящий обмен репликами между президентом Джимми Картером и премьером Менахемом Бегиним. В ответ на вопрос, почему США не подняли и пальца для спасения их верного союзника Иранского Шаха (опрокинутого исламскими фундаменталистами), Картер сказал, что он питал к Шаху большое уважение. Но поскольку сам Шах не проявил желания подобающе встретить враждебное отношение к нему общества и защитить самого себя, США мало что могли сделать для его спасения.

Мораль этой истории. Мы не сверхдержава и не можем выжить в крайней изоляции. Но если мы не готовы встать и предпринять необходимые шаги для своей защиты ввиду нашей чрезмерной чувствительности к пристрастному международному общественному мнению, то мы уже приговорены, потому что даже наши союзники отойдут от нас.

The Jerusalem Post
Перевод Э. Маркова

СТРАНЫ БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО БЛОКА СИМПАТИЗИРУЮТ ИЗРАИЛЮ

В постсоветской эпохе, когда угроза мессианского тоталитаризма исходит уже не от коммунизма, а от исламского фашизма, бывшие советские сателлиты предстают на европейской сцене как противовес той Европе, которая охвачена страхом и заблуждениями. Новый континентальный разлом обратил в противоположность понятия эпохи холодной войны о «хорошей» и «плохой» Европе.

Это стало особенно наглядно в те дни, когда миллионы западноевропейцев демонстрировали неприятие войны с режимом Саддама Хусейна, а улицы столиц Восточной Европы и государств, образовавшихся на развалинах Советского Союза, были убеждающе тихи. Это красноречивое молчание давало понять, что Восточная Европа, в противоположность Западной, понимает разницу между теми, кто готов разрушить цивилизацию, и теми, кто хочет защитить ее.

Израильтяне и евреи диаспоры до сих пор рассматривают Центральную и Восточную Европу с подозрением и неприязнью, проистекающими из опыта многих веков антиеврейских преследований и нашедших кульминацию в Катастрофе. В наше время возрождение классического правого антисемитизма, спорадические нападения на еврейские кладбища, с очевидностью напоминают, что призраки прошлого бродят даже на местах успокоения европейского еврейства.

Но в наши дни главная угроза еврейскому существованию исходит от систематической демонизации Еврейского государства. Нельзя поэтому позволить Катастрофе доминировать в политике Израиля в Центральной и Восточной Европе и пренебрегать нашими потенциальными союзниками в то время, когда очевидно усиление попыток антисиионизма делегитимизировать еврейский суверенитет и коллективное существование.

Это, в частности, наглядно проявилось в недавнем решении, принятом в Бельгии, о преследовании премьер-министра Ариэля Шарона за якобы «военные преступления». В то время, как в Западной Европе Шарон демонически представлен как ближневосточная версия Слободана Милошевича, в Восточной Европе образ подлинного ближневосточного злодея связывается скорее с бывшим союзником Советского Союза Ясиром Арафатом. Восточноевропейцы склонны говорить об Израиле как о малой стране с трудными географическими условиями, восхищаясь достижениями израильтян в построении современного общества. Настало время, когда Израилю необходимо проявить инициативу в поощрении установления добрых отношений между Восточной Европой и еврейским народом.

Вторая Мировая война, вместо разделения, предлагает евреям и восточно-европейцам общий язык. Совместно мы выучили главный урок, почти забытый в Западной Европе: умиротворение не работает. Во времена пересмотра международных союзов и возникновения новой проамериканской антитеррористической коалиции Израиль нуждается в укреплении связей с членами таковой. Как это ни тяжело, пришло время связать с нами такие страны, как Польша и Венгрия, — чья история содержит наши самые тяжелые воспоминания, — отношениями союзничества и дружбы.

The Jerusalem Post (Editorial)

РАЗДЕЛЕННАЯ ЕВРОПА. ХОРОШО ЛИ ЭТО ИЛИ ПЛОХО ДЛЯ ИЗРАИЛЯ?

Насколько хорошо это для евреев? Вот вопрос, который начинают задавать многие израильтяне в связи с увеличивающимся разладом между Америкой и некоторыми из ее бывших европейских союзников.

Взять ли расцвет древнего Рима, который, в конечном счете, лишил евреев независимости, или конец прежнего порядка вещей, который дал начало еврейскому просвещению, — история изобилует примерами того, как представляющиеся далекими политические изменения сказывались самым решительным образом на еврейской жизни.

В предыдущем столетии холодная война, углубив стратегические связи Израиля с Соединенными Штатами и воспрепятствовав окончательной военной победе Израиля над нашими арабскими врагами, оказалась одновременно и благом, и бременем для Израиля.

Неудивительно, что явные признаки нынешнего потенциального раскола между Европой и Америкой не могут не привлекать пристальное внимание Израиля.

Растущие разногласия угрожают не только смеси демократий и диктатур, называемой Организация Объединенных Наций, но и НАТО — альянсу свободных государств.

Дела пошли настолько плохо, что только ленивый не занимается сейчас объяснением причин роста напряженности в отношениях между трансатлантическими союзниками. Многие объясняют это различием в военной мощи. У Америки она есть. У Европы ее нет. Каждый ведет себя соответственно.

Роберт Каган, посвятивший этой проблеме статью в одном из прошлогодних выпусков «Политического обзора», указал, что военная слабость Европы, долгое время оставшаяся в тени благодаря холодной войне, создала в Европе «психологию слабости».

«Человек, вооруженный ножом, — пишет Каган, — может решить, что медведя, бродящего по лесу в поисках пищи, можно счесть не такой уж неотвратимой опасностью, поскольку другая альтернатива — попытаться убить его, имея только нож, на самом деле намного рискованнее, чем спрятаться получше в надежде, что медведь не нападет. Тот же самый человек, но вооруженный ружьем, скорее всего, придет к другому выводу о том, что можно счесть допустимым риском».

Другой подход объясняет увеличивающееся расхождение позиций сторон не разницей в силе, а скорее функцией несопадающих ценностей.

Все нарастающий раскол, по мнению Виктора Хансона из «Комментари», базируется на глубоко различных культурах и истории. Американская склонность видеть все в черно-белом цвете, которую так любят высмеивать европейцы, является, по Хансону, «существенным элементом стремления Америки быть моральной — объясняющего наш народ в той же мере, как и наш оптимизм и агрессивность».

В действительности, вопрос о том, является ли раскол между Европой и Америкой фундаментальным следствием силы или объясняется самой философией жизни, не столь уж важен. Поскольку мощь страны и ее ценности не могут измениться в одночасье, раскол этот будет в ближайшем будущем расти, если только какое-либо катастрофическое событие не приведет Францию и Германию в чувство.

Для Израиля это означает, что в краткосрочном плане континентальная Европа будет обладать значительно меньшим влиянием на мирный процесс на Ближнем Востоке.

Сейчас, когда американцы начинают понимать, что многие европейские государства полностью потеряли способность воспринимать угрозу их собственной безопасности, не

говоря уже о надлежащей реакции на нее, для израильских политиков будет значительно легче убедить своих американских коллег в том, что требования европейцев о том, как должен выглядеть мир в этом регионе — не стоит принимать всерьез.

Но в долгосрочном плане, хотя это и выглядит парадоксальным, нынешний раскол между Европой и Америкой может фундаментально изменить отношения между Израилем и Европой к лучшему. Это произойдет тогда, когда израильские политики поймут, что важным является не природа трансатлантического раскола, а его глубина.

Если министр обороны Рамсфелд прав, проведя линию трансатлантического раскола по «Старой Европе», тогда у Израиля появляется замечательная возможность изменить свои взаимоотношения с остальными странами континента.

Попытки улучшить отношения с «Новой Европой» — чехами, венграми, поляками и т.д. могут оказаться более эффективными, чем пустая трата времени на такие страны, как Франция и Бельгия. Существенное повышение уровня политических, экономических и дипломатических связей с новыми членами ЕС, которые проводят намного более дружественную политику по отношению к Вашингтону, и чей опыт существования под гнетом тирании все еще является интегральной частью их национального самосознания, может принести Израилю большие дивиденды в обретении будущей поддержки со стороны Европы.

Нельзя не видеть, что в этой ситуации заключается восхитительная ирония: «Старая Европа», которая стремится к расширению ЕС для усиления своего международного политического влияния, — каковое он, несомненно, постарается использовать против Америки и Израиля — может оказаться перед фактом уменьшения этого влияния в результате политики тех самых стран, которые она с таким рвением вовлекла в Союз. Зажатая между все более и более негодующей Америкой и все более и более напористой Новой Европой, «Старая Европа» может медленно превратиться в совершенно малозначимый фактор.

В своей книге «Взлет и падение великих держав» историк Пол Кеннеди утверждает: гибель великих держав является результатом военного перенапряжения. Возможно, будущие историки смогут отметить, что падение «Старой Европы» явилось результатом ее политического перенапряжения. Это было бы хорошей новостью для Америки, очень хорошей новостью для мира и замечательной новостью для евреев.

The Jerusalem Post
Перевод Э. Маркова

ИЗРАИЛЬ

ВОЙНА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Григорий МИРСКИЙ

ИЗРАИЛЬ И ПАЛЕСТИНЦЫ: САМЫЙ ДЛИТЕЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Беспрецедентная вспышка насилия на палестинской земле, начавшаяся осенью 2000 года, высветила все стороны конфликта между Израилем и палестинцами, в том числе те «уголки» картины, которые некоторое время как бы находились в тени; с беспощадной ясностью обнажился «главный нерв» самой длительной конфронтации нашей эпохи, вышла наружу ее глубинная суть. Стало очевидно, что дело не только и не столько в процентах территории Палестины, которую Израиль готов отдать администрации Арафата, и даже не в статусе тех или иных священных мест. Страшная ненависть, выражавшаяся на лицах участников многочисленных демонстраций в городах не только Палестины, но и других арабских стран, показала всю глубину и остроту долго сдерживавшихся страстей, всю силу заряда тех отрицательных эмоций, которые многие десятилетия созревали и накапливались в арабском мире, но в последние годы вроде бы отошли в тень и приутихли, заслоненные в глазах внешнего мира надеждами, порожденными пресловутым мирным процессом.

Теперь уже ясно, что мирный процесс, начатый в Осло, не вылечил болезнь, а лишь загнал ее вглубь, отодвинул на короткое время решение самых болезненных вопросов. Ведь есть два способа приступить к решению трудной, многоплановой проблемы: один — это сразу взять быка за рога, попытаться устранить главные противоречия, разделяющие стороны, в соответствии с французским афоризмом, гласящим: «лучший способ отделаться от неприятности — это прямо наступить на нее». Второй — начать с более легких вопросов в расчете на то, что к тому моменту, когда неизбежно придется заняться главным, уже будет накоплена некая позитивная инерция, которая позволит двигаться по накатанной колее и облегчит окончательное решение. Рабин, Арафат и Клинтон выбрали второй вариант, и он принес им немалые дивиденды: Нобелевские премии мира лидерам противоборствующих сторон, лавры миротворца американскому президенту, временный спад напряженности в регионе. Один из инициаторов процесса, бывший израильский премьер Шимон Перес, даже успел опубликовать книгу под многообещающим названием «Новый Ближний Восток»...

Увы — «новый» Ближний Восток оказался прежним, бурлящим, озлобленным и непримиримым. Когда дело дошло до главных, наиболее существенных вопросов — судьбы Иерусалима и проблемы палестинских беженцев — на поверхность вышло то, что все знали, но старались отодвинуть «на потом»: позиции сторон диаметрально противоположны, и удовлетворительного решения быть просто не может. И тогда те, кто, по обычной человеческой слабости, желанию отсрочить принятие неприятных, мучительных решений («авось как-нибудь обойдется») или же по мотивам политической игры делали вид, что все, в общем-то, в порядке, до полного мира осталось сделать два шага — угодили в яму, которую сами себе вырыли. А разочарованные массы по обе стороны «линии фронта» решили, что их долгие годы просто водили за нос. Иллюзии рушились. «Голуби» как с израильской, так и с палестинской стороны были маргинализированы, «ястребы» злорадно закричали: «А что мы вам говорили?» Вспышка насилия оказалась неизбежной.

ПАЛЕСТИНА: ЧЬЯ ЗЕМЛЯ?

В далекие времена еврейские племена, пришедшие в Палестину с востока, прочно обосновались на этой земле. История еврейского народа связана с такими именами, как Авраам, его сын Исаак и внук Иаков, но и история арабов, согласно библейскому преданию, ведет свое начало от Исмаила, сына того же Авраама, но от другой матери, следовательно — сводного брата Исаака. Евреи и арабы — «двоюродные братья», они относятся к одной и той же семитской языковой группе. Это, кстати, вовсе не говорит о том, что уже в силу своего родства они должны испытывать друг к другу теплые чувства; история человечества, к сожалению, полна примеров того, что именно «братские», родственные народы истребляли один другого с особым ожесточением.

Дальнейшее известно из Библии: первый еврейский царь Саул, затем — Давид, перенесший столицу царства в Ерушалаим (Иерусалим), сын Давида Соломон, построивший первый храм. После смерти Соломона царство распалось на два: северное (Израиль) со столицей в Самарии и южное (Иудея) со столицей в Иерусалиме. Под ударами ассирийцев пало в 722 г. до нашей эры северное царство, а в 586 г. Вавилон, пришедший на смену Ассирии, завоевал Иудею. Был разрушен Иерусалим вместе с храмом Соломона, евреи были переселены в Вавилон, где почти полвека продолжалось «вавилонское пленение». Ахеменидский царь Кир сокрушил Вавилон в 538 г., евреи вернулись на родину, был построен второй храм (тот самый, единственная, как считается, уцелевшая часть которого — Западная стена, или Стена плача, является сейчас главной иудейской святыней, расположенной на Храмовой горе в старом городе). С 301 г. началось правление в Палестине греческой династии Птолемеев, длившееся почти сто лет. Птолемеи были изгнаны другой греческой династией — Селевкидов; их царь Антиох в 167 г. захватил Иерусалим. В результате восстания Маккавеев страна была освобождена от Селевкидов в 141 г. и вся Палестина, равно как и нынешняя Иордания, стала территорией, управлявшейся евреями. Но ненадолго: уже в 54 г. до н.э. римский полководец Помпей завоевал Иерусалим, храм пал после трехмесячной осады. Римский сенат назначил Ирода царем евреев, но фактически страна находилась под господством Рима. В 66 - 67 гг. н.э. произошло первое еврейское восстание против римлян, и сын римского императора Веспасиана Тит в 70 г. взял штурмом и разрушил Иерусалим вместе со вторым храмом. Восстание евреев продолжалось и закончилось лишь в 73 г. с падением Массады, последней крепости, защитники которой после многомесячной осады совершили коллективное самоубийство. В 130 г. римский император Адриан восстановил Иерусалим уже в качестве римской колонии под названием Элиа Капитолина, установив на месте еврейского храма святилище Юпитера, что вызвало восстание Бар Кохбы, подавленное после пятилетней войны. Римская провинция Иудея отныне стала называться Сирия Палестина.

Римляне изгнали евреев из Палестины. Образовалась еврейская диаспора, всегда мечтавшая о возвращении в Землю Обетованную, в Сион. Само слово «Сион» (так первоначально назывался лишь холм в восточной части Иерусалима) стало символом родины еврейского народа и колыбели иудейской религии; в Ветхом Завете оно упоминается 152 раза в качестве синонима Иерусалима. Отсюда в XIX веке произошло название движения, поставившего своей целью возвращение евреев в Палестину в соответствии с повторявшейся на протяжении веков молитвой: «На следующий год в Иерусалиме».

Немногочисленные еврейские общины все же оставались в Палестине. В четырех «святых городах» евреи жили непрерывно с библейских времен: это Иерусалим, Хеброн, Цфат и Тверия.

После распада Римской империи Палестина находилась под властью Византии, а в VII веке на эту землю пришли арабы.

По представлениям тогдашних арабских генеалогов, все арабы вели свое происхождение от библейского Авраама (по-арабски — Ибрахим), причем родоначальником северных

арабов считался сын этого патриарха Исмаил, а южных — Иактан. Начиная со второй половины I тысячелетия до н.э. происходило движение племен, живших на Аравийском полуострове, с юга на север, их расселение в Месопотамии, Сирии и Египте. Но именно на землях южных, остававшихся на полуострове племен, и зародилась могучая религия, которой суждено было изменить судьбу как арабов, так и всего тогдашнего мира. Там, в Мекке, находящейся ныне на территории Саудовской Аравии, родился Мухаммед, основатель ислама. Под его главенством, под знаменем новой религии возникло политическое объединение племен в Аравии, и после смерти Мухаммеда в 632 г., началось неукротимое движение «воинов Аллаха» в сопредельные территории, а затем — далеко на север, восток и запад. В течение двух десятилетий арабы завоевали земли, входившие в состав Византийской империи, покорили Иранское царство, заняли большую часть Северной Африки, на севере взяли столицу Армении Двин и дошли до Тбилиси. Среди покоренных стран была и Палестина; Иерусалим был взят в 638 г. Палестина находилась под властью сначала Омейядского, а затем Багдадского халифата, с 1009 по 1291 г. ею владели христиане-крестоносцы, а в 1517 г. страну захватили турки-османы. Вплоть до первой мировой войны Палестина была частью Османской империи, а когда побежденная Турция была вынуждена уйти с арабских земель, страна оказалась под британским господством. Официально это было оформлено как мандат, врученный Великобритании Лигой Наций. Такой же мандат англичане получили и на управление соседней территорией — спешно созданным эмиратом Трансиорданием, т.е. страной, расположенной «за Иорданом», к востоку от этой реки.

Так чья же это страна — Палестина? Исторически кому она должна принадлежать — евреям или арабам?

И тем и другим.

Евреи говорят: «мы пришли сюда первыми, три тысячи лет тому назад, когда об арабах никто и не слышал. Нас изгнали с земли наших предков, и мы вернулись». Это чистая правда.

Арабы говорят: «это было в глубокой древности. Мы живем в Палестине четырнадцать столетий и считаем ее частью нашей большой родины, арабского мира». И это тоже чистая правда.

Право обоих народов на Палестину неоспоримо. Но как сделать одну и ту же страну двумя государствами?

К НЕЗАВИСИМОСТИ — И К ВОЙНЕ

Во второй половине XIX века возник сионизм, движение, ставившее своей целью воссоздание еврейского национального государства на земле предков, в Палестине, которую стали называть на иврите Эрец Исраэль. К 1880 г. в Палестине проживало всего 24 тыс. евреев, арабов же насчитывалось 426 тысяч. Но, под влиянием роста антисемитизма и волны погромов в России, все большее число евреев стало переселяться в Палестину. Так, за один 1882 год из России прибыло около 3 тыс. человек, десятки тысяч прибыли в последующие десятилетия, предшествовавшие мировой войне... Это были главным образом люди, стремившиеся «осесть на земле», заняться сельским хозяйством; они основывали кибуцы, сельские коммуны. В 1909 г. рядом с арабской Яффой был основан еврейский город Тель-Авив. По инициативе знаменитого просветителя Бен Йехуды, именем которого названа одна из главных улиц Иерусалима, был возрожден древний язык — иврит, ставший впоследствии официальным языком еврейского государства и заменивший собой идиш, на котором говорили иммигранты из Восточной Европы. К концу первой мировой войны в 21 еврейской колонии проживало уже более 50 тыс. евреев, наряду с 600 тыс. арабов.

В 1917 г. английское правительство опубликовало документ, ставший знаменательным для всей последующей истории Ближнего Востока — «Декларацию Бальфура», в которой го-

ворилось, что Англия «благоприятно относится к установлению в Палестине национального очага для еврейского народа». Президент США Вильсон поддержал эту идею. По мнению многих арабских историков, именно с этой декларации и начались все беды арабов: все дело в интерпретации формулы «national home», которую арабы понимали как «национальный очаг», а сионисты трактовали как «национальное государство». Так или иначе, наиболее прозорливые арабские политики сразу же поняли, чем чревата данная идея, и немедленно начали борьбу против еврейской иммиграции. Обстановка стала накаляться, и арабы, и евреи стали создавать вооруженные отряды, начались стычки, временами перераставшие в настоящие бои. А тем временем еврейская иммиграция наращивала темпы: к 1939 г. число евреев дошло уже до 445 тысяч (арабов к этому времени в Палестине было чуть больше миллиона). Королевская комиссия по Палестине (комиссия Пила) в своем отчете в 1937 г. констатировала: «Не поддающийся усмирению конфликт возник между двумя национальными общинами в рамках одной маленькой страны... У них отсутствует общая почва для понимания. Религия и язык у них различны. Их культурная и социальная жизнь, их образ мыслей и манера поведения так же несовместимы, как и их национальные устремления. Именно последние и являются наибольшей помехой установлению мира. Арабы и евреи могли бы, возможно, научиться совместно жить и работать в Палестине, если бы они сделали искреннюю попытку примирить и объединить свои национальные идеалы и со временем создать общую или двойную национальность. Но они не могут этого сделать. Война и ее последствия вдохнули в арабов надежду на возрождение традиций арабского золотого века в свободном и объединенном арабском мире. Точно так же и евреев воодушевляет их прошлая история. Они хотят показать, чего может добиться еврейская нация, возвращенная на землю своего рождения. Поэтому национальная ассимиляция между арабами и евреями исключена». Это было написано более 60 лет тому назад!

Мощный толчок еврейской иммиграции был дан второй мировой войной, а говоря точнее — Холокостом, уничтожением шести миллионов евреев гитлеровцами. К 1947 г. в Палестине уже было 625 тыс. Евреев — вдвое меньше, чем арабов, но все же это была внушительная по своей численности община. Все «скелетные» структуры государства, которое сионисты намеревались создать, были уже в готовности, включая подпольную армию Хагана, воевавшую как с арабами, так и с английскими оккупантами. Положение державы-мандатария становилось все более невыносимым: Англия вела в Палестине войну на два фронта — против арабских и против еврейских боевиков-террористов, которые при этом воевали и друг с другом. И англичане решили уйти.

Судьбу Палестины должна была решать ООН, и главный вопрос был: одно государство или два? Англо-американская комиссия, изучавшая этот вопрос, пришла в 1946 г. к такой рекомендации: «В Палестине ни арабы, ни евреи не должны доминировать одни над другими. Палестина должна быть ни еврейским государством, ни арабским». Однако в августе 1947 г. специальная ооновская комиссия по Палестине доложила, что большинство ее членов пришли к выводу о целесообразности раздела Палестины на три территории: арабское государство, еврейское государство и город Иерусалим. К этому склонилось и большинство членов Генеральной Ассамблеи ООН. Представитель СССР А. Громыко, в частности, заявил: «Если эти два народа, населяющие Палестину, оба имеющие глубокие исторические корни в этой стране, не могут жить вместе в пределах единого государства, то ничего иного не остается, как образовать вместо одного два государства — арабское и еврейское».

Арабы были единодушно против раздела Палестины. Так называемый Арабский Офис в Иерусалиме, например, заявил: «Весь арабский народ категорически отвергает попытки навязать иммиграцию и расселение евреев и в конечном счете установить еврейское государство в Палестине». Представители арабских стран делали все возможное, чтобы не допустить принятия Генеральной Ассамблеей решения о разделе Палестины, но потерпели неуда-

чу. 29 ноября 1947 г. Ассамблея 33 голосами против 13 при 11 воздержавшихся проголосовала за раздел. Согласно этому решению, не позднее чем через два месяца после вывода британских войск в Палестине должны были быть созданы независимые арабское и еврейское государства и установлен международный режим для Иерусалима. Арабскому государству отводилась территория размером 11 тыс. кв. км., еврейскому — 4 тыс. кв. км. В арабском государстве должно было проживать 749 тыс. арабов и 9,5 тыс. евреев, в еврейском — 499 тыс. евреев и 407 тыс. арабов, в Иерусалиме — 105 тыс. арабов и 99,6 тыс. евреев.

Арабские страны отвергли решение ООН и не подчинились ему. Когда 14 мая 1948 г. Бен Гурион провозгласил создание Израиля, пять арабских государств направили в Палестину свои войска с тем, чтобы сразу же уничтожить новорожденное еврейское государство. Началась первая арабо-израильская война, закончившаяся в следующем году. Арабы ее проиграли: в результате успешных военных операций Израиль приобрел, в дополнение к территории, которую ему отвела ООН, еще несколько частей Палестины (всю Галилею, весь Негев, морское побережье за исключением сектора Газа) общей площадью около 7 тыс. кв. км. Таким образом, территория еврейского государства составила уже 21 тыс. кв. км. вместо первоначальных 14 тысяч. Арабское государство так и не было создано. Та часть территории к западу от Иордана, которую не заняли израильские войска, была присоединена в апреле 1950 г. к Трансиордании, которая отныне стала именоваться королевством Иордания. Сектор Газа на берегу Средиземного моря перешел под контроль Египта. Иерусалим был разделен на две части, причем под иорданской юрисдикцией оказался Старый Город с Храмовой горой, т.е. все святыне места трех религий, включая иудейскую святыню — Западную стену, или Стену плача.

Вторая арабо-израильская война 1956 г. («тройственная агрессия» Израиля, Англии и Франции против Египта) не внесла изменений в палестинскую ситуацию. Зато третья война («шестидневная война» в июне 1967 г.) изменила ее радикальным образом и положила начало катастрофической цепи событий, кульминацией которых стал нынешний кризис. Дело в том, что когда Израиль нанес удар по Египту и Сирии, иорданский король Хусейн не счел возможным остаться в стороне. Он начал военные действия против Израиля, был разбит в течение трех дней и потерял всю западную часть своего королевства, которой овладел в 1948 г. его дед, король Абдаллах, т.е. Западный берег Иордана вместе с контролировавшейся иорданцами частью Иерусалима. Иерусалим стал объединенным городом под властью Израиля. Он и раньше считался израильтянами столицей их государства — ведь кнессет (парламент) Израиля еще в 1950 г. принял соответствующее решение. Теперь превращение Иерусалима в столицу стало фактом, хотя и не было признано не только арабами, но и международным сообществом. Весь мир обошла фотография, запечатлевшая героя шестидневной войны, министра обороны Израиля Моше Даяна, направляющегося к Стене плача со словами:

«Мы вернулись сюда спустя две тысячи лет с тем, чтобы уже никогда отсюда не уйти». А результатом этой войны была новая волна беженцев из Палестины. Если в 1948 - 49 гг. из той части Палестины, которая оказалась под властью израильтян, бежал почти миллион арабов, то теперь, в 1967 г., прибавилось еще 300 тысяч беженцев. Образовалась уже целая крупная палестинская диаспора — и совершенно естественно, что в ее рядах появились люди, взявшие в руки оружие и поклявшиеся силой отвоевать свое право вернуться на отобранные у них земли.

ПАЛЕСТИНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ, АРАФАТ, ИНТИФАДА

Основными вехами процесса становления ПДС (Палестинского движения сопротивления) можно считать: образование ФАТХа, крупнейшей организации, ставшей и ядром ПДС — вторая половина 50-х годов (название ФАТХ образуют поставленные в обратном порядке первые буквы слов «Харакат ат-тахрир аль-фалястыни», Движение освобождения Палести-

ны; слово «фатх» в арабском языке означает «победа»); создание ООП (Организация освобождения Палестины) — 1964 г.; начало военных операций ФАТХа на территории Палестины, включенной в 1948 г. в состав Израиля — январь 1965 г.; принятие палестинским национальным советом, собравшимся в Каире, палестинской национальной хартии 1968 г.; учреждение центрального комитета ПДС (позднее преобразован в ЦК ООП) и подчинение ему Армии освобождения Палестины — 1970 г.

Высшим органом ПДС и ООП является Палестинский национальный совет, состоящий из 315 человек, в т.ч. 94 — от боевых организаций.

Доминирующей организацией в ПДС всегда был ФАТХ, бойцы которого составляют 90 % всей численности фидаинов (т.е. жертвующих собой в борьбе; так обычно называют партизан в арабских странах и Иране). Основателем и бессменным вождем ФАТХа и ООП является Ясир Арафат; он родился в 1929 г. в Иерусалиме, окончил Каирский университет, работал инженером в Египте и Кувейте. Ему суждено было стать фигурой номер один, главным и по существу единственным лидером палестинского сопротивления.

Было время, когда палестинские фидаины верили, что они смогут разжечь народную, партизанскую войну на оккупированной Израилем территории. Однако эта идея оказалась нереалистической, как ввиду жестких репрессивных мер израильских властей, так и вследствие нежелания мелких собственников города и деревни, составляющих большинство населения Западного берега, идти на открытую войну с оккупантами.

Другая иллюзия палестинских борцов том, что им открыты двери любой страны Арабского Востока — проистекала из их убеждения, что правительство ни одной арабской страны не осмелится и пальцем тронуть фидаинов, если они пожелают обосноваться в этой стране и превратить ее в базу вооруженной борьбы против Израиля. В конце 60-х годов Арафат заявил, что он хотел бы посмотреть хотя бы на одно арабское правительство, которое посмеет выступить против палестинцев. Вскоре он увидел такое правительство: в сентябре 1970 г. иорданский король Хусейн, не желая терпеть внутри своего королевства существования палестинского «государства в государстве», бросил армию против фидаинов («черный сентябрь»). Солдаты — иорданцы безжалостно убивали палестинцев; не восстало против короля и население Иордании. Военное присутствие палестинского сопротивления в Иордании было ликвидировано, его отряды передислоцировались в Ливан, ставший вплоть до осени 1982 г. основной базой палестинцев.

В 1975 г. в Ливане вспыхнула гражданская война, в которую оказались втянутыми и палестинцы, вошедшие в коалицию левомусульманских сил, которой противостояли вооруженные силы христиан-маронитов. Был период, когда бойцам Арафата приходилось бороться на три фронта: против израильтян, нападавших на них в «Фатхленде», против маронитских боевиков и против первоначальных союзников-сирийцев, которые в какой-то момент решили, что полная победа левых и палестинцев для них невыгодна, и атаковали палестинские формирования. Но настоящая беда обрушилась на палестинцев в Ливане в 1982 г., когда Израиль предпринял широкомасштабное вторжение в эту страну. Израильская армия быстро захватила юг Ливана, уничтожила «Фатхленд» и, преследуя отходящих на север бойцов Арафата, заняла столицу Ливана Бейрут. Палестинцам пришлось уйти из Ливана, второй арабской страны, давшей им на время приют.

Оказавшись в Тунисе, Арафат стал вновь развивать бурную деятельность, теперь уже политическую, так как непосредственное соприкосновение с израильским врагом было утеряно. Он помирился с королем Хусейном, посетил Амман, затем создал новую базу на севере Ливана вблизи Триполи, где собрал несколько тысяч палестинских боевиков, еще оставшихся на ливанской территории. Здесь его ждал новый удар: Сирия, всегда недовольная слишком самостоятельным и неуправляемым палестинским лидером, решила покончить с ним и взять ПДС под свой полный контроль. Некоторые соратники Арафата подняли мятеж и

вместе с сирийцами штурмом взяли лагерь людей Арафата под Триполи. Не было сомнения, что сирийцы намерены убить Арафата в Триполи; они бросили на его позиции десятки танков, почти 100 ракетных установок и более 200 орудий. Лишь при помощи отрядов местных суннитских боевиков и благодаря посредничеству Саудовской Аравии Арафат и 4 тысячи его бойцов были спасены от гибели и погружены на греческие суда в Триполи. На море их ожидал израильский флот, и от него людей Арафата спасли французские военные корабли. Таким образом, остатки палестинских боевиков были вывезены в Северную Африку.

Пребывание в изгнании в Тунисе отнюдь не гарантировало Арафату спокойной жизни. Израильские самолеты бомбили его штаб квартиру, Арафат чудом остался жив. Его самый близкий помощник, командующий вооруженными силами ООП Абу Джихад был убит израильскими командос в апреле 1988 г. на своей вилле близ Туниса. Убито было немало и других лидеров ПДС. Арафата убить не удалось ни израильтянам, ни сирийцам, ни ливанским маронитам, ни иорданским королевским гвардейцам. Казалось, судьба берегла его для осуществления величайшего дела его жизни — создания Палестинского государства.

Обстановка для этого в конце 80-х годов была менее благоприятной, чем когда-либо. Вооруженные силы ООП были изгнаны и из Палестины, и из Ливана, и из Иордании, они вообще покинули Арабский Восток и потеряли всякую возможность вести борьбу. Арабский мир был занят ливанской трагедией и ирано-иракской войной. Египет после заключения мира с Израилем и возвращения ему Синайского полуострова вышел из борьбы с Израилем и одно время был даже подвергнут бойкоту со стороны других арабских стран. Советский Союз находился в разгаре процесса окончания «холодной войны» и примирения с Западом, он все больше терял интерес к ближневосточным делам. На горизонте не было ни малейшего просвета. И тогда Арафат, осознав, что ни на арабский мир, ни на СССР, ни на ООН ему рассчитывать не приходится, сделал единственный правильный шаг; он сделал ставку на уже стихийно начавшееся народное восстание на оккупированных палестинских землях.

9 декабря 1987 г. толпа палестинцев, вышедшая на улицу с обычным протестом по какому-то локальному поводу, не разбежалась, как это всегда бывало, когда израильские солдаты открыли огонь резиновыми пулями, а стала в ответ бросать камни. С этого момента, как лесной пожар, повсюду стали вспыхивать демонстрации и стычки с израильской армией. Вскоре был создан координационный комитет, призвавший население к забастовкам, бойкоту израильских товаров и сопротивлению представителям власти. Израильские автомашины забрасывались камнями и бутылками с горючей жидкостью. Вскоре стало ясно, что имеет место подлинное гражданское восстание. Оно получило название интифады; это слово и обозначает восстание на арабском языке. Арафат не был инициатором интифады, но быстро оценил ее значение и решил на нее опереться.

Это было восстание особого рода, без применения огнестрельного оружия. Во-первых, потому что вооруженное выступление дало бы Израилю повод для жестоких репрессий, и во-вторых, потому что зрелище палестинских юнцов, забрасывающих камнями израильских солдат и стреляющих из рогаток, неизбежно должно было привлечь самое широкое внимание международных средств массовой информации к проблеме Палестины.

После начала интифады все переменилось: палестинцы выступили как самостоятельная сила, требовавшая создания собственного государства, а не возвращения в лоно иорданского королевства. И Арафат в полной мере использовал новую ситуацию: 12 ноября 1988 г. в Алжире открылась чрезвычайная сессия Палестинского национального совета, на котором была принята Декларация независимости. В заключительный день сессии, 15 ноября, Арафат провозгласил создание Палестинского государства со столицей в Иерусалиме.

Вопрос о провозглашении такого государства ставился палестинцами давно, но при этом никогда не было единства мнений по центральной проблеме: будет ли это одно арабское государство на территории всей Палестины или же одно из двух государств, на-

ряду с еврейским. Сразу же после образования Израиля мнение в арабском мире было единодушным: еврейское государство является незаконным; его даже не называли государством и не употребляли название «Израиль», говорилось лишь о «сионистском образовании» (в Сирии этот термин в ходу до сих пор). Точки зрения расходились лишь по вопросу о том, кому из евреев можно будет разрешить остаться в будущей арабской Палестине; большинство полагало, что только тем, кто жил в Палестине до 1948 г., остальные должны будут убраться восвояси.

В «Политическом заявлении 9 сессии Палестинского национального совета», принятом на той же чрезвычайной сессии в ноябре 1988 г., подтверждается необходимость «ухода Израиля со всех палестинских и арабских территорий, которые он оккупировал в 1967 г., включая арабский Иерусалим».

В документах сессии отсутствовало упоминание о Палестинской национальной хартии, в которой раздел Палестины и образование Израиля объявлялись незаконными. Все это давало ООП основание считать, что сделан решающий шаг на пути к признанию международным сообществом идеи создания арабского государства в Палестине наряду с еврейским государством; тем самым отменялись возражения Запада, особенно Соединенных Штатов, по поводу того, что «нельзя иметь дело с террористами, намеревающимися сбросить евреев в море». ООП явно стремилась к тому, чтобы придать себе респектабельный характер. Выступая на пресс-конференции по окончании сессии Палестинского национального совета в ноябре 1988 г., Арафат заявил: «Теперь мяч на американском поле».

Действительно, теперь дело было за Вашингтоном.

АМЕРИКАНСКОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО, ОСЛО – И ДАЛЕЕ

Выступая на пресс-конференции 12 мая 1977 г., президент Картер заявил: «У нас особые взаимоотношения с Израилем. Жизненно важно, чтобы ни один человек в нашей стране и вообще в мире никогда даже не усомнился в том, что наше обязательство номер один на Ближнем Востоке — защищать право Израиля на существование... Это — особый тип отношений». В различных вариациях этот тезис многократно подтверждали практически все американские лидеры. При этом интересно отметить, что между США и Израилем нет договора о взаимопомощи, обычно связывающего союзные государства. Израиль также не входит в какой-либо блок, не участвует в международных пактах, и вообще не существует документа, обязывающего Соединенные Штаты выступить в защиту Израиля. Все это излишне. Американские обязательства по отношению к еврейскому государству подразумеваются сами собой, автоматически.

Не было ни одного американского президента за несколько последних десятилетий, который бы не стремился войти в историю как миротворец, сумевший добиться мира на Ближнем Востоке и прекратить самый длительный конфликт современности. Ближе всех подошел к этому Картер, достигший в Кэмп-Дэвиде соглашения между Израилем и Египтом, в результате чего в марте 1979 г. был подписан мирный договор между этими странами. Справедливости ради надо сказать, что ему было легче, чем Клинтону спустя полтора десятка лет: и Садат, и Бегин по разным причинам были заинтересованы в том, чтобы обменять территорию (Синай) на мир, и речь шла, при посредничестве Картера, лишь об условиях и деталях.

Когда Соединенные Штаты в начале 90-х годов решились взяться за решение оставшихся конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке — израильско-палестинской и израильско-сирийской — для такого решения созрели уже серьезные основания. Во-первых, в течение предшествующего десятилетия у Америки появились два новых мощных врага в регионе — Иран и Ирак, и одолеть их оказалось невозможно, даже несмотря на то, что один из них — Ирак — был существенно ослаблен в результате «Бури в пустыне» в 1991 г. К этому прибавилась замаячившая на горизонте угроза террористического исламского радикализма. Все это

диктовало необходимость укрепления союза США с их региональными партнерами — странами Аравийского полуострова, прежде всего Саудовской Аравией и Египтом.

Во-вторых, сами палестинцы двинулись навстречу урегулированию. На сессии 1988 г. ООП документально зафиксировала свою готовность признать существование еврейского государства, и отныне ее требования — создать наряду с ним палестинское арабское государство — вполне укладывались в давнишнюю законную схему ООН. Отпал традиционный аргумент насчет «непримиримости палестинских террористов». ООП становилась легитимным партнером на переговорах.

В-третьих, происходили определенные перемены и в настроении израильтян. Фрустрация, вызванная злополучной экспедицией в Ливан в 1982 г., а затем интифадой, породила чувства, которые все большее число израильских евреев выражали примерно таким образом: «Времена больших войн с арабскими государствами кончились, Египет вышел из конфронтации, никто больше не в силах угрожать существованию Израиля, и наша безопасность может быть обеспечена, даже если мы отдадим часть занятой в 1967 г. территории на условиях окончательного урегулирования, т.е. в обмен на мир. Альтернативой может быть только нескончаемый хаос и «малая война» с арабским населением, к которой регулярная израильская армия не подготовлена и которая только вредит международной репутации нашей страны». Важно при этом отметить, что такие настроения все шире распространялись и среди американского еврейства, что не могло не влиять на политику администрации США.

Все эти факторы позволяют понять, почему Америка активно выступила в начале 90-х годов и стала фактически инициатором, или по крайней мере движущей силой процесса мирного урегулирования.

Надо признать, что за 90-е годы достигнуто было все же немало: ООП согласилась с существованием еврейского государства и отказалась от концепции «единой арабской Палестины». Израиль официально признал необходимость территориального компромисса и согласился на учреждение ПНА (Палестинской национальной автономии). Это еще не согласие на создание палестинского государства, но уже реальный шаг в этом направлении. Арафат вернулся в Палестину и обосновался со своей администрацией в городе Газа. Был создан вооруженный корпус палестинской полиции. По израильским подсчетам, к лету 2000 г. 98 % палестинских арабов проживало под юрисдикцией властей автономии (сюда не входит, разумеется, более миллиона арабов — граждан Израиля). Все это, конечно, далеко от господствовавшей среди палестинцев на протяжении почти полувека идеи образования арабского государства на всей территории страны: Западный берег и Газа вместе взятые, т.е. та территория, которая сейчас в основном составляет Палестинскую автономию и по идее должна стать независимым государством — это всего лишь 23 % общей площади исторической Палестины. Но и для достижения такого компромисса, базирующегося на принципе «территория в обмен на мир», понадобились огромные усилия. К лету 2000 г. казалось, что осталось сделать один последний шаг, и он выглядел тем более реальным, что в 1999 г. власть в Израиле опять переменилась, «ястреб» Натаньяху уступил должность премьеру Эхуду Бараку, который, судя по всему, был готов пойти на серьезные уступки. В этих условиях и начался в июле 2000 г. «саммит» в Кэмп-Дэвиде.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЦЕНА В ИЗРАИЛЕ

В американском политическом лексиконе есть широко известное выражение: «All politics is local» (всякая политика — это политика локальная, внутренняя). Партийный или государственный лидер даже в своих внешнеполитических действиях неизбежно прежде всего думает о том, как они отразятся на его положении в рядах его сторонников внутри страны, укрепят или ослабят они его позицию, как они будут восприняты теми, кто составляет его социальную и политическую базу. Это — главное.

Когда Арафат выдвигает требования, о которых заранее можно сказать, что они будут неприемлемы для его партнеров по переговорам, можно подумать: «Зачем же он это делает? Ведь он заведомо обрекает переговоры на провал». Но все становится понятно, если учесть, что Арафат — не всемогущий диктатор, не Гитлер, Сталин, Мао или Саддам Хусейн, а лишь глава политического движения, с мнением других ведущих участников которого он все время вынужден считаться. В частности, Арафат всегда находится под давлением со стороны экстремистской группировки Хамас, которая толкает его к крайней позиции; если он будет выглядеть чересчур уступчивым, недостаточно жестким и непримиримым в отстаивании интересов палестинцев, его долгая политическая жизнь закончится крахом.

Это же относилось и к Бараку.

Он представлял партию Авода («партия труда»), ту самую, которая под другим названием (Мапай) составила костяк движения, приведшего к образованию Израиля. Как руководящие кадры, так и массовую опору партии всегда составляли евреи-ашкенази, выходцы из Восточной и Центральной Европы, преимущественно из бывшей Российской империи, сыновья и дочери говоривших на идише евреев из гетто и черты оседлости. В партии сочетались сионистские идеи и концепции европейской социал-демократии. Она возглавляла блок, находившийся у власти с момента создания государства до 70-х годов, когда впервые проиграла на выборах блоку Ликуд, социальная база которого во многом была иной: его поддерживали в первую очередь сефарды (раньше так называли средиземноморских евреев, но впоследствии сефардами стали именовать вообще «восточных», неевропейских евреев, включая стремительно росшую по численности общину выходцев из арабских стран). Как правило, это были люди, по своему социальному статусу и материальному положению стоявшие ниже, чем ашкенази; идеология Ликуда была правой и более националистической, чем взгляды «лейбористов»-ашкенази.

Оба блока поочередно сменяли друг друга у власти, но ни у одного не хватает сил, чтобы получить абсолютное большинство в кнессете, состоящем из 120 депутатов. В условиях принятой в Израиле пропорциональной системы голосования более мелкие партии получают возможность играть роль арбитра, обеспечивать баланс, примыкая к одному из двух основных блоков. Обычно такую роль играют религиозные партии, и без них ни одно правительство не может быть устойчивым. Роль религиозных партий в Израиле исключительно велика и все время возрастает, создавая серьезнейшую общенациональную проблему. Несколько лет тому назад автор этих строк слышал в Израиле, что, по мнению растущего числа людей, главной проблемой страны становится даже не конфронтация с палестинцами и вообще с арабским миром, а фундаментальный вопрос: будет ли Израиль светским или же религиозным государством?

Среди религиозных партий на первое место вышла Шас, оттеснив традиционную Национально-религиозную партию. Ее главной опорой являются сефарды — выходцы из Марокко. На выборах 17 мая 1999 г. Барак победил Натаньяху. Большую роль стали играть две «русские» партии. Их сторонники занимают весьма жесткие националистические позиции. И существенным ограничителем для Барака всегда была позиция религиозных ортодоксов и «русских», не позволявших ему идти на сколько-нибудь серьезные уступки Арафату. Чтобы задобрить ортодоксов, он должен был согласиться, пусть даже частично, на их требования во внутренних вопросах, в частности в сфере народного образования (проблема государственного финансирования религиозных учебных заведений, освобождения от воинской службы и пр.), что с свою очередь лишало его поддержки антиортодоксальных и либеральных партий — Мерец и Шинуй. Без тех или других правительство теряло большинство в кнессете. Барак оказался между двух огней. Пытаясь усидеть сразу на двух стульях, он привел правительственную коалицию к распаду. Поэтому, стараясь изо всех сил предотвратить падение своего кабинета, Барак не мог не провести некую «красную черту» в отношении тех уступок, на которые он был согласен пойти в вопросе об Иерусалиме. Это неизбежно обрекало июльские переговоры в Кэмп-Дэвиде на провал.

ИЕРУСАЛИМ, АРАБСКИЕ БЕЖЕНЦЫ И ЕВРЕЙСКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ

Иерусалим — святой город трех мировых религий, причем для двух из них это не просто святое место, а главная религиозная святыня. Церковь Гроба Господня, могила Богородицы и другие святыни — для христиан, остатки храма, земля, связанная с древней историей еврейского народа, могила царя Давида и другие святые места — для иудеев. Но и для мусульман Иерусалим — третий из священных городов после Мекки и Медины. По-арабски он называется аль-Кудс, «священный». Полное официальное название — «аль-Кудс аш-Шариф («шариф» означает «благородный»).

В центре Иерусалима расположен обнесенный стеной Старый Город. Он состоит из четырех кварталов — христианского, армянского, мусульманского и еврейского. В одном из углов его находится Храмовая Гора, которую арабы называют аль-Харам аш-Шариф (это можно перевести как «благородное и неприкосновенное святилище»). На земном шаре нет куска земли аналогичных размеров (площадь Храмовой Горы всего около 12 гектаров), который бы имел столь колоссальное символическое значение.

Именно здесь находятся две мечети, почитаемые мусульманами как величайшие святыни, ибо обе они связаны с преданием о путешествии Пророка Мухаммеда в Иерусалим.

Аль-исра ва-ль-мираджд («ночное путешествие и вознесение») — один из основных сюжетов мусульманского религиозного предания. В Коране упомянуто о том, что Аллах однажды ночью перенес Пророка к «отдаленнейшей мечети», вокруг которой место, благословенное Аллахом. В преданиях это описано подробно: к Мухаммеду в Мекку явился ангел Джibrил и позвал его в Иерусалим. Верхом на крылатом животном, аль-Бураке Мухаммед отправился сначала в Хеброн и Вифлеем, затем на гору Мориа в Иерусалиме, где он встретился и совместно молился с древними пророками — Ибрахимом (Авраамом), Исой (Иисусом) и Мусой (Моисеем), после чего был вознесен на небо для встречи с Аллахом. Так вот, «отдаленнейшая мечеть» (аль-масджид аль-акса) — это и есть одна из двух величайших святынь ислама. Другая — Куббат-ас-Сахра (Купол скалы, Dome of the Rock), иногда называемая мечетью Омара — построена на той скале, с которой Пророк, согласно преданию, начал свое вознесение на небо. Считалось, что скала тоже рванулась вслед за Мухаммедом на небо, но ангел Джibrил удержал ее, и на ней остался отпечаток его ладони. Так или иначе, грандиозный золотой купол этой мечети, видный на всех изображениях великого города, равно как и более скромный сине-серебристый купол мечети аль-Акса, символизируют для мусульман неразрывную связь Иерусалима с их религией.

Но так вышло, что эта скала находится на том самом месте, где, согласно иудейским верованиям, Авраам собирался принести в жертву своего сына Исаака и где хранился Ковчег Завета; затем там же был построен Храм Соломона, уничтоженный впоследствии вавилонскими завоевателями. Таким образом гора Мориа — это также и иудейская святыня. Более того, совсем неподалеку находится Западная стена, или Стена плача (Стена слез) — единственная сохранившаяся часть второго храма, разрушенного римлянами. Другого такого святого места у иудеев нет на земле. Судьба Храмовой Горы, статус этого небольшого клочка земли, равно священного для мусульман и иудеев — это один из главных камней преткновения между израильтянами с одной стороны и палестинскими арабами, вообще арабами и масульманами — с другой.

За последние полвека, а особенно после объединения Иерусалима в 1967 г., было выдвинуто неимоверное количество предложений, планов, вариантов решения проблемы, начиная от передачи его под юрисдикцию саудовского короля и кончая провозглашением Иерусалима «столицей мира». Ни малейшего влияния на ход событий все эти проекты не оказали.

Сейчас в Иерусалиме проживает 633 тыс. евреев и 210 тыс. палестинцев, в том числе в Старом Городе из общего числа жителей около 32 тыс. чел. население мусульманского квар-

тала составляет более 22 тысяч, христианского — около 5 тысяч, армянского — около 2,3 тыс., еврейского — около 2,3 тысяч (по другим данным общая численность населения Старого Города достигает 40 тыс. чел., из которых от 35 до 37 тысяч — палестинцы).

Площадь Израиля составляет 21, 920 кв. км., площадь Западного Берега — 5, 879 кв. км., сектора Газы — 363 кв. км.

Население Израиля (включая обе части Иерусалима) — 6,6 миллионов человек, в т.ч.1 миллион 200 тыс. арабов.

Население Западного Берега: 2 миллиона палестинцев, 170, 000 евреев. Население сектора Газа: 1, 022, 200 палестинцев, 6, 400 евреев. Всего палестинских арабов насчитывается на земле примерно пять с половиной миллионов. Из них более двух третей — беженцы.

Уже в 1950 г., после первой войны, число арабов, бежавших из той части Палестины, которая вошла в состав Израиля, достигло почти одного миллиона человек. Их разместили в лагерях беженцев и стали содержать за счет ООН. Треть их обосновалась на Западном Берегу, треть в секторе Газа. После войны 1967 г. к ним прибавилось еще 300 тысяч. К середине 2000 г. зарегистрированных палестинских беженцев насчитывалось: в Иордании — 1,288,197 чел., на Западном берегу — 517,412, в Газе — 683, 560, в Ливане-346, 164, в Сирии- 337, 308. Всего — 3, 172, 641 чел. Эти люди содержатся до сих пор в лагерях и живут на пособия, выдаваемые им специальной ооновской организацией. Согласно резолюции 194 Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в 1948 г., беженцам должно быть обеспечено «право на возвращение», которое Израиль никогда не признавал. Барак, судя по имеющейся информации, был согласен на возвращение примерно ста тысяч беженцев, но не в рамках «права на возвращение», а на основе принципа воссоединения семей. Естественно, это никак не могло устроить палестинцев; наряду с проблемой Иерусалима это — второй камень преткновения. Третий — это еврейские поселенцы на оккупированных территориях. Их насчитывается примерно 200 тысяч человек; из них более трех четвертей проживают именно на тех трех больших «блоках» поселений, которые Барак предлагал палестинцам узаконить в качестве территорий, остающихся под израильской юрисдикцией, Всего в этих блоках насчитывается примерно 80 поселений. Еще в 50 изолированных, далеко разбросанных поселениях, отходящих под власть палестинцев, живет около 40 тысяч еврейских поселенцев; в общей сложности площадь еврейских поселений составляет от 6 до 8 % территории Западного Берега.

Решить проблему поселенцев крайне сложно: как правило, это сильные, невероятно упорные и фанатично настроенные люди, обладающие большой идейной мотивацией — другие просто не рискнули бы добровольно отправиться жить в изолированных «островках» среди арабского моря. Правда, с арабами они соприкасаются мало: шоссейные дороги от израильских городов к еврейским поселениям проложены так, чтобы миновать арабские города и деревни. Поселенцы убеждены, что они призваны сохранять еврейское присутствие в Иудее и Самарии (так в Израиле называют Западный Берег). В случае крупных беспорядков они станут мишенью для атак арабских боевиков; конечно, поселенцы вооружены, но армия может защищать их далеко не везде, у нее нет возможности охранять почти 130 населенных пунктов. Особое положение в Хеброне, одно время бывшем столицей царства Давида, самом святом (наряду с Иерусалимом) городе иудеев: там находятся могилы Авраама и других патриархов, и живущие в Хеброне несколько сотен еврейских семей, для охраны которых там постоянно дислоцирована целая воинская часть, поклялись умереть, но не уйти из священного города, большинство жителей которого составляют, однако, ненавидящие их арабы.

Для палестинцев еврейские поселения на их земле являются символами оккупации и колониального господства, которые, безусловно, должны быть ликвидированы. Шарон согласился сейчас лишь заморозить строительство новых поселений, но не намерен демонтировать уже существующие; палестинцев это не устраивает.

Итак, Иерусалим, палестинские беженцы и еврейские поселенцы: три проблемы, выглядящие неразрешимыми. Есть и другие — экономические. Природные ресурсы распределены неравномерно: например, водоснабжение устроено так, что суточное потребление воды еврейского населения составляет 282 литра, а арабского — 70 литров. Тяжелейшая проблема связана с трудоустройством арабов: значительная часть населения, особенно в Газе, существует только благодаря тому, что люди работают в Израиле. С самого раннего утра они отправляются на контрольно-пропускные пункты, простаивают по нескольку часов, чтобы получить разрешение на проезд в Израиль, и вечером возвращаются домой. Только таким путем они могут заработать себе на жизнь — ведь на территории автономии экономика находится в удручающем состоянии, а в Газе уровень безработицы просто катастрофический.

ЧАС ИСТИНЫ

«Не родился еще такой арабский лидер, который мог бы отказаться от Иерусалима», — сказал недавно Арафат, и он был совершенно прав. Точно так же Барак мог заявить, что не родился израильский лидер, который мог бы отказаться от незыблемого принципа, гласящего: «Иерусалим — вечная столица Израиля и никогда больше не будет разделен».

Понимая это, оба лидера вряд ли могли испытывать оптимизм, отправляясь по приглашению Клинтона в Кэмп-Дэвид в июле 2000 года. Можно даже рискнуть утверждать, что провал переговоров был для них лучшим исходом, чем соглашение, как ни парадоксально это может звучать. Ведь каждый из них великолепно знал ту черту, которую его оппонент не может переступить без катастрофической потери лица и утраты власти. Барак пошел на беспрецедентный шаг, на который не осмеливался пойти ни один из его предшественников: его предложения, изложенные выше, фактически означали согласие на раздел Иерусалима путем хитроумного маневра с изменением границ города. Как только об этом стало известно, лидер одной из русских партий Щаранский и религиозные партии вышли из правящей коалиции; более того, возмущены были многие в партии Авода, и вдова Рабина заявила, что ее муж перевернулся бы в гробу, если бы узнал о том, на что согласен пойти Барак. И если бы Арафат принял его план, и встреча в Кэмп-Дэвиде закончилась бы подписанием соглашения, по возвращении домой Барака ждал бы грандиозный скандал, вотум недоверия в кнессете и падение кабинета. Но не лучше пришлось бы и Арафату: не только экстремисты из организации Хамас, но и многие деятели его собственного ФАТХа объявили бы его предателем, пошедшим под давлением Клинтона на отказ от главного требования палестинцев — суверенитета над аль-Харам аш-Шариф, а также от справедливого решения проблемы беженцев путем предоставления всем им права на возвращение.

Ни Барак, ни Арафат не могли игнорировать общественное мнение своих народов. Но дело в том, что каждый из этих народов, если говорить не о политиках, а о рядовых гражданах, обычных людях, почти ничего не знает и не хочет знать о тонкостях политического положения в противостоящем лагере, о расстановке политических сил, «группах давления» и пр. Точка зрения «человека с улицы» элементарно проста: евреи убеждены, что все дело в том, что Арафат и его люди в глубине души желают полного арабского господства на всей территории Палестины; что они проводят политику поэтапного, шаг за шагом, возвращения всех утерянных ими земель и поэтому «нельзя отдавать им палец» -завтра они потребуют всю руку».

А палестинская «улица» на сто процентов убеждена в том, что евреи ни за что не хотят отказаться от оккупации арабских земель; и все предлагаемые ими компромиссы — всего лишь уловка и обман; что Соединенные Штаты, если бы у них было такое желание, могут ментально заставить Израиль пойти на такие уступки, каких требуют арабы; что единственный способ добиться чего-либо от израильтян — это силовое давление (при этом ссылаются на опыт Южного Ливана, где многолетняя партизанская и террористическая деятельность

организации Хизбалла, в принципе родственной Хамасу, вынудила Израиль в мае 2000 г. вывести свои войска; хамасовцы прямо призывают к «ливанизации» ситуации).

Несколько лет, с момента начала мирного процесса, палестинцы верили Арафату (хотя сильно при этом сомневались), надеясь, что он в конце концов, двигаясь медленно и постепенно, добьется от Израиля того, что он всегда обещал своему народу — создания независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме. Но вот наступило лето 2000 года — и оказалось, что максимум, на что можно рассчитывать в результате этих многолетних переговоров и поэтапного продвижения к желанной цели — это милостивое разрешение Израиля на строительство резиденции Арафата и здания парламента в деревушке Абу-Дис, пригороде Иерусалима. И вот тут-то и началось возмущение, поднялся массовый протест. Все забурлило, не хватало только спички, чтобы разжечь пламя. И спичка нашлась: генерал Ариэль Шарон, имя которого ассоциируется с резней в Сабре и Шатиле, совершил прогулку по Храмовой горе, прошелся около мечети аль-Акса. После этого началась вторая интифада, что означало полный крах всей политики Барака. Естественно, он потерпел поражение на выборах весной 2001 г, и к власти пришел новый лидер блока Ликуд Ариэль Шарон.

Вторая интифада принципиально отличалась от первой тем, что на этот раз палестинские экстремисты принялись убивать евреев; в частности, начались акции камикадзе. То, что Арафат дал «зеленый свет» интифаде, не смог или не захотел пресечь акции террористов-камикадзе, что привело к краху израильских «голубей», естественных партнеров палестинцев, и обеспечило приход к власти «ястреба» Шарона — это непоправимая и непростительная ошибка, объяснявшая стремительное падение международного авторитета старого вождя палестинской революции. Сейчас уже некоторые палестинские лидеры признали, что милитаризация интифады была катастрофической ошибкой. Ряды «голубей» с обеих сторон резко поредели. «Непримиримые» в Израиле торжествуют и со злорадством твердят: «А что мы говорили? Все это с самого начала было ошибкой, арабам нельзя уступать». Трудно сейчас найти в Иерусалиме евреев, которые были бы готовы к тому, чтобы в нескольких километрах от еврейской части города расположилась бы арафатовская «столица», и на улицах появились бы палестинские полицейские. Но все понимают, что в любом случае никак не избавишься от двухсот тысяч арабов, которые живут рядом, в восточной части города. Это граждане Израиля, и до сих пор они считались относительно лояльными, но теперь на них все чаще смотрят как на «пятую колонну». И точно такая же картина на палестинской стороне: разочарование и смятение среди тех, кто еще верил в переговорный процесс, все более громко звучащий хор голосов, требующих продолжать и усиливать «новую интифаду» вплоть до вооруженного восстания. Стирается грань между позициями духовного лидера Хамаса шейха Ахмеда Ясина, заявившего недавно: «Иерусалим — это не предмет для переговоров», и Арафата, вновь провозглашающего лозунг «борьбы до тех пор, пока палестинское знамя не будет поднято над Иерусалимом».

Каждая из сторон называет свои действия возмездием за те убийства, которые совершила другая сторона несколькими днями раньше. Когда это прекратится? Палестинцы говорят: «Когда закончится израильская оккупация». Израильтяне: «Когда закончится террор арабских взрывников-самоубийц». Что порождает что? Это все равно, что попытаться ответить на известный вопрос: «Что было раньше — яйцо или курица?»

Разумеется, палестинцы ощущают оккупацию как тяжелейшее унижение, глубоко оскорбляющее их достоинство.

Шарон предлагает им некое государственное образование на разделенных друг от друга кусках оккупированной территории; общая площадь этого «государства» — 42 % территории Западного берега, т.е. менее десятой части исторической Палестины. Похоже, что Шарон намерен не допустить создания полноправного палестинского государства, а это означает,

что Израиль обречен на сохранение перманентной оккупации Западного берега и Газы. Но при сохранении нынешнего демографического тренда уже к 2010 году на территории исторической Палестины арабов будет больше, чем евреев (Арафат однажды сказал, что главное оружие палестинцев – это чрево арабской женщины).

Над еврейским государством нависнет действительно смертельная угроза. Именно к этому и ведут дело палестинские экстремисты, цель которых – не перекрыть границы в том или ином варианте, а уничтожение Израиля как такового.

Каждая новая акция палестинских боевиков-смертников показывает, что курс Шарона на проведение ответных репрессий не оправдывает себя, не приносит безопасности. И вместе с тем каждая такая акция самоубийц делает израильские репрессии неизбежными: никакое правительство не может оставаться пассивным, когда ни в чем не повинных людей разносят на куски в ресторанах, отелях, на автобусных остановках. Идет «война нервов»: кто кого быстрее изматывает. Палестинские экстремисты надеются, что израильтяне не выдержат: как можно жить, когда уже на улицу страшно выйти. В Израиле же многие полагают, что террористов можно перебить, а мирные палестинцы не выдержат жутких экономических последствий интифады. Но с каждым днем становится очевиднее, что только силой ни одна из сторон ничего не добьется.

Мир сразу встревожился — не пахнет ли новой большой войной на Ближнем Востоке? Нет, это нереально. Ни Египет, ни Сирия воевать не могут и не хотят, а угрозы со стороны Ирака и Ливии не имеют серьезного значения. Арабский «саммит» в октябре 2000 г. показал, что ни одному из тех арабских государств, которые могут действительно играть какую-то роль в конфликте, новый большой пожар в регионе не нужен. Но ясно и другое: игнорировать настроения общественности не могут правители даже таких союзных с Вашингтоном стран, как Египет, Саудовская Аравия и Иордания. Сообщения о ежедневно убиваемых палестинских мальчишках потрясли весь арабский мир. Когда на экранах телевизоров показывают толпы в Аммане, скандирующие «Нам не надо хлеба, дайте нам «калашниковы»», — очевидно, что арабские правительства, если они не хотят серьезнейших внутренних потрясений, должны как-то реагировать. Прорвалась, вышла наружу накапливавшаяся полвека ненависть арабов к тем, кто создал свое государство в самом сердце арабских земель, кто в пяти войнах побеждал, разбивал, гнал, брал в плен войска арабских государств. Комплекс неполноценности, возникший у арабов в результате этой серии катастроф, не мог исчезнуть сам по себе; рано или поздно взрыв должен был произойти.

И может быть, опаснее всего то, что конфликт грозит принять характер религиозной конфронтации. До сих пор этого не было, шла борьба двух национализмов. Но когда дело доходит до религиозных факторов, до духовных символов, ради которых люди готовы пойти на смерть, — найти компромисс становится неимоверно трудно.

Тупик? Да, вне всякого сомнения. Невозможно предложить рецепт решения, удовлетворительного для обеих сторон. Ясно лишь одно: в любом случае на многострадальной земле Палестины всегда будут жить оба народа. Ни изгнать, ни уничтожить друг друга они не в состоянии, хотя крови могут пролить немало. И, в конце концов, им придется как-то договариваться.

Гегель говорил, что подлинная трагедия бывает не тогда, когда одна сторона права, а другая — нет, а когда обе правы. Столкнулись две правды. Палестина — земля и арабов, и евреев, но для того, чтобы жить на этой земле в мире, понадобится время. Какое время? Вот этого не знает никто.

ИЮНЬ 1967. КТО ПЕРВЫЙ НАЧАЛ ВОЙНУ?

Увидевшая свет в 2002 году в издательстве Оксфордского университета монография известного израильского историка, старшего научного сотрудника института «Шалем» (Иерусалим) д-ра Майкла Орена «Шесть дней войны. Июнь 1967 и становление современного Ближнего Востока» привлекла большой интерес.¹ Представляется, что знакомство с изложенными в книге М. Орена фактами и идеями будет интересно и русскоязычной интеллигенции. Здесь представлена сокращенная версия одного из самых интересных разделов книги – о причинах начала Шестидневной войны. Редакция выражает благодарность научному сотруднику института «Шалем» д-ру А.Д. Эпштейну и выпускнику Центра иудаики и еврейской цивилизации ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова В.В. Марченко за подготовку настоящей публикации.

Великие войны в истории в итоге становятся великими «войнами за историю». Как правило, проходит лишь несколько лет после того, как последний солдат покинет поле сражения, и вот уже общепринятая правда о характере того или иного военного конфликта и его причинах оспаривается историками и мемуаристами, причем их сила и горячность зачастую едва ли не превосходит пыл воюющих сторон. Не многие из историографических споров были такими острыми, как тот, который ведется об арабо-израильских войнах. Необычайная острота полемики об истории арабо-израильского конфликта напрямую связана с высокими «ставками», которые «стояли на кону»: противники не просто соперничали за «пространство на университетских полках», но пытались оспорить выводы, которые оказали глубокое влияние на жизнь миллионов людей. Речь идет о безопасности Израиля, правах палестинских беженцев, будущем Иерусалима.

Историческая дискуссия о войне 1967 года отличается особой остротой. Вера в то, что Шестидневная война была навязана Израилю альянсом арабских государств, стремящихся к его уничтожению, и что Израиль занял территории в результате реализации легитимного права на самооборону в войне, которой он старался всеми силами избежать, на протяжении десятилетий составляла одну из основ израильской историографии. Будущий статус контролируемых с тех пор израильской армией территорий продолжал быть предметом споров как на внутривнутриполитической арене, так и практически на всех международных переговорах, что предопределило особую привлекательность событий 1967 года для новых и новых радикальных интерпретаций. Некоторые публицисты и политологи исходят из предпосылки, что Израиль не только не мог предотвратить войну 1967 года, но и активно стремился к ней. Вырисовывается странная картина: сосредоточение многотысячных египетских войск на Синайском полуострове, изгнание египтянами сил ООН, закрытие ими для израильского судоходства Тиранского пролива, арабские военные пакты, заключенные под громогласные обещания истребить сионизм – все это, якобы, было спровоцировано Израилем и выражало стремление его руководства к территориальной экспансии и обеспечению внутренней сплоченности населения. Рассекреченные к настоящему моменту израильские, американские и британские архивные документы (архивы в арабских странах остаются закрытыми для исследователей) позволяют с высокой степенью точности и достоверности реконструировать детали и побудительные мотивы израильской политики и дипломатии мая–июня 1967 года. В свете этих документов гипотеза о том, что Израиль умышленно спровоцировал масштабный ближневосточный конфликт, не выдерживает никакой критики. Напротив, исторические свидетельства

неопровержимо показывают, что израильские государственные деятели отчаянно стремились избежать войны и до самого начала боевых действий искали любую возможность предотвратить ее, даже ценой стратегических и экономических потерь для своей страны.

Поворотный момент на пути к Шестидневной войне произошел 11 мая 1967 года, когда советские представители впервые сообщили египтянам ложные сведения об израильской подготовке к крупномасштабной войне, утверждая, будто тринадцатая бригада ЦАХАЛа, включающая сорок тысяч солдат, оснащенная сотнями танков, дислоцируется на северной границе с целью свержения правящего в Сирии режима². Позже появилось множество теорий, пытающихся объяснить такую политику. Казалось, что советские руководители были заинтересованы не столько в том, чтобы спровоцировать войну, сколько в том, чтобы «надавить» на арабские страны и подтолкнуть их к сближению с Египтом, что автоматически привело бы к усилению советских позиций в регионе. Хотя собственные разведывательные службы Г.-А. Насера сообщали, что реальной опасности нет, он использовал это предупреждение как основание для переброски египетских войск на Синайский полуостров, что давало Египту прямой доступ к израильским границам и, что не менее важно, – к Тиранскому проливу.

Добившись эвакуации сил ООН и разместив вместо них на Синайском полуострове египетские войска, в мае 1967 года Г.-А. Насер достиг двух значимых и далеко идущих целей. Он создал непосредственную угрозу стратегическим интересам Израиля, одновременно резко увеличив свой престиж в глазах правительств и народов арабских стран, прежде всего – Иордании и Саудовской Аравии, которые обвиняли Египет в том, что он «прячется» от прямого столкновения с «сионистским врагом» за спинами миротворческого контингента ООН. 14 мая колонны египетской пехоты и бронетехники пересекли Суэцкий канал и заняли Синайский полуостров. За короткое время численность египетских войск на полуострове была удвоена.

Наблюдатели ООН подтвердили отсутствие в Израиле каких-либо признаков мобилизации. Израильцы сами приглашали советских представителей осмотреть северную границу. По дипломатическим каналам и через спецслужбы Израиль заверял Г.-А. Насера, что у него нет враждебных намерений. Ни одно из усилий израильцев на установление прямых контактов с египетским руководством не имело успеха. Подготовка египтян к войне продолжалась ускоренными темпами: 16 мая Египет приказал силам ООН покинуть Синайский полуостров и сконцентрироваться на небольшой территории сектора Газа. Генеральный секретарь ООН У Тан мог противостоять этому или, по крайней мере, обратиться к Генеральной ассамблее ООН с предложением обсудить сложившуюся ситуацию. Однако У Тан, опасаясь каких-либо обвинений со стороны арабского мира, немедленно уступил требованиям Г.-А. Насера. Он даже пошел еще дальше и вывел силы ООН не только с Синайского полуострова, но и из сектора Газа.

Такое развитие ситуации застало Израиль врасплох. Генеральным штабом ЦАХАЛа были разработаны планы ведения военных действий на случай обострения ситуации, в том числе – и на израильско-египетской границе, однако они базировались на присутствии на Синайском полуострове значительного контингента миротворческих сил ООН. Этот «буфер», на протяжении более чем десяти лет бывший важным фактором обеспечения региональной безопасности, исчез буквально в одночасье, после чего тысячи египетских солдат устремились на Синай, создавая реальную и вполне ощутимую угрозу безопасности Израиля.

Эта ситуация вызвала глубокую озабоченность в Израиле, однако правительство пришло к выводу, что Г.-А. Насер не заинтересован в кровопролитии и стремится лишь к победе на пропагандистском фронте с целью поднять свой престиж в арабском мире. Предполагалось, что в худшем случае Г.-А. Насер стремился спровоцировать Израиль на-

чать войну и, таким образом, вызвать всеобщее осуждение Израиля международным сообществом. Чтобы избежать этой ловушки, премьер-министр Израиля Леви Эшколь отклонил предложение начальника Генерального штаба ЦАХАЛа Ицхака Рабина о начале широкомасштабного призыва резервистов. При этом премьер-министр распорядился перевести армию в состояние повышенной боевой готовности. Л. Эшколь всеми силами пытался найти дипломатическое решение, которое ослабит напряженность и восстановит положение, существовавшее на Синайском полуострове до войны, поручив министру иностранных дел Аббе Эвену интенсифицировать контакты с возможными международными посредниками. А. Эвен понимал, что ООН и европейцы, не расположенные ссориться с арабами, едва ли смогут сыграть сколько-нибудь конструктивную роль в урегулировании конфликта, и единственное, на что оставалось рассчитывать, – это на посреднические усилия администрации США. Президент Линдон Джонсон проводил дружественный по отношению к Израилю курс, оказывая еврейскому государству экономическую и военную помощь зачастую вопреки рекомендациям Госдепартамента и Пентагона. Л. Джонсон также испытывал антипатию к Г.-А. Насеру, считая его неблагодарным человеком и марионеткой в руках советских руководителей. В период правления Л. Джонсона США прекратили оказывать Египту какую-либо помощь³. При этом израильские руководители не могли не считаться с тем, что возможности Л. Джонсона в проведении активной политики на Ближнем Востоке весьма ограничивались войной во Вьетнаме, которая подорвала престиж США в мире и привела к серьезному внутреннему кризису в американском обществе. Переписка израильских дипломатов между собой отчетливо свидетельствует, что, даже обращаясь к администрации США за поддержкой, они осознавали нестабильность политического положения администрации Л. Джонсона.

17 мая 1967 года в ходе встречи с заместителем Государственного секретаря США Юджином Росту израильский посол в Вашингтоне Авраам Харман получил заверения о том, что в случае конфликта еврейское государство «не останется одно». При этом У. Росту попросил Израиль консультироваться с Вашингтоном прежде, чем оно решится на какие-либо военные действия. Официально египтяне переводили войска на Синайский полуостров внутри своей собственной суверенной территории, поэтому У. Росту заявил, что превентивный удар Израиля на этом этапе «будет очень большой ошибкой». Позиция У. Росту вызвала немалое беспокойство у израильских руководителей, которые очень хорошо помнили Суэцкий кризис 1956 года, когда администрация Д. Эйзенхауэра угрожала ввести экономические санкции против Израиля, если он не уйдет из Синая и Газы.

Предупреждение американцев происходило одновременно с продолжавшимся усилением египетской армии на Синае и выдвижением египетских военных кораблей на атакующие позиции в Красном и Средиземном морях. Арабские лидеры и контролируемые ими средства массовой информации нагнетали милитаристские настроения. Хафез Асад, бывший тогда министром обороны Сирии, заявил, что сирийская армия «держит палец на спусковом крючке и с нетерпением ждет начала военных действий»⁴. Каирское радио призывало Л. Эшколя к войне, декларируя: «Какое бы оружие вы не использовали, оно все равно превратится в смерть и уничтожение Израиля», в то время как радио Аммана объявило о том, что Иордания «готова вести судьбоносную войну с врагом»⁵.

17 мая в Израиле начался призыв резервистов: на протяжении двух дней были мобилизованы тридцать пять тысяч человек. При этом израильские дипломаты уведомили ООН и администрацию США, что этот шаг является «необходимой предосторожностью» и ни в коей мере не выражает агрессивных устремлений Израиля. С просьбой о принятии мер с целью урегулирования конфликта А. Эвен обратился к послу СССР в Израиле и к Генеральному секретарю ООН, однако эти обращения не привели к каким-либо практическим результатам. По мере того, как возможности для дипломатического маневра сужались,

Израилю вновь пришлось обратить свой взгляд в сторону США. Однако и эти усилия принесли лишь разочарования: Государственный секретарь Дин Раск предложил, чтобы силы ООН были размещены не только на египетской территории, но и на израильской стороне пролива. Постепенно становилось ясно, что администрация США стремится установить новый порядок на Синайском полуострове за счет болезненных уступок израильской стороны.

В течение первых недель кризиса Израиль должен был противостоять не только непримиримой арабской враждебности, но и неожиданным колебаниям США относительно выполнения своих же обязательств. 20 мая посол Израиля в США докладывал министру иностранных дел А. Эвену: «Насколько целью [Америки] является предотвращение любой военной конфронтации, настолько они убеждены, что нет никакого шанса заставить Насера или Советы предпринять какие-то шаги, которые могут быть расценены как уступка. Мы должны быть готовы к возможности, что США будут давить на нас, чтобы мы уступили в тех вопросах, которые, по их мнению, для нас не важны... Опасность заключается в том, что США полагают, что они могут навязать нам свою волю»⁶.

18 мая Л. Эшколь сообщил американскому руководству, что израильтяне не предпримут никаких военных действий, «если только Египет не попытается закрыть [Тиранский] пролив». Подобная позиция Израиля была поддержана Великобританией и Францией. Л. Эшколь надеялся, что если Тиранский пролив все же будет закрыт египтянами для израильского судоходства, США выполнят свои обязательства от 1957 года и поддержат Израиль в его попытке восстановить существовавшее в прежние годы положение. Было похоже, что администрация США откликнулась на призыв Л. Эшколя. Встретившись с израильским дипломатом Эфраимом Эвроном, У. Ростоу объявил, что «договоренности 1957 года остаются в силе, как и все остальные соглашения между нами». Однако он подчеркнул, что присутствие египетских сил на Синайском полуострове не является оправданием для развязывания войны, так как Г.-А. Насер не закрыл Тиранский пролив для израильских судов. Администрация США, тем не менее, обратилась к главе советского правительства А.Н. Косыгину с призывом содействовать совместной инициативе двух держав, направленной на предотвращение спора между Израилем, Египтом и Сирией,двигающихся к войне⁷.

У израильских руководителей не было иного выхода, кроме ожидания. Существовала, пусть и весьма призрачная, надежда на успех переговоров У Тана с Г.-А. Насером.

Однако, ни действия Л. Джонсона, ни деятельность У Тана не предвещали перемен к лучшему, поэтому настроение в израильском правительстве было безрадостным. 21 мая Л. Эшколь заявил членам кабинета: «Я полагаю, египтяне планируют прекратить судоходство израильских кораблей в Эйлатском порту или подвергнуть бомбардировке ядерный реактор в Димоне. Широкомасштабная военная операция последует за этими действиями». Начальник Генерального штаба ЦАХАЛа И. Рабин, также пребывавший в мрачном настроении, предупреждал, что «это будет тяжелая война ... с многочисленными потерями», и считал необходимым для Израиля осуществить насколько возможно более масштабный призыв резервистов, одновременно продолжая искать дипломатические пути решения проблемы. Л. Эшколь пытался использовать любую возможность, чтобы ослабить напряженность. Он намеренно прекратил публичные выступления против усиления египетского военного присутствия на Синае, тайно послав У Тану еще одно обращение для передачи Г.-А. Насеру, пытаясь убедить его воздержаться от каких-либо враждебных по отношению к Израилю действий в Тиранском проливе.

Такие примиренческие шаги со стороны израильских лидеров, направленные на успокоение египетского руководства, возымели обратный эффект: Г.-А. Насер воспринял их как признаки слабости Израиля. 22 мая, когда Генеральный секретарь ООН У. Тан нахо-

дился на пути в Каир, Г.-А. Насер посетил одну из авиационных баз египетской армии на Синайском полуострове. Выступая перед восторженными пилотами истребителей, он объявил о блокаде Тиранского пролива.

Решение Г.-А. Насера закрыть Тиранский пролив для израильского судоходства стало решающим моментом кризиса. Во второй половине 1960-х годов Эйлатский порт на Красном море был важным фактором израильской экономики, центром торговли и судоходства. Именно в Эйлатский порт прибывали танкеры, импортировавшие иранскую нефть и другие важные товары, именно отсюда отплывали корабли, экспортировавшие израильские товары в страны Азии и Африки. Закрытие канала не только нанесло тяжелый удар по израильской экономике, но и стало большой политической победой Г.-А. Насера: это был явный шаг на пути к войне, который значительно укрепил его популярность в арабском мире. В своей речи перед Национальным собранием Г.-А. Насер заявил: «Мы готовы к войне с Израилем. Мы готовы решить палестинский вопрос. Сейчас речь не идет об Акабском заливе, Тиранском проливе или уходе войск ООН; речь идет об агрессии,... которая имела место в Палестине в 1948 году при пособничестве Великобритании и США»⁸.

Израильское руководство опасалось закрытия Тиранского пролива с момента начала кризиса. «Когда мы доберемся до этой реки, поищем спасательные жилеты», – мрачно шутил Л. Эшколь. Объявленное Г.-А. Насером решение привело к панике в израильском руководстве. «Мы будем воевать против Египта и Сирии своими силами», – сказал И. Рабин премьер-министру, давая тем самым понять, что на военную поддержку других стран рассчитывать не приходится. Эзер Вейцман, начальник Оперативного отдела ЦАХАЛа, признал, что Израиль и арабы подошли к самому краю «тотальной войны». В качестве ответа на сложившуюся ситуацию И. Рабин предложил нанести авиационный удар по позициям египетских ВВС (израильские воздушные силы в течении нескольких лет многократно отрабатывали такую возможность, получившую название операции «Мокед»), за которым должен был последовать удар бронетехники в Газе и на западе Синайского полуострова. Все это было призвано добиться всего лишь восстановления погранного Г.-А. Насером status-quo. Подобно тому, как это было в 1956 году, захваченные в ходе подобной операции территории предполагалось вернуть Египту в обмен на его согласие гарантировать свободу израильского судоходства в Тиранском проливе и обеспечить возврат миротворческих сил ООН на Синайский полуостров. И. Рабин настаивал на как можно более быстром проведении операции. По его словам, чем дольше Израиль выжидал, тем больше войск стягивала египетская армия на Синайский полуостров.

Хотя в Генеральном штабе ЦАХАЛа уже отчетливо осознавали неотвратимость войны, большинство членов правительства все еще надеялись на мирное разрешение конфликта. Пожалуй, из всех министров в пользу проведения превентивной военной операции высказывался лишь министр труда генерал в отставке Игаль Алон. Остальные же выступали за проведение политики сдержанности. Министр образования и культуры Залман Аран из Рабочей партии и министр внутренних дел Хаим Моше Шапира из Национально-религиозной партии утверждали, что даже если превентивная операция и будет успешной, она оставит север Израиля незащищенным перед возможной агрессией со стороны Сирии. Кроме того, они противились тому, чтобы Израиль начал войну без каких-либо гарантий со стороны США – как в том, что касалось военной и гражданской помощи, так и в дипломатической сфере. «Я готов сражаться, – заявил Х.М. Шапира, – но не совершать самоубийство».

Премьер-министр Леви Эшколь оказался меж двух огней, не считая того, что ему приходилось сдерживать растущее общественное недовольство. Многие видные общественные фигуры в Израиле выступили в поддержку создания – впервые в истории страны – правительства национального единства с участием лидера оппозиции Менахема Бегина.

Кроме того, сам Л. Эшколь совмещал пост премьер-министра с должностью министра обороны, и многие, как в армии, так и в политических структурах, требовали от него назначить министра обороны «на полную ставку». В качестве возможных кандидатов на этот пост назывались Игаль Алон и бывший начальник Генерального штаба Моше Даян. Однако Л. Эшколь не спешил, пытаясь любой ценой сохранить мир. Он санкционировал отчаянную инициативу министра иностранных дел А. Эвена, который должен был отправиться в трехдневное турне по западным столицам, чтобы понять, могут ли мировые державы, в частности США, дипломатическим давлением вынудить Г.-А. Насера отступить.

Основной целью А. Эвена и израильских представителей в Вашингтоне было добиться от США и, по возможности, от Франции и Великобритании, публичной декларации о том, что они сделают все, что в их силах, чтобы открыть Тиранский пролив для израильского судоходства. По мнению руководства Израиля, это была единственная мера, которая могла предотвратить надвигающуюся войну. В случае же, если египтяне откажутся открыть пролив, израильские представители стремились добиться признания своего права действовать любыми путями для обеспечения свободы мореплавания, снабжения и внешней торговли.

23 мая президент США Л. Джонсон дал израильтянам основание надеяться, что дипломатическое решение может быть найдено. В своей телеграмме Л. Эшколю Л. Джонсон просил Израиль воздержаться от каких-либо военных действий в течение следующих 48 часов, в которые администрация США будет искать пути мирного урегулирования кризиса. Л. Джонсон отметил заверения премьер-министра Израиля об исключительно «предупредительном» характере проведенной в стране мобилизации, выразив убеждение, что кризис удастся разрешить – «в ООН или вне ее». Эта фраза упоминалась и в предложении Англии послать сорок военных судов морских держав в Суэцкий залив. Данный план, позже названный «Регата на Красном море», казалось, был идеальным вариантом бросить вызов блокаде, успокоить Израиль и при этом не раздражать Конгресс, который был против любых действий, которые могли вовлечь США в еще одну кампанию, подобную вьетнамской. При этом администрация США отвергла просьбу Израиля о поставке двадцати военных самолетов, согласившись вместо этого поставить в Израиль значительное количество средств химической защиты, и, прежде всего, – противогазов.

Пока американцы и англичане разрабатывали план «регаты», А. Эвен отправился в Европу. Во Франции, которая поддержала Израиль в войне 1956 года и которая была с тех пор основным поставщиком вооружений, получаемых еврейским государством извне, его ждал более чем холодный прием. Президент Шарль де Голль негативно оценил идею «регаты», настаивая, что единственным решением может стать совместная мирная инициатива четырех держав, включая СССР. Французы отчетливо дали понять, что, с их точки зрения, спорить особенно не о чем. Во время своей следующей остановки в Лондоне А. Эвен удостоился более теплого приема, однако, результаты были не намного более вдохновляющими. Кратко остановившись на отрицании идеи превентивного удара, премьер-министр Великобритании Гарольд Уилсон сдержанно высказал свою поддержку международным действиям, направленным на снятие блокады пролива, подчеркнув и свою поддержку усилий, направленных на то, чтобы договориться с Египтом при посредничестве Советского Союза.

После того, как неготовность Франции и Великобритании к активным действиям стала очевидной, А. Эвен 25 мая прибыл в Вашингтон. Ситуация была нелегкой: американцы продолжали снисходительно убеждать Израиль не торопиться, выражая негодование по поводу давления произраильского лобби в Конгрессе на Белый дом. А. Эвен, бывший в прошлом послом в США и в ООН, был наиболее подходящей фигурой, к которой американцы хоть как-то прислушивались. Израильскому послу в США А. Эвен так охарактеризо-

вал цели своего визита: «Для нас особенно важно прояснить степень поддержки США наших усилий. Мы не можем удовлетвориться заявлением американского правительства, что проливы останутся в руках Насера. На кону стоит не только возможность войны, но и надежность американских обещаний».

Сразу после приземления в Нью-Йорке 25 мая А. Эвен получил срочную телеграмму из Иерусалима, в которой сообщалось, что египтяне планируют нанести удар по израильской территории в течение двух последующих дней. В инструкциях, полученных А. Эвеном от Л. Эшколя, говорилось: «Основной проблемой сейчас является не Тиранский пролив – под угрозой само существование Израиля. Пассивность Запада вдохновила арабов, каждый час их аппетиты увеличиваются. Вы должны обсудить с Л. Джонсоном те практические шаги, которые готова сделать Америка в сложившейся ситуации».

Госсекретарь Дин Раск, один из наиболее холодно относившихся к Израилю деятелей администрации Л. Джонсона, был первым официальным лицом, встречавшимся с А. Эвеном. Результаты этой встречи вселяли определенный оптимизм: Государственный секретарь не отверг просьбу Израиля о предоставлении американских гарантий безопасности, подчеркнув, что он немедленно передаст ее на рассмотрение президенту. Однако беседа со считавшимся произраильски настроенным заместителем Государственного секретаря У. Росту неожиданно разочаровала. «Президент, – заявил У. Росту, – не может предоставить какие-либо военные гарантии Израилю без одобрения Конгресса, а шансы получить его в нынешних обстоятельствах весьма сомнительны».

А. Эвен оказался в трудной ситуации. Единственное, что ему оставалось, это заявить, что ему нужно вернуться в Израиль «с четким планом действий» американской стороны – подразумевая, что без такого плана у Израиля не останется иного выхода, кроме как применить силу. Единственным ответом У. Росту было то, что морские державы продолжают подготовку к «регате», и он надеется, что этого будет достаточно, чтобы сдержать Г.-А. Насера.

На следующее утро в пятницу 26 мая А. Эвену позвонил Д. Раск, который передал просьбу Л. Джонсона перенести уже назначенную встречу с А. Эвеном на воскресенье, так как У Тан должен был к тому времени вернуться из Каира, и Л. Джонсон хотел сначала ознакомиться с его докладом. А. Эвен отметил, что ему необходимо срочно увидеться с президентом США, после чего – вернуться в Иерусалим, где в воскресенье должно было состояться заседание правительства – «возможно, важнейшее за всю историю страны». Л. Джонсон согласился принять А. Эвена, которому предстояли и непростые переговоры в Пентагоне с министром обороны США Робертом Макнамара и председателем Комитета начальников штабов генералом Эрлом Уилером. Оба они подвергли сомнению данные израильской разведки о приближающейся египетской агрессии, отказавшись предоставить Израилю какие-либо конкретные обязательства или гарантии. Соотношение сил в администрации США складывалось не в пользу Израиля, но отступать было некуда, и А. Эвен направился в сопровождении израильского посла в США на свою заключительную и самую важную встречу с президентом Л. Джонсоном в Белом доме. Кроме Л. Джонсона, в переговорах с американской стороны участвовали Роберт Макнамара, генерал Эрл Уилер, пресс-секретарь президента Джордж Кристиан, ответственный сотрудник Госдепартамента Джозеф Сиско и Уолт Росту, брат Юджина Росту, бывший советником президента США.

Описывая ситуацию, А. Эвен отметил, что Израиль находится сейчас на перепутье, так как решение уйти из Синая в 1957 году было принято, основываясь на американских обещаниях обеспечить присутствие войск ООН на полуострове и гарантировать свободу навигации в Тиранском проливе. А. Эвен подчеркнул, что за долгие годы своей дипломатической деятельности он никогда не получал столь тревожных телеграмм как те, которые приходят ему из канцелярии премьер-министра в Иерусалиме в настоящее время: речь идет не только о благополучии Израиля, но и о самом его существовании. А. Эвен

выразил надежду на то, что Израиллю и США удастся скоординировать свои действия в ответ на возможную атаку египтян.

Ответ Л. Джонсона был обескураживающим. По его словам, Соединенные Штаты не собираются рисковать конфронтацией с Советским Союзом лишь потому, что Израиль хочет добиться желательного для себя решения в максимально короткий срок. Президент подчеркнул, что основной проблемой его администрации является продолжающаяся затяжная война во Вьетнаме и что необходимо получить санкцию Конгресса на проведение каких-либо военных действий на Ближнем Востоке. «Я не король в этой стране», – отметил Л. Джонсон. Весьма критически оценив деятельность ООН и его Генерального секретаря («не нужно быть слишком умным, чтобы понять, что я думаю о нем», – сказал Л. Джонсон) по урегулированию ближневосточного кризиса, президент попросил израильтян набраться терпения и действовать преимущественно своими силами: «У вас в Израиле лучшая разведка и лучшие посольства. Заставьте работать всех, кто заинтересован в том, чтобы Тиранский пролив оставался открытым для судоходства». При этом Л. Джонсон высказался категорически против нанесения израильскими ВВС превентивного авиационного удара по Египту. Цитируя заключение, представленное американской разведкой, из которого следовало, что, несмотря на агрессивную риторику, у Египта нет намерения атаковать Израиль, Л. Джонсон предупреждал об опасности, грозящей еврейскому государству в случае односторонних действий: «Израиль никогда не должен быть ответственным в глазах Америки или мирового сообщества за развязывание войны. Израиль не будет один до тех пор, пока он не решит быть одним». Последнюю фразу Л. Джонсон повторил три раза. А. Эвен ничего не ответил, предложив создать совместную американско-израильскую рабочую группу по оперативному наблюдению за ходом развития событий. Министр обороны США согласился рассмотреть возможность создания такой группы, отметив, что необходимо сохранять конфиденциальный характер достигнутых договоренностей. Эта полуторачасовая встреча мало что дала: А. Эвен ушел из Белого Дома в смятении, а Л. Джонсон сказал своим советникам: «Я проиграл. Они собираются начинать войну»⁹.

Как и предупреждала израильская разведка, египетское руководство приняло решение о проведении массированной военной атаки Эйлата и других стратегических целей в Негеве¹⁰. План, начало реализации которого было намечено на субботу 28 мая, был отложен после того, как Л. Джонсон связался с советскими руководителями, сообщив о надвигающейся египетской атаке, о которой его предупредил А. Эвен. Посол Советского Союза в Каире в три часа утра связался с Г.-А. Насером и передал ему, что египетские планы наступательной войны не одобряются советскими руководителями. Не желая воевать без советской поддержки, Г.-А. Насер отменил намеченную атаку.

Война была временно отложена, но кризис был в апогее. 28 мая А. Эвен вернулся в Израиль, застав военное и политическое руководство страны в крайне сложных и изматывающих дискуссиях. После того, как была проведена массовая мобилизация резервистов, каждый день бездействия стоил стране двадцать миллионов долларов, не говоря уже о том, что нападение Египта, которое могло последовать в любой момент, грозило многотысячными потерями. Начальник Генерального штаба И. Рабин был в полном смятении, что еще больше усугубляло и без того непростую ситуацию.

В воскресенье 28 мая кабинет министров заслушал доклад А. Эвена о ходе его переговоров с американскими, английскими и французскими руководителями. Мнения членов правительства разделились: И. Алон считал, что Израиль может действовать в сложившейся ситуации по своему усмотрению, а потому поддержал идею превентивного удара. Министр внутренних дел Х.М. Шапира был настроен скептически: «У меня больше уверенности в американских обещаниях, чем в способности израильских войск победить египетскую армию», – признавался он¹¹. Компромиссную позицию занял и сам А. Эвен.

Выразив опасение, что будущие поколения осудят правительство, если оно не найдет альтернативы войне, он рекомендовал отложить принятие решения по этому вопросу на три недели, чтобы дать американцам отсрочку с целью попытаться урегулировать кризис мирным путем. Во время заседания правительства была получена срочная телеграмма Л. Джонсона, в которой говорилось о возможной советской помощи арабам в случае войны и просьба к Израилю «не принимать никаких превентивных военных действий, тем самым, делая себя ответственным за начавшуюся войну». Прислушавшись к предостережениям президента США, правительство решило принять предложение А. Эвена о трехнедельном тайм-ауте. Вместе с тем Л. Эшколь проинструктировал руководителя «Мосада» собрать насколько возможно полную информацию о фактических намерениях администрации США, одновременно активизируя давление произраильского лобби на Белый дом.

Сообщения, прибывшие от американских представителей на следующий день, обнадеживали: посол США в Израиле отмечал готовность Л. Джонсона использовать «каждое и любые средства» для открытия Тиранского пролива для израильского судоходства. Государственный секретарь Д. Раск сообщал о прогрессе в организации совместной регаты морских держав в Суэцком заливе. Президент Франции Ш. де Голль также подтвердил свою приверженность обеспечению принципов свободы судоходства в Тиранском проливе.

Однако дальнейшее развитие событий показало, что стратегическое положение Израиля продолжало ухудшаться. Г.-А. Насер отверг предложение У Тана снять блокаду пролива хотя бы на две недели, после чего Генеральный секретарь ООН прекратил любые попытки мирного урегулирования конфликта. Из-за продолжавшейся блокады Израиль начал ощущать острую нехватку нефти и продовольствия. Сообщения из Москвы также приняли угрожающий характер, в них постоянно критиковалась «опрометчивая деятельность, развязанная воинствующими кругами» в Израиле, и делались предупреждения о серьезных последствиях возможной израильской агрессии¹².

Развитие ситуации в регионе вызывало еще большую обеспокоенность. Военная разведка сообщала, что еще одна египетская танковая дивизия вошла в Синай. Мобилизация была объявлена в Судане, Ираке и Кувейте; сирийские силы были готовы вторгнуться в Галилею. Бывшие позиции сил ООН в Газе были заняты отрядами Палестинской армии освобождения, инфильтрация террористов из Иордании и Сирии набирала обороты. На вопрос о судьбе израильтян в случае возможной победы арабов в предстоящей войне, глава ООП Ахмад Шукейри ответил: «Те, кто выживут, останутся в Палестине, но по моим оценкам, никто из них не выживет»¹³. Президент Ирака был не менее категоричен: «Существование Израиля – это ошибка, которую надо исправить. Это возможность смыть с себя позор, который лежит на нас с 1948 года. Наша цель ясна – стереть Израиль с лица земли. И мы, если на то будет воля Аллаха, встретимся в Тель-Авиве и в Хайфе»¹⁴.

Военные приготовления арабских стран достигли своей кульминации на следующий день – 30 мая, когда король Иордании Хусейн подписал двухсторонний военный пакт с Египтом, который фактически ставил иорданскую армию под контроль Г.-А. Насера. Израиль неожиданно оказался перед вероятной атакой с трех фронтов, перед армией, состоящей из 465 тысяч человек, насчитывавшей почти три тысячи танков и 810 самолетов. Численность и оснащенность арабских армий в несколько раз превышали израильскую армию, и это в тот самый момент, когда международная изоляция Израиля была практически полной. Еще без единого выстрела Г.-А. Насер достиг ошеломляющей дипломатической победы. «Мы готовы решить проблему Палестины», – триумфально заявил он в тот день, выступая в Национальной ассамблее Египта. «Именно мы будем решать, когда и где состоится сражение. Мы не допустим, чтобы это решал Израиль, как это было в 1948 году», – продолжал он. Тем временем экономическое положение Израиля продолжало ухудшаться, а голоса, требовавшие перейти к решительным действиям, крепли.

Англо-американский план «Регата в Красном море» провалился: даже голландцы и канадцы, которые в начале с энтузиазмом поддерживали его, отказались от участия в нем, опасаясь военного столкновения с Египтом и прекращения поставок ближневосточной нефти. Все более отчаивающийся президент Л. Джонсон намеривался провести эту акцию в одностороннем порядке, но против выступил Пентагон. В лучшем случае, – убеждали президента руководители Министерства обороны, – США будут обременены постоянной необходимостью патрулировать проливы, в худшем случае – египтяне откроют огонь, вызвав тем самым последовательность событий, которая может привести к катастрофе¹⁵. При этом администрация США не информировала израильтян об изменениях своей позиции: в своих разговорах с израильскими дипломатами Д. Раск и У. Росту уверяли, что Л. Джонсон постепенно добивается поддержки в Конгрессе, и что американские и английские корабли уже находятся на пути в Тиранский пролив. Опасаясь, что израильтяне сами соблазняются проверить прочность блокады одним из своих кораблей, американцы уговаривали их набраться терпения и успокоиться – ни при каких обстоятельствах они не должны первыми открывать огонь.

До 31 мая в Израиле не знали всей правды о судьбе «Регаты в Красном море». Извещение о провале этого плана пришло неожиданно. Л. Эшколь телеграфировал в Белый дом, приветствуя прошлые заверения Л. Джонсона открыть Тиранский пролив «любыми средствами». Израиль ожидал, что попытка Египта заблокировать международный конвой будет встречена силой. Однако президент Л. Джонсон проинструктировал У. Росту сообщить А. Харману, что США не могут подписаться под таким заявлением. Израильский посол напомнил У. Росту «судьбоносный шаг» А. Эвена, когда тот убедил израильское правительство отложить активные действия, положившись на обещание Л. Джонсона. «То, что Вы мне сейчас сказали, вызовет большую горечь в Израиле и даст импульс для односторонних действий. Израильское общество больше не может мириться с таким положением вещей», – заявил он.

В израильском обществе все усиливалось ощущение надвигающегося апокалипсиса. По всему Израилу люди заполняли мешки с песком, сдавали кровь для ожидаемых раненых; в больницах было подготовлено четырнадцать тысяч мест. Генерал Э. Вейцман кричал премьер-министру: «Если Вы отдадите приказ [о начале атаки] – еврейская история назовет вас величайшим героем, а если Вы откажетесь – она никогда не простит Вам этого». В этот момент находившийся в кабинете Л. Эшколя министр юстиции Я.Ш. Шапира не выдержал и разрыдался¹⁶. На встрече Л. Эшколя с высшими армейскими командирами Ариэль Шарон также выступил с резкой критикой: «Своими собственными руками... мы уничтожили наше самое мощное оружие – страх врага перед нами. В будущем нам придется заплатить намного более высокую цену за то, что мы делаем сейчас... Народ Израиля готов вести справедливую войну, ... люди понимают и чувствуют, что придется заплатить свою цену... Проблема не только в Тиранском проливе – под вопросом существование всего народа Израиля»¹⁷.

Давление на Л. Эшколя возрастало, и 31 мая он согласился создать правительство национального единства с участием оппозиционных партий, в том числе и лидера движения «Херут» Менахема Бегина. На следующий день он назначил Моше Даяна министром обороны страны. В ходе бурного обсуждения в Генеральном штабе в пятницу 2 июня члены кабинета и армейские командиры спорили о необходимости начала военной операции. Начальник разведки А. Ярив констатировал: «Это самый лучший час Египта. США не планируют предпринимать далеко идущих шагов, чтобы разрешить конфликт между Израилем и Египтом». После А. Ярива выступил И. Рабин, отметивший, что «никто, кроме нас, не сможет вырвать нас из военного и дипломатического удушья, которое охватывает нас сейчас... Нашей основной задачей должно быть нанесение решающего удара по Насеру.

Это, я полагаю, изменит ситуацию на всем Ближнем Востоке». Слово было предоставлено командующему военно-воздушными силами генералу Моти Ходу, который обрисовал пути и задачи возможной операции. «Воздушные силы готовы действовать немедленно, – сказал М. Ход. – Не нужно откладывать операцию даже на 24 часа».

Хотя это звучало впечатляюще, порыв М. Хода не убедил большинство министров. «Защищены ли наши города от возможных бомбардировок?» – спрашивал министр внутренних дел Х.М. Шапира. «Готов ли Израиль к отражению возможной советской интервенции, которая может последовать в ответ на нашу атаку?» – спрашивал министр здравоохранения Исраэль Барзилай. Ариэль Шарон выступил против подобострастного отношения к мировым державам: «Если мы хотим здесь выжить, нам надо бороться за наши права!» – воскликнул он, не обращая внимания на намеки Л. Эшколя, что именно подобное «подобострастное отношение» снабдило Израиль тем оружием, которым он может защитить себя сейчас. «Когда в стране живут два миллиона человек, мы должны спросить себя, – сказал премьер-министр, – если нам приходится воевать каждые десять лет, останутся ли у нас союзники? Сегодня мы консультируемся с ними, а завтра показываем им, что их мнение нас не интересует...»¹⁸.

Ранним утром 3 июня Л. Эшколь, А. Эвен, М. Даян и И. Алон встретились с только что вернувшимся из Вашингтона руководителем «Мосада» М. Амитом. В ходе своего визита в США М. Амит встречался с министром обороны Р. Макнамарой и специалистами из американской разведки, среди которых был и глава ЦРУ Ричард Гельмс. Он понял, что американская разведка согласна с оценкой Израиля арабской военной мощи и готова поделиться имеющимися у нее сведениями с израильской армией. Вернувшись в Израиль, М. Амит информировал руководителей правительства, что хотя США не планирует снять блокаду силой, они не будут возражать, если израильтяне решат «наказать» египтян. Он посоветовал правительству подождать еще неделю, а потом послать израильский корабль через пролив. М. Даян не смог сдержаться: «Любой, кто ждет, что египтяне начнут войну, должен знать, что тогда мы потеряем Израиль!». Он добавил с криком: «Это безумие – выжидать еще дольше»¹⁹.

События последующих суток только усилили опасения М. Даяна. Создавалось впечатление, что американская администрация смирилась с блокадой Тиранского пролива и уходом сил ООН из Синайского полуострова. От прежней жесткой позиции не осталось и следа, и в Каир были направлены новые американские парламентарии. Вице-президент Египта получил предложение 7 июня прибыть в Вашингтон, после чего планировался ответный визит в Египет вице-президента США.

Судьбоносное заседание кабинета министров Израиля началось в воскресенье 4 июня в 8:15 утра. Посол Израиля в США А. Харман и руководитель военной разведки А. Ярив представили министрам аналитический доклад о ближневосточной политике Л. Джонсона. А. Ярив сообщил также, что из данных, полученных военной разведкой, неопровержимо следует, что египетская армия переходит от оборонительной дислокации к атакующей с явным намерением занять Эйлат. Министры И. Барзилай и Х.М. Шапира продолжали возражать, опасаясь международного осуждения, если Израиль нападет первым. «Пусть нас осуждают, – ответил И. Алон, – мы выживем». После семи часов обсуждения изможденное и эмоционально вымотанное правительство единогласно проголосовало за то, чтобы поручить войскам «начать военную операцию с целью освобождения Израиля из-под осады и предотвращения надвигающегося нападения объединенных сил арабских стран»²⁰.

Три недели непрекращающихся споров, изматывающих попыток убедить ООН, США и другие страны добиться восстановления предшествовавшего на Синайском полуострове и в Синайском заливе положения и предотвратить войну, завершились. Израиль решил

«действовать в одиночку». В 8:00 утра следующего дня израильские самолеты бомбили египетские аэродромы. Война началась, и была менее чем за неделю с блеском выиграна Израилем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Michael B. Oren «Six days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East», Oxford University Publication. 2002
- ² Richard B. Parker, The Six Day War (Cainesville: University Press of Florida, 1997), p.42
- ³ William J. Burns, Economic Aid and American Policy Toward Egypt, 1953-1981 (Albany: State University of New York, 1985), pp. 150-153.
- ⁴ См.: Theodore Draper, Israel and World Politics: Roots of the Third Arab-Israeli War (New York: Viking, 1967), p. 60 – 61.
- ⁵ Samir A. Mutawi, Jordan in the 1967 War (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), pp. 88-89.
- ⁶ Письмо находится в Израильском государственном архиве, документы Министерства иностранных дел, папка 4078/4.
- ⁷ William B. Quandt, Peace Process: American Diplomacy and the Arab-Israeli Conflict since 1967 (Washington, D.C.: Brookings Institution, 1993), pp 28-29.
- ⁸ См.: Robert Stephens, Nasser: A Political Biography (London: Penguin, 1971), pp. 479-480.
- ⁹ Об этой встрече см.: Abba Eban, An Autobiography (New York: Random House, 1977), pp. 389-394.
- ¹⁰ Египетские источники, опубликованные на арабском языке, в деталях описывают планировавшуюся атаку израильских объектов. См.: Abdel Muhsin Kamil Murtagi, Major-General Murtagi Attests to the Truth (Cairo, 1976), p. 81; Muhammad Fawzi, The Three Year War, pp. 93-94, 113-126; Muhammad Heikal, The Explosion (Cairo, 1990), pp. 573-583.
- ¹¹ См.: Эйтан Хабер, «Сегодня начнется война» (Тель-Авив, 1987, на иврите), стр. 192.
- ¹² См.: Avigdor Dagan, Moscow and Jerusalem: Twenty Years of Relations Between Israel and the Soviet Union (London: Abelard-Shuman, 1970), pp. 218-220.
- ¹³ Theodore Draper, Israel and World Politics, p. 98.
- ¹⁴ Цитируется по: David Kimche and Dan Bawly, The Sandstorm: The Arab-Israeli War of June 1967: Prelude and Aftermath (London: Secker and Warburg, 1968), p. 101.
- ¹⁵ Lyndon B. Johnson, The Vantage Point, pp. 295-296.
- ¹⁶ Ezer Weizman, On Eagles' Wings (New York: Macmillan, 1997), p. 219.
- ¹⁷ См.: Ханох Бартов, Даво: 48 лет и двадцать дней (Тель-Авив: «Маарив», 1978), стр. 94 [на иврите].
- ¹⁸ См.: Эйтан Хабер, «Сегодня начнется война», стр. 204-212.
- ¹⁹ Там же, стр. 218.
- ²⁰ См.: Эйтан Хабер, «Сегодня начнется война», стр. 219-221.

ОТ БЕЗУМИЯ К РАЗУМУ

Недавно в Интернете можно было прочесть изложение двух зеркально противоположных позиций по вопросу палестино-израильской конфронтации. Одна страстно обосновывалась 24 апреля с.г. в интервью саудовско-египетскому спутниковому телевидению «Икраа». Другая позиция столь же убежденно отстаивалась в статье, опубликованной позднее в египетской газете «Хадис Аль-Медина».

В появлении двух принципиально разных взглядов в СМИ нет ничего необычного, и не стоило бы специально останавливаться на этих фактах, если бы... автором интервью и статьи не было бы одно и то же лицо, причем, не журналист, ищущий популярности, а широко известный в Египте д-р Адель Садек — председатель ассоциации арабских психиатров, руководитель факультета психиатрии университета «Эйн Шамс», лауреат государственной премии Египта.

В интервью на ТВ д-р Садек выступает как оголтелый идеолог арабского экстремизма, защитник и вдохновитель террористов-самоубийц. Он заявляет, что пока жив хоть один палестинец, война с Израилем не прекратится. «Каждый, кто думает, что настанет мир — сейчас или в будущем — имеет ограниченный взгляд на историю... Либо израильтяне — либо палестинцы. Третьего не дано..., либо они сбросят нас в море, или — мы их. Середины нет. Сосуществование — абсолютная чушь...».

Самым действенным средством борьбы с Израилем д-р Садек считает атаки террористов-самоубийц. «Из того, что я вижу на арене борьбы, — говорит он, — нет иного средства, кроме чистых благородных палестинских тел. Это единственное арабское оружие, и любой отрицающий это — провокатор».

«Когда человек умирает мученической смертью, — утверждает этот ученый, — он достигает высшего блаженства. Как профессиональный психиатр я утверждаю, что высшее блаженство наступает с завершением обратного отсчета: десять, девять... Когда мученик доходит до слова «один» и затем происходит взрыв, он чувствует, что летит, потому что знает наверняка, что не умер. Это переход из одного мира в другой, более прекрасный, ибо он хорошо знает, что через несколько секунд он увидит свет Творца. Он будет в непосредственной близости к Аллаху».

Вот такой бред несет этот ученый-психиатр.

Но вот уже через несколько месяцев (в октябре с.г.) в газете «Хадис Аль-Медина» он пишет абсолютно противоположное:

«Во-первых, мы должны убедить палестинскую молодежь прекратить акты самопожертвования. Мы, психиатры, против самоубийств. Наша цель — лечить самоубийц и предотвращать у наших больных суицидные мысли... Теракты самоубийц, — пишет автор, — не могут служить делу свободы. «Клерикалы заявляют, что это мученическая смерть для освобождения родины, а я заявляю, что это заблуждение... Мученическая смерть — это смерть моджахеда во имя Аллаха во время самозащиты. Если моджахед погиб, защищая свою жизнь, — это и есть мученическая смерть, но он не должен заранее готовиться к смерти при помощи динамита во имя свободы».

«Во-вторых, — прозревает д-р Садек, — мы должны прекратить пролитие крови невинных: детей, женщин, стариков и больных, как палестинцев, так и израильтян...»

Необходимо нарушить этот замкнутый порочный круг, когда палестинец взрывает автобус с мирными израильскими гражданами, а Израиль обстреливает в результате взрыва палестинские дома и села».

Почему же так резко изменил свои взгляды этот ученый мракобес? Может он за короткое время действительно осознал их ошибочность и на него нашло озарение? Так бывает, но здесь не тот случай. Не может злодей так быстро превратиться в праведника, тем более, что, как отмечает арабский журналист Хасани Крум, критикуя д-ра Садека за «отступничество», эта последняя статья «противоречит всему тому, что было написано им ранее».

Так в чем же дело? Крум объясняет изменение позиции д-ра Садека тем, что он попал под влияние политики египетского и иорданского правительств, которые предпринимают шаги к примирению палестинцев и израильтян. Но хитрит журналист. Уж кто-кто, а он и д-р Садек прекрасно понимают, что правители арабских стран спят и видят исчезновение государства Израиль с карты Ближнего Востока и никаких реальных шагов к снижению напряженности в регионе не делают.

Причины, заставившие д-ра Садека «осознать» ошибочность своих прежних взглядов, в действительности, я думаю, другие. Во-первых, это очевидное поражение арафатовской интифады, сделавшей основным ее средством теракты смертников. Израиль не только не поддался панике перед лицом невиданного дикого террора, но и нашел эффективные средства борьбы с ним (удары по базам террористов, разрушение их домов и пр.). Вот тогда и дали обратный ход некоторые идеологи из окружения Арафата, поспешив отмежеваться и возложить на него ответственность за не оправдавший себя террор взрывников-самоубийц. По этой причине, в частности, по иному заговорил и д-р Садек и даже, проговорившись, возложил ответственность за пролитие крови на палестинцев.

Однако главное, что привело д-ра Садека к занятию противоположной позиции, является то, что он, широко известный в арабском мире интеллектуал, фактически выразил и выдал подлинные планы и взгляды лидеров некоторых арабских стран и прежде всего Египта. Может быть, это еще и сошло бы ему с рук, если бы за день до этого интервью он совсем уж безудержно, в пылу «политико-психиатрического возбуждения» не нанес бы в той же газете такие злобные оскорбления президенту США, по сравнению с которыми некорректные высказывания в адрес президента Буша министра иностранных дел Италии, за которые он немедленно поплатился своим постом, кажутся совершенно безобидными. Именно эта хулиганская выходка д-ра Садека и вынудила египетские власти уговорить «бесстрашного» публициста-психиатра и заставить его совершить кульбит в другую сторону.

При всей странности и даже патологичности этой истории я бы все-таки не взялся за ее описание, если бы не высказал д-р Садек в своей «миролюбивой» статье предложения, которые, независимо от степени искренности автора, заслуживают внимания и побуждают к серьезному разговору о путях и необходимых условиях обеспечения мира на Ближнем Востоке.

Но определимся сначала с исходной позицией.

1) При нынешнем «воспитании» широких палестинских и арабских масс населения в зоологической ненависти к Израилю и евреям, никакого быстрого и стабильного улучшения израильско-арабских отношений быть не может.

2) Все достигнутые в прошлом соглашения Израиля с палестинской автономией и рядом арабских стран рассматриваются ими как проявление слабости Израиля и бесцеремонно нарушаются (примеры тому общеизвестны).

3) Какие-либо переговоры и соглашения непосредственно с террористическими группировками, ведущими войну с Израилем с территории Палестинской автономии и арабских стран — при их активной поддержке, — вообще немыслимы.

Есть ли выход в этой ситуации, многократно усложняющейся еще тем, что международные мусульманские террористические организации, тайно поддерживаемые реакционными арабскими режимами, в своем тотальном противостоянии Западу готовы вообще взорвать международный мир и привести человечество к глобальной катастрофе? Что лучше сделать для предотвращения столь опасно развивающихся событий?

Большие надежды человечеству несет объявленная президентом Бушем решительная война международному терроризму. При определенном развитии событий могут оказаться вполне оправданными и даже необходимыми такие крайние средства, как насильственное свержение режима Саддама Хусейна и трансфер палестинцев в той или иной форме в соседние арабские страны (если все другие средства прекращения палестинского террора будут исчерпаны).

Однако сами по себе эти и другие вынужденные крайние меры не смогут разрешить проблемы арабско-израильского и «исламско-западного» противостояния. Кардинально они могут быть решены только посредством терпеливого сглаживания и устранения накопившихся противоречий, только на путях поисков и активного использования всех направлений, всех средств и возможностей миротворческой деятельности.

В этот контекст, в эту нашу концепцию вполне вписываются соображения д-ра Садека о том, что могут сделать (в частности) арабские психиатры для приближения мира. Он пишет, что «арабские психиатры обязаны встретиться с израильскими психиатрами для обсуждения мирного процесса... Мы, психиатры, знаем, как говорить с людьми при помощи СМИ и призвать их прекратить самоубийства и убийства невинных... Мы можем оказаться решающим фактором давления на правительства в регионе, которые обязаны будут выбрать мир, а не войну».

Можно оспаривать, конечно, решающую роль психиатрического фактора, но бесспорно, что объединение мирных усилий психиатров, а также учителей, врачей, психологов, инженеров, юристов, ученых, профсоюзных лидеров и других групп и организаций Палестинской автономии и Государства Израиль действительно может содействовать смягчению напряженности в регионе, уменьшению числа столкновений и террористических атак.

Однако... все это, даже при искренне направленной к достижению мира деятельности политических руководителей втянутых в конфликт сторон, не может, к сожалению, привести к обеспечению прочного и длительного мира на Ближнем Востоке.

Исходные причины арабско-израильского конфликта и развивающегося глобального противоречия мусульманского мира с Западной демократией (с современной цивилизацией по сути дела) имеют религиозные корни, и заложены они в господствующей ныне в мусульманских странах реакционной вахабитско-фундаменталистской трактовке ислама. Попавшие под его влияние широкие слои мусульманского населения видят во всем Западном мире «неверных», т.е. врагов ислама, которых надо подчинить исламскому правлению. Вот что заявил в августе 2002 года в интервью лондонской арабской газете проживающий в Англии духовный лидер, глава организации «Аль-Мухаджирум Исламит», возглавляющий также в Лондоне и исламский религиозный Шариатский суд шейх Омар Бахри: «Да будет воля Аллаха, мы трансформируем Запад в Дар аль Ислам (т.е. в территорию под исламским управлением) при помощи наступления извне... Если исламское государство поднимется на захват Запада, мы будем его армией и его солдатами (уже) внутри. Если нет, мы изменим Запад при помощи идеологической экспансии здесь, без войны и кровопролития... Запад навязывает нам изобретенные людьми законы, а в будущем исламская религия навяжет им религиозные законы ислама». А пока этот «впередсмотрящий» шейх проповедует своим студентам, что движение Талибан и Осамы Бин-Ладен принадлежат к тем, кто по мусульманской традиции будут спасены в День Суда.

Подобных открыто мракобесных воинствующих высказываний можно во множестве встретить в арабских СМИ. Но отражают ли они сущность и направленность ислама как религии? Есть все основания полагать, что НЕТ! В действительности такие проповеди искажают, извращают ислам. Об этом пишут независимые исследователи ислама и здравомыслящие, глубоко знающие учение ислама религиозные и светские деятели мусульманского мира. Они отвергают фундаментализм и отстаивают прогрессивную религиозную

основу ислама. И действительно, ведь ислам является одной из трех великих религий, появившихся из одного библейского источника.

Ислам, как отмечает известный французский историк и исследователь антисемитизма Леон Поляков, — является продуктом переплавки и переноса на арабскую почву учений двух соперничающих религий — иудаизма и христианства, чтобы сделать их доступными для арабов. Причем в исламе больше общего с иудаизмом, чем с христианством.

Иудаизм, христианство и ислам содержат в своих учениях множество единых, исходных для человечества норм морали. В Коране, в частности, многократно провозглашается свобода совести и отвергается возможность религиозного принуждения. Но «как быть с содержащимся в Коране призывом: «убивайте неверных, где бы вы их не обнаружили, покоряйте их, подавляйте их», — одним словом, как быть со священной войной, джихадом?» — спрашивает Л.Поляков и объясняет, что эти проклятья и призывы направлены исключительно против арабских идолопоклонников, которые не хотят признавать божественный порядок, установленный Мухаммедом для своего народа. И только в эпоху крестовых походов идея священной войны была распространена и на борьбу с христианством. В остальном, по мнению Полякова «ислам — это прежде всего религия терпимости». Нет ничего более фальшивого, чем подход — весьма распространенный, — рассматривающий ислам как нетерпимую религию, уничтожающую любое сопротивление огнем и мечом... На самом деле — это религия, «понимающая возможности человека и его слабости».

А вот как характеризует ислам и стоящие перед ним задачи бывший наследный принц Иордании Хасан бин-Талаль. В лондонской газете «Аль-Хайат» он писал 22 августа с.г., что основой веры мусульман является уважение прав меньшинства, стремление к терпимости, равноправию и справедливости в отношениях между народами. «Милосердие отражает настоящий дух ислама, — пишет он, — ...Милосердие должно определять модернизацию любого исламского государства».

Хасан бин-Талаль выступает как решительный сторонник отделения религии от государства. Он считает, что исламскому обществу необходимо учитывать достижения современного мира в области техники, культуры, прав человека и прекратить экстремистские акты насилия. Такой же позиции придерживается и крупнейший идеолог современного Пакистана Мухамед Али Джин. Духовные лидеры итальянской мусульманской общины шейх Али Хусейн и директор Института культуры Абдулла Хади Паллаци резко критикуют арабских лидеров за лицемерие, ложь и извращение священных исламских текстов во имя личных целей. Особенно обрушиваются они на Арафата, называя его убийцей тысяч евреев, христиан и мусульман и даже призывают Шарона! изолировать или казнить Арафата, дикость, которая «достигла наивысшего пика и вышла за пределы того, что может вынести человеческая цивилизация».

Так что далеко не сплошь реакционен религиозный арабский мир, и есть реальные возможности усилиями всех прогрессивных сил развенчать вахабитско-фундаменталистскую концепцию ислама, лишить ее нынешнего влияния на мусульман и тем самым прервать пагубное развитие отношений между исламом и Западом, между арабами и евреями, в частности. Без этого построить прочный мир на длительную перспективу — невозможно.

Вторым неременным условием успеха миротворческих усилий на Ближнем Востоке является коренная перестройка школьного воспитания в Палестинской автономии и в ряде арабских стран. Известно, что одним из постулатов учебных программ Палестинской автономии является непризнание Государства Израиль и необходимость добиваться его уничтожения. С ведома властей прямое участие в экстремистском воспитании школьников принимают и террористические организации. Так, Хамас издает для детей дошкольного и младшего школьного возраста специальную еженедельную газету «Аль-

Фатх», посвященную «джихаду во имя Аллаха». Причем в ней призывается уничтожать не только израильтян. Газета пишет, что «наступили времена борьбы со злом, борьбы ислама со всем ненавидящим его миром, а величайшее деяние, к которому с детства должен готовиться каждый, — это теракт-самоубийство...» Шахид приносит радость матери и улаживает сердце отца, — говорится в газете. Самоубийце, как обычно, обещаются ласки девственниц в райском саду и к тому же множество сладостей (учитывая, видимо, что ребенка услады девственниц еще могут не интересовать).

Надо отметить, что в арабском мире начинает расти понимание дикости такого воспитания. Голоса протеста стали появляться и в арабских СМИ. Значительный интерес представляет, например, смелая и глубокая по содержанию статья кувейтского журналиста, опубликованная в палестинской (!) ежедневной газете «Аль-Кудс» 30 октября 2002 г.

«После событий 11 сентября, — пишет журналист, — не раз обсуждался вопрос о влиянии системы образования в арабском и исламском мире на религиозный радикализм. Западные СМИ опубликовали множество статей и исследований на эту тему. Мы же отвергли все доводы, поднятые в этих статьях, обвиняя их авторов в расизме и в предвзятости по отношению к арабам и мусульманам...» Но нам следует признать, — продолжает автор, — что «поворот к экстремизму был постепенный и начинался он в системах образования и в социальной среде..., наши дети, подростки, мужчины и женщины всегда находились под влиянием религиозных девизов и понятий, оправдывающих ненависть по отношению к иным религиям и культурам, единственная цель которых, по их утверждению, — это разрушение исламского мира». И, наконец, самое знаменательное, по-философски мудрое высказывание того журналиста: «Пересмотр нашего восприятия религии, культуры, масс-медиа должен произойти во имя нас самих, не ради Запада или Востока. Ислам продолжит быть частью нас. Однако мы также хотим жить в гармонии и мире с окружающей нас средой».

Как важно, чтобы скорее произошел этот перелом в исламском мировоззрении! Только тогда будет возможен прочный и длительный мир на Земле в XXI столетии. Для этого потребуется время, время и упорные разнообразие усилия всех вовлеченных в противостояние Востока и Запада групп и слоев населения, общественных и политических деятелей, всех государств, способных воспринять мирные устремления человечества.

А пока... пока не исчезли намерения «сбросить Израиль в море», а Западу «навязать религиозные законы ислама» — главным средством противодействия им, на фоне нарастающего использования всех возможных форм и средств миротворческой деятельности, является решительное подавление экстремизма, чтоб у террористов и их вдохновителей не оставалось, как писал когда-то В. Жаботинский, и «искры надежды» на достижение своих целей.

Лос-Анжелес (США)

Гур СОЛОМОН

В НОЧНОМ ПАТРУЛЕ Как воюют «русские»

НОВЫЕ РЕПАТРИАНТЫ ИЗ СТРАН СНГ СОЗДАЮТ ОТРЯДЫ ДОБРОВОЛЬЦЕВ
ДЛЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРОМ

Бригада «Алия» — военизированный отряд, созданный для борьбы с террором. Его командир, недавний репатриант Роман Ратнер может собой гордиться. Он успешно реализовал свои представления о добровольческих силах, состоящих из русских эмигрантов, которые будут участвовать в охране еврейских поселений, и некоторые из его людей скоро будут включены в резервистские части Израильской армии.

В Офре, большом израильском поселении к северо-востоку от Рамаллы, 12 человек Ратнера расположились во дворе, вымощенном камнем. Они только что получили оружие и пребывают в состоянии нетерпеливого ожидания, того, что будут делать ночью, когда им предстоит исполнять их нелегкие обязанности. Когда появляется их командир, разговор, который они ведут не на русском языке, немедленно прерывается. Все выстраиваются в строй в шеренгу подвое.

Автоматы свисают с широких плеч, одежда бойцов варьируется от камуфляжной спецодежды восточного блока до боевой униформы израильской армии. Они внимательно слушают приказы Ратнера, который чередует их с выражениями похвал. Люди тепло принимают похвалы своего командира, — они к этому привыкли за последние месяцы. Быстро приближается темнота, но в эту первую ночь Хануки, уже получив приказ, бывшие русские командос толпились в небольшом караване и смотрели, как 6-летний житель Офры Михаэль Муттер зажигает свечи. Они хватают посыпанные сахарной пудрой пончики и быстро отправляются на свои стратегические позиции вокруг Офры.

«Здесь мы ведем другую войну, это не война армии против армии», — так комментирует Ратнер во время остановки на 11-м километре после 10 часового патрулирования на холмистой и пустынной местности вокруг Офры.

«Против террористов мы работаем со специальными командами в возрастных группах от 30 до 40 лет. Для особых операций, когда необходимы зрелые люди с богатым военным опытом, не привлекаю молодых парней от 18 до 19 лет. Люди, которые служили больше 10 лет, чувствуют, что они просто обязаны принять участие в этой войне», — поясняет Роман.

Идея об организации отряда, состоящего из опытных репатриантов из бывшего Советского Союза, которые будут активно защищать страну против терроризма, пришла Ратнеру в голову в самом начале интифады. Мотивацией для превращения этой амбициозной идеи в реальность, была публикация, «Письма израильских офицеров», которые призывали солдат отказываться от службы на территориях.

«Он (Ратнер) обращался по израильскому радио на русском языке, призывая каждого советского солдата и офицера, имеющего боевой опыт, сказать «довольно сидеть дома и смотреть по телевизору, как каждый день убивают наших женщин и детей», — говорит Татьяна Ратнер, супруга Романа и пресс-секретарь бригады «Алия». «Он дал понять, что мы должны организовать и внести свой опыт и знания на благо государства, и дал свой телефонный номер», — продолжила Таня.

Ответ последовал незамедлительно. Сотни репатриантов вызвались служить на добровольных началах. Ратнер, которому помогали четыре друга (все бывшие офицеры Русской армии), пригласил звонивших на интервью к себе домой в Ришон-ле-Ционе. Каждый кандидат должен был представить документы, доказывающие, что он служил в Русской армии или Вооруженных Силах республик СНГ. Боевой опыт или знание тактики и стратегии, полученные в военных академиях, был необходим. А также — характеристика от израильской полиции. Далее Ратнер определил цели будущей организации. Первая и самая главная — помогать Израильским силам безопасности в борьбе с терроризмом. Другой проект, который должен начаться в следующем месяце, должен включить организацию добровольных военных психологов для помощи раненым или семьям, потерявшим близких, и другим жертвам террора. Еще один проект, «сильный солдат для сильного Израиля», будет готовить русскоязычную молодежь в возрасте от 16 до 18 лет и физически, и психологически к трудностям службы в боевых частях израильской армии и знакомить с израильской армией и историей государства. Успех проекта зависит от частного финансирования.

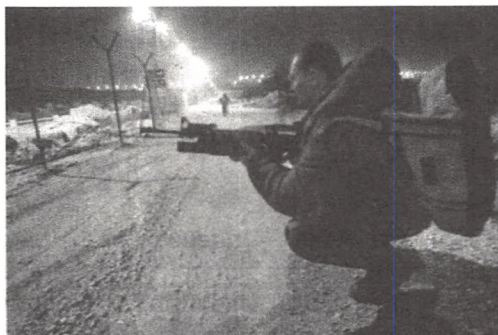
Сегодня успех бригады «Алия» в достижении своей главной цели — неоспоримый факт. В апреле бригада провела охрану поселений в Хомеше в выходные дни. Через месяц они уже охраняли Офру, а затем, в конце сентября — Эли.

Однако действия бригады по охране не ограничиваются поселениями в Иудее и Самарии. В прошлом месяце 40 бойцов Ратнера взяли на себя ответственность за еврейский квартал в Старом городе Иерусалима и в 27 городах по всей стране, десятки волонтеров проводят совместное патрулирование с добровольными гражданскими дружинами.

Кто эти люди? Внимательное знакомство с ними убеждает, что это не искатели приключений по выходным дням. Бригада «Алия» — «патриотическое движение», уже насчитывающее 870 членов. Это люди в возрасте от 22 до 47 лет, почти все имеют семью и хорошую работу, и они собрались со всей страны.

Каким было их военное прошлое в СНГ? Как говорит Ратнер, по меньшей мере 70% его людей окончили военные училища. Около 12% были членами элитного спецназа и служили во всех частях, начиная от пехоты до танковых и артиллерии. Некоторые служили в военной разведке. Большинство из них — закаленные в битвах ветераны России, которые побывали в горячих точках от Афганистана и Чечни до Анголы, Зимбабве, Косово.

Важно, что их богатый военный опыт помогает людям Ратнера осваиваться на своей новой родине. Все они убежденные сионисты и понимают, что тяжелые времена требуют поддержки от граждан страны, и у всех есть горячее желание быть среди тех, кому доверена ответственность за защиту страны и ее народа. Но это еще не все, говорит Ратнер. И объясняет, что высокая мотивация людей происходит также из остро ощущаемой необходимости интеграции в израильское общество. И это понятно в стране, где воинская служба — почти необходимая предпосылка для социальной адаптации. А большинство из людей Ратнера до недавнего времени были лишены привилегии службы в израильской армии из-за возраста.

«За прошедшие 10 лет почти 100 000 человек в возрасте от 30 лет прибыли в Израиль и никогда не служили в армии. Они не знают, что им делать, в случае войны с арабами», — говорит Ратнер. «Ситуация, в которой часть граждан служит, а часть не служит, изначально неправильна. Некоторые служат 30 дней, некоторые 60 дней в резервных частях, а некоторые русские репатрианты не служили вообще. Почему? Они тоже граждане... этого мы не понимаем и не принимаем», — завершает свою мысль командир.

Для многих людей Ратнера, по крайней мере, тех, кто не старше 35 лет, борьба за получение своего персонального армейского номера скоро закончится. Долгие месяцы переговоров и переписки с членами Кнессета, министрами и руководителями безопасности израильской армии постепенно приводят к тому, что армия соглашается принимать мужчин старше 28 лет для службы в резервных частях. Ожидается, что группа бригады «Алия» будет введена в состав боевых единиц армии, где некоторые из них будут солдатами, а другие будут обучать тактике борьбы с террористами.

Вялотекущая борьба с террористами, говорят некоторые члены бригады, показывает, что регулярные армейские части не обладают достаточной гибкостью, чтобы вести войну такого рода. Есть разница между борьбой с палестинскими боевиками и терроризмом. Засады в Иудее и Самарии, где находится так много еврейских поселений, и смертельные атаки на армейские пропускные пункты за прошедшие два года попадают в категорию «герилья», и с ними можно бороться только нетрадиционным путем. «Нас учили бороться с такими же врагами, многие из которых получили свое ноу-хау в наших же военных академиях, — говорит Ратнер. — Нужно менять тактику... невозможно просто «купить» боевой опыт. Он приходит со временем».

Высокий, смуглый, с мягкой речью и молчаливый 42-летний Роман Ратнер — это рожденный лидер, который легко добивается полного послушания и дисциплины в своей части. Между 1979 и 1981 годом он сражался в Афганистане в десантных элитных частях и ушел из российской армии в звании майора в 1989 году.

Теперь на каменистых, холмистых тропах, сбегаящих к вади в окрестностях Офры, Ратнер руководит своими людьми с уверенностью опытного командира. Часто он останавливается при виде мелькнувшей тени и подозрительном шорохе, и те, кто идет за ним, тоже мгновенно замирают.

Через пару километров они оказываются перед другим вади, и Ратнер приказывает выпустить осветительную ракету. Но сильный ветер сбивает ракету с курса и долина освещается только на несколько мгновений.

«Вы видите огоньки там, вдаль? Это деревня Рамун», — говорит Ратнер.

«Сейчас мы постараемся обеспечить Офру второй линией обороны за поселением. Как вы видите, здесь почти нет ограждений. Если террорист сумеет проникнуть внутрь, то его акция на 99% будет успешной. Но мы выходим за пределы поселения, чтобы предупредить их. Каждый, кто попытается проникнуть внутрь, будет уничтожен», — спокойно и уверенно произносит командир.

Ратнер подает сигнал, перерыв окончен. Другой крутой склон приводит нас ближе к встрече с другой командой, которая скрывается за насыпью. Ратнер уведомляет их о нашем приближении, и сразу же в темноте возникает несколько человек.

Меня представляют сорокалетнему Игорю Дайхину, бывшему капитану советских воздушных сил. Он совершил 135 прыжков с парашютом, служил 2 года в Афганистане. Однажды, в 1981 году, Дайхин и его команда получили задание найти и уничтожить афганских повстанцев севернее Кабула. Но охотники быстро превратились в «дичь».

«Мы вступили в вади, — вспоминает Дайхин, — где американский отряд — это были зеленые береты, уже сидел в засаде вместе с несколькими афганцами. В бою мы потеряли 15 моих товарищей, я был ранен двумя пулями. Мы отбивались более часа, прежде чем прибыла подмога, спасшая пятерых оставшихся в живых».

Дайхин, который работает в компании хай-тек, говорит, что он не может смотреть по телевизору, как гибнут молодые израильские солдаты.

«Там (в России) я был офицером, — говорит он. — Я хочу что-то сделать для моей страны. Самая главное для меня — это мир и безопасность для моей семьи, друзей и детей. И мы знаем, что для этого следует делать... я тоже мужчина, и я могу бороться».

Так велико его стремление к тому, чтобы стать в строй, что Дайхин готов даже оставить свою работу, ради военной карьеры. Фактически, ради привилегии обучать солдат в нынешней войне, он готов сократить свой солидный заработок на 1000 шекелей каждый месяц. Я удивленно посмотрел на него, Дайхин заявил просто: « Разве деньги — это все в жизни?» Подобные чувства испытывает и Марк Галай 32 лет, служивший штурманом на реактивном самолете «Су-24» в Украинских Воздушных Силах.

«Прежде всего я офицер и воин, — говорит Галай. — Я понимаю, что из-за сложившейся здесь ситуации я должен сделать то, что я могу. И если я пользуюсь правами гражданина и я здоров, думаю, что должен послужить своей стране».

Для Галая бригада «Алия» — это его шанс сделать что-то важное для Израиля после того, как ему отказали как израильские воздушные силы, так и Эль-Аль. Тем не менее, он все еще надеется быть среди первых членов бригады, которые будут официально признаны.

«Я не хочу сказать, что мы (члены бригады «Алия») знаем больше, чем армия обороны Израиля. Мы просто имеем те специфические навыки, которые здесь необходимы», — говорит Дмитрий Мархасев 32 лет, который командовал антитеррористическим отрядом в Грозном в 1995 году.

Вскоре после приезда в Израиль в 1998 году, Мархасев обратился на призывной пункт в Иерусалиме. «Они сказали, что моя помощь не нужна, и что я должен постараться «найти себя где-то в другой области», — печально вспоминает он. «Все, чего я хотел, это служить моей новой родине в области, в которой я уже имею большой опыт», — просто, как о хлебе насущном, сказал Дмитрий.

Искренность людей Ратнера была очевидна. Когда команда собралась за завтраком в Офре, Ратнер тепло их приветствовал, соблюдая субординацию. Бойцы ответили вежливыми жестами, а затем поспешили в свои караваны.

За завтраком в доме семьи Меттер, когда другие офицеры удалились в гостиную, Ратнер сказал: «Моя внутренняя сущность — результат долгих лет военной службы — это просто любовь и верность родине. Когда вы попадаете под обстрел, у вас нет выбора — драться или не драться. Вы выходите и деретесь насмерть. И вы должны выиграть».

The Jerusalem Post Magazine
Перевод И.Цвик

У НИХ СВОЕ МНЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ Как голосуют «русские»

В отличие от поколения своих родителей, молодые «русские» имеют существенные причины голосовать так, как они голосуют. Их взгляды изменились за 10 лет после репатриации, и они ничего не принимают на веру. Большинство из них внимательно изучают программы политических партий.

Мила Тейтельман делится воспоминаниями о том, как решали русские репатрианты, за какую партию голосовать, когда они только приехали в Израиль. «Первый, кто покажется в их доме или приедет за ними на машине, чтобы отвезти на избирательный участок, получит их голоса» — говорит она, вспоминая «Саллаха Шаббати»¹ русской алии. «У кого было время и силы проводить глубокие исследования о том, за какую партию голосовать? — спрашивает она. — Сегодня репатрианты находятся в лучшей ситуации: у них есть еда, работа. Поэтому их головы свободны для размышлений о таких вещах как политика и идеология».

Тейтельман 23 года, она студентка Еврейского Университета и собирается в этот раз голосовать за Ликуд. На прошлых выборах она голосовала за «Моледет» и за Рехаваму Зеэви. Теперь Тейтельман считает, что сделала ошибку, голосуя за маленькую партию. И, кроме того, ее взгляды стали более умеренными. Она никогда не собиралась голосовать за русскую партию. «Почему я должна хотеть, чтобы русский представлял меня?» — говорит она. Но за «Аводу» она тоже не хочет голосовать. Она впервые услышала об Амраме Мицне два года назад, когда в Хайфе проводился конкурс красоты. А теперь вдруг Мицна стал кандидатом в премьер-министры.

Взгляды Тейтельман хорошо отражают настроения и избирательные предпочтения среди русскоговорящих студентов университета в Израиле. Среди старших репатриантов таких взглядов придерживается меньшинство. Из 120 тысяч русских репатриантов в возрасте от 18 до 30 лет (120 тыс: избирателей могут выдвинуть 5 представителей в Кнессет), только 20% являются студентами. Такой же процент студентов и среди израильского населения в целом.

Это не единственная общая черта у студентов-репатриантов и израильских студентов. Эти две группы голосуют одинаково. Ликуд и Шинуй — сейчас две популярные партии в израильских университетах, эти же партии поддерживают и студенты-репатрианты. Русскоязычные студенты — это израильтяне во всех отношениях. Только вопрос о своих политических симпатиях они решают немного иначе. Встречаясь с их группами, находишь несколько четких характеристик. Они не читают газеты на русском языке, потому что даже правые среди них не верят в объективность этих газет. Как новички, они еще не имеют традиционных объединений. Они не происходят из семей, которые преданны какой-то одной партии или политическому лагерю. Они приходят к своим политическим решениям после собственных серьезных размышлений.

В противоположность ментальности «Саллаха Шаббати», которая была типичной для поколения его родителей, приехавших в Израиль только 10 лет назад, они голосуют так, как считают нужным, ничего не принимают на веру. Это часть будущей израильской элиты и разговаривая с ними, получаешь представление о том, как будет выглядеть «их» Израиль.

¹ Саллах Шаббати – герой одноименного фильма о трудностях большой алии из арабских стран в первые годы после создания Израиля.

Не революционеры, не слабаки

Удивляет, что они не выражают революционные настроения, как того можно бы было ожидать. Израильское общество представляет репатриантов как экстремистов правого крыла. Но их правые взгляды отличаются умеренностью и уравновешенностью. В социальных проблемах они ищут перемен, но не революции. Они рассматривают еврейский характер Израиля как достойный сохранения, но хотели бы видеть больше открытости и признания прав человека, в особенности в вопросах личной жизни. Они «не едят арабов на завтрак» и не ненавидят ультраортодоксов, они не чувствуют себя «слабаками», как сказал об этом Томи Лапид, председатель партии Шинуй, в речи, где он хотел привлечь более молодое поколение на свою сторону.

Они полностью сознают сложность общества, в котором живут и чувствуют, что нужны некоторые изменения такого типа, который отвечал бы специфическим нуждам одного миллиона новых граждан Израиля.

Доктор Алекс Фельдман — исследователь общественного мнения в русскоязычном секторе, говорит, что молодые русскоязычные израильтяне распадаются на 3 категории: «есть «путь Иерусалима» — группа, которую составляют преуспевающие молодые люди националистических взглядов, или мотивация которых состоит в желании «отомстить», подобно молодым избирателям ШАС. Есть и «амстердамский путь» — состоит из молодых людей, желающих жить в свободной стране европейского типа. И, наконец, есть «путь Нью-Йорка» — это молодые люди, для которых самовыражение и успех важнее всего. Те, кто успеха не добивается, покидают страну и ищут счастья в другом месте. Так же типично для русских студентов почти полное неприятие репатриантских партий. Слава Гербер, 25 лет, изучает экономику и бухгалтерию в Еврейском Университете в Иерусалиме. Он репатрировался в Израиль 10 лет назад с Украины. На выборах 1999 года он голосовал за партию Щаранского «Исраэль-ба-алия». «В то время я был репатриантом, и у меня было много интересов, которые, как я полагал, может защищать партия репатриантов. Но сейчас с этим покончено», — говорит он. Теперь Гербер планирует голосовать за Шинуй. Он внимательно прочитал программу партии и говорит, что она вполне его устраивает. Ему даже нравится прямое обращение к среднему классу. Он говорит: «Может быть, я не принадлежу к нему сейчас, но я хочу принадлежать». В противоположность Миле Тейтельман, которая считает, что только евреи должны иметь право на репатриацию, Гербер полагает, что есть много путей к тому, чтобы стать евреем. Его нееврейская подруга проходит гиюр, чтобы они могли пожениться. Если бы в Израиле была возможность гражданского брака, они и не думали бы о гиюре. Евгений Вайнер, 25 лет, который готовится защитить диссертацию по экономике в Еврейском университете, говорит: «В этом вопросе есть много противоречий. В России многие наполовину евреи так же идентифицировались как евреи, как и те, у кого оба родителя были евреями. Что нам нужно в Израиле — это больше гибкости. Не только, чтобы облегчить гиюр, но и чтобы полностью принять тех, кто служит в армии и соединяет свою судьбу с судьбой государства.

Вайнер собирается голосовать за Ликуд, также как и на прошлых выборах. В 1992 году, сразу после приезда в Израиль, он уговорил маму и бабушку голосовать за Ликуд. Он был согласен с политической платформой этой партии, поскольку искал партию надежную и с глубокими корнями. «Только большая партия может обеспечить стабильное правительство, — говорит он. — Даже будучи правым, я стою за умеренность. Реальная политика призывает к тому, чтобы пойти на политическое урегулирование, территориальные компромиссы, но никогда не сдаваться. В настоящее время, партия Авода является примером отступления от наших основных принципов, а Ликуд признает компромисс. Я живу в Писгат-Зееве, а занятия проходят на горе Скопус. Это довольно опасная дорога.

Но стране, которая хочет выжить, необходимы символы. И наша столица — это один из тех символов, от которых мы никогда не отступимся»

Уклон вправо

Проживание в Иерусалиме также наложило отпечаток на избирательные предпочтения Яны Каминской. Яна, студентка 24 лет, изучает международные отношения и Восточную Азию в Еврейском Университете.

На выборах в 1996 году она голосовала за МЕРЕЦ. На ее выбор повлияло то, что свои первые годы жизни в Израиле она провела в кибуце. В армии она голосовала за лидера Аводы Ихуда Барака, При переезде в Иерусалим, ее взгляды изменились вправо. Теперь она собирается голосовать за Авиغدора Либермана. Не потому, что он русский, поскольку она считает, что это к делу не относится, а потому что он «сильный лидер». Каминская говорит, что смещение ее политических взглядов вправо является следствием проживания в Иерусалиме. А потом, она видела, как студенты-арабы в кампусе размахивают черными флагами в День Независимости Израиля. Это ее испугало и заставило задуматься.

Марика Кац, 25 лет, студентка Еврейского Университета, репатрировалась в Израиль одна, 6 лет тому назад. За это время ее политические взгляды изменялись не так, как у Яны, но с уклоном влево. На своих первых выборах, она голосовала за «Израэль-ба-алия». Она знала об этой партии еще в пору работы в Сохнуте в Сибири, где она родилась. Когда из партии вышел Роман Бронфман, Марика разочаровалась в этой партии. Теперь она стала активисткой партии МЕРЕЦ.

«Я выбрала МЕРЕЦ, потому что эта партия борется за права человека», — сказала она. Кац не еврейка по Галахе (еврейскому закону) и ее личный статус сказывается на ее политических взглядах. «При таком подходе к правам человека, Израиль далек от демократии. Это сказывается и на отношениях с арабами. Мне представляется ужасным, что в моей стране, когда я, наконец-то, живу с моим народом, в моем удостоверении написано «русская». Отделение религии от государства важно не только для меня лично, но это процесс изменит к лучшему нашу страну».

Может быть и неудивительно, что каждый второй сторонник МЕРЕЦа в этой группе не является евреем по Галахе.

Саша Ротгейзер, 29 лет, студент, приехал в Израиль из Туркменистана. Когда он приехал в Израиль, он голосовал за «Израэль-ба-алия». После службы в армии, где большинство солдат его отряда были «русскими», и он видел как его соотечественников дискриминируют и унижают, его политические взгляды изменились. Особенно на него повлияла смерть отца, который умер через 2 года после репатриации. Ротгейзер и сейчас считает, что сердце отца не выдержало того, что, как оказалось, страна не нуждается в нем. Похоронное бюро в Сафед отказалось хоронить отца, потому что он еврей не по матери. В конце концов, отца похоронили в кибуце Мазарик. «Я искал какую-нибудь политическую нишу, искал такую партию, которая бы боролась за права человека, чтобы я почувствовал себя там «своим», — вспоминает Ротгейзер. — Так я нашел МЕРЕЦ». Он также понимал, что путь к изменениям возможен только через политику. Теперь он неутомимый активист МЕРЕЦа...

В течение двух лет Ротгейзер был председателем отделения МЕРЕЦ в Технионе. А сейчас он работает с репатриантами. Ротгейзер отмечает, что до сегодняшнего дня это шокирует репатриантов. «Иногда они говорят, что им хочется ущипнуть меня, чтобы убедиться, что я настоящий», — усмехается он.

Ротгейзер — это не только самый воинственный и критически настроенный член импровизированного дискуссионного клуба, который выражает возмущение антидемокра-

тическим характером государства, отсутствием равенства и предубежденностью, которые он видит повсюду вокруг себя. Долгие споры возникают между ним и правыми в этом клубе, когда он говорит, что израильских арабов надо заставить почувствовать, что это и их страна.

«Из-за демографических проблем с арабами, Израиль не может быть демократическим государством европейского типа, — возражает Артем Либерман, 24 лет, студент. — «Страна должна оставаться еврейской. Мы не должны допустить ситуацию, при которой арабы будут иметь слишком сильное влияние в политике». Интересно, что связь Артема Либермана с правыми началась после убийства премьер-министра Ицхака Рабина. В то время Артем был студентом художественной школы в Гиватайме, о которой он говорит как о бастионе левых. «Истерия после убийства вызвала у меня раздражение, — говорит он. — Это коллективная делегитимизация правых и циничная попытка уничтожить весь правый политический лагерь».

В систему проникает грязь

В 1992 году родители Артема Либермана голосовали за Рабина. И он их поддержал. В 1996 году он уже голосовал за Б. Нетаниягу, а в 1999 году — за Нетаниягу и Авиغدора Либермана. Теперь он собирается голосовать за Ариэля Шарона. Месяц назад, когда на праймериз в Ликуде разразился скандал, его взгляды изменились, и он хотел примкнуть к Шиную, но когда вдруг Шарона обвинили в коррупции, Артем опять вернулся в Ликуд. «Я начал понимать, что в систему проникла грязь, — объясняет он. — Когда я впервые увидел этих парней в штабе Ликуд, я не хотел с ними иметь ничего общего. Но когда началось дело вокруг Шарона, я увидел, что СМИ стараются повлиять на исход выборов. Поэтому я вернулся в Ликуд».

Вайнера, еще одного ликудника в этой группе, тоже беспокоили скандалы, но не в такой степени, чтобы он перешел в другую партию. С течением времени, у него тоже выработалось циничное отношение к израильским политикам. Он хорошо оперирует фактами и не воспринимает всерьез целый ряд скандалов прошлых и настоящих, возникших в отношении левых политиков. В этом свете Вайнер воспринимает и новые обвинения против Шарона.

Но при всем их относительном цинизме, Вайнер, Ротгейзер и Либерман отмечают, что, возможно, когда-нибудь займутся политикой. Ротгейзер говорит, что если политическая ситуация продолжит ухудшаться, то он тоже включится в политическую деятельность. Вайнер возражает: «Для меня это с точностью до наоборот. Если политическая ситуация плоха, нельзя двигаться вперед. Политика для меня имеет смысл, если именно я смогу что-то сделать и изменить».

Несмотря на разные политические взгляды, они почти одинаково отвечают на вопрос, что их отличает от уроженцев Израиля. «Израильтян меньше беспокоит сложившаяся ситуация, — говорят они. — Может быть потому, что они дольше здесь жили. Они больше уверены в завтрашнем дне».

Haaretz
Перевод И.Цвик

РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Президент РФ Владимир Путин заявил 16 апреля с.г. на церемонии вручения верительных грамот новым послом Государства Израиля в РФ Аркадием Милманом следующее: «Российско-израильские отношения особенно в последнее время заметно продвинулись. Сейчас общая задача России и Израиля – наращивать имеющиеся многоплановые связи, в полной мере используя их значительный потенциал». «Очень важно, — подчеркнул российский руководитель, — углублять доверительный характер наших отношений». Спорить с этим трудно, учитывая, что примерно те же слова произносились им и год, и два тому назад. Так, принимая 23.01.01. в Кремле президента Израиля Моше Кацава В.Путин сообщил собеседнику, что российско-израильские отношения находятся «на известном подъеме», отметив, однако, что «еще далеко не все реализовано из того, что планировалось...» Осенью того же года в ходе визита израильского премьер-министра Ариэля Шарона в Москву российский президент выразил мнение, что «наши отношения находятся в хорошем состоянии...В общем, тенденции позитивные...» Ариэль Шарон и тогда и позднее не остался в долгу: «Я глубоко убежден в необходимости их укрепления», — сказал глава правительства, имея в виду развитие экономических отношений, для чего он и захватил с собой представительную делегацию израильских бизнесменов. В ходе скоротечного визита в Москву 29.09.02. с обеих сторон также были произнесены приличествующие моменту добрые пожелания и напутствия в адрес российско-израильского сотрудничества. Наконец, последнее /по времени/, что хотелось бы привести в этой связи, — это отрывок из интервью, данного вице-спикером Кнессета проф. Михаилом Нудельманом автору этих строк 19 марта с.г.: «Связи с Россией имеют очень большое значение для Израиля. У нас нет никаких сомнений, что отношения маленького Израиля и великой России должны развиваться. Кропотливая работа идет на правительственном и парламентском уровнях...»

Итак, работа идет, отношения развиваются... Имеет смысл взглянуть, на чем они зиждутся, оглянуться, так сказать, на пройденный путь. СССР в числе первых стран установил дипломатические отношения с Израилем 28 мая 1948 года. Дважды они прерывались: в 1953 году /на несколько месяцев/ и в 1967-м – более чем на два десятилетия. Восстановлены 18.10.91 незадолго до появления на политической карте мира России как правопреемницы б. Советского Союза. Между правительствами двух стран в разные годы заключен ряд основополагающих соглашений, включая:

1993 г. — О воздушном сообщении

1994 г. — О торгово-экономическом сотрудничестве, включая

Конвенцию об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы

О научно-техническом сотрудничестве

О сотрудничестве в области стандартизации, метрологии и сертификации

О сотрудничестве в области агропромышленного комплекса

О сотрудничестве в области здравоохранения и медицинской науки

О сотрудничестве в области культуры и образования

О сотрудничестве в области туризма

1995 г. — О сотрудничестве в области почтовой и электронной связи
 1996 г. — Об учреждении и условиях деятельности культурных центров
 1997 г. — О сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах
 О сотрудничестве в области борьбы с преступностью
 О специальных мерах по обеспечению безопасности гражданской авиации.

Толчок торгово-экономическим связям Израиля и России был дан во второй половине 90-х годов. До 1990-91 гг. товарооборот не превышал 8-12 млн. долл. ежегодно. В 1996-2001 гг. по данным Минэкономики России он значительно увеличился и выглядел следующим образом:

В млн. долларов США

	1996 год	1997 год	1998 год	1999 год	2000 год	2001 год с янв. по июнь
Товарооборот в целом	737,8	613,5	632,8	626,5	1154,0	530,0
Экспорт	545,8	427,2	487,2	554,3	1045,0	467,7
Импорт	192,0	186,3	145,6	72,2	109,0	62,3

В Израиль из России экспортируются до сих пор, в основном, драгоценные камни (60-70% общего объема экспорта), нефть, металлопрокат, пиломатериалы, машины, оборудование, транспортные средства, зерновые. Весьма значительный рост российского экспорта в 2000 — 2001 году был вызван соответствующим увеличением поставок драгоценных камней и сырой нефти. Импорт из Израиля включает, главным образом, машины, оборудование, аппаратуру для телефонной, телеграфной и радиосвязи, медикаменты, продукцию сельскохозяйственного производства.

В рамках Меморандума о взаимопонимании между Российским Космическим Агентством и Израильским Космическим Агентством от 31.08.94 г. налажено сотрудничество в космической области. В частности, в июле 1998 г. с борта российского космического аппарата «Ресурс-01» стартовал малый израильский спутник TEXCAT-2. В декабре 2000 г. с помощью российской ракеты на орбиту вокруг земли запущен израильский спутник специального назначения.

Выполнен ряд совместных проектов в агротехническом секторе, в т.ч. по реконструкции тепличных хозяйств в ряде областей России, модернизации и расширению Егорьевской птицефабрики и производства сыров на Черкизовском мясомолочном комбинате в Московской области, организации работы мини-фабрик по производству продуктов питания, соков и концентратов в Нижнем Новгороде, мини-заводов по переработке куриного и индюшачьего мяса. (в Московской, Ленинградской, Самарской обл.) и др. На российский рынок вернулась международная компания «Элит» /8-е место в мире по производству кофе/. В июле 2002 г. в Нижнем Новгороде состоялось открытие производственной линии по расфасовке одного из самых престижных и популярных сортов кофе из серии «Элит платинум».

Заинтересованные российские предприятия неоднократно выражали готовность участвовать в осуществлении проектов строительства объектов инфраструктуры в Израиле, включая строительство метрополитена в Тель-Авиве. Российская корпорация Трансстрой совместно с израильской компанией Элгат передала в июле 2001 г. документы для участия в тендере на строительство автодорожного тоннеля протяженностью 0,4 км на одном из участков Трансизраильского шоссе.

Новый импульс сотрудничеству двух стран был дан в ходе визита в Иерусалим делега-

ции во главе с министром связи РФ Леонидом Рейманом. Итогом его встреч с министром строительства Натаном Щаранским стало подписание 26 ноября прошлого года протокола смешанной израильско-российской экономической комиссии, который предусматривает конкретные меры по активизации сотрудничества в разработке коммуникационного и медицинского оборудования, технологической документации для наукоемких производств и по развитию инфраструктуры. Если говорить о динамике развития экономических связей Израиль-Россия в процентах, то за 2001 г. к примеру, израильский экспорт увеличился на 15%, а импорт из России — на 10%, иными словами, товарооборот показывает тенденцию к стабильному росту.

В рамках подписанных соглашений в Москве с февраля прошлого года функционирует Бизнес-центр, учрежденный Торгово-промышленной палатой Израиля, в задачу которого входит содействие израильским предпринимателям в организации работы на территории РФ. Он же осуществляет проекты в сфере маркетинга, продвижения израильских товаров на российском рынке, PR-акций и выставок. Интерес израильтян к российским просторам теоретически легко объяснить дополнением одной экономики — другой. По мнению президента Торгово-промышленной палаты «Израиль-Россия» Эли Рагимова складывается парадоксальная ситуация: потенциал сотрудничества необыкновенно высок, а объем взаимной торговли недопустимо мал. Кое-кто даже высказывается в том духе, что экономические и торговые связи наших стран находятся в «зачаточном состоянии». Вряд ли это можно признать соответствующим истине, но вместе с тем нельзя не задуматься над пробуксовкой ряда проектов ввиду отсутствия финансовых гарантий со стороны правительств — необходимого атрибута успешных торговых обменов. Лишь сравнительно недавно межминистерская комиссия по проблемам торговых рисков Израиля открыла кредитную линию на сумму в \$75 млн. для страхования торговых сделок с Россией.

Как уже отмечалось, Россия экспортирует в Израиль по преимуществу сырье /необработанные алмазы, нефть/, а кроме того пиломатериалы и стальной прокат. Израиль в свою очередь продает медикаменты, аппаратуру для телефонии и разнообразное технологическое оборудование. Понятно, что израильские бизнесмены-выходцы из б. СССР стремятся выйти на российский рынок. Им есть, что предложить. К тому же израильским фирмам вполне по силам роль торговых посредников, своеобразного моста через океан — в США. Самой перспективной по праву считается сфера высоких технологий, хай-тек, куда вкладывают капиталы израильтяне с расчетом на участие в перспективных проектах российских ученых и инженеров. Любопытно, что Израиль не рассматривает Россию как конкурента в этой области, и это играет только на руку тем и другим. Следует отметить, что в последние годы и Россия, и Израиль обратили внимание на еще одну область, где непосредственно соприкасаются их интересы. Это — газификация израильского народного хозяйства. Дело в том, что правительство нашей страны намерено модернизировать устаревшую газораспределительную систему, в связи с чем объявлен тендер на строительство ветки газопровода с общей сметной стоимостью порядка \$400 млн. Одним из наиболее реальных претендентов на получение подряда является ПАО «Газпром», выступающее в связке с международным концерном Льва Леваева «Африка-Израэль», который в случае победы получит прямой выход на страны Ближнего Востока посредством Израиля. Еще одна традиционная и прибыльная отрасль израильской экономики — обработка алмазов. В настоящее время между уже упомянутым концерном «Африка-Израэль» и правительством Якутии действует соглашение об освоении месторождений алмазов в этой автономной республике. Проект стоимостью около 200 млн. долларов предусматривает поставку необработанных алмазов в Израиль. Согласно оптимистической оценке Льва Леваева, объем торговли между странами можно увеличить буквально за несколько лет в 10 раз. Огромные перспективы мог бы иметь и проект поставки в Израиль российских домостроительных комбинатов: местная

строительная отрасль все еще использует давно устаревшие технологии, в значительной степени основанные на использовании ручного труда иностранных и палестинских рабочих. Между тем у России накоплен большой опыт гражданского строительства, что во многом помогло бы решить проблему жилья для репатриантов.

Отдельного разговора заслуживает ситуация в сфере взаимодействия – и, одновременно, соперничества – Израиля и России на международном рынке вооружений. Израильяне в свое время взялись модернизировать советскую боевую технику и даже изготавливать недостающие узлы и комплектующие к ней с целью последующей продажи в азиатские страны, в частности, в Индию. Речь идет в первую очередь о танках и самолетах «МИГ». Еще в 1967 и 1973 г.г. в руки израильских специалистов попали трофейные бронетранспортеры. Как результат, после соответствующей доработки легкого советского танка Т-55 наш «Ахзари» признан лучшей машиной своего класса. И сейчас существует довольно много проектов сотрудничества России и Израиля в области модернизации военной техники, но ни один из них – за редким исключением — не доведен до конца. В числе таких примеров – поставка Китаю нескольких самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и сопровождения, известных под аббревиатурой AWACS. Контракт стоимостью в миллиарды долларов пришлось свернуть после категорического требования США расторгнуть сделку /по политическим соображениям/.

Военные заводы Израиля производят и экспортируют многое – от автоматического стрелкового оружия до беспилотных самолетов и специальных средств для борьбы с террором. Российские предприятия совместно с израильскими завершили успешные переговоры о продаже Индии трех усовершенствованных комплексов А-50ЭИ на базе тяжелых транспортных самолетов ИЛ-76, оснащенных новейшей системой Falcon /радиолокационная станция с фазированной решеткой/ производства фирмы «Элта» /Израиль/. Стоимость контракта – 1 млрд. долларов. Американская администрация пока не выразила своего отношения к намечаемой сделке, и надежда на ее реализацию сохраняется /дело в том, что между США и Израилем действует соглашение: при использовании ряда компонентов двойного назначения требуется разрешение американцев на их перепродажу третьим странам/. Наконец, есть одна весьма специфическая область, где Россия и Израиль добились заметного продвижения. Это — исследование космоса в военных целях. В декабре 2000 г. с космодрома в Плесецке российской ракетой был запущен израильский искусственный спутник земли серии EROS A1, с установленной на нем оптико-электронной разведывательной аппаратурой, обладающей способностью делать цветные снимки с разрешением до 1,8 м. Цена соглашения — \$15 млн.

Просматривая российскую прессу и анализируя тенденции в развитии отношений наших двух стран, невозможно отделаться от впечатления, что Израиль стремится добиться большего, в то время как Россию вполне устраивает существующее положение вещей. Результатом официальных визитов израильских руководителей в Москву всякий раз является констатация якобы общих /что весьма спорно/ интересов в борьбе с террором. Дальше деклараций о взаимной выгоде торгово-экономических связей дело также не движется. Практически перестали «работать» ссылки на миллион русскоязычных израильянов и чуть ли не 200-тысячную армию российских избирателей, проживающих на земле обетованной. В чем дело? Разве не сам президент В.Путин провозгласил курс на установление всесторонних связей с бывшими соотечественниками, разбросанными судьбой по странам и весям, но во многом все еще связанных с метрополией кровными и родственными узами? Все так... и не так. При всем том, что не проходит полугодя, чтобы Москву не посетил кто-либо из израильских руководителей частным или официальным образом, и нет другой такой страны на свете, пятую часть населения которой составляли бы иммигранты, говорящие на русском языке, реального сближения между Израилем и Россией не наблюдается. Мы так и не

стали «своими» друг для друга. Израиль с точки зрения российской властной элиты и на уровне «улицы» по-прежнему остается стратегическим союзником Америки и — следовательно — государством враждебным. Израиль противостоит арабам, с которыми Россия традиционно поддерживает тесные отношения, благо, что и в самой России более 10 млн. человек исповедует ислам. Война в Ираке лишний раз это подчеркнула. Израиль все годы находился, да и сейчас находится в идеологической конترفронтации с Россией. И как резюме: Израиль — на стороне Запада, а те, кто покинул в разные годы Россию /Советский Союз/ — по существу предал ее. Так что не стоит заблуждаться по поводу общих судеб народов Израиля и России. Немаловажную роль играет здесь и религиозный подтекст: непримиримое соперничество на мировой арене иудаизма и православия на фоне разговоров об общих корнях иудео-христианской цивилизации и культуры.

Равным образом, Россия никогда не станет «кашерной» (чистой) для израильского политического и делового истеблишмента, поскольку во всех войнах, которые довелось вести Израилю после провозглашения независимости в 1948 году, она всегда была на стороне арабов, снабжая их оружием и оказывая экономическую, политическую и моральную поддержку. Россия остается правопреемницей Советского Союза во всем, что касается идеологических установок, несмотря на внешнюю либерально-демократическую мишуру. Наконец, российские евреи никогда не смогут забыть черный период своей истории, пережитый ими в годы правления Сталина. И сегодня все имеют основания опасаться, что подобное может повториться.

Как же в таком случае расценить обоюдное стремление сторон к контактам? О «важности» как таковой Израиля для современной России говорить не приходится, — слишком разные весовые категории у партнеров, но Израиль «полезен» /позволит себе такое определение/ нынешним российским властям в чисто меркантильном отношении — попробовать подобрать с его помощью ключик к дверям, за которыми как на ладони открывается весь Ближний Восток, — почему нет? В то же время, для Израиля Россия — это возможность:

1. хоть как-то поправить экономическое положение и выйти из затяжного кризиса;
2. сыграть на политических противоречиях России с США в случае крайней необходимости;
3. избежать международной изоляции при умелой дипломатии и непрерывной работе с общественным мнением этой страны, остающейся великой державой благодаря ядерной дубине в кармане.

В большой политической игре, которую ведет с российским руководством Ариэль Шарон, в ход пущено все: его «русское» происхождение, связи по линии разведывательных сообществ, обещания заманчивых перспектив экономической экспансии на Ближнем Востоке, эксплуатация образа угрожающего соседям исламского ядерного джинна /Иран/, обращение к общим интересам в борьбе с мировым терроризмом. Насколько реальны /или утопичны/ эти планы, судить сложно. Даже фигура наиболее пророссийски настроенного министра израильского правительства Авигодора Либермана воспринимается в Москве весьма неоднозначно, — что уж говорить о главе правительства, называющего своим лучшим другом президента США. Даже частичная переориентация во внешней политике и экономике на Россию, о чем мечтают некоторые израильские деятели, останется мечтой, пока гарантом безопасности и самого существования Израиля на карте мира являются США. И это тот неотразимый аргумент, который перевесит все «за» в пользу расширения связей с Россией. Выражаясь суровым языком криминалистики, это вещдок, которому нет цены, — если подобные аналогии применимы к таким тонким материям, как отношения государств, принадлежащих к разным социально-экономическим системам.

НАТАН ЩАРАНСКИЙ: «МЫ НУЖНЫ ДРУГ ДРУГУ ДЛЯ СОВМЕСТНОГО ВЫЖИВАНИЯ»

**На вопросы журнала «НОВЫЙ ВЕК» отвечает Министр Правительства
Израиля по связям с диаспорой и по делам Иерусалима.**

– Уважаемый министр, является ли Ваше назначение на новый пост показателем того, что в сравнении с прошлым, диаспора сегодня играет более важную роль?

– Дело не в назначении. Сама концепция диаспоры и сотрудничества Израиля с диаспорой проходят глубокие изменения в настоящий период, и, особенно, в два последних года. Что я имею в виду? — Создатели Израиля рассматривали его как ответ на антисемитизм. Собственно, сионизм начался с дела Дрейфуса ... Было ясно, что если мы хотим, чтобы не было антисемитизма, нам нужно свое государство. Появится государство Израиль, диаспора исчезнет, антисемитизм кончится. В итоге отношение к диаспоре было как к фактору, который заканчивает свою историческую роль. Конечно, будет хорошо, если все евреи приедут в Израиль. А если не приезжают, то пусть жертвуют свои деньги на сионизм... И на этом, собственно, отношение с диаспорой заканчивалось. С другой стороны, в диаспоре был довольно интересный феномен: наряду с все усиливавшимся сионизмом, т.е. поддержкой и солидарностью с Израилем, у многих было чувство, что наша судьба, судьба евреев диаспоры – это не судьба Израиля, и чем тише будет себя вести Израиль, тем меньше будет антисемитизма. То есть, с одной стороны, Израиль – это ответ на антисемитизм, и диаспора закончит свое существование. Но с другой стороны были и такие настроения в диаспоре, что да, антисемитизм существует и сегодня, даже после Холокоста, но мы являемся частью этого мира, и для евреев диаспоры лучше, если Израиль будет вести себя тише.

– Более того, иногда можно услышать, что Израиль «мешает» их благополучной жизни в диаспоре, портит им жизнь!

– Я отлично помню, как немало евреев в Москве в свое время говорили мне, после постоянных публикаций антиссионистской советской пропаганды о Ближнем Востоке, что если бы только Израиля не было, то их жизнь была бы спокойнее... Хотя большинство евреев, которые мне это говорили, сегодня уже либо в Израиле, либо в другой диаспоре... Я хочу сказать, что в последние несколько лет произошли большие перемены – с одной стороны, Израиль участвует в войне против террора, которую он ведет во имя всего западного мира, потому что террор давно перерос рамки Ближнего Востока, а с другой стороны – по всему миру растет антисемитизм. По существу невозможно отделить, где кончается антиссионизм и начинается антисемитизм. То есть все иллюзии о том, что антисемитизм существует из-за того, что существует (или не существует) Израиль, иллюзии по поводу того, что есть совершенно разные судьбы у евреев диаспоры и Израиля, развеялись. Сегодня ясно, что мы партнеры и у нас одна общая судьба: одно прошлое и одно будущее. И в этом плане в Израиле все больше усиливается понимание того, что с диаспорой надо говорить, как с равными партнерами, равными участниками одной общей судьбы. Мы, сионисты, верим, что таково будущее еврейского народа, здесь мы лучше понимаем, что мы все – в одном стратегическом пространстве, и что нам необходим диалог с диаспорой на равных. Отношение к ней как к проходящему феномену, который должен исчезнуть в ближайшие годы — и поэтому, чем скорее они приедут или дадут нам больше денег, тем для них лучше – это уже прошлый вариант.

– Это мнение разделяет израильский истеблишмент?

– Это процесс, то есть отношение меняется, и, безусловно, есть большая разница в том, как отношусь я, или другие люди, которые являются израильтянами, но приехали из России, из Америки или из Европы, и как относятся к этому сабры – коренные израильтяне. Для них израильтянин — это, по существу, и есть еврейство. Для нас Израиль – это, прежде всего, инструмент для сбора евреев со всего мира, тот центр, который связывает евреев всего мира. Но, для многих еврей отождествляется с понятием «израильтянин», и поэтому это как бы две крайние точки зрения. Не случайно поэтому, что межминистерская комиссия по проблемам диаспоры появилась в израильском правительстве, когда мы пришли в правительство в 1996 году, это была наша инициатива, чтобы в правительстве, занимающемся вопросами абсорбции, была комиссия по проблемам диаспоры. Но такое отношение далеко не у всех. Это процесс, который постепенно меняет отношения и израильской элиты, и израильской культуры.

– Есть ли конкретные шаги в этом направлении? Ведь такое сближение Израиля и диаспоры требует немалых вложений. Есть ли тенденции и проекты для развития более тесных связей? Или диаспора остается сама по себе, мы сами по себе, и отношения ограничены тем, что ездим друг к другу в гости и говорим хорошие речи. Делается ли что-нибудь значительное в этом плане, кроме того, что, например, входит в функции Сохнута?

– Это хороший вопрос. С одной стороны, трудно говорить о больших финансовых проектах, когда страна находится в состоянии тяжелого кризиса, и идет жесточайшее сокращение бюджета; вторая причина – это ощущение, которое господствовало с момента создания государства Израиль, что диаспора дает деньги Израилю. Диаспора, которая исчезает, которая превращается в прошлое – она дает деньги Израилю, которому принадлежит будущее! Должен сказать, что это предубеждение довольно твердое, и ломать его было трудно. Я горд тем, что принимал активное участие в первой попытке это сломать, – речь идет о проекте, который был впервые принесен в межминистерскую комиссию, созданную по моему предложению. Тогда пришли несколько богатых евреев из Нью-Йорка, чтобы дать свои миллионы на то, чтобы привозить еврейскую молодежь знакомить с Израилем. Они хотели, чтобы Израиль тоже в этом участвовал. Я помню возражения министра финансов, который считал, что мы не должны в это вкладывать деньги. Это они должны вкладывать деньги, чтобы диаспора приезжала к нам. Можно привести разные экономические аргументы, но самое главное, что Израиль заинтересован в том, чтобы диаспора укрепляла связи с Израилем – это главное стратегическое направление. И тогда было, по существу, принято очень важное решение — вложить в этот проект миллион долларов. Потом это стало и 20 миллионов долларов. На самом деле, это первый проект, в который Государство Израиль вкладывает деньги, чтобы евреи диаспоры имели возможность сюда приезжать — в качестве туристов, всего-навсего! И вот, даже сейчас, во время, когда наши гостиницы пусты и туризм прекратился, единственный проект, который активно действует, который привозит тысячи и тысячи туристов в Израиль, — в основном, молодых людей от 18 до 25 лет, — именно этот проект. Это – «первая ласточка». Нужно расширять это движение, чтобы оно перешло и на культурные проекты, и на целый ряд других проектов. Эта задача не простая, но это важное направление, которым я занимаюсь.

– Вы уже частично ответили на вопрос, который я хотел задать. 100 лет назад, на заре сионизма возник исторический спор между Герцлем и Ахад Гаамом о роли еврейского государства и диаспоры. Мне представляется, что с позиций сегодняшнего дня правы оказались оба... Но что это значит? Ахад Гаам говорил об Израиле, как о некоем культурном центре — светоче для всего еврейского мира. Насколько его видение отвечает сегодняшнему дню, как Вы считаете?

– История развивается своими путями, и даже великие мечтатели, каким был Герцль, которых озаряла идея, и они оказались правы, не могли знать путь, по которому она будет развиваться – это далеко не предсказуемо. Герцль видел создание государства Израиль, как ответ на антисемитизм, на погромы – как убежище. Но вопрос Гаама был еще глубже – будет ли это государство «магнитом», а не просто убежищем. Будет ли оно источником поддержания еврейства? И мы видим, что произошло: еврейство стало подменяться израилизмом. Сегодня есть целое поколение людей, для которых ощущение еврейства ограничивается тем, что они говорят на иврите, служат в израильской армии. У меня есть несколько друзей – сабр, которые именно так себя чувствуют. Когда они приезжают за границу с миссией, чтобы привезти туда больше израильского света и поощрить местных евреев приезжать, они вдруг начинают понимать, что в еврействе, в наших духовных корнях есть что-то очень важное. Наш израильский космонавт, который погиб, Илан Рамон, благословенна его память... Я беседовал с семьей, которая его хорошо знала. Многие были приятно удивлены, узнав, что он взял в космос свиток Торы. Он ведь провел несколько лет в Америке, но, как мне рассказали, когда он туда приехал, он был «чистый» израильтянин. В Америке же он стал частью еврейской общины. Очень важно, насколько нас объединяет именно еврейский аспект. Возвращаясь к Вашему вопросу, — есть определенные крайности: одна крайность – это то, что еврейство заменяется «израильской нацией», которая объединяет то, что мы вместе строим и защищаем это государство, говорим на иврите... Но мы видим, насколько этого недостаточно, слабо... насколько невозможно защищать некоторый абстрактный, «материальный» Израиль, не связанный глубоким, духовным единством. Но мы видим и другую крайность — все эти еврейские общины, не имеющие живой связи с еврейской землей, эти связи, которые очень важно поощрять, развивать и укреплять. У них не будет никакого будущего без существования сильного, независимого Израиля. Он — источник их гордости, их силы. И поэтому на наших глазах происходит определенный синтез мечты Герцля и идей Ахад Гаама. Этот уникальный синтез, который происходит на наших глазах, синтез Израиля и еврейского народа.

– Существует старый и интересный спор: что такое еврейство? Каждый вкладывает в это свой смысл. Эта проблема, мне кажется, касается и наших новых репатриантов, которые были далеки от еврейства. Не секрет, что их часто не привлекает строго религиозный подход, свойственный ультраортодоксам. А противоположная точка зрения, что еврейство – это израилизм, некая вселенская светская культура. Как, по вашему мнению, можно ли «на одной ноге» сказать, что такое еврейство?

– «На одной ноге» это не скажешь... Я бы сказал, что в этом-то и мистика евреев как народа и Израиля как государства. И это, кстати, одна из причин, почему антисемиты сегодня отрицают право евреев на существование. Потому что в нас совершенно неразделимо национальное, историческое — с одной стороны, и еврейское, религиозное, моральное. Тот кодекс, и соответственно, та функция, которую Господь нам дал или мы сами взяли на себя – никто из нас это никогда не решит. вспомните: при Сталине вообще отрицалась еврейская национальность, потому что евреи не подходили ни под какие формулы. Уникальный закон о возвращении – как его трактовать? По крови или по национальности, или по религии? Как это может быть? В этом для государства Израиль причина многих сложностей. Как стать «домом» для всех, кто приезжает сюда? Для кого-то еврейство – это только национальность, или только религия, или только борьба с антисемитизмом, или только общий исторический опыт и чувство солидарности с этим опытом и желание, так сказать, не изменять своим папе и маме или дедушке и бабушке. Для всех это разные вещи и разные степени религиозности, но все они должны чувствовать себя

здесь, как дома! И очень важно, чтобы государство Израиль сумело сохранить для каждого то, что для него дорого. Мы не можем позволить потерять ни одной части из нас, — это грозит единству нашего народа. В нашей алии есть те, кому близки чувства ультраортодоксальных евреев, есть светские, а есть те, кто чувствуют себя израильтянами без всяких оговорок — и все это еврейство.

– Когда говорят о диаспоре, то нередко пользуются определением «загнивающая». В Америке, как известно, до 70% смешанных браков, и каждый, кто бывает в диаспоре, понимает, как евреи там очень часто далеки от еврейства. Конечно, диаспоры разные: российская — не такая, как французская, а французская не похожа на американскую. Есть ли какая-то классификация качества диаспоры?

– Здесь не простые критерии. На мой взгляд, важно, насколько свободно евреи могут жить свободно как евреи... Россия была на самом низу этой «лестницы» в своей однозначной политике по отношению к еврейству, к евреям, сегодня она на довольно высоком, хорошем месте. Она дает возможность евреям свободно развиваться, именно как цивилизованное государство.

– Возникает вопрос: как пользоваться этой свободой? Скажем, в Америке и в других свободных странах такая свобода давно существовала, но, тем не менее, ассимиляция там более интенсивна, чем в России.

– Совершенно верно. Жизнь в демократическом обществе нередко способствует ассимиляции. Но значит ли это, что мы должны строить свое будущее на угрозе антисемитизма? Я всегда считал, что Израиль должен привлекать евреев не тем, что евреям плохо в диаспоре. Нигде в другом месте еврей не может так ощущать внутреннюю, духовную свободу. Неразделенность, отсутствие раздвоенности сознания — это привлекает к Израилю и укрепляет его связь с диаспорой. Что касается качества еврейства, то именно последние годы показали, что в благополучных, ассимилирующихся общинах происходят большие перемены. Антисемитизм захлестнул мир, у него буквально нет границ. Невозможно отличить мусульманский мир от западноевропейского... Антисемитизм стирает границы между двойственным отношением к евреям и к еврейскому государству, одно переходит в другое, и все это происходит в разгар террористической войны. И все это напоминание об уникальности и общности нашей судьбы... Теперь, что касается конкретной ситуации. Возьмем, к примеру, «кампусы» — студенческие городки. Если еврей — молодой парень с неукрепленной еврейской гордостью, то он может очень скоро быть потерянным для еврейского народа в силу страха, в силу нежелания быть «непопулярным», принадлежать к тем, кого так ненавидят. Это очень важный феномен. Оказывается, чтобы успешно с ним бороться, нужно сотрудничество с демократическим режимом, сотрудничество государства Израиль и диаспоры, потому что именно из Израиля приходит мощная энергия еврейской гордости, силы, готовности бороться, бескомпромиссно защищать евреев.

– Вопрос о взаимосвязи. Как Израиль может помочь диаспоре, и как диаспора может помочь Израилю. Каков этот взаимный процесс?

– Смотрите, многие считали, что явление террора — это, своего рода, побочный эффект борьбы евреев и арабов на Ближнем Востоке. Теперь ясно, что есть борьба между двумя цивилизациями: миром свободы, где человеческая жизнь — самая главная ценность, и миром террора, где человеческая жизнь — способ шантажа и давления. Государство Израиль и еврейские общины мира на переднем плане этой борьбы — борьбы в интересах всего мира. И оказывается, что эта общность нашей судьбы очень важна. Нам необходима поддержка и понимание всего мира, и в этом важная роль принадлежит евре-

ям диаспоры — в том, чтобы нести эту правду и не стесняться ее защищать. С другой стороны, независимый Израиль — сила и надежда еврейской диаспоры на то, чтобы выжить. И оказывается, что стратегически мы не просто две важные части еврейского народа, — мы нужны друг другу для совместного выживания. Я думаю, что сегодня эта связь становится гораздо тверже, чем была когда-то, сегодня она «обрастает» массовым идеологическим ощущением совместного выживания. И, как это было когда-то во время нашей борьбы в Советском Союзе — когда евреи начинают бороться именно за свои права, «не стеснясь», этим они приносят свободу и всему миру. Когда же мы говорим: нет, мы не эгоисты, мы не будем заниматься своими еврейскими проблемами, — хуже становится не только нам, но в итоге — всему миру!

– И последний вопрос. Считаете ли вы, что диаспора также вечна, как вечен сам еврейский народ? Этот вопрос обсуждался, когда начался массовый отъезд из России, тогда многие спрашивали, как долго продержится русская диаспора? Некоторые говорили, что через два-три года никого там не останется. Другие называли более продолжительное время. Известный ученый М. Членов говорил о времени одного поколения. Здесь нет однозначного ответа, но все-таки, какова, на Ваш взгляд, будущность диаспоры?

– Я думаю, что много раз в истории было так, что в странах, где было большое еврейство, оно потом приходило в упадок — сначала еврейство, а потом и страны... и наоборот. Мы знаем, что в Испании был пик развития еврейской культуры, но она, Испания, оказалась без евреев... Мы видим Польшу, которая была центром еврейства в течение веков — и культурного, и религиозного, и мистического, и какого хотите... и сейчас там евреев всего пять тысяч... Но, если говорить в целом о диаспоре — еврейский народ в силу того, что его определяет, в силу природы, которую ему дал Господь, или которую он взял на себя, должен находиться в состоянии постоянного динамического взаимодействия со многими народами мира; и поэтому, естественное существование еврейского народа — это сильный Израиль, который объединяет и дает много силы, и процветающая диаспора. Я знаю, что это выглядит как измена для многих ортодоксальных сионистов, но я не боялся этих обвинений в Советском Союзе, когда был одновременно и диссидентом, и сионистом, и я не боюсь этого сейчас. Я думаю, что сионизм заключается не в том, чтобы заставлять всех людей приехать, а в том, чтобы обеспечить сильное, НЕЗАВИСИМОЕ ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО, КОТОРОЕ КАК МАГНИТ ПРИТЯГИВАЕТ ЛЮДЕЙ И ДАЕТ ИМ ВСЕМ НОВЫЕ СИЛЫ. А существование еврейской диаспоры, я бы сказал, — это объективная, необходимая часть выполнения уникальной миссии еврейского народа в истории. Связь с Иерусалимом — это то, что всех нас делает евреями.

– Ну, теперь — быть может это не для записи, но все же — у Вас нет проблем с Сохнумом? На первый взгляд тут возникает явный конфликт интересов в Вашей и его деятельности.

– Это проблемы, которые, так сказать, поощряют рост и развитие, а не затрудняют.

– У меня есть еще 2-3 вопроса на тему отношений между Израилем и Россией. Вы, г-н Министр, знаете нашу «доисторическую родину», что называется, не из книг. Вы и сейчас бываете там, в прессе сообщали, что вы обедали с президентом Путиным... В самой России сейчас много пишут и говорят — куда идет Россия? Высказывают самые разные, подчас противоположные мнения. А как Вы считаете? Куда идет Россия? Что с этой страной будет? Многие воспринимают ситуацию пессимистично, говорят о «зажиме» независимых СМИ, о единоличном, недемократическом правлении. Как Вы оцениваете современную Россию?

– Слишком серьезный вопрос, и я не чувствую себя в нем специалистом. Это было бы несколько высокомерно, не деликатно... Разобраться бы, куда мы идем! Могу сказать свое частное мнение... Нельзя войти в одну и ту же речку дважды, нельзя вернуться в коммунизм. КГБ очень хорошо чувствовал, что неустойчивая система целиком и полностью зависит от контроля над умами, и поэтому они так старались, чтобы удержать каждый ум под контролем. Каждый диссидент был опасностью для власти! Делалось все, чтобы этот диссидент «раскаялся», сказал бы, что правы они, а не он. Вирус свободы было трудно удержать и в Гулаге. Так вот, его не удержали, он уже вышел и уже «испортил» головы сотням миллионов людей. Уже второе поколение людей второй десяткой лет живут в условиях свободы, без страха. Конечно, могут быть отливы и приливы, многие демократические институты еще не выстроены... Но в целом, люди живут без страха Гулага, без страха, что ты что-то не так скажешь или не ту книжку прочтешь... что из-за этого ты потеряешь свою карьеру, свободу, а может быть, и жизнь. Люди всегда предпочтут жизнь без этого страха, поэтому я думаю, что возврата в тоталитарный режим нет. Экономический потенциал России огромен. Чем больше будет свободы экономической инициативы, тем больше будет возможностей для политической свободы, и поэтому, в целом, я смотрю на это оптимистично! Опять-таки, я не нахожусь там, внутри, мне трудно судить, поэтому я прошу к моему мнению относиться осторожно.

– Есть еще актуальный вопрос. Россия – страна традиционного антисемитизма. То он спускается «сверху», то поднимается «снизу»... Последнее время можно видеть, что он там растет. Вот, кстати, самая последняя информация:

...19 апреля рядом со зданием израильского посольства в Москве прошел митинг Национально-Державной Партии, во время которого был сожжен израильский флаг. Митинг проходил с разрешения городских властей... Такие события кажутся весьма угрожающими.

– Ну, во-первых, когда я читаю это, это не может не вызвать возмущение, это очень печально, я понимаю, насколько это все опасно. С другой стороны, я понимаю это в более широком контексте того, что происходит во всем мире. Антисемитские демонстрации в Париже и в Бельгии собирали не сотни, а тысячи, десятки тысяч человек с сожжением израильских флагов, с антисемитскими лозунгами. Это стало настолько обычным явлением, что уже почти не удивляет. Что касается России, там, как в любой демократической стране, есть все необходимые институты защиты евреев. Во время моей первой встречи с господином Путиным, – он тогда был главой ФСБ и еще не был президентом, — я выразил сожаления по поводу антисемитских заявлений главы польской компартии. Я сказал ему, что их это должно волновать не меньше, чем нас. Меня это волнует потому, что ситуация может выйти из под контроля. Но, если это произойдет, то это коснется далеко не только евреев. Я очень надеюсь, что российские власти имеют это в виду, когда позволяют эти демонстрации, потому что мы знаем, где это начинается, и мы знаем, чем это может закончиться.

– Каковы, по Вашему мнению, перспективы российско-израильских связей. Это включает и экономику, конечно, прежде всего. Есть ли здесь положительное развитие? Как известно, этому тоже существуют разные оценки.

– Безусловно, есть потенциал. Есть много хороших пожеланий. Ну, скажем, что наши отношения начали развиваться довольно хорошо во второй половине 90-х годов, потом произошел в 98 году экономический кризис в России. Я тогда настаивал, чтобы мы финансово не уходили из России, потому что те, кто останется на трудный момент, завтра соберут больше. Но министерство финансов и другие органы решили иначе – что мы должны забрать те немногие кредиты, которые поддерживали и т.д. И когда произошел провал

доверия к российской экономике во всем мире, Израиль тоже свою поддержку «свернул». К сожалению, я думаю, что это была ошибка. Сейчас уже многие признают, что это была ошибка. У нас сейчас довольно тяжелое экономическое положение, но сейчас я думаю, что желание есть, есть тенденция поддерживать связи.

– В чем заключаются интересы той и другой страны?

– Россия рассматривает Израиль как уникальный «мост» — в аспекте научно-технической мысли — с Западом. Израиль — единственная страна, в которой миллион бывших российских граждан, людей, которые вместе работали, которые вышли из одной и той же научной и технической школы в физике, математике, химии, биотехнологии и т.д. В то же самое время Израиль – страна, которая невероятно близка к западным технологиям, которая является частью большого успеха западного хай-тека. Откровенно сказать, вот уже целый ряд лет мы говорим о том, что есть такой мост. Он используется явно недостаточно, на что есть объективные и субъективные причины. Я надеюсь, что объективные причины мы победим, субъективные – преодолеем.

– Это то, чем Израиль интересен для России. А наоборот?

– Россия – это огромный рынок. Это сырье, но не надо ее рассматривать только как сырьевую базу. Это, скажем, космос. У нас есть уникальные технологии, но огромная научно-техническая база, начиная с космодрома и включая все иные технологии – это все Россия. Россия может поставлять изделия, требующие огромного вложения, например, самолеты. Это очень тонко связано с обороной. Современный самолет может модернизироваться еще больше за счет тонких технологий. Россия – это огромный научно-технический комплекс. Есть масса других сфер, где есть капиталы, сырье и те же мозги, и при этом мы (Израиль) особенно преуспели в качестве наших идей, но в итоге необходимо объединиться с серьезной, большой материально-технической базой.

Вопросы задавал И. Бегун

ОДИН НАРОД: СОЛИДАРНОСТЬ В ТРУДНЫЕ ДНИ

Г. ХОФФМАНН

ТУРИСТЫ БОЯТСЯ – А ВОЛОНТЕРЫ ПРИЕЗЖАЮТ!

Группа американских бизнесменов – евреев сирийского происхождения – провела неделю в Израиле, занимаясь чисткой и мытьем танков ЦАХАЛа (Армия Обороны Израиля). Это одно из многих проявлений новой тенденции: с начала интифады заметно увеличилось количество иностранных граждан-добровольцев, главным образом евреев, приезжающих в эти трудные дни на помощь Израилю.

Это явление тем более отраднее, потому что туристическая отрасль в Израиле находится в глубочайшем упадке.

Возраст волонтеров колеблется от 16 до 80 лет. Едут они главным образом из Северной Америки; некоторые родились в бывшем СССР и впоследствии эмигрировали в США.

Зарубежные помощники бескорыстно выполняют различные виды работ, помогая ЦАХАЛу: занимаются уборкой складов, сортируют и пакуют одежду, провизию, боеприпасы, запчасти к армейскому оборудованию. Бригадный генерал Рони Морено, отвечающий за материально-техническое обеспечение ЦАХАЛа, свидетельствует, что количество добровольцев увеличилось в этом году на 30%. Благодаря им удалось сэкономить 1700 человеко-дней службы солдат-резервистов. В дни написания этих строк, к примеру, обязанности шеф-повара на военной базе «Тель ха-Шомер» исполняет иностранный волонтер.

Обри Айзекс, директор Всемирного союза еврейских студентов, утверждает, что в 2002 году последипломную стажировку в Израиле проходит в два раза больше выпускников вузов (post-graduates), чем в прошлом году. Их программа пребывания в Израиле рассчитана на семь месяцев, в течение которых они изучают иврит, иудаизм, государственное устройство и историю Израиля.

Координатор волонтерских программ «Маген Давид адом» (израильский «Красный крест») Яэль Куинн отмечает, что в ее ведомстве количество добровольцев из-за рубежа выросло аж в три раза!

Организация «Ливнот у-лешибанот» («Строить и развиваться») также концентрирует свои усилия на работе с добровольцами. Руководитель иерусалимского отделения Габи Нахмани говорит, что за последние два года количество волонтеров более чем удвоилось. В 2002 году 650 добровольцев из-за рубежа провели в Израиле как минимум по неделе, помогая восстанавливать и ремонтировать дома жертв арабского террора и других нуждающихся, работая в больницах и иных медицинских учреждениях.

Дара Уинстон из организации «Тнуат алия» при Еврейском агентстве (Сохнут) рапортует о 20-процентном росте числа стажеров, прибывающих в страну по программе Professional Internship.

Что же заставляет всех этих людей ехать в объятый террором Израиль, рискуя своей жизнью и здоровьем? Что это – патриотизм или жажда приключений?

Известный иерусалимский психоаналитик Йорам Йовель, автор книги «Душевная буря», считает, что если люди вкладывают в свое посещение Израиля высокий идейный и духовный смысл, то они готовы рисковать. Если же Израиль воспринимается ими лишь как место для отдыха и развлечений, то они, скорее всего, воздержатся от визита. Первый подход характерен как раз для добровольцев, а второй – для туристов.

«Большинство волонтеров вернется домой целыми и невредимыми, — говорит Йовель. — Единичны пострададут. Возьмем скоростную езду по автотрассам: хотя риск аварии достаточно велик, большинство людей с упоением отдается этому занятию. Помощь Израилю вызывает у подлинных идеалистов такой же душевный подъем, как автогонки у любителей скоростной езды. Но если гонщиками руководит спортивный азарт, то еврейскими волонтерами – чувство солидарности со своими братьями и глубокое духовное осмысление ситуации и своего места в мире».

«Если обычные туристы приезжают в Израиль, чтобы брать, то добровольцы – чтобы давать», — резюмирует психоаналитик.

Обри Айзекс добавляет: «Если в периоды относительного затишья евреи диаспоры склонны от-

кладывать свое личное участие в жизни Израиля до лучших времен, то сегодня они ощущают, что само существование еврейского государства и еврейского народа находится под угрозой и дальше откладывать нельзя».

Все учреждения, использующие труд волонтеров, отзываются об их работе с высочайшей похвалой. «Их энтузиазм просто потрясает. Это подлинные сионисты. Я горжусь такими подчиненными», — говорит бригадный генерал Морено.

Большинство зарубежных помощников ЦАХАЛа составляют граждане США, Франции и СНГ. Морено вспоминает, что всплеск активности добровольцев наблюдался и в 1991 году, во время войны в Персидском заливе.

Вышеупомянутая Яэль Куинн заменила на своем нынешнем посту 26-летнего Йохая Пората, который, собственно, и основал волонтерскую программу «Маген давид адом», действующую в координации с Сохнотом. 3 марта 2002 года во время своей резервистской службы по специальности фельдшер и водитель машины «скорой помощи» Порат был застрелен арабским снайпером при попытке оказать помощь раненым однополчанам. За два первых года существования программы Порат, разъезжая по всему миру, мобилизовал и обучил около 100 добровольцев; к октябрю 2002 г. количество участников достигло 174 человек.

К участию в программе «Маген давид адом» допускаются люди, достигшие 18-летнего возраста и обладающие базовыми знаниями иврита. Программа длится от 6 до 8 недель и начинается прохождением интенсивного 60-часового подготовительного курса, включающего элементы анатомии, физиологии и медицины. Поскольку большинство добровольцев приезжает из Северной Америки, Австралии и ЮАР, занятия проводятся на английском языке.

Затем волонтеры подключаются к работе одной из станций скорой помощи и помогают израильскому персоналу оказывать первую помощь пациентам. В неделю они работают не менее пяти смен. Для них предусмотрены бесплатное жилье, дневная экскурсия по Израилю и некоторые социальные мероприятия, однако за еду и проезд они платят сами. Кроме того, каждый платит 400 долларов за свое участие в программе. «Несмотря на столь жесткие условия, — говорит Куинн, — многие участники продлевают свое пребывание в Израиле или приезжают к нам повторно, а некоторые настолько влюбляются в страну, что совершают алию».

Волонтеров часто можно встретить в подразделениях гражданской обороны, в социальных службах. Они помогают школьникам в выполнении домашних заданий, ухаживают за престарелыми.

Создаются все новые и новые программы для привлечения в Израиль добровольцев из-за рубежа. Сохнут, министерство здравоохранения, и медицинское управление ЦАХАЛа разработали специальную программу для профессиональных медиков, в которой в 2002 году успели принять участие 34 волонтера и еще 200 записались на будущий год. Программа «Кешет» ориентирована на родителей солдат, которые, в отличие от детей, пока не являются израильскими гражданами и желают на месте ознакомиться с жизнью страны на предмет своей возможной репатриации.

Рассказывает 24-летняя Кейт Ушомирски, эмигрировавшая из России в Чикаго 12 лет назад, недавно получила первую академическую степень на историческом факультете чикагского университета «Лойола»:

- Я решила взять год передышки между учебой и замужеством. Кроме того, это моя первая возможность покинуть США на столь продолжительный срок: ведь я только в апреле получила американское гражданство... Я люблю Израиль и хочу улучшить свой иврит. Мои родители не соблюдают заповеди иудаизма, а мне было бы интересно поближе познакомиться с еврейской религией. И еще я хочу прозондировать почву насчет алии.

- Как восприняли вашу поездку родные и близкие?

- Мои друзья из числа религиозных евреев мне завидуют. А светские — и евреи, и неевреи — называют меня сумасшедшей, утверждая, что находиться в Израиле очень опасно. Я им объясняю, что телевизионный имидж Израиля очень односторонен. Родители тоже побаиваются за меня, советуют пореже пользоваться автобусами, но в конечном итоге, я надеюсь, они тоже согласятся посетить Израиль».

The Jerusalem Post Magazine
Перевод Ш. Громана

ДОБРАЯ АННА ИЗ НЬЮ-ДЖЕРСИ

Быть добрым, бескорыстно помогать другим, совсем незнакомым людям – не столь уж распространенное явление наших дней. А если, к тому же те, твои «подшефные» живут за многие тысячи км. от твоего дома? А если, к тому же, эта помощь отнюдь не сводится к тому, чтобы выписать чек, а требует постоянных хлопот, время на которые надо урывать из коротких часов, остающихся после основной работы, заботах о своих детях? И т.д. и т.п... Таким, действительно добрым человеком является Анна, героиня этого очерка.

Два с половиной года назад, после то, как разразилась «война Осло», Анна Гринберг, жительница штата Нью-Джерси (США) вместе со своими друзьями решили начать сбор пожертвований для поселенцев Иудеи, Самарии и района Газы. Были собраны тысячи долларов среди семей русскоязычных американских евреев, которые были направлены на бронирование от огнестрельных поражений транспортных средств и на помощь семьям, где имеются убитые и раненые в результате террора. Корреспондент газеты «Хадашот Беньямин» встретила с Анной во время ее последнего визита в Офру (Юж. Самария), непосредственно перед возвращением в США. В Офре у нее есть родители и родная сестра, живущая со своей семьей.

В клубе пенсионеров «Од новон» / «Мы еще расцветем!»/ в поселении Офра в феврале этого года отмечали восьмидесятилетие со дня рождения Матуса Лившица, проживающего в Офре уже 12 лет, непосредственно со дня его репатриации из бывшего Советского Союза. Празднование дня рождения и, особенно, круглых дат, — это очень важное событие в сознании «русских» репатриантов.

Рядом с г-ном Матусом находилась на этом вечере его «средняя» дочь, Анна Гринберг, обеспечившая музыкальное сопровождение торжества игрой на электрооргане и собственными вокальными номерами. Сравнительно недавно, она стала сочинять и исполнять песни — как на стихи русских поэтов, так, и на свои собственные. В Офру Анна прибыла из своего дома в городе Фэйр, штат Нью-Джерси, использовав весь свой десятидневный годовой отпуск. Кроме непосредственного повода визита в Израиль — восьмидесятилетия отца, Анна посвятила большую часть времени, проведенного в стране, совсем другим делам. Я встретила с Анной, чтобы выслушать ее рассказ о своей общественно-благотворительной деятельности в штате Нью-Джерси. Ее родители — Матус и Голда Лившиц репатриировались в 1990 году. Вместе со своим племянником из аэропорта им. Бен-Гуриона они прибыли прямо в Офру, где их сразу же приняла семья их дочери – Минны и Павла Аронсон, репатриировавшаяся годом раньше из Москвы. Две другие дочери Матуса и Голды – Анна и Рита — вместе со своими семьями выехали из б. СССР еще раньше и поселились в США, где уже проживали их двоюродные братья с семьями и многие другие родственники – еще с 1970-ых годов. Покойный муж Анны, Александр Гринберг, очень хотел посетить Израиль, и неспроста послал двух своих старших сыновей-близнецов в местную ортодоксальную иешиву, которую они успешно закончили. Но, первый свой визит в Израиль Анна смогла совершить лишь в 1997 году, менее чем через год после смерти мужа от скорой, но смертельной болезни /рак мозга/. Этот ее первый приезд был связан с празднованием бар-мицвы¹ ее младшего, третьего, сына. Затем она посетила родных в Офре еще раз, а летом 2000 года она с нетерпением готовила свой, уже третий визит. Приобрела авиабилеты по льготным ценам как раз на октябрь месяц 2000 года и, затаив дыхание, ждала часа вылета. Но тут разразилась «война Осло» т.е. вторая

Хемдат ШЕНИ — израильская журналистка.

¹ Бар-мицва – религиозный обряд посвящения в совершеннолетие подростка, достигшего 13 лет.

интифада, и американские власти, из-за охватившей их паники и страха от того, что происходит в Израиле, «не рекомендовали» своим гражданам посещать нашу страну. Анна отложила свою поездку на более поздний срок. И тут она задумалась о значении и направлении использования возвращаемой денежной стоимости авиабилетов. «И я подумала: пожертвую эту сумму на цели, самые что ни на есть позитивные — на помощь этой стране, Израилю, — хотя бы этими деньгами, раз уж все равно я не еду», — говорит Анна.

Семья Анны Гринберг. Анна стоит первая справа.

СУММА СТОИМОСТИ АВИАБИЛЕТОВ НАПРАВЛЕНА ЖИТЕЛЯМ США КАК ПОЖЕРТВОВАНИЕ

В течение короткого времени цель была достигнута. И в эти же дни в синагоге «Шомрей Тора» /«Хранители Торы»/ были собраны деньги для приобретения пуленепробиваемого автомобиля – силами компании «One Israel Fund» /«Единый Фонд Израиля»/, т.е. специального фонда, мобилизующего пожертвования для жителей США. Возвращенную сумму денег за билеты, полученную от авиакомпании, Анна тут же направила на указанные выше цели. Она продолжала пристально следить за развитием событий в Израиле. И вот, более двух лет назад, весной 2001-го года, она окончательно потеряла терпение и решила прибыть в Израиль на праздник Песах.

Во время этого приезда Анна встретила с семьей Гершкович: прошло всего лишь два месяца со дня гибели Арье Гершковича, главы семьи, да будет благословенна память о нем. Сестра Анны, Минна Аронсон, в течение почти десяти лет, практически каждое утро приезжала на свою работу в промзоне Атарот в машине Арье Гершковича. Во время пребывания в поселении Анна многократно бедовала с его жителями о ситуации, в которой оказались они и их семьи, включая малых детей и беспомощных стариков. И уже тогда она себя постоянно спрашивала, что именно она могла бы сделать для поселенцев. Но не прошло и месяца после ее возвращения из Израиля, как к ней обратился раввин местной синагоги и пригласил сопровождать его во время предстоящей поездки в нашу страну, в ходе которой предполагалось передать в качестве дара жителям поселений округа Беньямин пуленепробиваемый микроавтобус, приобретенный на средства религиозной общины, которую он, раввин, возглавляет. «Но я не могла еще раз поехать — отпускные дни были исчерпаны, и только передала с ним небольшую посылку для моих родных в Офре. И он действительно встретился с моим отцом, — рассказывает Анна. — Но в тот день, в тот самый день, когда рав приехал в Офру, там проходили похороны Асафа Гершковича, сына Арье Гершковича, застреленного террористами на дороге, ведущей в поселение»...

СБОР СРЕДСТВ ДЛЯ БРОНИРОВАНИЯ АВТОМАШИНЫ

Анна немедленно начала совещаться со своими сыновьями, со своими друзьями о необходимости что-то немедленно предпринять в указанном направлении. Она обратилась в «Единый Фонд Израиля» с вопросом о том, как наиболее эффективно и плодотворно помочь Фонду. В ответном письме ей было разъяснено, какие разнообразные затраты потребуются для обеспечения безопасности транспортных средств на дорогах, связывающих поселения друг с другом, в том числе, какие имеются другие защитные средства против пулевой стрельбы. Анна и ее друзья приступили к сбору денег для приобретения бронированной автомашины. Они также обратились к своим друзьям, родственникам и знакомым и были приятно поражены мощностью и широтой полученной поддержки. «Хотя мне первой пришлось начинать это дело, но я сразу же не оказалась одинокой в нем, — рассказывает она. — Все прочувствовали, насколько тяжела реальная ситуация. И, несмотря на то, что мы не говорили об этом подряд всем и каждому, у многих стали возникать соображения о том, как, что и где можно было бы предпринять. Тем более, что тогда был относительно благополучный период жизни русскоязычного еврейства США. Анна и ее друзья задействовали все свои личные связи и знакомства и подключили к общему делу товарищей своих родственников и родственников своих товарищей. Их организация получила название: товарищество «Поддержка Израиля».

Это движение возникло в мае 2001 года, и уже в течение двух первых месяцев своего существования его члены внесли 25000 долларов, — сумму, сложившуюся от внесения 160-ти индивидуальных взносов. «Мы получаем деньги также и от лиц, которые считают, что поселенчество — идея не столь уж хорошая, — рассказывает Анна. — Такие люди говорили мне: «Я не думаю, что заселение «территорий» — это правильно, но я хочу помочь этой стране». Но, с их точки зрения, — объясняет Анна, нет какой-либо справедливости и в насильственной борьбе /т.е. — терроризме/, начатой палестинцами. И тем более, на данном этапе, когда мирные контакты уже начинаются. Хочу подчеркнуть, что моя позиция в этом вопросе формулируется следующим образом: все мы люди, те же самые люди, один народ — даже когда говорим и думаем по-разному. Ну и что из того? Мы, евреи, иногда сильно отличаемся друг от друга. Это верно. Но все равно при этом мы продолжаем оставаться евреями. Кстати, в проводимой ими кампании по сбору средств, члены этой группы не употребляют термин «поселения»/Settlements/. Вместо этого они говорят об Израиле, о Земле Израиля, или, уж, в крайнем случае, об Иудее и Самарии. Термины, — поясняет Анна, — диктуют соответствующие представления и ощущения, закрепляют их. Понятие «поселение» воспринимается как что-то временное, не совсем нам принадлежащее. А вот «Иудея и Самария» — это уж точно наша земля. Все это должно четко уложиться и точно установиться в сознании наших людей, русскоязычных евреев.

ТЕРРАКТ ПРОТИВ БАШЕН-БЛИЗНЕЦОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЦЕНТРА В НЬЮ-ЙОРКЕ ПРИВЕЛ К ОТКАЗУ ОТ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАМЫСЛА

На этом этапе активисты товарищества «Поддержка Израилю» решили для начала прибегнуть к газетной рекламной кампании, чтобы сразу же пробудить и продвинуть массовую активность в нужном для нас направлении. Первое интервью с корреспондентом одной русскоязычной газеты было назначено именно на тот роковой день — 11 сентября 2001 года. Как и всегда привычный утренний Анин маршрут к месту работы включал две линии метро с пересадкой в центре города, причем одна из этих линий проходила как раз под башнями-близнецами. В то утро Аня задержалась дома и выехала на работу с некоторым опозданием. Уже в пути вдруг оказалось, что въезд в город закрыт, и дальше дви-

гаться никак нельзя. Ее младшая сестра Рита в это время находилась как раз с очередным родственным визитом у родителей в Офре, и Аня тут же по «мобильнику» сообщила ей /а через нее – всем родным и знакомым в Израиле/, что она цела и невредима. Одна из племянниц Ани работала в это утро на 67-м этаже одной из башен-близнецов и успела выйти из нее перед началом ее развала и падения. А другая ее родственница в это время была в пути по направлению к этому месту, но уже находясь в поезде, вовремя получила предупреждение и просто вернулась назад.

Разнузданная арабская пропаганда и пропалестинские демонстрации по всей Европе подтолкнули Аню и ее друзей участвовать в контрдемонстрациях и в манифестациях в поддержку Израиля. В самой большой из них, которая состоялась в марте 2002 года в Вашингтоне, участвовало более 100.000 человек. 600 автобусов прибыло только из Нью-Йорка. И это так мало, потому что, по словам Ани, просто не хватило автобусов для всех желающих.

ДОХОДЫ ОТ КОНЦЕРТОВ – ЖЕРТВАМ ТЕРРОРА!

После нескольких месяцев напряженной активной деятельности, в отпускные дни мая 2002 года товариществу «Поддержка Израиля» удалось организовать благотворительный концерт. Помещение для проведения концерта и музыкальные инструменты для аккомпанемента /пианино/ были представлены исполнителям бесплатно. Певцы-вокалисты и музыканты выступали также как волонтеры, т.е. безвозмездно. Приглашенные билеты были составлены, напечатаны и размножены на домашнем компьютере Анны Гринберг. Почти вся информация, — «реклама» и оповещение о концерте были проведены через использование личных связей и знакомств, а также путем вывешивания объявлений-приглашений на еврейских магазинах и уж совсем чуть-чуть — через русскоязычное радио и местные газеты. И все затраты были оплачены за счет личных средств активистов-организаторов. На концерте присутствовало около 200 человек было собрано 500 долларов. Для проведения первого такого мероприятия потребовалось провести огромную подготовительную работу, но зато с тех пор уже дополнительно проведено еще два подобных концерта. Часть собранных средств были распределены Аней лично и непосредственно во время посещения в Израиле семей, где имеются жертвы террора /убитые и раненые/. Аня показала мне фотографию, сделанную во время ее визита в Израиль летом 2002 года. На фото она запечатлена среди группы репатриантов из СНГ, пострадавших от палестинского террора. Списки жертв террора Аня получает регулярно от руководства Всемирного Конгресса русскоязычного еврейства, членом которого она является.

Помимо проведения благотворительных концертов и встреч с жертвами террора члены группы «Поддержка Израилю» активно участвуют в сборе средств для постоянной ежемесячной материальной помощи двум семьям, пострадавшим от террора и находящимся в особо тяжелом положении. В последнее время начат также сбор средств для приобретения амбуланса /санитарной машины-минибуса/ через организацию «Единый Фонд Израиля» / «One Israel Fund»/ и уже собрано — янв. 2003 г./ почти 7000 долл. Часть благотворительной помощи осуществляется также через Ассоциацию американских евреев, выходцев из б. СССР.

«Для русско-еврейской общины Америки сейчас наступили нелегкие дни, — рассказывает Анна. — Кризис в отраслях «хай-тек» тяжело затронул ее. Многие потеряли работу. Но денежная поддержка нашей деятельности, хотя и уменьшилась, не прекратилась». По мнению Анны это в огромной степени объясняется тем, что многие русскоязычные американские евреи изо всех сил и наличных средств стремятся помогать народу Израиля,

борющемся за свое существование в качестве еврейского государства. Ведь вся благотворительная деятельность осуществляется исключительно на добровольной, волонтерской основе, прежде всего, силами восьми постоянных активистов-организаторов, которые, помимо своей безвозмездной общественной деятельности, еще и где-то трудятся, чтобы заработать себе на жизнь. Анна лично ведет всю документацию о поступлении пожертвования, следит за своевременным снятием и рассылкой копий в соответствующие инстанции, за выдачей квитанций на полученные суммы, за бухгалтерским учетом данных о текущих платежах и другими данными, которые составляют основу отчетности перед обществом и перед жертвователями о развитии и перспективах благотворительного движения, в котором все участвуют. К тому же они завели сайт в интернете, ибо этого потребовали выросшие масштабы их деятельности. Работа в интернете полностью легла на двоих исполнителей из группы активистов.

Быстро пролетевшее время своего последнего визита в Израиль Анна использовала для множества неотложных дел и целеустремленно делила его между своими визитами и концертами в клубе пенсионеров в Офре, различными встречами по главным направлениям своей общественной деятельности, посещениями семей, пострадавших от арабского террора. И совсем, к ее сожалению, немного путешествовала по стране. «Израиль старается всегда сделать мне лично что-то особенно хорошее», — говорит Аня. И объясняет: «Говорят о загрязнении морского пляжа в Тель-Авиве, а я ничего этого не видела. Но зато во время всех моих приездов в Израиль на безоблачном небе ярко сияло ласковое солнце, и неважно, когда я прилетала: что в феврале, что в октябре. И общее положение в стране, на мой взгляд, было спокойным. А мой сын говорит мне, что я постоянно должна жить здесь, потому что, когда я в Израиле, здесь спокойно».

Знание, что наша деятельность как-то на что-то влияет, что она вызывает отклик, — осознание этого очень важно. Это своего рода потрясение, и когда люди его получают от добрых поступков, которые совершили, они вдруг начинают ощущать себя родными тем, кому они помогают, чувствуют сопричастие к чужим, к другим судьбам. Связь между теми и другими перестает быть случайной и однократной. Она становится связью душевной и постоянной, связью вечной. Ибо евреями мы остаемся тоже навечно, навсегда. Кто не смог отдать, пожертвовать сейчас, сделает это в следующий раз. Кто не может дать денег, будет участвовать в сионистских демонстрациях, собраниях, съездах. Или же внесет свой конкретный вклад в общее дело другим каким-либо путем. Но, что действительно важно, — это ощущение причастности, чувство того, что ты внес свою лепту в общее дело, что ты чем-то пожертвовал для других.

«Хадашот Беньямин»
Перевод П. Аронсон

РОССИЯ

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Валентин ОСКОЦКИЙ

ПРАВЕДНОЕ ЖИТИЕ В АНТИСЕМИТСКОМ ПРИЩУРЕ

“О Сталине мудром, родном и ...”

*Ну что, генералиссимус прекрасный,
потомки, говоришь, к тебе пристрастны?
Их не угомонить, не упросить...
Одни тебя мордуют и поносят,
другие все малюют и возносят,
и молятся, и жаждут воскресить.*

Булат ОКУДЖАВА.

I. Иудушки

Поначалу, казалось бы, если не все, то кое-что похоже и, не совпадая полностью, со-звучно хотя бы частично...

Достоевский решительно не принимал на себя подозрений в антисемитизме, хотя и поддавался ему подчас как журналист-памфлетист, искусный полемист с западниками. Но и при этом, как еще в 20-е годы прошлого века по первопутку исследовал Леонид Гроссман в работе «Достоевский и иудаизм» (М., 1999), наконец-то извлеченной из анналов историко-литературной непамяти, антисемитские проявления носили у писателя не философский, не мировоззренческий, а одномоментно публицистический, «чисто газетный» характер. «Теперь же вам скажу, что я вовсе не враг евреев и никогда им не был»¹, — горячо уверял он А. Г. Ковнера, переписка с которым дала в «Дневнике писателя» за март 1877 года импульс второй главе, сложенной из статей «Еврейский вопрос», «Pro и contra», «Status in statu. Сорок веков бытия», «Но да здравствует братство!» И еще раз о том же, но уже не в переписке вокруг «Дневника писателя», а в самом «Дневнике...»: «Всего удивительнее мне то: как это и откуда я попал в ненавистники еврея как народа, как нации?...Когда и чем заявил я ненависть к еврею как к народу? Так как в сердце моем этой ненависти не было никогда, а те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я, с самого начала и прежде всякого слова, с себя это обвинение снимаю, раз навсегда, с тем, чтоб уж потом об этом и не упоминать особенно».²

Вот и Владимир Карпов на присущем ему уровне стилистической небрежности и лексической неряшливости посчитал нужным двухтомное повествование³, созданное исключительно из благих якобы намерений не «оправдывать или осуждать Сталина» (I, 6), а «как всегда, изложить все объективно», начать с «важного предупреждения» (заголовок подглавки), что он «никогда не был антисемитом» и «предубежденный подход к оценке событий и деяний отдельных личностей, исходя из их национальности», считает недопустимым. «Антисемитизм так же вреден и порочен, как русофобия, неприязнь к лицам кавказской, любых других национальностей и т.п.» (67-68).

Но дальше внешнего сходства исходных посылов не пошло. В дальнейшем движении мысли классика и современника расходятся принципиально.

У Федора Михайловича: «...Я окончательно стою, однако же, за совершенное расши-

Валентин ОСКОЦКИЙ — писатель и публицист, секретарь Союза писателей Москвы. Статья публикуется в сокращении.

рение прав евреев в формальном законодательстве и, если возможно только, и за полнейшее равенство прав с коренным населением».⁴

У Владимира Васильевича:

«Одновременно уточняю: я четко различаю и отделяю антисемитизм от сионизма... сионизм — это тот же фашизм, но только когда вместо немцев претендуют на мировое господство евреи-экстремисты. Сионизм является одной из разновидностей человеконенавистнической теории и практики, ставящей своих сторонников в расовом отношении выше всех других наций и стремящейся к мировому господству путем геноцида, истребления целых народов...

...Сионизм является монополией евреев-экстремистов, но сотни и тысячи представителей других национальностей служат, а точнее, прислуживают сионистам, являются их верными пособниками, получая за это вознаграждение высокими должностями, допуском в политические и коммерческие структуры, в СМИ, кино, литературу, на эстраду, радио».

Зряшный труд ловить писателя на слово, как за руку, уличая в дилетантски приблизительном, если не примитивном, понимании сионизма, его идейных истоков, исторических корней и философских оснований. С изощренным хитроумием профессионального разведчика, удостоенного за боевые заслуги — действительные, не мнимые! — звания Героя Советского Союза, В. Карпов, как мы не раз увидим, не прочь прикинуться простачком-невеждой, лишь бы напроломнее протащить сокровенную для него безудержную апологию «великого и мудрого» за стратегический гений государственного лидера, политика, полководца, которому наше отечество и мы, здравствующие в нем ныне, по гроб обязаны избавлением. От чего бы, вы думали? От гитлеровской оккупации, как по привычке, внедренной в обыденное сознание, тут же заученно подскажут седовласые сталинисты и их юные единоверцы из рядов нынешних «нацболов»? Вовсе нет! «Главная победа Сталина, по масштабам исторически стратегическая, фактически это разгром сионизма на территории Советского Союза. Одержав победу над сионизмом, Сталин избавил тем самым народы, населяющие Советский Союз, от порабощения не менее опасного, чем гитлеровское фашистское нашествие» (187). При этом, что для одописца особенно важно, спаситель действовал отнюдь не из антисемитских побуждений, поскольку — вопреки клеветническим, надо полагать, наветам собственной дочери — антисемитом не был, а лишь попиновался прозорливо угаданным велениям отечественной и мировой истории.

«Конечно, как человек, выросший в недрах православной культуры, и человек, широко информированный, он не мог не знать и не понимать, какова роль мирового сионизма. Но это совсем не то, что примитивный антисемитизм, в котором его облыжно упрекают. Если бы Сталин был антисемитом, он не потерпел бы рядом долгие годы Кагановича и Мехлиса, которых очень уважал и ценил. (Как верноподданных подручных кровавых заплечных дел! — здесь и далее восклицания, вопросы, комментарии в скобках мои, — В.О.)...

...Великая заслуга Сталина перед народами, населяющими Россию, и особенно перед русским народом, перед историей, заключается в том, что он разглядел, понял и отважился на борьбу с сионистским нашествием под видом «мировой революции»...

...Сионисты никогда не забудут поражения, которое нанес им Сталин. В наши дни и вечно они будут поносить, очернять, обливать желчью Сталина, потому что он их лишил очень важного, почти достигнутого продвижения к заветной цели — мировому господству через захват России.

Сталин не дал им возможности разрушить Российское государство и создать на его территории свою «землю обетованную» (106-107).

Как ни длинна выдержка, стоило привести ее без значительных усековнений. В ней методологический ключ к историческим — точнее, антиисторическим идеям повествования, которое выстраивается, как житие праведника, увиденное в антисемитский прищур.

Трубно отрекаясь на словах от антисемитизма примитивного и заскорузлого, В. Карпов выставляет его в мантии непримитивного и незаскорузлого антисионизма, но это для него не более чем неуклюжий эвфемизм, то и дело снимаемый прозрачными проговорками вроде такой, ставящей между обоими понятиями синонимичный знак равенства, как ни закликает автор не считать их синонимами:

«Еврей – понятие национальное, природное, как и русский, татарин или чукча. Сионист – категория политическая, такая же, как гитлеровский нацист, чеченский национал-террорист, американский куклуксклановец. (Стало быть, и позабытый отчего-то автором русский шовинист, великодержавный национал-патриотист?). Потому еще раз прошу учесть эту мою, вообще-то официальную, трактовку и оценку сионизма и не принимать всем евреям на свой счет негативные высказывания, касающиеся только сионистов.

Своими расистскими идеями об избранности евреев, о превосходстве их над другими народами, о «богоизбранности» и праве на мировое владычество сионизм компрометирует, прежде всего, еврейский народ (!). Это противопоставление оскорбляет другие расы. Порождает ненависть к евреям (!!). Антисемитизм – не что иное, как результат порочной теории и практики сионистов» (69-70).

Ни ума, ни таланта не понадобилось В. Карпову для того, чтобы вывести сталинского соперника по большевистской борьбе за власть не Львом Троцким, а Лейбой Бронштейном, т. е. не идеологом революционного экстремизма, а раньше и прежде всего евреем, который не сам пришел в революцию, а был внедрен в нее, поставлен, навязан ей французскими «богачами-сионистами» (51), давшими команду «пятой колонне» в России «поддержать его и подчиниться ему» (52). Затем эти «закулисные политикомехеры» прибыльно перепродали будущего «вождя для будущей революции» (53) американским партнерам, а те, дождавшись февраля 1917-го, приказали своему выкорымышу «немедленно возвращаться в Россию и брать руководство революцией в свои руки с целью реализации сионистских замыслов» (53-54). В России же, взбудораженной и вздыбленной, единомышленники по взглядам «и по крови!» (54) спешно приняли его в большевистскую партию, срочно ввели в ЦК. На те же деньги тех же соплеменников-банкиров взращен Керенский, чье благоволение Троцкому оплачивалось не менее щедро...

Перечислим некоторые из преступных деяний сионистов-троцкистов, какие они учили еще при Ленине, но особенно после него.

Расстрел царской семьи, который, как протеже Троцкого, произвел председатель Уралсовета Янкель Вайсбарт, он же Белобородов. Председатель Совнаркома здесь, ясное дело, не при чем...

«Смертный приговор казачеству» (64), во имя «очищения российской земли от русских», приведенный в исполнение тем же Вайсбартом-Белобородовым «вместе со Свердловым, с благословения Троцкого» (63). Досадная закавыка с Яношем-Яковом Мовшевичем-Михайловичем Гаухманом-Свердловым, вечной памяти которого посвящена бурнопламенная ленинская речь на Красной площади, увертливо снимается назидательной скороговоркой: «Все было бы хорошо, остался бы Яков Михайлович в памяти людей честным революционером и прекрасным организатором, если бы не отравили его (физически тоже?) сионистские идеи Троцкого» (64)....

Обратим, кстати, внимание на авторскую одержимость раскрытием псевдонимов. Не исследовательский азарт историка водит пером В. Карпова, а бдительность криминалиста, не сомневающегося, что «во всех случаях, когда человек прячется под псевдонимом, имеется намерение скрыть свое подлинное лицо, а иногда и прошлое» (68-69). Оттого и в засланных к большевикам евреях выявилось «второе дно, т. е. необходимость спрятать свое двуличие. С русским псевдонимом сионистам было спокойнее маскироваться, превращать свои идеи в антипартийные дела. Истинная же национальная принадлежность,

видная по фамилии, выдавала, настораживала, лишала конспирации сионистов, потому что было известно: сионистом мог быть любой еврей (!). Вот и меняли они фамилии на русские, грузинские, армянские и по сей день суетливо требуют исключить из паспорта и из всех анкет «пятый пункт»—о национальной принадлежности» (69).

Не большевистских, а троцкистских рук дело – массовый «красный террор», объявленный ВЦИКом после покушения на Ленина и истребивший русских офицеров, священников, чиновников, ученых, писателей. На этой волне, кроваво вспененной сионистами, чекистский следователь Якобсон самочинно приговорил к смерти «бывшего блестящего офицера, гениального русского поэта Николая Гумилева» (55). Председатель ВЧК, подписавший расстрельный вердикт, и председатель Совнаркома, отказавший в заступничестве, снова не при чем...

Хорошо продуманный, разработанный и реализованный «единым сионистским центром» (106) план продвижения «дочерей иеговы...в подруги жизни к влиятельным людям». Еврейками были жены Молотова (Жемчужина), Ворошилова (Горбман), Калинина (Лорберг), Кирова (Маркус), Куйбышева (Жоган), Сулова (Судзимирская). Брежнев почему-то в крамольный список не попал. Щекотливая, хотя и очевидная, по В. Карпову, тема подана как еще один неотразимый довод против сталинского антисемитизма: будь он и впрямь «антисемитом, при его властности он этого не допустил бы». Но допустив, восполним, исправил промашку – посадил-таки жен и Калинина, и Молотова, а если верить В. Карпову, то и Ворошилова...

Самоубийство Надежды Аллилуевой, чей «выстрел в спину» (заголовок подглавки) направили сионистствующие профессора Промакадемии. В большинстве сторонники Троцкого, они каждодневно высказывали «неодобрительные суждения о том, что делает Сталин» (130), и клеветнически обвиняли его в диктаторстве. Поначалу «все шло, как и полагается в дружной семье. Но начинает проявляться влияние извне. Троцкистское окружение в Промакадемии...сначала зарождаёт сомнения относительно позиции мужа, потом – симпатии к своим позициям и, наконец, полное согласие с оппозиционерами» (134). Трагический исход «очевиден, он на поверхности (!): оппозиционеры-сионисты были большие мастера влиять на психику, на взгляды, на поведение человека, плести интриги. Наверняка, это была хорошо ими подготовленная, отрежиссированная, именно политическая акция. Они нанесли удар в спину Сталину рукой любимого человека (даром, что садистски унижаемого!)...

Злодейское убийство Кирова, с которым Сталин сердечно подружился еще в гражданскую. Теперь их дружба стала «почти родственной. Сергей Миронович, приезжая из Ленинграда по делам в Москву, останавливался не в гостиницах, а на квартире Сталина (неверно: главным образом, у Серго Орджоникидзе!)... Отпуск Киров проводил обычно вместе со Сталиным» (141). И за три недели до выстрела в Смольном, оборвавшего дружескую идиллию, они тоже были в Сочи, безмятежно играли в городки, на бильярде, парились в бане. Как ни старательно упрятывали троцкистские оппозиционеры, а затем их последователи – Хрущев и нынешние «демократы»—концы в воду, «подлинная, неопровержимая» (135) истина известна всезнающему писателю: «Ничего не надо искать, нет никаких тайн, все на поверхности (опять, как это чаще всего у В. Карпова, «на поверхности!»). Организаторы и исполнители убийства сами на следствии и публично на открытом судебном процессе признавались: «Да, мы убили Кирова!». Не нужно ничего искать, кого-то разоблачать». Саморазоблачившиеся убийцы лихо отметили злодейство буйной пляской, «и плясали они, наверное, не «барыню», а свои «Шолом» и «Семь-сорок» (145). Но Сталин после убийства Кирова тоже показал зубы и даже клыки!» (182). Железную хватку по-волчьему ощеренных сталинских клыков познает перед войной и будущий автор «Генералиссимуса», хотя, в ту пору курсант военного училища, террористом не был. Как не был им ни в

войну, ни после нее и вымышленный Иван Денисович Шухов, принявший на свои крестьянские плечи ту же зековскую ношу, что и доподлинный В. Карпов...

Как ни пестр калейдоскоп, как ни хаотична мозаика разнокалиберных—от «красного террора» до найма евреек в жены большевистским вождям – событий, все они, как шашлык на шампур, нанизаны на стержень разрушительных «сионистских замыслов», продвигавшихся в ходе борьбы «за власть в партии и государстве, а вернее, за захват России» (65), какую поначалу «весьма успешно» (72) вел Троцкий с Лениным, а затем со Сталиным. Будто и невдомек автору, что ни Троцкий, ни Зиновьев с Каменевым, ни их партнеры по оппортунизму и поделники по «блокам» евреями себя не сознавали, а числили в собственных глазах истыми революционерами, работающими на ассимиляцию наций и народностей в едином безнациональном интернационале пролетариев, которые, по Марксу-Энгельсу, не имеют отечества! Тем, кстати, охотнее и с обеих сторон спокойнее Еврейская коммунистическая партия (ЕКП) влилась в РКП(б), что действовала не по сионистским наущениям-проискам, а шла собственным курсом пролетарского интернационализма, который подтвердил своей подписью под соответствующим постановлением от 9 марта 1923 года не какой-то замаскированный сионист, а секретарь ЦК Куйбышев, которого автор видит в когорте стойких ленинцев-сталинцев. Если принять на веру его зыбкие построения, то, стало быть, с Куйбышева и спрос за то, что «десятки тысяч новых влившихся «коммунистов» стали верными, надежными соратниками Троцкого и его единомышленников в борьбе за власть...

Авторские толкования всесокрушительных и всесокрушающих сталинских побед столь своевольны и прихотливы, что на иных из них стоит остановиться хотя бы вкратце.

Начать с коллективизации, о которой, на ошеломляющий взгляд В. Карпова, написано немало вздора. Не типа панферовских «Брусков», а нынешнего, муссирующего ее репрессивные методы. «Что было, то было. Нельзя отрицать нажима, принудительных мер, да и арестов и ссылок. Сотни тысяч людей пострадали от крутых мер при создании колхозов. Но был ли другой путь? И кто проводил репрессии?» Оппозиция в период коллективизации, как и прежде, применяла тактику компрометации большевиков путем доведения до абсурда решений съезда и указаний ЦК... Абсурдность достигалась сверхреволюционными перегибами или, наоборот, вселением недоверия, порождением упаднических настроений. Сталин видел это двурушничество оппозиционеров» (121), но те дули в свою вражескую дуду и «распространяли слухи и сплетни», отвращавшие, отталкивавшие доверчивых людей от вступления в колхозы. «Якобы руководствуясь решениями партии о проведении коллективизации и демонстрируя свое деловое рвение в этом направлении, а на самом деле, опять-таки, доводя до абсурда, троцкисты и сионисты... желая озлобить натравить народы против большевиков и особенно против Сталина, репрессировали не только кулаков (а их поделом?), но и середняков и бедняков, которые неосторожным словом обмолвились о коллективизации или о тех же перегибщиках, извращающих добрые (!) начинания партии. Троцкисты и сионисты провели настоящий геноцид по отношению к местному населению по всей стране. Тысячи русских, украинцев, белорусов, татар и других народов отправлялось в тюрьмы и лагеря. По сей день коллективизацию вспоминают почти в каждой сельской семье недобрым словом» (126-127).

Столь же прозорливым, как в коллективизацию, стратегом показал себя Сталин в разгроме командного состава Красной Армии. Тема, рискованная для В. Карпова, успешного, подлаживаясь под проклипаемую ныне «перестройку», оперативно сочинить книгу «Расстрелянные маршалы» (М., 1990), где был очерк и о Тухачевском, написанный «в оправдательном стиле, в соответствии с опубликованными в те годы газетными и журнальными статьями и реабилитационной эйфорией, которой поддался и я» (147). Самокритично порывая теперь с эйфористскими наваждениями «перестройки» и заново перестраи-

ваясь, на сей раз постперестроечно, В. Карпов и стиль повествования меняет столько резко и круто, что, опасаясь прослыть флюгером на ветру, загодя просит читателей не удивляться иному подходу к «делу Тухачевского», не совпадающему с тем, что «было написано мной прежде» (147). Сострадательное тогда оправдание расстрелянных маршалов уступает ныне место гневным обличениям их «пятой колонны».

Небескорыстную услугу в такой переориентации оказал писателю Молотов, «жестко» (!) засвидетельствовавший, что уничтоженные Сталиным военачальники сплошь были ставленниками иудушки Троцкого: «Он их насаждал с далеко идущими целями, еще когда сам метил на пост главы государства. Хорошо, что мы успели до войны обезвредить этих заговорщиков, – если бы этого не сделали, во время войны были бы непредсказуемые последствия. А уж потерь было бы больше двадцати миллионов, в этом я не сомневаюсь. Я всегда знал Тухачевского как зловещую фигуру» (148).

Остановимся на двух моментах. Примечательном: до обнародования нынешней цифры советских потерь – без малого 27 миллионов – Молотов не дожил, но и сталинских 6 миллионов, как видим, уже не принимал. Курьезном: несостыковка хронологическая. Свои «свидетельские» показания Молотов давал не с того, а еще на этом свете, стало быть, за несколько лет до книги В. Карпова о расстрелянных маршалах. Выходит, давние диктофонные записи принятых на абсолютную веру бесед писатель скрывал, утаивал, не спеша оглашать, держал при себе, приберегал, копил впрок, чтобы выдать на-гора при подходящем случае, который как раз и приспел в книге «Генералиссимус». Для беспристрастного искателя истины не ахти как солидно да и безупречно нравственно!

Остается лишь заодно с автором «изумляться стратегической прозорливости Иосифа Виссарионовича» (168), открыто и честно рассказавшего стране и миру о троцкистских злодеяниях, «удивительно схожих с тем, что произошло» у нас – далеко и мудро прозревал великий (!) – в 80-90-е годы. И так же публично признавшегося в излишней доверчивости к «информации», какую сообщал ему нарком Ежов. Не троцкист, не сионист. И поставлен на репрессии взамен либерально мягкотелого Ягоды не кем-то, а вождем и учителем, распорядившимся о назначении телеграммой из Сочи, которую подписал На отдыхе вместе с Ждановым.

Обвальню цитируя по поводу, а чаще без повода всякую всячину, В. Карпов не посчитал нужным привести ни эту кадровую телеграмму, ни прямую сталинскую директиву ново назначенному наркому пытаться заключенных. Зато с наигранно безоблачным простодушием просветил несведущих в том, что «пытки были, были массовые незаконные аресты и расстрелы, но их осуществляли работники НКВД, суда и прокуратуры из числа троцкистов, оппозиционеров, заговорщиков, которых, кстати, выявлял и обезвреживал Берия. Они сами признавались в применении «физических методов» на следствии» (165).

И Берия амнистируется задним числом, лишь бы не бросать зловещую тень многолетнего присутствия обок карповского кумира, о решительности которого «говорить излишне. Обнаружив такие происки врагов, он принял необходимые, по его понятиям, государственные меры, провел «оздоровительную» чистку в органах НКВД. Сталин помнил о десятках тысяч сионистов.... Очень большую силу имели эти сионисты, слившиеся с оппортунистами всех мастей. Сталин помнил многих по именам, да и списки сохранились. Всегда помнил он и их черные дела, когда решения партия доводились до абсурда и компрометировались добрые начинания истинных большевиков. Сталин все помнил. И они за все заплатили» (169-170).

Неверно! Ничем и ни за что не заплатил тот чистых кровей русачок из сельской глубинки, что, глумясь над генералом, будущим маршалом Мерецковым, мочился ему на голову во время допроса. И изувер-тюремщик из питерских «Крестов», который сдирал ногти с пальцев Рокоссовского. Не чужеродный семит, а тоже чистокровный русский – следователь

Хват, истязавший академика Вавилова. За особые заслуги перед советским отечеством он встретил «перестройку» пенсионером союзного значения. Надо ли продолжать?..

Тем хуже для фактов, если они не согласуются с концепцией. А напроломная концепция В. Карпова пряма, как телеграфный столб. «Репрессии были естественной ответной реакцией на преступления, вражескую деятельность троцкистов, контрреволюционеров и военных заговорщиков» (179)... Сталин «вынужден был защищать» (187) от них страну и партию... «Он долго вел эту защиту в дискуссиях и спорах. И только когда встал вопрос о «дворцовом перевороте», уничтожении большевиков-руководителей, Сталин перешел к решительным мерам, которых требовала создававшаяся ситуация»... Да, были «страдания, горе и трудности», но в них повинны те, кто препятствовал победной поступи социализма. Не противься они истории, «строительство нового общества и жизнь людей, несомненно, проходили бы более благоприятно, безболезненно и плодотворно.

Старший современник В. Карпова, большой мастер русской прозы В. Каверин, не только соцреализм исключил из своего историко-литературного словаря, но и в мире художественном, словно в укор нынешним великодержавным патриотам, по-прежнему коленопреклоняющимся перед стратегом-генералиссимусом, не оставил места «демону с сухонькой ручкой, которому удалось растлить нравственность двухсотмиллионного народа». ⁵ Соглядатайство и наущничество, доносительство и стукачество как раз и знаменовали для В. Каверина нравственное растление общества, а исходные посылы его необратимо коренились в антигуманной природе советского тоталитаризма. Для В. Карпова они не разложение и не падение, не одичание и не вырождение людских душ, обусловленные большевистским режимом, а вынужденные самооборона, самозащита от вездесущих троцкистов-сионистов. В явном что-то неладу с общечеловеческой моралью наш панегирист-летописец...

2. Имитация документализма

Опровергая суд отечественной и мировой истории своими апологетическими речами, сталинский адвокат начинает повествование с клятвенных заверений в его неукоснительной документальности. И то и дело повторяет их по ходу рассматриваемых сюжетов.

Отдадим должное несомненно обогатившемуся за последнее десятилетие с таким авторскому опыту работы с документами. Не столь уж и давно он, не мудрствуя лукаво, попросту переписывал чужие тексты слово в слово. Как сличили Борис Хургин («Новое русское слово», 1986, 28 сентября) и Семен Резник (там же, 1986, 5 октября), именно так было в «огоньковской» статье В. Карпова о Николае Гумилеве. Выдавая за свое авторство Глеба Струве, писатель дословно воспроизвел его работу, но от себя добавил диссонирующую концовку, нелепостью которой и вызвал искушение сопоставить с оригиналом. Сопоставив, С. Резник сигнализировал в редакцию о беззастенчивом плагиате и получил благодарственный ответ тогдашнего главного редактора Сергея Залыгина: журналу важнее в первую очередь вернуть литературе изъятые великие имена, а потом уж разбираться, кто, у кого и что списал.

Документализм «Генералиссимуса» разнообразнее, но, при всем цитатном хаосе и комментаторской отсебятине не настолько, чтобы исключить систематизацию некоторых типовых приемов.

Содержательные различия между фактом, правдой и истиной для В. Карпова – также слишком тонкая материя, чтобы попасть в сферу не по-научному легковесных исторических и не по-писательски поверхностных творческих интересов. На документах, которые ему нужны и нравятся, В. Карпов выстраивает повествовательные сюжеты, не нужных и не симпатичных не трогает вовсе. Внешняя безразборность, таким образом, на деле

очень даже разборчива, а алогичный абсурдизм истолкований, не устранив пустот и не снимая несостыковок, выдает порой внутреннюю логику концептуальных порывов, эмоциональная стихия которой упорядочивается рациональным посылом.

Начать с последовательного намерения в упор не видеть как раз те документы, которые кричаще не согласуются с авторскими схемами. Ни к чему писателю директива Сталина Ворошилову затягивать, вплоть до срыва, московские антигитлеровские переговоры с английской и французской военными делегациями, если они противоречат пронафалиненному тезису о том, что переговоры сорвали чопорные англичане и ветреные французы, не понимавшие опасности нависшего над Европой фашизма, в то время как «советская сторона была готова к самым серьезным решениям» (203). Ложь: не только не готова, но в преддверии скорого сговора с Гитлером избегала, не хотела их. Спустя пару абзацев это признает и В. Карпов, заметив ненароком, словно в опровержение себя: «... да и наша делегация далеко не все сделала, чтобы воздвигнуть барьер против фашистской агрессии. Ворошилов, не имея дипломатического опыта, вел диалог слишком прямолинейно и, по сути дела, не искал компромиссов» (204). Коли так, кто, как не Сталин, назначил его главой делегации? И что мешало ему заменить тупоголового маршала-наркома, если тот по недалекости своей не справлялся с ответственной миссией? В том и деле, что справлялся, ретиво обрабатывал спущенную установку!..

Еще разительней: «И до сих пор точно не определено, кто совершил это варварство, – немцы или энкэвэздешники» (408) – не моргнув глазом, комментирует писатель «трагические события в Катыни, где были расстреляны польские офицеры». Простота, но не святая, а та, о которой говорят, что она хуже воровства! Допустим, по лености мысли В. Карпову в самом деле неведомо многотомное польское издание катынских документов. Как и книги сопредседателей двухсторонней комиссии польских и российских историков по «катынскому делу» и другим сопредельным ему «белым пятнам» в советско-польских и польско-советских отношениях Яремы Матишевского «Вырвать правду» (Варшава, 1993) и академика Г. Смирнова «Уроки минувшего» (Москва 1997). И даже коллективный труд русских авторов И. Яжборовской, А. Яблокова, Ю. Зори «Преступление, сохраняемое как государственная тайна» (Варшава, 1998), хоть и вышедший, к сожалению, только в Польше, но развернуто отрецензированный у нас в журнале «Вопросы истории» (2000, №1). Но если он действительно слыхом не слыхивал ни об обнародованной справке Шелепина от 3 марта 1959 года, внятно подтвердившего, что спецотряды НКВД расстреляли в 1940 году 21 857 поляков, ни о фундаментальном своде документов и материалов «Катынь. Пленники необъявленной войны» (М., 1997), вышедшем под редакцией академика А.Н. Яковлева в серии «Россия. XX век. Документы», ни о новой книге И. Яжборовской, А. Яблокова, В. Парсадановой «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях» (М., 2001), то грош цена его исследовательской основательности. И добросовестности.

Обременительны они В. Карпову и во множестве случаев, когда высосанные из пальца факты вообще не подтверждаются никакими документально удостоверенными свидетельствами и пирамидально громоздятся то курьезными, то серьезными умолчаниями, неточностями, ошибками. Не ездил Ленин в Брест подписывать договор с кайзеровской Германией: как полномочный представитель Совнаркома его скрепил своей подписью Троцкий.... Не в Сухуми на отдыхе пребывал этот главный сионист в дни смерти вождя, а в служебной поездке в Ташкент, откуда добраться до Москвы – реактивные ТУ тогда еще не летали – было не просто. К тому же по указанию Сталина ему сообщили неверную дату похорон, сместив настоящие сроки... Не «теперь» замалчивается книга «известного зарубежного писателя» (172) Леона (Лиона!) Фейхтвангера «Москва, 1937», а вплоть до начала ненавистой В. Карпову «перестройки» полвека пылилась в спецхране, так как

спешно изданная по сталинскому распоряжению, сыграла отведенную ей роль сиюминутно буфера и, оправдав суд над «троцкистско-зиновьевскими» предателями, стала ненужной... Не Сталин, а Ленин написал о себе «литератор», отвечая на вопрос о профессии в одной из анкет, причем не до революции, а после нее... Не смотрел Сталин «неоднократно (289) во МХАТе булгаковский «Бег», так как, дважды запрещенная главрепеткомом, пьеса была запрещена и специальной комиссией политбюро, в которую по сталинской наводке входили Ворошилов и Каганович.... Не в Куйбышев, а в Тюмень «эвакуировали» из мавзолея ленинскую мумию при наступлении немцев на Москву осенью 1941 года... Действительно Вадима Козина доставили на Тегеранскую конференцию ко дню рождения Черчилля, который обронил как-то за чашкой кофе, что не равнодушен к русским романсам в его исполнении. «Сталин это запомнил, дал указание привезти певца в Тегеран спецрейсом. Представьте, как артист испугался, когда к нему пришли чекисты и сказали: «Собирайтесь». И еще представьте, какой эффект произвел Козин своим появлением на именинах и исполнением песен на изумленного Черчилля. Сталин умел делать приятные сюрпризы и умел продемонстрировать, что для него все возможно» (II, 167). Представили. И изумились сильнее сэра Уинстона, памятуя о том, чего он не знал и что утаил всезнающий повествователь. Не из Москвы летел спецрейс, а напрямик из Магадана, где известный певец, кумир эстрады отбывал сначала заключение, а потом пожизненную ссылку. Воспользоваться бы ему нежданно выпавшим жребием, попросить всемогущего о смягчении участи! Не воспользовался, не попросил. То ли конвоиры строго-настрога предупредили и глаз не спускали, то ли обостренная зековская интуиция предостерегла, как рискованно метать бисер...

Безусловно, доверие В. Карпова документам липовым, прежде и чаще всего – фальсифицированным стенограммам судебных процессов над «врагами народа», в том числе обвинительным речам Вышинского и показаниям обвиняемых. Они приводятся куда как обильно, без тени неловкости или смущения. И комментируются разоблачительно по отношению ко всем, кто им не верит. «Какие тут пытки? Какие истязания?» (I, 165) или: «Какие же еще нужны доказательства?» (137)...

Излюблен прием отсебятины, комментирующий документ вопреки его реальному содержанию. Взять «сов. секретную» справку Берии, где приведена заниженная, но все одно жуткая статистика, включая такие цифры: «...по делу писателей-«гуманистов» осуждено 39 870 чел. Расстреляно 33 000 чел. Продолжают отбывать наказание 6 870 чел.» (170). Остановиться бы тут собрату расстрелянных и заключенных хотя бы из чувства солидарности профессиональной, осознать, вдуматься, вникнуть как в цифры, так и в бериевские пояснения к ним: «Из всех осужденных врагов народа 90%—лица еврейской национальности», «данные приведены без учета смертности в лагерях» (171).

Куда там! Не тем озабочен писатель, разыгрывая из себя неопита, который будто бы и в руках не держал ни одной из мемуарных или документальных книг, воссоздающих довоенный и послевоенный шквал репрессий. Ни солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» и рассказов Шаламова, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, «Черные камни» Анатолия Жигулина, «Непридуманное» и «Плен в своем отечестве» Льва Разгона, с одной стороны. Ни, с другой, воспоминаний Павла Судоплатова, свидетельствовавшего, помимо всего, не только о пытках, неведомых В. Карпову, но и разработке ядов, какие сверхсекретная токсикологическая лаборатория НКВД-КГБ опробовала на заключенных. Карповский подзащитный мудро занят не уничтожением народа, в том числе мастеров культуры, а отеческой заботой о расцвете литературы и искусства. «Сталин осуществил просто титаническую работу – он преобразовал, перенацелил все виды искусства: литературу, кино, театр, живопись,—вообще все, что влияет на морально-нравственное формирование человеческой личности. Представители всех видов искусства были сориентированы работать на

социализм. Это была величайшая сталинская победа, здесь он проявил себя как подлинный вождь. Сколько бы ни куражились над этим словом нынешние недоброжелатели, именно понятие вождь как нельзя лучше подходит к выдающемуся руководителю (278).

Еще бы не подойти! Как ни по горло бывал погружен в «главную государственную деятельность» (292), а «вообще, кажется, успевал везде», вплоть до того, что ежесуточно прочитывал по 500 страниц писательских сочинений. Но писатели не были для него «исключением, их сажали за политические, троцкистские, заговорщические дела, за антисоветскую болтовню (как Артема Веселого и Бориса Пильняка, Ивана Катаева и Исаака Бабеля, Михаила Кольцова и Бруно Ясенского?), а не за то, что они в своем творчестве отступали от соцреализма...

«Почему демократы лишают такого оценочного и поощрительно права главу государства? Сталин имел на это все основания и широко пользовался ими... Новоявленные критики утверждают, что он душил, зажимал, регламентировал,—это не более чем политическая желчь людей, движимых определенной заданностью: охаивать все советское. Сталин нигде и ни в чем не был таким примитивным» (287).

Что да, то да: совсем не примитивно опекал Михаила Булгакова (не худо бы и Андрея Платонова к случаю припомнить!), изощренно играя с ним в кошки-мышки. Защитил от инородческого засилья в кино завистников и оппортунистов одной национальности славянина, «хохла» Александра Довженко, даром что тот писал в дневнике, как Сталин, пришив ему украинский национализм, садистски превратил его жизнь в муку. «Приласкал, вернул на родину, помог перековаться в советского писателя» (289) эмигранту-графу Алексею Толстому, который, и сам не промах, признательно воздал сторицей. Простил не лояльные к советской власти произведения Куприна и великодушно разрешил больному старику помереть на родине...

Снискав такими гуманными актами «солидный авторитет у истинной творческой интеллигенции, Сталин проявил себя тогда незаурядным организатором и психологом» (281). Благодарные «советские писатели видели в нем единственную надежду на творческое понимание и улучшение своей жизни. И тянулись к вождю», платили ему ответной любовью. «Очень искренне любил Сталина Твардовский — поэт чистойшей, распаханной души» (295). И, должно быть, излил неизменно пылкие чувства сначала в главе «Так 'это было» из поэмы «За далью—даль», а потом в последней поэме «По праву памяти». «Те же чувства питала к Иосифу Виссарионовичу гордая, царственная Анна Ахматова». И выразила их в «Реквиеме»? Наверное, В. Карпов так не думает. И наверняка имеет в виду не выстраданный «Реквием», а вымученный цикл к 70-летию «учителя и друга», которым опальная Ахматова спасала заключенного сына, на что не преминул одобрительно сослаться А. Фадеев в письме в Генеральную прокуратуру. И то еще благо, что к монолитному сонму сталинских поклонников не причислен Осип Мандельштам, хотя в их неравном поединке самолюбивый вождь сумел подняться выше поэта-хулителя. «Любой человек обидится на поношение. Почему Сталину отказывают в самолюбии? И он обиделся. Но сам же защищал Мандельштама, потому что ценил его талант». И не иначе как защищая, сослала в отместку за «кремлевского горца» сначала в Воронеж, а затем уморил в дальневосточном лагере...

Тут мы вступаем в тему не просто политического, но и дипломатического, а потом и полководческого гения Сталина. Однако не будем детально углубляться в нее, благо доминировавший до сих пор троцкистско-сионистский мотив несколько ослабевает, поскольку «пятая колонна» перед войной заблаговременно и победно разгромлена. Выделим поэтому лишь авторские рецидивы назойливых возвратов к нему. И зададимся вопросом, в лоб поставленным и писателем: были ли гитлеровцы антисемитами, породившими Холокост?

Безусловно, были. Однако же вынужденными, подневольными, спровоцированными самими евреями, к которым немцы питали особую ненависть как «к конкурентам на владение миром» (70). Тем истощеннее разносился их звериный рев «Хайль Гитлер!». «Они слепо верили в свою исключительность. Орала не только фашисты и солдафоны. Так орал весь немецкий народ, одурманенный идеями своей «богоизбранности» на мировое господство. Они взяли на себя грех уничтожения миллионов людей, в том числе и шести миллионов евреев».

И за то поклон автору, что не именует Холокост «так называемым», признает 6 миллионов жертв и не списывает их на эпидемии гриппа? Не спешите. «Чем все кончилось, известно. Немцы дорого заплатили за увлечение расистской теорией и практикой... Несомненно, такая же участь ожидает в итоге и сионистов. Тысячи еврейских душ (!) они растлили своей преступной идеологией. Больших успехов они уже, похоже, достигли, осуществляя свои планы о мировом господстве, в том числе и в нашей России. Но гитлеровцы тоже (!!) владели Европой и дошли до Волги. Сионизм сегодня – раковая опухоль человечества. Что он несет для людей, очень хорошо видно из происходящего в России: развал промышленности, культуры, геноцид местного населения, голод, болезни, вырождение». И снова поклон вам, Владимир Васильевич! Но уже не читательский, а от Ясира Арафата с его заединными друзьями и закадычными приятелями из газеты «Завтра»: и он, и они мыслят и рассуждают точь-в-точь так же...

Ну, а что думал о гитлеровском антисемитизме наш советский лидер, политик «стратегического мышления и решения» (233), ловко смывший с лица родного отечества – под занавес выяснится: не до конца!—«троцкистско-сионистское мурло» (289): осуждал или одобрял, негодовал или приветствовал?

Известны «Предложения германскому командованию», которые Сталин собственноручно датировал кануном встречи. «Они отпечатаны в двух экземплярах, один остался у Сталина, другой предназначался тому, кто будет вести переговоры. Этот документ, по-видимому, не предполагалось вручать немцам, он представляет собой конспект, перечень вопросов, которым должен был руководствоваться советский представитель». Среди них предложение о перемирии с 5 мая по 1 августа 1942 года. Далее, если перемирие перейдет в мир, пункт третий: «После передислокации армий вооруженные силы СССР к концу 1943 г. будут готовы начать военные действия с германскими вооруженными силами против Англии и США» (12). И пункт четвертый: «СССР готов будет рассмотреть условия об объявлении мира между нашими странами и обвинить в разжигании войны международное еврейство в лице Англии и США, в течение последующих 1943-1944 годов вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства»...

«Мценский мир» – иными словами, самоубийство человеческой цивилизации – не состоялся. Как рапортовал Верховному тогдашний первый заместитель народного комиссара внутренних дел СССР Меркулов, немецкая сторона изъявила готовность «в знак таких перемен... поменять цвет свастики на государственном знамени с черного на красный» (13) и даже, при достижении согласия, потеснить «свои границы на востоке в пользу СССР». Но лишь при безусловном обязательстве советского правительства принять ультимативное германское требование «незамедлительно покончить с еврейством. Для этого полагалось бы первоначально отселить всех евреев в район дальнего севера, изолировать, а затем полностью уничтожить. При этом власти будут осуществлять охрану внешнего параметра и жесткий комендантский режим на территории группы лагерей. Вопросами уничтожения (умерщвления) и утилизации трупов еврейского населения будут заниматься сами евреи»...

Облагораживая сталинский блеф и возвышая его до искусства, повествователь блефует сам, причем на уровне не просто бездарном, но аморальном. Потому что вызывающе демонстративно размывает вовсе не зыбкую нравственную грань между стратегией

политика и шулерством картежника. Чувство нравственное не из тех, какие вольно ставить на карту, тем паче крапленую. Со всех точек зрения это безнравственно. А с карповской – «еще один пример ...стратегического мышления. Хоть и неудачный, но, как говорится, с добрыми намерениями – ради спасения Отечества».

Или себя в Отечестве?...

3. В скрещенных «да» и «но»

Сюжет несостоявшегося «мценского мира», на который был готов дальновидный генералиссимус, но не пошел близорукий фюрер, по-своему хорош как наглядная иллюстрация писательской методологии портретирования. Помните детскую считалку, по правилам которой нельзя говорить ни «да», ни «нет»? В. Карпов говорит, но так, чтобы едва ли не каждое его «да» сопровождалось непременно «но». «Да» чаще всего вынужденное, «но» – уточняющее или опровергающее. На их смещениях и скрещенных чеканится монументальный образ диктатора крутого и властного, не без греховных, хоть почти по святочному милых человеческих слабостей.

Обосновывая свои методы живописать и портретировать, В. Карпов объявляет политику, как и дипломатию – «давно известно» (228)! – заведомо грязными и только грязным делом. «Почему Сталин должен быть чистоплюем, общаясь с гангстерами от политики?» Вопрос риторический. В обход родства душ, склонявшего гангстеров, отечественного и зарубежных, к взаимному тяготению друг к другу. Или, напротив, вызывавшего взаимное отчуждение в общении с не гангстерами (де Голлем, Сикорским). К тому же политическую грязь с мундира генералиссимуса летописец счищает так усердно, что кажется, будто она и не липла к нему, ослепляюще белому, как первый снег. А если, случалось, вдруг прилипла по недоразумению, то пачкала не настолько, чтобы мундироседец нуждался в каких-то особых доказательствах своей всегдашней «прозорливости, могучего стратегического мышления и безграничной заботы о благополучии государства и народа» (324).

Да, «пора сказать полную правду» (213), будто никогда и никем не сказанную до книги «Генералиссимус», о советско-германских отношениях: « Не будем же мы для этого ждать еще полвека!». Но искомая правда не только в том, что «откровенный раздел сфер влияния с фашистской Германией» (214) – политическая авантюра, которую «не зачеркнешь и из истории не выбросишь». Что, радея на словах о благе разодранной надвое и отданной на заклятие Польши, «Сталин и Молотов кривили душой» (217)...

Да, были и негативные стороны в действиях Сталина – отступил от принципа интернационализма, пошел на переговоры, пусть даже на сговор с потенциальным врагом, – но ради чего? Ради спасения страны и народов, ее населяющих...

...Нет, сколько бы ни придумывали оппоненты провинностей Сталину перед войной, факты говорят о другом: Сталин мертвой хваткой вцепился сначала в Риббентропа, а потом в Гитлера – и своего добился» (228).

Чего добился? Минск пал на третий день войны⁶, кольцо блокады вокруг Ленинграда замкнулось в сентябре, Москва стала прифронтовой в октябре 1941-го...

О других «да» и «но» в хронике последоговорных событий и первых военных драм – перечислительно, однако выделяя цитатно единый сюжетобразующий стержень аляповатой мозаики.

«Будучи сугубо сухопутным человеком, в делах флотских Сталин допустил ошибку. Но ошибка эта была, как говорится, с добрыми намерениями» (247). Не соглашаясь с флотоводцами, «настаивал на строительстве крупных кораблей, в особенности линкоров», хотя и обходились они дорого, и в Балтике им было тесно. Убедившись в неправоте, сначала сократил «число строящихся линкоров и тяжелых крейсеров, сосредоточив усилия на эс-

минцах, подводных лодках, торпедных катерах» а с июля 1941-го, т.е. с началом войны, когда стало не до гигантомании, «строительство линкоров было прекращено» вообще. «Так или иначе, Сталин исправил свою ошибку». Исполать...

О «той войне незначительной» (А. Твардовский): ее «стратегический расчет... был оправдан, но», неумело реализуя его, недалёковидные воеводы «звели в заблуждение Сталина как о силах противника, так и о возможностях своих войск. Война с Финляндией – одна из неудач в военной деятельности Сталина.. Но она помогла выявить многие недостатки, которые были своевременно устранены» (258). Вопрос по существу: а что воеводы – сами себя поставили на воеводство? И по аналогии: учит ли история хоть чему-нибудь? Как Ворошилов Сталину обещал разгромить «белофиннов» «в несколько дней» (250), так и Павел Грачев Ельцину, Геннадий Трошев Путину – разделаться с «чеченскими боевиками». Линию Маннергейма прорывали три месяца, в Чечне воеюем восемь лет. Ничему не учит история тех, кто не хочет у нее учиться...

О последних предвоенных днях: «... Сталин ошибался тактически, в определении конкретного времени нападения, но стратегические расчеты Сталина были верны: начало войны отсрочил, армию, хоть не полностью, перевооружил, промышленность перестроил, идейно народ подготовил» (339). Чем подготовил? Радужной речью в Кремле перед выпускниками военных академий? Не смущаясь явным несоответствием «того, о чем он говорил, с тем, в каком состоянии была армия в действительности» (350), любимый вождь расписывал ее «боготовную мощь» за считанные недели до войны в расчете не на верную ориентацию командиров частей и соединений, а «на утечку информации», которой «хотел припугнуть Гитлера». Благостным заявлением ТАСС от 14 июня 1941 года, которым якобы обманул даже искушенного в пропаганде Геббельса, верхоглядски поверившего, будто «Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролик перед удавом» (358)? Не замирал «кролик», а настаивает писатель, дурил «удава», предпринимая последнюю (или отчаянную?) попытку отвести от себя удар «даже путем закрытия глаз на неотвратимую опасность». Но при закрытых глазах обман сразу обернулся самообманом, который автор жизнерадостно списывает на высокоумность своего героя: «Заявление ТАСС от 14 мая 1941 года (ставить ли корректорский ляп в вину писателю?) было не ошибкой, не «близорукостью» Сталина, а наоборот – его дальновидностью – это заявление говорило всему миру о миролюбивой политике, о желании предотвратить войну, и когда Гитлер кинул свои армии на Советский Союз, всему миру стало ясно, кто настоящий агрессор. Это заявление ТАСС ускорило создание антигитлеровской коалиции»...

«Явную неправду» (397) содержала и знаменитая сталинская речь 3 июля 1941 года, начатая широковещательно: «...лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты». Это, соглашается и В. Карпов, «не вполне (?) соответствовало действительности», — честнее бы признать: вполне не соответствовало – но было рассчитано на «укрепление морального духа армии и народа». Маленькое, но открытие: вранье, если оно во спасение, нравственно...

К событийным вехам деятельности Верховного Главнокомандующего, иконописно захронометрированной многотомной историографией сталинистского толка, В. Карпов не добавляет ничего принципиально нового, но в меру своих писательских сил и возможностей придает всему буйную эмоциональную окраску. «Твердо руководил войсками, мобилизуя их на отражение натиска врага» (408), «полководческое мастерство» (II, 59), «зрелое полководческое мастерство» (152), «высокое педагогическое, воспитательное мастерство» (131), «видит огромный театр военных действий» (59), «учился премудрости тактики танковых войск... растил своих «Гудерианов» и вырастил плеяду блестящих мастеров танковых сражений» (63), «можно только удивляться находчивости и энергии Сталина» (156), «наращивая свой боевой опыт и совершенствуя полководческий талант, приступил

к подготовке и проведению новых крупнейших стратегических операций» (201), «прове­рял правильность своих решений и попутно занимался воспитательной работой» (207), «проявил исключительную находчивость, связанную с огромным риском» (282), – нет числа величиям, поданным на верхних регистрах, в превосходной степени...

Примеры, когда за «с одной стороны» тут же не следует «с другой стороны» и уступчи­вое, сожалеющее «да» не снимается выгораживающим, оправдывающим «но», так редки, единичны, что их нетрудно пересчитать на пальцах одной руки. Разве что Корсунь-Шев­ченковская операция, в ходе которой Манштейну удалось вырваться из окружения. Взы­скать за это стоило и с Жукова, и с Конева. «Но в отношении Жукова и по отношению к войскам I-го Украинского фронта... Сталин поступил несправедливо.

Понятно желание упрекнуть Жукова, но несправедливость по отношению к целому фронту не следовало бы допускать» (187)... И финальная «битва за Берлин», имевшая «не только положительные последствия, но и отрицательные. У Жукова появилась торопли­вость и связанные с ней ненужные потери. Да и Конев гнал подчиненные войска «в хвост и в гриву», не считаясь с потерями, лишь бы опередить Жукова. Вот из этого и вытекает одна особенность берлинской операции, не украшающая наших самых крупных полко­водцев – Сталина, Жукова и Конева, потому что игра на самолюбии стоила многих жиз­ней» (329-330)...

Наконец-то! – подумалось было с облегчением. Потаенный гуманизм – куда без него перу писателя! – таки прорвался наружу и у В. Карпова. Стратегия стратегией, но челове­ческие жизни, счет которым на миллионы, капитал и самоценный, и бесценный. Увы, по­думалось преждевременно. Спасительное «с другой стороны» и тут подоспело на выручку, приглушив гуманистический выплеск уподоблением его иллюзорному настрою на бес­кровную победу: «Да, были недостатки и огрехи в этой операции... Конечно же, хотелось бы, чтобы в завершающем сражении никто не погиб... Однако Маниловы бывают не толь­ко в литературе, а война есть война, и без потерь она не обходится» (331-332)...

Если политика и дипломатия, как мы уяснили, всегда «грязное дело», то в пример и урок им «военное искусство имеет все привлекательные стороны других видов искусств и даже кое-что сверх того» (283). Требу­ет воспитательной работы с людьми не только в ин­дивидуальном, но и массовом порядке. Ярчайший пример такого массового воспитания народа в целом для В. Карпова – создание советского гимна, «соавтором» (170) которо­го Сталин, по сути, был и в музыке, и особенно в тексте...

На сумрачном закате жизни заглавный герой двухтомного повествования В. Кар­пова, «многоопытный стратег, дипломат, государственный и партийный деятель» (466), мудро и грозно являет стране и миру «свое широкое стратегическое мышление и пред­видение» (471). Правда, апологетический обзор его победных деяний начинает зиять лакунами, на первый взгляд странными, но по подспудной авторской логике объясни­мыми. Если на весь кремлевский олимп остался один еврей, да и тот Каганович, забыв­ший, как и раньше не помнивший, кто он по национальности, то на нем антисемитский пафос не построить и не выдержать: сорвется на фальцет. Не вытянуть тему сионист­ских происков и на репрессированных народах, и на «ленинградском деле», — благо­разумнее умолчать о них.

Но почему ни слова о расстрелянных членах Еврейского Антифашистского Комитета, о выкорчеванных безродных космополитах-антипатриотах? Да потому, что спиши это В. Карпов на новые витки сталинской борьбы с сионизмом, пришлось бы и Михозлса опять объявлять резидентом «Джойнта», и убийство его считать не политической уголовщиной, а патриотическим геройством, и судебское беззаконие над еврейскими писателями, жур­налистами, деятелями культуры, учеными представлять актом праведного возмездия. Не настолько наш летописец утратил разум, чтобы отважиться на такое!

Свои подводные камни таила для него и тема космополитизма. Не мог последний первый секретарь Союза писателей СССР заново шельмовать литературных коллег, которым худо ли, плохо ли руководил. Блюдя призрачное достоинство, даже «дела врачей» пришлось коснуться лишь мимоходом и только в связи с Берией, по внушению которого «сексотка КГБ Тимашук написала письмо о вредительском лечении и умерщвлении государственных деятелей» (477) медицинскими светилами из кремлевской больницы. «Арестом этих врачей Берия не только подтверждал свою преданность Сталину, но и окружал вождя своими медицинскими ставленниками. Однако Сталин разгадал этот ход Берии и обратил дело врачей против него». Каким, спрашивается, образом, обратил? Тем, что замыслил публично казнить «убийц в белых халатах?» И провести массовую депортацию евреев в Сибирь и на Дальний Восток?

Тем не менее антисемитский прищур автора «Генералиссимуса» сохраняется и в хронике последних сталинских и особенно послесталинских лет, вплоть до нашего времени составленной «по документам и рассказам свидетелей, которыми я располагаю» (468). Туману напускает хроникер: если он чем и располагает, то без труда угадываемыми книгами 90-х годов издания, журнальными и газетными публикациями, которые дополняет собственными беседами с некоторыми доживающими свой век мастодонтами. Ничего, кроме поношений Хрущева, саморазоблачившегося на XX съезде КПСС в качестве «предателя, который долгие годы скрывался под личиной единомышленника Сталина» (506), из всех этих источников не извлечено.

Но извлеченного с лихвой достало, чтобы патетически скорбно заключить: не сведи Хрущев в могилу преданного им Сталина, не опорочь затем его светлое имя, и сам генералиссимус прожил бы дольше на радость нам, и великое его дело не развалилось бы, как «союз нерушимый», и всепобеждающие идеи продолжали бы триумфально шествовать по миру. «История, и особенно судьба нашего государства, сложились бы совсем иначе. И уже, конечно, не произошло бы то, что мы ныне видим и переживаем» (406).

А видим и переживаем как раз то, что битый да недобитый сионизм опять нахраписто вылез на свет, набрал силу и стал таким вездесущим, что даже антисемитские эскапады В. Карпова обезличились – утратив целеуказующую конкретность, зазвучали безадресно, анонимно. Некие безымянные «агенты влияния», «почувяв опасного оппонента в Андропове, организовали ему неизлечимую болезнь» (468). Черненко, сдается, единственный, кто преставился сам. А сменивший его Горбачев, продолжая гнусное дело Хрущева, открыл под лозунгом борьбы за мир «все каналы для широкой политической агрессии США и идеологической оккупации страны».

Фантасмагория на фантасмагории. Но, собранные вместе под обложкой двухтомия, они не хилая струйка, невесть откуда взявшаяся и незнамо куда текущая. Мутный ручей вливается в грязный селевой поток псевдонаучных работ, журналистских публикаций и литературных сочинений, теле- и кинотворений, которые, недоумевает обозреватель «Известий» (21.12.2002), «в таком труднообъяснимом количестве и еще более труднообъяснимом качестве» не появлялись давно и появились «только сейчас», в приближении полувековой годовщины со дня сталинской кончины. Труд В. Карпова в ряду их.

Рядом с ним акафист «известного (последнего?) философа-марксиста» Ричарда Косолапова, для которого «пресловутый (!) ГУЛАГ»—одно из «неизбежных слагаемых нашей победы над Третьим рейхом» («Завтра», 2003, № 3). И «Жупел Сталина»—пространная, на десять (!) номеров «Комсомольской правды» беседа журналиста А. Сабова с историком Ю. Жуковым о непричастности добродетельного отца народов к репрессиям. Публицистически блистательный ответ на эту спекулятивную поделку дал Отто Лацис в «Новых известиях» (27.11.2002)...

В. Карпов живописует Сталина не в мифотворческом, не в сказовом ключе, а в манере якобы беспристрастного исторического исследования, которое не имитирует документализм, а прочно опирается на него. Как исследователь-документалист он и пропагандировал свой труд в ряде интервью вокруг него, и спорил в его защиту с Марком Дейчем, чью критику отводил печатно. Зато неумные похвалы Владимира Бушина, буйнопомешанного погромщика Булата Окуджавы, Льва Копелева, Григория Бакланова, академиков Д. С. Лихачева и А. Н. Яковлева, многих других научных и художественных талантов, принял беспрекословно, как должное.

Скажи мне, кто твой друг?..

Или – с кем поведешься?..

Тем, с кем водится В. Карпов, и уместно закончить.

Одна из прошлогодних статей В. Бушина в газете «Завтра» (№ 46) содержала фантазмагоричное сумасбродство на тему воскрешения Сталина. Ожил генералиссимус и прямиком с того света заявился в Кремль. А там, не то в Грановитой палате, не то в Георгиевском зале, правительственный пир. Переполох. Паника. Президент Путин со страху прячется под столом.

- Кто из вас русский? — гневно вопрошает бывший вождь, пренебрегая своей грузинской родословной, как подлинный, а не карповский Троцкий — еврейством.

- Я,—отзывается, заикаясь, московский мэр Лужков.

- А остальные?

- Наверное, русскоязычные.

- Так вот, русскоязычные: я оставил вам страну, как цветущий сад, а вы что с ней направили? Кто у вас исполняет обязанности Дзержинского?

Выходит Патрушев, блее мела.

- Да ты пьян, как свинья! — возмущается Сталин. И распоряжается, обернувшись:

- Лаврентий, забрать всех! И передай Вышинскому: пусть готовит документы...

Документы для Владимира Карпова?

Для его новых историко-документальных сочинений?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том 29, книга II. Письма 1875-1877. Л., «Наука», 1986, с. 140.

² Там же, с. 75.

³ Владимир Карпов. — Генералиссимус. Историко-документальное издание в двух томах. Калининград, «Янтарный сказ», 2002. Римскими цифрами обозначены тома, арабскими — страницы.

⁴ Ф. М. Достоевский. Том 25, с. 86

⁵ В. Каверин, — Эпилог. Мемуары. М., «Московский рабочий», 1989, с. 82.

⁶ Не на шестой, т.е., как принято считать, 28 июня, когда немцы вошли в Минск, а именно на третий, 24 июня, когда после спешной и хаотичной эвакуации ряда предприятий и учреждений советские части оставили опустевший город. См.: Ася Адам. — Три дня июня 1941. Минск. («Новый мир», 2002, N.12).

МОНОПОЛИЯ ВЛАСТИ: БОРЬБА «ЗА» И «ПРОТИВ» НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ**Доклад на десятом международном симпозиуме
КУДА ПРИШЛА РОССИЯ?**

16 января 2003 года, Москва

Сегодня мы, жители России, участвуем в очередной попытке вырваться из исторических ловушек, губивших на протяжении столетий российские реформы. Первая из них — опасение распада большого и притом многонационального государства. Однако силовое противодействие распаду как раз и усиливает центробежные тенденции. Вторая ловушка заключается в том, что власть, прогнившая из-за своего монопольного характера, терпит крушение, но самой своей гибелью, катастрофическими обстоятельствами своего ухода создает предпосылки для воспроизведения монопольности уже при новой власти.

Монопольный механизм, не эффективный по своей природе, делает невозможным планомерное и мирное проведение общественных реформ. В итоге монопольная власть покидает политическую сцену лишь после вызревания общего кризиса — экономического, социального и политического. Недееспособная власть не уходит, а рушится, когда рушится весь общественный механизм. Новая власть рождается в обстановке социальной катастрофы. Под флагом защиты населения от последствий этой катастрофы, от внешних и внутренних угроз она вводит (вв порядке исключения, временно) чрезвычайные меры, порождающие новую монопольность, которая несет в себе зерна будущей гибели уже этой новой власти.

Неудач, связанных с этими ловушками, не избежали ни цари-реформаторы, ни Временное правительство, ни большевики. В конце концов, разгон Ельциным Верховного Совета, покончивший с властью Советов, стал выразительной ухмылкой истории вслед тем, кто начал утверждать свою монополию с разгона Учредительного собрания в 1918 году.

Но и сама власть российской демократии, признавшей Ельцина своим вождем, родилась в августе 1991 года не в результате мирного демократического волеизъявления, а в результате поражения заговора советской бюрократии. Сам этот заговор, а затем его поражение соединили экономическую катастрофу страны с крушением власти партии, монопольно управлявшей страной 74 года, и с распадом многонациональной империи. Новое Российское государство, унаследовавшее руины экономики вместе с руинами политической системы, поначалу вынуждено было заботиться не столько о планомерном построении демократических институтов, сколько об элементарном выживании населения. В этих условиях легко получили общественную поддержку шаги к созданию элементов новой монополии: от силового разгона Верховного Совета и принятия Конституции, сочетающей признание примата прав человека с непомерными полномочиями президента, до последующих усилий по укреплению президентской ввертикали и выхолащиванию механизмов политической конкуренции.

Однако в результате стихийного взаимодействия различных общественных сил в течение более чем десяти лет реформ законченной монополии не получилось. Сегодня мы видим результат, который никем не проектировался и не мог проектироваться заранее. В сжатой формуле пройденный путь можно охарактеризовать так: от номенклатурного социализма к номенклатурному капитализму.

Исходной целью реформ девяностых годов стала трансформация социализма в его советском варианте, доказавшего свою неспособность решать проблемы развития постиндустриального общества. Поскольку общепринятого и непротиворечивого определения социализма не существует, следует оговорить, что в данном случае идет речь о строе, в основе которого лежали три главные характеристики:

1. Государственная собственность на средства производства, служившая на деле формой корпоративной собственности бюрократии.

2. Безрыночная экономика.

3. Монопольная политическая власть партийно-советской бюрократии, принявшая юридическую форму узаконенной (согласно Конституции) вечной власти одной партии при безальтернативных выборах руководства этой партии и депутатов Советов. Неотъемлемой частью такой власти является идеологическое государство, а с ним и полное отсутствие свободы слова, которая могла бы открыть дорогу конкурирующей идеологии.

Именно эта триада предопределяла, с одной стороны, неэффективность и в конечном счете нежизнеспособность системы, а с другой — ее относительную устойчивость, а точнее — косность и неререформируемость. В результате она израсходовала запас прочности до предела, а потом рухнули сразу все ее опоры. Этот строй смог, при всех его недостатках, просуществовать три четверти века благодаря тому, что в этот период он обеспечивал возможность выполнения основной цивилизационной задачи России XX века, и рухнул тогда, когда не смог обеспечивать выполнение новой цивилизационной задачи.

О каких задачах идет речь?

В центре общественного развития России с конца XIX до конца XX века стояла задача перехода от аграрной цивилизации к индустриальной и, соответственно, перехода основной массы населения из сельского хозяйства в промышленность и сферу услуг. Дополнительными осложняющими факторами этого перехода стали необходимость обороны от внешней угрозы и исторически предопределенная неизбежность догоняющего развития. Эти последние факторы использовались как оправдание чрезвычайного выбора в пользу безрыночной экономической системы и монополярной политической власти, усилили массовую поддержку такого выбора.

Такой выбор не остановил решение основной цивилизационной задачи — индустриализации, но резко увеличил ее социальные издержки. Такой выбор снизил и качественные характеристики полученного индустриального общества. Его производственной основой сделалась специфическая система затратной экономики, в которой привычно игнорировались вопросы эффективности. Его социальной основой стали барачная культура городского быта и всевластие репрессивных органов. С другой стороны, элементы чрезвычайщины отчасти способствовали решению военных задач (что служило их пропагандистскому оправданию) и обеспечили искусственное ускорение индустриальной трансформации. Это ускорение долгое время воспринималось как главная историческая цель советского социализма и его главный исторический успех. Лишь позднее стало очевидно, что оно породило больше проблем, чем решило.

С завершением выполнения задач индустриальной трансформации и появлением качественно новых задач постиндустриального развития все три перечисленные характеристики общественной системы из двигателей (пусть малоэффективных) превратились в тормоза. Это привело к быстро увеличивавшемуся отставанию в соревновании с западным миром, а затем и к прямой неспособности обеспечивать нормальное повседневное функционирование экономической и социальной системы. После этого крах советского социализма стал неизбежным. Сами обстоятельства этого краха показали, что именно необходимо изменить в России. Требовались разгосударствление собственности, переход от вланового хозяйства к рыночному и ликвидация монополярной власти.

Как и в какой степени удалось это выполнить?

В новой России в первую очередь было сделано самое неотложное, без чего нельзя было восстановить повседневное функционирование экономики. Это были шаги к воссозданию рыночной системы, тесно связанные с разгосударствлением и приватизацией собственности. Вопреки распространенным мифам о шоковой терапии шаги эти были чрезмерно осторожными и медлительными. Либерализация цен спустя десятилетие после ее начала все еще не довершена в обширных секторах экономики. Непомерной остается и роль государства. Получилась далеко не совершенная рыночная система, страдающая анемией механизмов конкуренции, без чего нет полноценного рынка. Тем не менее, пусть ущербная, рыночная система начала жить. Это наглядно проявилось после августа 1998 года. Четыре года после 98-го стали рекордными по темпам улучшения производственных и социальных показателей не только за последнее десятилетие, но и за добрых тридцать лет. Главным двигателем этого успеха стала шоковая девальвация рубля в 1998 году, за которую население заплатило падением реальных доходов. Но то, что девальвация дала мощный производственный эффект, как раз и доказывает, что экономика реагирует на рыночные импульсы.

Политическая трансформация началась даже раньше, чем экономические реформы. Отказ от законодательного закрепления монопольной власти КПСС и зарождение многопартийности, альтернативные выборы органов представительной власти, гласность и отмена цензуры, демонтаж репрессивной системы и освобождение политзаключенных, рождение демократических структур России, независимых от союзной бюрократии, — все это произошло еще при Горбачеве.

Трансформация системы государственной собственности происходила при решающем влиянии прежнего хозяина государства — номенклатурного слоя, прошедшего кадровое обновление, но мало изменившего свою социальную сущность. Наличие конструктивного (по-своему) корпоративного интереса этого правящего слоя облегчило и ускорило процесс приватизации, но не могло не придать ему корыстную окраску. Верхушечный характер реформ, руководимых в сущности прежней бюрократией, не мог не вызвать искажений демократической политической системы, в особенности в том, что было связано с распределением бывшей государственной собственности. Государство получило возможность вназначать миллионеромс, что особенно наглядно проявилось в залоговых аукционах.

Совершив главное для себя — раздел государственной собственности, — новая бюрократия решила, что больше ни в чьей помощи не нуждается и никакими обязательствами стеснять себя не должна. Именно тогда кучка политиканов толкнула Ельцина к самой большой ошибке — Чеченской войне, в результате которой возникла опасность реванша — возврата власти в руки отнюдь не реформаторской, а откровенно сталинистской бюрократии. Из-за этого на выборах 1996 года Ельцин вновь — теперь уже в последний раз — использовал поддержку демократии.

В конце концов открытая и законодательно закрепленная монополия власти советского времени сменилась своеобразной квазимонополией, влияющей на общественное развитие негативно, как и прежняя монополия. Все демократические механизмы, принцип разделения властей, свобода слова формально существуют, но в повседневной жизни все более господствует стремление отключить их. Получается что-то вроде автомобиля с отжатым сцеплением: мотор работает, движения нет. Парламент, судебная власть, оппозиционные партии, свободная пресса — все в реальности отжато, всем дирижирует монопольный политический центр, не сменивший даже почтового адреса: администрация президента находится в тех же домах на Старой площади, где был аппарат ЦК КПСС. Квазимонополия воспроизводит все негативные последствия прежней монополии, которые можно выразить одним словом: неэффективность. Отрыв от народа приводит к пробуксовке реформ, отсутствию решения социальных проблем, тупику в Чечне.

Новой монополии власти не потребовалось изменять Конституцию для того, чтобы утвердиться в нашей жизни. Новая монополия реализована путем простого изменения текущей политической практики. К примеру, никто не восстанавливал Главлит, политическую цензуру. Но реальные функции бывшего Главлита все чаще выполняет та самая самоцензура, к которой призывал Евгений Примаков: руководители СМИ после ряда наглядных экзекуций сами догадываются, про что не следует писать, если не хочешь посориться с государством. Так, СМИ всех политических направлений практически единодушно замол-

чали конференцию за мир в Чечне, прошедшую в Москве при весьма широком представительстве либеральных политических сил, парламентских партий. Другой пример незаконной практики в законном облачении — инициируемые спецслужбами шпионские процессы, пока еще часто проваливающиеся, но показывающие, что в ФСБ и прокуратуре есть люди, готовые действовать в духе 1937 года.

Несмотря на наличие политических партий, партийных списков, партийных фракций, демократическая толпа не структурирована и мало способна к организованному осмысленному действию. За редкими исключениями на политической сцене выступают муляжи партий, муляжи профсоюзов, а исполнительная власть умело использует это для монополизации власти.

Вступая во второе десятилетие реформ, важно разобраться в причинах трудностей политическое взросления российского общества. Помимо общеизвестных недостатков демократического строя как такового, помимо исторической молодости российской демократии и малого вследствие этого политического опыта избирателей, тут сказываются два фактора: (1) дезориентация массового сознания вследствие наложения переходных состояний социальной жизни и (2) маргинальное состояние общественного сознания, унаследованное от советской эпохи.

Как появилось маргинальное сознание?

О переходных состояниях много сказано, здесь достаточно лишь перечислить, о чем идет речь. Крушение так называемого социализма и переход к рыночному хозяйству с неясной пока социальной ориентацией; крушение империи и сверхдержавы и превращение бывшей метрополии в рядовое крупное государство; крушение коммунистической идеологии и переход к никакой идеологии, сопровождаемый бесплодными попытками заполнить вакуум то национализмом, то ностальгическими имперскими мотивами; крушение социальной системы регламентированного иждивенчества и замена ее плохо организованной системой самообеспечения — все это наложение переходных состояний порождает такую колоссальную дезориентацию, что можно только удивляться долготерпению населения, в большинстве своем продолжающего искать выход из кризиса в построении нового общества. Учтем и то, что прежний социалистический советский менталитет господствовал гораздо дольше, чем в любой другой стране мира, и подкреплялся не только мифологическими, но и реальными достижениями, такими, как победа в Великой Отечественной войне и выход в космос.

Меньше исследован вопрос о маргинальном сознании. Сам факт распространенности такого сознания не вызывает сомнений — достаточно вспомнить об устойчивых результатах выборов. Менее половины избирателей голосуют за партии с определенной идеологией: не более 30 процентов за КПРФ и ее союзников, не более 15 процентов за «Яблоко» и СПС вместе взятые. Остальное — это избиратели ЛДПР, маргинальной по определению, и так называемых партий власти, раздувающихся и лопающихся, как пузыри, от выборов к выборам и не имеющих никакой идеологии, кроме поддержки действующего президента. К тому же маргинальное сознание свойственно и многим избирателям идеологических партий. Сама идеология КПРФ, например, пронизана мифологией маргинального свойства.

Маргинальному политическому сознанию свойственно ориентироваться на личность лидера больше, чем на его программу, и на внешний облик, на имидж больше, чем на реальные действия. Характерен в этом смысле парадокс, навязший в зубах у социологов: сверхвысокий личный рейтинг президента при весьма низкой оценке его правительства, его экономической и социальной программы и политики. **Маргинальному сознанию свойственны легкое верие и повышенная эмоциональность, ориентация больше на предрассудки, чем на знание, больше на интуицию, чем на логику. Оно подвержено ксенофобии, охотно принимает теорию заговора как объяснение всего происходящего, склонно преувеличивать роль и возможности государства. Ему свойственны уравнилельские настроения и правовой нигилизм.** Элементы такого сознания встречаются всегда и во всех странах, но в современной России оно распространено больше, чем это должно быть в стране с таким уровнем индустриального развития и образования. Одна из причин этого заключена в особенностях цивилизационного развития России в XX веке.

При естественном неторопливом ходе урбанизации маргинальный человек всегда в меньшинстве. При советской ускоренной индустриализации он на целые десятилетия оказался в большинстве и сформировал собственную политическую традицию. Если в 1920 году всех промышленных рабочих в России было 1,7 миллиона, из них кадровых 700 тысяч, то всего лишь десяток лет спустя, в годы первой пятилетки, в город из деревни приходили от 6 до 10 миллионов человек в год.

Возможен вопрос: какое нам дело до того, что происходило 70 лет назад? Но все дело в том, что демографические процессы гораздо более инерционны, чем становление индустриальной материальной базы. Лишь с 1968 года родившиеся в городе составляют большинство родившихся в стране. Тем, кто родился в 68-м, ныне 35 лет. Это значит, что в активном населении страны (если считать политически активными лиц старше 18 лет) и по сей день большинство составляют родившиеся в деревне.

Хотелось бы отметить, что предложенный выше анализ демографических истоков некоторых политических явлений ведет не к пессимистическому, а к оптимистическому прогнозу на стратегическую перспективу. Никакой особый рок над Россией не тяготеет. Нет никакой предопределенности в той политической незрелости, которую часто проявляет российский избиратель, — есть лишь определенный переходящий этап цивилизационного развития.

Как миновать этот этап с наименьшими издержками?

Как разорвать порочный круг исторических ловушек? Разумеется, надо объективно исследовать и истолковывать реальные процессы, не ударяясь в мифологию вроде рассуждений о том, почему Россия не Америка или о том, что русский человек будто бы от века обречен пить горькую, воровать и отлынивать от работы.

Что еще? Если рассматривать исторический опыт от противного, то есть не повторять попыток, приводивших не раз в тупик, то нужно развивать не пресловутую вертикаль, а как раз горизонталь, горизонтальные общественные связи. Укреплять федерализм — реальный, а не подконтрольный семерке генерал-губернаторов. И самое главное — укреплять горизонтальные связи, присущие гражданскому обществу. Нужно излечиться от вечной веры в действенность простой власти, представляющей собой трубопровод для спуска директив. Если продолжать строить этот трубопровод, мы не только не научимся решать сложные задачи постиндустриального развития, но и вернемся в застой, который погубил Советскую власть вследствие полной профнепригодности правящей верхушки.

С этим связан и вопрос о маргинальном сознании. Следует ли пассивно ждать, когда все созреет до современных политических кондиций, или помогать политическому взрослению? Хотелось бы помогать, но есть опасность, что власть попытается выстроить новое идеологическое государство. Избежать этого можно, если власть не станет присваивать себе роль поводыря и наставника народа, а ограничится созданием условий для самоуправления. На муниципальном уровне избирателям легче всего учиться самоорганизации, занимаясь близкими и понятными им делами. Только у нас там пока не местная самоуправляющаяся община, а, говоря языком бюрократии, муниципальное образование — инстанция, где получают сверху деньги и делят их.

Удастся ли России наконец избрать не худший, а лучший из путей дальнейшего развития, в конечном счете будет зависеть не от государства, а от самого народа, прежде всего от его мыслящей части. Однако в ближайшей перспективе очень велика роль власти, то есть на сегодняшний день — реформаторской бюрократии, которой эта власть принадлежит. Не надо думать, что всякая бюрократия так же безнадежно тупа, как, скажем, наши гэкачеписты 1991 года. На протяжении XX века инстинкт самосохранения не раз диктовал в поворотные моменты вполне разумное поведение правящей верхушке США, Франции, Испании, Китая, других стран. Мы еще можем надеяться, что новая российская бюрократия способна правильно понять свой долгосрочный интерес, что она не забудет: монополия в политике столь же — если не более — опасна, как и в бизнесе. Во всяком случае долг людей науки — объяснять это людям власти.

«ПОСЛЕДНЯЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ЗАСЛУЖИЛА ЛИ ОНА БУРНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ?

(Некоторые комментарии к статье Леона Арона: «Последняя русская революция: взгляд через океан», опубликованной в журнале «Новый Век», № 1, 2003)

Бесславный конец коммунистического режима в СССР и ликвидация того, что называлось мировой социалистической системой, – безусловно, эпохальное событие конца прошлого века, которое еще долгие десятилетия будет привлекать к себе внимание все новых и новых исследователей. К уже написанным на эту тему десяткам книг и сотням статей будут прибавляться новые монографии и другие исследования. Большое видится на расстоянии, будут открываться все новые материалы и документы, которые позволят более детально и, главное, — более объективно, без неизбежных в таком деле эмоций и предпочтений, свойственных современникам этих исторических событий, оценить происшедшее. Двенадцать прошедших с тех пор лет – слишком короткий период, чтобы оценить столь масштабные события. И истории еще только предстоит дать этим событиям окончательную и, надо думать, объективную оценку.

Это не означает, однако, что уже опубликованные исследования не представляют никакого интереса или что современники не вправе выражать свое мнение по этому вопросу. Более того, некоторые просто обязаны этим заниматься, хотя бы в силу своих профессиональных обязанностей. Одна из таких статей, опубликованных в журнале «Новый век» и привлекла внимание автора. Статью написал господин Леон Арон, руководитель отдела изучения России в институте American Enterprise, который взял на себя нелегкий труд дать обобщенную оценку итогов событий начала 90-х годов прошлого века, названных автором «последней русской революцией».

Интересно, что уже в самом начале статьи ее автор практически авансом обрушивается на своих возможных оппонентов, которые осмелятся не согласиться с его восторженной оценкой итогов этой революции. Он сравнивает движение пост-коммунистической России в сферах демократии, гражданских и политических свобод и свободного рынка с движением плохо организованного каравана, идущего по «обширной болотистой равнине, который то и дело останавливаясь, увязая и чуть не утопая в засасывающей жиже, тем не менее, упрямо продвигается вперед. За караваном следует, безуспешно пытаясь догнать его, толпа журналистов и экспертов. Их головы опущены. Они не оглядываются назад, чтобы оценить уже пройденный путь, не смотрят по сторонам, чтобы сравнить продвижение каравана с прогрессом соседних кочевников, не заглядывают вперед, чтобы понять, куда ведет дорога. Вместо этого их взоры неизменно прикованы к грязи, налипшей на колеса, к рытвинам на дороге и к болотной живности, пирующей на кучах отбросов, оставленных позади телег».

Должен извиниться перед читателем за столь длинную цитату, но она действительно необходима, ибо я, подобно упомянутым г-ном Ароном журналистам и экспертам, тоже собираюсь остановить свой взор именно на том, что он, по-видимому, считает «грязью, налипшей на колесах», и «кучей отбросов, оставленных позади телег». Именно эти «грязь и отбросы» не позволяют мне разделить его восторг по поводу итогов происшедшей в России революции.

Хотел бы также заметить, что со многими оценками автора отдельных итогов этой революции я полностью согласен. Согласен, прежде всего, с тем, что в России действительно произошла революция, произошла смена форм собственности, и вместо единого хозяина всех

национальных богатств в стране – государства – появилось множество частных собственников, которые и определяют теперь российскую экономическую жизнь. Полностью согласен с тем, что автор говорит о демилитаризации страны, о резком падении роли армии в политической жизни России, о кардинальных изменениях во взаимоотношениях государства и еврейской общины.

Отнюдь не готов полностью согласиться с оценками автора, относящимися к так называемой дебольшевизации, а фактически к демократизации общественно-политической жизни в России. Да, большие позитивные сдвиги налицо. Но трудно согласиться с автором, который, например, всю вину за события осени 1993 года возлагает на взбунтовавшийся парламент, не согласившийся с решением президента о его досрочном роспуске. Позволительно спросить господина Арона, разве приказ Ельцина о расстреле парламента не есть чисто большевистский метод решения противоречий между парламентом и исполнительной властью? А ведь такие противоречия сплошь и рядом встречаются в самых разных странах, демократических и не очень. И позволительно спросить г-на Леона, может ли он привести хотя бы один пример столь «демократического» решения таких противоречий в других странах? Такое большевистское решение мог себе позволить только пришедший к власти в пост-большевистской России экс-большевик Ельцин.

«Невозможно отрицать то, — пишет Арон, — что несколько характерных для большевизма признаков были отброшены. Среди них можно назвать, прежде всего, безжалостность расправы с противником...». Категоричность такого утверждения вызывает некоторые сомнения. Загадочные и нераскрытые убийства критиков нового режима (Г. Старовойтовой, генерала Рохлина, С. Юшенкова и др.) – разве это не безжалостная расправа с противником. До тех пор, пока эти преступления не будут раскрыты, очень трудно разделить точку зрения господина Арона по этому вопросу.

Также трудно согласиться и с утверждением г-на Арона о том что премьер министр Евгений Примаков был уволен Ельциным за его антиамериканскую и про-югославскую позицию. Хочется напомнить, что г-н Примаков к моменту назначения его премьер-министром уже несколько лет проработал министром иностранных дел, и его внешнеполитические установки были хорошо известны Ельцину, и это, кстати, не помешало Ельцину назначить его премьер-министром. (Между прочим, как и большинство граждан Израиля, я по многим позициям не разделяю внешнеполитические установки господина Примакова, но объективности ради должен отметить, что он был отстранен от должности премьер-министра отнюдь не из-за своих внешнеполитических взглядов).

Примаков был назначен премьер-министром в тяжелую для режима Ельцина минуту, после финансового краха России в августе 1998 года, когда страна стояла у края пропасти. Господин Примаков, благодаря своему организаторскому таланту, многолетнему научному опыту, природной интуиции, сумел предотвратить, как тогда казалось, неминуемое сползание России в эту пропасть. Его популярность быстро выросла, его рейтинг во много раз превосходил рейтинг полностью потерявшего доверие народа Ельцина. Примаков стал наиболее вероятной кандидатурой на пост президента России. А это уже отнюдь не входило в планы Ельцина. И Ельцин поступил с Примаковым так же, как не раз поступал с теми, кто уже не был ему нужен. И Примаков был отстранен от должности премьера.

Однако все эти замечания носят частный характер, и для их высказывания едва ли стоило бы братья за перо (то бишь, садиться за компьютер). Главное, что заставило автора высказаться по поводу статьи г-на Арона — это ее третий раздел, в котором содержатся оценки, относящиеся к социально-экономическим последствиям последней русской революции. Эти оценки не основаны ни на официальной российской статистике, ни на исследованиях российских ученых. Они, скорее всего, могли быть навеяны впечатлениями от процветающей Москвы и блеска витрин ее магазинов. Однако то, что было бы

естественно для рядового зарубежного туриста, приятно удивленного не только красотой и чистотой московских улиц, но и, особенно, дешевизной московских цен в пересчете на доллары (которые у него есть, и которых нет у большинства россиян) не может быть простительным для профессионала. Ведь господин Арон – не рядовой турист, он – руководитель отдела изучения России в исследовательском учреждении. Блеск московских витрин не должен ослеплять ученого, не должен мешать ему видеть реальную российскую социально-экономическую действительность.

Для г-на Арона главной приметой «существенно повысившегося уровня жизни» является рост числа автомобилей, которых в 1990 году на 100 семей приходилось 18, а в 2001 — 42. Да, конечно, личный автомобиль — важная деталь жизни современного человека, и революция 90-х безусловно обеспечила возможность свободно его купить тем, у кого есть на это деньги. Но при этом нельзя забывать, что прежде, чем сесть в собственный автомобиль, надо обеспечить себя и свою семью полноценным питанием. И что же в этом плане дала последняя русская революция?

Итак, прежде всего о самом главном, о «хлебе насущном», который является основой жизни и во имя которого, как казалось бы, и должна была быть осуществлена эта революция. Давайте посмотрим, что пишет г-н Леон и что утверждает по этому поводу официальная российская статистика. «Для рядового русского человека одним из наиболее видимых положительных результатов приватизации оказалась простая и, в то же время, существенная для чувства нормального человеческого достоинства вещь – наличие и доступность повсюду свежей и вкусной пищи», — пишет г-н Арон.

Против этого трудно спорить. Разве что хотелось бы отметить одну очень важную, на наш взгляд, деталь. Г-н Леон смешивает два разных понятия, различия между которыми составляют сегодня драматическую суть социально-экономической ситуации в России. Речь идет о различных понятиях, а именно: наличие продовольствия и его доступность. Ведь это – далеко не одно и то же. Продовольствие действительно есть в розничной торговле (и не только в Москве), но весь трагизм ситуации состоит в том, что качественные продукты для значительной части населения недоступны.

Доступность — принципиально важная вещь. Ведь и в советское времена, во времена всеобщего дефицита и карточной системы, всегда можно было купить любые высококачественные продукты на рынках, но, отнюдь, не по государственным розничным ценам. Весь вопрос только в том, кому это было доступно. Тот же вопрос возникает и сегодня, с поправкой на то, что наличие продуктов обеспечивается уже не рынками, а прекрасными магазинами и супермаркетами с блестящими витринами. Согласно официальной российской статистике покупательная способность средней заработной платы в России в 90-х годах резко сократилась. Если условно оценить этот показатель в 1990 году цифрой 100, то к середине 90-х годов он упал до 35, то есть почти втрое. И только в последние годы (2000, 2001) реальная покупательная способность средней заработной платы поднялась до отметки 51. Но даже сегодня на свою среднюю зарплату россиянин может купить только половину того, что мог себе позволить в 1990 г. Это относится ко всем товарам, в том числе и к продовольствию.

Обратимся к официальной российской статистике (надеемся, что она не заинтересована очернять действительность). С 1989 по 1997 годы потребление продуктов питания на душу населения в России изменилось следующим образом: потребление мяса сократилось с 69 кг в год до 54 кг, яиц – с 309 штук в год до 191, молока и молочных изделий с 396 литров до 231 литра, рыбы с 21,3 кг до 9 кг, сахара с 45,2 кг до 27 кг. Сократилось даже потребление основы основ питания россиян — хлеба (со 112 кг до 99 кг) и картофеля (со 117 кг до 112). Естественно, что сократилась и калорийность питания — в среднем на 20 процентов.

Итак, есть стали меньше. Почему же? Отнюдь не потому, что все население решило разом сесть на диету. Главная причина — резкое обнищание значительной части российского

населения. Не только пенсионеры и безработные, но и многие работающие, особенно государственные служащие, учителя, медицинские и социальные работники, не могут себе позволить полноценное питание. И как следствие этого – значительное ухудшения состояния здоровья населения и катастрофический рост смертности в стране.

Приношу свои извинения читателю, потому что вновь должен обратиться к статистике, без которой любые утверждения носят характер случайных впечатлений, вроде тех, которые содержатся во многих утверждении Арона. «Жизнь русских женщин, и особенно молодых и хорошо образованных, например, — пишет он, — изменилась до неузнаваемости. Женщины владеют 40 процентами зарегистрированных частных предприятий и ворвались в сферы деятельности, которых ранее не существовало или которые были им недоступны: ведущие газетных рубрик, лидеры партий, банкиры, политические обозреватели». (Автор только забыл уточнить, какую часть женского населения страны составляют лидеры партий, банкиры, политические обозреватели. Думаю, что не наберется и одного процента. Судьба остальных женщин почему-то мало его интересует. А для кого же тогда делалась революция?).

Самое печальное следствие последней русской революции, перечеркивающее, с нашей точки зрения, все ее определенные достижения, — это резкое ухудшение качества жизни в стране и чудовищные по своим масштабам показатели смертности. В 1988 и 1989 годах смертность в Российской Федерации составляла 10,7 на 1000 жителей. В первые же «послереволюционные» годы этот скорбный показатель начал быстро расти, и в 1994 году он составлял уже 15,7 на 1000, в 2000 году — 15,3. Иными словами умирать, стали почти в полтора раза больше. В 1985 году в России умерло 1625,3 тыс. человек, почти столько же и в последнем «предреволюционном» 1990-м году — 1690,7 тыс., а после революции, в 1994 году — уже 2301,4 тыс., то есть почти в полтора раза больше. В 2000-м году, когда население России уже уменьшилось на несколько миллионов человек, в стране все равно умерло людей в полтора раза больше, чем умирало ежегодно до последней русской революции — 2230,0 тыс. человек.

Возникает естественный вопрос, отчего же так резко возросла общая смертность населения. Ведь, слава богу, никаких особых природных катаклизмов, эпидемий с большим числом жертв в стране за десять послереволюционных лет не было. Не было и кровопролитных разрушительных войн с многомиллионными жертвами. Две чеченские войны, хотя и унесли вместе около 150 тысяч человеческих жизней, не могли серьезно повлиять на печальную статистику смертности, ибо в последнее время в России ежегодно умирает более двух миллионов человек.

Так почему же все-таки стали больше умирать, ведь от хорошей (по мнению г-на Арона) «послереволюционной» жизни, казалось бы, смертность должна была бы резко сократиться?.. А в действительности, все наоборот: умирают, причем гораздо чаще, чем раньше. Значит, наверное, жизнь в сегодняшней России не так уж и хороша.

Некоторые утверждают, что высокая смертность связана с процессом старения населения в России. Однако с этим трудно согласиться, во-первых, потому, что полуторакратный рост смертности в естественных условиях потребовал бы долгих десятилетий, а не двух-трех лет, как это имело место в России. И во-вторых, и это главное, — умирают отнюдь не старики. В непропорционально большом количестве умирают люди в трудоспособном возрасте. И опять официальная статистика. В 1994 году из 2301,4 тыс. умерших почти каждый третий (!) — 705,5 тыс. человек (из них 580 тысяч мужчин) скончались в трудоспособном возрасте (мужчины — до 60 лет, женщины — до 55). Если в целом смертность в России за последние годы выросла более чем на 40 %, то смертность в трудоспособном возрасте — на 59%!

Особенно плохи перспективы у российских юношей. При нынешних показателях мужской смертности 40 процентов юношей, достигших 16 лет, не доживут даже до низкого по стандартам развитых стран возрастного пенсионного ценза — до 60 лет. Кстати, по итогам расчетов,

сделанных на основе переписи населения Российской империи в 1897 году, этот показатель был примерно таким же (43%). Иными словами, последняя русская революция отбросила Россию по этим показателям на целых 100 лет назад!

Реальная статистика опровергает еще одно интересное утверждение г-на Арона. Он пишет: «Если говорить о моде, диете, физическом состоянии, отдыхе, доступности противозачаточных средств, среднем возрасте, в котором выходят замуж и заводят детей, возможности сделать карьеру, изменения, которые произошли за десять лет, просто поражают». О диете большинства населения, в том числе и женщин уже было сказано, и восторги по этому поводу просто противоречат статистике потребления продуктов питания в России. О физическом состоянии, лучше всего говорят существенно уменьшившиеся показатели средней продолжительности жизни и высокая смертность. Продолжительность жизни в России сократилась не только у мужчин, но, хотя и в меньшей степени, и у женщин. Точно также выросла и смертность среди женской части населения страны, что гораздо правдоподобнее говорит о его физическом состоянии, чем утверждения г-на Арона.

Резкое сокращение продолжительности жизни в России самое лучшее свидетельство значительного ухудшения качества этой самой жизни. Ведь, в определенном смысле, конечно, продолжительность жизни может рассматриваться как своего рода интегральный показатель качества жизни. Она зависит и от качества питания, и от медицинского обслуживания, и от условий труда, и от условий быта, и от психологических нагрузок, и от экологических условий и других составляющих современной жизни. Поэтому катастрофическое падение показателей средней продолжительности жизни полностью перечеркивает пафос статьи господина Арона.

И еще одна существенная деталь — вопреки тому, что пишет г-н Арон, российские женщины не торопятся обзаводиться детьми. И, наверное, не только потому, что не читали его статью, а скорее потому, что не вдохновляют их на это экономические итоги последней русской революции.

Рождаемость в России резко сократилась, и сейчас она едва покрывает лишь половину смертности. В 1999 году количество умерших в стране в 1,8 раза превысило количество родившихся. Поэтому из года в год население России сокращается. В 2000 году так называемая естественная убыль, то есть превышение смертности над рождаемостью, составило уже почти 1 млн. человек (точнее, 990 тысяч). За первые девять «послереволюционных» лет (1992-2000) население России за счет противоестественной, вызванной реформаторскими катаклизмами, «естественной» убыли сократилось на 6,8 млн. человек (а это примерно население трех прибалтийских государств, Литвы, Латвии и Эстонии, вместе взятых). И если не будут предприняты кардинальные меры, Россия может превратиться в вымирающую страну.

И это, на мой взгляд, самый страшный итог революции. Да, в отличие от двух революций 1917 года и последовавшей за ними гражданской войны, революция 90-х годов не отличалась жестокими репрессиями и массовыми убийствами. Но она тоже собрала свой многомиллионный урожай жертв, в виде тихо и преждевременно скончавшихся от недоедания, болезней, холода, безработицы, многомесячных задержек с выплатой заработной платы и пенсий, стрессовых ситуаций, ухудшения медицинского обслуживания, убийств и самоубийств и многих других негативных последствий последней русской революции.

Последние два показателя также достаточно ярко характеризуют качество жизни. В 1995 году количество убийств в России составило 45,3 тыс., что в два с лишним раза больше, чем в дореволюционном 1990 году (21,1 тыс.). При этом надо отметить, что 1995 год не является каким-то исключением. И в самые последние годы количество убийств в России находится на уровне, вдвое превышающем показатели последних лет советского времени (41,1 тыс. — в 2000 году и 42,9 тыс. — в 2001 г.). Почти столь же стремительно выросло и число самоубийств. В 1990 г. их было 39,2 тыс., а в 1995 г. — уже 61,0 тыс. (в 2000 г. — 56,9 тыс., в 2001 — 57,3 тыс.).

Означает ли все сказанное, что г-н Арон абсолютно не прав, когда он пишет об улучшении жизни в России в постсоветское время? Да, для определенной части населения жизнь заметно улучшилась. Она, разумеется, улучшилась для тех, кто сумел за первые постсоветские годы сколотить гигантские состояния. Мы совершенно намеренно употребляем термин «сколотить», а не «заработать» ибо заработать за столь короткое время многомиллионные состояния невозможно. Это очевидный факт. Мы не ставим перед собой цель исследовать источники этих состояний. Это совершенно особая тема. Ясно, что хозяева этих состояний, так называемые «новые русские», конечно же, вправе петь гимны последней русской революции. Но сколько их, этих нуворишей? — Наверное, не больше 5 — 7 процентов.

Гораздо лучше, по-видимому, стали жить и те, кого г-н Арон причисляет к среднему классу и численность которых он определяет от одной третьей до одной четверти всего населения. Думается, что это явно завышенная оценка, если верить авторам множества других исследований. Но согласимся с г-ном Ароном и даже возьмем за основу его более оптимистичную оценку, а именно, что средний класс составляет одну треть всех россиян. Но даже в таком случае, количество тех, чья жизнь улучшилась после последней русской революции (нувориши плюс средний класс), составляет в сумме никак не более 40 процентов населения.

А как же изменилась жизнь тех, кто не попал в число 40 процентов россиян, осчастливленных революцией 90-х годов? А их ведь большинство, никак не меньше 60 процентов населения. И можно ли их игнорировать? Ведь они тоже имеют право на достойную жизнь! Господин Арон оставляет это гигантскую массу российского населения без внимания. Возможно потому, что это плохо сочетается с его концепцией новой России, осчастливленной последней русской революцией.

Можно, конечно, попытаться отмахнуться от этого большинства, просто не замечая его, или, что еще ужаснее, считая его «грязью, налипшей на колеса революции» или «кучей отбросов» (см. начало этой статьи). Да и как отмахнуться, если это тоже сегодняшние россияне, причем, численно превосходящие баловней революции. Это они стали жертвами этой необычной революции, это по их спинам она прошла своим тяжелым безжалостным катком, грубо изменив, сломав, а то и просто погубив многие человеческие судьбы.

Это из их среды преждевременно ушли в иной мир миллионы безвинных людей, так и не сумевших ни понять, ни принять эту революцию, ни приспособиться к ее суровым, скорее волчьим, чем человеческим законам. Это они в традиционные советские праздники все еще пока выходят, хотя все меньше и меньше, на демонстрации под красными знаменами. И делают они это не из любви к коммунистам, многие из них вообще никогда и не состояли в этой партии. Они просто выражают, таким образом, свой протест против беспощадной революции в доступной для них форме. Это их высмеивают новоявленные нувориши и другие баловни революции. И, конечно же, особенно стараются прислуживающие новым хозяевам России средства массовой информации, даже не пытаясь понять этих людей и стремясь непременно выставить их на посмешище, найти что-нибудь смешное в том, что заслуживает скорее слез, а не смеха.

Это — большая по своей численности часть россиян, которая стала жертвой революции, и игнорировать которую никак нельзя, если мы хотим понять подлинную роль последней русской революции в современной истории России.

И в заключение несколько мыслей, от которых трудно отделаться. Сравнивая Октябрьскую революцию 1917 года и последнюю русскую революцию 1990-х годов, при всем их огромном различии, обнаруживаешь одно очень важное сходство. Обе революции были осуществлены... большевиками, использовавшими традиционные большевистские методы, но, разумеется, с поправкой на разные эпохи. Октябрьскую революцию осуществили подлинные большевики, патологически жаждавшие власти, и готовые во имя этой своей цели принести в жертву не только судьбы, но и жизнь миллионов людей, всего своего народа, во имя

которого, якобы, они и делали эту революцию. Они, как правило, отнимали имущество у богатых, нередко лишая их при этом жизни. Они готовы были лишиться и легко лишали жизни и многих бедных, которые не разделяли идеологию своих непрошенных благодетелей. Главной отличительной чертой революционеров было их полное пренебрежение не только к правам человека, но и к самой человеческой жизни, ценность которой была ими низведена до ничтожно малой величины.

Семь десятилетий Россией правили большевики, и все эти долгие годы главной чертой установленного ими режима было отрицание особой важности человеческой жизни как высшей ценности бытия. Возможно, это и стало главной причиной гибели этого режима, проигравшего своим западным соперникам, которые не только законодательно закрепили за человеческой жизнью статус всеобщей высшей и непреходящей ценности, но и закрепили особый статус за правами человека вообще.

Последняя русская революция была осуществлена семь десятилетий спустя людьми, которые хотя и не называли себя уже большевиками, но фактически оставались и остаются таковыми по сей день. Большинство из них в недавнем прошлом были членами правящей коммунистической партии и вместе с кратким курсом ВКП (б) впитали полное пренебрежение к ценности человеческой жизни (не своей, конечно). Некоторые из новоявленных реформаторов – революционеров 90-х, хотя и не состояли в КПСС, но, тем не менее, оказались хорошими ее учениками, усвоили и приняли на вооружение ту же человеконенавистническую идеологию.

Реформаторы-большевики (именующие себя либералами!) никого не убивали. Они действовали иначе. Они, например, просто «отпустили» в 1992 году в свободный полет цены (еще до приватизации), и те, в условиях практически полной монополии на все и отсутствия какой бы то ни было конкуренции, взлетели в 1993 году на 2268 процентов (в 23 раза!). Никто из реформаторов и не помышлял о том, чтобы обеспечить подобный же рост заработной платы.

Позднее они осуществили приватизацию, купив за бесценок государственную собственность (в 90-х годах по ценам конца 80-х, то есть в десятки и даже сотни раз дешевле ее фактической стоимости). В итоге вытесненное реформаторами из экономики и ограбленное государство оказалось уже не в состоянии осуществлять свою важнейшую социальную функцию: содержать тех, кто сам себя содержать не может. И это было тяжелейшим ударом по малообеспеченным слоям населения, унесшим множество человеческих жизней.

На протяжении длительного времени они в плановом порядке осуществляли многомесячную задержку выплаты даже сильно обесцененных заработной платы и пенсий. Никакая статистика никогда не подсчитает, сколько тысяч обездоленных, особенно одиноких стариков, так и не дождалось очередной выплаты.

Действуя в соответствии с правилами новой эпохи, одним из главных принципов которой является постулат «деньги рождают власть», они ринулись в поход за деньгами. Они не прикрывались никакой идеологией, ее у них попросту нет. Они выдвинули лозунг «Обогащайтесь!», даже не осознавая все его убожество и ущербность. Они были готовы делать деньги и делали их, не считаясь ни с юридическими нормами, ни с нормами морали. Они упорно шли к своей цели, не оглядываясь на тех, кто отстал или упал. Они легко переступали через трупы павших и шли дальше.

Революция 90-х, так же, как и Октябрьская революция 1917 года, осуществлялась людьми, далекими от народа, преследовавшими свои корыстные интересы и готовыми положить на алтарь этих интересов судьбу своей страны. Обе они войдут в историю современной России как крупнейшие бедствия общенационального масштаба.

Михаил СИДОРОВ

“ОСТРЫЕ УГЛЫ КРУГЛОЙ ДАТЫ”

Размышления о книге А. Солженицына “200 лет вместе”

Достигнув определенного возраста, многие люди начинают размышлять о том, что жизнь их могла бы сложиться лучше, если бы в свое время сделал бы то-то, а от чего-то воздержался. Не исключено при этом, что и глупость, которую когда-то не успел совершить, может показаться золотым ключиком от двери, за которой была лестница к вершинам успеха, славы, богатства, власти.

Переноса такой подход на историю народа или всего человечества, начинают гадать: что было бы, если бы...? И почти единодушно приходят к мнению, что если бы когда-то, во время оно, кто-то великий сделал бы что-нибудь не так, а эдак, или это сделали бы вместо него другие, было бы гораздо лучше, и мы теперь стояли бы уже на пороге золотого века, а не ловили террористов, разбирались с Саддамом Хусейном или решали, что завтра будем есть.

При сем упускается из виду простой экзистенциальный парадокс: встретился бы ваш отец не с вашей матерью, а с другой женщиной (причин – уйма), и на свет появились бы не вы, а какой-то другой человек. Что же говорить о таких грандиозных событиях, как войны и революции, перемешивающих огромные массы людей, ломающих и создающих их судьбы, уносящих миллионы жизней, и – формирующих картину мира! Если бы не они, мир, разумеется, стал бы другим. Был бы он лучше? Неизвестно, да и вопрос этот задавали бы не мы с вами, а совсем другие современники. Кто скажет с уверенностью, что не могло стать еще хуже?

Не потому ли человечество столь легкомысленно относится к «урокам истории» и идет своей дорогой, нечасто оглядываясь назад? Новые поколения не очень-то прислушиваются к поучениям стариков, интуитивно понимая: эти мудрецы могут научить лишь тому, чего сами не делали. На жизненном пути нам помогают только собственный разум, да нравственный компас, стрелка которого вот уже несколько десятков веков указывает на гору, где Моисей получил скрижали Завета. И мстит история не тому, кто не учится на ее «уроках», а тому, кто, одержимый гордыней, мнит себя «умнее» самой Истории и пытается представить ее сплошной цепью просчетов, ошибок, глупостей, преступлений, действий организованных злокозненных сил, а общество делит либо на стадо угнетенных и кучку мироедов, либо на толпу дураков и кодро негодяев.

Почти каждый, кто начинает писать исследование по еврейскому вопросу, зарекается, клянется и божится, что подойдет к этой непростой и деликатной теме объективно, непредвзято. И можно не сомневаться в том, что почти каждый из тех, кто зарекался, клялся и божился, неудержимо съедет на столбовую дорогу антисемитизма.

Среди русских авторов, бравшихся за еврейскую тему в XX веке, кажется, один В.В.Шульгин был честен: «... я – антисемит. «Имею мужество» об этом объявить всенародно», — написал он в своей книге «Что нам в них не нравится...» (1929 г.). Шульгин предложил и опыт классификации антисемитизма: 1) расовый; 2) рассудочный (политический); 3) иррациональный (трансцендентальный).

Дать типологию антисемитизма, конечно, можно, а вот все попытки рациональной интерпретации юдофобии следует признать неудовлетворительными. Как заметил один остроумный человек, любят ни за что, не любят – за все. Сам антисемитизм «объясняет» все что угодно. Видимо, поэтому он не в силах ничего понять – иначе не было бы ни процентной нормы, ни погромов, ни «окончательного решения»: ведь все это показатели бессилия человеческого разума.

Еврейский вопрос усложняется, или усугубляется своей «антиномичностью». С одной стороны, евреи – как все люди, с их достоинствами и недостатками, добродетелями и пороками; никакого иного отношения к себе, кроме полного равноправия, то есть отсутствия дискриминации, они не требуют. С другой стороны, совершенно очевидно также и особое место еврейского народа в истории человеческой цивилизации (главным образом, «западной» и исламской) – утверждать, что евреи вовсе не отличаются от других народов какими-то особыми признаками, значит кривить душой. Есть и еще один фактор, прямо вытекающий из тезиса, — вполне очевидный, но зачастую вольно или невольно не принимаемый во внимание: евреи непохожи и друг на друга, они разные между собой (здесь даже не имеется в виду различие между ашкеназами и сефардами). Такую «триаду» не может, да и не хочет принять простой ум рядовых антисемитов.

В отличие от них, А.И.Солженицын в своей книге с юбилейным названием «Двести лет вместе» (мы будем ссылаться преимущественно на вторую ее часть) признает и «загадку религиозной избранности» евреев (с.18), и историческую и человеческую уникальность этого народа (см. с.19), и неравноправное подданство «еврейского народа» в России (считая от Указа Екатерины 1791 г.)» (с.27), и даже то, что «перестали бы быть евреи евреями, если бы в чем-то стали все на одно лицо» (с.468). И о послереволюционных, 20-х годах прошлого века, он пишет, что «власть тогда была не еврейская, нет. Власть была интернациональная. По составу изрядно и русская» (с.211).

Прочитав эти выдержки, какой-нибудь живущий в России еврей, любовно называемый «патриотами» сионистом или хриstopродавцем, растрогается до слез. Но я принадлежу к тому неукладному народу, за который г-н Солженицын, по его словам, «каждый день» пылает стыдом (с.474); я – русский, и из-за своего русского неразумия (см. с.42) усомнился: а выдают ли такие авансы за здорово живешь?

Вспомнилось, как в конце советской эпохи, когда коммунистический антисемитизм стал совершенно легальным, писатель Э.Скобелев в одном из минских журналов заявил: «Будучи коренным белоруссом, я в какой-то мере выполняю миссию израильских пророков, обличавших заблуждения ради пользы народа». Имелись в виду, разумеется, заблуждения евреев. «Но странное дело, — продолжал Скобелев с искренним недоумением, — до сих пор я не получил ни от одного еврея моральной поддержки и одобрения. Неужели так испорчены нравы?» (Политический собеседник. 1990. No.4. – С.8). Это писал политический противник А.Солженицына, но и у последнего, в его фундаментальном опусе, слышатся похожие нотки.

Какая красивая и многообещающая фраза адресована евреям: «Этой книгой я хочу протянуть рукопожатие взаимопонимания – на все наше будущее». И на следующей строчке: «Но надо же – взаимно!» (с.475). Неужто мастер слова не замечает, как вторая фраза дезавуирует первую? Складывается напряженная ситуация, как при бартере, на пустыре и без свидетелей: а вдруг контрагент обманет? И постоянная боязнь продешевить.

А ведь если не демонизировать один народ, отпадет и надобность представлять другой бестолковым сбродом. Не будь этой «принципиальности» — и не стоило бы для «баланса» писать о каком-то русском неразумии, о русской дурной голове (см. с.41, 73); не нужно было бы юродствовать: «Да, высмеивайте нас, насмехайтесь, это нам на пользу», чтобы потом, замыкая порочный круг, объяснить все тем, что «русских-то подлинных – выбили, вырезали и угнали, а остальных оморочили, озлобили и довели – большевицкие головорезы, и не без ретивого участия...» евреев, конечно (с.464).

Понятно, что при столь «взвешенном» подходе игра идет в одни ворота, и следующая сентенция — тому подтверждение: «... приходится каждому народу морально отвечать за все свое прошлое – и за то, которое позорно. И как отвечать? Попыткой осмыслить – почему такое было допущено? В чем здесь наша ошибка? и возможно ли это опять?

В этом-то духе еврейскому народу и следует отвечать и за своих революционных головорезов, и за готовые шеренги, пошедшие к ним на службу. Не перед другими народами отвечать, а перед собой и своим сознанием, перед Богом. – Как и мы, русские, должны отвечать...

А если снять ответственность за действия своих одноплеменников, то и понятие нации вообще теряет всякий живой смысл» (с.120).

Ну, а если начать анализ этого отрывка с последней фразы, то надо заметить, что теория и практика коллективной вины еврейскому народу хорошо знакома. Уже почти две тысячи лет он отвечает за все и чуть ли не перед всеми. По мне, так уж пусть лучше понятие нации потеряет «живой смысл», как он представляется Солженицыну, чем прекратится жизнь самой нации, превратившись в какой-то массовый спиритический сеанс. Легко понять, что призыв «отвечать и за своих революционных головорезов» — перед собой и перед Богом – обращен в пустоту. Это уловка, или приглашение как раз «другим народам» — спросить по всей строгости с потомков своих «мучителей». Перед Богом революционные головорезы ответят (или уже ответили) и без чьих-либо подсказок. А мы, пока живем, должны отвечать за то, что творим сегодня сами – русские, евреи, или кто-то еще – каждый индивид в отдельности, не озираясь по сторонам, на кого бы свалить вину, и не оглядываясь назад в поисках тех, с кого уже не спросишь, но за чьи грехи мы могли бы покаяться и тем снять ответственность с себя.

Солженицыну «кажется очевидным, что правда о нашем общем прошлом – и евреям, как и русским, нравственно нужна» (с.475). Есть русская пословица: правда – хорошо, а счастье – лучше. В ней глубокий смысл. Правда – в явлениях, фактах, поступках людей; истина – в глубине, в сущности, которая не всегда бывает доступна человеку. Потому и говорят: счастье – это когда тебя понимают. Кроме того, есть опасность принять за правду – полу правду, которая, как известно, хуже лжи.

Иногда в споре со взаимными упреками и обвинениями более мудро – промолчать, а не пытаться любой ценой, ради правды, без которой — как без рук, разворошить от самого дна всю накопившуюся за столетия кучу фактов и фактиков, темных историй, запутанных и грязных дел, сомнительных свидетельств, — подняв пыль до потолка. Думается, А.Солженицын, пусть даже и из благих побуждений, проделал именно такую работу, и результат ее удручает.

Читая «Двести лет вместе», нельзя не вспомнить еще об одном интересном произведении на ту же тему другого известного автора – «Русофобии» Игоря Шафаревича, появившейся в 1980 году (см. в кн.: Шафаревич И.Р. Есть ли у России будущее?: Публицистика. – М.: Советский писатель, 1991. – С.390-486). Сравнить их трудно: затейливый язык нобелевского лауреата неподражаем, и труд его раз в десять массивнее, чем работа лауреата Ленинской премии; привлечение же Солженицыным большого числа свидетелей как с «той», так и с «другой» стороны, создает впечатление открытого, состязательного суда. (Вопрос о том, кто из двух авторов кого вдохновлял, кто был чьим предтечей, — немного отложим). Несмотря на все это, дело – одно, истец и ответчик известны. Судьи разные, но есть между ними и кое-что общее.

Первое: стимул, побудивший высказаться публично по данной проблеме.

Шафаревич: «... СКАЗАТЬ ПРАВДУ, произнести наконец боязливо умалчиваемые слова. Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать» (указ. изд., с.478).

Солженицын: «... Эта история ... не должна оставаться запрещенной... Я долго откладывал эту книгу и рад бы не брать на себя тяжесть ее писать, но сроки моей жизни на исчерпе, и приходится взяться» (ч.1, с.5,6).

Второе: круг оппонентов, с которыми полемизируют оба автора. «Русофобия» более публицистична, так как писалась она, в основном, по горячим следам – по выступлениям

либеральных диссидентов в 70-е годы. Но и у Солженицына этот период представлен, главой 25 – «Оборот обвинений на Россию», замечательной во многих отношениях. Так вот, в те времена, согласно Шафаревичу, «образовалась одна четкая концепция, которую естественно счесть выражением взглядов сложившегося, сплоченного течения» (с.390). Это течение, против которого выступили и автор «Русофобии», и А.Солженицын, представляли Г.Померанц, Б.Шрагин, М.Меерсон-Аксенов и другие.

Полемической критике в обоих произведениях подвергнут и №97 «Вестника русского студенческого христианского движения», вышедший в 1970 году (Париж – Нью-Йорк). У Шафаревича он поминается неоднократно (с.391,406-407,419,437 и др.), а у Солженицына – всего один раз (с.477). Но не потому, что автору «Двухсот лет» нечего больше сказать по этому поводу; просто он уже давно все сказал – в легендарной «Образованщине», а также в статье «Раскаяние и самоограничение» (1973 г.). Тогда, ровно тридцать лет назад, Солженицын писал: «Группа в №97 – не случайность. Это, может быть, замысел: нашей беспомощностью воспользоваться и выворотить новейшую русскую историю – нас же, русских, одних обвинить и в собственных бедах, и в бедах тех, кто поначалу нас мучил, и в бедах едва ли не всей планеты сегодня. Эти обвинения – характерны, проворно вытаснены, беззастенчиво подкинута, и уже предвидится, как нам будут их прижигать и прижигать». В этих строках уже предвосхищены и идея «Русофобии», и замысел «Двухсот лет». Таким образом, приоритет в «постановке проблемы» — за Солженицыным.

Третье: ввиду того, что на самом деле проблема участия евреев в событиях российской, в том числе и советской, истории была обозначена гораздо раньше – сразу после Октябрьского переворота – стереотипы ее «решения» уже многие десятилетия кочуют из одного «объективного исследования» в другое.

«Русофобия»: «После переворота несколько дней главой государства был Каменев, потом до своей смерти – Свердлов. Во главе армии стоял Троцкий, во главе Петрограда – Зиновьев, Москвы – Каменев, Коминтерн возглавлял Зиновьев, Профинтерн – А.Лозовский (Соломон Дризо), во главе комсомола стоял Оскар Рывкин ...» (с.456).

«Двести лет вместе»: «... еврейские отщепенцы несколько лет прямо вождествовали в большевизме, возглавили воюющую Красную Армию (Троцкий), ВЦИК (Свердлов), обе столицы (Зиновьев и Каменев), Коминтерн (Зиновьев), Профинтерн (Дризо-Лозовский) и Комсомол (Оскар Рывкин...)» (с.82).

«Непропорциональность»! Вот ключевое слово всех упреков и обвинений в адрес евреев, независимо от того, где, когда и в чем они участвовали или участвуют. И в феврале нынешнего года в одном из своих выступлений Г.Зюганов заговорил о том, что сегодня в органах власти России имеет место «вопиющий национальный перекося». Непропорциональность, как и восемьдесят пять лет тому назад ...

Мартин Бубер в своем «Диалоге» (1930 г.) рассказал о том, как он подружился с одним христианским священником. Дело было весной 1914 года, когда «несколько человек, принадлежащих к различным народам Европы, собрались в неопределенном предчувствии катастрофы, чтобы попытаться создать наднациональную авторитетную инстанцию». Когда речь зашла о персональном составе группы, которой предстояло выступить с общественной инициативой с целью предотвращения войны, один из присутствовавших на встрече «высказал сомнение в целесообразности того, что названо слишком много евреев, вследствие чего ряд стран будет непропорционально своему населению представлен живущими в них евреями». Буберу, по его словам, также не были чужды такого рода соображения, однако высказанное в такой форме мнение показалось ему несостоятельным, и он опротестовал его.

«Не помню уже, — писал Бубер, — почему я заговорил об Иисусе и о том, что мы, евреи, понимаем его внутренне во всех побуждениях и движениях его еврейской сущности,

остающихся недоступными всем исповедующим христианство народам. «Понимаем так, как это недоступно Вам», — обратился я непосредственно к выступавшему ранее священнику. Он встал, я тоже стоял, мы посмотрели в глаза друг другу. «Забыто», — сказал он, и мы братски обнялись в присутствии всех.

Выяснение отношений между евреями и христианами превратилось в союз между христианином и евреем, и в этом превращении совершился диалог».

Жаль, что в России накануне грозных событий не сложилось такого вот союза между христианами и евреями. Зато безбожные «головорезы» обоих, точнее – многих народов быстро нашли общий язык. Да ведь и во всей Европе перед мировой бойней союз, описанный Бубером, был явлением исключительным. Ну а теперь – получится ли плодотворным диалог между евреями и русскими, если главным условием выяснения отношений будет выдвинута конторская работа по подсчету пропорционального представительства «тогда» или «сейчас»?

В России – революция. «Пропорциональное участие» или «чувство меры» — в стихийном движении масс, подогреваемом политическими экстремистами? Кто будет ожидать и требовать «меры» от наводнения, землетрясения или других природных катаклизмов? Видный меньшевик М.И.Либер в декабре 1917 года говорил: «Ложь, что массы идут за большевиками. Наоборот, большевики идут за массами. У них нет никакой программы. Они принимают все, что массы выдвигают». Разумеется, такое положение сохранялось до поры до времени, рубежом стал разгон Учредительного собрания, после чего большевики – теперь уже от имени масс – стали прибирать всю власть к рукам. Но в революционной орде и русские, и евреи сплотились и, наверное, впервые за 120 лет действовали «вместе».

«Нет, не евреи были главной движущей силой Октябрьского переворота, — признает Солженицын. – Более того, он вовсе не был нужен российскому еврейству, получившему свободу в полноте – в период именно Февраля. Но, когда переворот уже совершился, активное молодое секуляризованное еврейство легко и быстро совершило перепрыг с коня на коня – и с не меньшей уверенностью погнало теперь и в большевицкой скачке» (с.100; о том же – ранее, на с.41). Писатель укоряет за это благоразумную часть еврейского народа, которая «упустила головорезов».

Никто не позавидовал бы благоразумным евреям, если бы те попытались хватать за копыта скакунов, на которых понеслось в революционном раже «молодое секуляризованное еврейство!» Куда же и под чьим флагом поскакали упомянутые головорезы (придется и еще раз прибегнуть к кавалерийской терминологии)?

Солженицын категорически не согласен с высказыванием двадцатилетней давности одного израильского автора о том, что «партийная идеология уже к середине 20-х годов пересаживается с одной лошади на другую» (речь идет о проникновении «традиционных, коренных идей русского национального самосознания в практику и идеологию правящей партии»). – «Уже к середине 20-х годов?! – да как же мы этого тогда не заметили? – иронизирует Солженицын. – Да ведь само слово «русский», «я – русский» — вымолвить было нельзя, контрреволюция! хорошо помню» (с.466). Об «опасности» признания в том, что ты русский, автор говорил и в главе 18 (см. с.274). Насчет последнего – не могу судить, но от своей бабушки, в 20-е годы жившей на Ставрополье, слышал, что за насмешку над «кавказским человеком» тогда грозили «пришить шовинизм».

Но вот интересное свидетельство «Правды» от 10 ноября 1920 года. В первые месяцы после Октябрьской революции, сообщала газета, «еврейские рабочие были еще далеки от коммунистического движения, а их руководящие партии еще погрязали в соглашательском болоте и находились в стане контрреволюции». В том же месяце ЦК РКП(б) и ЦБ евсекций публикуют циркуляр «По всем евсекциям РКП и еводделам КПУ», в котором предлагается развернуть агитацию и организационную работу по привлечению еврей-

ских рабочих и ремесленников (включая беженцев, спасавшихся от польских и украинских погромов) к «ударному труду».

Разъясняя этот документ, Сибирский отдел по делам национальностей в специальной инструкции информировал, что беженцы «духовно отравляются»: «Среди них культивируют сионизм, клерикализм, отчужденность к русскому и к России». Налицо, таким образом, увязывание русского с советским, большевистским, и это – не в середине 20-х, а в конце 1920 года!.. А сталинский «план автономизации», то есть включения всех национальных советских республик в состав РСФСР (1922 г.)? Его поддержало большинство в руководстве РКП(б), но Ленин, пользуясь своим авторитетом, навязал другой (худший) вариант объединения. А выволочка, устроенная вождем Дзержинскому и Орджоникидзе? Ведь Ленин, обвиняя большевистских руководителей-«нацменов» в «великорусском шовинизме», имел в виду не только этих двоих. Очевидно, в ЦК РКП(б) имелись различные идейные тенденции в отношении «пролетарского интернационализма», не исключая и сохранение «традиционных, коренных идей русского национального самосознания».

Для иллюстрации сугубо антирусского характера новой власти (революция проявила свой «антиславянский» характер, подчеркивает автор «Двухсот лет» на с.93) и у Солженицына, и у Шафаревича помещен стишок (действительно, гадкий) некоего В.Александровского, опубликованный в 1925 году:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?

Что же! Вечная память тебе.

(«Двести лет вместе» — с.275; «Русофобия» — с.459).

И все! Словно и не было потом ни Джекa (Якова) Алтаузена («Родина смотрела на меня»), ни Павла Когана («Я патриот, я воздух русский, я землю русскую люблю...»). Оба по-эта погибли в 1942 году, в бою.

Кажется странным, почему, собственно, главные события истории России показываются Солженицыным исключительно сквозь призму «русско-еврейского взаимодействия»! Тем более, что автор сам доказал: долгое время такого взаимодействия фактически и не было. А разве не существовало другого народа, с которым русские жили «вместе» не меньше, чем с евреями, и который в истории империи играл весьма заметную, а иногда, ввиду положения его представителей в социальной иерархии, — решающую роль?

Один лишь раз вспоминает автор «Двухсот лет»: «... а сколько германских и остзейских имен полтора-два века состояли в управлении Россией царской? Вопрос: в каком направлении для страны и народа эта власть действовала?» (с.117-118). Но поскольку вопрос повисает риторически – выходит, что здесь был полный порядок!

Ссылаясь на незаменимую «Еврейскую энциклопедию», Солженицын считает необходимым на половине страницы своей книги «упомануть... фигуру финансиста Леви Липмана из Прибалтики» (ч .I, с.27). И здесь же — так, между делом, мелькает имя Э.И.Бирона (был фаворитом Анны Ивановны, сослан Анной Леопольдовной), который, судя по солженицынским акцентам, вошел в русскую историю исключительно благодаря своим связям с великим Липманом.

Один из веховцев, С.Н.Булгаков, в своей книге «Свет невечерний» отмечал, например, что Петр Первый «прорубил свое окно в Германию», а не в Европу. И с тех пор «с германского запада к нам... тянет суховей, принося иссушающий песок, затягивая пепельной пеленою русскую душу, повреждая ее нормальный рост». Не только бироновщина и не столько цари-немцы — «существеннее было здесь не внешнее «засилие» Германии, но духовное ее влияние...». А в статье «Расизм и христианство» (1942 г.) С.Булгаков замечал: «Есть особая предустановленность во взаимоотношении Германии и России, род зрота, поработительного со стороны германской и пассивно-притягательного с русской...»

«Эрос» этот не мог не повлиять и на отношение властей к евреям и не сказаться на связях с последними остального населения страны. Солженицын рассказывает о том, как перед только что воцарившейся Екатериной Второй (бывшей немецкой принцессой Софьей Фредерикой Августой) встал «вопрос о дозволении евреям въезжать в Россию». И что же? «Екатерина вполне сочувствовала проекту о допуске евреев, но еще шатко себя чувствовала после переворота и настаивала же на своем православном неопитстве» (ч.1, с.30), Далее цитируется С.М.Соловьев: «Начать царствование указом о свободном въезде евреев было бы плохим средством к успокоению умов...» Иными словами, народ православный «не поймет». Не поймет ни упразднения крепостничества, ни свободного въезда евреев в пределы империи, но — самое ужасное! — вдруг усомнится в подлинном православии императрицы.

Сдается, что через прорубленное Петром «окно» в Россию, не мешкая, влез и старый, искушенный европейский антисемитизм, имевший в своем послужном списке и опыт изгнания евреев, и костры инквизиции, и кровавые наветы, и лютеровскую юдофобию. Почти уверен в том, что многие из российских сановников немецкого происхождения, включая царей и цариц, живя в Германии, могли бы и не стать антисемитами. Но ведь в России-то им надо было показать себя «самыми русскими», а наиболее простым и надежным способом сделать это им казалась демонстративная юдофобия.

«Треугольник» отношений русских, немцев и евреев своеобразно отражен в чеховской «Дуэли». Сначала добряк военный доктор Самойленко в споре с фон Кореном возмущенно говорит: «... ты ученейший, величайшего ума человек и гордость отечества, но тебя немцы испортили. Да, немцы! Немцы!» Чехов от автора добавляет, что Самойленко «редко видел немцев и не прочел ни одной немецкой книги, но, по его мнению, все зло в политике и науке происходило от немцев. Откуда у него взялось такое мнение, он и сам не мог сказать, но держался его крепко». (Надо ли добавлять к этому, что аналогичное «априорное» мнение было у многих россиян и об евреях?). Затем, во время ссоры, ставшей поводом к дуэли, Лаевский, в присутствии фон Корена, отвечает обиженному и разгневанному Самойленке: «Оставьте меня в покое! Я ничего не хочу! Я хочу только, чтобы вы и немецкие выходцы из жидов оставили меня в покое!» Вот так: «Немецкие выходцы из жидов, или Сто лет втроем» («Дуэль» впервые была напечатана в 1891 г.).

Взгляды фон Корена, как они описаны Чеховым, уже вполне могут быть названы профашистскими. Через четверть века один из лидеров конституционно-демократической партии Ф.Ф.Кокошкин в цитируемом Солженицыным (с явным неодобрением) литературном сборнике «Щит» прямо писал, что «новейшая антисемитическая идеология есть продукт германской духовной индустрии...» (ч.1, с.463).

А откуда прибыл в нашу добрую Россию, свалку «передовых идей» (превращаемую ныне и в свалку радиоактивных отходов), проклинаемый теперь «научный коммунизм»? Во что обошлись стране германофильство хлыста Распутина (поддерживавшегося Святейшим Синодом РПЦ — не предварение ли это большевистского святотатства?), деньги германского генштаба для организации «ленинской гвардией» переворота, «похабный» Брестский мир, приведший к кровавой Гражданской войне и хаосу, Рапалльский договор 1922 года и прочие проявления «эроса» в отношениях между Россией и Германией?

«Февральская революция, — утверждает Солженицын, — была революция российская... А сразу же от Октября — революция обернулась интернациональной, и сокрушительной по преимуществу...» (с.121). Ну как тут не вспомнить характеристику Второй мировой войны в советских учебниках истории! Гитлеровская Германия напала на Польшу, но несмотря на то, что вопрос об агрессоре и о жертве агрессии — очевиден, война признавалась несправедливой с обеих сторон. И только вступление в войну Советского Со-

юза 22 июня 1941 года превратило Вторую мировую войну в справедливую со стороны участников антигитлеровской коалиции и несправедливую – со стороны держав оси...

Итак, Февральская революция – «наша», российская, а Октябрьская – интернациональная и сокрушительная. Но вот опять же в Германии попытка интернациональной революции захлебнулась дважды – в 1919 и 1923 годах (в последнем случае не помогло даже золото, собранное большевиками от нэпа, а также награбленное ими в храмах, мечетях и синагогах). Однако через десяток лет в Германии побеждает национал-социалистическая революция. Уж ее-то «интернациональной» никак не назовешь. Принесла эта национальная революция немецкому народу процветание? Может быть, она совершалась в пику большевистской революции? А каково было отношение самих нацистов к интернациональному Октябрьскому перевороту? Не будем спешить с ответом!

Вот как оценивал характер Октябрьской революции в своей книге «Будущий путь германской внешней политики» нацистский теоретик расизма, обер-юдофоб Альфред Розенберг: «Сущность русской революции состоит, если ее рассматривать с расово-исторической точки зрения, в том факте, что бессознательные монголоидные силы одержали в русском народном организме победу над северными и перешли к искоренению этой, по их представлению, враждебной им сущности... В России достаточно было представлять собой тип рослого, тонкого и стройного человека, чтобы быть замученным до смерти в Чекка косоглазым предводителем «Красной гвардии»...». Час от часу не легче. И это писал автор «Мифа XX века», популяризатор «Протоколов сионских мудрецов!» Это уже после прихода к власти, принятия нюрнбергских законов и приступа к «окончательному решению еврейского вопроса» нацисты завели хорошо известную песню о «сущности» русской революции и о том, кто правит Советской Россией. Но кто написал текст этой песни для перевода на немецкий? Не ясно ли теперь, насколько произвольным, конъюнктурным может быть «понимание» причин и характера революции и какими приемами разыгрывается «еврейская карта» в политическом преферансе?

Пытаясь представить и решить еврейский вопрос в России «в чистом виде», автор «Двухсот лет» нередко приходит к выводам, вызывающим недоумение и протест.

Так, глухое недружелюбие к евреям, которое проявлялось еще в «Архипелаге ГУЛаг» и о котором немало писали – и осторожно, и прямо, — во второй части «Двухсот лет» стало явным и вылилось в откровенную формулу: «... в лагерях, где я сидел ... евреям... жилось легче, чем остальным» (с.331). Но не был бы автор «Двухсот лет» Солженицыным, если бы тут же не сделал оговорку («насколько обобщать можно») и не объяснил толково сей «феномен»: «Еврей-вольный не настолько был глуп, чтобы в еврее-заключенном действительно увидеть «врага народа» или злого хищника народного достояния (как это видел оболваненный русский в русском)... и хвала евреям за эту трезвость!» (с.333).

«Боюсь данайцев, даже дары приносящих». Хвала эта в контексте изложения – хуже хулы. Не знаю, может быть сыщутся свидетели того, что и в газовых камерах немецких лагерей смерти евреям дышалось легче, «чем остальным» (во всяком случае, выяснил же Солженицын, что «душегубку» изобрел тоже еврей, Исай Берг. – См. с.297,468). Но хорошо знаю человека, который в юном возрасте, уже потеряв родителей, ждал своего смертного часа в Минском гетто, а потом, чудом спасшись, после Победы, достигнув совершеннолетия, попал в «родной» ГУЛаг, да еще в лагерь, начальником которого был уже не «вольный» еврей с его трезвостью ума (такие, сделав свое дело, сгинули в большинстве своем), а какой-нибудь «оболваненный русский». Как он, прошедший все это «счастливчик», воспринимает сегодня солженицынскую «хвалу»?

Идем дальше. В уже упоминавшейся главе «Оборот обвинений на Россию» читаем таковое назидание: «Вот немцы следующих поколений признают ответственность перед евреями даже самым прямым образом, и морально, и материально, как виновники перед по-

страдавшими: вот уже который год платят компенсацию Израилю и личные компенсации уцелевшим пострадавшим».

А евреи? Когда Михаил Хейфец... проявил высоту души раскаяться от имени своего народа за совершенное евреями в СССР – его желчно высмеивали» (с.445-446). Одобрение Солженицына вызвало заявление М.Хейфеца о «реальной вине ассимилированных евреев перед народами тех стран, в которых они живут, вине, которая не позволяет, не должна позволить им спокойно жить в диаспоре» (с.470). Это было написано в 1978 году. О «высоте души» Хейфеца Солженицын повторяет еще раз, цитируя его статью 1980 года: «Опыт немецкого народа, который не отвернулся от своего ужасного и преступного прошлого, не попытался свалить вину за гитлеризм на других виновников, на чужаков, но, постоянно очищая себя на огне национального покаяния, смог создать государство, впервые вызвавшее восхищение и уважение человечества к немцам, — этот опыт должен, по-моему, стать образцом и для народов, участвовавших в преступлениях большевизма. В том числе – и для евреев» (там же).

Если, как утверждает Солженицын, Хейфеца за такие душевные порывы желчно высмеяли, то можно считать, что он легко отделался. О немецком «примере» и «опыте» тактичнее было бы вообще не упоминать. На каких таких «чужаков» мог бы свалить вину за гитлеризм немецкий народ? Опять на евреев, или, может, на русских? Одних Гитлер руками образцового немецкого народа хотел истребить поголовно, а других – основательно «прополоть». Отождествлять преступления нацистов и большевиков – в самом лучшем случае — нравственный релятивизм.

А.Солженицын – бывший фронтовик, и в главе 21 сам высказывается вполне корректно о том, что во время войны для евреев (да разве, впрочем, только для евреев?) «не могли эти чудовища быть равны!» (с.368-369). И если бы победили нацисты – «что б тогда... случилось с советскими евреями?» (с.369). Великая Отечественная война, продолжает автор «Двухсот лет», выручила «от Гитлера не только свою страну, не только советское еврейство, но и общественную систему всего Западного мира...» (с.386-387). А если бы Вторая мировая война завершилась не полным разгромом вермахта Красной Армией, установлением оккупационного режима, денацификацией, демилитаризацией и демократизацией (по крайней мере Западной) Германии, вряд ли эта страна вызывала бы сейчас такое «восхищение человечества».

Что же до «национального покаяния», то понятие это – весьма расплывчатое и зыбкое. Когда официальные лица от имени своего народа приносят другим народам извинения за допущенные злодеяния, когда государство выплачивает жертвам нацизма «личные компенсации», — где здесь повод для восхищения? Репарации – обычная в международном праве практика: побежденный агрессор обязан хотя бы частично возместить причиненный им материальный ущерб. Но если такой ущерб можно как-то оценить и установить размер репараций в миллиардах долларов, то чем измерить «национальное покаяние», масштаб и глубину раскаяния за истребление людей, которых уже не вернуть? Особенно – когда речь идет о геноциде евреев и об антисемитизме, в последнее время снова поднявшем голову и оживившемся, в том числе и в Германии.

Вообще, как себе представляют «национальное покаяние» его адепты? В православии и католицизме покаяние, или исповедь – одно из семи таинств. Кающийся открывает свои грехи священнику, и тот прощает их ему «невидимо от самого Господа». В православии существует еще и общая исповедь: одновременно в церкви каются в грехах все верующие. Протестантизм совсем не признает покаяние за таинство, но здесь нет и исповедания грехов верующих перед пресвитером. Поскольку в нашем случае речь идет преимущественно о России, что же предлагается – евреям являться в храмы для коллективного покаяния? Или эту процедуру проводить в синагогах?

Кающийся «перед народами» ассимилированный еврей – это секуляризованная версия выкреста, на потеху публике выкликающего: «Кровь Его на нас и на детях наших!»

Массовое беснование, в том числе и революционное, по крайней мере искренне – в своей дикой разнузданности, раскрепощении, освобождении от человеческого. После него каждому нормальному, то есть имеющему совесть, человеку – стыдно за себя. «Народное покаяние», национальное раскаяние, к которому призывает Солженицын русских и евреев, либо нереально, либо казенно и фальшиво; оно похоже на приобретение индульгенции вскладчину. Можно избрать путь индивидуального раскаяния под контролем. Пока же мы слышим и читаем одни только призывы к покаянию: русские зовут каяться евреев, евреи – русских, и так – уже много десятилетий. Наконец, двухтомное обоснование необходимости раскаяния дано А.И.Солженицыным. Но опять: «Надо же – взаимно!», и руку протягивать – строго одновременно.

А есть совсем простой вариант для желающих. Идея его принадлежит Илье Ильфу (Файнзильбергу) и Евгению Петрову (Катаеву), не упомянутым Солженицыным в своем труде (а Шафаревич в «Русофобии» прошелся и по ним). В фельетоне «Идеологическая пеня» (1932 г.) – насквозь большевистском, но веселом, — высмеивая литературную халтуру, сатирики дают «образец» отмежевания от нее «литературных старателей» — в газетах: «Всякого рода литотмежевки и посыпания главы пеплом и мусором следует помещать за плату по нормальному тарифу в отделе объявлений, между извещениями: «Пропала сука» и «Я, такой-то, порвал связь с родителями с 18 часов 14 минут 24 мая 1926 года».

Вот в этом последнем «извещении» (случайно, конечно) и оказался имплицитно, пожалуй, главный аргумент против всех этих покаяний и раскаяний. Аргумент не идеологический, не политический и даже не связанный с изысканием правды-истины, а просто человеческий и по-настоящему нравственный, потому что связан он с одной из Заповедей.

Серьезно и мудро, думается мне, высказался по этому поводу Александр Воронель: «Сегодня, три поколения спустя после Революции, глядясь в нелicenseприятное ее зеркало, нам... хочется задать вопрос, который, наверное, равно неприятен всем участникам дискуссий об историческом наследии:

А кто, собственно, отцы наши, коим обязаны мы сыновним почтением?

Такой вопрос сегодня подспудно будоражит воображение молодого русского образованца, который сгоряча готов уже втоптать в землю своего предка-комиссара. Не повторение ли это опять, пройденного однажды, губительного пути хамского отречения от веры и памяти отцов?

Такой же вопрос маячит и перед сегодняшним евреем, который умирает со стыда, что предок его не дождался погрома в своем местечке, а сам побежал в отряд... помещиков громить...

Не научиться ли нам, наконец, почитать отцов, каковы они есть? Не за заслуги, не за правоту. Просто и только за то, что – отцы» («В плену свободы»).

В своем труде Солженицын подошел к проблеме сосуществования двух народов не столько с нравственными или религиозными критериями (хотя о морали и о Боге сказано немало у него), сколько с национально-политической и идеологической меркой – как русский националист, с симпатией относящийся к монархии. Это его право. Но может ли он с таким инструментом исследования истории быть в принципе объективным? Нет. Поэтому он не вправе ни ставить одни народы в пример другим, ни призывать к покаянию кого бы то ни было – моего знакомого «ассимилированного еврея», или меня, русского – даже если бы мой дед в конце 30-х годов работал не главным механиком МТС (машинно-тракторной станции), а сержантом госбезопасности.

Это – о почитании дедов и отцов. Теперь – об отношении к отечеству. Как и Шафаревич в «Русофобии», Солженицын во второй части своего исследования неодобрительно

отзывается о Б.Хазанове, цитируя его статью, опубликованную в 1976 году: «Россия, которую я люблю, есть платоновская идея; в природе ее не существует. Россия, которую я вижу вокруг себя, мне отвратительна» (с.457). Конечно, сказано резко.

Но если вдуматься: любить Россию, как платоновскую идею... На самом-то деле это чисто, тонко и возвышенно! Да многие русские писатели, поэты и люди обычные именно так любили и любят свою родину – «странную любовью». Могла ли не быть «отвратительна» Н.В.Гоголю показанная им та «нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд» (Н.А.Бердяев. Духи русской революции. Сб. «Из глубины»)? Но ведь ни у кого не повернется язык обвинить Гоголя в русофобии.

Чувствуется, что и Солженицын пишет о России с отвращением – о России послереволюционной, той, которую он видел «вокруг себя». Прав он или нет, но и его не обвинишь в нелюбви к России. Весь его труд, пафос которого я не принимаю, пропитан досадой и разочарованием в том, что он увидел в России послекоммунистической. Ожидал он другого. С раздражением вспоминает он о предсказании, сделанном М.Вайскопфом в 1981 году: «Я боюсь, что «рассвет» обреченной страны окажется еще гаже ее нынешнего заката» (с.467). – «С состраданием или со злорадством» высказан этот прогноз?» – тут же вопрошает Солженицын. Если человек пишет «я боюсь», какое ж тут злорадство?

Но обратимся снова к Бердяеву, все к тем же «Духам русской революции»: «Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить, — писал русский философ. - Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Нет уже старого самодержавия, а ... по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам. Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией. Взятка расцвела еще больше, чем когда-либо... Нет уже самодержавия, но по-прежнему Хлестаков разыгрывает из себя важного чиновника... Нет уже самодержавия, а Россия по-прежнему полна мертвыми душами, по-прежнему происходит торг ими... Личина подменяет личность. Повсюду маски и двойники, гримасы и клочья человека... Все призрачно. Призрачны все партии, призрачны все власти... Для Хлестаковых и Чичиковых ныне еще больший простор, чем во времена самодержавия».

Эту цитату – для обличения большевизма (написано-то в 1918 году!) – мог бы с успехом привести в своей книге и Солженицын. Но не сделал этого, и думаю – не случайно. Предлагаю читателю вместо слова «самодержавие» подставить в ней «коммунизм», а вместо «полиции» — «милицию»... и мы получим почти полную характеристику современной демократической России.

Тогда Бердяев объяснял такой «изоморфизм» тем, что «тьма и зло заложены... не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре». И это толкование, данное еще одним веховцем, отличавшимся поразительным даром предвидения, мне кажется убедительным, в отличие от набившего оскомину «непропорционального участия евреев» в революционном движении, большевистском руководстве и карательных органах советской власти в 20-30-е годы, в агитпропе, среди писателей, кинорежиссеров... Автор почему-то не упомянул «олигархов», хотя хронологически ранние его исследования (до 1995 г.) вполне позволяли это сделать!

Еще только «входя» в тему, А.Солженицын предупредил, что «за последние годы состояние России столь крушительно изменилось, что исследуемая проблема сильно отодвинулась и померкла сравнительно с другими нынешними российскими» (ч.1, с.7).

Так стоило ли тогда «раздувать» померкшую проблему? Это во-первых. Во-вторых, если для России «исследуемая проблема» уже не так актуальна, то этого не скажешь, к при-

меру, об Израиле, ведущем войну с исламским террором в условиях усиливающегося в цивилизованном мире антисемитизма. Наконец, для России указанная проблема «отодвинулась» на задний план, потому что «двести лет» прошли, но начался третий век совместной жизни русских и евреев, а значит, новые писатели, исследователи этой темы, политики и др. могут взять «за основу» труд Солженицына – и неизвестно, каким приемам его методологии они отдадут предпочтение, какие сильные или слабые стороны его работы станут для них отправной точкой.

Надо «видеть, куда бредет наш злополучный век. Едва ли не больше всего различают люди в людях – почему-то именно нацию», — размышляет Солженицын (с.462). Весьма это спорно сейчас, в начале нового тысячелетия. Национальные и идеологические различия уходят на второй, на третий план. А на повестке дня – «самоопределение» цивилизаций.

В начале 90-х годов, отмечая годовщину выхода в свет своего шедевра, И.Шафаревич в статье «Русофобия: десять лет спустя», как всегда, решительно отвергая обвинения его в антисемитизме, в частности, писал: «... если объединить всех, кто когда-то критически относился к каким-то еврейским группам и течениям, то получится очень пестрый список: евангелист Иоанн, Цицерон, Тацит, Иоанн Златоуст, Савонарола, Лютер, Шекспир, Петр Великий, Вольтер, Державин, Наполеон, Фурье, Вагнер, Достоевский, Розанов, Блок и очень многие другие» (Наш современник. 1991. №12. – С.136).

Что и говорить – громкие имена! Только логика подвела известного математика: значит, если кто-то из великих был равнодушен к спиртному, то и алкоголизм — добродетель, а не порок. Но дело в другом: «Гитлер в этом списке, конечно, тоже должен быть», — без энтузиазма признавал Шафаревич, но тут же добавлял: Гитлер, естественно, «занимает совершенно особое место».

Одно время мне казалось (и я писал об этом), что после Освенцима Гитлер с его «критическим» отношением ко всем без исключения «еврейским группам и течениям», от младенцев до стариков, должен быть последним в «списке Шафаревича». Но сейчас видно, что в ближайшем будущем этот список закрыт не будет. А раз так, то при всем моем неприятии антисемитизма, предлагаю выбросить Гитлера из «пестрого списка», не должно быть имени этого господина рядом с именами Цицерона или Достоевского. Даже среди в чем-то заблуждавшихся людей – не место этой нелюди! И еще – жаль, что пресловутый список пополнился...

Фридрих Ницше говорил: «Иногда встречаешь человека, который в своих воззрениях стоит выше своего времени, но лишь настолько выше, что он предупреждает вульгарные мнения следующего десятилетия». В конце 70-х годов, в своей «гарвардской речи», Александр Солженицын назвал Запад «юридической» цивилизацией. В переводе со старославянофильского это означало – лишенной глубоких нравственных корней, духовности. Намек – кому со временем, после крушения советского коммунизма, надлежит стать моральным светочем для всего человечества – был вполне ясен.

С тоскою глядя на нынешнюю Россию, понимаешь, каким неважным пророком оказался знаменитый писатель. Теперь, как видно, он претендует стать духовником, отпускающим грехи неразумным или заблудшим народам. По силам ли ему эта ноша?

Куда как проще, честнее и великодушнее было сказать: «Забыто!».

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

(Заметки о книге И. Р. Шафаревича «Трехтысячелетняя загадка. История еврейства из перспективы современной России», Библиополис, Санкт-Петербург, 2002)¹

И вежливо жалят, как змеи в овсе.

Борис Пастернак

Российское «евреведение» пополнилось новым обширным сочинением И.Р. Шафаревича.² Мне уже приходилось писать по поводу его прежних работ в этом модном в некоторых российских кругах жанре.³ В 1987 и в 1993 гг. я избрал форму открытых писем. Но в 2002 г. для меня невозможно рассматривать г. Шафаревича, как сторону в дискуссии, тем более в диалоге. Причины этого будут проясняться по мере изложения. Соответственно, эти заметки адресованы моим друзьям и более широкой публике.

Разумеется, автор «Загадки» изливает на читателя уже ставшие ритуальными жалобы на «запретность», «табуированность» «еврейской» темы, даже и на опасности, чуть ли не физические, прикосновения к таковой. Каждый, кто просматривает российские газеты, имеет доступ к российскому Интернету может только улыбнуться в ответ.⁴ Сколько злобы, самой черной ненависти, непристойностей публично изливается на евреев! Примером, кстати, может служить и интернетовская страница, на которой помещена книга Шафаревича, ее окружение в этой части виртуального пространства. Да, в отличие от многих, автор «Загадки» вежлив, но содержание этой вежливости очень точно передается прекрасной строкой Бориса Пастернака, поставленной эпиграфом.

Трактат г. Шафаревича представляет собою огромную компиляцию цитат из самых пестрых источников, от классических до бульварных, призванную поддержать заранее заданную автором идею зловещей роли еврейского народа в истории вообще и в российской истории в особенности. Уже в Предисловии автор заявляет себя выразителем именно русской точки зрения. Насколько обоснована эта его претензия, не мне судить.

Поразительным образом, нигде на бесконечном протяжении работы, в сущности, не упомянуто, что именно еврейскому народу европейская цивилизация обязана своей христианской религией, определяющей ее лицо на протяжении многих веков. Читатель, не знающий об этом неудобном для некоторых российских господ факте, так о нем и не догадался бы, прочитав опус г. Шафаревича. Одно это обстоятельство полностью уничтожает все претензии на историчность, превращая книгу в карикатуру, пародию на Историю.

Нет никакой возможности в рамках разумного пространства обсудить все передержки, искажения, прямые нелепости, которыми изобилует книга. Да и необходимости в этом нет, нескольких примеров будет более чем достаточно, чтобы понять, с чем мы имеем здесь дело.

Г. Шафаревич делает особенный акцент на точности своего цитирования, он настойчиво заверяет в этом читателя. Дело доходит даже до трагикомических извинений за *единственную*, за недоступностью источника непроверенную цитату из израильской газеты «Маарив», воспроизведенную...по книге антисемитствующего экстремиста Дюка (США). Здесь уместно сказать несколько слов о цитировании как таковом, этом неизбежном, но небезопасном орудии любого исследователя.

Можно различить несколько уровней манипулирования с цитатами. Во-первых, возможен прямой подлог, т.е. цитирование несуществующих текстов. Во-вторых, довольно попу-

лярным у известного рода авторов является составление цитат из нескольких отдельных, в оригинальном тексте несвязанных кусков. В результате цитируемому автору приписываются мысли, которых он никогда не высказывал. Еще более «тонким» оказывается вырывание цитат из окружающего контекста (жалобы на это часто приходится встречать в ходе дискуссий). Наконец, можно приводить и вполне точные цитаты, целенаправленно выбирая их из океана доступных источников. Более квалифицированный манипулятор будет время от времени добавлять в приготавливаемое зелье одну-две цитаты противоположного толка, как бы заранее отвечая на упреки в необъективности. При этом воздействие на неискушенного читателя даже усиливается. Каждому, кто хоть немного занимался, скажем, историей, ясно, что подобным образом можно «доказать» все, что угодно. Например, подбирая цитаты из огромного числа дипломатических и опубликованных архивных документов, можно написать целую книгу о том, как миролюбивая политика Гитлера наталкивалась на отчаянное сопротивление франко-английских поджигателей войны (это, кстати, и утверждалось в свое время советской пропагандой), что, в конце концов, закончилось мировым пожаром. И т.д. и т.п. Разумеется, возможно комбинирование разных уровней манипуляций, имеются и многие их разновидности, нами не описанные. Должен сказать, что читатель, который захотел бы проверить формальную точность цитирования у г. Шафаревича, оказался бы в затруднительном положении из-за принятой в книге не академической системы ссылок. Цитируемые места не локализуются, иногда даже не соотносятся с соответствующим источником. И использованные источники просто перечисляются в конце каждой главы, и потребуются перерабатывать тонны «словесной руды, единой цитаты ради». Не знаю, насколько плодотворен будет подобный труд. Здесь уместно упомянуть замечательную книгу С. Дудакова,⁵ изданную в Москве в 1993 г. уважаемым издательством «Наука». Книга посвящена детальному научному исследованию антиеврейской литературы и общественной мысли в России 19-20-го века, в частности, происхождению на этой почве печально известных «Протоколов Сионских мудрецов». На стр. 213–224 приводится анализ прежней работы г. Шафаревича «Русофобия». Дудаков указывает здесь как на некорректное цитирование Бялика (соединение отрывков из разных произведений), так и на принципиальные, на уровне плагиата (стр. 223) заимствования из «трудов» известного юдофоба, обер-штурмфюрера Г. Бостунича. Нет никаких сомнений, что при начитанности г. Шафаревича работа Дудакова ему хорошо известна. Можно было бы ожидать ответа на сказанное, но такового не последовало, и этот неудобный источник в «Загадке» не упомянут.

По правде говоря, указанный нюанс мне представляется второстепенным ввиду огромного объема более изощренного манипулирования источниками, в духе описанного выше.

Как и в «Русофобии», г. Шафаревич приводит (на сей раз более длинный) ряд «отрицательных» мест из Ветхого Завета (гл.2).⁶ Подразумевается, что каким-то непостижимым образом евреи из поколения в поколение вбивали в головы своим детям указанные академиком «избранные места», в результате чего была выработана злокачественная еврейская натура. Недостатком метода, однако, является его универсальность. Попробуем, например, применить его к самому Шафаревичу. Начнем, следуя Дудакову,⁷ издав далеко, с русской летописной традиции. Повесть Временных Лет рассказывает о киевском князе Игоре, убитом древлянами, и его жене княгине Ольге, отомстившей за мужа⁸:

«Ольга же приказала выкопать на тюремном дворе вне града яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями (древляне приехали сватать ее за своего князя Мала – Б.К.). И пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой»...И принесли их (в ладье – Б.К.) на двор к Ольге, и, как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму...И повелела засыпать их живыми; и засыпали их». Далее Ольга направила послов к древлянам и предложила им прислать лучших мужей в качестве сватов. Доверчивые древляне избрали «лучших мужей, управлявших Деревскою землею» и те приехали к Ольге:

«Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все». И этого было мало княгине. Снова послала она людей к древлянам, просила приготовить «меды многие» у могилы своего мужа, чтобы могла она его помянуть и оплакать. Неосторожные древляне разделили тризну с нею:

«И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама пошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000». Но и этого было недостаточно изобретательной Ольге. В качестве небольшой дани потребовала она от древлян по три голубя и по три воробья со двора, пообещав за это уйти с миром. Наивные древляне с радостью согласились.

«Ольга же, раздав воинам – кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы. И не было двора, где не горело. И нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань».

Случилось все это в 945–946 гг., до крещения, таким образом, свирепость была в русском характере еще до знакомства с кровожадными еврейскими Священными Книгами. Тут-то и является русский пророк Шафаревич с его неотразимым для русских детей авторитетом академика и с цитатами (в синодальном переводе). И пали эти цитаты, судя по дальнейшей истории, скажем, по поведению российских вооруженных сил на Кавказе,⁹ уничтожению Грозного и т.д., на вполне благодатную почву. Кстати сказать, и в Новом Завете вооруженный глаз г. Шафаревича мог бы что-нибудь отыскать, например, Лука (19:27) вспоминается, а при огромной начитанности вряд ли ему неизвестна и вполне авторитетная интерпретация этого стиха, данная Иоанном Хризостомом (Златоустом):

«Когда животные непригодны для работы, их отправляют на живодерню, и именно это случилось с евреями. Сделав себя непригодными для работы, они приготовили себя для убоя. Именно поэтому сказал Христос: «Врагов же моих, тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите передо мною».¹⁰

Можно и художественную литературу процитировать на предмет природной русской свирепости, скажем, из того же Гоголя найдется, что взять и т.д., и т.п. Наметил я этот пунктир, и не по себе мне стало. Прошу прощения у русских друзей за прикосновение всуе к дорогим им документам. Но ведь и Танах не менее дорог еврейскому сердцу.

Я бывал за эти годы в очень многих синагогах, везде на самом почетном месте можно было прочесть Десять Заповедей, пять на одном изображении скрижали, пять на другом. Как прекрасны Б-жественные Знаки Библейского Иврита, как прекрасны: эти вечные слова – основа морали цивилизации, в которой мы живем. И г. Шафаревич, и я.

Что же касается «отрицательных» мест, то тексты такой древности и такого значения все же не учебники алгебры. Каждый может читать, но не всем дано прочесть, и это не определяется учеными степенями и регалиями. Каждый выбирает по свету или по тьме своей Души.

Ветхий Завет – документ огромной сложности, это и история, и религиозная философия, это законодательство, и несравненная поэзия, это и бессмертные послания еврейских Пророков, достигшие нас через тысячелетия. Это и боль, и отчаяние несчастий, военных поражений, слезы, гнев, неудержимо изливающийся из раненой Души. Вся жизнь и предков наших, и нас самих, и наших потомков в этих Божественных Книгах. Исая... Великий Пророк-

Поэт,¹¹ вдохновлявший поколения проповедников, комментаторов,¹² ученых, художников, поэтов, провозвестник Иисуса для христиан. Бессмертны его слова, одни из самых высоких слов, сказанных когда-либо и кем-либо:

«И будет Он судить народы и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копья свои на серпы; не поднимет народ на народ меча и не будут более учиться воевать».

Исайя, 2:4

Люди по-разному распоряжаются своими жизнями и талантами. Вот, безвременно ушедшая от нас филолог Лидия Кнорина в зрелые годы изучила Библейский Иврит, начала преподавать его в Московском Университете и написала, преодолевая болезнь, статью о библейской метафоре.¹³ И тут является г. Шафаревич со своими «цитатами». Какое убожество, какая низость, прости Г-ди!

Мне уже приходилось отвечать одному православному талмудоведу.¹⁴ Скажу несколько слов и об изысканиях г. Шафаревича (глава 4 его книги). Современные атаки на Талмуд восходят к немецкому христианскому писателю Иоганну Эйзенменгеру (1654–1704), о подробностях биографии которого известно немного. Наиболее полные сведения я нашел в книге выдающегося гебраиста, профессора петербургского Университета, члена-корреспондента российской академии Наук Д.А. Хвольсона (1819–1911) «О некоторых средневековых обвинениях против евреев»¹⁵.

Ссылаясь на ряд источников, в том числе и первичного характера, Хвольсон сообщает, что Эйзенменгер был профессором восточных языков Гейдельбергского Университета, но, несмотря на это, человеком малообразованным и грубым. Он вошел в доверие к евреям, уверяя их, что хочет перейти в иудаизм, тем самым, обеспечив себе помощь еврейских ученых. Он также поручил выкрестам (судя по транскрипциям некоторых еврейских слов, из Волыни) сделать для него выписки из еврейских книг.

Итогом двадцатилетних усилий явилась огромная (два тома, более 2000 страниц) обвинительная книга «Разоблаченный Иудаизм», отпечатанная в 1700 г. Содержание книги, однако, стало известным до ее выхода в свет. Князь-архиепископ майнцский обратился к германскому (габсбургскому) императору с просьбой запретить книгу ввиду того, что «будучи вызвана злыми побуждениями, книга эта должна иметь гибельные последствия и даже нанесет вред католической религии». Такого же рода представление сделал и курфюрст ганноверский. Современные Эйзенменгеру евреи тоже употребили все доступные им средства, чтобы предотвратить публикацию этой книги. Слишком хорошо они знали, чем кончатся подобные изыскания. В результате книга была запрещена, тираж уничтожен, за исключением нескольких копий. Эйзенменгер предложил евреям полностью уничтожить книгу за тридцать тысяч талеров, но евреи на это не согласились. Тем временем, Эйзенменгер нашел поддержку у прусского короля Фридриха I, ходатайства которого сначала перед императором Леопольдом, а потом Иосифом I успеха, однако, не имели. Борьба, продолжавшаяся в течение 10 лет, закончилась тем, чего и следовало ожидать. Книга была опубликована в 1710 г. в Кенигсберге, городе, находившемся вне юрисдикции габсбургского императора, таким образом, был обойден запрет. Существуют разные мнения о степени владения Эйзенменгером необходимыми для чтения еврейских книг языками, о *формальной* точности его цитирования. Современный исследователь, выдающийся историк Яков Кац¹⁶ здесь несколько расходится с Хвольсоном, но оба ученых совершенно единодушны в общей оценке «труда» Эйзенменгера, как пародии, клеветы на Талмуд.

Целью Эйзенменгера было обращение евреев в христианство, отсюда вытекал и подбор извлечений из Талмуда и окружающей литературы, подбор, который Кац в книге «От предрассудка к уничтожению», характеризует как тенденциозный.¹⁷ С этой оценкой охотно соглашается г. Шафаревич, не делая при этом по понятным причинам очевидных выводов.

Здесь мы опять приходим к проблеме чтения и интерпретации религиозных документов, особенно такой сложности и древности, как Талмуд. Следует иметь в виду, что талмудическая традиция является результатом тысячелетнего развития – от пятого века до новой эры и до пятого века нашей эры. В Талмуде зафиксировано бесчисленное множество мнений, часто противоречивых, дискуссионных, часто восходящих к древним периодам истории с совершенно иным, чем наше мировосприятием. Морис Адлер, автор популярной книги о Талмуде¹⁸ сравнивает его с огромным дискуссионным залом. Читатель, вообразивший дискуссию, длиною в тысячу лет, легко отдаст себе отчет в возможностях тенденциозного цитирования. Г. Шафаревич, объявляющий (и в данном исключительном случае с полным основанием) мнение Каца авторитетным, не приводит его характеристик «метода» Эйзенменгера. Вот некоторые из них:

«...Изложение Эйзенменгером верований и мнений евреев создает образ, не имеющий ничего общего с реальным образом мыслей евреев, учившихся и живших по тем же самым книгам, что он изучал»;

«Отправной точкой Эйзенменгера было убеждение, что евреи рутинно грабят и убивают своих христианских соседей. Он верил рассказам о ритуальных убийствах, об осквернении Святых Даров и тому подобному, независимо от того, происходили ли они из фольклора или из средневековых хроник, не различавших факта и фантазии. В попытке обосновать свое мнение Эйзенменгер доводит свою интерпретацию до полного абсурда»;

«Для каждого знатока традиционной еврейской литературы интерпретация Эйзенменгера выглядит пародией... Такой знаток распознал бы раствор и кирпичи, из которых было возведено знакомое ему сооружение, но обнаружил бы, что части структуры собраны и соединены таким произвольным образом, что само сооружение уже невозможно узнать»¹⁹.

А вот, что говорит Хвольсон²⁰:

«Он (Эйзенменгер – Б.К.) вырывал фразы из их связи с предыдущими и последующими, от чего затемнялся их смысл и значение...О критическом отношении к талмудическому материалу, о том, чтобы углубиться в дух талмуда и вообще еврейской литературы, о различии того, что в глазах евреев имеет авторитет и принято ими к руководству от того, о чем какой-нибудь еврей когда-либо нафантазировал в какой-нибудь еврейскими буквами написанной книжке, – обо все этом у Эйзенменгера не может быть и речи. Он только искал отрывочные места, которые приурочивал к своим целям».

Читаешь, и видишь перед собою г. Шафаревича, как будто про него сказано!

Кац указывает на особенность обращения с древними религиозными документами, состоящую в том, что их прочтение в ежедневной религиозной практике отличается от прочтения исторических документов, при котором читатель пытается буквально воссоздать точку зрения автора, жившего много столетий назад. Здесь речь идет о меняющейся со временем интерпретации, о проповеди. Не этим ли заняты и христианские церкви? Имеется еще и опасность буквального восприятия метафор, идиоматических оборотов.²¹ Кац приводит также мнение христианского теолога 18-го века о том, что по методу Эйзенменгера можно было бы написать и «Разоблаченное Христианство».²² И если это не было сделано, то только потому, что христианская религия была господствующей, в отличие от иудаизма. По мере ослабления контроля Церкви над обществом антихристианская литература действительно стала появляться. Значительного расцвета она достигла в Советском Союзе, многие из нас помнят пасквили, скажем, Емельяна Ярославского. В бытность мою студентом мехмата МГУ, в шестидесятых годах мы слушали курс научного атеизма. С кафедры бойко (и формально точно) цитировался и Ветхий, и Новый Завет. Приемы лектора, в общем, мало отличались от манер г. Шафаревича.

Замечательная книга Хвольсона не слишком доступна, но при таком горячем интересе к предмету, г. Шафаревич мог бы с нею ознакомиться. Не сомневаюсь, впрочем, что она ему

известна. Тем выразительнее ее отсутствие в списке использованных им источников. Не упомянута г. Шафаревичем и другая книга Хвольсона «Употребляют ли евреи христианскую кровь?». ²³ В той же главе 4 примечательна заочная полемика Шафаревича с Владимиром Соловьевым (1853 – 1900), написавшим в 1886 г. статью в защиту Талмуда. ²⁴ Соловьев начинает с краткого очерка еврейской религиозной истории в ее соотношении с возникновением и развитием христианства. Рассказывает он и о Талмуде. Я не всегда согласен с эсхатологическими воззрениями православного мыслителя, но, сколько человечности, тепла в его словах! Какое удовольствие, даже и чисто эстетическое, доставляет каждая встреча с его работами. Воистину, соприкасаешься с Душой, в которой запечатлен Образ Б-жий...

Соловьев подробно рассматривает клевету на Талмуд (и на его конспективное изложение, известное под названием Шулхан Арух ²⁵) последователей Эйзенменгера некоего «доктора» Юстуса и доктора Эккера. ²⁶ Г. Шафаревич предъясвляет Соловьеву следующий упрек (стр. 58):

«Самое же, пожалуй, поразительное, что Соловьев уклоняется от главного вопроса: обсуждения подлинности тех или иных цитат из Талмуда. О нем было известно, что он владеет древнееврейским языком (даже умирая, прочел молитву на древнееврейском), и он вполне мог высказать по этому поводу свое мнение. Но он этого не делает, ограничиваясь обсуждением не Талмуда, а книг Юстуса и Эккера».

Действительно поразительно. Поразительно это столкновение Духа с ловцом цитат. Впервые, как раз обсуждению Талмуда, живой религиозной системы, заключенной в нем, и посвящена значительная часть статьи, только душевный и религиозный опыт Соловьева другого калибра. И разница здесь воистину космическая. С какой же, собственно, стати должен он смотреть на Талмуд «по цитатам» академика, из (пользуясь стилистической находкой г. Шафаревича) этой убогой *перспективы*? К сожалению, статья Владимира Соловьева трудно доступна, и я не нашел ее на Интернетe. ²⁷ А жаль, помимо всего прочего, читатель мог бы сравнить и перья – вдохновенный слог великого русского религиозного философа, публициста и поэта с вялотекущей в межцитатных пробелах бубнящей прозой академика-алгебраиста.

Характерно, что Соловьев в самом начале статьи упоминает древние книги православной церкви:

«Всякий, кто заглядывал, например, в так называемые «Кормчие», по которым в течение многих веков управлялась наша церковь, знает, какими нелепыми и невежественными вымыслами питалась вражда православных к другим исповеданиям».

Уже не в первый раз аргументы г. Шафаревича возвращаются рикошетом к нему самому. В таких случаях господа, клеветующие на еврейский народ, говорят: «Не меняйте тему, не об этом мы говорим». Ну, разумеется, этим господам, одержимым ненавистью, только об одном и думается, только об одном и говорится. В «перемене темы» и у Каца, и у Соловьева, и у Хвольсона, да и у меня самого был вполне великий предшественник. Не Иисус ли сказал: «Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего».

Что касается подробного анализа пресловутых «цитат», разумеется, в подобающем религиозном, историческом и филологическом контексте, то здесь имеется еще одна великолепная книга «Еврейские законы об иноверцах в антисемитском освещении» другого известного гебраиста, переводчика на русский язык ряда трактатов Талмуда Н. Переферковича (1871–1940). ²⁸ В этой книге подробно рассмотрены все «сто законов» Юстуса-Эккера-Шмакова. ²⁹ И эта книга удобным для г. Шафаревича образом отсутствует в списке источников.

Еще одним любимым коньком российских «еврееведов» является тезис, что все возвышенные высказывания в еврейской религиозной литературе относятся только к евреям, что евреи ненавидят окружающие их народы и т.д. Собственно, в этом направлении и выискивает свои цитаты г. Шафаревич.

В реальности любая сознающая себя религиозная общность очерчивает себя некоторым кругом, так что единоверцы оказываются внутри, а прочие снаружи (не отсюда ли и слово «церковь» пошло?). Как относиться к тем, кто «вне», часто совсем непростой вопрос. Христианство возникло с претензией на универсальность, но достаточно вспомнить две главные ветви его, проклявшие друг друга, непримиримую вражду различных христианских церквей, чтобы понять, что в этой земной жизни проблема отношения к иноверцам, даже просто к инославию в христианстве отнюдь не решена. Насколько же труднее эта проблема для народа-изгнанника! Тем не менее, и в Танахе, и в Талмуде четко прослеживается цепь предписаний доброго отношения к неевреям:

«Когда поселится пришлец в земле вашей, не притесняйте его. Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской. Я Г-дь, Б-г ваш».

Левит, 19:33–34

Предписание это настойчиво повторяется: «пришельца не притесняй и не угнетай, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской. Ни вдовы, ни сироты не притесняйте» (Исход, 22:21–22), можно обратиться далее к Исходу 23:9, Второзаконию 24:17, 19–22, 27:19 («проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову») и т.д. Как выразительно слово «пришелец» ставится в ряд с «сиротой» и «вдовой»! О том же говорят и Пророки: Иезекииль 22:7, Иеремия 7:6, 22:3, Захария 7:10 и т.д. Удивляться надо не резким с сегодняшней точки зрения формулам, а настойчивости, с которой в те жестокие времена высказывались моральные максимы, составляющие основу нашей цивилизации, самой человечности. Поразительно, что пастух в пустыне, когда один удар молнии может уничтожить его вместе со стадом, приходит не к Зевсу-громовержцу, не к Гелиосу, не к Гефесту и т.д., а к Единому Б-гу, чья Тайна скрыта в Его Имени, четырехбуквие (тетраграмматоне), заключающем в себе три времени еврейского глагола «быть»: был, есть, буду. Ничем не причиненное, неограниченное Существование.

Можно ли отнести «только к евреям» бессмертное пророчество Исаяи «перекуют мечи на орала», цитированное выше? А к кому обращен этот великолепный псалом царя Давида, сладостного певца Израиля?³⁰

«Б-же! будь милостив к нам и благослови нас; освети нас лицом Твоим, Дабы познали на земле путь Твой, во всех народах спасение Твое».

Псалом 66(65) 2-3

Соловьев в упомянутой выше статье приводит, среди прочих, талмудические речения: «язычник, занимающийся законом Божиим (Тора), равен первосвященнику», «не должно обманывать и язычника». Известна и талмудическая формула «праведники всех народов имеют свою долю в грядущем мире», которую неплохо сравнить с католическим *extra ecclesiam nulla salus* (вне церкви нет спасения).³¹ В цитированных книгах Переферковича и Хвольсона приведено множество высоких моральных принципов Талмуда, относящихся к иноверцам.

И не Моисей ли (Левит 19:18) заповедал всем нам любить ближнего своего, как самого себя? Еще первичнее, пожалуй, библейское речение, составляющее краеугольный камень Иудаизма:

«И сотворил Б-г человека по образу Своему, по образу Б-жию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их».

Бытие 1:27

Любовь к ближнему лишь необходимое отражение Б-жественной Любви, на которой зиждется мир.

На протяжении веков утверждалось, что Талмуд переполнен высказываниями против христианской веры. Обвинения эти вели к кровавым преследованиям, к сжиганию Талмуда (не отсюда ли заимствовали нацисты свой ритуал сожжения неарийских книг?) Г. Шафаре-

вич считает возможным повторять эти инвективы в 21-м веке. В действительности, христианство отнюдь не является центральной темой еврейской литературы,³² и уж кто-кто, а христиане, веками поливавшие грязью иудаизм (см., например, цитированную выше проповедь Иоанна Хризостома), не имеют никакого морального права ожидать абсолютного молчания с другой стороны.³³ Как говорил один из мудрецов Талмуда Гиллель, не делай другому того, что Ты не хочешь для себя.

Очевиден и решающий аргумент весьма общего характера. Религиозная концепция, внутренне сосредоточенная только на одной этнической группе, не могла бы стать материнской для двух мировых религий, в сфере которых оказались самые разные народы, неизменно превосходящие евреев и численностью, и материальной мощью. И это еще одна сторона особой роли еврейского народа, получившего Слово Б-жье на Синае, если угодно, его «избранности».

Проблема еврейской избранности отравляет жизнь г. Шафаревича уже десятилетиями. Что же тут сказать? Каждый народ отыскивает в себе нечто особенное, уникальное, «лица не общее выражение». Ощущение избранности отнюдь не чуждо и русским. Это и ощущение богоносности, особенной миссии России, божественной правоты православия, особой ни с чем не сравнимой красоты и силы русского языка. В классической русской литературе можно найти много великолепных выражений этих чувств. Разумеется, и у евреев, и у других народов могут встречаться преувеличенные выражения подобных эмоций. В двадцатом веке гипертрофированная идея собственной избранности у одного высококультурного европейского народа едва не погубила нашу цивилизацию.

Отношение г. Шафаревича к германскому нацизму, прослеживаемое по его книге, трудно назвать отрицательным, а в части, касающейся евреев, доминируют оправдательные мотивы. В рассказе о начальном периоде правления Гитлера первым делом упоминается бойкот немецких товаров, объявленный американским еврейским конгрессом. Затем Всемирный еврейский конгресс имел наглость призвать «к сопротивлению Германии всеми средствами, так что американские газеты писали «Иудея объявила войну Германии!»» («Загадка», стр. 215). Похоже, что коварные евреи преследуют беззащитных нацистов. Все тем же приемом селективного цитирования создается впечатление, что с момента прихода Гитлера к власти 30 января 1933 г. и до Хрустальной Ночи 9–10 ноября 1938 г. немецкое еврейство жило относительно неплохо. Так и слышатся знакомые советские формулы, вроде «зажиточной жизни колхозников». Между тем, уже 1 апреля 1933 г. был организован общенациональный бойкот еврейских магазинов, аптек и т.д. За этим последовала серия законодательных актов, исключавших евреев из германской экономической, социальной и культурной жизни.³⁴ Повсеместно в Германии евреи подвергались изощренным оскорблениям и унижениям, их превратили в париев. Еврейский юноша Гриншпан, родители которого были депортированы в Польшу, стрелявший и убивший немецкого дипломата в Париже фон Рата,³⁵ рыдал в полиции: «быть евреем не преступление; я не собака; я имею право жить, и еврейский народ имеет право существовать на этой земле; где бы я ни был, меня преследовали, как животное».³⁶ Этот трагический инцидент послужил предлогом для так называемой Хрустальной Ночи, организованного общегерманского погрома.

Вот как оценивает случившееся г. Шафаревич:

«Ситуация напоминала современную ситуацию в США после терактов 11 сентября 2001 г.: государство должно было найти ответ на террористический акт, направленный против его граждан. Гитлеровская Германия ответила организацией «Хрустальной Ночи» (стр. 215).

Полагаю, что комментарии здесь излишни.

Соображения г. Шафаревича о том, что евреи сами ответственны за нацистские изуверства, иначе, как бессовестными, не назовешь. Очевидно, и чехи были в чем-то виноваты перед немецким народом, потом в виновных оказались поляки, потом и до русских дело до-

шло. Как сказал поэт, «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Вот извлечения из некоторых стенографированных высказываний Гитлера³⁷:

«В восточных областях мы устроим великолепные колонии, выселив туда этнические группы (вырождающихся из-за кровосмешения венгерских немцев). Правда, всякое переселение будет совершаться за наш счет. Но, если я одновременно отниму у другого территорию, то расходы окупятся»;

«Прежде всего, не следует отпускать в восточные области немецких школьных учителей. Иначе мы потеряем не только детей, но и родителей. Потеряем весь народ. Ибо то, что мы им вдолбим в голову, не пойдет им впрок. Идеально было бы научить их понимать лишь язык музыки и сигналов. По радио бы населению преподносилось то, что для него приемлемо: музыка без всяких ограничений. Но ни в коем случае нельзя допускать их к умственной работе. Мы действительно не можем допустить никакой печатной продукции»;

«На вопрос, что будет с Ленинградом, шеф ответил: Ленинград должен исчезнуть»;

«Если русские, киргизы, украинцы и т.д. научатся читать и писать, то это нам может лишь повредить».

И т.д., и т.п. в этом духе. Невысоко стоял русский народ в расовой шкале нацистского мировоззрения.

После сказанного не может удивить и отношение г. Шафаревича к геноциду еврейского народа, совершенному нацистским режимом. Его безмерно раздражает особенное, как он считает, внимание к этой трагедии, которую он помещает рядовым событием в цепь кошмаров, переполнявших ушедший век. Противопоставление одних страданий другим – давний демагогический прием этого автора. Его вообще раздражают «жалобы» евреев, умирали бы себе молча, не беспокоили бы порядочных людей. Вот как происходил Кишиневский погром 1903 г. по Шафаревичу:

«Видимо, такую же «бытовую» основу имел знаменитый (! – Б.К.) Кишиневский погром 1903 г. Первый день имел характер обычных подобных беспорядков: было разгромлено несколько еврейских лавок и домов. Но полиция произвела много арестов, и к вечеру беспорядки утихли. Однако на следующий день волнения расширились. Начались столкновения между группами евреев и христиан, вооруженных, чем попало. Полиции не удалось ликвидировать беспорядки (хотя попытки были). Волнения приняли более агрессивный характер. Были разгромлены многие сотни еврейских домов. Были человеческие жертвы: чаще всего называется цифра в 45 убитых евреев и 4 христиан. Сейчас это примерно число жертв беспорядков на крупном футбольном матче (! – Б.К.)» (стр. 143).

Оказывается, не было обвинений в ритуальном убийстве, двухмесячной погромной агитации в кишиневской газете «Бессарабец», издававшейся Крушеваном. Агитации, противоречившей действовавшим российским законам, но, тем не менее, властями не пресеченной, не было многого другого, дающего основания говорить об организованном властями побище. Все возникло на «бытовой основе», что-то вроде ссоры на танцплощадке.

Реальное представление об этом преступлении царского режима можно получить из книги Семена Резника «Кровавая карусель», а также из его большой статьи в журнале «Вестник», к которой более подробно мы вернемся ниже.³⁸

Интересное языковое наблюдение: стоит евреям оказать хоть какое-то сопротивление убийцам, как «погром» заменяется нейтральным и двухсторонним словом «беспорядки», говорится о «столкновениях» еврейских групп с «группами христиан». Уже и не поймешь, кто кого пришел убивать. Неясно, почему г. Шафаревич не называет Катастрофу еврейско-немецкими столкновениями: ведь было же вооруженное восстание в Варшавском Гетто!

Г. Шафаревич жалуется на преувеличения числа жертв с еврейской стороны. Что же тут скажешь, у страха глаза велики, бывают и серьезные преувеличения, и впечатлительные души не всегда точны в своих арифметических выкладках, возможны даже и злоупотребле-

ния. Все это отнюдь не специфично именно для евреев, например, имели хождение значительно завышенные цифры жертв Ходынской Трагедии, назывались преувеличенные данные о жертвах бомбардировок Дрездена и т.д. Вполне понятная человеческая слабость, но фактически одним евреям она только и ставится в вину.

Здесь мы затрагиваем более широкую проблему двойных стандартов, особенного отношения, особенных требований, предъявляемых к еврейскому народу по сравнению со всеми прочими. Как сказал когда-то Жаботинский, каждый народ имеет право на своих негоде-ев.³⁹ Имеет такое право и еврейский народ. Евреи бывают разные, в их среде существует множество конфликтующих течений, сталкивающихся мнений и т.д. Были и негодяи, верой-правдой служившие под командой железного Феликса в ЧК, под водительством вождя всех народов в НКВД и т.д. Никто не рисует портрет немецкого народа с Гитлера, русского народа с Ивана Грозного, грузинского народа с тов. Сталина и т.д. Но вот писать евреев «с Троцкого» любимое занятие некоторых русских (и не только) сочинителей. За любым государством, подвергающимся ежедневным террористическим атакам, признавалось бы право на самую жесткую ответную реакцию, но не за Израилем. В сегодняшней реакции Европы и «либеральной» общественности как таковой, на кровавые арабские преступления на библейской земле ясно проступают черты никогда не исчезавшей многовековой ненависти к еврейскому народу. Об этом же свидетельствует освещение событий основными средствами массовой информации в Европе и в США, что, среди прочего, показывает и настоящую цену стенограмм г. Шафаревича о мировом еврействе, «захватившем» прессу, радио, телевидение и т.д.

Но вернемся к нашему повествованию. Г. Шафаревичу не нравится, что в отличие от других несчастий слова Холокост, Катастрофа (как синоним Холокоста) пишутся с большой буквы. «Такое выделение страданий, перенесенных именно евреями, как некоторого совершенно особого явления как-то задевает нравственное чувство» (стр. 216). Полагаю, читатель уже смог составить представление о «нравственных чувствах» г. Шафаревича, и кое-что еще ожидает нас впереди. Я готов писать с самых больших букв о любых человеческих Трагедиях (и уже сделал это в случае Ходынки). Что же касается природы Холокоста, то я все же вижу особенность, уникальность в систематическом, где бы они ни находились, выслеживании⁴⁰ и уничтожении без различия пола, возраста, гражданства и т.д. людей определенной национальности при помощи всей мощи развитого государственного аппарата. Геноцид, да простит меня русский интеллигент с обостренным «нравственным чувством», имеет свою специфику. Что абсолютно не умаляет никакое другое страдание. Зло в этом мире многогранно, существует много его градаций, и нет никакого зла в различении одного зла от другого, напротив это необходимо делать.

Несомненно, следует писать, говорить, напоминать гораздо чаще, громче и глубже, чем это делается сегодня, о Катастрофе, геноциде армянского народа. Надо бить в набат. Более полутора миллионов жизней потерял армянский народ в ходе учиненного Турцией в 1915 – 1916 и в 1920 – 1923 гг. геноцида. Австро-еврейский писатель Франц Верфель (Franz Werfel, 1890 – 1945) опубликовал в 1933 г. большой роман «Сорок дней Муса Дага» об этой Трагедии.⁴¹ Насколько мне известно, существует и русский перевод этой книги.

Нельзя, ни в коем случае нельзя забывать о Трагедии польского народа (в том числе и о расстреле польских офицеров в Катыни), русской Трагедии...

Несомненно, также, что неумные, а, порою, и недобросовестные люди часто употребляют слово «Холокост» всуе, как разменную монету в сиюминутных целях, но все это не имеет никакого отношения к «изложению» проблемы в обсуждаемой нами книге.

Соответственно, весьма доброжелательно упоминаются отрицатели Холокоста, «реви-зионисты», как они себя скромно называют. Говорится о внушающем уважение «мужестве этой небольшой группы, преследуемой по всему миру», о том, что «борются они, в любом

случае, за освобождение от произвольно накладываемых запретов, за свободу научного исследования и человеческой мысли вообще» (стр. 217). Ну, просто что-то вроде Галилео Галилея в железных руках инквизиции.

В январе–апреле 2000 г. в Лондоне проходил судебный процесс по делу одного из лидеров «небольшой, преследуемой группы». Речь идет об известном исследователе Третьего Рейха, авторе ряда книг на эту тему Давиде Ирвинге (David Irving). Человек, несомненно, талантливый, неутомимый исследователь архивов, владеющий пером, он был встречен «ревизионистами» с распростертыми объятьями. Судебное дело было возбуждено *не против* Ирвинга, а, напротив, *им самим*. Он обвинял в клевете и в нанесении ущерба своей научной и деловой репутации американского профессора Дебору Липштадт (Deborah Lipstadt), а также издательство Penguin Books, опубликовавшее в Англии ее книгу, в которой Ирвинг квалифицировался как «отрицатель Холокоста». ⁴² Надо сказать, что в делах о клевете английское законодательство благоприятствует истцу, возлагая все бремя доказательств на ответчика.

По горячим следам процесса журналист Гуттенплан опубликовал книгу, ⁴³ по моему мнению, спокойную и объективную и даже не без симпатии к Ирвингу. На стр. 120 и 249 можно прочесть, что газовые камеры именовались Ирвингом в публичных выступлениях «голливудскими легендами», и что «больше женщин умерло на заднем сиденье машины сенатора Эдварда Кеннеди в Чаппаквидике, чем в газовых камерах Освенцима». ⁴⁴ Подобного рода заявления радостно встречались аудиторией. Можно представить себе какого рода публика наслаждалась такими плодами «свободы научного исследования и человеческой мысли вообще» ⁴⁵.

Давид Ирвинг представлял себя сам в суде и имел полную возможность изложить и аргументировать свою точку зрения, продемонстрировать свои огромные фактические знания. К делу были привлечены эксперты, виднейшие специалисты по истории третьего Рейха. Некоторые экспертные заключения превышали размером 700 страниц! Разумеется, были скрупулезно соблюдены все правила английского судопроизводства. Процесс привлек огромное внимание прессы, был широко представлен и на Интернете. Приговор судьи Грея (Ch. Gray) был изложен на 333 страницах и оказался сокрушительным для Ирвинга, полностью проигравшего дело, в том числе и в отношении его утверждений об «еврейском заговоре» с целью заставить его замолчать. Судом было установлено, что Ирвинг манипулировал документами, намеренно искажал их, не принимал во внимание важные данные, и что эти действия были вызваны его антисемитизмом. ⁴⁶

В книге Шафаревича неоднократно наблюдается тенденция списывать со счетов страдания как евреев вообще, так и отдельных людей в частности. Совершенно, оказывается, неважно, виновен тот же Бейлис или нет. В конце концов, его ведь оправдали, и даже при «капитале» он остался (стр. 150). Ну, конечно, раз еврей, то и капитал. Что пережил, что перенес этот человек, обвиненный в ритуальном убийстве, – этим «нравственное чувство» г. Шафаревича не обеспокоено. Само это дело, по оригинальному заключению автора, не имеет значения «ни для истории русско-еврейских отношений, ни для истории вообще» (стр. 148). Помимо прочего, эти страницы книги оставляют ощущение, что в соответствии со сказанным, г. Шафаревич не обеспокоился даже поверхностным знакомством с материалами процесса (о чем свидетельствует и полное отсутствие первичных источников в списке литературы к главе).

Подробный, опирающийся на стенограммы процесса и другие важнейшие источники рассказ о деле Бейлиса, вопиющем примере Кровавого Навета в 20-м веке, можно найти в недавней книге Резника «Растление ненавистью» ⁴⁷. Удивительно, но специалисту по цитатам, носителю обостренного нравственного чувства, русскому патриоту не приходит в голову, что огромная общественная реакция на дело Бейлиса была вызвана не еврейскими махинациями, а совестью русского народа, русской Души.

То же самое можно сказать и о деле Дрейфуса, упоминаемом вскользь, как еще одном примере злодейских еврейских манипуляций общественным мнением. Ни Золя, ни Короленко не появляются под пером г. Шафаревича. Личности ему не нужны, только схемы.

В главах, касающихся положения евреев в России, автор «Загадки» ставит слово «угнетенные» в кавычки, тем самым подчеркивая, что общеизвестные исторические факты на сей счет являются мифом, созданным, очевидно, все теми же евреями. Нам нет необходимости подробно останавливаться на этой отнюдь не светлой части еврейской истории, поскольку об этом подробно и со ссылками на многие источники рассказывает Семен Резник в большой работе «Вместе или врозь? – Заметки о книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе»⁴⁸ в балтиморском журнале «Вестник». Больно читать страницы, посвященные николаевской рекрутчине, пронзительное свидетельство Герцена об участии еврейских детей, отнятых навечно у родителей. Сколько их полегло на этих российских дорогах... Ни слова, ни звука об этом у Шафаревича не нашлось. Зато с какой характерной непринужденной легкостью, мимоходом сказано: «Великий князь Сергей Александрович вновь ввел *некоторые* (курсив мой – Б.К.) ограничения, касающиеся евреев, отмененные его предшественником» (стр. 164). Вот перворучное свидетельство этих «некоторых ограничений» из несколько неожиданного источника, биографической книги Евгения Пастернака об его отце:

«Лето (речь идет о 1891 г. – Б.К.) ознаменовалось социальными потрясениями. Весной началось выселение из Москвы евреев-ремесленников и отставных солдат. Пастернак (Л.О. Пастернак – Б.К.) был огражден университетским дипломом и соответственно званием почетного гражданина, которое он получил в ту весну. 15 апреля он писал жене: «Просто работать не хочется, когда посмотришь, какая царит паника среди евреев. Каждый наготове завтра подняться с места, где жил десятки лет с семьей. И куда они денутся, все эти несчастные. Скверно! Вчера, например, я столкнулся с Левитаном у Поленовых, и вот мы полдня почти прошлялись по городу, и все пели одну и ту же заунывную ноту об исключительном положении евреев и о безнадежном их в будущем состоянии».⁴⁹

Надо быть г. Шафаревичем, чтобы не задумываться о том, что чувствовали два замечательных художника. И ведь как любили они мачеху-Россию... Впрочем, не найдет ли орлиный глаз эксперта-евреоведа признаков неистребимой, в Ветхий Завет уходящей ненависти в пейзажах Левитана, в иллюстрациях к Толстому Пастернака - старшего?

В этом же нравственном ключе можно рассматривать общие замечания о Кровавом Навете. Вроде бы отвергая таковой, г. Шафаревич в свойственной ему манере тут же оговаривается, оставляя неискушенного читателя при впечатлении, что «что-то все-таки в этом есть». Так и вспоминается Золя с его знаменитым «Клевещите, клеvещите...». Весь народ – конечно, нет, не виновен, говорит г. Шафаревич, но вот насчет еврейской секты, — кто знает. Видимо, бесполезно напоминать академику-математику об ответственности публициста, о том, что подобные суждения не находятся в сфере чистой логики, закона исключенного третьего, и что опасно и безответственно предлагать их публике, не имея никаких доказательств.⁵⁰ Это безнравственно вообще, безнравственно на фоне кровавой истории Кровавого Навета, а в нынешней накаленной межнациональной обстановке, тем более. Автор «Загадки» не поддерживает концепцию мирового заговора, но высказывает свое мнение по этому поводу своеобразно (стр. 223):

«Но в часто высказываемую концепцию «всемирного заговора», руководимого из единого центра (например, «Сионскими мудрецами»), факты не укладываются. Причем, не укладываются столь очевидно, что эта концепция выглядит как ловушка, поставленная на пути тех, кто пытается осмыслить роль еврейства».

Вряд ли стоит говорить, кто поставил эту «ловушку» на пути искателей истины. И вправду, унтер-офицерская вдова бессмертна в русской традиции.

Не воспринимая чужих страданий (а бывают ли страдания «чужими?»), автор «Загадки» создает впечатление, что подобной нечувствительностью отличаются именно евреи. Стоит ли говорить, насколько это далеко от действительности? Здесь, в Америке невозможно включить телевизор, чтобы не увидеть соплеменника, призывающего защищать реальных или воображаемых угнетенных всех рас и стран... Раввины выходят на демонстрацию в Нью-Йорке в защиту Ирака!⁵¹ Евреи были в первых рядах защитников прав афро-американцев во время борьбы за гражданские права, они в массе поддерживают сегодня акцию положительных действий (affirmative action) в США и т.д., и т.п.⁵² В Израиле совесть определенной и значительной части общества доходит до самоубийственного клинического идиотизма.

С другой стороны любое движение евреев в поддержку своих прав, в защиту своих соплеменников возмущает г. Шафаревича. Евреям привычно отказывается в правах, автоматически признаваемых за другими народами. Например, с негодованием приводятся случаи, когда еврейские банкиры ставили условием получения займов улучшение положения еврейского населения России. Стоит ли напоминать, как та же Россия даже и кровопролитные войны начинала в защиту своих славянских братьев? Какие уж тут займы... И не только евреи жалуются на свои невзгоды – г. Шафаревич на многих страницах сетует на горькие, трагические русские судьбы. Меня это не раздражает, напротив, всем сердцем сочувствую, желаю света и добра великому народу, проходящему через трудный период своей истории. Хочу к этому добавить, какое сочувствие к русским трагедиям я наблюдал здесь, в Америке и со стороны евреев, и со стороны американцев вообще. Каждый теракт отзывался болью в американских сердцах. Такой была интонация средств массовой информации, такой же была интонация простых людей, моих американских друзей и коллег. Они останавливали меня, расспрашивали, сочувствовали... Ведь для них я – «оттуда»... Я своими глазами видел, как переживали американцы за заложников в трагические дни октябрьского (2002 г.) теракта в Театральном Центре на Дубровке (ул. Мельникова) в Москве, какой болью отозвалась гибель людей... А вот реакция на трагедию 11 сентября русского, подчеркиваю русского, не какого-то там русскоязычного поэта, есенинского лауреата, донесенная до публики газетой русских писателей «Московский Литератор»⁵³:

ВОЗМЕЗДИЕ

С каким животным иудейским страхом
с экранов тараторили они!..
Америка, поставленная раком, –
Единственная радость в наши дни.
И не хочу жалеть я этих янки.
В них нет к другим сочувствия ни в ком.
И сам я мог бы, даже не по пьянке,
Направить самолет на Белый дом...

Ну, не жаль стихотворцу американцев и прочего сброда, да ведь и российских граждан погубило немало в небоскребах... Конечно, конечно не все эти граждане были арийцами, но и вполне доброкачественные русские наверняка там были. В свое время даже г. Куняев со товарищи не побрезговал американским хлебом-солью... Похоже, и русской кровушки не жаль пролить за святое дело братьев-мусульман...

Вспоминается и сетование г. Шафаревича (стр. 298 – 299):

«Явно болезненными для русского сознания были порнографические публикации, заполнившие в тот период (ранние 90-е годы – Б.К.) (да заполняющие и до сих пор) российские СМИ. Болезненными, так как историческое русское сознание эти темы отталкивало. С момента возникновения письменной литературы у нас не было ничего аналогичного ни лю-

бовной лирике менестрелей, ни «Тристану и Изольде». Все любовные мотивы сводились, кажется, к «Плачу Ярославны»».

Разумеется, именно евреи, отравляли такими публикациями русское национальное сознание. Я отнюдь не сторонник порнографии, скажу это сразу. Но решительно не понимаю, почему рядом с нею ставится, например, «Тристан и Изольда», знает ли автор, о чем он пишет? Можно также напомнить, что после Плача Ярославны был Барков и куртуазные, если не более того, стихи Пушкина... Но не в этом дело, интереснее спросить, к какому жанру следует отнести цитированные только что строки? На Плач Ярославны не слишком похоже...

Как в предыдущих работах нашего автора, так и в работах других публицистов подобного направления поражает полное нежелание признать хоть какую-то ответственность русского народа за собственную историю. Не мне судить, насколько совместимо это с достоинством великой нации. А ведь не только евреям есть, о чем задуматься. Вот у г. Шафаревича проскакивает формула о «сепаратизмах украинских, прибалтийских, даже сибирских» (стр. 297). Ну, хорошо, украинцы, они как бы «меньшие братья» с великодержавной точки зрения, но неужели три прибалтийских народа, совершенно иной, не славянской культуры, с огромной тягой к самостоятельности, должны жить под российской оккупацией?

Нетрудно вообразить объемистые тома на тему «Россия из перспективы поляка», «Россия глазами чеченца», «Россия глазами японца», «Россия глазами румына» и т.д., и т.п. Не евреи ответственны за многовековую русскую экспансию. Не делили бы с другими хищниками Польшу, не было бы значительного еврейского населения под русской юрисдикцией. Не завоевывали бы в 19-м веке Кавказ, не было бы тов. Сталина, чеченского узла. Очевидно, каждый народ имеет определенные пределы своей жизненной мощи, так сказать гравитационного потенциала, в рамках которого может привлекать и удерживать на своих орбитах меньшие нации. Не вышел ли русский народ в своей экспансии за эти границы?

Можно также заметить, что движение к революции в других странах, порыв «землю в Гренаде крестьянам отдать» вполне свойственен и чисто русской традиции. Вагнер, например, красочно описывает восстание 1849 г. в Дрездене и руководящую роль, которую сыграл в этих кровавых беспорядках Бакунин.⁵⁴ В числе прочего безжалостно разрушались народные реликвии, было сожжено старинное здание Дрезденской оперы. Немало русских революционеров активно участвовало в Парижской Коммуне, в их числе и Анна Жаклар, сестра Софьи Ковалевской.⁵⁵ В советские времена революция экспортировалась по всему миру в огромных количествах, народные деньги шли на поддержку всевозможных освободительных движений (что только не именовалось этими словами!) и т.д., и т.п. Между тем, именно русский народ был державообразующей нацией в этом государстве. Не зря СССР часто именовали просто Россией (особенно в военные годы), а тов. Сталин любил употреблять в общении с западными лидерами формулу «мы, русские». Да и многочисленные публикации «патриотов» (ставлю кавычки, так как употребляю слово терминологически, для обозначения определенных течений на российской политической арене) показывают, что СССР рассматривается ими как российское государство.

Здесь мы прикасаемся к противоречивому и эмоционально заряженному вопросу о национальном характере.

По существу, весь обсуждаемый нами трактат является злобным и пристрастным «изучением» еврейского национального характера, в одном пассаже (стр. 176) это явно прорывается наружу. Но тогда ведь и русский национальный характер можно изучать, осмысливать. Следы таких размышлений отражаются в мифах-предрассудках, вроде «загадочной русской Души», «русского медведя» и т.д., и т.п. Я не рискую высказывать здесь свои наблюдения, не по душе мне «русоведение», слишком легко ранить, обидеть хороших людей. Цивилизованное обсуждение, сравнение русского и еврейского национальных характеров можно найти в известной работе Жаботинского,⁵⁶ при этом, разумеется, надо

отдавать себе полный отчет в условности самого «жанра», в недопустимости применения общих соображений к конкретным людям (типа «X – русский (еврей, немец и т.д.), следовательно, он такой-то»).

Как я уже отмечал когда-то, г. Шафаревич, с необычайной легкостью оскорбляющий национальные чувства других людей, крайне чувствителен к собственным. Чуть-чуть оступись и – попадешь в русофобы. Иногда, правда, и недоразумения случаются, с кем не бывает. Вот, в «Русофобии»⁵⁷ длинная цепь разоблачений приходит к кульминации в пересказе анекдота о червях: «...два червя – новорожденный и его мама – вылезли из навозной кучи на белый свет. Новорожденному так понравилась трава, солнце, что он говорит: «Мама, зачем же мы копошимся в навозе? Поползем туда!» – «Тсс, – отвечает мама, – ведь это наша Родина!» Немедленно после этого следует вывод, набранный для пущей убедительности курсивом: «Литературное течение, рассматривавшееся в этой работе («Русофобии» - Б.К.), является проявлением идеологии «Малого Народа» (читай евреев – Б.К.), отражением его войны с «Большим Народом». «Сами такие анекдоты не рождаются, кто-то и зачем-то их придумывает!» - восклицает Шафаревич. На вопрос «зачем» я ответить затрудняюсь, зато на вопрос «кто» ответить нетрудно: выдающийся русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин.⁵⁸

Читая книгу г. Шафаревича, постепенно перестаешь удивляться красотам его «историографии». «Обозревая» путь евреев в истории Европы, он ухитряется практически полностью оставить за бортом христианско-еврейские отношения, как таковые, оперируя в основном псевдозкономическими и социальными категориями. В этом отношении он поразительно напоминает официальных советских историков. Заодно, из истории исчезают и личности, за исключением еврейских имен, выбранных для поливания грязью, и, в качестве положительного полюса, – Достоевского.

Между тем именно теологическое, духовное напряжение между иудаизмом и христианством играло определяющую роль в положении евреев среди европейских народов. Как хорошо известно, христианство развилось из мессианского движения в иудаизме. Образовался так называемый Новый Израиль. Оставался, однако, жгучий вопрос, что делать с прежним, лучше сказать настоящим Израилем, упорно не признававшим новую веру. Кстати сказать, именно такому упорству, еврейской преданности вере отцов на протяжении веков античности христианство обязано самим своим существованием.⁵⁹ Отвержение христианского Мессии евреями, народом, принявшим Слово Б-жие на Синае, представляло собою очевидный теологический, духовный и практический вызов. Постепенно ранняя Церковь выработала подход, по которому миссия евреев состоит в том, чтобы жалким своим положением свидетельствовать наказание за «богоубийство» и отвержение Иисуса. Избавление, спасение Израиля наступит в конце времен при окончательном торжестве христианства.

Соответственно, евреев не следует истреблять, но положение их должно быть незавидным. Охранительная сторона этой позиции, вероятно, и спасла евреев от полного уничтожения, пенициарная часть создавала моральный базис для ограничений и преследований. Разумеется, сказанное крайне упрощенный эскиз, на эту тему имеется огромная литература, полностью отсутствующая среди источников г. Шафаревича.⁶⁰ По мере ослабления позиций христианства в Европе на поверхность все более выступала зародившаяся уже в его рамках расовая, заряженная геноцидом ненависть к евреям. Тяжело об этом говорить, но преемственность ненависти от христианской традиции к нацистским преступлениям более чем очевидна.

Рауль Хильберг, автор, пионерского и, пожалуй, самого авторитетного исследования Катастрофы, пишет⁶¹:

«Христианские миссионеры, в сущности, сказали: вы не имеете права жить среди нас как евреи. Следовавшие за ними светские правители заявили: вы не имеете права жить среди нас. Немецкие нацисты, в конце концов, декретировали: вы не имеете права жить».

Он же приводит таблицу соответствия антиеврейских мер, принятых христианскими институтами и нацистами.⁶² Вот один выразительный пример: установленные Четвертым Лютеранским Собором (1215 г.) правила обращения с евреями были вполне сопоставимы с расовым законодательством нацистов (одно из соответствующих постановлений Собора даже предписывало специальные знаки на одежде евреев). Об этом пишет также С. Лезов в статье-обзоре «Новый Завет и Голокауст»,⁶³ посвященной христианскому осмыслению уничтожения европейских евреев нацистской Германией. Развитию послевоенного еврейско-христианского диалога в огромной степени способствовал совершенно неординарный человек, выдающийся французский историк, герой Первой Мировой Войны (Военный Крест Ордена Почетного Легиона за храбрость) Жюль Исаак, в частности, его замечательная монография «Иисус и Израиль».⁶⁴ В Жюле Исааке, помимо огромной эрудиции первоклассного историка, поражает человечность, чуткость, терпимость, сочувствие к чужой боли (а ведь и своей боли выпало на его долю немало: в нацистском концентрационном лагере погибли жена и дочь, книга создавалась, когда автор скрывался от нацистов). Есть и его заметный вклад в эпохальных решениях Второго Ватиканского Собора (1965 г.), важном и трудном шаге в преодолении тяжелого прошлого. Решения эти вызывают бессильный гнев г. Шафаревича, почему-то именующего Жюля Исаака «представителем Бней-Брита». Добавлю, что ничего зловещего я в Бней-Брите не вижу... Да и в масонах как таковых тоже... Вот в Пенсильвании есть маленький городок под названием Москва (Moscow), так там на главной улице выставлен знак масонской ложи и ничего, люди живут, и, похоже, неплохо...

Книга г. Шафаревича вполне укладывается в средневековую линию демонизации евреев,⁶⁵ чему христианский мир с упоением предавался столетиями. Психологический механизм подобного извращения вполне понятен: проецирование темных сторон собственной души на кого-то иного доставляет комфорт, утешение, снимает чувство вины. Не задерживаясь на том, до какой степени евреи были ограничены в возможных своих занятиях, г. Шафаревич постоянно обвиняет их в свирепой жадности. Вот, что пишет по этому поводу Вл. Соловьев⁶⁶:

«Нужно ли припоминать все, что евреи претерпели от христианских народов в средние века, когда гонения на них доходили до такого неистовства, что даже столь строгий ревнитель воинствующего католицизма, как папа Иннокентий III, должен был издать в защиту евреев особое узаконение (*constitutio pro Judaeis*), где он, между прочим, запрещает христианам под страхом отлучения от церкви разрушать еврейские кладбища и вырывать погребенные тела с целью *вымогательства денег*? Нам кажется, что все обвинения евреев в сребролюбии и эксплуатации христиан бледнеют перед таким свидетельством».

Несколько странно на фоне всего уже сказанного обращать внимание на вещи второстепенные, но из простого рассмотрения источников г. Шафаревича даже и неспециалисту виден любительский уровень его работы. Скажем, Моммзен (1817 – 1903) – более чем уважаемый автор, но историческая наука не стояла на месте со времени его классических работ. Например, имеется монументальная монография Марселя Симона по истории отношений евреев и христиан в Римской Империи, 135 – 425 н.э.⁶⁷ В рассматриваемой античность гл.2 книги Шафаревича упоминается работа 1928 г. Гарри Леона, посвященная еврейским именам в Древнем Риме. Между тем, с тех пор Леон опубликовал интереснейшую монографию «Евреи в Древнем Риме», в которой, в частности, впервые систематизировал археологический и эпиграфический материал, собранный в еврейских катакомбах. Из эпиграфических и литературных данных, заключает Леон, ясно, что удручающе большая часть еврейской общины Рима жила в бедности, и что прибыльная торговая деятельность, ассоциируемая с евреями позднейших эпох, в Древнем Риме не наблюдалась.⁶⁸

Неоднократно и очень сочувственно цитируется Зомбарт (Werner Sombart (1863 – 1941)). Это действительно оригинальный и интересный автор, один из основателей эконо-

мической истории. Однако, его концепции (в которых, кстати, находят влияния Маркса) достаточно спорны. Международная Энциклопедия Социальных Наук утверждает, что «трудно описать его (Зомбарта – Б.К.) мировоззрение – его политические взгляды, социальные теории, отношение к религии – поскольку все аспекты его мысли неоднократно менялись», относительно главной работы ученого «Современный капитализм» этот же авторитетный источник предостерегает: «Это великолепная и сложная книга; достоверные факты и ненадежная информация приводятся рядом друг с другом, и опасные ассоциации между совершенно различными идеями требуют критического внимания».⁶⁹

История имеет свою собственную динамику, это бесконечная Драма с огромным количеством действующих лиц, непостижимым переплетением нитей-судеб людей, времен, народов, и замысел Режиссера нам недоступен. Анализ этой Драмы с заранее предвзятой, недоброй идеей – дело опасное.

Евреи принимали и притом немалое участие в истории европейских народов, но их роль как катализатора ломки тех же средневековых институтов, сильно преувеличена. Реформация 16-го века, кромвелевская революция 17-го века в Англии произошли без всякого участия евреев (в Англии их попросту не было с момента изгнания в 1290 г.). Не принимали участия евреи и в Великой Французской Революции 1789–94 гг. А ведь эти события радикально изменили лицо Европы. Можно сказать, что весь 19-й век прошел в тени французских революционных потрясений конца 18-го века. Радикальную ломку старинных институтов в России произвел Петр Первый, крепостное право отменил – Александр Второй. Да и Герцена разбудили декабристы, а не евреи.

Несомненно, евреи много сделали для создания структур современного развитого капитализма. Да так ли уж плох он? При всех недостатках этой системы только в ее рамках и появился значительный средний класс, обеспечены достойные условия существования многим миллионам людей. Вполне возможно, что России эта система не подходит, что имеется особенный русский путь, о котором много, хотя и не слишком вразумительно говорят. Не мне судить. Но даже если этот путь и будет найден, подойдет ли он – особенный, специально к избранному русскому народу приспособленный – кому-либо еще?

Из всего уже сказанного очевидно, что книгу г. Шафаревича никоим образом нельзя использовать как руководство по истории. Здесь можно рекомендовать общие курсы европейской истории, и монографии, специально посвященные истории еврейского народа. Недавно в русском переводе вышла, например, монография Льва Полякова,⁷⁰ имеется большое число и других руководств.⁷¹

Остановимся вкратце на использовании еврейских источников. Здесь очевидно намерение автора усилить впечатление, производимое его инвективами, «признаниями с противоположной стороны». С этой целью привлекаются уважаемые еврейские авторы, работы которых тщательно прочесываются в поисках подходящих цитат. Естественно, в литературе можно найти самые разные точки зрения, мнения, эмоции. Неоднократно упоминается, скажем, ненависть к России Хаима Вейцмана (1874 – 1952). Вейцман был выдающимся ученым-химиком, виднейшим деятелем сионистского движения, первым президентом Государства Израиль. Сомневаюсь, что у него было время вообще много думать о России, что она его всерьез волновала. В книге его воспоминаний⁷² (почти 500 страниц) я нашел с помощью предметного указателя два места, где автор прямо выражает свои эмоции по поводу России. На стр. 29 Вейцман пишет, что он «терпеть не мог Россию (disliked Russia intensely)», но тут же добавляет, что речь идет не о России, как таковой, а о царской России. Во втором случае (стр.149) Вейцман проявил резкость к России в ходе эмоционального разговора. Вряд ли это можно всерьез выдавать за его *credo*. Да и какое значение, в сущности, имеют эмоции Вейцмана, человека, занятого созданием еврейского государства, по отношению к России?

Мой собственный опыт общения с несколькими поколениями соплеменников, начиная с бабушки и ее друзей (а она родилась в 1882 г.), в России, в США и в Израиле никак не подтверждает феномена «ненависти», которым обеспокоен г. Шафаревич и который он извлекает из литературных источников. Не могу ни про кого всерьез сказать «да, он/она ненавидит Россию». Более того, в абсолютном большинстве евреи, с которыми я общался, или попросту любили Россию, или относились к ней с симпатией и участием. Вообще россиянам свойственна повышенная чувствительность в этом, по-моему, вполне персональном вопросе «любит/не любит». Если я скажу, например, американцу, что мне не нравится Америка, он заинтересуется – что именно не нравится, будет сочувственно слушать, кивать головой. Русский (а иногда и русско-еврейский!) собеседник в подобной ситуации, как правило, обидится.

Вторая группа еврейских источников представлена авторами, враждебно настроенными либо к своему народу как таковому, либо к определенным направлениям в еврейской жизни. Явление самонеприязни, даже самоненависти хорошо известно на персональном уровне, иногда заканчиваясь трагически, самоубийствами. На уровне общественном эта психологическая черта проявляется в неприязни к своему народу. Болезнь эта особенно характерна для еврейского народа, подвергавшегося в течение поколений огромному внешнему давлению. Несомненно, самоненавидящим евреем был Карл Маркс. Через всю еврейскую историю проходит галерея выкрестов, причинявших страшную боль и вред своему народу. К такого рода авторам принадлежит цитируемый г. Шафаревичем Яков Брафман, о подлой деятельности которого можно прочесть в уже упоминавшихся книгах Дудакова и Резника.⁷³

В наше время выкрестов сменили представители разложившегося, декадентского либерализма, высокообразованные люди, которых по инерции называют интеллектуалами.⁷⁴ Одним из самых известных примеров здесь может служить выдающийся лингвист и поразительный по убожеству политический демагог-левак Н. Хомский (N. Chomsky).⁷⁵ Особую окраску приобретает этот международный феномен в Израиле. В маленькой стране, находящейся в состоянии войны все полвека своего существования, принявшей невероятное число эмигрантов из самых разных краев земли, естественно, можно встретить бесчисленные противоречия, конфликтующие точки зрения. Почти пополам расколота страна между правой и левой частью политического спектра. Особенно велико напряжение между религиозным и светским секторами общества. Хрупок здесь баланс. В этих условиях многие светские люди испытывают неприязнь, чтобы не сказать больше, к религиозным партиям и течениям. В некоторых случаях это с южным темпераментом переносится на иудаизм как таковой. На все это накладывается особенная еврейская совесть, при которой и о смертном враге душа болит.⁷⁶ Я встречал таких добрых, светлых, по-моему, не вполне от мира сего людей в Израиле. По-видимому, Израиль Шахак, упорно цитируемый г. Шафаревичем,⁷⁷ принадлежит именно к таким людям.

Трагична его судьба. Шахак родился в Варшаве в 1933 г. Провел три года в Варшавском Гетто, был заключен в немецкие концлагеря (отец умер в концлагере). Выжил, в возрасте 12 лет прибыл в 1945 г. в Палестину, в 1961 г. получил докторскую степень по химии и многие годы преподавал эту дисциплину в Еврейском Университете в Иерусалиме. В 1970 г. стал председателем Израильской Лиги Человеческих и Гражданских Прав.⁷⁸ Много ездил, выступал с лекциями левого толка. Призывал к оказанию международного давления на Израиль с целью вынудить существенные уступки арабам. Что касается его резко антииудаистской книги, то она не вызвала большого интереса (никоим образом нельзя считать доктора Шахака экспертом по иудаизму или истории), хотя несомненно порадовала г. Шафаревича. Я нашел на Интернете две рецензии. Аргументированную и резко отрицательную Вернера Кона:

<http://www.wernercohn.com/Shahak.html>.

и хвалебную Исламского Радио:

<http://abbc.com/islam/english/toread/jewhist.htm>. На последнем сайте непосредственно за рецензией следуют отсылки на Протоколы Сионских Мудрецов и подобную литературу. Г. Шафаревич неоднократно именует Шахака «патриотом». ⁷⁹ В отношении патриотизма Шахака могут быть разные мнения, но вряд ли г. Шафаревич имеет здесь право голоса. Сказано было Моисею: «И умри на горе, на которую ты взойдешь, и приложишься к народу твоему, как умер Аарон, брат твой, на горе Ор, и приложился к народу своему». (Второзаконие 32:50). Израиль Шахак умер в июле 2001 г. Не знаю, к кому он приложился, надеюсь, все же не к Исламскому Радио. Б-г судья этой еврейской Душе...

Наконец, имеются и маргинальные источники, на которых мы остановимся ниже.

При переходе к недавней российской истории появляются бесчисленные еврейские имена, и столь же бесчисленные таблицы евреев-участников революционного движения, евреев, занимавших посты в послереволюционных органах власти, в карательных органах. И опять приходят в голову слова Жаботинского о праве каждого народа иметь собственных негодяев. Невозможно поверить, что перечисления еврейских мерзавцев, возможные ответные перечисления негодяев русских (а таких тоже немало) как-то прояснят страшную трагедию Революции и Гражданской Войны, тем более создадут обстановку для русско-еврейского диалога. Впрочем, я сомневаюсь, что г. Шафаревич заинтересован в таковом.

Есть ведь и совсем общее соображение. Ну, хорошо, захват власти в Петербурге может осуществить группа опытных демагогов и интриганов. Но каким образом русские офицеры проиграли, нет, не одно какое-то сражение, даже не одну кампанию, а большую, стратегического размера войну? Вспоминаются строчки одной из редакций поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин»: «Чтоб нам, офицерам Голенищева-Кутузова/Благодаря политикам ловким/ Быть под командой Бронштейна бескартузого/Какого-то голоштанного Левки?». Цитирую по памяти: у нас дома был очень старенький том Маяковского, выпущенный в те давние годы, когда Министерство Правды еще не исключило имя Троцкого из любого не слишком бранного обихода (так, что в энциклопедиях можно было найти статью «троцкизм», но не «Троцкий»). Но, говоря серьезно, миллионы людей были вовлечены в войну, белыми войсками командовали боевые генералы, цвет русского офицерства собрали их знамена. И – сокрушительное, полное поражение. Одной одаренности того же Троцкого в военных, не банковских операциях здесь не хватило бы... Любая «еврейская сила» не могла бы этого достичь, если бы за победой красных не стояла какая-то исключительная *русская* реальность. Но в «Загадке» нет и следа анализа этого действительно неординарного феномена.

В обсуждаемой части книги можно увидеть известное сходство с упоминавшимся сочинением Солженицына, в котором тоже приводятся бесчисленные еврейские фамилии. В нашем случае в «научный» обиход вводятся еврейские жены, а в особо важных ситуациях и еврейские жены детей руководящих лиц. Тут уж и хороший советский отдел кадров и даже приемная комиссия мех-мата МГУ позавидуют. Трудно удержаться от длинной цитаты (речь идет о времени сразу после Октябрьского переворота):

«Производит впечатление, что в этот период тот, кто не был евреем, не имел хотя бы некоторых еврейских предков, для того, чтобы войти в высший слой лиц, стоявших у власти, стать там своим человеком, должен был иметь жену-еврейку. Исключение было возможно для грузина, вроде Сталина, для русского оно не допускалось. И ведь так оно продолжалось вплоть до маршала Жукова (1-я жена) и Брежнева». (стр. 175).

В оправдание тов. Сталина заметим, что впоследствии одним из мужей его дочери Светланы (к большому отцовскому неудовольствию) стал еврей.

Развернутый ответ на такого рода «методологию» истории в исполнении г. Солженицына дан в упоминавшейся статье Семена Резника в «Вестнике», к которой я и отсылаю читателя.

Отмечу лишь все ту же любопытную особенность – отсутствие личностей в истории по Шафаревичу. Читаешь его, и получается, что император Николай Второй как бы и не принимал участия в российских событиях, не оказывал на них никакого влияния. Эта историческая фигура почти не упоминается. Соответственно, оказывается, что русско-японская война — результат не дальневосточных авантюр царского правительства, не близорукости самого царя, называвшего японцев «макаками» (или «мартышками»), а происков одного из лондонских Ротшильдов, вовремя соблаздившего японцев подходящим займом. Между тем, роль Николая Второго в разрушении собственного государства трудно переоценить. Мы снова отсылаем здесь читателя к уже неоднократно упоминавшейся работе С. Резника в «Вестнике».⁸⁰

Вообще, история по Шафаревичу состоит из цепи еврейских подкупов: кого только не подкупали. Мирабо подкупали, Лессинга подкупали, похоже, что всю Японию подкупили. Слава Б-гу, г. Шафаревич устоял, не все потеряно для России. Но вот о многих российских ученых, получавших соросовские стипендии, уже не знаешь, что и подумать...

Относительно советского времени в «Загадке» развивается не слишком внятная идея любви-ревности между загадочными мировыми еврейскими силами и высшими эшелонами партийной власти, т.е. самой партией. Как сигнал этим «силам» рассматриваются, например, пропагандистские заявления Сталина и Молотова в 1931 и в 1936 гг., резко осуждающие антисемитизм. Вообще, в отношении Сталина проводится оригинальная линия. Если большинство «патриотов» считают Великого Вождя до мозга костей своим, русским из русских, страстным борцом против мирового еврейства,⁸¹ то по Шафаревичу Отец Народов был почти что агентом мирового сионизма, а когда стал своевольничать, этот сионизм убрал его руками своего агента полу-еврея Берии. При этом:

«Только после окончания войны стало понемногу обнаруживаться, что мировое еврейство и коммунистическая власть в СССР – это не одно и то же и в чем-то их интересы могут расходиться. Существование каких-то различий стало проявляться, начиная с 1948 г., когда возникло государство Израиль» (стр. 237).

Одновременно, разумеется, те же еврейские «силы» контролировали и Запад.

Но самый трагический перелом наступил в 80-е годы, когда «коммунистический режим полностью утратил ту мощную внутреннюю и общемировую еврейскую поддержку, которой он пользовался в течение многих десятилетий» (стр. 262). Очевидно, с этого и началось неудержимое движение к обрыву...

Трудно комментировать эти лунатические построения. Не хочу никого персонально обижать, но приходят в голову мысли о бреде преследования. Вдобавок, как всегда, в историографических спекуляциях г. Шафаревича немедленно обнаруживается зияющая дыра. Ни слова, ни одного слова не сказано о медовых месяцах Гитлера-Сталина, о пакте Молотова-Риббентропа, о секретных протоколах (отнюдь не Мудрецов Сиона), в исполнение которых были оккупированы прибалтийские государства, произошел очередной раздел Польши (какой удар в спину братьям по крови!), совершено разбойничье нападение на Финляндию. О том, что Вторая Мировая Война началась почти на следующий день после известных тостов за фюрера германского народа в Кремле – тоже ни слова. А ведь на российском государстве лежит здесь тяжелая историческая ответственность! Вот как развивались события по Шафаревичу (стр. 216):

«В 1939 г. началась (курсив мой – Б.К.) война между Германией и союзом Англии, Франции и Польши, в 1941 г. в нее оказались втянуты (курсив мой – Б.К.) СССР, США и Япония».

Вот так! Не напал Гитлер на Польшу, потом на СССР, не атаковала Япония Перл-Харбор. Все как-то само собою получилось.

Да и вообще – почти ни слова о страшной войне, через которую прошел мир. Заодно можно было бы и любимой темой заняться, о еврейском участии поговорить,⁸² скажем, таб-

лицы Героев Советского Союза привести. Не проникло ли и сюда в неподобающих числах вездесущее племя? Такой уж историк наш автор.

У меня нет никакого желания обсуждать части книги, относящиеся к современной российской ситуации. Они не слишком отличаются от прочих, в цельности автору не откажешь. Оставлю эту тему самим россиянам, я в России не живу, и она в центре моих интересов не находится.

Нет также смысла обсуждать мнения г. Шафаревича о США и об Израиле, как таковых, или в связи с российскими делами. Здесь автор «Загадки» попросту не владеет материалом даже на любительском уровне, не имеет никакого представления об американских или израильских реалиях, повторяя или переиначенные советские штампы, или зады арабской пропаганды. Отмечу только некоторые нелепости.

Настойчиво, со значением цитируются как бы в качестве «еврейских источников» два маргинальных автора: В. Топоров и Э. Тополь.

В. Топоров, профессиональный литературный переводчик, выпустил книгу мемуаров,⁸³ которую сам же называет «Записками скандалиста». Называет с полным основанием: книга переполнена сочными описаниями пьяных дебошей, драк и т.д. Больно видеть, как опустился талантливый литератор. Среди прочего, г. Шафаревич сочувственно цитирует Топорова, утверждающего, что нюрнбергским законам сейчас в России подлежали бы 10–15 миллионов человек. Могу вообразить, что случилось бы, если бы разные «патриотические» группы стали играть с этим инструментом. Говоря математически, получилось бы покрытие всего населения. Ни русских, ни якутов, ни татар – одни евреи, сам автор «Русофобии» не уцелел бы. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», как сказал поэт⁸⁴...

Э. Тополь известен как плодовитый автор детективов и прочей прозы, на мой вкус, скорее бульварного направления. Скандальная его статья 1998 г. в газете «Аргументы и факты»⁸⁵ вызвала практически всеобщее возмущение и сегодня также универсально забыта.

Цитирование «со значением» подобных авторов находится в комическом контрасте с постоянной серьезностью изложения, наконец, с грандиозностью самого названия трактата — «Трехтысячелетняя загадка».

Не останавливается наш автор и перед фактическим призывом к крестовому (не в переносном, но в прямом смысле этого слова!) походу на Израиль:

«Иерусалим оккупирован Израилем и объявлен его столицей. Более 1000 лет тому назад тогда нищая Европа выступила против гораздо более богатого Востока и хоть на какое-то время отвоевала свои святыни. А теперь цивилизация, называющая себя христианской и, по видимости, господствующая над миром, мирится с тем, что Святой для христиан Город захвачен государством, где положение христианства очень близкое к тому, которое было в Советском Союзе...» (стр. 263).

Трудно комментировать этот опасный вздор. Что же, не жаль христианской крови, чтобы «церкви в Гренаде арабам отдать»? Кстати, я не припоминаю, чтобы диссидент Шафаревич призывал богатую Европу к крестовому походу против не слишком богатого, но вполне безбожного Советского Союза... Православный христианин Шафаревич именуется холм в Иерусалиме, который Иисус называл Храмовой Горой, арабской (даже не мусульманской, а именно арабской!) святыней Аль-Харам. Пожалуй, пора чалму примерять академику⁸⁶... Слава Б-гу, еще хоть Иерусалим на арабский лад не переиначил... И т.д., и т.п.

Остановимся еще в нескольких словах на колоритной главе 16, названной «Еврейские таланты», хотя цель изысканий заключается как раз в доказательстве еврейской бездарности, так что «таланты» надлежит понимать иронически, даже если они и стоят в заглавии без кавычек.

Трудно квалифицировать эту часть писаний творца «Русофобии» иначе, как бледное (а в отношении стиля, скорее серое) подражание памфлету Рихарда Вагнера «Еврейство в му-

зыке». ⁸⁷ Конечно, математик вовлекает в сферу своего анализа и физико-математические науки, но в основном все то же самое.

Наконец-то, появляются личности. Еврейские личности, которых классификатор-академик расставляет по местам, или, лучше сказать, ставит на место.

Особенное его негодование вызывает Гейне, которому уделяется пристальное внимание даже в двух разделах книги: и в главе 16, и в главе 8, впрочем, изложение «проблемы Гейне» в обоих случаях почти одинаковое.

Для начала признается талантливость, даже яркая талантливость Гейне – ведь его переводили Лермонтов и Тютчев! Критерий несколько странный, ну, да каждый смотрит со своего насеста. Но затем на Гейне обрушивается ураганная критика, относящаяся не только к язвительной, сатирической стороне его натуры, но и вообще стихи его объявляются подражательными, лишёнными непосредственности и т.д. «Лорелея», к примеру, почти точная копия стихотворения Брентано... И т.д., и т.п. Возникает очередная Загадка, на сей раз, правда, не «трехтысячелетняя», но все же жгучая, не дающая покоя (стр. 106):

«Какими методами и силами удалось выдать черное за белое? Убедить немцев, да и все человечество, что Гейне, враг всего того, что (правильно или неправильно) было дорого немецкому национальному сознанию, по его собственным словам, ненавидевший все немецкое, – был величайшим, да еще именно немецким поэтом?»

Ну, насчет того, «какая сила и какими методами», уже намекалось не раз: подкупили или запугали евреи Шуберта, Шумана, Листа, Брамса и, вдобавок, того же Лермонтова... Но, может быть, все же дело в самих стихах? Скажем, «Хотел бы в единое слово/ Я слить свою грусть и печаль/ И бросить то слово на ветер,/Чтоб ветер унес его вдаль...»⁸⁸.

Боюсь, что г. Шафаревичу придется долго биться и над этой загадкой. Гейне уже пытались изгнать из немецкой и мировой литературы и Вагнер (словом)⁸⁹, и Гитлер (словом и действием)⁹⁰, но не получилось. Наверное, немецкий народ и без подсказок русского математика в своих литературных пристрастиях разберется. И хуже того, Гейне действительно переводили крупнейшие русские поэты (очевидно, не читавшие «Русофобии»). К Лермонтову и Тютчеву, можно добавить Фета, Майкова, А.К. Толстого, Аполлона Григорьева, Добролюбова, Блока и т.д. Боюсь, что г. Шафаревичу даже из русской литературы Гейне не изгнать... Не захотят люди расстаться, скажем, с этими строками Гейне-Лермонтова: «На севере диком/Стоит одиноко/На голой вершине сосна,/ И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим/ Одета, как ризой она»...

От Гейне г. Шафаревич переходит к другим псевдоталантам. Я терпеть не могу Маркса, и не поклонник Фрейда, но влияние, которое оказали эти две личности на современный мир, на восприятие этого мира, по крайней мере, людьми образованными, отрицать трудно. Особенно ясно это видно при сравнении Маркса с тем же Зомбартом, о котором сегодня знают в основном специалисты. Упоминаются Мендельсон, основавший Консерваторию в Лейпциге, и братья Антон и Николай Рубинштейны, основавшие первые русские консерватории в Петербурге и в Москве и тем самым положившие начало профессиональному музыкальному образованию в России. В сущности, для музыки консерватории то же самое, что университеты, скажем, для математики. Неясно, как можно обходиться без таковых в наше время. Но и в этом «еврейском» деле есть, оказывается, что-то нездоровое... Приводится мнение (действительно высокоталантливого мастера) Г. Свиридова о том, что крупнейшие композиторы на Западе (Шуман, Брамс, Вагнер) и в России («Могучая Кучка») пошли (почти по Ленину) «другим путем». Что тут можно сказать: Чайковский, Прокофьев, Шостакович и, кстати, сам Свиридов окончили Петербургскую (Ленинградскую) Консерваторию, в которой профессорствовал и создал композиторскую школу «кучкист» Римский-Корсаков⁹¹ (у него же учился композитор Стравинский). Рахманинов и Скрябин окончили Московскую Консерваторию и т.д. Нетрудно привести впечатляющие списки выдающихся исполнителей, питомцев кон-

серваторий. Отдадим должное и более скромным труженикам-музыкантам, если бы не они, кто бы учил музыке наших детей, кто бы сидел за пультами оркестров?

Удивительным образом критического пера г. Шафаревича избежал Густав Малер, да и Борис Пастернак отделался каким-то глухим уколом (общался с неназванной поименно «элитой»).

Но особенного блеска наш «евреевед» достигает, естественно, в физико-математических науках. Массированной атаке подвергается Л.Д. Ландау. Устав от борьбы с «трехтысячелетними загадками», г. Шафаревич спускается с разреженных высот ко вполне не джентльменскому пересказу закулисных академических разговоров (а оба участника уже не могут ни вмешаться, ни возразить):

«В связи с избранием Боголюбова академиком, я сам помню, что знаменитый математик Л.С. Понтрягин рассказывал мне позже, что Ландау (с которым они тогда были в приятельских отношениях) говорил ему: «Как жаль, что Вы не баллотируетесь, а то бы мы Вас избрали вместо Боголюбова». Причем основные достижения Понтрягина относились тогда к топологии, и Ландау никак не мог их оценить» (стр. 327).

Ну, не будем удивляться тому, что академик-алгебраист, только что отказавший академику-физику в возможности разобраться в топологии, сам немедленно принимается экспертно рассуждать о физике. Но ведь выдающийся математик Л.С. Понтрягин оставил воспоминания,⁹² посмертно опубликованные (г. Шафаревич написал специальный очерк о Понтрягине для этого издания), и в этой книге он, в частности, с редкостной откровенностью рассказывает о всевозможных академических интригах, на выборах в особенности. В коих сам принимал деятельное участие. Это, увы, в порядке вещей и случается во всех творческих объединениях, членами которых привлекательно быть, и я пишу все это не в осуждение Понтрягина, значительной и трагической личности. Но вот картина, которую неназойливо рисует г. Шафаревич – великий русский математик в белых одеждах и пронырливый еврей (и, вдобавок, как далее выясняется, плагиатор) – никак не получается. Не следует забывать и того, что в момент «приятельских» отношений с Ландау, Понтрягин, очевидно, еще не был академиком. Так что кто-то с не менее алгебраическим воображением, чем у автора «Загадки», может, чего доброго, подумать, что Лев Семенович искал поддержки Льва Давидовича. Отсюда и приятельство... Это уже потом, после заветной черты начинается повесть о том, как поссорился Лев Семенович со Львом Давидовичем... Вот к какому обрыву может привести выбранная г. Шафаревичем кривая тропа...

Случай Эйнштейна представляется «еврееведу» и измерителю алгеброй гармонии «более тонким». Это, оказывается, – «исключительно талантливый физик». Но и здесь, покопавшись, можно нечто вроде плагиата найти, да и икону из него все те же «силы» сделали. (Уж не они ли, не евреи ли, сделали икону также из Достоевского? Тот же Эйнштейн русским писателем увлекался, мог, кого надо, попросить за него).

Думаю, что и здесь автор «Русофобии» преуспееет не больше, чем с Гейне. Место Эйнштейна и Ландау в физике давно удостоверено временем.

Признаться, после потока всевозможных еврейских таблиц я ожидал и таблицы лауреатов Нобелевских премий, с указанием пятого пункта (возможно, также и пятого пункта лауреатских жен). Разумеется, с соответствующими разъяснениями, как такие премии получают. Таблицы не появились (видимо, появятся в следующем издании), а вот намек на счет «знаменитых» премий сделан (стр. 327).

Разобравшись с личностями,⁹³ наш автор не без логики заявляет, что дело не в этом (а зачем тогда надо было огород городить?). Талантливый народ «опознается не по количеству его талантливых представителей, но по способности создавать собственные, только этому народу свойственные ценности – плоды народной души, как греческая драма, итальянская живопись, немецкая музыка, русская литература, персидская поэзия» (стр. 328). И «в

этом смысле евреи как народ оказались лишенными творческого начала».

Ну, тут можно только руками развести, воистину «слухом услышите и не уразумеете, и глазами смотреть будете и не увидите». Греческая драма... Персидская поэзия... Как тонко, как изыскано... А как насчет Книги псалмов (ведь не персидскую поэзию в православных церквях испокон веков читают), как насчет того же Исаяи, Иеремии, Екклесиаста, Песни Песней, Песни Моисея? И я сейчас говорю о Книге Книг только, как о художественном произведении, величайшем, несравнимом. А если добавить к этому содержащееся в ней религиозное Откровение, определившее всю европейскую цивилизацию (ведь и Новозаветные документы, сам Иисус – из того же бездарного источника), что тогда? Где бы был сейчас г. Шафаревич (да и г. Достоевский тоже), какими буквами писал бы, если бы не еврейские Пророки, да благословит их Г-дь... Христианство развилось из чисто еврейского мессианского движения, одного из многих в те времена. При полном моем уважении к высокочитательным европейским народам их религиозное творчество все эти две тысячи лет новой эры было по сути вторичным, надстройкой над зданием, возведенным еврейским народом.

Вот еще один урок Владимира Соловьева⁹⁴ Игорю Шафаревичу:

«И с нашей точки зрения осуществление вселенской идеи еще в будущем; и в этом будущем исполнении христианства евреям, по слову ап. Павла, будет принадлежать особая, выдающаяся роль. И странно было бы ставить в этом отношении еврейство, из которого, сверх самой Моисеевой религии, вышли христианство и ислам, – странно было бы ставить его наряду с тою или другою отдельной народностью. Сопоставлять еврейство можно только со всем остальным человечеством, к которому оно относится, как ствол к ветвям (разумеется, не с этнографической, а только с духовно-культурной точки зрения).

Проходя через всю историю человечества, от самого ее начала и до наших дней (чего нельзя сказать ни об одной другой нации) еврейство представляет собою как бы ось всемирной истории».

Не похож ли г. Шафаревич на подростка, кричащего, что его собственные родители бездарны...

Совершенно недостойны нападки на Израиль. Вместо ожидаемого от соединения многих евреев в одном месте «атомного культурного взрыва» получилась пустота. «Например, почти все лучшие скрипачи мира – евреи, но я не слышал ни об одном, вышедшем из Израиля» (стр. 328). Ну, если такой эксперт «не слышал», то, вероятно, те же Перлман и Цукерман играют на трубе⁹⁵... И далее следует приговор: «Израиль, (как признанное государство) существует уже более полувека, а он породил меньше талантов, чем другие маленькие страны: Голландия, Дания, Норвегия» (стр. 328). И опять та же методика, вроде бы надо сравнивать таланты, обижать тех же голландцев. Вздорность этого заявления видна хорошему школьнику младших классов. Израиль с самого своего зарождения, и еще раньше находится в состоянии непрерывной войны с арабами, стремящимися его уничтожить. На улицах страны постоянно видны молодые люди – парни и девушки, часто с автоматами, возвращающиеся домой к родителям, к семье, или наоборот на пути к своей воинской части. Периодические военные сборы совсем не похожи на наши былые развлечения в СССР. Всего этого европейские сверстники израильтян не знают. Малым европейским странам не пришлось принимать многие сотни тысяч беженцев (в том числе сотни тысяч из арабских стран, о чем сейчас не любят вспоминать всевозможные «защитники прав»). Малым странам Европы не пришлось, как израильским пионерам, превращать в сад запущенные, веками находившиеся в пренебрежении земли, малярийные болота. Израильское сельское хозяйство одно из лучших в мире. В Израиле работают мирового уровня Университеты, уникальный научный центр – Институт Вейцмана (не могу забыть огромного впечатления от моего визита в это удивительное научное учреждение). Крошечная страна запускает собственные искусственные спутники. Израильский филармонический оркестр один из лучших в мире

(не знаю, слышал ли об его существовании наш «израилевед»). В Израиле жили и писали великолепные поэты Бялик, Шленский, Черняховский... И т.д., и т.п. Вообще, израильское общество – невероятно живое, во всех своих проявлениях. Что же касается талантов, размера Льва Толстого, то что-то я не припомню, чтобы и в России они часто рождались... Полвека – очень небольшой срок для страны, для народа, которому – тысячелетия. И еще одно достижение главное, несравненное, неповторимое. Чудо. Возрождение давно умолкнувшего языка, того Б-жественного Языка, на котором обратился Г-дь к Моисею... Боюсь, что человеку, лишенному художественного воображения, этого не понять.

Когда я читал внушительный трактат г. Шафаревича, продираясь через ряды цитат, меня не покидало чувство, что я как бы нахожусь под увеличительным стеклом (пусть и кривым) энтомолога – приколотым жуком на бумаге. Наконец, в 13-й главе явно было сказано, кто я и кто мой народ:

«Мы склонны представлять всякое «сообщество», обладающее некоторым органическим единством, по аналогии с человеком, формирующим свои цели, находящим пути их достижения, чьи органы подчинены этим целям и импульсам, поступающим из головного мозга (а может быть из души (! – Б.К.)). Но даже, если ограничиваться биологическими аналогиями, можно указать на примеры других, очень жизнеспособных организмов. Например, гидра не имеет ни головного, ни спинного мозга, и ее нервные клетки расположены более или менее равномерно по всему телу. Но она способна выбрасывать яд, парализующий жертву, захватывать ее, глотать и переваривать; изгибать свое тело в нужном направлении. И если разрезать ее на несколько частей, то каждая из них воссоздаст такой же организм» (стр. 223).

Вот так! Несколько ниже (стр. 338) следует более деликатная аналогия с ульем, как сверхорганизмом. Разумеется, отдельные «пчелы» в рамках этой аналогии теряют всякое значение.

Надеюсь, теперь уж абсолютно ясно, что любой диалог с г. Шафаревичем невозможен. Какой может быть разговор между человеком и частью гидры или насекомым?

Хочу со своей стороны добавить, что я и не ищу никакого диалога с российскими евреведами, моему национальному самочувствию их изыски совершенно не вредят, а если им что-то во мне «не нравится», то это их собственная проблема.⁹⁶

Книга завершается лирическими размышлениями о том, что автор так и не приблизился к разгадке Тайны Трех Тысячелетий. Да и вряд ли Тайну, касающуюся самого промысла Б-жьего, можно одолеть при помощи клея и ножниц. На последних страницах проявляются все стороны фобии г. Шафаревича – сложная смесь восхищения, ужаса, комплекса национальной неполноценности. Б-г да поможет ему.

Я полностью и безусловно отвергаю любой суд г. Шафаревича и иже с ним над моим Народом.

Что же касается вреда, то не думаю, что у книги будет много читателей. Двадцать лет назад у ее автора был ореол выдающегося математика, стойкого диссидента. Много воды с тех пор утекло, совсем другая репутация у Шафаревича-2002.

Еврейский народ переживет очередную атаку. Думаю, что подобные труды опаснее как раз для русского народа. И не только загрязнением интеллектуальной и моральной среды, стимуляцией разрушительных внутренних сил. Опасны слепые поводыри, в особенности, в годы, когда вся наша иудео-христианская цивилизация стоит перед смертельным вызовом. Уже земля дрожит под ногами. Но имеет уши, да не слышит, имеет глаза, да не видит, имеет анатомическое сердце, да не чувствует.

12.24.02, Pittsburgh

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интернетовская версия www.rus-sky.org/history/library/shafarevich/1.htm. Недавно на интернете появилась рецензия Г. Еремеева <http://www.sem40.ru/anti/1042726455.shtml>.

² Ср., И. Р. Шафаревич, Русофобия, Сочинения в трех томах, т. 2, 86-172, Феникс Москва, 1994, Русофобия: 10 лет спустя, там же 173 - 206. «Русофобия» распространялась в Самиздате во второй половине восьмидесятых годов, впоследствии была опубликована в «Нашем Современнике» (1989 г., №№ 6 и 11) и в других изданиях. Вторая из упомянутых работ была впервые опубликована в «Нашем Современнике», №12, 1991.

³ Открытое письмо, написанное в 1987 г. и тогда же распространявшееся в Самиздате, позже было опубликовано, как: Б. Кушнер, Не произноси ложного свидетельства, Страна и Мир, т. 2 [50], Munich, Mart-April (1989), 122-126, а также как Открытое письмо И.Р. Шафаревичу, «22», т. 64, Jerusalem, Mart-April (1989), 154-164 и под тем же названием в газете Новое Русское Слово, New York, Август 18, 1989. Второе открытое письмо (ответ на статью Шафаревича «Русофобия 10 лет спустя») было опубликовано в Новом Русском Слове 12 января, 1993. Статья Some Remarks about Shafarevich's Book Russophobia. Notices of the American Mathematical Society, vol. 40, No. 1, (1993), 12-14 была написана мною по просьбе Американского Математического Общества.

⁴ В частности, образовалось целое направление псевдоинтеллектуальных еврейстов. Хотя их изыски отнюдь нельзя назвать невинными (в нынешней накаленной российской ситуации особенно), трудно не видеть трагикомизма в том, как эти господа серьезно цитируют друг друга, благодарят за «ценные замечания», авторы одних клинических теорий дискутируют с другими, не менее клиническими построениями, обсуждают нюансы и т.д. Что-то вроде споров знатоков вин о сравнительных достоинствах редких винных марок. Создается впечатление, что уже и физические евреи не нужны этим авторам, поскольку господа-сочинители образуют замкнутый, самодостаточный круг.

⁵ С. Дудаков, История одного мифа, очерки русской литературы 19-20 века, Москва, Наука, 1993.

⁶ Я использую здесь и ниже христианскую терминологию. Православный Ветхий Завет с точностью до некоторых неканонических книг является русским переводом Танаха, Еврейского Священного Писания. Говоря догматически, при этом использовались Септуагинта (греческий перевод) и церковнославянская Библия. Но последние источники сами являются переводами (возможно, немасоретских) списков Танаха. О драматической истории русского перевода Библии можно прочесть в книге М.И. Рижский, История переводов Библии в России, Наука, Новосибирск, 1978. Не могу не отметить, что г. Шафаревич с комической настойчивостью продолжает цитировать в своем любимом контексте Третью Книгу Ездры. Еще в 1987 г. я указывал ему, что в еврейский канон и соответственно в религиозный обиход эта книга не входит, но в качестве неканонической включена в Синодальную Библию. Вот, что сообщает один из христианских комментаторов: «Последняя ВЗ-ная книга слав. Библии и некоторых изданий Вульгаты носит имя великого священника Ездры, но написана не им, а палестинским иудеем - быть может знакомым с зарождавшимся христианством - по-еврейски или арамейски в конце 1 в.н.э. (несомненно после 70 г.)» И далее: «В этой апокрифической книге с большой силой проявляется скорбь и недоумение автора при виде разрушенного Иерусалима и храма». Книга пользовалась уважением Отцов Церкви, а в 19 веке Митр. Филарета Московского. «Ни одна из иудейских апокрифических книг не вызывала в христианском мире такого интереса», Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, «Издательство Жизнь с Богом», Брюссель, 1973, стр. 2007-2008, комментарий к Третьей Книге Ездры.

⁷ С. Дудаков, цит. соч., стр.221.

⁸ Повесть Временных Лет, Часть первая, текст и перевод, Академия Наук СССР, Литературные Памятники, Издательство Академии Наук СССР, Москва-Ленинград, 1950, стр. 238-240.

⁹ См., например, Всеми имеющимися средствами, Операция МВД РФ в селе Самашки, 7-8 апреля 1995 г., Правозащитный Центр «Мемориал», Москва 1995.

¹⁰ Paul W. Harkins, Saint John Chrysostom, Eight discourses against judaizing christians, the Catholic University of America Press, Washington, D.C., 1979, 1-2. Здесь и ниже, если не очевидно противное, цитаты из английских источников даются в моих переводах. См., также мою статью Святой Иоанн Хризостом (Златоуст) и христианский антисемитизм, Вестник, No. 14 (142), Baltimore (1996), 30-33 и Русский Еврей No. 2-3 (15), Лето - Осень 2000, 37-39, Москва.

¹¹ В контексте и уровне, навязанном сочинением Шафаревича, мы не можем останавливаться на интереснейшей проблеме генезиса этой несравненной еврейской книги. См., например, статью в *New Catholic Encyclopedia*, vol.7, McGrawHill Book Comp., New York 1967, 666-671.

¹² Например, в многотомном Международном Критическом Комментарий *The International Critical Commentary on the Holy Scriptures of the Old and New Testaments*, A critical and Exegetical Commentary on the Book of Isaiah, two volumes, Charles Scribner's Sons, New York, 1912, книге Исайи посвящено два внушительных тома.

¹³ См., Памяти Лидии Владимировны Кнориной, Вестник, №18 (303), Сентябрь 4, 2002, 34-48.

¹⁴ Б. Кушнер, Кошмары православного талмудиста, Новое Русское Слово, New York, January 12, 1993, а также Нева, No.9, Санкт-Петербург (1994), 252-257.

¹⁵ Д.А. Хвольсон, О некоторых средневековых обвинениях против евреев, Историческое исследование по источникам, второе издание, Санкт-Петербург, 1880. (Книга одобрена к печати факультетом восточных языков Санкт-Петербургского Университета).

¹⁶ Выдающемуся историку, профессору Еврейского Университета в Иерусалиме Якову Кацу (1904-1998) посвящена книга *The Pride of Jacob: Essays on Jacob Katz and His Work* by Jay M. Harris (Editor), Harvard University Press; 2002.

¹⁷ J. Katz, *From Prejudice to Destruction, Anti-Semitism, 1700-1933*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1980, p.14.

¹⁸ М. Adler, *The World of Talmud*, Second Edition, Schocken Books, New York, 1963. Имеются и другие популярные книги о Талмуде, например, Э. Урбах, *Мудрецы Талмуда*, Библиотека -Алия, Иерусалим, 1991, пер. с иврита, А. Steinsaltz, *The Essential Talmud*, Basic Books, USA, 1976, А. Cohen, *Everyman's Talmud*, Schocken Books, New York, 1975.

¹⁹ Кац, цит. соч., гл.1.

²⁰ Д.А. Хвольсон, цит. соч., стр. 137.

²¹ Так изображение Моисея с рогами в известной скульптуре Микеланджело восходит к буквальному переводу еврейской идиомы в ранних версиях латинской Библии (Вульгаты).

²² Вот, что говорит на эту тему Хвольсон: «Я читал не все, но весьма много творений отцов церкви и нашел, что в них высказывается о язычниках во сто раз более худого, чем в талмуде. Рим и римское государство называется у них Вавилоном, и этому государству, гражданами которого они были, они желают возможного физического и нравственного зла. Они пророчили этому государству внутренние раздоры, неприятельское нашествие диких варваров с севера, мор, голод, мрак крошечный, землетрясение и наводнение. Они ожидали, что пламень с неба истребит город семи холмов вместе с его дворцами, храмами и триумфальными арками». (Цит. соч., стр. 147).

²³ Д.А. Хвольсон, *Употребляют ли евреи христианскую кровь?* издание второе, Санкт-Петербург, 1879.

²⁴ Вл. Соловьев, *Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и в Германии*, Собрание сочинений в десяти томах (1911-1914), 2-е издание, т.6, Санкт-Петербург, 3-32. Существует фототипическое переиздание этого Собрания Сочинений: «Жизнь с Б-гом», Брюссель, 1966.

²⁵ Шулхан Арух (в переводе «Накрытый стол») составлен Рабби Иосифом Каро в 16 веке.

²⁶ Вот вкратце история этой атаки на Талмуд. В 1883 г. в Пруссии вышла очередная клеветническая книга «Еврейское Зерцало» некоего доктора Юстуса, впоследствии выяснилось, что за этим псевдонимом (означавшим «справедливый») скрывался вовсе не «доктор», а выкрест Арон Бирман, человек авантюристического склада. В 1885 г. за мелкое уголовное преступление он был заключен в Вене на два месяца в тюрьму, а затем выслан из Австрии, после чего следы его теряются. Вскоре возникло судебное дело против газеты, опубликовавшей хвалебный отзыв на пасквиль Юстуса. Выражаясь современным языком, газете вменяли в вину разжигание межнациональной розни. Один из привлеченных экспертов, приват-доцент католической духовной академии в Мюнстере доктор Эккер признал, что Юстус манипулировал цитатами, составляя их из нескольких, не связанных друг с другом отрывков оригинала, произвольно вставлял слова и т.д. Тем не менее, Эккер утверждал, что Юстус прав по существу. Газета была оправдана, а Эккер в следующем году выпустил книгу «Еврейское зеркало в свете истины» в поддержку своей точки зрения. Затем эту книгу перевел на русский язык известный юдофоб (впоследствии гражданский истец в деле Бейлиса) А.С. Шмаков (А.С. Шмаков, *Еврейские речи*, Москва 1897). Вл. Соловьев обсуждает книгу Эккера.

²⁷ Российская Академия Наук приступила в 2000 г. к изданию полного собрания Сочинений и писем Вл. Соловьева, но, очевидно, это предприятие займет много лет.

²⁸ Н. Переферкович, Еврейские законы об иноверцах в антисемитском освещении. Разбор "Еврейского Зеркала", переведенного А. Шмаковым, издание второе, С. Петербург, 1910. Я изложил выше историю Юстуса-Эккера, следуя этой книге Переферковича.

²⁹ Ответы экспертов на клевету на Талмуд можно найти и на интернете <http://www.geocities.com/Athens/Cyprus/8815/>

³⁰ Если не ошибаюсь, изображение царя Давида было на гербе нюрнбергских майстерзингеров.

³¹ Ср. Adler, цит.соч. стр. 128-130.

³² Интересные материалы, относящиеся к цивилизованному диалогу иудаизма и христианства можно найти в книге T. Weiss-Rosmarin, Ed., Jewish Expressions on Jesus, An Anthology, Ktav Publ. House, Inc., New York, 1977.

³³ Об этом же говорит и Вл. Соловьев в цитированной выше статье.

³⁴ В обширной литературе о Катастрофе особое место занимает монография Пауля Хильберга: R. Hilberg, The Destruction of the European Jews, two volumes, Holmes and Meier Publ., New-York, 1985, см. т.1, гл. 5, см. также, D. Goldhagen, Hitler's Willing Executioners, Ordinary Germans and Holocaust, Alfred A.Knopf, New York, 1998, стр. 90 и далее, J. Toland, Adolf Hitler, v.1, Doubleday & Co, Garden City, New York, 1976, стр. 325 и далее, W. Shirer, The Rise and the Fall of the Third Reich, Fawcett Crest, New York, с.1990, стр. 323, стр. 580 и далее. Сведения о преследованиях евреев в начальный период Третьего Рейха можно найти и во множестве других источников.

³⁵ Трагическая ирония судьбы: фон Рат был противником антисемитизма и находился под расследованием гестапо. Депортация евреев с польскими паспортами была частью общей антиеврейской кампании, о том, как проводилась эта акция, можно судить из реплики юноши. Много стариков и больных из депортируемых умерли от бесчеловечного обращения, см. об этом G. Reitinger, The Final Solution, The Attempt to Exterminate the Jews of Europe, 1939-1945, 2nd Revised and Augmented Edition, Thomas Yoseloff, South Brunswick-New-York, 1961, стр. 10.

³⁶ J. Toland, Adolf Hitler, v.2, Doubleday & Co, Garden City, New York, 1976, стр. 588 и далее.

³⁷ В.И. Дашичев, Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т.1, Наука, Москва 1973, стр.63 и далее. В этом же томе, стр. 58-59 приводится весьма выразительная Записка Гимmlера об обращении с местным населением восточных областей (с грифом «совершенно секретно, государственной важности»).

³⁸ С. Резник, Кровавая карусель, изд-во «Вызов», Вашингтон, 1988. Второе издание, изд-во "ПИК", Москва 1991, С. Резник, Вместе или врозь? - Заметки о книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе», Вестник, №13, (298), 16 июня 2002 г., 17-23. Эта статья является частью большой публикации Резника, о которой пойдет речь ниже.

³⁹ «Нам не в чем извиняться. Мы народ, как все народы: не имеем никакого притязания, быть лучше. В качестве одного из первых условий равноправия, требуем признать за нами право иметь своих мерзавцев, точно также, как имеют их и другие народы», Вл. Жаботинский, Вместо апологии, в книге Владимир (Зеев) Жаботинский, Избранное, Библиотека-Алия, Израиль, 1978, стр. 123. Работы Жаботинского - прекрасное лекарство для евреев, страдающих расстройством национального самосознания и чувства национального достоинства.

⁴⁰ Ради этого нацисты даже шли на ухудшения отношений с союзниками, не желавшими выдавать своих граждан, и на отвлечение материальных ресурсов (например, ресурсов железных дорог, топливных ресурсов и т.д.), жизненно необходимых для их военных усилий.

⁴¹ F. Werfel, Die vierzig Tage des Musa Dagh, Bd. 1-2, Paul Zsolnay Verlag, Berlin, 1933.

⁴² D. Lipstadt, Denying the Holocaust, Penguin, London, 1994.

⁴³ D. Guttenplan, The Holocaust on Trial, W.W. Norton and Co, New York, London, 2001.

⁴⁴ Имеется в виду произошедший много лет назад трагический случай, при котором в аварии автомобиля сенатора Э. Кеннеди погибла его секретарша. Еще более злобную «шутку» Ирвинга о газовых камерах можно найти на стр. 50 книги Гуттенплана. На стр. 267 упоминается выразительная, просто фрейдистская оговорка Ирвинга. В своем заключительном слове он однажды обратился к судьбе «Mein Fuhrer»...

⁴⁵ Вот извлечение из Статьи 130 Германского Уголовного Кодекса: «Публичное отрицание историчности, одобрение или принижение значения расовых убийств, совершенных Национал социалистическим режимом, содеянное способом, угрожающим общественному спокойствию, карается тюремным заключением до пяти лет или штрафом» (Гуттенплан, цит. соч., стр. 124). Подобное законодательство существует также и в некоторых других странах. Ряд общественных деятелей, включая и еврейских интеллектуалов, выступают против такого рода законов, как противоречащих принципам свободы слова. Очевидно, здесь речь идет об угрызаниях совести некоторых народов перед лицом Катастрофы. Из сказанного выше видно, что эти угрызания сейчас вполне успешно преодолеваются...

⁴⁶ Два эксперта защиты опубликовали книги по материалам процесса: R. J. Evans, *Lying about Hitler. History, Holocaust, and the David Irving Trial*, Basic Books, New York, 2001 и R.J. van Pelt, *The case for Auschwitz: Evidence from the Irving Trial*, Indiana University Press, 2002.

⁴⁷ С. Резник, *Растление ненавистью. Кровавый навет в России*, изд-во «Даат/Знание», Москва-Иерусалим, 2001. Характерно, что и здесь г. Шафаревич использует все тот же прием противопоставления одного страдания другому. Погибшего мальчика Андриюшу жалели все, да ведь его не вернешь, а на скамье подсудимых - живой человек, и, более того, целый народ. В ходе процесса выяснилось с ясностью, кто именно убил ребенка, это хорошо знали правоохранительные органы, выгораживавшие убийц. Но виноваты по Шафаревичу все равно евреи.

⁴⁸ А.И. Солженицын, *Двести лет вместе (1795 - 1995)*, Часть 1, Москва, Русский Путь, 2001. С. Резник, *Вместе или врозь? - Заметки о книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе»*, Вестник №8 (293) - №3 (314), апрель 2002 г. - февраль 2003 г.

В самом конце 2002 г. вышел в свет второй том книги Солженицына, отмеченный, по-моему, все той же антиеврейской тенденциозностью. С. Резник пишет о втором томе в последних двух выпусках своей статьи.

⁴⁹ Е. Пастернак, *Борис Пастернак, Материалы для биографии*, Москва, Советский Писатель, 1989, стр. 20.

⁵⁰ Клевета Кровавого Навета подробно рассмотрена в цитированных книгах Хвольсона и Резника, 2001.

⁵¹ *Rabbis protest against war with Iraq*, *The Jewish Chronicle*, Pittsburgh, Dec. 12, 2002.

⁵² Об особенной еврейской чуткости говорит и Солженицын в интервью *Московским Новостям* 24 декабря 2002 г.

⁵³ *Московский Литератор*, №20, октябрь, 2001. Нельзя не отметить элегантную рифму янки/пьянки, обнаруживающую два эмоциональных полюса (любви и ненависти) автора, есенинского лауреата Валерия Хатюшина. См. также статью Хатюшина в этой же газете, №20, октябрь, 2002.

⁵⁴ R. Wagner, *My Life*, De Capo Press, New York, пер. с нем., 1992.

⁵⁵ С. Резник, *Вл. Ковалевский, Молодая Гвардия*, Москва, 1978, И.С. Книжник-Ветров, *Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны*. Е.Д. Дмитриева, А.В. Жаклар, Е.Г. Бартенева, Наука, Москва-Ленинград, 1964.

⁵⁶ *Вл. Жаботинский, Обмен комплиментов*, в книге Владимир (Зеев) Жаботинский, *Избранное*, Библиотека-Алия, Израиль, 1978, стр.104-115.

⁵⁷ И.Р. Шафаревич, цит. соч. 1994, т.2, стр. 125.

⁵⁸ Ср., М.Е. Салтыков-Щедрин, «Испорченные дети», *Собрание Сочинений в 10 томах*, т.3, стр. 63-64, Издательство «Правда», Москва 1988 (с заменой червей кротами).

⁵⁹ Не могу вспомнить, кто из еврейских публицистов сказал про христиан: «они сначала похитили у нас Б-га, а потом обвинили наш народ в том, что у него Б-га нет».

⁶⁰ Приведем только несколько названий. James Parkes, *The Conflict of the Church and the Synagogue. A Study in the Origins of the Antisemitism*, Atheneum, New York, No Date, Introduction is dated, May 1934, James Parkes, *End of the Exile, Israel, the Jews and the Gentile World*, Micah Publications, Marblehead USA, 1982, R. Ruether, *Faith and Fratricide. The Theological Roots of Anti-Semitism*, The Seabury Press, Minneapolis, 1974, C. Roth, Ed., *The Dark Ages : Jews in Christian Europe, 711-1096*, Jewish History Publications Ltd. : Massada Pub., Tel-Aviv, 1966, John G. Gager, *The origins of Anti-Semitism, Attitudes Towards Judaism in Pagan and Christian Antiquity*, Oxford University Press, New York, Oxford,

1985, M. Hay, Europe and the Jews. The pressure of Christendom on the People of Israel for 1900 years, Beacon Press, Boston, 1961, E.H. Flannery, An Anguish of the Jews. Twenty three Centuries of anti-Semitism. A stimulus book, Paulist Press, New York, 1985, J. Carroll, Constantine's sword: the Church and the Jews: A History, Houghton Mifflin Co., 2001, Fred Gladstone Bratton, The Crime of Christendom, The Theological Sources of Christian Anti-Semitism, Fithian Press, Santa Barbara 1994, Dan Cohn-Sherbok, The Crucified Jew, Twenty Centuries of Christian Anti-Semitism, William B. Eerdmann Publishing Company, Grand Rapids, Michigan, 1992, John Rousmaniere, A Bridge to Dialogue, The Story of Jewish-Christian Relations, Paulist Press, 1991, Bernard Lazare, anti-Semitism, Its History and Causes, University of Nebraska Press, Lincoln and London, 1995, John Y. B. Hood, Aquinas and the Jews, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1995. Много исследователей занималось также сложными проблемами отношений между Папским Престолом и евреями. Приведем несколько относящихся сюда названий книг, представляющих различные точки зрения. John Cornwell, Hitler's Pope, The secret History of Pius XII, Penguin Book, New York, 2000, David I. Kertzer, The Popes against the Jews, The Vatican's Role in the Rise of Modern Anti-Semitism, Alfred A. Knopf, New York, 2001, David I. Kertzer, The Kidnapping of Edgardo Mortara, Vintage Books, New York, 1997, Susan Zuccotti, Under his very Windows, The Vatican and the Holocaust in Italy, Yale University Press, New Haven, London, 2002, R. J. Rychlak, Hitler, the War, and the Pope, Our Sunday Visitor, 2000, J. M. Sanchez, Pius XII and the Holocaust: Understanding the Controversy, Catholic University of America Press, 2002.

⁶¹ R. Hilberg, цит. соч., т.1, стр. 9.

⁶² R. Hilberg, цит. соч., т.1, стр. 11-12.

⁶³ С. Лезов, Новый Завет и Голокауст (Обзор), в сб. Актуальные проблемы современной политической науки, вып. 3 (христианство и политика), Академия Наук СССР, Институт Научной Информации по общественным наукам, Москва, 1991, 141-183.

⁶⁴ J. Isaac, Jesus and Israel, Holt, Rinehart and Winston, New York, 1971, пер. с франц. Отметим также вторую, на сей раз небольшую книгу Исаака на эту же тему The Teaching of Contempt, Christian Roots of Anti-Semitism. McGraw-Hill Book Company, New York, 1964, пер. с франц.

⁶⁵ См., например, J. Trachtenberg, The Devil and the Jews, The medieval Conception of the Jew and its Relation to Modern Anti-Semitism, The Jewish Publication Society, Philadelphia and Jerusalem, 1993. Очень интересна своей оригинальной концепцией книга Н. Массобы, Judas Iscariot and the Myth of Jewish Evil. The Free Press, New York, 1992. Работы этого известного исследователя, относящиеся к Новому Завету и истории того времени, вызывают большой интерес и дискуссии своей неожиданной трактовкой новозаветной истории.

⁶⁶ Вл. Соловьев, цит. соч. стр. 20. Весьма интересна также работа другого выдающегося русского религиозного философа Н.А. Бердяева (1874-1948), Христианство и антисемитизм, религиозная судьба еврейства, Путь, Париж, 1938, Май-Июль, www.vehi.net/berdyayev/ant2.html.

⁶⁷ Marcel Simon, Verus Israel, A Study of the Relations between Christians and Jews in the Roman Empire AD 135-425, The Littman Library of Jewish Civilization, 1996, Translated from French.

⁶⁸ H.J. Leon, The Jews of Ancient Rome, Hendrickson Publishers, Updated Edition, Peabody, Massachusetts, 1995, стр. 258.

⁶⁹ J. Kuczynski, Sombart, International Encyclopedia of the Social Sciences, v.15, The Mascmillan Co&the Free Press, New-York, 1968, 57-59. Энциклопедия «Британика» относится к Зомбарту еще скептически, утверждая, что он «был широко признан в его дни, несмотря на симпатии к нацистам. После смерти его имя впало в забвение» - The New Encyclopedia Britanica, vol. 11, Miscropedia, 15th Ed., 1994.

⁷⁰ Л. Поляков, История антисемитизма, в двух томах, Лехаим, Москва 1997, 1998, Гешарим Иерусалим, 5757, 5758, пер. с франц.

⁷¹ На русском языке, например, Ш. Эттингер, Очерк Истории еврейского народа, в двух томах, Алия, Израиль, 1990, пер. с иврита, И. Кауфман, Л. Финкелстайн, Ш. Эттингер, Еврейская история и религия, Алия, Израиль, 1990, пер. с англ. Имеются старые книги Гессена и Дубнова (насколько мне известно, Дубнов был недавно переиздан). Г. Шафаревич довольно часто цитирует Греца. Генрих Грец (Hainrich Graetz, 1817-1891) опубликовал в 1856-1876 гг. монументальную 11-томную «Историю Евреев». Эта классическая работа в тех или иных формах переводилась с немецкого на другие языки, мне известны два английских перевода, в шести томах 1892-1898 гг., и в пяти томах 1919 г.

Существуют и различной полноты русские переводы и переложения, например, Г. Грец, Популярная история евреев, тт.1-3, Киев, 1888-1895, История евреев от древнейших времен до настоящего, тт. 1-9, Одесса, 1904-1908. Следует сказать, что религиозно-философские концепции Греца вызвали в свое время горячие споры. Очевидно, в силу самого возраста впечатляющий труд Греца должен скорее рассматриваться как замечательный литературно-исторический памятник. Имеется много книг на английском языке (сюда можно отнести и упомянутые выше источники по еврейско-христианским отношениям), например, S. Grayzel, A History of the Jews, The Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1948, M.L. Margolis, A. Marx, A History of the Jewish People, Harper&Row, Publ. New York, 1965; Ben Sasson, Ed., A History of the Jewish People, Harvard University Press, Cambridge, Mass. 1976, P.Johnson, A History of Jews, Harper&Row, Publ.,New York, 1987, A. Eban, My people: the story of the Jews, Behrman House, New York, 1968, C. Roth, A history of the Jews; from earliest times through the six day war, revised edition, Schocken Books, New York, 1970, C. Roth, A History of the Marranos, S. Dubnov, History of the Jews: From the Beginning to Early Christianity, Cornwall Books, 1980, trans. From Russian.

⁷² Ch. Weizmann, Trial and Error, the Autobiography, Harper Brothers Publishers, New York, 1949.

⁷³ Дудаков, цит. соч., Резник, цит. соч., 2001.

⁷⁴ Я уже кратко писал об этом феномене в статье «Под знаменем либерализма (ответ профессору Ямпольскому)», Вестник, №13 (296), 26 июня 2002 г., 12-14.

⁷⁵ Невозможно без улыбки читать заявление г. Шафаревича (стр. 280) о погубленной из-за «невинных» критических высказываний в адрес Израиля карьере Хомского.

⁷⁶ Г. Шафаревич упоминает вскользь Сабру и Шатилу, трагическое событие Ливанской войны 1982 г. Следует ясно сказать, что речь идет об арабах, убивавших арабов. Ни один израильский солдат в этом не участвовал. Израильское общественное мнение возмутилось бездействием армии, не остановившей резню. По оценкам, около трехсот тысяч израильтян приняло участие в демонстрации протеста. Сколько миллионов русских должно было бы собраться на Манежной площади в Москве, протестуя, скажем, против разрушения Грозного русской армией, чтобы г. Шафаревич получил хоть какое-то вразумительное право морализировать в наш адрес?

⁷⁷ I. Shahak, Jewish Religion, Jewish History, The Weight of 3,000 Years, Pluto Press, London, 1994.

⁷⁸ В мире много подобного толка организаций. Основаны они, безусловно, на самых высоких идеях, но как часто вырождаются в своей деятельности, защищая не жертв, но убийц, подрывая псевдолиберальной демагогией моральный фундамент общества.

⁷⁹ В гл. 17 (стр. 350) г. Шафаревич характеризует как «чрезвычайно национально-ориентированного еврея» неназванное лицо, целью которого было... обратиться в христианство как можно больше израильтян. Наверно, самый большой еврейский патриот в этой системе понятий - мертвый еврей.

⁸⁰ Резник, цит. соч. Вместе или врозь? - Заметки о книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе», Вестник. Роли Николая Второго в крушении Российской монархии специально посвящена часть этой большой работы, начинающаяся с номера 16 (301), 2002 г. журнала. Характерно, что Николай Второй почти не упоминается и в книге Солженицына (цит. сочинение).

⁸¹ Например, цитированный выше лауреат Хатюшин рядом с «Возмездием» помещает боевое стихотворение «За Родину, за Сталина», в котором Родина, т.е. Россия фактически отождествляется со Сталиным.

⁸² Впрочем, кое-что об этом сказано во все том же неподражаемом духе: «С началом войны интересы мирового еврейства и коммунистической власти в СССР настолько совпали, что невозможно было сказать, кто кому служит» (стр. 236). Страна находится на грани национальной гибели, а г. Шафаревич и здесь от евреев отвлечься не может.

⁸³ В. Топоров, Двойное дно. Записки скандалиста, Захаров-Аст, Москва, 1996.

⁸⁴ В последней главе «Загадки» автор выдвигает отнюдь не новый тезис пропорционального этнического представительства в органах власти и во всех сферах общественной жизни, как таковых. Особенный упор делается, разумеется, на евреев и лиц, с ними тем или иным образом связанных. Во что могут вылиться практические попытки реализации такой политики в многонациональной стране, нетрудно догадаться.

⁸⁵ Э. Тополь, Возлюбите Россию, Борис Абрамович!, Аргументы и факты №38, 1998.

⁸⁶ Впрочем, и арабов автор «Загадки» ухитрился задеть. Вряд ли им придется по душе

фантастически нелепая идея г. Шафаревича (стр. 112) о том, что одной из существенных причин войны за независимость и последовавшего отделения Алжира послужило... предоставление в 19-м веке министром-евреем французского гражданства алжирским евреям, но не арабам. Получили бы арабы тогда гражданство, - и сегодня был бы Алжир заморской провинцией Франции!

⁸⁷ Р. Вагнер, Еврейство в музыке, Издание С.Е. Грозмани, С.-Петербург, 1908, перепечатка "Русская правда", Москва 1997. Удивительным образом, этот источник вдохновения не упомянут г. Шафаревичем в списке литературы.

⁸⁸ Г. Гейне, Стихотворения и поэмы, Издательство Правда, Москва, 1984, стр. 83, пер. Л. Мея.

⁸⁹ Нелишне заметить, что произведения Гейне оказали влияние на вагнеровские либретто опер «Летучий Голландец» и «Тангейзер».

⁹⁰ К запрету и уничтожению книг можно добавить разрушение по приказу Гитлера могилы поэта в Париже (март 1941 г.). И при всем этом нацистам приходилось включать в антологии "Лорелею", приписывая это произведение неизвестному автору.

⁹¹ Несколько отклоняясь от главной темы, замечу, что высказывания г. Шафаревича о музыке особенно неряшливы. Например, совершенно неверно заявление (стр. 314), что Мендельсон создал «первую в мире консерваторию». Общеизвестно, что консерватории существовали в Италии уже в 17-м веке. Парижская Консерватория, с которой связаны имена крупнейших мастеров французской музыки, была основана в 1795 г. (слиянием двух ранее существовавших учебных заведений). Мендельсон основал Лейпцигскую Консерваторию в 1843 г. (в 1858-1862 гг. в ней учился Э. Григ). Замечательный композитор не обязательно является замечательным историком музыки. Так Роберт Шуман, пошедший согласно Свиридову «другим путем», в действительности был среди первых профессоров Лейпцигской Консерватории. Брамс и Вагнер вообще не проявляли склонности к преподаванию. Чего не скажешь, например, о Шостаковиче, учеником которого был и сам Свиридов. Вообще, автор «Загадки» склонен злокачественно мифологизировать напряжения и трения в творческой среде. Известно, что Вагнер презирал Брамса, Чайковский не любил и Брамса и Вагнера, Стравинский, похоже, скептически относился почти ко всем другим композиторам и т.д., и т.п. Все эти конфликты уходят вместе со своим временем, - остается музыка, научные теории, книги...

⁹² Л.С. Понтрягин, Жизнеописание Льва Семеновича Понтрягина, математика, составленное им самим, Прима В, Москва, 1998.

⁹³ Что касается личностей, то пафос здесь состоит в том, что «евреев действительно очень много среди «talантов второго и третьего уровня», «ремесленников культуры»» (стр. 322), а вот первоклассными дарованиями их Б-г обидел. Пристрастность «евреоведа» и здесь очевидна. Скажем, Г. Малера, Г. Кантора, А. Эйнштейна, Б. Пастернака никак нельзя назвать талантами второго уровня. А уж Библейские фигуры - дарования высшего уровня, вообще вне всяких шкал. Боюсь, что здесь даже Аристотель и Гомер бледнеют. Для небольшого народа совсем неплохо. Не стану сравнивать с другими народами сходной численности, гадкое это дело. Не люблю пословицу «с волками жить, по-волчьи выть».

⁹⁴ Вл. Соловьев, цит. соч., стр. 18.

⁹⁵ Неясно, какое отношение имеет сравнительное число скрипачей в Израиле или, скажем, в той же Норвегии к еврейско-русским отношениям. Видимо, само желание оскорбить неудержимо...

⁹⁶ Ср., В. Шульгин, «Что нам в них не нравится...», Об антисемитизме в России, 2-е изд., Славия, Париж, 193.

ПОМНИТЬ!

Холокост и еврейское сопротивление

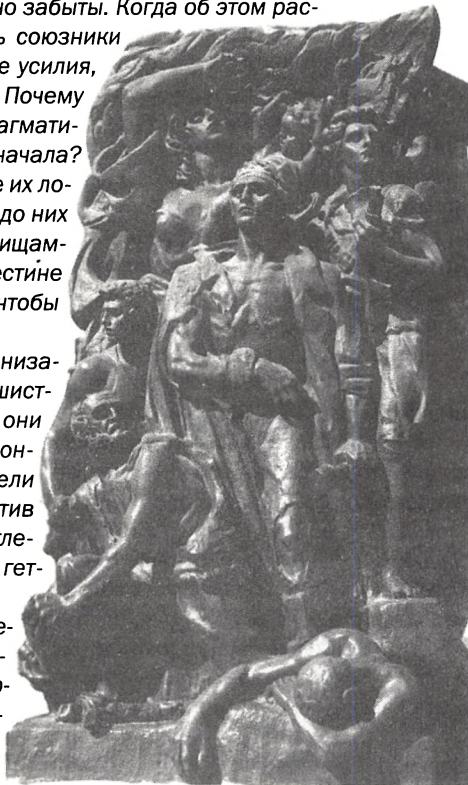
Горстка евреев, последние из оставшихся в живых, из общины, насчитывавшей 500 тысяч человек, восстали против самой сильной армии в Европе... 60 лет прошло со времени восстания в Варшавском гетто, но чувство боли и гордости охватывает нас всегда, когда мы думаем о трагических событиях тех дней. Не получая ни от кого помощи, без специальной подготовки, без военного опыта, они развязали войну, которую будущие поколения будут помнить как войну, заставившую врага отступить, пусть на короткий миг.

Все другие подпольные движения в оккупированной Европе получали поддержку из Лондона, Вашингтона и Москвы. Были налажены связи, специальные самолеты сбрасывали современное оружие и радиопередатчики, разведчики перебирались через границу и доставляли деньги и необходимую информацию. И только еврейские подпольщики оставались в полной изоляции. Эти героические воины были брошенными на произвол судьбы жертвами в самой бесчеловечной из войн.

Правда заключается в том, что они были совершенно забыты. Когда об этом рассказывают теперешним студентам, они не верят. Ведь союзники потратили огромные суммы и приложили чрезвычайные усилия, организуя и финансируя вооруженное сопротивление. Почему же игнорировались еврейские группы, даже с чисто прагматической точки зрения? Может быть, их предали с самого начала? Или никто не доверял их военной мощи, храбрости, даже их лояльности? Возможно ли, что союзникам просто не было до них дела? Читая письма Мордехая Аниелевича своим товарищам-нееврейцам или его призывы к еврейским лидерам в Палестине и Америке, недоумевашь, откуда же он брал силы, чтобы преодолеть отчаяние.

Вскоре после Сталинграда еврейские боевые организации в Варшавском гетто впервые выступили против фашистской армии. Вермахт и войска СС, агенты гестапо: все они имели достаточно сил для новых наступлений на всех фронтах, они все еще терроризировали Европу. Как же сумели герои, восставшие в Варшавском гетто, бороться против них днем и ночью, нанося серьезный ущерб врагу. Гитлеровцам понадобилось больше времени, чтобы победить гетто, чем для захвата Франции.

В начале 80-х годов, на Всемирном собрании евреев, переживших Холокост, я встретился с легендарным Антеком Цукерманом, заместителем командира восставших. Наша первая встреча оказалась и последней.... Я приехал в кибуц Лохамей Хагетаот (им. Борцов гетто) к северу от Хайфы. Антек и я провели несколько часов, обсуждая важную роль памяти в истории евреев. Антека, уже очень больного, перевозили в кресле. Он рассказывал мне о том, как Варшавское гетто было охвачено пламенем, а я рассказывал о своем гетто, где были уничтожены все евреи. Мы обсуждали казнь первого еврея-коллаборациониста и энтузиазм еврейских борцов, увидевших страх врага. От Антека я узнал много о том, что такое достоинство во время притеснений и почему все еврейские борцы настаивали на «важности сохранения чести евреев, при сопротивлении убийцам». Разве не погибли все герои как мученики, а все мученики как герои? Более ли достойно умирать с оружием в руках, чем с молитвой на устах? На большинство этих вопросов мы так и не нашли ответа. Начался митинг и я должен был выступить, моя речь была обращена к нему. Когда я возвращался в машине в Иерусалим в тот же вечер, то услышал по радио, что он умер. И теперь, когда я вспоминаю Антека, я стараюсь вспомнить его друзей, тех, кто не вернулся в землю Израиля. Они боролись одни, они страдали одни, они в одиночку смотрели в лицо смерти, но умерли они не одни — что-то в каждом из нас умерло вместе с ними.

ВОПРЕКИ СТРАХУ И ОТЧАЯНИЮ

Примерно несколько раз в год, по разным траурным датам, телевидение показывает одну и ту же картину. Канцлер ФРГ Вилли Брандт стоит на коленях перед памятником бойцам Варшавского гетто. О мужестве и смелости варшавян известно многое. А что мы знаем о наших героях? О партизанах Белоруссии и Литвы, подпольщиках Киева и Одессы, повстанцах из гетто Западной Волыни?

Имена многих из них приходится восстанавливать по скучным строчкам архивных документов.

Нет ничего удивительного в том, что сейчас мало кто знает о героических страницах еврейского Сопrotивления. Курс на затушевывание роли евреев в победе над нацизмом был взят на вооружение советским руководством сразу же после войны.

К сожалению, старая мифология продолжает господствовать. Любопытно, что если среди ревизионистов темы Холокоста преобладает отрицание самого факта уничтожения, то в вопросе об участии евреев в антинацистской борьбе ревизионисты пытаются просто ничего не говорить. Делать вид, что никакого участия не было совсем. И здесь с ревизионистами смыкается основная масса историков и публицистов также не замечающих этой темы. Какая-то часть вины за такой поворот дела лежит и на самих евреях.

Еврейская общественность слишком много внимания уделила в последние годы теме геноцида. И в конце концов, научная общественность стран СНГ, включая Россию и Украину, признала эту проблему релевантной. Позволю себе предположить, что если бы такая же масштабная «раскрутка» сопутствовала изучению Сопrotивления, то сегодня мы бы имели другое представление о еврействе в годы Великой Отечественной.

Вместо этого получается картина полного игнорирования темы еврейского Сопrotивления всеми, включая и самих евреев. Впервые это стало заметно в 1995 году, когда праздновалось 50-летие Победы. Одновременно и в Москве, и в Киеве выходило множество работ, посвященных этой драматической теме. Во многих из них фигурировала тема Холокоста. И ни слова о Сопrotивлении. В качестве примера можно упомянуть книгу ведущего украинского специалиста по истории ВОВ М.В. Коваля «Украина:1939-1945». Михаил Васильевич достаточно подробно и новаторски написал в своей работе об уничтожении евреев и о «праведниках мира». Но, к сожалению, не упомянул о роли евреев в партизанском движении и подполье.

Автор наиболее удачной и объективной за последние годы монографии о Движении Сопrotивления на Украине А.Чайковский также практически ничего не пишет о евреях. Лишь один раз представители этого народа появляются на страницах книги, когда автор приводит статистические выкладки о национальном составе партизанских отрядов.

Не лучше обстоит дело и в России. Так сложилось, что за последние годы в Москве и Петербурге сформировалось своеобразное восприятие Великой Отечественной войны как войны русского народа. Поэтому сложно ожидать усиления интереса к теме еврейского участия в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. На фоне этого странные вещи происходят и на рынке учебной литературы. К примеру, «История России» под редакцией Мунчаева и Устинова, вышедшая в 1999 году и рекомендованная Министерством образования в качестве учебного пособия для вузов, преподносит тему ВОВ по рецептам сталинской педагогики. Что уж тут говорить об освещении еврейского героизма.

Бесспорно, нужно писать о Катастрофе. Но, постоянное педалирование темы еврейских страданий и замалчивание героических страниц из недавней истории нашего народа может привести к формированию искаженного представления о евреях.

Так сложилось, что история еврейского Сопротивления нацистам традиционно делится на две части: военнослужащие и партизаны-подпольщики. Если вторые еще находятся в фокусе внимания некоторых ученых и журналистов, то первые незаслуженно и неоправданно забыты. За последние десять лет практически ни разу эта тема серьезно не поднималась на уровне научных конференций, семинаров или общественных дискуссий в периодической печати.

Приступая к нашему рассказу, напомним, что сопротивляться в условиях немецкой оккупации было не просто трудно, а практически невозможно. Чтобы понять, как это происходило, нужно перечислить хотя бы несколько эпизодов из той далекой войны.

Сентябрь 1941 года. «Киевский котел». В окружение попало 650 тысяч советских солдат и офицеров. Брошенные Сталиным на произвол судьбы, наши соотечественники вынуждены были сами решать, что делать дальше. Казалось бы, 650 тысяч — это огромная сила. Но лишь немногие из них сумели создать свои партизанские отряды и воевать некоторое время против нацистов.

16 октября 1941 года. Москва объявлена на осадном положении. Не спасают ни огромные соединения войск, ни ополченцы, ни даже рано начавшиеся холода. По данным некоторых источников именно в этот день Сталин через посла Болгарии попросил Гитлера о сдаче на условиях еще более худших, чем пресловутый Брестский мир 1918 года. Великая держава была готова сдать и отступить без продолжения борьбы, хотя за Москвой еще были огромные просторы Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Киев. 1942 год. Местность на левом берегу Днепра под названием Дарница. Сейчас это один из наиболее густонаселенных районов столицы Украины. В центре Дарницы расположен грузовой железнодорожный вокзал. А тогда, в годы войны, это еще не был даже город. Гитлеровцы устроили в этом крупнейшем пригороде лагерь для военнопленных, так называемый «Дарлаг». В разное время там содержалось от 100 до 200 тысяч человек. Молодые, здоровые, способные сопротивляться. Но что-то не помнит история Дарлага каких-либо восстаний. Как видно, трудно было в оккупированном немцами Киеве предпринять что-то из ряда вон выходящее. И в Дарлаге все было «спокойно».

Все приведенные примеры не случайно взяты из армейской жизни. Когда мы говорим о слабости войсковых соединений, что мы можем бросить в качестве упрека мирному населению? А ведь упреки такие раздаются в том числе и с еврейской стороны. В сегодняшнем Израиле Катастрофа европейского еврейства изучается на высоком научном уровне, но в обществе нет непосредственного понимания трагедии.

Образ старого еврея на краю рва слишком вписался в наше сознание, стал слишком привычным и в чем-то даже обыденным. В последние десятилетия, правда, его стал вытеснять другой образ. Мужественный силуэт израильского солдата, которому некого бояться. Не надо только забывать, что между двумя этими символами был еще один. Простой еврейский парень с автоматом или винтовкой в руке. Он бежал из гетто в лес, потому что не хотел умирать без борьбы.

С.Елисаветский в своей монографии «Полвека забвения» выделяет два вида действий, направленных против оккупантов: активные и пассивные. Таким образом под Сопротивлением подразумеваются не только вооруженные восстания или выступления, но и любые формы протеста, включая ненасильственный бойкот распоряжений гитлеровцев.

Сначала несколько слов об активных формах Сопротивления. Создание партизанских отрядов, участие в подполье, убийства гитлеровцев и их приспешников, срыв нацистских планов по уничтожению еврейского населения — вот далеко не полный перечень происходившего тогда.

Факты бегства евреев из гетто и сборных пунктов происходили чаще всего непосредственно перед акциями уничтожения. Пока все было относительно спокойно, невооруженное еврейское население не было вынуждено предпринимать радикальные меры. Портные и сапожни-

ки, врачи и учителя, столяры и парикмахеры не были людьми, стремившимися к оружию. Заставить их действовать могли только безвыходные обстоятельства. И такими обстоятельствами становились действия нацистов. Это еще один аргумент в споре с теми, кто говорит, что Холокоста не было и сопротивляться было некому и незачем. Ведь если не было угрозы уничтожения, то почему тогда гражданское население взяло в руки оружие?

Израильская молодежь, да и не только молодежь, на это может возразить: так почему же сопротивление начиналось лишь в самый последний момент? Трудно иногда бывает объяснить сытым и обеспеченным людям особенности психологии рядового жителя местечка. Его предки свыше сотни лет жили в черте оседлости, где страх ожидания погрома впитывался с молоком матери.

Перед войной и польские, и советские власти сделали немало для подавления любой инициативности. А когда пришли немцы, то что можно было противопоставить танкам, пушкам и всепроникающей мощи гестапо? Да никто и не обучал еврейских мальчиков, ходивших в хедер, умению обращаться с оружием и убивать своих врагов. Поэтому неудивительно, что вначале, не имея необходимой информации о планах нацистов, многие евреи просто выжидали.

Кроме различных форм прямого сопротивления с оружием в руках, были еще и другие способы неповиновения властям. Наиболее часто попытки сохранить свое человеческое достоинство приводили к самоубийствам, одиночным побегам из гетто или лагерей и саботажу ограничительных распоряжений нацистов.

Тезис о принадлежности таких действий к Сопротивлению выглядит весьма дискуссионным. Ведь в этом случае не было прямого ущерба для оккупантов. Командиры и солдаты вермахта, полиция и убийцы из зондеркоманд оставались живы. Они не были даже ранены в ходе таких пассивно-сопротивленческих действий. Убийцы продолжали жить и совершать свои преступления. Но тем не менее урон все-таки был. И примером тут может быть ситуация, которая часто повторялась в различных населенных пунктах Советского Союза. Не дожидаясь момента казни, евреи кончали жизнь самоубийством.

Чтобы понять моральную важность этого поступка, нужно вспомнить, как методично, педантично и жестко нацисты выстраивали процесс уничтожения неугодного им еврейского населения. В некотором смысле, убийство расово неполноценных людей превращалось в совершенно особенный ритуал. Жертвы содержались перед казнью в невыносимо трудных условиях, их унижали не столько физически, сколько морально. Перед убийством людей раздевали до гола, и этим также унижалось человеческое достоинство тех, кого должны были казнить. В таком случае, если человек выбирал добровольный уход из жизни, это нарушало выработанный нацистами порядок убийства.

В таком взгляде на события далеких лет не все кажется очевидным и бесспорным. Не каждый человек способен самостоятельно уйти из жизни. Нам трудно представить, чтобы мы сделали, окажись, не приведи Господь, на их месте. Наверное, у каждого из читателей найдется свой, особый, взгляд на это. Я не буду навязывать моральные оценки, постараюсь только привести некоторые примеры.

Я не говорю, что все должны были, не выполняя приказ нацистов, покончить с собой. Трудно принимать такое решение в тот момент, когда рядом дети, и главным для любой матери становится спасти их любой ценой. Но своя правда была и в том, чтобы не дать оккупантам возможность любоваться видом людей, безропотно идущих к месту своей гибели. И в этом для нас заключается героическая суть пассивного Сопротивления.

Сейчас мы на некоторое время вернемся назад, в июнь 1941 года. Облаченные в броню гитлеровцы ворвались на просторы Советского Союза. За достаточно короткое время им покорились практически все западные районы страны. То есть, именно те, в которых компактно проживало еврейское население. Нацисты пришли для того, чтобы убивать и угнетать. И для более правильной организации своего черного дела им понадоби-

лось по-новому разделить оккупированные территории. Действовали по старому принципу всех завоевателей: «Разделяй и властвуй!»

Наиболее еврейскими по населению были генералькомиссариаты «Волынь и Подолье» и «Житомир», включавшие земли нынешних Ровенской, Волынской, Хмельницкой, Житомирской и северной части Винницкой области. На западе Волыни нацисты применяли тактику поэтапного уничтожения еврейского населения, которое вначале было сосредоточено в кратковременных гетто. Само собой, в силу этого возможности для организации подпольных и партизанских групп были более высокими, чем на Житомирщине. В Полесье этноцид проводился более быстро, вместо гетто здесь использовались сборные пункты. Но, несмотря на это, возможности для организации актов неповиновения были и здесь.

Рейхскомиссариат «Остланд» состоял из 4 генералькомиссариатов («Белорутения», «Литва», «Латвия» и «Эстляндия»). Если на большей части Белоруссии действовали гетто, то в Прибалтике евреев расстреливали уже в первые дни оккупации. Нет нужды сейчас разбирать всем известный факт пригодности лесисто-болотистой местности Белоруссии для ведения партизанской войны. Еврейское сопротивление не стало исключением в этом случае.

Значительная часть советских территорий, включавшая оккупированные области РСФСР и 5 областей Левобережной Украины, все время на протяжении 1941-43 годов находились под прямым управлением вермахта. Здесь также этноцид начался довольно быстро, и возможностей для активных сопротивленческих акций было ничтожно мало.

Густо населенная евреями Одесская область вошла в августе 1941 года в состав образованной румынскими войсками зоны «Транснистрия» со столицей в Тирасполе. Румынская тактика геноцида сочетала полустихийные акции уничтожения и постепенное умерщвление путем создания невыносимых условий в местных сборных пунктах и лагерях – «гетто». Такая непростая ситуация делала Сопротивление хотя и возможным, но менее осуществимым. Разница была в том, что гетто Западной Волыни давали продукцию для вермахта, и поэтому в них были некоторое время заинтересованы. В румынской Транснистрии сборные пункты не выполняли трудовых функций. Само собой, что полностью изможденные, голодные, доведенные до нечеловеческого состояния узники не могли решиться на радикальные действия. Безусловно, нельзя забывать о подвигах партизан и подпольщиков одесских катакомб. Нельзя замалчивать факт наличия шести подпольных групп в различных сборных пунктах и лагерях Транснистрии. Их борьба велась в невероятно трудных условиях, и мы должны это помнить. Но, в целом, говоря о Транснистрии, нужно сказать, что Сопротивление носило там менее организованный и более одиночный характер.

Наиболее долгими по времени существования были гетто дистрикта «Галичина». Прикарпатский регион был включен в состав Генерал-Губернаторства (оккупационная зона на большей части польских земель). Гетто Восточной Галичины существовали около двух лет. Длительный срок существования, оттяжки с воплощением политики «окончательного решения», как это ни кощунственно звучит, способствовали появлению подпольных групп.

Теперь несколько слов об участии евреев в советском подпольном движении на всей оккупированной территории Украины. Специфика подпольной работы не позволяла беглецам из гетто быть ее активными участниками. Наиболее вероятным выходом здесь было присоединение к партизанским отрядам или создание, если это было возможно, своих формирований. В подполье же можно было попасть, только наладив контакт с советскими агентами. Да и то, чаще всего мы говорим о людях, которые были оставлены для работы в тылу врага непосредственно перед отступлением. И здесь тоже есть этическая проблема.

Оставляя евреев для подрывной работы в тылу нацистов, руководители советских партийных органов и органов госбезопасности знали о том, что их ждет в случае провала. Но, как видно, сказывалось отсутствие квалифицированных работников, пригодных для подполья. Нужно помнить и про предэвакуационную спешку, царившую в первые месяцы войны. Или же можно

предположить, что советское руководство не очень жалело своих подчиненных, отправляя их туда, где в случае провала их неминуемо должны были уничтожить. Почему-то последнее кажется наиболее близким к истине.

Уроженка местечка Ромны Полтавской области, двадцатилетняя Таня Маркус, была оставлена для подпольной работы в составе диверсионно-истребительной группы Киевского горкома партии. Руководили ее действиями известные подпольщики Кудряшов и Левицкий. На первых порах в обязанности Тани входило распространение среди местного населения сведений о действиях советских войск.

Подпольщики придумали «легенду», по которой Таня была дочерью грузинского князя Маркусидзе, расстрелянного большевиками перед войной. Под этой фамилией ее устроили в офицерскую столовую, где она пользовалась большим успехом. При этом ей удавалось даже иногда отравлять посетителей столовой. В других случаях она приводила своих ухажеров в условленные места, где их уже ждали подпольщики. У убитых офицеров забирали деньги, документы, форму и оружие. Одному только Богу известно, как все это время Тане удавалось оставаться неуловимой.

Весна 1942-го принесла тепло и солнце, но в жизни подпольщиков Киева небо все чаще заволакивало тучами. После одного из заданий не вернулся отец Тани Иосиф. Горком направил его по селам Киевской области, но обратно он не пришел. Предательство члена горкома Кучеренко больно ударило по подполью. В июле были расстреляны практически все его лидеры: Кудряшов, Пашенко, Левицкий. Таня тяжело переживала смерть своих друзей. И единственным осознанным желанием оставалось желание мстить без пощады.

Очередной жертвой Тани стал директор пивного завода Миронович. Подпольщикам было известно, что он является крупным агентом гестапо. Тане не составило труда привлечь к себе внимание Мироновича. В один из дней он пригласил ее к себе на квартиру. Таня пришла чуть раньше назначенного времени. Она улучила момент, когда Миронович наклонился, и метким выстрелом из браунинга попала ему в затылок. И в тот раз Тане удалось благополучно скрыться.

То, что произошло потом, трудно объяснить или понять. Однажды Таня вложила в китель убитого офицера вермахта записку, в которой назвала свое имя и пообещала, что и дальше будет мстить оккупантам. Нам до сих пор неясно, по какой причине Таня рассекретила саму себя. Можно лишь предположить, что и в этом случае не обошлось без предательства, многочисленными примерами которых изобиловала история киевского подполья.

В такой ситуации Тане нельзя было оставаться в Киеве. Решено было переправить ее к партизанам. Был выбран путь по Десне. Но на реке подпольщиков ждала засада. Таня пыталась спастись. Ей удалось обмануть полицаев и спрятаться в одном из близлежащих сел. Но крестьяне выдали ее гестаповцам.

С 22 августа 1942 года по 29 января 1943-го, пять месяцев Таня провела в гитлеровских застенках. Когда стало ясно, что ее не удастся использовать для дальнейшего развала подпольной организации, Таня была расстреляна. Так трагически завершилась одна из наиболее волнительных страниц еврейского Сопротивления. Таня была коммунистической подпольщицей и не принимала участия в специфических еврейских акциях. Она действовала в других рамках. Но иначе было нельзя. Помогая убивать нацистских офицеров, она мстила за еврейские жертвы Бабьего Яра, за кровь женщин, стариков, детей, которые ни в чем не были виновны...

К сожалению, у нас нет точных данных о количестве евреев в первых партизанских отрядах. Архивных сведений на этот счет очень мало, если не сказать, что их совершенно нет. Ко всему прочему, эти отряды не могли долго сражаться, не имея опыта, оружия, снаряжения и вестей с Большой земли. К зиме 1942-го практически все они оказались на грани гибели. Тем не менее, мы можем предположить, что процент евреев в этих ранних партизанских формированиях был высок.

Выжить, оказавшись в окружении, было само по себе подвигом. Герой партизанской войны, командир отряда имени Пожарского Леонид Беренштейн в своих воспоминаниях дает яркую картину той бездны ужаса и отчаяния, в которую попадали солдаты и офицеры Красной Армии, оказавшиеся на оккупированной территории: «...Открыл глаза. И справа, и слева убитые лежат. Нашупал в кармане сухарь. Вытащил, замочил в болотной воде. Съел, подкрепился. Стал прислушиваться: где-то примерно в полутора-двух километрах слышался лай собак. Решил ползти к этому населенному пункту. Видимо, когда решил бороться за жизнь, появилась дополнительная энергия. Дополз до первой же хаты, прислушался... Как потом оказалось, как раз в эти минуты с другого конца села сюда входили немцы...»

Итак, выжить было трудно. Но еще труднее было взять в руки оружие и вместо того, чтобы прятаться, вступить в борьбу. Правда, зачастую, в условиях царившей в лесах анархии, сопротивление было единственно возможной формой выживания. Невозможно рассказать обо всех примерах участия евреев в советском партизанском движении. Ограничимся лишь отдельными примерами.

При этом напомним читателям, что самостоятельные еврейские отряды существовали не очень долго. Советское руководство предпочитало их разоружать и расформировывать. Суперцентрализация требовала единоначалия во всем. И Арад, воевавший в эти годы в лесах Западной Белоруссии и Восточной Литвы, считает, что в оккупированных районах СССР сражалось около 30 тысяч евреев-партизан. Арад человек уважаемый. Он лично видел то, о чем пишет сейчас в своих научных работах. Но документальных подтверждений именно такой численности еврейских партизан мы пока не имеем.

Одним из примеров взаимодействия между самостоятельными и сформированными на советской территории отрядами стали действия подразделения Николая Конищука. Член действовавшей нелегально Коммунистической партии Западной Украины Конищук с самого начала оккупации стал собирать бежавших из гетто евреев и создавать с ними партизанский отряд. Конищук приютил многих евреев из Камень-Каширского и Маневичского районов (Волинская область). Без его доброты, граничившей с самопожертвованием, они неминуемо бы погибли в негостеприимных лесах Западной Волыни. Любопытно, что если в начале в отряде было 17 евреев, то к апрелю 1943 года их уже насчитывалось 111. Если же сказать, что всего в отряде на тот момент воевало 184 бойца, то становится понятным, почему мы так подробно о нем говорим.

Возникновение отряда дает пример второго способа попадания евреев в партизаны – бегство из гетто Западной Волыни. Как уже упоминалось раньше, в генералкомиссариате «Волынь и Подолье» гетто существовали до лета – осени 1942 года. Это давало возможность для спасения.

С самого начала партизаны Конищука остро нуждались во взрывчатке. И добыть ее удалось сравнительно легко. Местоположение довоенных складов указал пришедший в лагерь офицер Красной Армии Лев Магомет. Диверсионные операции круковцы (так в просторечье назывался отряд Конищука) проводили на шоссе и железных дорогах. Командиром взвода разведки и диверсий был Иосиф Блянштейн.

Его судьба была типичной для большинства бойцов отряда. Родившийся в 1925 году в городе Ковель, он вместе с семьей сумел бежать из Маневичского гетто и присоединиться к отряду Конищука. Кроме Иосифа, с круковцами против нацистов воевали его мать, брат и три сестры.

Отряд Конищука довольно быстро привлек внимание местных партизанских антисемитов. То, что Иосиф и другие евреи занимали видные посты в отряде, вызывало недовольство среди прочих командиров бригады Бринского. Тут надо пояснить, что когда партизанить самостоятельно отряд уже не мог, он вошел в состав бригады особого назначения, которой командовал Герой Советского Союза А.Бринский.

К чести Николая Конищука, он сумел выдержать давление и не «сдать» своих бойцов. Хотя сделать это было довольно непросто. Насыщенная атмосферой страха и подозрений партизанская жизнь не располагала к излишнему доверию. Некоторые бойцы не понимали, что евреи по определению не могли быть агентами гитлеровцев. Они видели лишь то, как евреи из гетто тайными тропами пробирались в лес к партизанам. То есть, покидали немецкую территорию и соприкасались с сопротивленцами, где их могли воспринять как шпионов. Сама по себе постановка такого вопроса кажется нам сегодня абсурдной. Но тогда это не было так однозначно.

Впоследствии, в апреле 1944 года отряд круковцев был расформирован, а его бойцы боюлись против фашистов в составе регулярных частей Красной Армии. Иосиф Блянштейн, в частности, отличился в ходе боев за освобождение Польши.

Еще одним легендарным подразделением была «рота дяди Миши». Говоря о ней, мы вспоминаем трагическую историю гетто Западной Волыни. Самостоятельные партизанские группы евреев на западе Волыни стали появляться летом 1942 года. Одну из них организовал сорокапятилетний инженер из города Корец Моше Гильденман.

Все началось с того, что сын Моше Симха однажды встретил в лесу группу красноармейцев и помог им выжить. А вскоре в Корце начались массовые расстрелы. В мае 1942 года нацисты «переселили» 2200 человек. Взволнованное население гетто собралось в синагоге. Когда напряжение достигло пиковой точки, на биму поднялся Моше.

Вместо того, чтобы прочитать Кадиш, он обратился к людям со словами гнева и обиды. Моше призывал прекратить терпеливо ожидать печального исхода собственной жизни. Всеми возможными способами он пытался убедить собравшихся в том, что нельзя быть покорными в такой решающий момент. Вначале его никто не слушал. Большинство, напуганное происшедшим кровопролитием, предпочитало сидеть тихо и надеяться на милосердие оккупантов. Но речь Моше была настолько убедительной, что в конце концов ему удалось сломать сопротивление аудитории. По крайней мере, часть из присутствовавших ему поверила.

Вначале в распоряжении подпольщиков был только один пистолет. Уже 23 июня гетто было окружено. 17 человек смогли прорваться через оцепление и уйти в лес. С этого момента началась партизанская жизнь «роты дяди Миши». Первое оружие они добыли в бою 10 октября. А к началу следующего месяца уже каждый боец отряда был вооружен. В январе 1943 года «еврейская рота дяди Миши» стала частью партизанского соединения под командованием Сабурова.

Одной из наиболее загадочных страниц еврейского Сопротивления остаются восстания в гетто и лагерях на территории бывшего СССР. Если история Варшавского гетто известна сейчас каждому ученику еврейской школы, то что он может сказать о сопротивленцах из гетто на оккупированных землях СССР?

Конечно же, восстания такого уровня как в Варшаве, на оккупированных землях бывшего Союза не было. Но, это не значит, что вооруженных выступлений не было совсем. Просто специфические условия нацистской оккупации и последующей советской действительности привели к утрате сведений о них. В итоге сложилось положение, напоминающее вопрос о «Праведниках мира». И в Украине, и в Белоруссии они были, но в послевоенном мире, с позволения сказать, рекордсменами по их количеству стали Нидерланды и Польша.

В октябре 1942 года нацисты и украинские полиция окружили гетто в Мизоче. Группа смельчаков, видя такой оборот дела и будучи к нему готовой, произвела поджог домов. Часть узников смогла бежать, воспользовавшись суматохой во время пожара и боя. Юденрат с самого начала поддерживал повстанцев. Им не хватало только огнестрельного оружия.

Его поиски были постоянной заботой повстанцев в любом гетто. Каждый мог решать эту проблему по-своему. Можно было пытаться покупать оружие у полицейских. Рискованные переговоры иногда приносили успех. Другим путем было добывание оружия в бою. Евреи, вооруженные палками, топорами, вилами, нападали на полицейские или даже немецкие патрули. Чаше

всего они становились победителями в этих бескомпромиссных стычках не на жизнь, а на смерть. Нам сейчас трудно представить, как вооруженные оккупанты оказывались слабее невооруженных, изможденных людей с палками в руках. Как видно, тут срабатывала человеческая психология.

Итак, если вернуться к повстанцам из Мизоча, то можно сказать, что бой вокруг гетто и в нем самом продолжался около двух суток. Силы были слишком неравные. Нет смысла говорить о статистических итогах столкновения. Важно другое. Каждый выстрел, раздававшийся из-за стен гетто, давал понять нацистам и их прислужникам, что не все еще ясно в вопросе об «окончательном решении».

К сожалению, у нас очень мало информации о восстании в городе Кременец. Не выжил ни один из его участников. Поэтому мы ничего не знаем о руководителях подпольной организации. Численность повстанцев тоже остается под вопросом. Есть лишь отдельные свидетельства местных жителей. По их словам, в районе Кременецкого гетто был достаточно серьезный бой. При подавлении беспорядков погибли некоторые немецкие солдаты и офицеры.

По оценке С.Елисаветского, наиболее подготовленным и удачно организованным выступлением против нацистских убийц было восстание в городе Тучин. Тучинское гетто располагалось в 30 километрах от Ровно (столица рейхскомиссариата «Украина»). Нацисты эффективно использовали легкую промышленность города. В Тучине располагались кожевенный завод и текстильная фабрика. Гетто было создано только в сентябре 1942 года. Это говорит о том, какое внимание уделялось городу. Все-таки другие еврейские общины запада Волыни стали исчезать с карты региона еще летом. В случае с Тучином, как видно, играли роль экономические факторы.

22 сентября район гетто был окружен. Начальник Ровенского гестапо лично руководил операцией. Евреи были вооружены, в основном, холодным оружием. Имелся также бензин. Глава юденрата Гершель Шварцман получил распоряжение собрать молодых людей. Сначала нацисты хотели уничтожить как раз ту часть жителей гетто, которая могла вступить с ними в бой.

Г. Шварцман оказался на редкость смелым и решительным для обычного главы юденрата человеком. Он понял, чем грозит выдача молодежи, и постарался сделать все возможное для изменения ситуации. В итоге приказ о депортации тучинской молодежи не был выполнен. На рассвете следующего дня нацисты начали обстреливать гетто. И снова силы были слишком неравные. В ответ слышались лишь пистолетно-ружейные выстрелы. Когда ситуация стала угрожающе опасной, повстанцы подожгли гетто, перерезали проволоку и повалили ворота. И, как это ни удивительно, но немцы вначале растерялись и отступили. За время неразберихи около двух тысяч евреев сумело бежать в лес. Могло показаться, что восстание закончилось триумфом жителей гетто. Два автофургона с трупами немецких солдат было вывезено с улиц города Тучин. Но и среди защищавшихся были серьезные потери. В бою с превосходящими силами гестаповцев, прикрывая бегство мирных жителей, погибли два сына главы юденрата.

Итак, восставшие одержали победу. Но, что могли делать сбежавшие в лес люди? Формирования Украинской повстанческой армии не были настроены в юдофильском духе. Находившиеся неподалеку польские села также не могли стать убежищем. К слову, на западе Украины и Белоруссии в тоже самое время шла малоизвестная гражданская война в виде взаимной резни. Поляки убивали украинцев, а украинцы — поляков. Украинско-канадский историк Василий Полещук и белорусский ученый Ярослав Семашко посвятили немало страниц своих книг описанию той вакханалии насилия, которая охватила Волынь, Галичину и запад Белоруссии. Понятно, что такие обстоятельства не способствовали благополучию беглецов.

Все же несколько сотен, вырвавшихся из пожара Тучинского гетто, смогли приспособиться и пережить зиму. Но впоследствии они также стали жертвами кровопролития. Из участников тучинского восстания до дня Победы дожило только 15 человек.

Печальный пример тучинцев показывает, что успешное сопротивление оккупантам было возможно только при активной поддержке местного населения. Без помощи сельчан выжить было очень трудно даже летом или весной, не говоря уже об осенне-зимнем времени.

Непосредственным продолжением борьбы узников гетто стали восстания в лагерях.

Одним из таких чудовищно жестоких лагерей был Яновский лагерь на северо-восточной окраине Львова. Концентрационный лагерь принудительного труда занимал площадь трех квадратных километров.

В 1944 году Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков записала в своем отчете по Львову: «Яновский лагерь представлял собой промежуточную инстанцию на пути между арестом и смертью». За то, что человек разгибал спину во время работы, его могли убить на месте.

В ноябре 1943 года «бригада смертников» под руководством узника Херхеса попыталась организовать побег. «Смертниками» называли тех узников, в обязанности которых входило убирать трупы. И вот 19 ноября они смогли убить нескольких охранников, но большего достичь не удалось. Только несколько человек из состава узников Яновского лагеря сумело уйти в лес и пережить войну. Организовать успешное восстание в лагере было сложнее, чем в гетто. Неудивительно, что сведений о мятежах в лагерях у нас еще меньше, чем подобной информации по гетто.

Хотя наша статья посвящена Сопротивлению на землях СССР, нельзя не сказать несколько слов и о восстании в «лагере смерти» Собибор на территории Польши. Во-первых, его организатором был советский офицер, еврей по национальности, Александр Печерский. Во-вторых, сопротивленческое выступление в Собиборе стало уникальным примером борьбы против нацистов в условиях, полностью этому противоречивших.

Лагерь в Собиборе был одним из шести лагерей в Польше, специально предназначенных для уничтожения. Убийства узников производились здесь с помощью выхлопного газа из дизельных моторов.

Меры безопасности в таких лагерях были на высочайшем уровне. Нацисты очень опасались утечки информации о газовых камерах и том, что там происходило. Поэтому даже предположения создания подпольной организации пресекались в зародыше. Трудно представить, как же все-таки некоторым узникам Собибора удалось обмануть бдительность надсмотрщиков.

14 октября 1943 года 600 человек напало на оружейный склад лагеря. Охрана сориентировалась сравнительно быстро, был открыт ураганный огонь по всем людям, которые оказались в поле зрения. Но творилось что-то страшное, заключенные были в истерическом состоянии и совершенно не боялись пулеметного огня. Своими телами они прорвали проволочное ограждение и устремились на волю. Но здесь их ждала еще одна ловушка. Немцы предусмотрели возможность массового прорыва узников из лагеря. Поэтому рядом они расположили минное поле, на которое попали сбежавшие. Почти все погибли там, на минах. Спасти удалось лишь небольшой группе из 60 человек во главе с Печерским. Они вскоре присоединились к партизанам. А Собибор был вскоре ликвидирован.

Восстание в Собиборе так и осталось единственным примером выступления против нацистов в «лагере смерти». Тем более важно нам помнить о нем, как о примере подлинного героизма.

Заканчивая эту статью, хочется напомнить еще об одном забытом историческом факте. В 1946 году Илья Эренбург предлагал помимо «Черной книги» об уничтожении еврейского населения СССР издать еще и «Красную книгу» о героических и доблестных страницах еврейского Сопротивления нацистам. Замысел так и остался нереализованным. И тому были как объективные, так и субъективные причины. Думаю, что сегодня как раз наступает подходящий момент для перестановки акцентов в тематике изучения Шоа. От бесконечного скорбного списка жертв мы должны перейти к другому списку, в котором будет место как для смельчаков из подполья и партизанских лесов, так и для воинов из частей Красной Армии.

К 60-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО

Анатолий КАРДАШ

ОНИ СПАСАЛИ ЧЕСТЬ НАРОДА

Война — испытание Человека, его низости и высоты. На гигантском, вымощенном десятками миллионов трупов, полигоне Второй мировой войны не было, кажется, опыта чище и нагляднее, чем восстание евреев Варшавского гетто. Мировая война и Катастрофа евреев стыкуются в точке, обозначенной днем 19 апреля и тремя словами: Варшава, гетто, восстание.

С момента создания Варшавского гетто 2 октября 1940 года и до апреля 1943 г. через него прошло примерно полмиллиона евреев и тех, в ком немцы унюхали примесь зловредной еврейской крови. Два с половиной года нацисты даром не теряли: «окончательное решение еврейского вопроса» успешно осуществлялось внутри трехметровой стены, отрезавшей евреев от «арийской» части города, с ее дремучим польским антисемитизмом, но и с просветами спасительного сочувствия отдельных поляков. Больше 100 тысяч человек умерло в гетто от голода и эпидемий, триста тысяч были в 1942 году вывезены в Трешлиньский лагерь смерти и уничтожены в газовых камерах.

Примерно 35 тысяч евреев немцы оставили для труда на пока еще нужных им производствах, столько же затаилось в гетто «нелегально» — всего к 1943 году там находилось около 70 тысяч человек. Наиболее работоспособных и молодых («балласт» стариков и детей был почти полностью испепелен в Трешлинке), до конца уже; осознавших, что их ждет только смерть, потерявших семьи — отчаявшихся и отчаянных.

Общность гибельной судьбы заставила их еще в марте 1942 года превозмочь разногласия и объединиться в подпольный Антифашистский Блок. В октябре 1942 года они создали Боевую Организацию Евреев — БОЕ. В гетто была еще одна еврейская боевая организация — Еврейский Военный Союз (ЕВС), объединявшая сионистов-ревизионистов, отделенная от БОЕ принципами, которыми евреи обеих сторон поступиться не смогли даже в преддверии смерти. Все они стали готовить, свою войну. Без надежды на победу. Без надежды на жизнь. Только за право умереть в бою, а не стадом на бойне. И еще — чтобы отомстить. «Мы не собираемся спастись себя. Из нас никто не выживет. Мы хотим спасти честь народа», — это сказал один из них, Ария Вильнер.

Они добывали оружие где воровством, где за деньги, а деньги, если надо, брали грабежом, они тайком изготавливали самодельные гранаты и бутылки с зажигательной смесью — «коктейли Молотова». Они укрепляли и оборудовали подвалы домов, превращая их в боевые бункеры. Они выпускали листовки и газету «Зов», они внедряли своих агентов, в еврейскую полицию гетто, сотрудничавшую с немцами, они убивали гестаповских доносчиков. Щуплые еврейские дети — уходили под землю в канализацию разведать пути сточных вод, и те из них, кто не захлебнулся в зловонных потоках, вернувшись, нарисовали карту каналов, которые вели наружу, за стену гетто, так что впоследствии удалось создать «еврейскую автостраду спасения» — путь из подвалов через чердаки, по крышам и снова вниз, под землю, в люки; и в вонючую тьму каналов, а оттуда наружу, на «арийскую» сторону — позднее кое-кто сумел спастись этим путем, пока он служил для связи с внешним миром, и сочилась сквозь него какая-то помощь.

Но, в общем, польскому подполью, за исключением отдельных энтузиастов, не было дела, до евреев... Как, впрочем, и всему, остальному миру. Евреи Варшавы готовились

драться, и позднее дрались в почти полном сиротстве. Мальчики и девочки из тихих мирных семейств, они не допросились от польских боевых собратьев даже военного обучения: лишь раз прибыл от подпольной Армии Крайовой инструктор, да лыка не вязал — пьян был в стельку.

Тем не менее, евреи, в основном очень юные, дело свое делали.. они создали штаб во главе с Мордехаем Анелевичем, они разбились по участкам гетто на 22 боевые группы (18 сионистских, 4 коммунистических), они продумали тактику боев, они укрепились в бункерах и предусмотрели госпитали с бумажными бинтами, они вооружились, сколько могли и даже начали уничтожать предателей и немцев. А в январе 1943-го, при очередной попытке вывезти евреев Варшавы на уничтожение, боевики гетто дали немцам настоящий бой и заставили их отступить, не добрав 10 из 16 тысяч запланированных смертников и потеряв 70 своих убитыми и ранеными.

Истребление евреев запнулось. Берлинское руководство обозлилось. 16 февраля от него вышел приказ: ликвидировать варшавское гетто. 70 тысяч евреев. В три дня.

Немцы обстоятельно, два месяца, готовились и, наконец, приступили. Была весна, тепло и светло — был день 19 апреля 1943 года. Вот с чем вышли один против другого Давид и Голиаф:

НЕМЦЫ

ВООРУЖЕНИЕ

Автоматы, пулеметы ручные и станковые, две артиллерийские батареи, огнеметы, 6 танков, самолеты, газы.

ЖИВАЯ СИЛА

Войска СС, армейские части (артиллерия, саперы); полиция СС, гестапо, полиция польская, пожарные части, группа технического обеспечения, вспомогательные отряды украинцев и латышей всего 2038 человек (в том числе 29 офицеров), многие с фронтовым опытом и специальной подготовкой к действиям в гетто.

КОМАНДИРЫ

Юрген Струп, 48 лет, член СС и нацистской партии с 1932 г., генерал СС, опытный военачальник и каратель: участвовал в двух войнах, подавлял немецких, чешских и польских антифашистов, советских партизан, уничтожал евреев во Львове. Образцовый фашист, отличался в СС исполнительностью и жестокостью.

ЕВРЕИ

ВООРУЖЕНИЕ

Несколько винтовок, автоматов, пулеметов, около 70 пистолетов (половина неисправна), гранаты, самодельные мины и бомбы, зажигательные бутылки, топоры, ломы, ножи, кипяток, кислота.

ЖИВАЯ СИЛА

Члены БОЕ, отряды ЕВС, профессиональные, домовые и подвальные группы, группа религиозных евреев, одиночки — всего организованных бойцов менее 1000, обученных офицеров — ни одного. Возраст большинства бойцов 18 - 25 лет, умели стрелять далеко не все.

КОМАНДИРЫ

Мордехай Анелевич, 22 года член левосионистской организации «Молодая гвардия», с 17 лет активный антифашист, руководитель молодежных отрядов по борьбе с погромщиками. В варшавском гетто — один из создателей боевого подполья.

Итак, 19 апреля, весенний рассвет. Немцы вошли в гетто. Спереди они прикрылись еврейскими полицейскими из Службы Порядка гетто. За ними двигались: мотоциклисты, танки и броневые автомобили, грузовики с пехотой и пулеметами, санитарная машина, полевая кухня, автомобиль связи...

Две такие колонны немцев, украинцев и латышей с песнями направились к центру гетто двумя соседними улицами, Налевки и Заменгофа, на обеих улицах были встречены

гранатами и огневыми бутылками и отступили, оставив трупы, а на них мундиры, каски и оружие — трофеи, до зарезу необходимые нищим победителям.

Пришлось генералу Струпу лично прибыть в гетто и возглавить штурм. На этот раз никаких маршировок и песен, фронт как фронт: «Батарея, к бою! Огонь!», наступать цепью под стенами домов, противника — в клещи, охват с запада по Гусиной улице и с севера, от Мурановской площади, а с третьей стороны, на Налевках, ставить баррикаду из тюфяков — бить оттуда по перекрестку, артиллерии прикрыть стройку огнем. «Что, эти болваны с «коктейлями» против пушек еще живы?! - Танки — вперед, автоматчики — за танками!». Евреи последними гранатами разносят баррикаду и переходят чердаками на новые позиции. «Вызвать авиацию!» — командует Струп, вой пикирования, взрывы, дым, пыль...

Израсходовав боеприпасы, группы БОЕ отступили. Отходя, подожгли большой склад — немцам ничего не должно достаться.

Бой длился шесть часов. Погибло несколько евреев. Маловато Струпу для победной репортажа — что ж, итоги можно улучшить больницей на Гусиной 6, откуда медсестры носили воду раненым повстанцам. От бомбы больница загорелась. Солдаты Струпа ворвались внутрь. Здесь они воевали умело: медиков и больных в пламя, новорожденных — головками - о стену, роженицам — вспороть животы...

В 16 часов, завершив ратные труды на Налевках и Гусиной, на угол Мурановской площади, где развевались флаги восстания, явилась большая колонна немцев под охраной танкеток: СС, жандармы, батальон полиции — площадь потемнела от мундиров.

Бой был злым., Евреи подожгли танк и захватили два пулемета. Санитарные машины немцев не останавливались — было кого возить. «Евреи и бандиты, — рапортовал потом Струп; — оборонялись, переходя с одного пункта на другой, и в конце концов ушли через чердаки или подземные проходы»...

«Бандиты» — бойцы БОЕ и двух групп ЕВС под командованием Павла Френкеля и Леона Родала. Это они заняли блок домов и атаковали, меняя позиции. Их главный опорный пункт, бетонный дом номер 7, имел вдоволь боеприпасов, а сверх того, получал оружие от союзных поляков через добротный туннель, который вел к противоположному дому на «арийской» стороне (стена гетто делила площадь).

К восьми вечера Струп устал воевать на Мурановской площади, где всех убитых евреев за многочасовой бой набралось только девять, — и немцы ушли из гетто.

Евреи победили. Они победили, выжив на Налевках и выстояв на Мурановской площади. Они победили в схватках на Смочьей улице и на улице Счастливой, на Низкой и на Ставках, на Францишканской. Победили раненные, которые стреляли до последнего вдоха, победили дети, метавшие бутылки с горючей смесью.

Победила неизвестная шестнадцатилетняя девочка, которая обвязалась бутылками с «коктейлем», облила себя. Бензином, подожгла и с балкона бросилась на проезжающий внизу танк, уничтожив его собой.

Поляк, случайно уцелевший в гетто вопреки немецкому старанию уничтожать свидетелей, напишет позднее: «В течение двух войн я побывал во многих сражениях, но ни одно не производило такого потрясающего впечатления... В пламени беснующихся пожаров, в грохоте противотанковых и полевых орудий, минометов и пулеметов пробирались немецкие саперы под еврейские гнезда сопротивления, чтобы заложить взрывчатку. Использовались и огнеметы. После всей этой подготовки немецкая пехота приступала к штурму и раз за разом отбрасывалась евреями. Только на одном участке я насчитал 15 убитых и 38 раненых немцев. Евреи... обороняются яростно и решительно». Это они заставили генерал-губернатора оккупированной Польши Франка 20 апреля сообщить в канцелярию Гитлера: «Со вчерашнего дня имеем в Варшаве хорошо организованное восстание в гетто, которое уже необходимо подавлять с помощью

«артиллерии». А командир восстания Мордехай Анелевич написал на «арийскую» сторону: «Я свидетель прекрасной героической борьбы еврейских повстанцев».

Они победили. Впереди у них — смерть. А сегодня — праздник. Праздник свободы. Песах.

В этот 1943-й год еврейский Песах и католическая Пасха совпали на одну и ту же неделю: Подоспело и фашистам: 20 апреля — день рождения фюрера. Всякому своя радость. И свой обряд.

Главный бой двадцатого апреля разгорелся возле щеточной фабрики гетто. Еврейские боевики, относительно хорошо вооруженные (карабины, револьверы, гранаты, и еще мина, и еще каждому от командира пасхальный подарок: 1—2 патрона) противостояли тремстам немцев. Тридцать два фашиста подорвались на mine, заложенной евреями. Струп, смилив тевтонскую гордость, выслал парламентариев к «недочеловекам», предложил перемирие и сдачу. Евреи отказались и дрались до ночи двадцать второго апреля, когда отступили, эвакуировав часть мирных жителей.

Гремели бои в разных частях гетто, евреи стояли насмерть, и энергичный генерал задействовал артиллерию, велел взрывать подвалы и жечь дома.

Замечательным фейерверком украсило горящее гетто праздник варшавских христиан.

Светлое Воскресение Христово! На улицах свет чистого неба, гуляют нежные облака, туго гнутся деревья под легким ветром, на голых ветвях отточия почек — обещание жизни. Первые цветы, свежесть травы, заря восходит в усталых глазах, гаснут заботы, тихое благочестие заполняет душу и можно лелеять розовые бутоны надежды, да мешает тяжкое уханье пушек в районе гетто и отдаленный стрекот пулеметов, и тянет оттуда гарью, и. слухи ползут страшные, но «тс-ссс, нас это, слава Богу, не касается», — говорили одни и «поделом им, — думали другие, — Господь всемилостивый зря карать не станет», а третьим просто надоели ужасы, хоть бы в праздник отдохнуть от кошмара, гори оно все огнем. И оно горело на радость четвертым, тем, кто неподалеку плясал в праздничных хороводах, крутился на каруселях с покорителями гетто, отдыхающими после доблестного труда, кто с упоением охотился на беглецов из гетто, кто не ленился с окраины добраться сюда, чтобы позабавиться корчами еврейских повстанцев, висящих на балконах.

К четвергу двадцать второго отдельные пожары в гетто слились в море пламени; блок за блоком, улица за улицей погружались в огонь, из него вопили тысячи горящих людей. Гигантским крематорием в тучах дыма вздыбилось гетто, и любознательной публике представился невиданный аттракцион: живые факелы выбрасываются с этажей поодиночке и семьями...

Захватывающее зрелище, его бы. еще интереснее поглядеть не издали, а внутри гетто, вот где открылись бы презанимательнейшие картины. В одном, из. подвалов, где собирали раненых и обожженных, можно было видеть семнадцатилетнюю девочку с ногами, обгоревшими дочерна. Она лежала вповалку с другими, и в общей тесноте проходящие мимо не могли ее не толкать. Она нечеловечески выла от боли, кричала: «Добейте меня!»... А рядом изуродованные тела, обгоревшие безглазые лица, стонущие провалы ртов... В углу — годовалый ребенок, ручки и ножки обгорели, уже не стонет — обессилел, на личинке — нечеловеческая боль. И матери не взять его на руки — сожжены; губами, опаленными, в волдырях и струпьях, она молит убить ее и ребенка...

Но боевики приспособились и к пламени. Обороняясь в домах, они отступали с нижних этажей на верхние, а когда немцы поджигали здание, повстанцы с верхних этажей через крыши спускались в соседние дворы, и следующий дом становился рубежом боя. «Пожары, — сообщала БОЕ на «арийскую» сторону, — не сломили духа еврейских бойцов, которые продолжают героически сопротивляться».

Часть мирных жителей пыталась спастись в подземных каналах. Струп велел перекрыть сток, чтобы затопить каналы. Евреи проббили заслонку. Тогда генерал приказал пустить в каналы газ. В борьбе с евреями все средства оказались хороши и — недостаточны. По ночам боевые группы возвращались в разбитые и сожженные дома, и пространство, очищенное огнем, как считали немцы; дотла, не успев остыть, наутро оживало новой стрельбой.

Шли четвертые сутки. Револьвер против пушки, самопал против танка, нож и лопата против газа и авиации. «Невероятно! Немецкий престиж поражен!» — напишет позже польская писательница Мария Канн.

Пятый день восстания Струп, теряя терпение, уверенно объявил последним. Любой ценой, акция должна быть сегодня закончена», — отрезал генерал. Но какой там, к дьяволу, последний, если тут же пришлось ему рапортовать: «Сегодня, в пятый день борьбы, по-видимому, вступили в бой самые крупные террористы и активисты», а назавтра, двадцать четвертого: «Евреи всегда, до самого конца операции, так отстреливались, что на исходе дня группа саперов под прикрытием пулемета должна была штурмовать укрепленное бетонное здание».

На Милой пожары и взрывы подбирались к бункерам с мирными жителями. Боевики изловчились между боями организовать эвакуацию. Группы Арона Брыскина и Лейба Ротблата перевели в более безопасное место колонну беженцев в образцовом порядке, под вооруженной охраной. Три дня спустя такую операцию повторили группы Лейба Грузальца и Давида Хохберга. Немцы атаковали их; спасая детей и женщин, покидавших убежище, восемнадцатилетний Хохберг собственным телом закрыл узкий вход в бункер. Немцы застрелили его — труп намертво перекрыл им путь. Евреи дрались — нападали, отступали, убивали, умирали...

28 апреля с территории немецких фабрик на Лешно нестихаемо горящей несколько суток, польские коммунисты по согласованию с местным командованием и БОД вывели в город сорок повстанцев. Они в муках одолели залитую водой канализацию, после чего, двое, Регина Фюден и Соломон Барчинский, вызвались вернуться за оставшимися в гетто товарищами. Они канули под землю и пропали навсегда. Боевик Леа Корн тоже пошла обратно в пылающее гетто, ей удалось спасти семерых раненых.

Струп, разъярясь утечкой повстанцев, приказал взорвать обнаруженные выходы из гетто и несколько канализационных отсеков. Следующую эвакуируемую группу боевиков у выхода из канала уже ждали немцы. Схватка, стрельба, последний патрон, последний труп...

Так, за днями дни, набирались недели, а восстание продолжалось, и штаб командовал, хотя связь между пунктами боев ослабела, и бункеры организованно оборонялись, и на улицах, днем немецких, ночами властвовала БОЕ.

Однако огонь и газы, неуклонно ужимали территорию восстания. 7 мая немцы взяли последний бункер на улице Лешно, где было сто пятьдесят мирных жителей и сильно поредевшая после четырехдневного боя группа боевиков. У них остались только бутылки с серной кислотой, но они еще надеялись пробиться на «арийскую» сторону, а тут — газ. Дежурная у входа Ита Гейман, отравясь, пустила в себя последнюю пулю, чтобы не стать обузой товарищам, которые и после газирования сопротивлялись ворвавшимся в бункер фашистам. А Роза Розенфельд, героический командир, пробилась, скрылась, отстреливаясь, в развалинах домов.

В тот день польские полицейские доносили: «Гетто похоже на сплошную могилу. Патрули, вооруженные автоматами, осматривают тлеющие груды развалин... Эсэсовцы робко выглядывают из тени обломков, опасаясь выстрелов... Из дымящихся домов, из бункеров выходят, как привидения, евреи: они уничтожают более слабые немецкие

патрули или пробираются в направлении арийского района... Немецкие посты на выходах из улиц, окружающих гетто, обыскивают и проверяют прохожих, зачастую натываются на вооруженного еврея, платя жизнью...»

8 мая гитлеровцы вышли, наконец, на штаб евреев. Бункер окружили, заблокировали все пять выходов: не выскользнуть, не выслать, как повелось, группу немцам в тыл. Чудес быть не могло — оставалось отстреливаться. Это боевики умели: как Струпу ни мечталось взять их живыми, немцы не могли даже приблизиться к бункеру. Тогда был пущен газ — одновременно во все пять входов. Тьма, удушье, хрипы... Последнее совещание боевиков, последнее решение: самоубийство. Начал Лейб Ротблат. Он застрелил мать, потом себя.

Подождать бы Ротблату ровно два года — увидеть майское утро сорок пятого года, когда, придет черед стреляться нацистам (ох, немногие будут стреляться). Но дым уже выворачивает глаза, желудок — у горла, скрежещут бронхи и смерть раздирает сердце, и мать корчится в муках, и в тяжелой тьме бункера вспыхивают зарницы древней Иудейской войны, крепость Масада, осажденные режут себя, чтобы не достаться римлянам...

Не дано Лейбу Ротблату подождать, не отпущено ему двух лет, ни даже двух часов, пока обнаружится еще один запасной выход и несколько человек, последние, кто оставался жив, успеют выбраться наружу и потерять сознание. Их подберут опоздавшие спасатели из Гвардии Людовой, которых приведет член БОЕ Симха Ратайзер с помощью поляков-рабочих канализационной сети Вацлава Следзневского и Чеслава Войцеховского. Они тридцать часов будут нести каналами отравленных Михаила Ройзенфельда, Тосю Альтман, Иегуду Венгровера, Менахема Бейгельмана, чтобы дать им возможность, позднее, в партизанской войне, погибнуть от рук немецких и польских фашистов.

А Ротблату не дожидаться спасения.

Как не дождался Мордехай Анелевич.

«Мариан», «Ангелок», «Малахи» — подпольные клички. А еще его называли душой БОЕ.

И вот душа вытряхнута из тела БОЕ, и лежит он, застрелившийся, несдавшийся, со всей своей молодостью, смелостью, твердостью, умом и обаянием, лежит среди трупов в протравленном немцами подвале, уже бесконечно далеко, от разожженного им огня, от верных его бойцов, от любимого его, погибающего его народа. Последним салютом ему взрываются бункера, поминальными свечами полыхают улицы и сказочкой птицей из пепла гетто возносится в будущую жизнь имя его — Мордехай Анелевич, чтобы аукнуться в польских лесах именем еврейского партизанского отряда, чтобы откликнуться после войны названием улицы в родной его Варшаве.

Она, Варшава, не слишком охотно наградит место бывшего гетто еврейскими фамилиями, но все же придется ей, управляемой коммунистами, неподалеку от улицы Анелевича протянуть улицу Фондаминского, руководителя коммунистов гетто.

Незаурядное сочетание талантов Фондаминского — революционера, ученого, инженера — обеспечило ему возможность укрыться вместе с женой на «арийской» стороне. Фондаминские предпочли вести гетто в бой, воевать и погибнуть в тридцать три года — возраст Христа настиг Эфраима Фондаминского здесь же, на Милой 18. Он тоже не спасся отсюда, как не спаслись Ария Вильнер, Шия Шпанцер, Ривка Пасманик, Хаим Анкерман, Лейб Трузальц, как Мира Фухрер, Берд-Браудо, Сара Загель, как почти все защитники штабного, бункера.

Двадцать суток жгли они себя, воспаляя гетто. Двадцать дней раб, с колен выпрямившись в рост, глядел в лицо мощнейшему врагу, и Голиаф содрогался от жалкой пращи Давида. Их короткие жизни стекли в эти двадцать суток, сгустились кроваво и застыли вечной памятью.

«Еврейский народ своим сопротивлением поражает мир... Героические повстанцы варшавского гетто войдут в историю освободительных войн как пример неустранимого мужества и отваги», — чтобы эти слова появились в польской нелегальной газете «Гвардеец» в мае сорок третьего года, им потребовалось двадцать суток.

Тем, кто погиб прежде, — и того меньше. А иным путь в легенду пролегал длиннее.

Евреи воевали до неприличия долго.

Рвались в гетто «коктейли», свистели еврейские пули, казалось бы, ниоткуда — ведь гетто стало пустыней развалин после того, как Струп пятнадцатого мая взорвал последнюю группу домов. «Бывший еврейский район прекратил существование», — торжественно провозгласил генерал и салютом подвигу немцев взорвал большую синагогу Варшавы.

Наутро семнадцатого мая польская полиция доносила: «Еврейские отряды выползают из-под земли и внезапно атакуют немцев».

Пришлось эсэсовцам (суток не протекло) вернуться в гетто.

Вместе с полицией навалились: перекрыли все возможные источники питья, обнаруженные запасы воды отравили, продукты обливали мазутом, чтобы тем, кто выглянет наверх, — только дымный воздух да крематорий, его здесь же наскоро соорудили. Все предусмотрели, кругом — смерть. И—

20 мая, рапорт полиции: «В гетто стрельба днем и ночью, ... сильные взрывы...»

22 — 24 мая, рапорт полиции за три дня: «Немецкие жандармы и СС несут кровавые потери, и число погибших немцев очень велико».

27 мая, польская подпольная газета: «Новый день»: «Группа боевиков застрелила двух офицеров».

28 мая, подпольная «Голос Варшавы»: «Несмотря на шестинедельный штурм с использованием всех видов оружия, несмотря на то, что сожжен целый район; несмотря на применение газов, горстку защитников сломить не удалось. В отдельных пунктах борьба разгорелась заново».

31 мая, доклад шефа безопасности СС Крюгера на совещании у Франка: «В Варшаве евреи продолжают нападения и убийства».

1 июня, полиция: «Положение в гетто, по-видимому, ухудшилось» (накануне боевики среди бела дня атаковали немецкий конвой, ведущий на расстрел узников тюрьмы Павьяк; это вынудило немцев вывести в гетто броневики).

8 июня, «Голос Варшавы», статья «Гетто борется»: «Горстка защитников еще действует».

15 июня, информация разведки АК (польское подполье): «До сих пор на территории гетто находится значительное количество евреев, вооруженных и готовых защищаться».

28 июня, немка из Варшавы жалуется полицейскому начальству в Берлине: «СС обещало очистить гетто за 3 — 4 дня, а между тем бои длятся уже 5 недель».

С середины июля гитлеровская полиция приступила к взрыву развалин, давя последние искры жизни на пепелищах. Все же в начале августа обнаруживались среди руин стреляющие боевики. Двадцать третьего августа из гетто на «арийскую» сторону вышла горстка повстанцев, вышла с оружием в руках. За ними осталась огромная: мертвая пустыня: камни, зола, тишина... Но и ту тишину прорезали выстрелы: кто-то из укрывающихся евреев находил силы поохотиться за неосторожным эсэсовцем, а то гитлеровцы выдуют из-под земли и расстреляют несколько еврейских детей, которым взрослые на исходе собственных сил помогли продлить дыхание... До самого сорок четвертого года будет тлеть в подземельях восстание и редкими гейзерами выбрасываться наружу, пока повторный обмолот руин взрывами и зима ни сделают свое: в начале сорок четвертого года вооруженных евреев в гетто уже не станет. Разговоры варшавян в том году о недобитых и стреляющих в гетто евреях — только слухи. Впрочем,

евреям — и, без чудес? Парикмахер Давид Бялогрод вышел из руин гетто в августе сорок четвертого. Пещерный человек, он проживет еще два десятка лет.

Подобно этому неистребимому еврею восстание варшавского гетто переживет себя. Эхо его стрельбы отозвалось борьбой смертников Трешлинки, Белостока, Собибора, Освенцима, Ченстоховы, Травников и еще многих лагерей и гетто, эхо раскатилось по лесам Польши, Чехословакии, Литвы, Белоруссии, Украины — везде, где партизанили евреи, оно в сентябре сорок четвертого года долетело до восставшей Варшавы последней группой БОЕ, которая собрала укрывающихся на «арийской» стороне евреев и дралась плечом к плечу с поляками до последнего вздоха их восстания.

И гимном еврейским бойцам Варшавы взвываются слова польско-еврейского историка Бен Марка:

«Многие освободительные войны несли в себе зародыш неизбежного поражения, но ни на одной из них не лежали печать столь глубокого трагизма, как на последнем боевом порыве остатков обитателей варшавского гетто, который разгорелся на могиле. их ближних без тыла, почти без оружия, без ничтожного шанса на победу, под лозунгом «Если умирать, то с честью, в борьбе». ...Восстание учит, как можно и нужно даже в наиболее трагическом и отчаянном положении найти все же выход путем преодоления страха и покорности, путем активного сопротивления могущественному врагу.

От повстанцев гетто Варшавы осталась не только легенда. Остался живой пример настоящего человека, пример для нынешнего и будущего поколений.

Память о них переживет века».

Материалы Нюрнбергского процесса и процесса Эйхмана в Иерусалиме, документальные фильмы и книги о еврейских Голгофах и безднах, памятники на местах смерти, скорбные плачи оркестров - все будет создано и разноязычно распространено, невероятная правда об убийстве народа растечется по земному шару доступно всем и, может быть, люди, разглядев в судьбе евреев не частный случай, а черновой набросок всеобщей истории, свернут, наконец, с накатанных магистралей Зла на тернистые тропы Добра.

Поставить памятник Варшавским евреям на том повороте!

«Последний арьергард нескольких миллионов евреев, замученных и отравленных газом в различных лагерях смерти, героически погибал в вооруженной борьбе со своими убийцами, воздвигая себе нерушимый памятник славы...» — это в 1947 году напишет о восстании Варшавского гетто Владислав Гомулка, бывший руководитель польского коммунистического подполья. Все-таки настанет черед поклониться евреям!..

...А двадцать лет спустя Гомулка, возглавив Польшу, объявит евреев неполноценными ее гражданами. Какой старый, какой еврейский анекдот!

Из книги *Аб МИШЕ (А.КАРДАША) «Черновой вариант», 1994 г.*

ТОРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

КАЖДЫЙ ИЗ НАС — КАК БУДТО “ВЫШЕЛ ИЗ ЕГИПТА”

Год за годом, поколение за поколением евреи рассказывают в пасхальную ночь историю Исхода из Египта. Наша потребность вспоминать прошедшее так велика, что мы как бы ощущаем наше личное участие в том, давнем избавлении от рабских цепей.

Почему же наша вера требует, чтобы мы навсегда сохранили память об Исходе? В основе этих воспоминаний лежит глубокое понимание человеческой природы. Мы постоянно должны напоминать себе о тех силах, которые определяют нашу судьбу. Одна из этих великих сил — сила свободы.

В свои 26 лет, я праздновал свой первый пасхальный Седер вместе с группой еврейских активистов в Советском Союзе. Было это в 1974 году, тогда мы мало знали о традициях этой ночи, но нам не было трудно отождествлять себя с участниками истории триумфа свободы — особенно потому, что агенты КГБ ждали нас внизу в машинах.

Открыто заявляя о своем желании уехать в Израиль, каждый из нас сделал свой выбор — бросил вызов советскому богу и выступил против тирании. История Исхода к свободе народа рабов, который смог завоевать и победить самую мощную империю мира, воспринималась нами не как древняя легенда, но как вечная истина, которая учит, что ни ракеты, ни самолеты, ни танки не могут противостоять внутренней силе народа, сопротивляющегося тирании. Достоинно удивления, что такие взгляды встречались тогда чрезвычайно редко за пределами Железного занавеса. Западные политики забыли о силе свободы и идеи освобождения. Большинство отдавало дань уважения ценностям свободного общества, но считало безнадежно наивной идею разрушения империи зла.

Но история показывает, что так называемые «реалисты» очень далеки от реальности. Они не смогли оценить огромную силу свободы, и это не давало им возможность увидеть неизбежность краха советской сверхдержавы. Годы спустя, когда были уже освобождены сотни миллионов, многие опять забыли о силе свободы, которая может преобразить мир. Смелый призыв насаждать демократию в арабском обществе опять рассматривается как наивный авантюризм. Как альтернативу реалисты предлагают нам «прагматичные» договоры с «дружественными» диктаторами, как, например, соглашения в Осло, в основе которых была вера в силу диктаторского режима Арафата, которому была дана почти неограниченная власть, в надежде, что он защитит нас от террора и заключит мир с еврейским государством. Даже сегодня, после 10 лет террористического режима в автономии, урок все еще не усвоен нами. Мы все еще стремимся создать Палестинское государство под руководством «человека, с которым можно иметь дело» раньше, чем сможет развиваться палестинская демократия. И опять эти идеи выдаются за самые реалистические.

Увы, если даже падение империи зла не смогло убедить этих скептиков, то едва ли последние события в Багдаде убедят их. Но теперь пришла очередь иракского народа испытать захватывающую силу свободы. Мужчины и женщины, которые десятки лет жили под гнетом тирана, скоро узнают, наверно, — впервые в жизни, что это такое — жить без постоянного страха. Америка и ее союзники должны убедить иракцев, что они смогут теперь жить без страха.

Еще важнее, чтобы сами лидеры свободного мира убедились, что тирания не более свойственна арабским народам, чем любому другому человеческому обществу. Свобода произведет ошеломляющий эффект в регионе и начнет распространяться на Ближнем Востоке так же, как это было в Советском Союзе в начале 90-х годов. Тогда смогут развиваться институты, необходимые для сохранения и защиты свободы в Ираке. Тогда народы Ирана, Саудовской Аравии, Сирии, Египта, Палестины и другие, живущие в постоянном страхе, найдут в себе мужество восстать против угнетения.

Живущие под сенью свободы, часто забывают о ее силе. В пасхальную ночь евреи напоминают себе об этой силе. Когда мы читаем в Библии о торжестве победы над той древней империей, мы вспоминаем и о нашем торжестве победы над современной империей зла. В моем сердце живет убежденность, что мечта о мире на Ближнем Востоке осуществится тогда, когда мы начнем верить, что сила свободы — это не только легенда.

Из статьи Н. Шаранского «Сила свободы»
The Jerusalem Post

ЖЕНЩИНЫ ПОКОЛЕНИЯ ИСХОДА

*«Евреи были вызволены из Египта благодаря
заслугам праведных женщин поколения».
Вавилонский Талмуд, Сота*

Исход евреев из Египта, несомненно, занимает центральное место в формировании еврейской традиции. При этом величественные героические образы таких лидеров еврейского народа, как Моше, Аарон, Йеошуа бен Нун, Нахшон, Бецалель, как бы заслонили героизм и праведность еврейских женщин поколения Исхода, благодаря которым Господь вывел еврейский народ из египетского рабства. Между тем в еврейской традиции заслуги этих женщин отражены достаточно ярко, хотя и в характерной для еврейской религиозной литературы манере, напоминающей, по меткому определению раввина Штайнзальца, современный литературный жанр «потока сознания». Эта традиция сформировалась в рамках патриархального общества и, тем не менее, представляется актуальной для нашего настоящего и будущего.

Египетское рабство

*«Рабами были мы фараону в Египте...»
Пасхальная Агада.*

*«Мои товарищи умирали не от рук гестаповцев,
но потому, что им было не для чего жить,
и потому, что их заставляли выполнять
бессмысленную работу, убивающую их дух».
Eugene Heimler «Mental Illness and Social Work»*

Все началось с того, что десять братьев Йосефа, завидовавших ему, продали его в рабство. Административные таланты Йосефа, раба в Египте, фактически спасшего эту страну от голода, привели к тому, что он оказался вторым лицом в государстве после фараона и смог пригласить отца и братьев жить в Египте. При этом фараон выделил приглашенным евреям «лучшие места земли» (Бытие 47: 6) — землю Гошен, где они могли заниматься скотоводством, крайне непопулярным у коренного населения Египта.

Как же получилось, что евреи утратили статус свободных скотоводов и стали рабами?

Чтобы понять унижение, связанное с этим переходом, необходимо напомнить, как воспринималось рабство в древнем мире. Андре Боннар, исследователь, влюбленный в культуру Эллады, пишет: «хочется задуматься над тем, почему случилось так, что во всем древнем мире не нашлось никого, кто бы осудил рабство и стал с ним бороться. Факт знаменательный, прямо таки позорный, если вспомнить, что величайшие философы древности, когда им доводилось говорить о рабстве, не только не осуждали его, но находили ему оправдание... Для Аристотеля рабство является неотъемлемым условием существования свободных людей. Обращение части человечества в рабство было для него «естественным правом».

Сейчас, когда опять наблюдается ажиотаж по поводу «научных» доказательств мифологичности Исхода евреев из Египта¹, стоит задуматься, почему еврейская традиция, развивавшаяся в мире, где происхождение народов от богов и богоподобных героев было нормой, предпочла назойливо напоминать евреям об их рабстве в Египте и требовать

Лев УТЕВСКИЙ – химик по образованию. С 60-х годов интересуется различными аспектами иудаизма, читал лекции на эти темы в России и в Израиле. Издал две книги графических работ на тексты ТаНаХ. Живет в Иерусалиме.

ежеутренне благословлять Бога за то, что Он не создал молящегося рабом.

Начало рабства евреев в Египте описывается как некое добровольно - принудительное действие. Фараон, напуганный увеличением численности евреев, обращается к «народу своему» с призывом: «Давай перехитрим его (народ Израиля), чтобы он не размножлся...» (Исход 1:10). Подобный «популизм» фараона, всесильного живого бога Египта, выглядит странно. Почему он обращается к народу, а не дает указания ответственным лицам урегулировать проблему методами, широко практиковавшимися впоследствии во многих странах — резней и изгнанием? Рав Моше бен Нахман, живший в 13 веке, вынужденный бежать из Испании после блестящего выступления на диспуте о вере, несмотря на королевскую гарантию безопасности, объясняет: «Фараон и его советники не сочли предание евреев мечу мудрым шагом. Подобное преследование без всякой причины выглядело бы как низкое предательство народа, пришедшего по приглашению царственного предшественника фараона. Более того, народ мог не позволить ему подобного акта насилия — раз уж он должен был советоваться с ним. Кроме того, сыны Израиля были слишком многочисленным и мощным народом, чтобы начинать войну с ними. Поэтому он предложил подход, позволяющий сынам Израиля не чувствовать, что по отношению к ним осуществляется враждебная политика».

В еврейской традиции представлено подробное описание подхода фараона к еврейской проблеме. Сначала фараон обращается с воззванием ко всем жителям Египта, повелевая отстроить и укрепить на случай войны Питом и Рамсес. Всем тем из египтян, сынов Израиля и жителей всех городов, кто примут участие в строительстве, обещано ежедневное жалование от фараона, которое действительно выплачивается до тех пор, пока все сыны Израиля не оказываются вовлечены в строительство. После этого египтянам предписывается тайно и постепенно оставить строительство, а израильтянам, перестают платить жалование, сделав их работу принудительной — в надежде, что тяжелая работа и невозможность общения с женами приведет к уменьшению их числа. Сам фараон лично принял участие в начале строительства, и когда потом кто-либо из евреев жаловался на слабое здоровье, не позволяющее ему работать на строительстве, египетские надсмотрщики говорили ему: «Ты что — отказываешься делать работу, которую сам фараон делал своими руками?!» Эти надсмотрщики принуждали даже женщин выполнять мужскую работу. Впоследствии, когда Господь судит египтян перед тем, как утопить их в море, решающим аргументом против них оказывается замурованное в глину тело ребенка, мертворожденного еврейкой, у которой непосильная работа вызвала выкидыш².

Женские зеркальца против фараона

«Женщина хочет жить в красивом доме и одеваться в красивые платья больше, нежели есть откормленных телят».

Эстер Рабаты 3:1

«Свет мой, зеркальце, скажи...»

А.С. Пушкин «Сказка о спящей царевне и семи богатырях»

В то время, когда евреи-мужчины, измученные непосильной работой, могли только жаловаться Богу на жестокость египтян, еврейки проявили инициативу, подорвавшую планы фараона по решению еврейской проблемы. Сказал р. Шимон бен Халафта (2 в. н.э.): «Что делали дочери Израиля? Когда они набирали воду из реки, Всевышний сделал так, что в их кувшины попадались рыбы. Часть они готовили, часть продавали, а на вырученные деньги покупали вино и шли туда, где работали их мужья. Они кормили и поили му-

жей, а затем вместе с ними смотрелись в медные зеркальца, шутивно споря, кто из них красивей — тем самым возбуждая в мужьях сексуальное желание... и, с благословения Бога, рождалось множество детей. Благодаря этим самым зеркальцам они вызывали желание в мужьях, обессиленных работой, родились дети, выросшие в те «ополчения», о которых сказано: «...вывел Господь сынов Израиля из земли Египетской по ополчениям их» (Исход 12:51). Впоследствии эти же женщины жертвуют свои медные зеркальца для изготовления сосуда для омовения священников. Когда же Моше, возражает против использования столь суетных предметов для столь святой цели, Господь говорит ему: «Это те самые зеркальца, благодаря которым поднялись множества сынов Израиля в Египте!»

Говоря о заслугах праведных женщин в противостоянии планам фараона по сокращению еврейского населения в Египте, не следует забывать, что заповедь «плодиться и размножаться» обязывает мужчину, а не женщину.³

Праведные нееврейки поколения Исхода

«Именно с акта гражданского неповиновения, когда две никому не известные акушерки отказались выполнять варварский приказ могущественного царя, и начинается процесс освобождения, процесс, которому суждено было оказать столь важное формообразующее влияние на всю историю человечества».

Пинхас Пели «Тора сегодня»

«Главная сионистская опасность — не сами евреи, а те неевреи, которые вследствие дружбы или родства сочувствуют евреям».

Приписывается первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Толстикovu.

Фараон, видя неэффективность непосильной работы как средства уменьшения численности евреев, решается на более жестокую меру. Он приказывает «египетским повитухам» убивать всех новорожденных мужского пола (Исход 1:15). «Но повитухи боялись Бога и не делали так, как говорил им царь Египетский, и оставляли детей в живых» (Исход 1:17). При этом они оправдывались перед фараоном тем, что «...ведь еврейки не как женщины египетские; они как животные, прежде чем к ним придет повитуха, они рожают.» (Исход 1:19) В книге Исход сообщаются только имена повитух — Шифра и Пуа, и говорится, что «Всевышний сделал им дома» (Исход 1:20).

Вопрос, кто же были эти праведные повитухи, подробно дискуссировался еврейскими комментаторами на протяжении многих столетий. Мнение Ибн Эзры, что повитухи были как бы начальницами некоего отдела, ответственного за обслуживание родов у евреек, — так как иначе трудно объяснить, как две женщины справлялись с таким объемом работы, — не вызывало особых возражений. Главным предметом дискуссии стал вопрос: были ли Пуа и Шифра еврейками или египтянками.

Вавилонский Талмуд (Сота 11 бет) считает их еврейками. Той же точки зрения придерживались РАШИ (11 в.) и МАХАРША (16-17 в.). Однако, существует и другая и, может быть, даже более древняя традиция, согласно которой Пуа и Шифра были по рождению египтянками, вставшими на сторону евреев. Эта традиция упоминается уже у Иосифа Флавия (1 в. н.э.), и «Мидраш Тадше», составленный в первые века н.э., включает повитух в список праведных неевреек, принявших иудаизм: Агарь, Ципора, Шифра, Пуа, дочь фараона Рахаб, Рут и Яэль. Версии о нееврейском происхождении праведных повитух придерживались также испанский раввин и политик Авраманель (15-16в.), итальянский ученый ШАДАЛ (19 в.) и скитавшийся по Восточной Европе МАЛБИМ (19 в.) После неудачной по-

пытки принудить повитух стать детоубийцами фараон предпринимает более широкую акцию. «И повелел фараон всему народу, сказав: всякого сына бросайте в реку и всякую дочь оставляйте в живых» (Исход 1:22). Вавилонский Талмуд (Сота 12 алеф) объясняет подобную селекцию младенцев по половому признаку предсказанием египетских астрологов о том, что среди младенцев мужского пола будет тот, кто свергнет фараона; но что наказание этого человека будет связано с водой. То ли потому, что предсказания астрологов были достаточно туманными, то ли просто с перепуга фараон не ограничился приказом топить еврейских мальчиков, но распространил повеление на все население Египта. Повеление было обращено ко «всему народу»; но и тут фараона ждало неповиновение — на этот раз в его собственной семье.

Дочь фараона спасает младенца, оставленного в тростниках на берегу реки. Тора мотивирует поведение дочери фараона очень лаконично: «и сжалилась над ним, и сказала: этот из детей евреев» (Исход 2:7). Она обеспечивает найденыша кормилицей-еврейкой, усыновляет его и нарекает его Моше:

«...сказав: ведь из воды я извлекла его» (Исход 2:10).

Дочь фараона — не единственная праведная нееврейка, спасшая будущего избавителя еврейского народа; другая его спасительница — его жена, мидианитянка Циппора.

История этого спасения изложена в Торе следующим образом. Моше, опасавшийся за здоровье ребенка, отложил обрезание сына, и Господь угрожал ему смертью. Существенно, однако, что заповедь эту исполнила его жена Циппора. Так мидианитянка, приобщившаяся к иудаизму еще до Синайского Откровения, спасает от смерти своего мужа, величайшего еврейского пророка.

Комментаторы рассматривают эту загадочную историю как подтверждение важности своевременного исполнения заповеди обрезания.

Мирьям — предвестница Исхода

*«Мирьям приняла на себя роль предвестника,
предназначенного Всевышним,
и задачу обеспечения того,
чтобы предназначение исполнилось».
Адин Штайнзальц «Библейские образы»*

Согласно еврейской традиции (Вавилонский Талмуд, Сота 12 алеф) Мирьям предсказала, что ее младший брат Моше будет тем избавителем, который выведет еврейский народ из рабства египетского к свободе. Однако, для осуществления этого пророчества потребовалась значительная активность все той же Мирьям. Для начала она должна была восстановить семью своих родителей.

Ее отец Амрам, потрясенный указом фараона, требующим топить всех новорожденных мальчиков, оставляет свою жену. И тогда Мирьям обращается к отцу со следующей речью: «Отец, твое решение еще более жестоко, чем указ фараона. Фараон обрек на смерть только младенцев мальчиков, а ты обрекаешь на смерть и мальчиков, и девочек. Утопленные по приказу фараона мальчики обретут жизнь после смерти, а не родившиеся из-за твоего решения дети — нет. Еще неизвестно будет ли выполняться приказ жестокого фараона, но решение такого праведника, как ты, будет выполнено. «Этими словами Мирьям убедила отца вернуться к жене, и через 6 месяцев родился Моше. Растроганный Амрам, видя в свете, которым наполнился его дом в день рождения Моше, подтверждение пророчества Мирьям, целует ее в лоб и говорит: «Дочь моя! Твое пророчество исполнилось. Однако эта семейная идиллия продолжается всего три месяца, в течение которых

Моше прятали от египтян. Когда стало ясно, что дальше прятать его не удастся, Моше кладут в корзинку и прячут в прибрежных камышах. При этом расстроенный Амрам дает Мирьям подзатыльник со словами: «Ну, где теперь твое пророчество!?»

Когда дочь фараона находит Моше, тут опять вмешивается Мирьям, которая наблюдала за развитием событий, спрятавшись поблизости. Она предлагает дочери фараона свои услуги, чтобы найти кормилицу-еврейку, которой, естественно, оказывается мать Моше.

Еврейская традиция рассматривает Мирьям как духовного лидера женщин и в самом Египте, и во время Исхода, однако в тексте Торы она снова упоминается уже в связи с хвалебной песней после чуда перехода евреев через море. О песне, которую пела Мирьям вместе с женщинами, говорится очень кратко: «И взяла Мирьям, пророчица, сестра Аарона, тимпан в руку свою, и вышли все женщины за нею с тимпанами и в хороводах. И воспела им Мирьям: пойте Господу, ибо высоко превознесся Он; коня и всадника его сверг Он в море» (Исход 15:20-21).

Песня хвалы Богу за чудо перехода через море — «Песня моря» (шират а-ям) играет важную роль в еврейской литургии.

Слово «песня» в библейском иврите может быть как мужского (шир), так и женского (шира) рода. В случае «Песни моря» используется женский род. Мидраш к «Песне песен» объясняет это так: «Спрашивали р. Берахья и р. Йеошуа бен Леви: Почему Израиль уподоблен женщине? Подобно тому, как женщина принимает бремя и освобождается от него, принимает и освобождается и, наконец, перестает принимать, так и Израиль поработается и освобождается из рабства, поработается и освобождается и, наконец, освобождается, и больше не поработается никогда. В этом мире боль Израиля подобна родовым болям женщины, и поэтому их песнь перед Господом была женского рода. В будущем мире, когда не будет у них боли подобной родовым болям женщины, они воспоют перед Богом другую песню — уже в мужском роде, ибо сказано «В этот день петь будут песнь (шир) эту в земле Йеуды...» (Йешайа 26:1).

Видимо, Мирьям продолжала чувствовать себя старшей сестрой Моше и тогда, когда он уже стал пророком и вождем еврейского народа. Может быть, именно чрезмерная сестринская забота о младшем брате привела к тому, что она вместе с Аароном позволила себе осуждать Моше. Наказание следует немедленно: «...и вот Мирьям покрыта проказой как снегом» (Числа 12:10).

Почему Мирьям, а не Аарон, столь же повинный в грехе злословия? Гюнтер Плаут⁴ считает, что наказание Аарона было еще более суровым, чем наказание Мирьям. Во-первых, он страдает, видя, как изуродована его сестра за их общую вину, а во-вторых, он вынужден умолять о помощи своего младшего брата Моше, которого только что хаял. «И возопил Моше к Господу, говоря: о Боже, умоляю, исцели ее!» (Числа 12:13). Однако Господь требует от Мирьям семидневного карантина: «Пусть же будет она в заключении семь дней вне стана, а после она принята будет» (Числа 12:14). Таким образом Господь даже в наказании проявляет уважение к Мирьям: Он берет на себя обязанности священника, который по Закону должен определять исцеление прокаженного, заверяя, что Мирьям принята будет; Он тем самым подчеркивает, что наказание Мирьям искупит грех и восстановит ее статус в народе. Семидневное ожидание народа, который «не отправлялся в путь, пока не возвратилась Мирьям» — свидетельство любви и уважения, которыми она пользовалась в народе.

Требовательность — общее свойство пророков и женщин

«Пророки подобны женщинам».

Мидраш Шир а-Ширим Рабба

«...порывая старые родственные связи, преодолевая равнодушие, а то и враждебность нового окружения, Рут находит свое место в народе Израиля. Так проросло древнее зерно святости, возродилась искра, которая тлела, будучи скрытой, на протяжении поколений».

Адин Штайнзальц « Библейские образы»

Еврейские пророки не только несут слово Бога народу Израиля, но и выступают перед Богом как защитники и представители этого народа. В этом они подобны женщинам». Сказал р. Йосе бен Йермия: Почему пророки уподоблены женщинам? Чтобы показать, что, подобно тому, как женщина не стыдится требовать у своего мужа необходимое для дома, так и пророки не стыдились требовать необходимое народу Израиля у Отца Небесного» (Мидраш к «Песне песен»).

Эта пророческая требовательность женщин проявилась в поколении Исхода и в малом, и в великом. Она начинается с прямого повеления Бога: «И дам народу сему милость в глазах египтян; и будет, уходя, не уйдете с пустыми руками. И спросит женщина у соседки своей и у живущей с ней в доме вещей серебряных и золотых, и возложите их на сыновей и на ваших дочерей, и опустошите Египет» (Исход 3:21-22).

Еврейская традиция рассматривает «опустошение Египта» как своеобразную компенсацию за годы рабства. Однако почему Бог возлагает обязанность «опустошения» Египта именно на женщин? Может быть, потому, что пророческая требовательность женщин, заботящихся о будущем сыновей и дочерей, обеспечит не только наиболее эффективный сбор ими богатств, но и наиболее эффективное использование собранного.

Во всяком случае, непричастность женщин к греху поклонения золотого тельца подтверждает это предположение. Согласно преданию, Аарон, которому напуганная отсутствием Моше толпа угрожала смертью, попытался тянуть время. Он предложил народу: «...снимите золотые серьги, которые в ушах жен ваших, сыновей ваших и дочерей ваших, и принесите ко мне» (Исход 32:2). РАШИ, объясняя поведение Аарона и дальнейшее развитие событий, пишет: «Аарон сказал в сердце своем: женщины и дети любят свои украшения; может быть, из-за этого все дело задержится до прибытия Моше. Однако мужчины не стали ждать... и отдали свои собственные украшения». Забавно, что это бескорыстие мужчин в служении ложному богу христианская традиция умудрилась выдать за символ еврейского корыстолюбия!

Особенно важно то, что пророческая требовательность женщин учитывается Господом при даровании Торы – Завета, обеспечившего — по мнению христианского библеиста — образование «нового единства из многочисленной толпы иноплеменников и родоплеменных групп, не существовавшего ранее «мира Господа» — ...общества, основанного скорее на общих обязанностях, нежели на общих интересах, скорее на этике, нежели на алчности».⁵

Обращение Бога к Моше начинается словами: «Так скажи дому Йакова, и возвести сынам Израиля...» (Исход 19:3). «Мидраш Рабба Шемот» объясняет, что «дом Йакова» — это женщины, а «сыны Израиля» — мужчины. Далее приводится несколько причин, по которым Господь потребовал от Моше начать дарование Торы с женщин: женщины более стремятся к исполнению заповедей и приводят к Торе своих детей. А кроме этих скорее практических соображений «...сказал Святой, да будет Он благословен: когда Я создал мир, Я дал заповеди сначала Адаму, а лишь потом Еве, и вот она нарушила их и исказила мир; теперь же если Я не обращусь сначала к женщинам — они упряднят Тору, поэтому и начинаю с «дома Йакова».

Особая роль женщин и прозелитов в даровании Торы как бы подчеркивается тем, что в праздник Дарования Торы — Шавуот читается «Книга Рут».

Эта Книга производит впечатление сугубо бытовой истории: некий еврей Элимэлэх из Бэйт-Лэхема с женой и двумя сыновьями переселяется в соседнее царство Моав по причинам экономического характера. Через некоторое время он и его сыновья умирают, и его вдова Ноами решает вернуться в Землю Израиля. Две молодые вдовы, ее невестки-моавитянки, хотят последовать за нею; но одна дает себя уговорить и остается, а вторая — Рут говорит свекрови: «Твой народ — мой народ и твой Бог — мой Бог» (Рут 1:17). До переселения в Моав у семьи Ноами был свой земельный надел в Бэйт-Лэхеме, но она и Рут приходят к началу жатвы ячменя — так что единственным пропитанием двух репатрианток оказывается сбор опавших колосьев ячменя, оставленных для бедных и пришельцев согласно заповеди, изложенной в Книге Левит 19:9-10. Рут понимает, что Ноами, которую еще помнят в Бэйт-Лэхеме как состоятельную женщину, стыдно собирать колосья, и одна старается собрать достаточно, чтобы прокормить и себя, и свекровь. Она собирает колосья на поле Боаза, родственника покойного мужа Ноами. Боаз понимает, что Рут «оставила отца и мать свою, и родную землю свою, и пошла к народу, которого не знала...» (Рут 2:11). Он велит своим работникам не обижать Рут, разрешает ей пить принесенную ими воду, макать свой ломоть хлеба в уксус и даже угощает ее жареным зерном. Боаз следует заповеди «...любите пришельца, ибо сами вы были пришельцами в земле Египетской...» (Второзаконие 10:19), которая в разных вариациях повторяется в Торе 36 раз, и велениям своего доброго сердца. Это открывает для него возможность выполнить еще одну заповедь — восстановить имя умершего родственника женитьбой на его вдове. У Боаза и Рут рождается сын Овед, внук которого Давид становится величайшим царем Израиля, а далекий потомок, Мессия из рода Давида, должен стать Избавителем Израиля (гоэль Исразль). Именно это слово — гоэль — использует моавитянка Рут, напоминая еврею Боазу о заповеди восстановления имени усопшего в народе Израиля (Рут 3:9).

Дочери Целафхада: первый успех в борьбе за права женщин

«Дочери Целафхада — мудрые и требовательные праведницы».
Вавилонский Талмуд. Бава Батра, 119 бет

*«Законы только декларируют права, а не обеспечивают их осуществление.
Угнетенные должны сами...превратить законы в эффективные меры».*
Martin Luther King «Chaos or Community»

История дочерей Целафхада разворачивается на заключительной стадии Исхода. Народ Израиля стоит на границе Земли Обетованной. Позади поражения и победы 40-летних скитаний по пустыне, во время которых умерли все мужчины 20-ти лет и старше, отвергнувшие Землю Обетованную (Числа 13:1 - 14:39; Второзаконие 1:20 -1:39). Женщины, согласно еврейской традиции, в этом грехе не участвовали. Им и детям поколения пустыни предстоит завоевание Земли Обетованной.

Моше делит еще не завоеванную землю между потомками сыновей Йакова. Как и подобает сугубо патриархальному обществу, земля делится «по именам колен отцов» (Числа 26:55). И тут появляются дочери Целафхада. «И подошли дочери Целафхада, сына Хэйфера, сына Гилада, сына Махира, сына Менаше из семейства Менаше, сына Йосефа; и вот имена дочерей его: Махла, Ноа, Хогла, Милка и Тирца. И предстали перед Моше и перед Элазаром, священником, и перед князьями, и перед всей общиной у входа шатра соборного...» (Числа 27:1-2).

Дочери Целафхада напоминают всем присутствующим, что их отец умер, подчеркивая, что умер он «за свой грех» и не был «в среде сборища, собравшегося против Господа», и что у него не было сыновей. Далее они говорят, обращаясь к Моше: «Почему же исключено будет имя отца нашего из среды семейства его из-за того, что нет у него сына? Дай нам удел среди братьев отца нашего» (Числа 27:4).

Моше не знает, как решить эту проблему. «И представил Моше дело их перед Господом. И Господь сказал Моше, говоря: справедливо говорят дочери Целафхада; дай им наследственный надел среди братьев отца их и переведи надел отца их им. И сынам Израиля объяви так: если кто умрет, а сына у него нет, то переведите надел его дочери его... И да будет это для сынов Израиля установленным законом, как Господь повелел Моше» (Числа 27:5-8; 11).

Комментарий РАШИ дает дополнительную информацию о деле дочерей Целафхада. Во-первых, обращается внимание на то, что их происхождение прослеживается до Йосефа. «Разве не сказано было, что они потомки Менаше, и разве неизвестно, что Менаше — сын Йосефа? Это сделано для того, чтобы показать, что подобно тому, как Земля Обетованная была дорога Йосефу, зажавших сынов Израиля принести в нее его кости (Бытие 50:25) — так же она была дорога и дочерям Целафхада..., каждая из которых была упомянута в родословной. Всякий раз, когда Писание прослеживает родословную человека до предка, достойного хвалы, это означает, что этот человек — достойный потомок достойного предка».

Во-вторых, РАШИ подчеркивает, что повторное упоминание имен дочерей Целафхада (Числа 26:11) в другом порядке, чем в первый раз, делается, чтобы показать, что они были достойны хвалы в равной степени.

В-третьих, то, что «представил Моше дело их перед Господом», рассматривается как свидетельство, что Моше забыл эту часть Закона, а с другой стороны — как особая заслуга дочерей Целафхада, благодаря которым эта часть Закона была восстановлена в памяти еврейского народа. В связи с этим о дочерях Целафхада говорится: «Их глаза увидели то, что Моше не увидел».

Тем не менее, дочерям Целафхада пришлось еще раз напоминать о себе уже во времена Йеошуа бин Нуна, преемника Моше, который, наконец, дал им надел «по повелению Господню» (Йеошуа 17:4).

Дискуссии о равном праве наследования дочерей и сыновей продолжались до позднего средневековья, пока успех, достигнутый дочерьми Целафхада, благословенный Богом и записанный в Торе, не был закреплен в еврейском праве.⁶

Так четыре женщины не только сумели защитить свои права открытым выступлением перед патриархальным обществом, но и создать прецедент для будущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дан Харув «Библия — историческое свидетельство или литература?», «Время искать», № 7, стр.122, 2002

² «Агада», стр.80, «Библиотека — Алия» Иерусалим, 1980

³ «Комментарий к Пятикнижию» Рабену Шломо Ицхаки (РАШИ). «В начале», раздел «В начале», стр.14, «Гешер а-Тшува», Иерусалим, 1981

⁴ «The Torah. A Modern Commentary» by Gunther Plaut, pp.1101-1102, Union of American Hebrew Congregation, New York, 1981

⁵ G. E. Mendenhall. «The Tenth Generation» («The Torah. A Modern Commentary» by Gunther Plaut, pp.537, Union of American Hebrew Congregation, New York, 1981

⁶ Менахем Элон «Еврейское право», ч. II, стр.354-357, «Амана» Иерусалим, 1998

МОИСЕЙ — ЧЕЛОВЕК ИЗРАИЛЯ, ЧЕЛОВЕК БОГА

Тора отражает жизнь Израиля в жизни Моисея. Книга Бытия описывает патриархов как прародителей и духовных предшественников израэлитов, что нашло свою кульминацию в переименовании Иакова в Израиль — имя, ставшее именем народа. Но жизнь именно Моисея — не Авраама, не Исаака, не Иакова и даже не Иосифа — протекала параллельно жизни народа израэлитов, и действия именно Моисея определили судьбу народа. Об образовании народа говорится в первой главе Книги Исхода (по контрасту с Книгой Бытия, где рассказывается о семьях и кланах), а о рождении Моисея и о роли, которую ему было предназначено сыграть, рассказывается в следующей главе. После Моисея народ Израиля имел много вождей, но никто не смог занять его место. Жизнь народа израэлитов от момента рождения нации до обретения постоянной территории укладывается во временные и пространственные рамки жизни Моисея. Фактически он является национальным alter ego. Однако эта характеристика некогда не формулировалась в явном виде; ее можно было извлечь из множества разнообразных ролей, которые играл Моисей. Его функции простирались от освободителя до законодателя, от ведущего за собой до подгоняющего, от сурового обвинителя до готового на все соглашателя. Он — козел отпущения и стратег, провокатор и защитник, арбитр, источник силы, избавитель. Как отмечается в комментариях, Книга Исхода начинается с исполнения часто повторявшегося обещания патриархам, что у них будет бесчисленное потомство. Ирония этой ситуации заключается в том, что все более и более проявляющаяся реализация этого благословения увеличивала страх египетского властителя перед Израилем, в результате чего он вознамерился полностью подчинить его себе или даже уничтожить. После нескольких попыток фараона ослабить Израиль судьба народа виделась весьма мрачной, как это следует из конца главы I. Но уже через несколько стихов рассказ о рождении Моисея предлагает нам многозначительные намеки, в которых внимательный читатель может разглядеть указания на будущую роль Моисея как спасителя. Моисей избегает смерти в водах Нила после рождения, чтобы спасти Израиль, и вода становится одним из двух знаковых сущностей в течение всей его жизни. То, что могло быть местом его смерти, станет местом его великого достижения. Когда дочь фараона дала найденному на воде ребенку имя Моисей (возможно, используя или имитируя египетское слово, означающее «сын»), она формально усыновила его и завещала тем самым куда большее, чем двуязычный каламбур. Книга Исхода интерпретирует имя «Моисей» («Моше») как означающее то, что он был «извлечен» из воды (2:10), (От ивритского слова лимшох — извлекать, вынимать — Прим. Пер.); однако более точный грамматический анализ ивритского слова моше дает более богатый, пророческий смысл. Моисею предназначено быть тем, кто выведет народ Израиля (так, как пророк Исайя предположительно ссылается на Бога, произнося слова моше аммо, «Тот, Который вывел их из моря с пастырем овец Своих»; Исайя, 63:11). Моисей спасет их, выведя из вод Черного моря.

Другим фундаментальным знаком в жизни Моисея является гора. Когда Бог является Моисею в Неопалимой Купине (Исход, 3), объявляя ему, что он — тот человек, которому предстоит вывести страдающих израэлитов из Египта, Моисей не может поверить в это. Однако Бог убеждает Моисея, сказав ему о соответствующем всей ситуации загадочном знамении, которое должно будет засвидетельствовать, что он получил свое предназначение из рук Бога: гора (которая позже была названа ха-Гар ха-Элогим — «Гора Бога»), или, возможно, возвращение народа к горе, чтобы совершить служение Богу после того, как

он станет свободным, превратится каким-то образом в знамение, пусть даже в будущем. Я еще вернусь к воде и к горе, когда буду говорить о последующих этапах жизни Моисея, рассмотрев предварительно исторический фон, предлагаемый нам Торой.

Когда жил Моисей? Многие ученые относят время Исхода (и, соответственно, жизни Моисея) либо к началу 13 века либо к середине 15 века до н.э. (Такая неточность датировки объясняется противоречивостью и непоследовательностью в стихах Танаха). Некоторые ученые продолжают придерживаться этой датировки, основываясь на интерпретации текста первой главы Книги Исхода, или отталкиваясь от археологических данных и небиблейских текстов, в которых исход или Моисей не упоминаются. Однако даже те, кто соглашается с этой датировкой (и, соответственно, с рождением Моисея за 80 лет до этого и смертью через 40 лет), считают возможным задавать вопрос о надежности библейской информации, использованной при расчете этой хронологии. Однако вовсе не следует рассматривать эти даты как точные; они, на самом деле, скорее должны быть приближительными. Точность важна только для исторического или научного документа; для теологического или религиозного труда свойствен другой подход. Если мы признаем, что Тора является религиозным текстом, одетым в исторические одежды, излишняя сосредоточенность на дате Исхода, как и на датах других событий, может увести нас далеко в сторону от нужного направления.

Поиски исторического контекста могут оказаться инструментом, который обогащает интерпретацию библейского материала. Однако наиболее важным в религиозном смысле является поиск значения рассказа об Исходе и о его скрытом смысле. Все, что мы «знаем» о Моисее, является экстраполяцией из религиозных литературных источников. Поэтому вопросом, который следует задавать, если мы хотим понимать Тору, базируясь на ее правилах, должен быть — не когда Моисей жил, если он вообще существовал, а какую роль играет его жизнь в саге об Израиле. Как разворачивается на человеческой арене спасение народа руками Бога, и какую роль исполняет Моисей в этом национальном избавлении? Независимо от хронологического фона, Моисей представляет собой модель лидерства — со всеми его сильными и слабыми сторонами — для будущих поколений. В типичной для фольклорного, национального героя манере Моисей успешно проходит испытания в самом начале своей карьеры, доказав свое соответствие своему предназначению, и продолжает выполнять эту миссию, беря на себя различные роли. В то время, когда изразлиты все еще находятся в Египте, он выступает как их представитель на переговорах с фараоном (иногда, нельзя не признать, против своего желания). В течение последующих сорока лет он ведет их по пути превращения в зрелый народ. Как представитель Бога, он помогает учредить систему законов, юридическую структуру, а также культурную инфраструктуру для поклонения, всепрощения и очищения. Он создает или руководит образованием институций, в которых нуждается только начинающий свое существование народ во время своих странствований, а также административных структур, на которые он может положиться и сейчас, и после того, как перестанет скитаться и оседет на постоянном месте. Время от времени он нуждается в совете или в руководстве, чтобы начать какой-либо из своих проектов, но его авторитет вождя обеспечивает их воплощение. В течение всей своей миссии Моисей ведет народ за собой — в географическом, военном, социально-политическом и моральном смысле, как того требует ситуация — и он питает их, когда им недостает пищи, воды или силы духа.

Несмотря на проявленное вначале нежелание, Моисей не только полон намерения ответить на новый вызов, представший перед ним; он готов к этому. Самые выдающиеся достижения Моисея и драматичные моменты его карьеры можно увидеть в следующем соединении воды и горы. В типичном для героя многих древних эпосов стиле Моисей пересекает водное пространство — на этот раз чудесным образом переходя по сухому дну

моря — ведя за собой весь народ. Почти сразу же после этого Моисей достигает пика своего уникального положения, лицезрея ауру Бога на горе (Синай), после чего он возвращается к народу со словом Бога. Здесь, в том, что становится ключевым принципом национальной идентификации, народ признает и принимает на себя свое особое предназначение, а Моисей предстает в своем самом захватывающем великолепии. Он смог вывести народ из Египта; а на Синае он пошел еще дальше, заключив вечный договор народа с Богом.

Впрочем, его опыт на горе Синай не обошелся без осложнений. Здесь Моисею предстояло поднять до новых высот роль пророка в качестве заступника, впервые исполненную в Торе Авраамом (Бытие, 18:23-32). Как сказано в Псалме 105:23, Моисей «стал в расселине» между Богом и Израилем. Последующие пророки будут поступать по модели Моисея, передавая Израилю послания Бога, предупреждая, угрожая, льстя и порицая — по разрешению Бога. Но с тем же пылом Моисей принимает сторону народа против гнева Бога и даже заставляет Бога отменить свое намерение уничтожить народ после его отступничества, выразившегося в поклонении Золотому Тельцу. Моисей готов пожертвовать своей жизнью ради будущего народа: «...изгладь меня из книги Твоей», говорит он Богу, если его будущее будет отделено от судьбы народа (Исход, 32:32). И Бог отступает, признавая, что Моисей — продолжение народа, а народ — продолжение Моисея.

В течение всей его протяженной карьеры Моисей сохраняет и укрепляет свое положение вождя, невзирая на все более и более серьезные притязания, предъявляемые ему как руководителю: его сестрой Мирьям и братом Аароном (Числа, 12); его двоюродным братом Кореем и многими старейшинами общины (Числа, 16); и всем народом (Числа, 20, где рассказывается о том, как народ возроптал, требуя питьевой воды). Раввинистическая традиция говорит по поводу последнего эпизода, что смерть Моисея была принесена ему водой, но это была вода, истекающая в виде ручья из скал у Массы и Меривы, а не вода Нила, в которую его поместили после рождения. После всех испытаний, опасностей и триумфов жизнь Моисея завершится из-за воды.

Хотя Моисей — фигура более крупная, чем его жизнь, рассказанная Торой, он демонстрирует и обычные человеческие слабости, проявляющиеся иногда в его отношениях с собственной семьей, временами в приступах гнева, и даже в очевидном появлении и усилении чувства гордыни (несмотря на описание его как самого скромного в народе человека). Можно, конечно, представить себе, что Моисея, как и великих вождей в других культурах, возносят на сверхчеловеческую высоту те, кем они руководят. Мы не можем знать, воспринимали ли древние израэлиты Моисея как непревзойденного героя, но поздняя еврейская традиция возвеличивает Моисея еще больше. Раввинистические тексты прославляют Моисея, называя его Моше рабейну (Моисей, наш учитель) или Моше гацадик (Моисей праведный, или святой), а иногда даже возвышая его от роли того, кто передавал народу законы Бога, до собственно источника закона. Один из примеров этого можно найти в формуле обручения, произносимой в ходе еврейской свадебной церемонии, «согласно закону Моисея и Израиля». По контрасту с этим, из страха перед возможностью приписать спасение Израиля Моисею, а не Богу, пасхальная Агада ни разу не упоминает Моисея!

Вся структура Торы от книги Исхода до Второзакония вращается вокруг Моисея. В Книгах Исхода, Левит и Числа — Моисей провозглашает народу слово Бога; Второзаконие преподносит все происшедшее с точки зрения Моисея. Это его версия прошлого, отражающая его высочайшее положение, изложенная в его речах, обращенных к народу накануне завоевания земли, его последнее слово, обращенное к читателям Торы. Но в самом финале саги о Моисее центральное место снова занимает Бог, чтобы сказать прощальное слово Моисею — Его партнеру в течение прошедших 40 лет. В одной из самых

волнующих сцен в мировой литературе повествование рассказывает о смерти Моисея. В скромной величавости, несмотря на все свое уникальное положение, несмотря на все свои геркулесовы усилия и достижения, Моисей разделяет судьбу всех смертных. Здесь, на горе — на горе Нево — пути его и его народа расходятся. Они пересекут воду, — реку Иордан, — чтобы продолжить свое путешествие, оставляя его позади. Когда народ готовился к исходу из Египта (Исход, 13), Моисей взял с собой прах Иосифа, чтобы захоронить его в Ханаане, но теперь никто не возьмет прах Моисея с собой в Обетованную землю. Он посвятил треть своей жизни, чтобы привести сюда израэлитов, но он не может принять участие в их наследовании. Отпущенные ему 120 лет — идеальный предел, данный жизни человека (Бытие, 6:3) — завершились. Его время славы и тяжкого труда закончилось. Срок его полномочий лидера истек, и место его погребения не должно было стать святыней. Оно находится за Иорданом, и ни один смертный не может знать, где оно находится. Когда народу предстояло завоевать Ханаан, Моисей ушел в его прошлое. Они двинулись вперед (по ту сторону от конца Торы), хотя он должен был остаться на дальней стороне реки. Тора начинает повествование о хронике Израиля с Авраама, того, кто пришел «с той стороны», и заканчивает этот этап национальной саги Израиля Моисеем, остающимся «на той стороне». У людей, которым предстояло осесть на земле, появились другие, новые потребности, и уже Йеошуа (правда, облаченный в мантию Моисея) должен был взять в руки жезл. И все же поздняя раввинистическая традиция признает, что Моисей остался в душе народа как некая неуывающая сила, определяя дату его рождения 7 адара — в точности та дата, которая называется как дата его смерти. Поэтому нельзя вспомнить о его смерти, не вспомнив одновременно о его рождении. Он остается вечным хранителем Израиля, как говорит об этом поговорка: «Зевс никогда не жил, но Моисей никогда не умирал».

В самом начале своей карьеры Моисей пытался разубедить Бога и не выбирать его для той миссии, которая, в конце концов, стала миссией его жизни. Одним из его аргументов было утверждение, что он страдает дефектом речи. Как повезло израэлитам тогда, и как везет сейчас тем, кто продолжает читать Торат Моше (Тору Моисея), что именно в тот раз он не смог убедительно продемонстрировать этот свой дефект в том самом первом разговоре с Богом. Подумайте о мастерском повествовании, подробных инструкциях, выразительных ритуалах, красноречивых монологах и благородной поэзии, которых мы были бы лишены, если бы ситуация сложилась иначе.

*«Etz Haim» («Дерево жизни»). Тора и комментарии.
Издание Раввинского Совета объединенной
синагоги консервативного иудаизма.*

Перевод Э. Маркова

КУЛЬТУРА

**ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАЧАЛО В
РАЗДЕЛЕННОМ МИРЕ**

Грета ИОНКИС

ГРЕТА ИОНКИС — доктор филологии, профессор; автор многих научных статей, эссе, комментариев по зарубежной литературе XIX-XX веков. Заведовала кафедрой русской и зарубежной литературы Кишиневского пединститута.

С 1994 года живет в Германии. Биография Г. Ионкис включена в справочник Кембриджского биографического центра «Кто есть кто в мире женщин».

ЕВРЕЙСТВО В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ГЕТЕ

*Моему мужу Исааку Ольшанскому, еврею
по рождению и по духу, посвящаю*

В кабинете веймарского дома Гете стояла небольшая бронзовая копия «Моисея» Микеланджело. Человеку свойственно желание иметь в поле зрения лишь то, что, как теперь принято говорить, вызывает у него положительные эмоции. Следовательно, Моисей находился тут не случайно. Образ Моисея был близок Гете и как поэту, и как министру двора. Моисей восхищал его как герой, как избавитель своего народа, сумевший вывести его из рабства и привести к Богу. Занимаясь в течение многих лет государственной деятельностью, Гете свою задачу понимал как устроительную, воспитательную, образовательную. Он заботился о духовном воспитании своих сограждан и всего человечества. Моисей, в известной мере, был для него образцом.

Секретарь Эккерман, находившийся при великом старце почти безотлучно, вспоминает в своей книге «Разговоры с Гете» беседу по поводу этой скульптуры. Ему казалось, что руки Моисея непропорционально велики. На это Гете очень живо ответил: «А две тяжелые скрижали с десятью заповедями, вы думаете безделица поднять такую махину? И еще не забывайте, что Моисей командовал целой армией евреев, которую он должен был держать в узде, ну как ему было обойтись обыкновенными руками?!»

Если читать между строк, а мы обучены этому искусству волею обстоятельств, то не трудно понять, что евреи в глазах Гете представляли как народ беспокойный, своенравный, жестоковыйный. Чтобы управлять таким народом, нужна твердая рука.

Тот же Эккерман вспоминает, как в доме Гете обсуждали оперу Россини «Моисей». Одни гости хвалили музыку и порицали либретто, другим не нравилась музыка. Гете считал, что начало оперы Россини и впрямь нелепо: как только открывается занавес, зрители видят толпу молящихся. По его мнению, это неестественно, т.к. сцена — не место для молитвы. «Я бы сделал для вас совсем другого «Моисея», да и либретто начал бы по-другому. Прежде всего я бы показал тяжкий подъяремный труд детей Израиля и то, как они страдают от тирании египетских надсмотрщиков, дабы нагляднее стал подвиг Моисея, сумевшего освободить свой народ от позорного ига».

И Гете, к восторженному изумлению гостей, восхищенных потоком его мыслей и неисчерпаемым радостным богатством фантазии, с необыкновенной живостью продолжал сочинять оперу — сцену за сценой, акт за актом остроумно, со всей полнотой жизни и в строгом соответствии с исторической правдой». Этот вечер запомнился не только Эккерману. Интерес к еврейству, а точнее к еврейской истории, у Гете пробудился очень рано. Он развился из постоянного чтения Библии. Родители поэта были

лютеранами. Библия была в доме настольной книгой. Объемистые отрывки из Пятикнижия мальчик знал наизусть. Его отец, советник права, уважаемый человек во Франкфурте, очень этим гордился. Библия оказалась для Гете неиссякаемым кладом поэтических образов и сюжетов. В детстве и отрочестве он сочинил драму «Иезавель», трагедию «Вальтасар», эпическую поэму в прозе «Иосиф и его братья», поэму о Самсоне. Собираясь на учебу в Лейпциг, он сжег часть написанного, а вернувшись из Лейпцига, перед отъездом в Страсбург уничтожил остальное. Но все же некоторые школьные тетрадки уцелели.

Знакомство Гете с еврейством не было сугубо книжным. Во Франкфурте-на-Майне, где он родился в 1749 году и рос до 1765 года, существовал еврейский квартал, называемый Еврейским закоулком. По свидетельству Гете, он «состоял едва ли не из одной улицы, втиснутой, как в клетку, в малое пространство меж городской стеной и оврагом». Теснота, грязь, давка производили тягостное впечатление на тех, кто решался в него заглянуть. В таком виде гетто просуществовало до 1811 года, когда евреям было разрешено его покинуть. В своей автобиографической книге «Поэзия и правда» Гете признается, что Еврейский закоулком в силу своей таинственности и пугал, и притягивал его мальчишечье воображение. «При этом в юном воображении проносились старые сказки о жестокости евреев к христианским детям, отвратительные картины каковой были запечатлены на страницах Готфридовой хроники. И хотя в новейшее время мнение о евреях изменилось к лучшему, но картину, клеймившую их стыдом и позором, все еще можно было разглядеть на стене Мостовой башни, и она тем более оскорбляла достоинство этого народа, что была заказана в свое время не каким-нибудь частным лицом, а общественным учреждением». О чем это говорит Гете? Что за Готфридова хроника, что за картина, которая запала в его детскую память?

Речь идет о картине «Поношение евреев», которая красовалась на башне моста вплоть до 1811 года, т.е. до тех пор, когда мост не был разрушен. Ее сюжет и образы были заимствованы из средневековой Готфридовой хроники, на которой воспитывалась франкфуртская элита, к которой семья Гете, несомненно, принадлежала. Гравированную копию этой картины можно встретить и сегодня. На ней изображен убитый христианский младенец, якобы невинная жертва еврейского культа, за что преступники и терпят позор и поношение. Обвинение-навет в том, что евреи убивают христианских младенцев и их кровь подмешивают в мацу, о котором упоминает Гете, преследовало евреев на протяжении многих веков, являясь причиной или поводом для гонений на них, для погромов и убийств. Часто погромы устраивались именно перед Песахом или во время праздника.

Мне довелось побывать в Фульде, где в далеком 1231 году состоялся первый процесс по обвинению евреев в использовании крови христианского младенца в ритуальных целях. Сейчас Фульда, этот форпост католицизма в Германии, известна как город барокко. Разумеется, и сегодня главный Собор, где покоятся мощи св. Бонифация — место паломничества всех римских пап — святыня католиков. Однако в облике города, в лицах его мирных жителей ничто не напоминает о жутких драмах, которые разыгрывались здесь в средние века. Между тем, суд 1231 года приговорил к смерти не только подозреваемого в убийстве, но всю еврейскую общину, а насчитывала она 34 человека. И хотя кайзер Фридрих Штауфен полгода спустя снял это обвинение с евреев Германии, стоило через два столетия случиться эпидемии чумы, как вновь в этом бедствии обвинили евреев, и началось их поголовное истребление. Идут столетия, сменяя друг друга, а обвинение, как шлейф, тащится за народом.

Зрелый Гете (вышеприведенные строки относятся к 1811 году) однозначно осуждает подобные обвинения, но, будучи ребенком, он разделял предрассудки своих

единоверцев, верил этим сказкам и опасался заглядывать в квартал. Вернемся, однако, к его воспоминаниям. Гете пишет: «И все же евреи оставались избранным народом Божиим и, невзирая ни на что, жили среди нас олицетворенным напоминанием о древнейших временах. Вдобавок они были люди энергичные, обходительные, а самое упорство, с каким они придерживались своих обычаев, невольно вызывало уважение. Девушки их были хороши собой и охотно терпели, когда христианский юноша, встретившись с ними в субботу на Рыбацком поле, оказывал им знаки внимания. Поэтому-то меня и разбирало любопытство поближе узнать их обряды. Я не мог успокоиться, покуда не побывал несколько раз в еврейской школе (синагоге — Г.И.), не увидел собственными глазами их свадьбы и обряд обрезания, не составил себе представление о празднике кущей. Повсюду меня встречали приветливо, радушно потчевали и просили приходить еще...» Можно добавить, что дядя Гете по материнской линии был связан по роду своей деятельности со многими евреями-коммерсантами, очевидно, именно он устроил эти посещения.

Под впечатлением праздника Суккот маленький Гете делает зарисовку, которая сохранилась. Он хочет удержать в рисунке внешние приметы ритуала, связанного с праздником Кущей (шалаш — сукка, его необычное убранство: ковры, подвешенные ветки с плодами нового урожая, побеги пальмовых листьев и сами евреи в талесах, со своеобразными «букетами» в руках из четырех только им ведомых растений, совершающие определенную серию движений во время молитвы).

Не подлежит сомнению, что в случае с юным Гете мы сталкиваемся не просто с мальчишеским любопытством, а с глубоким, осознанным интересом, поразительным в столь нежном возрасте. И то, что он, несмотря на свои страхи и предрассудки, отправляется в квартал париев (а евреи в ту пору считались париями), вступает с ними в контакт, говорит в пользу мальчика.

Ему не было и десяти лет, когда он придумал игру, помогающую превратить скучные занятия по иностранным языкам в увлекательную забаву. Он решил писать роман, в котором шестеро братьев, рассеянных по свету, обменивались бы письмами и сообщали друг другу о своей жизни и новых впечатлениях. Старший брат рассказывает о своих странствиях на хорошем немецком языке. Другой, изучающий богословие, прекрасно пишет по латыни. Третий, служащий по торговой части, пользуется английским. Четвертый, живущий в Марселе, отвечает по-французски. На итальянском пишет брат-музыкант, находящийся на стажировке в Италии. Все эти языки прилежно изучал маленький Гете. «Наконец, младший, нахальный желторотый птенец, для которого у меня в запасе уже не было иностранного языка, изъяснялся в письмах на некоем немецко-еврейском диалекте, приводя в отчаяние адресатов своими ужасными каракулями», — вспоминает Гете в автобиографии. «Причудливым немецко-еврейским наречием» маленький Иоганн-Вольфганг называет язык идиш.

Отец одобряет склонность сына к полиглотству. Для обучения мальчика идишу нанят сержант военного арсенала из выкрестов. Пунктуальный доктор права Иоганн Каспар Гете занес в книгу расходов сумму гонорара, выплаченного «учителю» — 1 гульден 30 крейцеров. Не густо! Видимо, занятия были непродолжительными и результаты не очень блестящи. Ну, какова цена, таково и качество. Как мы можем судить о том, насколько Гете продвинулся в идише? Сохранилась и была напечатана после его смерти написанная в детстве «Еврейская проповедь» (Judenpredigt). В основе этой проповеди лежит эсхатологическая легенда о приходе Мессии, который явится после Страшного суда, соберет еврейский народ и спасет его, переведет через Красное море. За Мессией пойдут и неевреи, мост рухнет, но евреи достигнут берега, а остальные утонут. «Еврейская проповедь» была включена в детский роман-игру.

Знакомством с идишем дело не закончилось. «Я вскоре заметил, — пишет Гете, — что мне недостает знания древнееврейского, без которого невозможно найти правильный подход к современному, пусть испорченному и искаженному еврейскому языку, но все же восходящему к своему древнему прообразу. Посему я тотчас же объявил отцу, что мне нужно изучать древнееврейский, и стал настойчиво домогаться его согласия». Отец договорился с ректором франкфуртской гимназии о ежедневных уроках. Как видите, отношение к ивриту у отца было более почтительное, чем к идишу: иврит — язык Библии. Потому и учитель приглашается уважаемый и знающий.

Рассказ Гете о сложностях, с которыми он столкнулся при изучении иврита, не лишен юмора. Мальчик легко усвоил алфавит, чтение справа налево не затрудняло, камнем преткновения стали огласовки. «На меня надвинулось целое полчище мелких буквочек и значков, точек и черточек, которые, собственно, должны были изображать гласные... Вдруг некоторые из первых крупных букв, оставаясь на том же месте, утрачивали свое значение во имя того, чтобы маленькие их потомки не стояли здесь понапрасну. То они подавали знак к легчайшему придыханию, к более или менее твердому гортанному звуку, а то вдруг являлись либо подтверждением, либо отрицанием.» Каждый, кто начинал учить иврит, поймет муки двенадцатилетнего школяра. Впрочем, ребенку было легче: он привносил элемент игры в свои занятия, он забавлялся тем, что присваивал титулы этим значкам, там были императоры, короли и герцоги. И все же он добился своего: он прочел на иврите книги Моисея. «Мои старания изучить язык и постигнуть смысл Священного писания свелись к тому, что в моей фантазии еще живее возникла прекрасная и достославная страна, ее окружение, соседи, а также народы и события, на тысячи лет вперед прославившие сей клочок земли».

Для многих, для большинства европейцев эта земля освящена присутствием Христа. Для Гете она священна как земля Авраама, Исаака, Иакова. И это очень существенно. В «Поэзии и правде» он слагает гимн и этой земле, и еврейским праотцам: «И снова выходит оттуда родоначальник (Авраам — Г.И.), но уже более счастливый, ибо ему удастся передать ярко выраженный характер потомству и тем самым навеки создать из него великую нацию, единую, несмотря на все перемены мест и превратности счастья». Если у кого-то возникали сомнения касательно отношения Гете к евреям, эти строки их рассеют.

Вы скажете: «Древняя история иудеев интересует Гете больше, нежели современная», и будете правы. Но ведь и его любимая Греция интересует Гете не в современном обличье, а прежде всего как классическая Греция. Когда Гете призывает: «Пусть каждый будет греком на свой лад, но пусть все же каждый будет греком», он в качестве образца имеет в виду мудрость Сократа и Платона, нравственное благородство героев Софокла, красоту, сотворенную Фидием и Поликтетом, иначе говоря Грецию эпохи высокой классики.

В «Фаусте», над которым он работал всю жизнь, можно найти множество образов и реминисценций из Ветхого завета, начиная с Пролога на небесах и кончая финальной сценой смерти Фауста. Ученые насчитали 200 примеров переключек и совпадений. Особенно явственны реминисценции из Книги Иова, самой любимой библейской книги Гете. В Прологе у Гете повторяется беседа Бога с сатаной, которой открывается Книга Иова. Бог в Библии задает сатане вопрос: «Обратил ли ты внимание твое на раба моего Иова?» И у Гете Бог спрашивает Мефистофеля: «Ты знаешь Фауста? Он мой раб.» И дело не только во внешних сходжениях, а в глубинной переключке: человека подвергают испытанию, испытывается его дух. Образ Мефистофеля трактуется в духе Книги Иова, зато в образе Фауста, в его разочарованности (имеется в виду начало трагедии, сцены в кабинете ученого) явственны отголоски книги Экклезиаста, с его лейтмотивом «суеты сует», тщеты человеческих усилий. А вот во второй части «Фауста» в образе главного

героя проявляется Моисеево начало. Кстати, одно из исследований, появившееся в 1912 году под эгидой Прусской королевской академии, книга Бурдаха Конрада так и называется «Фауст и Моисей». Можно отыскать и другие реминисценции в «Фаусте»: из «Песни песней», из истории коварной Иезавели и т.д.

В юношескую пьесу-фарс «Ярмарка в Плундерсвейлерне» (1773) Гете включил библейскую историю Эсфири (Эстер) из Танаха. Эта история в свое время вдохновила Расина и Ганса Сакса, чьи произведения Гете были известны. Судя по «ломанному стиху», он явно пародирует «Комедию царицы Эстер» Сакса, но не исключено, что обращение к этой волнующей странице еврейской истории связано с посещением Judengasse во время праздника Пурим, где он видел традиционные пуримшпили по мотивам Книги Эстер. История Эстер у Гете получает комическую интерпретацию, подана не в серьезном, а в бурлескном ключе. Детские впечатления помогли ему с блеском сыграть роли Амана и Мордехая, когда это «маскарадное действие» было поставлено пятью годами позже при веймарском дворе.

Среди «Набросков и фрагментов», созданных между 1816 и 1819 гг., сохранилось два эскиза гетевского плана восстановления Храма Соломонова. Они отражают его юношеское увлечение архитектурой и одновременно свидетельствуют о глубине его интереса к еврейской истории. Кстати, там же находим план задуманной книги по истории еврейского народа, который демонстрирует не только знание предмета, но и широту подхода к нему. Среди набросков имеется незавершенная Кантата, которую Гете писал по случаю 300-летия начала Реформации. Первая часть этой кантаты основана на Ветхом завете и являет собой поэтические картины разных этапов развития еврейского народа, начиная с явления Бога на Синае. Композитор Цельтер, близкий друг Гете, был в восторге от первой части Кантаты и намеревался положить ее на музыку, но Гете так и не написал второй части, замысел которой был связан с Новым заветом. Темой кантаты являлись вера и неверие и торжество последнего. Эта тема очень занимала и волновала Гете с молодости. Противники часто обвиняли Гете чуть ли не в атеизме. Но они не доросли до разумения его веры.

Гете не был атеистом, но он не был и христианином в прямом смысле этого слова. Он был пантеистом. Бог, по его мысли, — это Природа. Свое собственное религиозно-философское представление о мире Гете начал составлять в 19 лет, вернувшись из Лейпцига. Ответы на свои духовные запросы юный Гете нашел у еврейского мыслителя Баруха Спинозы, авторитет которого он признавал до глубокой старости.

Влияние Спинозы на Гете — это предмет особого разговора. Здесь лишь уместно отметить, что многие мысли Спинозы имели для Гете неотразимую привлекательность, но самая главная — идентификация Бога с Природой. Бог — это всеобщая сущность, это всеобщая основа существующего. Гете привлекала спокойная и строгая аргументация Спинозы. Ему казалось необычайно достойной и простая жизнь философа, который, будучи отлучен от общины как еретик, зарабатывал себе на жизнь шлифовкой стекол. «Все наши новейшие философы, быть может, не отдавая себе в том отчета, смотрят сквозь очки, отшлифованные Барухом Спинозой». Это слова Генриха Гейне. Знай их Гете, глядишь, благосклоннее бы отнесся к молодому автору «Книги песен»...

Особого внимания заслуживают личные контакты Гете с евреями. Они характеризуют не только его отношение к сынам Израиля, но позволяют лучше представить положение в обществе евреев — современников Гете в период Хаскалы, в условиях начавшейся эмансипации.

Вернувшись во Франкфурт из Страсбурга по окончании университета, в день своего двадцатидвухлетия Гете подает прошение с просьбой принять его в коллегии адвокатов. Почти четыре года будет он заниматься адвокатской практикой. Гете провел 28

процессов, в семи из них он защищал евреев. Сохранились документы, и исследователи раскопали их, изучили, описали. Интересующихся отсылаю к книге: Mark Waldman. Goethe and the Jews. A Challenge to Hitlerism, в которой этому аспекту деятельности Гете посвящена целая глава. Эту книгу, изданную в Нью-Йорке, я отыскала в городской библиотеке Кельна, располагающей большим отделом «Иудаика». На форзаце сохранилась дарственная надпись автора: «Господину Иозефу Шлоссбергу, гуманитария, борцу за совершенствование пролетариев физического и умственного труда». Книга была подарена соплеменнику сразу после выхода, т.е. в 1934 году. Как сложилась судьба владельца книги? В Кельне, который, по свидетельству Теодора Герцля, был «главным плацдармом немецкого сионизма», до прихода нацистов существовала большая община — 15 000 человек. Многие из них были уважаемыми бюргерами, достойными людьми, большинство оказалось обречено. Уцелел ли гуманитарий Шлоссберг или прошел «крутым маршрутом» вместе с одиннадцатью тысячами кельнских евреев? Лагерь в Дойце — Терезиенштадт — Освенцим — таковы его этапы. Последний транспорт ушел из Кельна первого октября 1944 года. Всего их было 23. Книги горели вместе с хозяевами, но эта уцелела.

Во времена Гете мысль о возможности Холокоста никому бы не пришла в голову. Напротив это было время Хаскалы, еврейского Просвещения, движения, сущность которого заключалась в стремлении немецких евреев интегрироваться в общество. Отцом и идейным вдохновителем Хаскалы был Мозес Мендельсон, философ-просветитель XVIII века. Гете были известны его сочинения, в частности его труд «Федон, или Три диалога о бессмертии души», написанный по образцу платоновских диалогов. В письме к Якоби он называет Мендельсона «еврейским Сократом». И это высокая оценка. Им не довелось встретиться, но Гете общался с его сыном, Авраамом Мендельсоном, а внук философа маленький Феликс Мендельсон, будущий композитор, музыкант, нашел в доме Гете радушный прием. Гете обожал мальчугана. Слово «обожал» очень точное, он видел в нем искру Божью, божественное присутствие в его даровании. Да и все веймарское общество, которому он представил этого вундеркинда, было в восторге от него. Гете пророчил мальчику великую славу и не ошибся. Особенно он любил слушать Моцарта и Бетховена в его исполнении. Он просил мать мальчика присылать его к нему почаще. Они переписывались, маленький Феликс писал стихи и песни, и Гете публиковал их в еженедельнике своей невестки.

Часто спрашивают, выражал бы Гете столь пылко свои чувства, если бы мальчик оставался некрещеным? Трудно сказать. Крещение было пропуском для еврея в высшее общество, а Мендельсоны (сын и внук философа) принадлежали к высшим кругам, сравниваясь с аристократией. Но и после крещения сами Мендельсоны продолжали себя считать евреями, да и в глазах окружающих они ими оставались. Гейне, который тоже переходил в христианство, заметил: » Когда я был евреем, христиане меня ненавидели, теперь ненавидят и те, и другие». Известный пианист Антон Рубинштейн сказал еще более точно: «Евреи называют меня христианином, христиане — евреем, немцы — русским, русские — немцем» . Такова участь ассимилированных.

Мы привыкли к насильственной ассимиляции. В царской России еврейских мальчиков-рекрутов и кантонистов крестили насильственно. Родителей-евреев кое-где обязывали отдавать детей в светские церковно-приходские школы. Мой муж, уроженец Бессарабии, таковую закончил в 1938 году, а моя бабушка — еще в прошлом веке. Известно, что в СССР иврит, начиная с 1930-х годов, был под запретом как язык сионистов. Еврейские школы и техникумы были закрыты даже в Биробиджане, столице искусственно созданной ЕАО. Посещение синагоги, как впрочем и церкви, могло иметь печальные последствия для карьеры. Между тем, нельзя сказать, что в Германии

ассимиляция евреев проходила под давлением сверху. Власть имущие не спешили раскрыть объятия для обращенных евреев, хотя крещение согласно неписанному закону было пропуском в общество, но известна реплика прусского кайзера Фридриха на этот счет: «Они думают, что веру можно перелицевать, как пальто». Немцы в XIX веке не настаивали на ассимиляции евреев, к ней стремились сами евреи Германии.

Гете общался в основном с евреями ассимилированными. Среди ярких поклонниц его таланта были Рашель Левин, жена дипломата и известного литературного критика Фарнхагена фон Энзе, и ее подруга Дженни фон Паппенхайм. В берлинском салоне Рашель царил настоящий культ Гете. В ее салоне встречались представители знати, писатели, журналисты. Говорили, что она сделала невозможное возможным. Благодаря толерантности и человеколюбию она сломала барьер предрассудков против евреев. Гете высоко отзывался о личных качествах и способностях молодой женщины.

Он был также близко знаком с дочерью Моисея Мендельсона Доротеей. Она рано вышла замуж за берлинского купца Симона Фейта, с братом которого Гете водил знакомство. В 1798 году Доротея оставила мужа и детей, влюбившись во Фридриха фон Шлегеля, одного из основоположников немецкого романтизма, который был младше ее на 9 лет. Поскольку она не хотела менять веру при жизни матери, Доротея некоторое время жила со Шлегелем в свободном союзе, пока в 1803 году она не приняла протестантство и он не женился на ней. Через некоторое время она вместе с мужем перешла в католичество, так что блудная дочь Моисея Мендельсона дважды меняла веру. Доротея поначалу была почитательницей Гете, но после крещения стала высказываться против его религиозного свободомыслия, а оказавшись в гуще романтических исканий, она и вовсе превратилась в идейную противницу веймарского классициста, активно выступала против его «язычества». Несомненно, это была незаурядная личность. За ее пассионарность и острый язык Шиллер назвал ее Мефистофелем в юбке.

До конца своих дней были в дружбе с Гете сестры Марианна и Сарра Майер, дочери богатого берлинского коммерсанта-еврея. Гете познакомился с Марианной в 1795 году в Карлсбаде, еще до ее перехода в христианство, и был поражен ее красотой и блестящим интеллектом. Он признался Шиллеру, что влюбился. У нее было много претендентов, помимо Гете. Она согласилась на мorganатический брак с принцем Анри Х111 и приняла фамилию фон Эйбенберг. Ее сестра Сарра вышла за лифляндского барона фон Гроттхуса. Марианна блистала в аристократических кругах Берлина и Вены, она неоднократно встречалась с Гете в Веймаре, о чем он вновь писал Шиллеру, выражая сожаление по поводу того, что она не появилась несколькими годами ранее. Она была слаба здоровьем, и Гете часто справлялся о ее состоянии у Каролины фон Гумбольдт. Узнав о ее смерти, Гете написал Сарре: «Вы знаете о моей любви и расположении к вашей незабвенной сестре».

Дружеские отношения связывали Гете не только с представительницами слабого пола. Он проявил глубокий интерес к молодому художнику Морицу Оппенгейму, уроженцу франкфуртского гетто. Гете ему покровительствовал: устроил выставку его работ в своем доме, добился от Карла-Августа профессорского титула для своего протеже. Иллюстрации молодого Оппенгейма к его «Герману и Доротее», пожалуй, самой немецкой вещи Гете, так восхитили Олимпийца, что он долго говорил о немецком духе этих графических работ. А между тем Оппенгейм прославился не только как иллюстратор (он писал больше на библейские темы), как портретист (известен его портрет молодого Гейне; больше всех пользовалась его услугами семья Ротшильдов, Оппенгейма даже называли «художником Ротшильда и Ротшильдом среди художников»), но он создал массу картин из еврейской жизни жанрового характера. Оппенгейм не скрывал своего еврейства, в одном из писем он упоминает, что графиня, в доме которой он оказался

гостем, внимательно следит за тем, чтобы ему подавали кошерное. Эти детали помогают узнать, насколько далеко простиралась в XIX веке религиозная терпимость в культурных немецких кругах.

Свыше 20 лет состоял Гете в переписке с Давидом Фридендером, учеником Мозеса Мендельсона. Их связывали интересы коллекционеров. Фридендер был нумизматом высшего класса, Гете интересовался старыми монетами, кроме того оба коллекционировали медали и обменивались ими. Но они обсуждали и такие темы как качество лютеровского перевода Библии, смысл образа Мефистофеля и др. Оба дружили с музыкантом Цельтером, он часто был посредником между ними.

Более близкими были отношения Гете с профессором Маркусом Герцем, выдающимся врачом и известным философом, работавшим в берлинском университете. Герц был дружен с Кантом и придерживался его взглядов. Используя игру слов (Herz по-немецки означает «сердце»), Гете часто называл его: » Наше сердце». Корреспонденткой Гете была и жена Маркуса Герца, Генриетта, женщина незаурядного ума и необыкновенной красоты. Она превратила свой берлинский дом в салон, который посещали крупнейшие ученые и писатели, в их числе Мозес Мендельсон, Шиллер, Жан-Поль Рихтер, скульптор Шадов. Это в ее салоне Доротея Мендельсон-Фейт встретила Шлегеля, а Рашель Левин — Варнгагена фон Энзе. Генриетта Герц преподавала иврит самому Александру фон Гумбольту и переписывалась с ним на этом языке.

Еще один кантианец — еврей вызвал интерес и симпатию Гете. Речь идет о Соломоне Маймоне, родом из Литвы, принадлежащем к ортодоксальному еврейству. Жизнь и личность Соломона Маймона настолько необычны и интересны, что заслуживают специального разговора. В его жизни было много неожиданных поворотов, трудностей, испытаний, а длилась она всего 46 лет. Систематического образования он не получил, но был гениальным самоучкой, проявив незаурядные способности в таких различных областях как медицина и математика. Ему было уже за 30, когда он прочитал «Критику чистого разума» Канта. Он подметил слабые стороны его учения, что впоследствии сделал и Фихте. Маркус Герц, который ввел Маймона в свой дом и оказывал ему покровительство, послал рукопись книги Маймона Канту, с которым Герца связывали дружеские отношения. Кант, прочитав рукопись книги «Попытка подхода к трансцендентальной философии», заметил, что Маймон — единственный, кто ухватил идею его философии. Но когда книга Маймона вышла из печати, Кант все же почувствовал себя задетым. Через два года Соломон Маймон выпустил свою большую автобиографию, которая возбудила громадный интерес в немецком читающем обществе и которую сравнивали с «Исповедью» Руссо. Гете серьезно подумывал пригласить в Веймар бедствующего философа. Его не останавливало еврейство Маймона. Просто Маймон нашел другого мецената. Но Шиллер пригласил Маймона сотрудничать в альманахе «Оры», который он выпускал вместе с Гете, и тот откликнулся на приглашение. Маймона высоко ценили Фихте и Шеллинг. Он умер в 1800 году.

Среди молодых подающих надежды художников Гете выделил музыканта, композитора и музыкального критика Фердинанда Хиллера, который был близким другом Феликса Мендельсона-Бартольди. Он тоже был из породы вундеркиндов, свою первую композицию для оркестра Хиллер опубликовал в 15 лет, а концертировал с десяти. Гете посвятил ему в 1827 году короткое стихотворение.

Другое молодое еврейское дарование, кому Гете оказал внимание, — поэт и драматург Михаэль Бер, родной брат выдающегося музыканта Джакомо Мейербера (настоящие имя и фамилия — Якоб Либман Бер). В свои 19 лет Михаэль поставил в Берлине свою первую трагедию «Клитемнестра» (на античный сюжет). Гете отозвался на это событие записью в дневнике. Через четыре года новая трагедия Бера из еврейской

жизни «Пария» была поставлена в Берлине. Она побудила Гете написать эссе «Три парии» . Михаэль Бер прибыл в Веймар для личного знакомства с Гете, его пьеса была поставлена в 1824 году в Веймарском театре. Гете написал короткое предисловие к ней, в котором он отстаивает права евреев, хотя и указывает на обобщенный символический образ «парии». По мнению Гете, это символ всех угнетенных и презираемых, униженных и оскорбленных независимо от национальности. Творческая жизнь Бера рано оборвалась, ему было отпущено всего 33 года.

Что касается Джакомо Мейербера, то Гете, не будучи лично знакомым, восхищался его музыкальным гением, хорошо знал его оперу «Роберт-Дьявол». И Эккерман вспоминает, что когда Гете, работая над второй частью «Фауста» , решил опубликовать отрывок из нее, посвященный Елене, он заговорил о своем желании увидеть трагедию на подмостках. «Если бы только музыку написал действительно большой композитор! Такой, как Мейербер, который столь долго прожил в Италии, что его немецкая сущность смешалась с сущностью итальянской». Заслуживает внимания не только сам выбор Гете, но то, что он говорит о немецкой сущности, или немецком духе еврея, нимало не смущаясь и не ставя под сомнение такую возможность. Точно так же он оценивал и художника Морица Оппенгейма.

Через два года, т.е. в 1829 году, Гете вновь заговаривает о том, какой ему видится музыка ко второй части «Фауста»: «Моцарт, вот кто бы мог написать музыку к «Фаусту» . Еще, пожалуй, Мейербер» . Иначе говоря, Гете видит в Мейербере гениального немца, в еврее он открывает немецкий дух. Доживи Гете до времен третьего рейха, его главари этого «оскорбления нации» ему бы не простили.

Перечень еврейских имен, знакомцев Гете, можно продолжать. История знакомства Гете и Гейне и отношение Гейне к Гете вполне могли бы стать предметом специального исследования. Гейне — представитель нового молодого поколения. Его суждения об Олимпийце были неоднозначны. Гейне защищал Гете от нападок «патриота» - националиста Вольфганга Менцеля в 1827-28 гг., который заявил, что Гете, конечно, талант, но не гений. Молодежь, играющая в демократию, нападала на старика. Тон задавал Людвиг Берне, еврей, родившийся во франкфуртском гетто. Его настоящее имя было Лоев Барух, он крестился позднее. Берне не отрицал гениальности Гете-поэта, он нападал на него за его близость к аристократии, обвинял в сервильности, в заискивании перед сильными мира сего. «Рифмованный холоп» — так он аттестовал Гете, Гегель же в его глазах был «холопом нерифмованным». Берне считал, что Гете и Шиллер обращены к прошлому, в то время как Лессинг и Вольтер смотрят в будущее. Таково было его мнение. Гейне ответил ему изничтожающей статьей. Он оставал Гете, несмотря на то, что их единственная встреча, имевшая место в 1824 году не задалась и желанного благословения Олимпийца Гейне не получил.

Разговор об отношении Гете к народу Моисея будет неполным, если умолчать о его негативных высказываниях, касающихся еврейства. В них явственно проступают не преодоленные им предрассудки времени и среды, из которой он вышел. В письме Шарлоте фон Штайн от 28 октября 1782 года, упомянув о визите к нему еврея Эфраима, Гете замечает, что у него возникло большое желание вставить героя-еврея в свой роман. Роман, о котором идет речь, — «Вильгельм Мейстер». Но, повидимому, Гете не владел достаточным материалом, и такой герой в его романе не появился. Однако в нем довольно много попутных замечаний о евреях, не все они объективны. Вильгельм Мейстер, увлекающийся театром, отыскивает среди театральных костюмов рясу священника, а также одеяния мага-чародея и еврея. Еврей был излюбленным персонажем всяческих комедий, объектом карикатур и насмешек. Желавших играть роль еврея было мало, поскольку еврею не аплодировали, это был герой отрицательный.

Главное направление обвинений в адрес евреев — их занятия, связанные с деньгами, с ростовщичеством в частности, которые порождают нечестность, алчность.

Многим неведомо, что тысячу лет назад евреям Европы была запрещена всякая иная деятельность, кроме как в сфере денежной (менялы, ростовщики, банкиры — все они в пору средневековья и позднее были евреями). Еврей не мог быть хлебопашцем, ремесленником и даже торговцем. Денежное дело, хоть и обслуживало торговлю, считалось в ту пору презренным, бесчестным. Представление это распространялось на евреев. Между тем в Торе трижды повторен запрет ростовщичества. Талмуд, где рассмотрены самые различные виды сделок, допускает рост выговоренный и даже случайный. Но и здесь отмечается, что рост при займе возможен лишь с иноверца. Однако в средние века, когда денежное дело стало основным и почти единственным занятием евреев (остальные запрещены), деньги уже стали рассматриваться как товар, который может дать прибыль. Гонители евреев обвиняют евреев в том, что они занимаются непроизводительным трудом, и это — лицемерие, ибо их лишили права заниматься производством товаров. А далее — знакомые обвинения: шахер-махеры, мошенники, обиралы, кровопийцы...

Гете не прибегает к оскорбительным характеристикам, его упреки делаются словно бы невзначай. Так это выглядит и в «Фаусте». Когда мать Маргариты увидела у дочери сундучок с драгоценностями, которые ей подсунил Мефистофель, она решила пожертвовать эти ценности «заступнице небесной», т.е. церкви. Капеллан охотно принял дар, сопроводив поступок прихожанки такими словами:

Вы приняли разумное решенье,
Мир вашей добродетельной душе:
Кто жадность победил, тот в барыше.
А церковь при своем пищевареньи
Глотает государства, города
И области без всякого вреда,
Нечисто или чисто то, что дарят,
Она ваш дар прекрасно переварит.

Фауст при этом бросает реплику: Как и всеядец ростовщик-еврей
И главный королевский казначей.

Т.е. ростовщик-еврей включен в общий ряд тех, для кого главное — нажива, для кого деньги не пахнут: церковники, королевский казначей и ростовщик-еврей. Он не хуже и не лучше тех, кто в этом ряду.

Во второй части «Фауста» казначей жалуется императору на пустую казну и замечает: «А я ростовщику-жиду / Так много задолжал в году, / Что по своей бюджетной смете / Концов с концами не сведу». Пастернак при переводе опустил такую деталь: казначей сетует на то, что пока еврей не продаст им свиного сала, придется корочкой сухой питаться. Известно, что евреи не только не употребляли свинину в пищу, но в прежние времена Закон не разрешал им даже торговать свининой. Евреев-свиноторговцев во времена Гете не существовало в природе. Были евреи, торговавшие лошадьми, скототорговцы. Гете, конечно, схулиганил, пойдя на такую трансформацию. Это сродни свиному уху, которым гоголевские персонажи дразнят старого еврея.

Среди разговоров, записанных Эккерманом, был и разговор, касающийся происхождения человека. На Арарате вроде бы нашли окаменевший кусок Ноева ковчега, речь пошла о разных расах, населяющих землю, и возник спор, могли ли они все произойти от Адама и Евы. Гете считал, что нельзя слепо следовать Священному писанию и напирал на то, что природа сильна своим многообразием. Согласно его мнению, от Адама и Евы пошел избранный Богом народ, то есть евреи. Все прочие имели других

прародителей. «Думается, наши уважаемые гости будут согласны с тем, что мы во многих отношениях отличаемся от подлинных детей Адама и что они, хотя бы в денежных делах, значительно нас перегнали». Вроде бы Гете почтительно выделил евреев, ведущих род от Адама, но похвала его оказалась двусмысленной, недаром гости его засмеялись.

Во время путешествия в Швейцарию Гете остановился в Хайльбронне, о жителях которого отозвался высоко как о людях вежливых, демонстрирующих доброту, естественность, спокойствие, гражданские добродетели и коротко добавил: «Евреев здесь не терпят». Он никак не прокомментировал этот факт. Однако уже то, что нетерпимость, нетолерантность хайльброннцев к евреям не помешала Гете их лестно характеризовать, говорит не в его пользу.

Эмансипация евреев, которую очень затормозило поражение Наполеона и решения Венского Конгресса, медленно, но продолжалась. Известные свободы получили и евреи Веймара. В 1823 году был издан закон, разрешающий смешанные браки между евреями и христианами. Гете отнесся к нему резко негативно. Вот такие грехи числятся за Олимпийцем.

Судьба современного еврейства находилась на периферии его интересов. Будучи по природе борцом, Гете не сражался за равноправие евреев, как это делал Лессинг, которого Гете чтил. Но при этом трудно назвать другого не-еврея этой эпохи, кто демонстрировал бы столь глубокий интерес к еврейской истории, кто испытал бы столь значительное влияние еврейской мысли, кто имел бы столь разнообразные личные контакты с евреями.

Показательно его отношение к «Натану Мудрому», который стал лебединой песней Лессинга. Сам автор не верил, что Германия готова принять его «Натана». В предисловии он написал: «Я не вижу ни одного места в Германии, где эта пьеса может быть поставлена сегодня. Удача и хорошее будущее ожидает то место, где она будет впервые поставлена». Гете, который споспешествовал Шиллеру в постановке пьесы в веймарском театре в 1801 году, заметил: «Конечно, Лессинг имел в виду этическую и религиозную респектабельность города, который пойдет на этот шаг. Мы счастливы, что наш театр смог поставить эту пьесу, это повышает к нему уважение».

В 1805 году Гете ездил на спектакль по «Натану» в Лаухштедт. В 1815 году он вновь вернулся к «Натану» и заявил следующее: «Пусть эта хорошо известная история напоминает немецкой публике во все времена о необходимости не просто взирать на нее, но прислушаться к ней и постичь ее. Пусть божественное чувство терпимости и снисхождения, выраженное в ней, останется священным и дорогим для нации». Слова эти сегодня определяют общественный климат Германии. Но нацисты их в упор не слышали. Сумев использовать и приспособить себе на потребу творчество ряда поэтов и музыкантов прошлого, при этом искажая и извращая его, они ничего не смогли поделать с Олимпийцем. Принимая его как классика, они не смогли использовать его в своих гнусных целях.

Гете был чужд и враждебен любому национализму, этого ему не прощали те, кто размахивал знаменем народности, играл на патриотических чувствах своих соплеменников. Желая уколоть Олимпийца, они называли его гражданином мира, космополитом. Гете же принимал это звание с гордостью. В истории советских евреев был период, когда их тоже звали не иначе как безродными космополитами. И впрямь, бывают странные сближенья...

Поздравляем!

МАРК РОЗОВСКИЙ ПРОДОЛЖАЕТ УДИВЛЯТЬ И ВОСХИЩАТЬ! Заметки к 20-летию Театра “У Никитских ворот”

Редакция журнала «Новый век» поздравляет с юбилейной датой – 20-летием Театра у Никитских ворот — талантливый коллектив театра — и его создателя, бессменно-го художественного руководителя Марка Розовского.

Одновременно поздравляем Марка Розовского с выходом его книги «К Чехову...» (М., РГУ, 2003), книги проникновенных режиссерских раздумий о драматургии и прозе А.П. Чехова, о сценической интерпретации его идей и образов в спектаклях «Дядя Ваня», «Вишневый сад», а также в спектакле «Доктор Чехов», поставленном по разножанровым и разносюжетным рассказам, включая трагедийную новеллу «Спать хочется».

Марк Розовский — режиссер и драматург, заслуженный деятель искусств России, секретарь Союза писателей России, член Союза театральных деятелей России, член редакционного совета журнала «Театральная жизнь», лауреат премий за лучшую режиссуру, лауреат премии «Венец» за большой вклад в современную драматургию и театральную жизнь страны, лауреат Премии Москвы, член Комиссии по вопросам помилования при Президенте России, член редакционного совета газеты «Культура», академик американской Пушкинской академии.

Родился 3 апреля 1937 года в Петропавловске-Камчатском. В 1955 году после окончания школы поступил на факультет журналистики Московского Государственного Университета, который закончил в 1960 году.

С 1958 г. — художественный руководитель популярнейшего студенческого театра Московского Университета «Наш дом», закрытого властями по цензурным соображениям за «антисоветскую деятельность» в 1969 г. В 1964 г. закончил Высшие сценарные курсы. В 60-ые годы работал на радио, в журнале «Юность», в «Литературной газете». В 1970 г. создал театр при Государственном Литературном музее. В 1974 г. работал главным режиссером Московского Государственного мюзик-холла. Автор сценариев фильмов «Семь нот в тишине», трехсерийного телевизионного — «Д’Артаньян и три мушкетера», «Страсти по Владимиру» (плюс постановка), «Наш Художественный» (к 100-летию МХАТа) и др.

Осуществлял постановки во МХАТе («Амадей», «Брехтиана», «Кафка. Отец и сын»), в Большом Драматическом театре в Ленинграде, в Рижском Театре русской драмы, в Театре оперы и балета им. Кирова — «Мариинка», в Академическом театре им. Пушкина — «Александринка», в Театре им. Ленсовета в Ленинграде, в Театре им. Маяковского, в Государственном театре кукол им. С. В. Образцова, в театре Польском во Вроцлаве, в кино, на телевидении и на эстраде. В 1975 году поставил первую в СССР рок-оперу «Орфей и Эвридика». Автор пьес: «Красный уголок», «Концерт Высоцкого в НИИ», «Раздевалка», «Триумфальная площадь», «Черный квадрат» и др., а также многочисленных инсценировок.

М. Розовский — единственный российский драматург и композитор, чей мюзикл «Страйдер», или «История лошади», исполнялся на Бродвее — на сцене театра Хелен Хейс (1979 год) — и получил прекрасные оценки в рецензиях «Нью-Йорк таймс» и других американских изданиях. Эта пьеса с успехом обошла многие сцены мира, была поставлена в Национальном театре в Лондоне, Статс-театре в Стокгольме, Королевском театре в Копенгагене, в Японии... — всего в 30 странах.

Розовский — автор пяти книг о театре: «Режиссер зрелища», «Самоотдача», «Превращение», «Театр из ничего», «Чтение Дяди Вани», а также более двухсот публикаций в периодической печати (рассказы, рецензии, статьи и др.) Ведет курс в Институте русского театра, в Российском Государственном Гуманитарном Университете. Преподает на Высших курсах сценаристов и режиссеров.

В 1983 г. Марк Розовский организовал театр «У Никитских ворот» (с 1 октября 1991 года он приобрел статус государственного театра), художественным руководителем которого является и по сей день.

Репертуар театра поистине уникален: любого проходящего сюда он поражает своим разнообразием — здесь и мюзиклы, и литературно-музыкальные представления, и философские притчи, и трагифарс, и чистая драма, и музыкальное шоу. Но все это разнообразие объединяет, прежде всего, ставка на психологизм, на человечность. В каждом спектакле история души, ее исканий, метаний, анализ ее попыток сохраниться, не погибнуть, не самоуничтожиться.

Художественный руководитель театра Марк Розовский сумел создать великолепный актерский ансамбль и за короткий срок превратить театр из любительского в высокопрофессиональный. Театр имеет зал на 70 мест.

Из интервью программе «Ночной полет»: «У нашего театра за 20 лет есть своя история. У нас маленький зал, но как говорил Чехов: «Не надо толкаться, всем места хватит».

По решению Правительства Москвы от 19 января 1999г. «О развитии Театра «У Никитских ворот» помещение бывшего кинотеатра Повторного фильма передано театру и подлежит капитальному ремонту, после которого у театра появится еще одна — Основная сцена — на 200 зрителей.

Из интервью: «...Сцена будет большая, а зал будет не очень большой, на 250 – 300 мест. Но это тоже делается сознательно. Я считаю, что современный театр может иметь только такой объем. Чехова нельзя играть в 800-местном зале.

В течение 20 лет наш маленький театрик работает с аншлагами. Наверное, это о чем-то говорит. Дальше: наш репертуар состоит из 33 спектаклей, и они разножанровые, разноформные, разноязычные... Создан прекрасный ансамбль актеров».

Театр объездил буквально всю страну, выступая с неизменными аншлагами. Работы театра отмечены в сотнях рецензий. Зарубежные гастролы: Швеция, Дания, Финляндия, США, Германия, Польша, Латвия, Израиль, Франция, Бельгия.

Участие в международных театральных фестивалях: 1995 г. — фестиваль Э. Ионеско (Молдова), 1996 г. — фестиваль экспериментальных театров (Египет), 1997 г. — Авиньонский театральный фестиваль (Франция), 1998г. — Эдинбургский театральный фестиваль (Шотландия), Фестиваль Европейских Театров в Гренобле (Франция). В 1989 году спектакль «Бедная Лиза» стал лауреатом Эдинбургского фестиваля (премия «Первый на Фриндже»). Спектакль «Дядя Ваня» А. П. Чехова удостоен премии за лучшую режиссуру — «Хрустальная Турандот». Спектакль «Песни нашего двора» получил премию Правительства Москвы как лучший спектакль к 850-летию столицы, а также несколько премий на фестивале «Голоса истории» в г. Вологде. Спектакль «Песни нашей коммуналки» в г. Ростове-на-Дону на Всероссийском фестивале «Русская комедия» удостоен Приза зрительских симпатий. Спектакль «Два Набокова» на фестивале в честь 100-летия В. В. Набокова удостоен премии за лучшую женскую роль — ее получила заслуженная артистка России Галина Борисова. В театре работали режиссеры: Роберт Лич (Великобритания), Леонардо Шапиро (США), Владзимеж Херман (Дания), Майкл Бате (Великобритания), Мария Фрид (Швеция), Джошуа Картер (США), Раймон Сегре(Франция), а также сценографы Джеймс Мерифилд (Великобритания) и Серен Брюнес (Швеция).

«МЫ ОБЯЗАНЫ УВИДЕТЬ ЧЕХОВА СЕГОДНЯШНИМИ ГЛАЗАМИ...» «Вишневый сад» на сцене театра «У Никитских ворот»

*«Мы, конечно, театр для избранных,
но вся прелесть в том, что этими
избранными могут быть все».*

Марк Розовский

Предлагаем обратить внимание наших читателей на размышления и беседы режиссера с актерами во время репетиций «Вишневого сада» А.П.Чехова. Почему Марк Розовский обращается к Чехову сегодня? Сегодня, в который уже раз, он ставит классическую пьесу, после таких корифеев старого МХАТа, как Станиславский, Немирович, Эфрос, Товстоногов...

Дадим слово режиссеру...

ИЗ БЕСЕД И РЕПЕТИЦИЙ С АКТЕРАМИ ТЕАТРА:

Комедия. Комедия?.. Комедия!.. Но тогда откуда и почему комедийное?..

Комедийное у Чехова как раз в том, что люди теряют дом, семью, жизнь, не считая их ценностями, отказываясь — сознательно — признавать их ценностями.

Это несоответствие, конечно, не столько комедийно, сколько ТРАГИкомедийно.

Горечь этого несоответствия — пружина драматургии, дающей впечатление несоответствия...

В спектакле должно быть постоянное ОЩУЩЕНИЕ САДА, а не сама флора на сцене. Образ России — болото, степь, ну, на худой конец, — лесоповал... Вишневый сад надуман своей картинностью, сусальностью, сентиментальностью... В этом образе — злая ирония Чехова из-под его пенсне. Он презирал выспренность...

Сад мистичен:

Он бездействует точно так же, как его настоящие хозяева.

Он тихо ждет смерти...

Никто ему впрямую, между прочим, не угрожает, — на сцене нет топоров Достоевского, которые по воздуху летят в руки Раскольниковых...

Да и сама рубка будет по-чеховски гениально изображена в звуке, доносящемся оттуда, из глубины кулис, за сценой.

Это просто и потому так гениально.

Рубка — уничтожение.

Вся пьеса — преддверие рубки, подготовка рубки, исследование ее причин.

Люди, сами себя уничтожившие, сами себя предавшие, уничтожают вишневый сад, за поношку вместе с собой продают Россию...

Трагедия гибели, комедия жизни...

Когда мы из жизни уйдем, «Вишневый сад» напомнит тем, кто будет после нас, о тех ошибках и заблуждениях людей России, которые будут обязательно повторяться в биографиях новых поколений и в новых обстоятельствах истории. Опять в частной истории отразится причина большого катаклизма, и продажа Вишневого сада окажется маленькой схемой, по которой можно будет угадать первооснову очередной трагедии, а в персонажах давно написанной пьесы прочесть страсти и глупости грядущей жизни.

Мы снова, как и при осознании и постановке «Дяди Вани», можем говорить о пророческом даре Чехова, предупреждающего нас и всех после нас о нравственной макрокатастрофе России, которая будет возникать из-за нашей мелкоты, из-за нежелания спастись в честной жизни, из-за нашей феноменальной, фантастической, титанической безответственности. Пьеса о безответственности.

Конечно, одной этой формулой многоголосая сложность чеховской пьесы не исчерпывается, — к теме **русской безответственности** впритык примыкает вся структурная мощь авторской поэтики — и размышления о прошлом и будущем, и деликатно выраженная жалость к человеческим слабостям, и боль за вытесняемую хамством интеллигентность, и констатация раскисших от ударов судьбы, рухнувших идеалов и потока житейских разочарований людских надежд...

Вот почему и Автора, и нас интересуют в большей степени люди, нежели идеи, — Чехов не простит вульгарно выраженных концепций, подчиняющих себе психологизм живого поведения персонажей... Нельзя то и дело грузить Чехова СВОИМИ (не его!) доблестными, может быть, добытыми в праведном исследовательском труде открытиями. Куда плодотворнее будет ОРГАНИЗАЦИЯ МУЗЫКИ этой пьесы — через неповиновение чувств идеям, через тайну непредсказуемого человеческого раскрытия, через поиск противоречий в характерах, которые только тогда и оказываются живыми, когда несут эти противоречия и сохраняют эту самую тайну. Другими словами, мировоззренческая суть должна проступить в пьесе сама — в нервной и неровной театральной игре, а никак не благодаря нашему целенаправленному настаиванию на том или ином смысле...

Некомфортно — тащить воз, бороться, харкать кровью... Сохранить Россию труднее, чем ее потерять.

Приятнее пропадать в богеме, чем трудиться с Богом.

Лучше быть жертвой, несчастенькими, лишенными собственности, нежели ХОЗЯЕВАМИ, т. е. отвечать за собственность. Лучше транжирить, чем накапливать... Лучше я буду гибнуть, прозябать, коченеть и голодать, чем пахать и строить. Это наша Родина. Это наша философия. Наш «выбор». Лучше, если хуже. Сознательный выбор. Не легкомыслие, не поверхностность, а более удобное существование. Бомжевать — это по-русски. Меня пожалеют, мне дадут... Лучше в Париже бедствовать, чем здесь процветать. Нам хорошо страдать, мы призваны страдать...

Сидеть в дерьме для многих, для большинства в России — сознательный выбор. Нет, мы можем, конечно, пометчать, повитийствовать. Прослезиться и погоревать о замечательном прошлом, но сегодня нам это не подходит, поскольку придется многое поменять в этой жизни...

Все дело в том, что чеховская драматургия тем и сложна, что отменяет традиционное (привычное) понимание события как движущей сценической силы. У Чехова часто ничего не происходит — неподвижность, внешняя бездейственность. Все застыло. Но это не значит, что за этим «Ничего не происходит» действительно не происходит ничего. Энергия преобразуется, сжимается в вещь, в образ камня...

От полной безысходности люди шли перестраивать мир, что привело их к новым трагедиям, и об этом Чехов предупреждал. Все началось вот с этого: с семьи, дома, психологии, потери Бога, потери нравственности, утраты желания трудиться, с того бессилия, которое в конце прошлого века испытало русское общество в лице лучших своих людей. Чехов зафиксировал депрессию, охватившую русское общество...

Регрессия личности в сдаче позиций. Она, подобно Кутузову, жаждет собственного поражения здесь, чтобы победить на другом поле. Сдать Москву, отдать родной вишневый сад — и уйти в другую жизнь, упасть в другую пропасть... Чехов анализирует самоуничтожение человека в мире пустоты и чудовищной обыденности...

«Вишневый сад» — пьеса колоссальная, своего рода предупреждение обществу, в ней распознаются очень интересные механизмы и тенденции, которые в истории России, Со-

ветского Союза получили подтверждение, а написана она при этом не как политическое произведение, а как психологическое. **Она об ответственности и об отсутствии ответственности, о желании снять с себя ответственность...**

Бьют часы, до Октябрьской революции, вырубившей всех хозяев — и старых и новых, — остались считанные годы. Вот действительное будущее этих людей — все до одного, вот где настоящий трагический финал «Вишневого сада».

О СЦЕНОГРАФИИ

Мне нужен аккомпанемент чеховской мелодии, а не знаковая метафора единой на всю драматургию установки.

Самое интересное — показать житейски точный процесс, отойти от театральной моды, столь распространенной с начала 60-х годов, воплощать в сценографическом образе наше отношение к процессу жизни.

Сценография должна помочь организовать реальную жизнь на сцене, а не навязывать эту самую организацию... Мои мизансцены должны исходить не из того, что сделал (придумал) сценограф, а из того, что как бы случайно заполнило пространство сцены. **У потока жизни главного режиссера нет...**

Это мы сейчас говорим: чеховские пьесы перевернули представление о том, что в театре возможно. А он это и в голове не держал, из-за личной скромности, но он сделал фантастическую вещь, которую мы сегодня, собственно, и открываем в Чехове, — он дал новую драматургию, в которой слова не являются главным...

Глубочайшее заблуждение, что Чехов сочувствует своим героям, всем подряд, он их просто делает очень живыми, очень точными, он ставит диагноз как доктор. Диагноз беспощадный, но правильный. А дальше дело зрителя, читателя — сочувствовать или не сочувствовать.

В каждой роли есть свои секреты. Зритель ведь судит артистов в первый выход, в первые пять минут. Артист должен захватить, поразить, должен убедительно начать. Я зову к обострению противоречий в характерах. Сыграйте жестче, острее, водевильнее, что ли. Характеры в жизни есть такие мощные, и они так видоизменяются в процессе любого разговора, что бывает очень интересно за ними наблюдать. Ведь мы это все знаем, но в творчестве мы почему-то перестаем ассоциировать те образы, которые создаем, с конкретными нашими впечатлениями, нашим жизненным опытом.

Кто сказал, что Чехов — скучный?.. Да, он писал якобы «скучные истории», но это всегда была жизнь, правда жизни, которая не может быть скучной. Если мы поймем это, у нас получится спектакль не рядовой, а уникальный.

И мне очень нравится, что мы уже в первом действии обнаружили жанровый признак этой пьесы — трагикомедия. С одной стороны, легкость игры, легкость поведения, с другой — гротескные моменты, очень острые... Но играть надо очень осторожно, чтобы гротескность не превращалась в разухабистую манеру игры. Может быть, сохранить все то же самое в рисунке, но чуть-чуть смягчить, сделать красиво, это должно само прийти. Когда вы начинаете сценически дружить, чувствовать, отталкиваться друг от друга, получать что-то друг от друга, тогда возникает искусство...

А еще гений Чехова в том, что его последнее произведение **«Вишневый сад» вмещает в себя натурализм и поэзию, гротеск и «второй план» — то есть то, самое драгоценное, чем кормится театр по сей день...**

Чехова интересуют не просто надломленные судьбы, люди слабые, Чехова интересуют люди, которые сознательно выбирают путь к надлому, к ослаблению — вот это стремление на-

до распознать в человеке. Тогда наш спектакль получится более современным. Потому что, если перед нами надломленный человек, расслабленный человек, и мы будем только констатировать эти недостатки, подмеченные Чеховым, то получим в результате как раз то, что в последние сто лет с Чеховым и производили: отказывались от скрытых мотивировок и давали иллюстративную картинку с текстом. Вот и весь театр... Мило, но не более того. Но если все-таки попытаться копнуть вглубь, мы найдем то, о чем я говорю: человек не таков, каков есть, а сам выбирает свою судьбу и становится тем, кем он не был. Разница!.. Я в этом убежден и на каждой репетиции пытаюсь это свое убеждение внедрить в вас, тогда у нас будет единое понимание данной истории. Может быть, оно спорно, может это понимание нуждается в доказательствах, потому что очень много умных и авторитетных людей шли как раз по другому пути прочтения Чехова. Они очень убедительно рассказывали о слабости характера чеховских героев, но надо бы задуматься, откуда эта слабость, почему это слабость и слабы ли они, в конце концов. Фото пары Когда человек слабый, он перестает быть героем, а если человек манипулирует своей слабостью и выдает ее за нечто неизбежное, камуфлируя этим свои сильные стороны характера, если ему удобно быть слабым, быть жертвой, если проще и легче все время жаловаться на жизнь, чем реально ее изменить, то это не просто слабость, это уже позиция сильного характера, который просто выбирает другой путь, и вот тогда те же самые слабости становятся изреченным действием. Мы не превращаем недостаток в иллюстрацию характера, а находим некоторые глубинные мотивировки поведения персонажа. Только тогда начинает работать персонажная структура чеховской пьесы, когда все персонажи начинают переплетаться между собой и возникает поле для взаимодействия...

Суть в том, что **сегодня «Вишневый сад» нельзя играть вне нашего исторического опыта, вне исторического контекста.** Эта пьеса поставила в свое время диагноз тому времени, тому обществу. Наш же взгляд на нее не может быть в чистом виде взглядом Чехова, потому что Чехов это все только предчувствовал, предвещал, чувствовал тревогу, а у нас уже есть знание того, что произошло после его смерти. Мы должны иметь свое какое-то отношение к ней, но мы не должны ломать Чехова тем, что противоречит его духу. И вместе с тем **мы обязаны увидеть Чехова сегодняшними глазами.** Это называется актуализацией классики, но не путем переделки, перемалывания, превращения мира, созданного автором, в другой, чужеродный ему мир, придания ему совершенно новых идей. **Мы должны дать именно новую трактовку, прочитать старую пьесу по-новому. Поэтому наш спектакль должен быть не спектаклем, взрывающим Чехова, а идущим вослед чеховским словам, подтексту, характерам, уточняющим эти характеры в нашем сознании, в нашем сегодняшнем понимании этого гениального сюжета.** Если мы не добьемся такого понимания, то у нас получится очередная поделка, дежурный опус, а мне это малоинтересно. Для этого достаточно выучить текст и органично произнести его со сцены в хорошей декорации, чем многие театры и занимаются. А мне интересно разбередить свое собственное сознание. А когда у меня уже есть собственное понимание, тогда нужно в художественных образах суметь с помощью актеров, с помощью их реальной, конкретной, органичной жизни доказать, что мое понимание имеет абсолютное право на существование, но при этом я отнюдь не считаю, что только так, как я сказал и никак иначе, следует понимать этот образ.

Сегодня «Вишневый сад» надо ставить более прагматично. **Сегодня сам конфликт, само поведение людей из «Вишневого сада» настолько узнаваемы нами в нашем нынешнем социуме, что ясно видится: наша идея — это абсолютно понятная прозрачная притча о русских людях...**

Любой исполнитель — часть нашего общего духовного изъяснения, поэтому прочесть пьесу по-своему, найти обоснование для своего прочтения — то задача не только моя, но

и каждого из вас. Нужно выстроить структуру спектакля, все элементы которой будут взаимосвязаны проводами и проводочками, по которым пойдет животворящий ток. Наше дело — дать этому току, этому движению энергию, в первую очередь чувственную, во вторую — интеллектуальную. Вот этого нужно добиться...

Мы же знаем, чем обернулась потеря вишневого сада для России. Мы до сих пор не можем покончить со всем этим, с этими светлыми идеями перерождения или переделки мира, переделки человека, и видим, как возникает в наше время всепобеждающий цинизм по отношению к этой былой чистой романтике.

Эта идея в России все время нависает, как кошмар, — сначала разрушить, потом создать. Разрушить — разрушили, а создать что-то не получается. И об этом пьеса «Вишневый сад» тоже заставляет нас думать. Почему? Почему желание пробить головой стену, что-то изменить в России приводило к тому, что стена стоит, а голова в крови? Я нашу реальную жизнь осознал еще студентом, на целине. У меня, как и у Пети, солнцем была полна голова. Там с нами работал англичанин, и грузовик, на котором он ехал, перевернулся, борт грузовика воткнулся ему в горло. Я тогда реально увидел смерть. А тут вдруг нас вызвали в комсомольскую организацию, и нам было строго запрещено рассказывать кому-либо об этом. Это меня потрясло. И когда строили овощехранилище там же, я видел, как голодали мы, рядовые целинники, а вожди из нашего же отряда жрали другую пищу, нежели мы, это тоже привело меня в шок. Это было полное несоответствие идеи и реальности, у меня открылись глаза на советскую власть, и вместо того чтобы вернуться с целины еще более верующим, я вернулся антисоветчиком. У меня не просто дрогнуло все внутри, я освободился от своего идеализма... Если бы не было ГУЛАГов, если бы не было всего этого, что мы видели, жила бы иллюзия, что и в наших танках в Чехословакии — ничего нет плохого, и мы бы продолжали говорить: в Швеции какой хороший социализм! Да там другой социализм, совершенно иной капитализм-социализм, а мы из войн не можем вылезти, все воюем и воюем с кем ни попадя. Вот поэтому само направление «разрушить, чтобы потом создать» исторически себя не оправдало. Это аномальный путь — от разрушения вишневого сада к лесоповалу.

Я хотел бы, чтобы артист понимал, что он свободен, потому что характер, им создаваемый в пьесе Чехова, — ртутный, более свободный, более непредсказуемый, более в мелочах раскрываемый, нежели в пьесах других авторов. Нужно — не играть слова. Это уже закон, который мы знаем и на который мы слишком часто ловимся — ибо верим написанному гениальным автором, и сразу же тот или иной эпизод становится плоским. Как только мы начинаем жить какими-то своими подсознательными или осознанными, даже идущими иногда вразрез со словами действиями, сразу же слова будто вырываются наружу, начинают блестеть, и жизнь персонажа на сцене становится гораздо более выразительной... **Это вечная пьеса.** Ирония заключается в том, что прошло сто лет... Глобализация стирает самобытность. Новое неумолимо выкорчевывает старое. Связь времен рвется. Свежие ветры неистовствуют в виртуальном пространстве. Вишневые сады под Харьковом — уже не Россия... Все прошло, как с белых яблонь дым. И все же... **все проблемы, которые в «Вишневом саде» затронуты, — проблемы немоги, неспособности, безответственности, даже легкомыслия, даже глуховатости к собственной судьбе, — актуальны и сегодня...**

Чехов по сей день непонимаем. Станиславский и Немирович дали свое понимание, но это понимание скорее НАЧАЛО понимания, то есть НЕДОПОНИМАНИЕ. Но у них была культура своего театра — методология была! — и это очень скрасило первые чеховские опыты. Углубление возникло позже, на основе этого НАЧАЛА — с приходом интеллектуального и даже фрейдистского осмысления Автора, с учетом безусловных достижений старого МХАТа, — это проявили Товстоногов, Эфрос, Ефремов, Крейча, Штайн — наши и не наши, — но те новые люди, которые стали РАЗРАБАТЫВАТЬ чеховские сюжеты с середины 20-го века, и делали

это весьма удачно, даже, можно сказать, с открытиями... Понадобилось лет сорок-пятьдесят, чтобы... Чехов вернулся в наше сознание уже не как певец «сумерек» и героев будущего белого движения, а как великий человеческий писатель. Вот почему всякая новая постановка большой чеховской пьесы выливается в поступок художника, думающего не о себе, а об Авторе, с которым следует вступить в этаким договор, отрицание Автора исключается.

Каковы же главные угрозы Чехову со стороны плоской безграмотной режиссуры? Их, по крайней мере, три.

Первая — «метафоризация Чехова». Превращение его миров в знаковые, условные, чисто декоративные. Искусственная картинность чеховских постановок давно стала штампом. Чехов на котурнах — антиЧехов. Поэтика Чехова другая, без патетических олицетворений и холодных стилизаций.

Вторая — пренебрежение психологизмом. Или — удешевленный поверхностный психологизм, при котором слово обесмысливается дежурным актерским произнесением без подтекста, без распознавания того, «что за словом», а только с фанерной интонацией, — производной непрожитого, бездейственного существования. Беда непрофессионализма, от которого Чехову постоянно достается.

И третья — самая страшная угроза: Чехов вне Чехова, Чехов вне смысла, Чехов с навязанной ему эстетикой псевдоавангардизма. Уродливые фантазии — деформированный Автор, который становится неузнаваемым в результате агрессивного, выпадающего из культуры шарлатанства. Попытки нацепить на голову Чехова колпаки балагана, желание подавить действие и поведение персонажей тотальным гротеском и карикатурой, привнесенные в игру безобразной безобразности или, наоборот, наворота случайных, абсолютно далеких, абсолютно немотивированных, с потолка падающих, от фонаря возникающих визуальных решений — все это есть театральное бесовство, грех дисгармонии, падение в пустоту.

Сегодня мы на пороге возвращения Чехова к Чехову. Наши представления об Авторе должны быть заново пересмотрены на предмет сближения с чеховским театром, в котором главное — вымысел правды, если можно так выразиться. Хочется найти образ прозы жизни в ее абсолютном естестве и заниженности, но при том у ЭТОЙ прозы всегда есть какая-то лирическая окрыленность, вырастающая из утонченных запахов чеховских слов, из самой ритмики и подтекстов диалогов и реплик... Это-то и есть самое трудное — решить спектакль так, чтобы пьеса цвела, чтобы состоялся процесс раскрытия чеховских тайн, чтобы сделать нечто необъяснимое, имеющее свои железные мотивировки...

Сюжетологически эта пьеса фатальна, в ней будто наплыв судьбы, событийное ожидание того, что неминуемое должно случиться. Зритель живет этим ожиданием вместе с героями и превращается из свидетеля истории в ее страдальца. Как придать этому состраданию еще и иронию? Как добиться, чтобы «Вишневый сад» повествовал о частном случае и в то же время вылетал за рамки частного случая, давал основания для обобщенного восприятия? Каким образом подавать эту всем знакомую, знаемую наизусть историю, чтобы она не была скучна и действовала своей сутью, уже, казалось бы, сотни раз жеваной - пережеванной другими художниками, среди которых десятки уважаемых мастеров.

Как сделать так, чтобы «Вишневый сад» смотрели сейчас, в третьем тысячелетии?

Как поставить «Вишневый сад» на нашей маленькой сцене? Как его оформить сцениграфически? Как распределить роли?

Господи, помоги ответить на эти вопросы. Но знаю одно — уйдешь ОТ Чехова — провалишься, пойдешь МИМО Чехова — споткнешься и упадешь...

Один — единственный вариант пути остается — к Чехову... А там — видно будет...

Чехова можно играть, содержа свой внутренний мир в чистоте. Однажды Фаина Раневская, однофамилица нашей героини, сказала о каком-то человеке: он умер «от порядоч-

ности». Вот и Чехов от того же умер. Болезнь была — привходящее. Болезнь точит тело. А чистая душа умирает от несовпадения со вселенской грязью. Бесконечное сочувствие к человеку истерзало писателя, пьесу которого мы играем. Значит, хочешь-не хочешь, а надо соответствовать...

Наш Чехов будет сыгран темпераментно, я буду требовать от актеров игры страстной, насыщенной брутальными красками, в усталых душах взрывные борения и метания, — это не должен быть Чехов вялый и притупленный в чувственных выбросах... Чехову надлежит быть живым, и только, — и все.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ: *«Сегодня, к сожалению, зритель довольно часто идет в театр за развлечением. Театр русской традиции – это театр глубинного психологического переживания, реалистической игры. Это театр большой игры, большого стиля... Когда-то Вахтангов сказал, что студия – это то место, где все друг другу друзья. Хороший друг – это человек, который, конечно, помогает тебе в беде. И с которым ты можешь посоветоваться, и он опорный человек... В нашем театре все держится на дружбе. У нас нет интриг. Конечно, театральное дело суетно... БЫВАЕТ, ЧТО И РУГАЕМСЯ, И ССОРИМСЯ. Но это ровным счетом ничего не значит. Потому что есть какая-то боль, есть горечь от потери друг друга, если расходимся. Так устроен мир»...*

АЛЕКСАНДР МАСАЛОВ, — исполнитель роли Лопехина:

«Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: «Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по настоящему быть великанами». Эти слова Антон Павлович Чехов вложил в уста Ермолаю Лопехину, одному из главных героев «Вишневого сада» — пьесы, написанной великим русским драматургом в самом начале двадцатого века, то есть почти сто лет назад. И сегодня в начале двадцать первого столетия эта фраза является до боли актуальной в России.

ГАВРИИЛ ПОПОВ — президент Международного университета в Москве:

...Антон Павлович — один из самых пронзительных писателей России — напряженно ищет ответ на вопрос: можно ли спасти вишневый сад и кто может это сделать? Прежде всего есть его прежние хозяева. Чехов берет лучших представителей старой России. Но тем беспощаднее его выводы. Они, десятки лет кормившиеся этим садом, совершенно не способны сохранить его... Они и сам аукцион по продаже не могут воспринять всерьез, с необходимой остротой. Не верят в саму возможность своей «отставки» — так долго они правили всем...

...Словом, будущего у вишневого сада при старых хозяевах нет, т.к. «владение живыми душами — ведь это переродило всех вас...»

Тем внимательнее всматривается Чехов в новых хозяев — тогдашних «новых русских»... Но что предлагает этот, как он сам себя называет, «новый помещик — владелец вишневого сада»? Разделить землю на участки и продать дачникам. Экономически дело выгодное. Но... Но сад-то надо будет вырубить... Кто еще имеет программу для вишневого сада? Чехов обращается к третьей силе — молодому революционному движению...

...Трудно поверить, что вишневый сад обретет среди этих людей, видящих выход в чтении книг, настоящего хозяина.

...Недотепы-стяжатели. Недотепы-романтики. Вишневый сад окружают одни недотепы. Будущее сада, будущее всей России — в руках недотеп. Что ждет сад, что ждет страну? Пьеса, названная комедией, фактически оборачивается трагедией.

Жизнь, к сожалению, подтвердила вывод Чехова. Были те «бывшие», кто не смог остаться хозяином сада. Были те, кто вырубал сад ради прибыли. Были и те, кто хотел ради бу-

дущего снести старый мир до основания, а затем насадить новый сад, «роскошнее прежнего». Не было одного: не нашлось хозяина для уже посаженного российского сада.

Весь анализ Чехова целиком относится и к нынешней ситуации в России... Как распорядились мы в России с нашим вишневым садом в конце XX века? У нас хватило сил устроить аукцион и отобрать сад у бездарных, выродившихся хозяев. Ну а дальше?...

...Мы предполагали, отобрав у государства отрасли, способные развиваться без опеки властей, освободить государство от «перегрузок» и, сохранив в его руках то, что не может не быть государственным, — вдохнуть жизнь в этот новый госсектор. На деле у государства просто отняли наиболее прибыльные участки. И в итоге государство занято не развитием своего государственного «сада», а поиском путей и мотивов для вмешательства в жизнь частного предпринимателя, частного здравоохранения, частного образования — словом, поиском «кормушек»...

...И по-прежнему наша интеллигенция «не способна ни к какому делу», не говоря уже о самом главном деле — быть мозгом нации.

Как и сто лет назад, российский сад все еще не обрел настоящего хозяина — Чехов и Розовский еще раз напомнили нам об этой ключевой для России истине.

Материал подготовила **А. Юдина («Н.В.»)**

Валентин ОСКОЦКИЙ

НЕ БЫВАЕТ СЧАСТЬЯ НА КРОВИ **(Заметки на полях двух театральных премьер)**

Не с постановкой спор, которую я принимаю такой, какая она есть, а с примечанием первым в режиссерском «Предупреждении к спектаклю»: «Я объявил, что хочу поставить «Праведников», задолго до событий на Дубровке, так что отвергаю возможный упрек в конъюнктурности, злободневности темы, настаивая лишь на ее, к сожалению, актуальности».

- Зачем это? — допытывался я у Марка Розовского после премьеры. — Никому из разумных и в голову не придет толковать спектакль утилитарно, сиюминутно.

- А я разъясняю как раз неразумным, — парировал он. — Среди них нашлись уже те, кто воспринял спектакль именно как мой личный отклик на трагедию «Норд-Оста»...

Приняв сказанное к сведению, настаиваю на своем. Если уж рассчитывать на неразумных, то перечень кровотокающих событий, до которых задумывался и ставился спектакль, грозит удлиниться до бесконечности. Задуман до войны в Ираке, поставлен до злодейского убийства Сергея Юшенкова и т.д. и т.п. Расколота действительность, и российская, и мировая, подсказать продолжение наверняка не замедлит. Так будем и дальше втолковывать неразумным, что к чему? К тому же неразумие настолько разнолико и беспредельно, что просчитать заранее его возможные вариации попросту невозможно.

- Скажите, а Камю был в России? — спросила меня в антракте соседка по ряду.

- Нет, никогда.

- А я подумала, что он современник этих событий...

И для нее растиражируем в программе или афише, что пьеса историческая, что тематически и проблемно она состыкована с философской книгой писателя «Человек бунтующий» и создана как бы на полях ее?

Оговариваю все это, чтобы сразу подчеркнуть ясно и четко: как сама драма Альбера Камю «Праведники», так и спектакль по ней в Театре у Никитских ворот сюжетно воскрешают доподлинные события из истории нашего отечественного терроризма, но всем строим своих идей и образов, характеров и обстоятельств погружены в вечные вопросы бытия, какие неотлучно сопутство-

вали мировой цивилизации еще с античных времен.

И даже доантичных, к которым обращена предшествовавшая «Праведникам» премьера Марка Розовского, вернувшего на сцену если не совсем забытую, то явно полузабытую драму Байрона «Сарданапал». Что с того, если ее заглавный двоящийся герой (актер Валерий Толков), романтически одержимый страстью к гаремной рабыне, — тот редкий тиран, который тяготится своим тиранством и зачастую готов манкировать тягомотными для него обязанностями деспота? Хочет он того или нет, тирания и деспотизм, перемалывая, сокрушая судьбы народные и человеческие, существуют независимо от его царского соизволения и действуют от его обоженного имени, олицетворяющего самовластье. Безудержные произвол и насилие, чинимые ради государственного величия, процветания и блага сатрапами недеспотичного деспота, то и дело перетягивают чашу весов, на которых хрупкая жизнь любого подданного. До признания ее негосударственной самоценности истории еще предстоит доработаться, додуматься.

Жестоко подавляя разрозненные гуманистические прорывы, не доработалась и не додумалась как в новые, так и в новейшие времена — от апогея Великой Французской Революции с ее разгулом якобинского террора до нашего XXI века, начавшего свой кровавый не календарный, а событийный отсчет 11 сентября 2001 года. По ходу веков укрупнялись масштабы, но не менялась суть того непреходящего, вечного, что впаило в рационалистически чеканные формулы драматургического текста.

Степан, в талантливом исполнении заслуженного артиста России Андрея Молоткова: «Да, я груб. Но для меня ненависть — не игра. Мы здесь не для того, чтобы любоваться друг другом. Мы здесь для того, чтобы сделать дело».

Иван Каляев, пылкий романтик, которого шутливо называют поэтом и любовно Янеком (молодой, обещающий актер Владимир Давиденко): «Я пришел в революцию потому, что люблю жизнь».

СТЕПАН. Я люблю не жизнь, а справедливость, которая выше жизни.

КАЛЯЕВ (с видимым усилием). Каждый служит справедливости, как может. Мы разные, это надо принять. Мы должны любить друг друга, если можем.

СТЕПАН. Нет, не можем.

КАЛЯЕВ (взрываясь). Тогда зачем ты с нами?

СТЕПАН. Я приехал убивать людей, а не любить их или уважать их отличия от меня.

КАЛЯЕВ (яростно). Ты не убьешь человека в одиночку и без цели. Ты убьешь его вместе с нами и во имя русского народа. Вот в чем твое оправдание.

СТЕПАН (тем же тоном). Я в нем не нуждаюсь. Я был оправдан раз и навсегда однажды ночью, три года назад, на каторге. И я не потерплю...

Зло порождает только зло и никогда добро. И не было бы в цепной реакции самослепленной ненависти даже малого места любви, сочувствию, состраданию, если б вдруг не случился — эпизод, имевший место в действительности — разрыв цепи, ее, так сказать, короткое замыкание. Поэт - Янек не устоял перед добрыми, по Пушкину, чувствами, и его дрогнувшая рука не решилась метнуть бомбу в карету, где рядом с великим князем, приговоренным к смерти эсеровскими боевиками, сидели дети. Прав или не прав бомбометальщик? Дозволено ли революционеру-террористу быть столь чувствительным? И что двигало им — добросердечие гуманиста или мягкотелость труса? И чего достоин его поступок — оправдания или осуждения? От ребром поставленных вопросов расходятся новые круги спора, раскрывающего философию и психологию террора. В него включаются порывистая Дора, чьи душевные терзания и метания между облагораживающей любовью и опустошающей ненавистью передает Ольга Лебедева, и неспиаемый предводитель боевой пятерки Борис Анненков (Алексей Андреев):

ДОРА. Открой глаза и пойми, что Организация утратит свое влияние и свою власть, если хоть на минуту допустит, чтобы наши бомбы рвали на куски детей.

СТЕПАН. На такие благоглупости у меня широты не хватает. В тот день, когда мы решимся позабыть о детях, мы станем хозяевами мира, и революция восторжествует.

ДОРА. В тот самый день все человечество возненавидит революцию.

СТЕПАН. Неважно, коль скоро мы любим революцию так сильно, что сможем заставить всех ее принять, и спасем человечество от него самого и от рабства.

ДОРА. А если человечество отвергнет революцию? Если весь народ, за который ты борешься, не захочет, чтобы убивали его детей? Тогда и в него стрелять?

СТЕПАН. Если надо – да. Пока он не поймет. Я тоже люблю народ.

ДОРА. У любви не такое лицо.

СТЕПАН. Ты женщина, у тебя превратное представление о любви.

ДОРА (яростно). Зато у меня точное представление о том, что такое стыд.

АННЕНКОВ. Степан, мы все здесь любим тебя и уважаем. Но каковы бы ни были твои доводы, я не разрешу тебе утверждать, что все позволено. Сотни наших братьев умерли за то, чтобы люди знали: не все позволено.

СТЕПАН. Ничего не запрещено, если служит нашему общему делу»...

XX век сполна позаботился о том, чтобы максималистский фанатизм Степана взял верх над умеренным фанатизмом Анненкова. Это знал Альбер Камю, писавший пьесу-диспут как современник гитлеровского фашизма, Холокоста, Освенцима, сталинской диктатуры и советского ГУЛАГа. И знает Марк Розовский, поставивший спектакль-диспут как современник прежних преступлений и новых трагедий, включая те нынешние, когда никакая «слезинка» ребенка не останавливала ни бесчинствующих террористов, ни подавлявших их спецназовцев. Большевицкий экспорт революции, как и фашистский национал-социализм, сменяется мировым экспортом терроризма, которому нет нужды и для внешней видимости облагораживать себя какими бы то ни было высокими идеями, социально и духовно обряжать в них, как в маскарадные, напрокат взятые одежды, свою подлинную насильническую сущность. Не верховенством гуманистических, общечеловеческих, а диктатом ксенофобских, националистических лозунгов норовят проторить путь российскому реваншу тоталитаризма и национал-большевики, и национал-патриоты, и национал-державники, громко отрекаясь от нацизма на словах, но исповедуя его в душе и руководствуясь им на деле.

Двойным, писательским и режиссерским, знанием исторически повторяемых триад революции с их опорными понятиями тоталитаризма, диктатуры, террора озвучены текстовое наполнение и сценическое воплощение предфинального ключевого диалога смятенной Доры и неуступчивого Анненкова:

ДОРА. ... Если единственный выход – это смерть, значит, мы не на правильном пути. Правильный путь ведет к жизни, к солнцу. Нельзя вечно коченеть...

АННЕНКОВ. Наш путь тоже ведет к жизни. К жизни других. Россия будет жить, наши внуки будут жить. Помнишь, Янек говорил: «Россия будет прекрасна».

ДОРА. Другие, наши внуки... Да. Но Янек в тюрьме, а веревка холодная. Он скоро умрет. Может быть, он уже умер за то, чтобы другие жили. Боря, а если и другие не смогут жить? Если он умер напрасно?».

Она же, несколько реплик спустя: «Иной раз мне становится страшно, когда я слушаю Степана. Может быть, придут другие, они буду убивать, прикрываясь нашим именем, — но расплываться своими жизнями не будут»...

Такой виделась перспектива истории, страшившая героев драмы. Такой стала ее ретроспектива, открывшаяся нам через сто лет после них. Иван Каляев оказался провидчески прав. Не тот действительный, чье имя в не столь давнем прошлом носила одна из центральных столичных улиц, а тот, каким он выписан в пьесе и воплощен в спектакле: «И если когда-нибудь при моей жизни революция окажется несовместима с честью, я отвернусь от революции». Согласившись «убивать, чтобы свергнуть деспотизм», он интуитивно прозревает «народное рождение нового деспотизма. Если он установится, то сделает меня убийцей, а я пытаюсь творить правосудие».

Правосудие через убийство!.. На роковом месте смертоубийства возможно возвести Храм и назвать его Спасом на крови. Но счастья на крови не бывает, потому что кровопролитным наси-

лием нельзя осчастливить ни отдельный народ, ни тем более человечество. Как нельзя и демократизировать силой, потому что изначально ущербна демократия, признающая над собой власть оружия, будь то архаичные штыки или современные крылатые ракеты точечной наводки. О такой демократически подневольной свободе на штыках или ракетах говорят, что она хуже неволи... Не однажды выстрадав эти нетленные истины, история продолжает выстрадывать их вновь и вновь.

Выразить и донести их как идею созидательного добра, способного противостоять разрушительному злу, чтобы исподволь, шаг за шагом одолевая его, могла бы и в пьесе, и в спектакле великая княгиня Елисавета Федоровна. Мученически неся при жизни мужа брачный крест, она нашла в себе силы и просить царя о помиловании убийцы, и основать в Москве в память убитого Марфо-Мариинскую обитель. Ни эти, ни другие по-христиански добродетельные поступки не уберегли ее от лютой большевистской расправы 1918 года, когда духовные «братья» и идейные сомышленники повешенного не Янека, но Ивана Каляева сбросили ее в алапаевскую шахту. Как персонаж пьесы, она выписана наименее выразительно, что не могло не сказаться и на ее сценическом воплощении в спектакле, где она человек не столько активно деятельный, сколько нерассуждающе верующий.

В тексте драмы этот сбив не единственный. Думается, что и общая атмосфера действия восходит у Камю больше к социальным, бытовым и духовным реалиям народовольческого рубежа 70-80-х годов XIX века, чем революции 1905 года. Однако в спектакле такое авторское смещение преодолено и сценическими, в том числе звуковыми и цветовыми, находками постановщика, и его литературными вкраплениями, характерно отличающими режиссерский почерк Марка Розовского и творческое лицо театра в целом. Временные границы действия расширяются и жизнелюбивыми строками Пушкина, и трагедийными Блока: «Рожденные в годы глухие // Пути не помнят своего. // Мы – дети страшных лет России — // Забыть не в силах ничего». Последние, уместно напомнить, датированы девятью годами позже событий, на которых выстроен сюжет пьесы и спектакля. Броская хронологическая неувязка плотно увязана с глубинным смыслом постановки, поднимающей идейную проблематику диспута до вечных историсофских тем искусства. Такое переключение акцентировано и ведущим музыкально-поэтическим рефреном спектакля — могучим басом Шалапина, исполняющего на некрасовские слова из «Кому на Руси жить хорошо» песню об атамане Кудеяре с ее кульминационными строками о том, как в заблудшей душе «разбойника лютого // Совесть Госпбдь пробудил».

В героях пьесы и спектакля совесть не пробудилась. Казнь Ивана Каляева еще больше ожесточила бомбистов, в чьи поредевшие ряды рвется и выправившая свои сомнения Дора, тесня очередь, в которой первым теперь Степан. Воистину, «преступления, продиктованные бесстрастной логикой», не знают ни удержу, ни предела, равно, как ни конца, ни краю не знает и «политический цинизм» нечаевского «Катехизиса революционера», с которым в лоне русской и не одной русской революции «окончательно восторжествовал принцип вседозволенности, убийство было возведено в принцип».

Размышляя об этом в книге «Человек бунтующий», Альбер Камю назвал преступление Каляева апогеем «тридцатилетнего кровавого апостольства», завершившего «эпоху мучеников революционной религии». Однако российская и мировая история внесла в это суждение писателя-философа существенную поправку. В тугую скрученную спираль кровопролитных насилий конец не делу венец, а начало нового витка, какой мы увидели на нашем рубеже веков, когда место экстремистского революционизма занял и отечественный политический, и международный массовый терроризм. И былой революционизм, и теперешний терроризм – ветви одного дерева, под непроглядно густой сенью которого безусловно прав Марк Розовский, внесший в свое режиссерское «Предупреждение к спектаклю» примечание второе: «Я осмелился добавить в название (пьесы, — В. О.) кавычки, ибо принципиально считаю, что террорист праведником быть не может. Остается надеяться, что уважаемый месье Камю сегодня, когда дегуманизация стала запредельна и кровь невинных людей продолжает литься, со мной согласился бы».

Как зритель, принявший и, смею думать, понявший спектакль, я начал рассуждать о нем со спора с примечанием первым. А заканчиваю тем, что полностью солидаризируюсь с примечанием вторым...

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ. СКРЕЩЕНИЕ ВЕКТОРОВ КУЛЬТУР

Геродот начинает свои «Истории», зачитывая внушительный список похищений прекрасных женщин: греки и жители малоазийского побережья умыкают их друг у друга: Европа и Ио, Елена и Медея... Этот мотив настойчиво возникает снова и снова: оказывается, египтяне тоже не остаются в стороне — корабль Париса сбивается в бурю с маршрута, достигает египетского берега, и уже здесь продолжается распря.

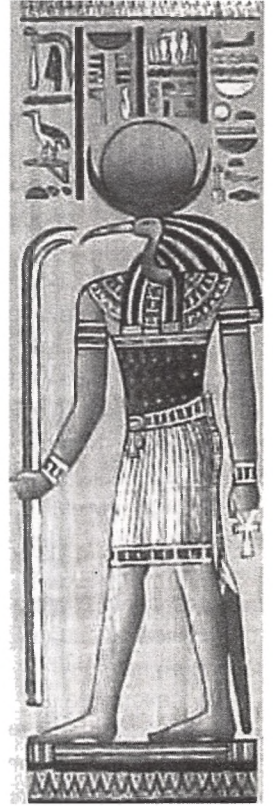
Вспыхивают войны, корабли снаряжаются в дальний путь, и путники, возвращаясь обратно, привозят вести о дальних странах, неизведанных землях, обычаях, нравах... Геродот ведет речь не о банальных похищениях — разговор идет о чем-то неизмеримо более важном: о том поле пересечения взаимных влечений и отталкиваний, которое, как завязь, дало начало всем культурам Восточного Средиземноморья. Он говорит о самом главном — мироощущении, зародившемся здесь, стягивающем воедино все пространство Греции, Малой Азии, Финикии и Египта. Женщин похищают, присваивают, как прекрасную, одушевленную вещь, магии которой сопротивляться не в силах. Ее темная, непросветленная, влекущая власть; загадка этой власти, имя которой — красота; ее таинственная связь с рождением и смертью, ее посредничество и сводничество между миром людей и вечностью.

В центре мировоззрения грека — царственная, одушевленная вещь: человек и полис, море, звезды и космос. Прекрасная женщина — лишь образ, собирательный и самый яркий этого вещно-одушевляющего отношения к миру. И что такое статуя, как не созданное человеческими руками воспроизведение, угадывание, слабая человеческая попытка воссоздания самой сути вещи, когда в камне проступает ее душа?

В слове и деле грек занят только одним — выведением на свет, обнаружением и познанием этого одушевляющего начала, просветлением вещи. И именно потому — то красота столь пугает и притягивает его, ибо красота для него есть зримое выражение тайной, до конца не просветленной глубины... Космос прекрасен, но тьма окружает его. И красота его — лишь мгновенный лик хаоса, скрывающего неразличимые жизнь и смерть. Красота есть высший предел одушевления вещи — и она же указывает на темное, загадочное начало бытия.

Греческая философия, греческая наука заняты преобразованием этой изначальной темноты — в ослепительный свет. И вот уже красота лишается своей пугающей глубины, в ней проступает логос, единый для всех вещей, как их душа, выражаемая и познаваемая в слове. Царство логоса возносится над миром вещей, и вот уже они устремляются к своему единому, ослепительно сияющему истоку, где совпадают неразличимо в прекрасном триединстве истина, благо и красота.

А что же происходит в Египте, на другом берегу Восточного Средиземноморья? Здесь пытаются удержать, сохранить саму вещь вещи. Что такое ее душа? Вселяющееся в нее на мгновение начало. Человеческая жизнь — лишь всплеск огня в темноте. Нельзя сберечь ее, но

Древнеегипетский бог Тот — символ мудрости и знания, изобретатель письменности, покровитель посланий и писателей, изображался с головой птицы Ибис.

можно хотя бы попытаться сохранить тело, где обитала душа, и тогда, может быть, она найдет дорогу обратно...

Так снова речь идет об одушевленной вещи. Но вместо ее просветления избирается прямо противоположный путь — она вступает в борьбу со временем, наделяется качеством вечности, и поэтому главное в ней — не ее жизнь, а ее — смерть. Борьба со смертью происходит в самом царстве смерти. Вещь должна противостоять распаду, ходу времени, становлению, и в этом — залог ее вечности. Египет и есть это молчание вечности, явленной в вещи — забальзамированной мумии, пирамиде, сфинксе... Это втягивающее в себя поле безмолвия, принципиального отсутствия просветляющего слова... Что такое слово? Звук, дух, исчезающий в момент его появления. И только вещь в своей тварной, физической оболочке — неизменна.

Греков притягивал — и отталкивал Египет. Манила и пугала зримая явленность вечности, ее молчание, ее глубина. Поражало умение подчинять жизнь постоянным, строгим законам исчисления и взаимопревращения вещей. Для египтянина математика — средство вновь и вновь отвоевывать себе место среди все сметающих, из века в век повторяющихся разливов Нила. Знание, позволяющее жить в вечности. Греческие мудрецы похитили у египтян это знание, ставшее для них лишь отправной точкой путешествия, захватывающего приключения, цель которого — просветление мира. Так, Фалес на основе практики египетских жрецов основал геометрию — теоретическое решение пространственных задач. Предполагая, что миром правит и упорядочивает его разумный, познаваемый логос, Фалес доказал наличие определенных соответствий в пространственных фигурах и, вернувшись в Египет, изумил жрецов: смог вычислить высоту пирамиды по длине ею отбрасываемой тени. Египет — царство мертвой вещи, с которым греки, разделенные морем, непосредственно не соприкасались. Другое дело — цивилизация Малой Азии, цветущие финикийские города! Вот здесь — то и шли друг на друга войной, похищали женщин, заключали летучие союзы, и даже пускались вместе в рискованные военные предприятия вглубь Востока...

А между тем шел спор все о том же. Греческие предания описывают малоазийскую цивилизацию как некий преизбыток, неиссякаемую сокровищницу прекрасных вещей. Крез, ставший синонимом богача; мифический фригийский царь Мидас, обладавший способностью превращать все, до чего ни дотронется — в золото. Культ прекрасной, но неодушевленной вещи — основа малоазийской цивилизации. Сражение с вечностью и смертью шло путем бесконечного накопления вещей.

Да, каждая вещь — смертна, но если их будет огромное, неиссякаемое количество, то сама множественность их вступит в борьбу со временем. Счастье — это когда у тебя преизбыток прекрасных вещей, несчастье — в их отсутствии. Значит, человек — всего лишь вещь среди вещей? И отличается только тем, что обладает способностью магнита — притягивать и концентрировать их вокруг себя?

Греческая легенда о Мидасе — жестокая критика такого мировоззрения, ибо бездушная вещь, сколь бы она ни была красива — мертва, и человек, живущий в царстве мертвых вещей, обречен на гибель. Не на смерть, а именно — на гибель, ибо душа уходит из цивилизации, превратившей в культ переходящую красоту мертвой вещи. Здесь нет ни греческой тяги к просветлению, ни египетского стремления увековечить вещь, сделать ее соразмерной вечности, но только детская, и потому обреченная страсть к простому, механическому накоплению прекрасных предметов.

И малоазийская цивилизация гибнет, не оставив после себя ничего, кроме стойкой памяти о той угрозе, которую несет в себе эта мидасовская тяга к самоуничтожению путем превращения мира в неодушевленный объект, который нужно захватить и присвоить.

А между тем на сцену средиземноморской истории вступал народ, в глубине Синайской пустыни родившийся через отторжение египетской и малоазийской цивилизаций. Моисей занят двойной работой — с одной стороны надо удержать народ от возвращения в затягивающее,

беспросветное, вечное рабство в египетском царстве мертвых. Но надо предотвратить и его стремление на финикийское побережье, где правит Ваал. На разломе, в момент глубочайшего кризиса является Моисею Бог, как единый вседержитель мира. Как единый Закон, властвующий и среди людей, и в царстве вещей. Возможно, возникновение столь величественного, всепроникающего, стройного мировоззрения только и поддается объяснению с точки зрения огромного усилия по преодолению разнонаправленных, едва ли необоримых влияний среди казавшихся безысходными блужданий в пустыне... Речь идет о некоем уникальном единстве личности, колоссальном напряжении, способном выдерживать и преодолевать любое внешнее давление — всегда, при любых обстоятельствах сохранять личностное начало, воплощенное в этой стягивающей воедино и все преодолевающей силе, имя которой — воля.

Остается ли вещь в еврейском мировидении? Разумеется. Но она — царство финикийского Ваала. Он пугающе близок, и одновременно — далек. Да, он Ваал, он Бааль (ивр. — господин), он стремится быть хозяином над всем. Но ему противопоставляется иной Господин, неизмеримо превышающий его; своей божественной волей превращающий груды вещей, сваленных у капища Ваала, в упорядоченный, осмысленный, подчиняющийся единому Закону мир. Но царство Ваала сохраняется как постоянная угроза. Оно запретно, а потому — влечет. Спуск в него, и в духовном, и в самом прямом, физическом смысле, всегда приключение, в котором возврат домой отнюдь не гарантирован. Так живет это постоянное напряжение отталкивания и подспудного влечения. И отторгнутый Египет, тем не менее, реален. Но дорога в него заказана.

Да и куда возвращаться — в царство мертвой вечности, откуда величайшим усилием воли исторг себя? Из египетской темноты воззвал: «Это я, Господи!», и был услышан им, и дланью его был спасен. Да, Египет реален, как реальна Финикия. Реален страхом смерти, славящей самое себя; реален давящей неподвижностью мертвенного бытия, которую сбросил, от которой бежал; но она, тем не менее, существует, и каждое мгновение надо преодолевать, собирая, стягивая себя воедино, снова и снова отторгая и от капища Ваала, и от занесенных песками вечности пирамид. Но главная драма — еще впереди. И она разыгрывается, когда греческий мир сталкивается с иудейским. Их отчаянная борьба, их позднейшее взаимопроникновение могут быть поняты только в контексте этого единого поля взаимодействия культур Восточного Средиземноморья. Слово два огромных вектора пересекают друг друга: от малоазиатской к египетской цивилизации тянется вектор обожествления смерти — понимаемой то ли как бездушная прекрасная вещь, то ли как мертвый предмет, символ вечности. Но на этот вектор накладывается другой, гораздо более мощный, ибо здесь уже речь идет о жизни, призвании человека в мире, соотношении, мере взаимодействия вещи — и животворящего ее духа. Для человека античности не существует раз и навсегда данного соответствия мысли — и предмета: это теорема, которую требуется доказать. И каждый период античной, а затем и западно—христианской цивилизации определяется способом доказательства этой теоремы. Это бесконечное движение по восходящей линии, когда возникающее мгновенное, неустойчивое равновесие вещи и мысли о ней — нарушается снова и снова, и следует всякий раз восстанавливать это хрупкое равновесие, идя все дальше, погружаясь все глубже в изучение и познание логоса. Да, миром управляет Бог, но эта вера в основополагающую просветленность бытия не освобождает от познания — наоборот, следует всякий раз определять меру этой просветленности, ибо конца дороги познания — нет.

В иудействе тоже идет разговор о соответствии духа — и вещного мира, но решение проблемы, постановка задачи переводятся в плоскость не мысли и познания, но воли — и действия. Сущность еврейского Бога — в его всеопределяющей воле. Именно волею своей он создает этот мир, назначает человеку место в нем, предписывает ему неизменный Закон бытия. Мир удерживается и направляется божественной волей, которой ничто не может противиться.

Если путь античной цивилизации есть дорога познания, то иудейство предполагает деятельное, волевое утверждение в мире, поскольку идет борьба не за познание логоса, меры единст-

ва мысли — и вещи, но за устройство такой жизни, которая бы в наибольшей степени соответствовала божественному Закону. Жизнь — несовершенна, ибо человеческая воля, имея источник в божественной, отпала от нее. Но Закон — совершенен! Значит, в действии, волей, которую направляет Господь, следует создать мир полного, окончательного соответствия жизнеустройства человека — и данного ему Закона. Отсюда центральная тема древнего иудейства — тема справедливости, которая, никогда не достигается, но к которой постоянно следует стремиться. Такое стремление и есть — разворачивание истории. В столкновении этих двух жизнестроительных цивилизаций Восточного Средиземноморья родилось христианство, объединившее античную тягу к бесконечному познанию мира с разворачиванием созидательной человеческой воли в мире, бесконечностью исторического пути восхождения к справедливости.

Скрещенье векторов культур Восточного Средиземноморья, их борьба, их взаимонапряженное противостояние живы в Западной цивилизации. Более того, именно их энергетическое поле по—прежнему определяет ее судьбу. Так, в разные периоды ее истории делался акцент то на познавательном, то на деятельном отношении к миру, подвергалась ожесточенной критике или наоборот, становилась неприкасаемым фетишем идея справедливого жизнеустройства. А возникшая на основе стремления к познанию мира наука стала самым большим достижением — и самым горьким проклятием Запада. Наконец, коммунизм взялся окончательно примирить познавательную тягу с волей к жизнеустройству, осуществить вековую мечту о сознательном, научно построенном мире справедливости, братства и равенства — вымечтанном Царстве Божьем на Земле. Тем самым, мы стали свидетелями еще одной попытки примирения иудейского и античного начал — попытки самой амбициозной, самой решительной и всеохватывающей за все две тысячи лет, прошедших со времени их первого столкновения.

И малоазийская прекрасная бездушная вещь, ее культ, ее превознесение — никуда не исчезли. Более того, мидасовское начало возрождается снова и снова как отрицание, пустота, как смерть, которой надо все время противостоять, дабы не быть погребенным под горою бездушных предметов. Вектора по—прежнему пересекаются, в каждый момент исторического движения образуя свой прихотливый рисунок, свои энергетические поля противостоящих — и тянущихся друг к другу сил. И вот уже еврейская воля к жизнеустройству и античная тяга к познанию объединяются не для возведения по научным рецептам самого справедливого общества на Земле, но чтобы реализовать тайную, запретную, мидасовскую страсть — создание цивилизации массового потребления.

А что же Египет с его тягой к растворению жизни в безмолвном омуте вечности? И он жив как момент отталкивания, бегства — и стремления; как сладостный покой после битвы, последнее прибежище усталого жизнестроителя, ученого, потребителя бессмысленных мидасовских благ.

Пронзительный холод вечности. Нужно напрячь всю волю, чтобы ему противостоять... И не исключено, что после всех страшных событий двадцатого века, порожденных безумным перехлестом греческого, иудейского и малоазийского начал, настанет время необоримой тяги к мертвенному покою Египта. Какой абрис сложится, каков будет этот новый расклад, с кем из вечных средиземноморских миров объединится египетский мир; кого попытается втянуть в воронку своего молчания?

А между тем над миром восстает тишина. Она — отзвук, вернее, мертвящая пустота любого действия. Рука подъятая рассекает воздух, мысль погружается в мир теней, горы прекрасных вещей обращаются не в золото, а в пыль, покрывающую Землю... И чем явственней видимость деятельности, чем яростней крутятся колеса цивилизации, тем звонче, неодолимей — молчание. Тело цеменеет, дух едва ли не отлетает от него: последняя нить, связующая их, натягивается до предела. Странные, потусторонние образы проступают из тишины. Это — сон...

Евгений РАШКОВСКИЙ

ЧТО ТАКОЕ ЕВРЕЙСКИЙ ЮМОР ?

*Приличествуют нам три вещи:
коленипреклонение – не сгибаемая колен,
беззвучный крик и пляска без движения.*

Рабби Менахем Мендель из Варки (XIX век)

**Эти тезисы не были бы написаны, не будь трудов и подсказок
Леонида Наумовича Столовича. Ему и посвящается этот краткий текст.**

«Холодно!»

Разумеется, еврейский русскоязычный анекдот может быть предметом сколь угодно развитого филологического и фольклористического дискурса, сколь угодно глубоких разговоров о народной смеховой культуре, об инверсиях пословичных, притчевых и эпических элементов в этой самой смеховой культуре.

Можно было бы также сказать, что анекдот есть как бы заместитель волшебной сказки в урбанистическом, «расколдованном» мире. Сюжетные или смысловые трудности и противоречия сказки разрешаются чудом, а анекдоты – вопиющим абсурдом. Правда, есть одно скрытое и, в своем роде, неотразимое чудо, отчасти возвращающее еврейскому анекдоту его сказочную природу. Это – чудо еврейского смеха. Да к тому же – внутри чуда русской речи. Да еще и в тех условиях, когда глубокая культурная память обоих народов, имеющая общие, библейские, предпосылки, оказалась под фактическим запретом во имя «пролетарского интернационализма» и «научного атеизма».

Еврейский анекдот по фольклорному синкретичен. Он предполагает не только краткость и остроту текста, но и моменты интонационной, а нередко и жестикуляционной игры.

Но – повторяем – все это лишь поверхностные слои проблемы. Еврейский анекдот в России не был бы еврейским анекдотом, не угадываясь за ним глубинный духовно-исторический background, глубинная связь с тысячелетиями изощренной письменной культуры, осознанной и изощренной эвристики теоретического мышления.

«Теплее!..»

Обратимся к истории.

Прежде всего – к ближней истории. Одним из непреложных следствий эпохи Просвещения, урбанизации, великих войн, бедствий и революций было освоение значительной частью еврейского народа элементов российской языковой культуры. Освоение своеобразное, подчас шокировавшее как русскую, так и еврейскую сторону, но – освоение творческое. Русский стал и поныне остается в истории одним из многочисленных «еврейских» языков. Именно на русском языке написаны «Афины и Иерусалим» Шестова, «Слово о полку» Жаботинского, «Юнармия» Бабеля, очерк Мандельштама о танцующем Михоэлсе. . . Возможно, что и первый вариант «Ха-диббука» Ан-ского был тоже написан по-русски. . .

Но это – элитарные уровни творчества. А уж в полуруссифицированных массах городского еврейского плебса не мог не появиться своеобразный русскоязычный фольклор. Но не обычный фольклор, опирающийся на анимистическую духовную архаику и на опыт полупервобытных коллективов, но фольклор с богатейшей интеллектуальной, богословской и литургической прапамятью. Следовательно, фольклор с рефлексией.

Юродствование – одна из обостренных и демонстративных форм человеческой рефлексии, разыгрывание рефлексии. Оно сопровождает еврейскую историю еще со времен Давида и ранних Пророков. А уж в условиях Галута еврей – несущий на себе бремя приниженности и непохожести и в то же время самоиронизирующий – заведомо «юродивая», смеховая фигура в «христианском» обществе.¹

Вообще, юродствование есть характерное выражение парадоксальных основ духовного содержания иудео-христианской традиции: не только Г-дь не вместим миром² и потому столь часто «выпадает» из мира или «умаляется» в нем, но невместим и человек. Человек – чужак в этом мире. А уж еврей – тем паще. И не только во внееврейской среде, но зачастую – и среди своих. Благо, еврейский народ был и остается фрагментирован множественностью социальных позиций, субкультур, мест проживания, бытовых укладов и языков.³

Анекдот о юродстве отчуждения не только рассказывается, но и разыгрывается...

Следуя тысячелетним традициям еврейской словесности, анекдот показывает не только человека в разломе, но и слово в разломе. Смеховое слово не только рефлектируется человеком, но отчасти и само рефлектирует человека, – со всеми его слабостями, срывами, пороками. И с дальнейшими – пока еще не изведенными – перспективами...

Итак, повторяем, человек не только рефлектирует слово, но и рефлектируется словом. Сам принцип иронического словесного «чинопоследования» определяет и ситуацию, и внутренний облик вовлеченного в эту ситуацию человека.

В качестве иллюстрации к этой мысли можно привести характерный анекдот, принадлежащий еще «belle époque» – началу прошлого столетия (если вообще эпоху Кишиневского, Белостокского и всех прочих погромов можно назвать прекрасной):

«На вокзале встречаются два еврея.

- Здравствуйте, Фердинанд Моисеич!
- Здравствуй, Фроим.
- Так Вы куда себе едете, Фердинанд Моисеич?
- Я еду в Бадан-Баден. А ты, Фроим?
- А я таки – в Гомель-Гомель».⁴

Если вспомнить труды Л.С. Выготского, смеховой разряд, смеховое разряжение, смеховое освобождение – если угодно – смеховой катарсис призваны избавить человека от внутренних напряжений. Интересно, что этот аспект психологии искусства Выготского выдержан в логике «Пиркей Авот»: называть вещи «своими именами» — значит, нести в мир освобождение, «геулу».⁵ Конечно же, анекдотический смех – не «геула», но все же некий спасительный момент в сгущении жестоких исторических обстоятельств.

Так что сама история подводит нас к духовной подоплеке еврейского анекдота.

«Горячо!»

Еврейский анекдот есть, в некотором роде, разившийся в эпоху взбесившейся анти-сакральности или лжесакральности редуцированный сакральный текст, как бы замаскированный под фольклорный жанр. Или, если угодно, замаскированный мидраш – т.е. форма длящегося сквозь века и пространства острого, стилистически изощренного, «наперченного»⁶ собеседования с Текстом Текстов: с Библией, с ТаНаХом.

Элементы «наперченного» мидраша восходят к самим библейским текстам. Один из характернейших тому примеров: завершение Книги Ионы – как бы иронический мидраш к Бытию/Берешит 18:20-32. Авраам с числовыми выкладками (50, 40, 30... праведников) ходатайствует перед Всевышним о помиловании Содомы и Гоморры – Всевышний с числовым аргументом («120 тысяч несмышленишей и множество домашнего скота»)⁷ иронически ходатайствует перед Ионой о помиловании Ниневии...

Смеховые эпизоды Книги Притчей/Мишлей (суетливая распутница, легковверный искатель удовольствий, алкоголики) – как бы первый в истории сборник еврейских анекдотов.

Далее, нередко своеобразная логика (или, если угодно, смехо-логика) еврейского анекдота к тому, что текст суммируется и венчается риторическим вопросом. Вопросом на вопрос. Не утверждение, но именно вопрос есть постановка проблемы. То, что не закрывает, но бесконечно раздвигает горизонты мысли и веры. Мы условно назвали бы эту смысловую ситуацию риторическим еврейским вопросом.

«Риторическим еврейским вопросом» отвечает Всевышний на надрывные вопрошания Иова и Ионы.

Есть один из анекдотов, что представляется нам прямым мидрашом к Книге Иова:

«- Послушайте, Рабинович,⁴ мне-таки непонятно:

откуда берется антисемитизм?

- А все остальное вам понятно?»⁹

Здесь, кроме интонационной игры и «риторического еврейского вопроса» с непреложной смысловой правильностью представлено нечто иное. И притом богословски и философски – более глубокое. «Риторический еврейский вопрос» полагает обычное, обыденное сетование в контекст подлинной и фундаментальной проблемы: проблемы общей боли и неустроенности мира. Проблемы, которая не может не задевать Владыку Миров, да будет Он благословен...

Можно многое сказать о зависимости российского еврейского анекдота от смысловой комбинаторики Талмуда и Аггады, от «наперченности» хасидских речений и от многого другого.

Смеховая инверсия «марксистско-ленинского» начетничества и тягостных сторон советской жизни (дефицит, коммуналки, шпиономания) в еврейском анекдоте – тема особого разговора, который может длиться до бесконечности. Есть среди них и такие, которые проливают свет сразу на несколько уродств тогдашней советской жизни: коммунальная теснота и «революционная бдительность» умещаются в пространстве одного и того же анекдота:

«Тук-тук-тук.

- Да?

- Простите, не у вас ли продается славянский шкаф?

- Ни славянскими, ни еврейскими шкафами я не торгую. И вообще, когда эти идиоты поймут, что шпион живет в комнате направо?..»

Но, во всяком случае, в «магическом кристалле» интеллектуальной смеховой культуры еврейского народа оказались явно или неявно преломленными и духовность, и история, и потребность не только выжить в нечеловеческих условиях самим, но и скрасить жизнь окружающим людям, истерзанным глобальными претензиями и внутренней пустотой тоталитарного режима.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Возможно, такие русские уничижительные слова, как «рожа», «балбес», «барахло» - результат смеховой конверсии еврейских рош, баал ха-бейт, барах ло. А сакральнейшее слово Премудрость (Нокmah) – через посредство идишистской хохме – стало «хохмою».

² Берешит Рабба LXVIII.9.

³ Если вспомнить родственную описываемой нами традиции традицию польско-еврейского анекдота донацистских времен, то здесь можно обнаружить целый пласт повествований о том, как пан Лабендзь знакомит пана Жултко с изысками парижской жизни.

Аналогичные темы и сюжеты есть и в русско-еврейских анекдотах той эпохи, которые строятся на коллизии «европеизированного» и «местечкового» еврея. А тема коллизии «местечковости» и «цивилизации», вторгающейся в глубину еврейской жизни, — одна из стержневых в прозе Шолом-Алейхема.

⁴ Вообще, железная дорога как сфера взаимодействия этносов, вер, пространств, общественных классов, жизненных укладов – одна из важных сфер старого еврейского юмора. Вспомним, напр., рассказы Шолом-Алейхема «Праздношатающийся» или «Два антисемита».

⁵ 6:6.

⁶ Пилпел — перец, пилпул — методика изошренного и лапидарного экзегетического дискурса.

⁷ Ионы 4:11.

⁸ N.V. Анекдотический Рабинович — как бы смеховая инверсия мудрых Рабби из Талмуда, Аггады, Каббалы или хасидских речений, через которых бесконечно длится во временах и пространствах процесс трансляции и развития «наперченного» библейского мидраша.

⁹ Кстати, — один из сюжетных стержней анекдота: еврей приходит за советом к Ребе, а тот иной раз отвечает ему вопросом на вопрос.

Так мало нужно для счастья

Во время Отечественной войны 1812 года солдат-еврей спас жизнь фельдмаршалу Кутузову.

- Проси чего хочешь! — воскликнул благодарный полководец.
- Ваша светлость, — ульбнулся солдат, — переведите меня в другую роту. Мой капрал не любит евреев.
- Черт возьми! — рассердился Кутузов. — Почему же ты не просишь сделать капралом тебя!?

Как тебе эти евреи?

Одного польского магната спросили, что он думает о евреях.

- Свиньи, христопродавцы, лгуны и негодяи!
- А как вам Исаак?
- О, он честный, благородный и добрый. Он спас меня от разорения.
- А Берл?
- Я знаю его с детства. Это прекрасный человек!
- Как насчет Шмуэля?
- Он просто святой!

Те же вопросы были заданы богатому набожному еврею.!

- Исаак? — Вор, мерзавец, чтоб он себе кости переломал!
- Посмотрит на тебя — и ты нищий!
- Берл? — Та же дрянь, ни чести, ни совести.
- Шмуэль? — Ты думаешь, кто-то верит в его святость? Самовлюбленный идиот!
- А что вы думаете о евреях?
- Священный чистый народ, царство избранных Богом, благословенно будь Его имя!

Из Антологии «A treasury of Jewish Humor» by N. Ausubel,
M. Evans and Co, NY, 1951. Перевод А.Цирлин

Евреи в нееврейском мире.

- Папа, правда, что Христос и дева Мария, и все апостолы были евреи?
- Правда, сынок..
- Да как же такое могло быть?!
- Время такое было, сынок..

Старый Козн, всю жизнь посвятивший своей фабрике, производящей гвозди, наконец, дал жене уговорить себя отдохнуть во Флориде, оставив руководство фабрикой взрослому сыну.

Тем не менее, у него не спокойно на сердце, и каждое утро он покупает газету, в которой публикуется реклама его фабрики. И вдруг он видит вместо обычной рекламы изображение распятия и подпись: «Они использовали гвозди фирмы «Козн и сын». Старик звонит сыну, кричит, возмущается, пугает его погромом, и сын отвечает: «Не беспокойся, папа, я все исправлю». На следующее утро папа Козн открывает газету и видит на том же месте распятие, но уже без Иисуса, и подпись: «Они не использовали гвозди фирмы «Козн и сын».

Англичанина спрашивают:

- Почему в Англии антисемитизм слабее, чем в других странах?
- Просто англичане не считают евреев умнее себя.

Один «русский американец» спрашивает другого: «Ты не страдаешь от ностальгии?»

- «С какой стати? Что я еврей что ли?!»

Выступает ансамбль «Дружба народов»:

Иванов — Россия, Нечипоренко — Украина, Гогишвили — Грузия, Рабинович — скрипка.

Если дать талантливому еврейскому ребенку звездный атлас — он через полчаса вернет его исправленным.

Йосеф ТЕЛУШКИН

«ОЗАБОЧЕННЫЙ ОПТИМИСТ», ИЛИ О ЕВРЕЙСКОМ В ЕВРЕЙСКОМ ЮМОРЕ

*Я не знаю какой-либо иной народ,
который в такой мере высмеивал бы сам себя.
Зигмунд Фрейд*

Что делает шутку еврейской? Ясно, что она должна быть приложима к евреям, однако более значимо, что она должна выразить ощущения евреев. Только придавши персонажам шутки еврейские имена или даже приписав им еврейские характеры, вы не делаете шутку еврейской.

Еврейская чувствительность определяет то большое внимание к явлениям и ценностям, которые привлекают непропорционально пристальное внимание евреев. Антисемитизм, финансовый успех, ассимиляция, — все это, в частности, крайне важные моменты еврейской жизни. Например, антисемитизм — это такое явление, которое объединяет буквально всех евреев. Огромное число американско-еврейских организаций сосредоточено на борьбе с ним. Этнические группы, куда более многочисленные, чем евреи, — например, ирландские или итальянские американцы, — чувствуют себя более комфортно, и у них гораздо меньше организаций «по защите».

Профессиональный успех особенно подчеркивается и поощряется в еврейской жизни. Не случайно евреи достигли значительного влияния в каждом обществе, где они обладают равными правами.

Словесная агрессивность — хорошо известное еврейское качество. «Упаси меня от гойских рук и еврейских языков», — говорит пословица на идиш, известная в Восточной Европе с 19 века. «Три еврея — три мнения» (в некоторых вариантах, «четыре мнения», так как один из трех евреев — шизофреник) — таково американско-еврейское общее клише. Когда все доводы исчерпаны, члены Израильского Кнессета обвиняют друг друга в «пронацистских взглядах». Подобные риторические излишества часто отравляют жизнь и американско-еврейской общины.

И, наконец, есть ассимиляция, которую в сравнительно терпимом климате Америки евреи склонны считать наивысшей опасностью для выживания своей общины. При 50%-ной доле межобщинных браков, бесчисленные общинные лидеры, ученые и другие озабоченные евреи предупреждают об опасности полного растворения американского еврейства в окружающем населении.

Евреи чувствуют беспокойство относительно всех этих вопросов, и у них (так же, как и у людей других национальностей) один из характерных способов справляться с чувствами беспокойства или страха — это вышучивание: все, что может быть высмеяно, сразу кажется менее угрожающим. Чем сильнее степень беспокойства вызывает какой-либо вопрос, тем многочисленнее шутки, появляющиеся на эту тему. Например, поскольку теперь большинство американских евреев не испытывают дискомфорта, находясь среди их соседей - неевреев, сравнительно редко возникают анекдоты относительно антисемитизма. Но загляните в сборники еврейских анекдотов 50-60-тилетней давности, когда евреи в этой стране не испытывали большого чувства безопасности, и вы найдете большое число шуток, поднимающих на смех ненавистников евреев. Однако, среди евреев России, где антисемитизм все еще имеет широкое распространение и до недавнего времени поддерживался властями, — такого рода шутки все еще распространяются и все еще сочиняются.

Йосеф ТЕЛУШКИН — раввин, автор ряда известных книг по еврейской истории, традиции, культуре. Живет в США.

Другие шутки не имеют связи с беспокоящими темами, а дают явственные примеры сущности еврейского ума. Шутки относительно логики и аргументации исходят непосредственно из еврейского опыта и еврейской созидательности, подобно тому, как из опыта возникают шутки относительно ассимиляции и вербальной агрессии. Талмуд, один из двух краеугольных камней иудаизма, (другой — это, конечно, Тора) уделяет массу внимания нахождению логических решений правовых или ритуальных проблем, с очевидностью неразрешимых. Наиболее изучаемые его шестьдесят три трактата Бава Мециа, открываются головоломкой: два человека пришли в суд, вцепившись в узел с одеждой. Каждый утверждал, что он первый его нашел, чему не было свидетелей. Талмуд отводит целые страницы, а средний студент ешивы — десятки часов, — в попытке найти логический подход к установлению права собственности на узел с одеждой.

Возможно, нет другой культуры, в которой столько народу занимало себя подобными правовыми головоломками. Естественно, что пародии на талмудические диспуты нашли дорогу в мир еврейского юмора:

Мужчину, пойманного с женой другого, привели к раввину.

- Ты — низкий, подлый человек, — сказал ему раввин.

- Ведь Вы не наложите на меня проклятье, рабби, пока не позволите изложить доводы, что я невиновен? Допускаете ли Вы, что я вправе спать со своей собственной женой?

- Несомненно!

- И Вы подтверждаете, рабби, что человек, обвинивший меня, вправе спать со своей женой?

- Конечно, что за вопрос!

- А может ли этот человек спать с моей женой?

- Это отвратительно! Конечно, нет!

- Теперь, рабби, все обретает смысл. Вы сами заключили, что я имею право спать с женщиной, с которой мой обвинитель не имеет права спать. Тем более, я имею право спать с женщиной, спать с которой даже он вправе.

Семейные отношения также стоят в центре внимания евреев. Хотя семья есть важный момент для всякого общества, евреи, похоже, говорят об этом чаще других. Вот почему выражение «настоящая еврейская мать» имеет ввиду сверх меры озабоченную мать любого этнического или религиозного происхождения. Писатель Герберд Голд замечает, что слово «семья» с такой же неизбежностью следует за словом «еврейская», с какой слово «рак» следует за словом «легкие».

Конечно, вышеописанные характеристики едва ли ограничены одними евреями. Если бы это было так, еврейские шутки прошли бы мимо неевреев. Однако, давно установленное еврейское преобладание в американской комедии, — за последние сорок лет до 80% ведущих комиков были евреи, — делает законным предположение, что еврейский юмор привлекателен для всех.

В 1920 гг. еврей из маленького польского штетла (местечко, городок) посетил Варшаву. По возвращении он рассказал приятелю о необыкновенных вещах, им увиденных:

«Я видел еврея, который вырос в ешиве и знал большие куски Талмуда наизусть. Я встретил еврея, который был атеистом. Я встретил еврея, владевшего громадным магазином одежды со множеством служащих, и я встретил еврея — преданного коммуниста.

«Ну, что ж в том странного? — спросил его приятель. — Варшава — большой город; в нем должно быть миллион евреев».

«Ты не понимаешь, — ответил собеседник. — Это был один и тот же еврей».

Что такое еврейская телеграмма? Вскрываем и читаем: «Начинайте беспокоиться. Подробности письмом».

Группа престарелых пенсионеров собиралась по утрам в одном кафе в Тель-Авиве, чтобы часами попивать кофе и обсуждать ситуацию в мире. В мире была такая ситуация, что их разговоры о ней могли вызвать только депрессию. Но однажды один из них поразил остальных заявлением: «Знаете что? Я – оптимист». Остальные были в шоке, пока один из них не заподозрил подвох: «Секундочку! Если Вы оптимист, то почему у Вас такой озабоченный вид?» «Вы думаете, легко быть оптимистом?»

Еврейская логика

Согласно католикам, человеческий зародыш становится личностью с момента зачатия. Согласно евреям, зародыш остается зародышем до выпуска из медицинского факультета.

Рестораны в Манхеттене

В одном еврейском ресторане официант принял заказ, превосходно говоря на идиш. Когда он ушел на кухню, посетитель вызвал управляющего:

«Где вы нашли китайского официанта, который говорит на идиш?» – «Ш-ш, — сказал управляющий. — Он думает, что учит английский!»

Город Хелм в Польше — символ тупости и захолустья

Хокман, еврейский учитель, и Личинский, Хелмский раввин, потягивали чай и обсуждали городскую экономику.

«Большая несправедливость ложится на плечи бедняков! — вздохнул Хокман. — Богатые, у которых денег невпроворот, могут покупать в кредит. А бедняки, у которых не найдется и двух грошей, чтоб позвенеть друг об дружку, должны платить за все наличными. Разве это справедливо?»

«Конечно!» — сказал рабби.

«Должен быть иной путь, — стоял на своем учитель Хокман. — Богатому следует платить наличные, а бедный должен иметь возможность покупать в кредит».

«Восхищаюсь твоими идеями, — сказал рабби. — Однако торговец, расширивший кредит на бедных, вскоре сам обеднеет».

«Ну и что? — возразил еврейский учитель. — Тогда он тоже сможет покупать в кредит».

Евреи в бизнесе

Евреи из одной польской деревни выжили во время Гитлеровской оккупации и, переселившись в Израиль, организовали кооперативную птицефабрику. Они достигли процветания, но сохранили чувство благодарности старику-крестьянину, спасшему их от нацистов. Сложившись, они послали ему билет, по которому он в конце концов приехал посетить Израиль. Крайне гордясь своими достижениями, они показали ему оборудование и продемонстрировали новые агротехнические методы. Наконец они показали, как куры-несушки несутся круглые сутки при круглосуточном освещении помещений. Гость покачал головой: «Эх, жиды, жиды! Тут у вас нет ни одного честного поляка, вот вы и крутите головы курам!»

Материализм

Сексуально привлекательная молодая женщина появилась на званом обеде под руку с мужчиной гораздо ее старше. Во время обеда ее соседка сказала ей: «Что за роскошные у вас брильянты. Кажется, это самые замечательные брильянты, которые я видела в своей жизни».

«Спасибо! — ответила молодая женщина. — Это знаменитые брильянты. Они называются брильянтами Плотника».

«Брильянты с именем! — воскликнула соседка. — Как романтично! Нет ли за ними какой-либо истории?»

«Конечно, есть! На них даже наложено проклятье».

«Проклятье? — интерес соседки достиг высшей степени. — Какое же?»

«Мистер Плотник!»

Хуцпа

Когда президент Дуайт Эйзенхауер встретился с израильским премьер-министром Давидом Бен-Гурионом, то по какому-то поводу американский президент заметил: «Очень трудно быть президентом 170 000 000 граждан».

Бен-Гурион откликнулся: «Быть премьер-министром 2 000 000 премьер-министров много труднее».

Мэр маленького городка в Израиле гулял с женой около стройки. Один из строителей окликнул женщину: «Как дела, Офра?»

«Рада видеть тебя, Ицик!» — ответила женщина. Она представила строителя мужу, и они поговорили несколько минут. Когда муж с женой удалились, муж спросил жену: «Откуда ты знаешь этого человека?»

«Мы были влюблены в школе. Однажды он даже сделал мне предложение».

Муж засмеялся: «Ну, тогда ты должна быть мне очень благодарна. Если бы не я, быть бы тебе женой строительного рабочего».

«Нисколько! — ответила жена. — Если бы я вышла за него замуж, быть бы ему сейчас мэром».

Антисемитизм

Один еврей выжил в концлагере, потеряв в газовой камере всех своих родных. Чиновник по переселению спрашивает его, куда бы он хотел поехать.

Тот отвечает: «В Австралию!»

«Но ведь это страшная даль» — говорит чиновник.

«От чего?» — спрашивает еврей.

Во время Второй Мировой войны одна матрона из южного штата позвонила на местную военную базу.

«Мы сочтем за честь, если вы пришлете пятерых солдат на наш обед в День Благодарения», — сообщила она сержанту, поднявшему трубку.

«Весьма любезно с Вашей стороны, мадам», — ответил сержант.

«Только позаботьтесь, чтоб не было евреев».

«Понимаю Вас, мадам».

В положенное время в День Благодарения женщина слышит дверной звонок и видит пятерых черных солдат, вытянувшихся у двери. (!?)

«Мы приглашены на обед в честь Дня Благодарения, мэм», — говорит один из солдат.

«Но... но... сержант сделал ужасную ошибку», — говорит женщина.

«О нет, мэм, — отвечает солдат, — сержант Гринберг никогда не делает ошибок».

Женщина, говорящая с сильным идишским акцентом, зашла в роскошный ресторан.

«Мы тут не занимаемся евреями», — говорит ей управляющий.

«Фсе ф порядке! — отвечает женщина. — Я их не ем».

Гручо Маркс женился на нееврейке. Когда их сыну отказали в приеме в закрытый загородный клуб, Гручо послал туда телеграмму: «Так как мой сын только полуеврей, то по справедливости, он мог бы допускаться в бассейн до талии».

Альберт Эйнштейн сказал: «Если моя теория относительности получит признание, то немцы объявят меня немцем, а французы заявят, что я — гражданин мира. Если же моя теория окажется неверна, то французы скажут, что я — немец, а немцы, что я — еврей».

Шутки русско-еврейских диссидентов

«Правда, что и Советская, и Американская Конституции гарантируют свободу высказываний?»

«Правда. Однако Американская Конституция гарантирует свободу и после высказываний».

Украинский еврей обратился в ОВИР за разрешением на выезд в Израиль.

«Зачем Вы хотите уехать из лучшей в мире страны?» — спросил его работник ОВИРа.

«Есть на это две причины, — ответил еврей. — Каждый раз, как мой сосед напивается, он барабанит в дверь моей квартиры и вопит: «Подожди, пока мы не покончим с Советской властью. Тогда мы все поднимемся и разделаемся с вами, евреями». Ну вот, я не хочу ждать».

Работник ОВИРа засмеялся: «Не обращай на него внимания. Советская власть будет стоять вечно».

«Это — вторая причина», — сказал еврей.

Ассимиляция

Еврей-хасид уехал из своего родного местечка в Польше и поселился в Лондоне. Он тотчас избавился от своих религиозных привычек и характерной одежды, желая превратиться в подлинного британца. Он поступил в школу юриспруденции и благодаря женьеве вошел в престижную ассимилированную еврейскую семью.

В один прекрасный день он получает телеграмму от своего престарелого отца, предупреждающего, что тот собирается приехать в гости. Молодой человек в панике. Он встречает отца в порту и говорит ему: «Папа, если ты покажешься в моем доме в ермолке и с длинной бородой, это разрушит мое положение. Ты должен подчиниться всему, о чем я буду тебя просить». Отец согласился. Молодой человек привез отца к лучшему лондонскому портному, тот сделал ему современный костюм. Тем не менее, старик выглядел чересчур евреем. Затем он пошел с ним к парикмахеру. Борода была сбрита, и отец стал больше похож на британского джентльмена. Но оставалась одна проблема: пейсы, спускавшиеся с висков и из-за ушей. «Сожалею, папа, мы должны их состричь». Старый отец не ответил. Парикмахер отстриг пейсы с одной стороны. Отец не выказал эмоций. Но когда парикмахер начал отстригать пейсы с другой стороны, слезы заструились по отцовскому лицу. «Почему ты плачешь, папа?» — спросил молодой человек. «Я плачу, потому что мы потеряли Индию».

Пожилая еврейка оставила дом и отправилась в Индию. Она двигалась пешком по холмам и среди гор. Пересекала ущелья и потоки и в конце концов прибыла в маленькую удаленную деревню среди высоких и крутых гор. На вершине одной горы находилось святилище, давнее приют великому гуру Бабе Ганеш. Женщине понадобилась вся ее женская настойчивость и долгие часы подъема, чтоб достичь этого места. Там она объявила, что пришла увидеть великого гуру.

«Невозможно! — сказал помощник. — Никто не будет допущен к великому гуру в течение ближайшего полугода».

«Но я должна его видеть», — заплакала женщина и села у входа без пищи и воды. Прошло три дня. В отчаянии помощник предложил ей компромисс: «Ладно, я проведу Вас к Высокоchetti-мому, но Вы должны пообещать не говорить ему более трех слов». Женщина пообещала. Он повел ее вдоль мраморного перехода, где богатые ковры и занавеси украшали стены. Затем через арку они вошли в комнату, примыкающую к залу. Молодой человек сидел на бамбуковой

циновке в позиции йога и скандировал: «Ом чанти».

Женщина сделала несколько шагов, остановилась перед ним и смиренно обратилась к нему: «Пора домой, Шелдон!»

Смешанные браки

Звонит телефон, и мать берет трубку. Говорит ее дочь: «Мама, я обручилась».

«Мазаль тов!» — От радости у матери даже голос срывается.

«Но ты должна кое-что понять, мама. Джон нееврей».

Мать не отвечает.

«И еще он ищет работу. Пока у нас нет ни цента».

«Ничего страшного, — говорит мать. — Переезжайте жить к нам. Мы дадим вам нашу спальню».

«А вы?»

«Папа будет спать на диване в гостиной».

«А ты, мама?»

«Обо мне не беспокойся. Как только я повешу трубку, я выпрыгну в окно».

Еврейский юноша поступает в колледж. Отец говорит ему: «Послушай, мы в семье никогда не были слишком соблюдающими, и я не жду от тебя, что ты вдруг станешь религиозным. Обещай мне, однако, одну вещь: никогда ты не женишься на шиксе».

Юноша обещал. И, конечно, на старшем курсе он влюбился в нееврейку. Она ответила взаимностью, но он сказал, что не может жениться, так как она нееврейка.

«Не беспокойся, — сказала девушка. — Я сделаю гиюр».

После трудного курса обучения девушка перешла в иудаизм. Они поженились и уехали в свадебное путешествие. Спустя четыре недели, в 9 утра в субботу раздался дверной звонок. Это был отец юноши, и он был очень раздражен.

«Ты ведь знаешь, что в последнюю субботу каждого месяца мы проверяем бухгалтерские книги. Почему ты не пришел?»

«Я не мог придти! — сказал молодой человек. — Жена сказала, что это нарушение святости субботы».

«Говорил я тебе, — крикнул папаша, — не женись на шиксе!»

Благотворительность

Силач-геркулес в цирке поражает зрителей своей мощью, кидая тяжести над головой и разбивая кулаком кирпичные стены. Завершая программу, он выжимает лимон. Цирковой директор объявляет: «Я дам от себя две сотни долларов каждому, кто выжмет еще одну каплю». Два силача из публики пробуют, но не добиваются успеха. Выжатый лимон сух!

«Есть кто-нибудь, кто готов попытаться?»

Невысокий худощавый человек выходит на арену. Он берет лимон и сжимает его одной рукой. Сок так и брызжет. Директор цирка вручает мужчине два сотенных билета и в полном изумлении спрашивает: «Кто Вы такой? Чем Вы занимаетесь?»

«Я — Сеймур Гольдштейн, — отвечает мужчина. — Я собираю пожертвования для Объединенного Еврейского призыва».

*Из «Jewish Humor. What the Best Jewish Jokes Say About the Jews»
by Rabbi Joseph Telushkin, William Morrow and Co, Inc. New York, 1992*

Перевод В.Магарик

«В ЭТОМ ГОДУ ТАРАРАМА НЕ БУДЕТ»*

Эфраим КИШОН

Эфраим КИШОН — самый известный в мире израильский писатель. И — никаких «... один из...»! А так вот, прямо — самый известный в мире. Его рассказы, романы, пьесы переведены (и переводятся ныне, — Эфраим — живой классик, наш с Вами современник!) практически на все сущие языки.

Эфраим Кишон — лауреат Государственной премии Израиля в области литературы за 2002 год. А несколько ранее он удостоен премии Союза экспортеров Израиля, — книги Кишона оказались прибыльным экспортным товаром.

Таких (и многих иных!) высот известности, популярности Эфраим Кишон достиг, создавая произведения на иврите (с которым впервые стал знакомиться в весьма зрелой юности), тогда как родной его язык — венгерский.

Эфраим Кишон — известнейший израильский сатирик. Его сатира беспощадно остра и бесконечно изящна. Тонким юмором и поэтическим лиризмом напитаны рассказы Кишона, которых не счесть, посему скажем — их тысячи.

Малую толику из изобилия Кишона-рассказчика мы и предлагаем Читателю нашего журнала. Приведенные ниже рассказы позаимствованы из сборника Эфраима Кишона «Семейная книга» в превосходном переводе с иврита Марьяна Беленького.

МУРАВЬИНОЕ ЛЕТО

Квартира на первом этаже имеет одно преимущество и один недостаток. Преимущество в том, что не вам нужно подниматься, недостаток — в том, что муравьям тоже не нужно. Вследствие чего каждое утро через наш порог следует по своим делам вереница муравьев, проходит по стене у хлебного шкафчика и следует непрерывной шеренгой в обоих направлениях через мойку. Эти черные насекомые с маниакальным упорством тащат на себе все, что попадает им под руки.

Говорят, что такое частенько бывает на первых этажах и что это лето выдалось на редкость муравьиным. Тем не менее, жена приняла однажды утрам судьбоносное решение:

- Уничтожать их по одному нет никакого смысла, - предположила она, — надо выявить их гнездо.

Мы пошли вспять от нашего дома вдоль шеренги. Она вела от порога в сад, там временно исчезала под оградой, затем выныривала с другой стороны ограды, а оттуда шла на север зигзагами, на земле и под землей. На подступах к Герцлии мы остановились.

Господи, - сказала жена, — они приходят из-за границы...

Почему же они идут именно к нам? Что особенного в нашей раковине, черт подери! На эти вопросы только муравьиная царица может дать исчерпывающий ответ. Сами муравьи создания совершенно гистадрутовские - рабочие лошадки из тех, кто тащит все на себе, не задавая лишних вопросов.

Жена тоже не сидела сложа руки у мойки. Она приобрела особый концентрированный яд от муравьев и рассыпала его по всей дороге — от порога, и действительно, на следующий день муравьи двигались тяжело, ибо им нужно было перебираться через горы рассыпанного повсюду яда. Никакого другого вреда яд им не причинил. Мы распылили на них мощные струи яда: в результате те, кто шли первыми, пали, а остальные шли по их трупам, навстречу своей судьбе прямо в нашу мойку, без всяких помех...

*«Семейная книга» - Мосты культуры, Москва, 2002. Перевод М.Беленького.

- Да, нервы у них крепкие, надо признаться, - отметила жена и промыла нефтью всю кухню. Муравьи исчезли. На двое суток. Мы тоже. После этой краткой передышки в борьбе шеренга возобновила свою работу как прежде, муравьи даже сделались более проворными.

Они обнаружили сироп от кашля, окружили его, пили допьяна и больше никогда не кашляли.

Жена оставила свои принципы и перешла на индивидуальное обслуживание, то есть обрекала на верную смерть сотни, а то и тысячи бойцов каждое утро.

- Это не помогает, — сказала она, прекратив геноцид, - они как китайцы...

Наступила пора огурцов. Жене кто-то сказал, что муравьи не терпят запаха огурцов, и она разложила кусочки вдоль всего маршрута, от входа, у ящика с хлебом, до мойки. Очень быстро выяснилось, что муравьи вышеуказанного договора не признают. Они в своей повестке дня перешли к огурцам, и некоторые из муравьев как будто открыто над нами насмехались.

Мы обратились в Управление муравьев с просьбой об инструктаже:

- Что делать?

- Ничего, - сказал генеральный директор, - у меня тоже муравьи на кухне...

С тех пор мы обрели покой. Мы лаем, а караван идет через хлебный ящик прямо в мойку. Они уже стали частью пейзажа нашей квартиры. Каждое утро проверяем - все ли с ними в порядке. Муравьи нас знают и приветливо машут членистыми лапками. Мы с ними как два старых заклятых врага, которые научились ценить друг друга после благородных схваток. Вот вам поучительный пример мирного сосуществования.

КУПИТЕ СЛОНА!

На заседании домкома ко мне подошла госпожа Фиалков:

- Сейчас самое время покупать слонов.

- Почему именно сейчас?

- Потому что цены остаются такими, как до повышения доллара, — шесть шекелей за кило плюс семьдесят два процента налога за покупку и девяносто пять процентов таможенной пошлины. Были б у меня деньги, я бы немедленно купила слоника.

Тут подошел Зелиг:

- Ну вот, сейчас все бросятся покупать слонов, так что не удивляйтесь, что цены на них подскочат, это отразится на стоимости потребительской корзины, потом дадут прибавку на инфляцию, и мы придем в ту же самую исходную точку.

- Покупать сейчас слона, - заметил Циглер, — это идиотизм. Кто сегодня покупает товары из стран со слабой валютой? Да вы же ничего не понимаете! Цены слонов не привязаны к доллару, и при любом повышении курса слоны упадут в цене!

- Вот поэтому надо покупать слонов, пока они дешевые, — вставила госпожа Фиалков, — ибо есть шанс, что они подорожают! А когда они подорожают, то не будут стоить и ломаного гроша, так как продать их не удастся. Кто же будет покупать дорогих слонов без шанса их выгодно перепродать!

- Ты уже достал слона? - спросила меня жена, когда я вернулся домой. — У всех уже есть слоны. Почему я, как какая-то дура, должна мучиться без слона?

Я пошел к знакомому торговому посреднику.

- Нету у меня слонов, - ответил он.

Однако в углу, за клеткой с попугаем, преспокойно стоял слон.

- Ах, этот, — сказал торговец, покраснев, — совсем забыл. Этот уже продан. Вообще-

то у меня в порту еще два слона, но я их растаможить не могу. За них надо такую пошлину платить...

«Ну ладно, — подумал я, — жили же до сих пор без слона, и, кажется, неплохо».

Навстречу мне шел Циглер, ведя за собой на веревочке слона.

- Циглер, Признайтесь, где вы достали слона?

- Какого слона?

- Циглер сделал удивленную мину, пытаясь заслонить слона спиной. — Ах, этого? Это не мой. Меня соседка попросила погулять с ее слоном, — сказал Циглер, заливаясь краской.

Дома меня ждал скандал.

- Все в жизни устраиваются, кроме тебя, — бушевала жена, — у всех есть слоны. Козны в стране без году неделя, а у них уже пара слонов. Одни мы так и проживем всю жизнь без слона! Господи, если б я вышла за Каца, у нас было бы уже стадо слонов!

За стеной нашей квартиры слышались топот и трубление. Пожалуй, в доме не осталось ни одной квартиры, кроме нашей, где бы не было слона. Утром в газете появилось заверение правительства, что слоны больше дорожать не будут, после чего всем стало ясно, что надо ждать очередного повышения цен на них.

- Иди и без слона не возвращайся! — напуговала меня жена утром.

- К вечеру я достал слона с паспорта на паспорт у нового репатрианта, которым про- давали слонов без налога.

- Ну наконец мы заживем как нормальные люди, — обрадовалась жена.

Ночью наш дом развалился, не выдержав слоновой нагрузки. По развалинам гуляли одиннадцать слонов. Всего этого, разумеется, не случилось бы, если бы слоны были привязаны к индексу инфляции. Разумеется, пока наша экономика еще хромает. Но у нас, разумеется, нет иного пути к экономической независимости.

В ЭТОЙ ГОДУ ТАРАРАМА НЕ БУДЕТ

Воскресенье

Утром женушка заявила, что, несмотря на наступающий праздник Песах, в этом году она не собирается переворачивать весь дом вверх тормашками. Как будет выглядеть дом, если его по совести убирают лишь раз в год?

- Основательная уборка на Песах, — сказала она — не только стоит немалых денег и сил, но и может помешать нормальной жизни. Разумеется, нужно ценить место, где ты живешь, но я не собираюсь ценить его настолько, чтобы отдавать все свои силы уборке. Достаточно лишь тщательно подмести. Поэтому я не прошу у тебя ничего, кроме замены щеток на швабрах — в них стерлась резьба. Ты не сердись, я надеюсь?

- С чего бы мне сердиться, — ответил я, сходил в магазин и приобрел две щетки с длинной щетиной, дабы продемонстрировать жене, как я ценю ее умеренность в том, что касается домашнего хозяйства. Вернувшись домой, я заметил веселый ручеек, протекающий перед нашим домом. Жена решила, что не мешает вымыть полы перед тем, как начать их мести.

Руководствуясь этой идеей, она наняла одну женщину для мытья полов и еще одну — носить воду, а так как та, что носила, работала быстрее, чем та, что мыла, то образовался ручеек.

- Мы за полдня закончим это, и все, — заметила женушка, — мне не нужен целый тарарам в квартире.

Сказать по правде, я очень обрадовался тому, что в этом году все будет так быстро кончено, поскольку сегодня мы ели на обед яичницу, а этого, извините, недостаточно на

фоне нашего высокого уровня жизни. Заодно были сняты и складные ставни с окон, потому что они имели тенденцию скрипеть на ветру. Слесарь сказал, что нужно купить новые шарниры киндли, поскольку старые испортились. Он послал меня к Дорману в Яффо, заявив, что у него самого нет времени мотаться по городу. Ладно.

Понедельник

После обеда вернулся от Дормана с киндли. Я купил оригинальные бельгийские за девятьсот двадцать семь лир. Дорман сказал, что есть такие же отечественные за двести, но это не то.

- Бельгийские, — сказал он, — будут работать, пока господин жив. Они могут продержаться даже пять лет.

Ручеек у дома усилился. Я не смог войти через дверь, потому что обивщик выставил все кресла в коридор. Мебель из гостиной была в кухне, кухонное оборудование — в туалете, а туалет — у соседей. Я запрыгнул через окно и упал в гашеную известь, которую маляр размешивал в ванной.

- Убирать, так убирать, — информировала жена. — Я подумала, что стоит уже заодно и стены покрасить. Но это все.

Жена только, попросила меня переговорить с маляром насчет цены, упирая на то, что я мужчина. Мы сошлись на пяти тысячах пятидесяти лирах, включая шпатель. И двери тоже. Маляр уже снял их и положил на кровати горизонтально. Кровати уже были разобраны тремя новыми работницами — для чистки бензином и смазки, но после сборки они приобрели наклон к ногам. К ансамблю присоединилась третья солистка, которая приносит воду той, что приносила раньше. Слесарь проверил шарниры и сказал, что они двухдюймовые, а надо трех-, и послал меня назад к Дорману. Жена спала на верхней полке этажерки у подножья энциклопедии, а я улегся на письменный стол, и на мою поясницу все время давила одинокая сапожная колодка. Ужин: яичница.

Вторник

Дорман рассердился, сказал, что киндли всегда бывают на три дюйма, и отослал меня обратно. В садике я наступил в битум, и мне с трудом удалось отчиститься в салоне, где теперь находилась ванная, потому что в ванной меняли облицовку на светло-зеленую (восемь тысяч триста пятьдесят лир). Жена полагает, что лучше все закончить за раз. Электрик, вызванный по случаю короткого замыкания, рекомендовал заменить всю внутреннюю проводку в трубах Бермана, выключатели Флейшмана и провода Гольдштейна всего лишь за шесть тысяч четыреста тридцать лир. Слесарь заявил, что бельгийские таки да, на три дюйма, но это дюймы английские, а нужны немецкие. После чего снова послал меня, к Дорману.

Маляр дошел до середины потолка и там поднял цены.

- За несколько недель до Песаха я всегда поднимаю цены - сказал он, — ведь все говорят, что нельзя ждать до самого праздника, потому что тогда растут спрос на мастеров и цены, поэтому люди приходят за несколько недель до Песаха, и из-за этого цены повышаются...

Он просил привезти ему лак «Спешиал» из Хадеры, потому что у него самого нет времени на беготню; кроме того, он заказал замазку, две пачки сигарет и шляпу из итальянской соломки. Количество солисток в ансамбле увеличилось до четырех. Проблему сна я разрешил сравнительно легко. Вынул вещи из большого зимнего одежного шкафа, запер их в холодильник, выволок шкаф на балкон и растянулся в нем. Мне снилось, что меня хоронят и во главе процессии шествует делегация мастеров с букетом цветов. Жена не делала из всего этого проблем, она спала в бельевой корзине и встала утром свежая и подобревшая. Яйцо всмятку.

Среда

Дорман объяснил, что у шарниров киндли нет разницы между английскими и немецкими дюймами, и послал меня обратно ко всем чертям. Слесарь задумался, затем оттащил меня в сторону и спросил:

- А что такое вообще эти шарниры киндли?

В квартиру зайти он все равно не мог, потому что плиточник за ночь снял всю плитку с пола. Желю давно тянуло сделать пол светлым (10 840), и она решила — переложим пол, и на этом все. Сейчас в квартире работают шестнадцать человек, включая меня. Особенно мешает шум рабочих, которые ломачи и кирками разбирают стены между комнатами.

- Я тут говорила с одним строительным подрядчиком, он разбирается в этом не хуже инженера, — заметила жена, — так он посоветовал разобрать стену между спальней и твоим кабинетом, и так у нас получится просторный зал для приема гостей. Поэтому то, что до сих пор было гостиной, оказалось совершенно излишним, — зачем же нам два зала для гостей? — значит, старую гостиную можно теперь разделить пополам, поставив стену посередине, и у нас получится кабинет для меня и спальня...

Я взял лестницу и срезал ножницами все люстры в доме. Убирать, так убирать. Не люблю наполовину сделанную работу. Случайно я обнаружил в квартире двух мужчин, дрожащих всем телом. Как выяснилось, это были археологи, которые шлялись поблизости и решили, что у нас ведутся раскопки. Пока они настаивали на своей ошибке, я уже не мог выйти из квартиры, потому что дверь была заставлена резным шкафом, в котором стояла стиральная машина. Я повесил большой чемодан на резную завитушку и улегся в него. Подрядчик (1800) предложил (650) перенести (1240) кухню на крышу, а крышу опустить в туалет. Я сказал:

- Вам надо поговорить с женой — она в этом году не хочет устраивать тарарам.

Жена закрылась внутри патефона, утверждая, что она отчего-то нервничает. Два сырых яйца.

Четверг

Сегодня я от Дормана не вернулся. Ночевал в городском саду, чтобы перевести дух. Покушал травки и запил водой из фонтана. Замечательно. Ну, как заново родился.

Пятница

Дома меня ждал приятный сюрприз. Вместо квартиры я обнаружил большую дыру, и лишь два археолога лазили по развалинам, разыскивая древние кувшины. В садике стояла жена и счищала пылинки с одежды. Полиция сдерживала толпу.

- Если уж убирать, так я подумала — стоит разломать дом и построить заново.

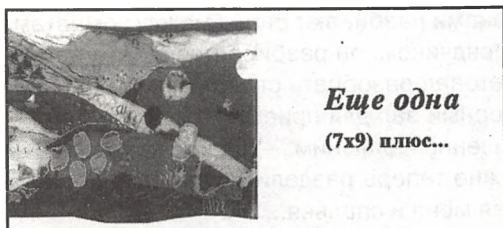
- Конечно, но продолжим только после праздников, когда будет дешевле, — ответил я. Во всяком случае, квасного в доме не осталось.

Михаил ХЕЙФЕЦ

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЭПОХИ

(Ш. Гельцер. «Еще одна», Хайфа, 2000)

Я люблю такие книги, бесхитростные в их наивной правдивости, но потому-то и столь важные для любого историка.

Шошана Гельцер, жена известного востоковеда, да и сама — человек многих интересных профессий, написала «еще одну книгу о жизни и смерти», сопроводив жизнеописание подзаголовком «(7x9) плюс»: каждая глава в ней посвящена отдельной «семилетке» из жизни автора — и на момент сдачи рукописи в печать десятая семилетка еще не была завершена («плюс»)...

Что же так привлекает меня в тексте?

Мало мемуаристов, способных устоять перед неизбежным искушением: подводя итоги жизни на старости лет, «подправить» свою биографию — изобразить себя поумнее, чем сам оказался в жизни, попорядочнее, поталантливее... Что-то автоматически выкинуть из своей памяти, что-то наоборот выделить, если тебе выгодно. Да и вообще люди любят сочинять истории из своей жизни, искренно уверовав, что «так оно все и было». За собой, любимым, увы, замечал...

Это как бы естественно для человека, но беда, что опускают-то мемуаристы иногда самое важное, самое интересное в эпохе из увиденного ими. Шошана Гельцер, «простая душа», написала все вроде так, как помнится, но, оказалось — запомнила детали эпохи, которые до нее мало кто запечатлел для истории.

...Вот она девочка в довоенном, еще польском Вильнюсе. Относительно благополучная еврейская семья: отец — врач, мать — медсестра. Семья совершенно светская, про отца евреи говорят: «Есть трешное, а зарабатывает кошерно», т. е. помогал беднякам бесплатно или за низкую плату, а иногда — за свой счет. Но... еврей-врач не мог получить в Вильнюсе ставку государственного врача — как бы ни работал, как бы ни хорош был как специалист!... И мама — прекрасная медсестра и домашняя учительница, но «по неписаному закону получить работу медсестры или домашней учительницы в 20-30-х гг. в Вильно еврейская женщина могла, и то с трудом, только если была незамужней, разведенной или вдовой. Замужние женщины могли только помогать мужу-врачу» (стр. 31). А ведь «работу» подобных «неписанных законов», определявших всю повседневную жизнь, историки не отыщут ни в каких официальных документах.

И вот, наконец, в конце 30-х гг. пришла в город литовская «буржуазная» власть. «В принципе это была власть довольно-таки демократическая». Но в Вильно-Вильнюсе, например, она начала деятельность с того, что уволила пару сотен поляков — государственных служащих из мэрии, с железной дороги, из разных учреждений. Конечно, уволенные были охвачены отчаянием. Как же отреагировала толпа? «Угадали — еврейским погромом... Начали громить еврейские лавки, мастерские, парикмахерские... Доктор Яков Выгодский... бессменный лидер еврейской общины, взял свою палку и пошел на советскую военную базу... Тогда советские танки и танкисты были спасателями» (стр. 44).

Так исчезает удивление у историков: почему отнюдь не пролетарии, а напротив, «мелкая буржуазия», община литовских евреев, обреченная на советские репрессии, все же радостно встретила потом оккупацию Литвы Советами... Даже те, кто по натуре были добрыми и хорошими людьми!

...А вот эпизод, запомнившийся мне из другой авторской «семерки». Поезд с беженцами от наступающих гитлеровских

войск «двинулся на восток, далеко не переполненный. 24 июня он остановился у прежней советско-польской границы. Всех пассажиров попросили выйти из вагона и расположиться на насыпи. Стали проверять документы и впускать в вагоны только тех, у кого были советские паспорта. У большинства виленцев таковых еще не было... Размахивая справкой, что она врач в советском учреждении, моя сестра Белла попросту оттолкнула часового, и мы очутились в опустевшем вагоне... Несколько сотен виленцев остались: их посадили в открытые вагоны и вернули в Вильнюс. Большинство из них погибло» (стр. 50-51).

Подобные неизвестные (во всяком случае, подавляющему большинству обычных читателей) эпизоды истории заполняют весь текст. Да вот, к примеру, известная, многократно описанная в литературе тема: жизнь в эвакуации. Папа героини, вернулся-таки в родной Вильнюс. «Папа был слаб, подавлен, страшен... Начальник больницы, где он работал, добился для него места в стационаре дистрофиков в Ленинграде. Думаю, папе дали сопровождающего, когда везли в Ленинград. Его там хорошо подлечили. Он пробыл в ней больше года» (стр. 63). Один такой эпизод больше расскажет о жизни в тылу во время войны, чем десяток романов!

Очень тонко и точно переданы Шошаной особенности отношений юношей и девушек, почти инстинктивное стремление пожертвовать своим личным выбором ради сохранения народа... Или, например, как после войны к литовским евреям вернулся «наш детский страх перед безработицей» (стр. 86). Или удивительная откровенность автора: «5 марта 1953 годы было объявлено о смерти Сталина. Я боялась, что станет еще хуже» (стр. 87). Немногие из нас сегодня в этом признаются! А ведь так все и было... И даже – еще сложнее!

На деле, эта маленькая книжица – некий вид летописи особой ветви еврейства, его литовской общины XX века. Вот, к слову, особые истории, связанные с поступлением героини в вуз – да, как бы нормальная советская дискриминация, а... все-таки она

(дискриминация!) куда более мягкая, чем была в России. И устройство на работу – да, проходило с обычными советскими преградами, а все-таки куда легче преодолимыми местными евреями... Пример: муж Шошаны – историк, востоковед, беспартийный, держать его в черном теле – это как бы положено при «Софье Власьевне», но все же – не сразу, конечно, далеко не сразу – на работу приняли, сначала почасовиком, потом – на полставки, потом – дали возможность защитить диссертацию, стать доктором историческим наук, печатали... И статьи приметили в далеком Израиле... Что мне особо нравится в авторской интонации: в ней нет привычного нытья на «еврейские сюжеты», наоборот, страницы излучают вечный оптимизм и уверенность, возможно даже излишне светлые, но все же особо приятные оттого, что национальные качества — «терпение и труд — все перетрут». И смелый для еврейского автора сделан вывод: в общем-то, если честно сказать, так ведь хорошо в целом жило еврейство в советской Литве – вопреки всему и вся. И не потому оно снялось оттуда и уехало, что соблазнилось, польстилось на израильское «богачество», нет, и в Литве жилось в целом благополучно и по-своему комфортно, не за колбасой люди уехали к нам – за иной жизнью. Скорее всего, в евреях заговорило непреодолимое желание творчества – стать создателями своей судьбы в рамках национального этноса, делать своими руками и мозгами свое государство! Нелегко давался этот выбор массе обывателей, и Шошана с юмором описывает драку (из-за Израиля!) двух голых евреек на женском пляже... Да и по прибытию все складывалось непросто. Но – то была живая жизнь, а не монотонно благополучное существование.

Еще раз повторю в завершение: я люблю подобные безыскусные книги побольше любых изощренных романов.

К слову, «Еще одна» (жизнь? книга?) иллюстрирована рукодельными творениями самой Шошаны: она и это, оказывается, научилась делать...

Михаил КОПЕЛИОВИЧ

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ (О новых рассказах Дины Рубиной)

Хотя Дина Рубина давно находится в Москве и, насколько известно, занята своими прямыми («сохнутувскими») обязанностями 24 часа в сутки, тем не менее в израильской периодике то и дело появ-

ляются плоды ее «досугов». В одном только 2002 году вышло десять рассказов: два в журнале «Слово писателя» (№1) и восемь в двух номерах (№11 и 13) «Иерусалимского журнала».

Рассказы в №11 «ИЖ» и «Слове писателя» в той или иной степени посвящены «странностям любви». Что касается №13 «ИЖ», представляющего три относительно больших вещи, то любовь в них если и есть, она — другая. (Олег Чухонцев: «Нет, не любовью, видно, а бедою/ выстрадаваем мы свое родство,/ а уж потом любовью, но другою,/ не сознающей края своего»).

Собственно любовные истории Дины Рубиной сюжетно разнообразны, однако имеют некий «общий знаменатель». Все они, небла-

гополучны, кончаются либо разрывами («Гобелен», «Голос метро», «На долгом светофоре»), либо трагическим уходом из жизни одного из любовников — то в результате внезапной болезни («Две истории», «Мастер-тарабука»), то вследствие авиакатастрофы («Область слепящего света»).

Спрашивается: почему писательница настойчива в изображении именно таких коллизий в отношениях своих персонажей? То есть насколько принципиален для нее без конца варьируемый, но неизменный по результату крах любовного «поединка» двух нормальных человеческих особей с традиционной сексуальной ориентацией?

Ну ладно, в «Гобелене» немолодая героиня вспоминает свою первую влюбленность, в которой, по выражению Юрия Трифонова («Дом на набережной») превалирует не глубокое чувство, а молодое телесное беснование, обрушивающееся внезапно, как ангина. Но в том же «Гобелене» фиксируется и другой — «изматывающе долгий, безнадежный роман» героини в зрелом возрасте. А в «Мастере-тарабуке» с самого начала действуют персонажи, выдавшие виды; «легкая забавная связь» быстро перерастает у них во что-то более серьезное. Почему же он так безмятежно оставил ее ради иного — профессионального (он художник) — счастья: уехал во Флоренцию, даже не помня, как расстался со своей Мастер-тарабукой? И там, за границей, не сразу вспомнил о ней. Потом все-таки вспомнил, испытал болезненный толчок в груди, и стал ее разыскивать. Узнал, что она живет в Цюрихе, вышла замуж, и снова забыл. Вторая половина рассказа, связанная с ее болезнью (СПИД!), трактует уже другую тему: не любви, а порядочности. На мой взгляд, половины не вполне стыкуются...

В рассказе «Две истории», завершающем подборку в №11 «ИЖ», есть такая фраза, с вкрапленной в нее цитатой (откуда — не указано): «И может быть, в самом деле «мы друг для друга — топоры, чтобы рубить под корень тех, кого любим по-настоящему»?..» Это похоже на ответ. Но если дело обстоит так скверно, что ж получается? Неужто и впрямь любовь — настоящая любовь, кото-

рую отличает не только сила страсти, но и устойчивость, стремление двоих соединиться навеки; любовь, освящаемая Небесами и радующая Создателя; любовь, в которой «партнеры» (как принято выражаться в наше прагматичное время) хотят не только брать, но давать, и отвечать друг за дружку, — неужто она ушла из мира?

В «Повести о бедных влюбленных» итальянца Васко Пратолини выведена такая «формула любви»: «То, что мы называем любовью, — это встреча двух существ, которые идут друг к другу издалека и берутся за руки, чтобы почерпнуть мужества, потому что путь будет долгим и надо дойти до такого предела, где начинаются иные края, если только они есть». Путь будет долгим...Пратолини написал свою книгу более полувека назад (1947). А Дина Рубина, родившаяся уже в следующем пятидесятилетии, вызываясь озаглавливает свой любовный цикл в «ИЖ» — «Несколько торопливых слов любви». Слова — словами, а дело любви в этом цикле оказывается смято, «редуцировано», подчас сведено к «занятиям любовью». Причем торопливость выступает здесь не просто как эмблема, но в большой степени формирует язык прозы. Приведу два примера, подчеркнув в них слова, в которых «задана» скорость прихода и ухода любви, порой вместе с жизнью одного из любящих.

Рассказ «Область слепящего света» начинается с того, что героиня — участница международной конференции, слушая один из докладов, «несколько секунд» видела лицо докладчика «в области света», и «этот мгновенный блиц <...> ослепил ее такой вспышкой любовной жалобы, словно ей вдруг показали из-за ширмы того, кого давно потеряла и ждать уже зареклась». В перерыве она спросила его о чем-то, а потом, не дослушав ответ, пошла к выходу. И тут же спиной почувствовала, «как торопливо бросает он в папку материалы доклада, сыпает слайды в пенал и бросается следом». Вглядитесь в лексику — дальше буде то же самое. Неожиданный финал рассказа — насильственная смерть героини — накладывается на привычный для героя житейский фон. Он является домой, и

жена из кухни сообщает ему о взрыве самолета, в котором летела любимая (про любимую жена, разумеется, не знает). «Перед его глазами поплыл огненный шар их коротенькой высотной жизни, легко взмыл, завис в области слепящего света и — вспыхнул над морем...»

А вот первая из «Двух историй». Тут как раз представлена не только долгая, но и изначально единственная любовь, закономерно реализовавшаяся в браке, а сам брак продолжался целых 35 лет. И все эти годы она была, что называется, его второй половиной. Но вдруг она заболела. Заболела неизлечимо и скоротечно. Мысли мужа: «... почему я оставил себя в живых после того мгновения, когда в последний раз дернулся уголок ее рта...» А потом: «Я проснулся от щелчка. Странное нетерпение сотрясло меня. <...> Обеими руками я ухватил и с силой рванул занавеси. Полетели карнизы... и затем минут тридцать вдохновенно крушил вокруг себя все, во что упирался взгляд...». Потом, обессиленный, лег среди тряпья и осколков на пол, закрыл глаза, вслушался в долгую ночную тишину...Раскинул руки и подумал: «Свобода!!...»

Как говорится, вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Такая концовка ближе к... анекдоту. Помните? Безутешный вдовец кричит после смерти жены: «Один... Совсем один... Совсем один?... Со-о-ов-сем о-о-один-н-н!!!»

Справедливости ради замечу, что во второй истории герой остался верен героине до конца. Она внезапно (опять!) умерла, а он на девятый день после ее смерти «как обычно, явился в институт, дал блестящую лекцию при переполненной аудитории, вернулся домой и застрелился». Это хоть в какой-то мере обнадеживало бы насчет неизнашиваемости подлинного любовного чувства, если бы... Если бы не явный перебор смертей во всем цикле «Несколько торопливых слов любви».

Перехожу к циклу «Ручная кладь» («ИЖ», №13). Мостиком для перехода послужит... топор, фигурирующий не только в «Двух историях», но и во втором рассказе нового цикла — «Джаз-банд на Карловом мосту». Сей почтенный инструмент снова возникает в цитате, а

не в авторском тексте. На сей раз и источник указан, и даже год помечен. Итак, из письма Франца Кафки однокурснику (1904 год): «Книга должна быть топором для замерзшего в нас моря». Как сказано! «Замерзшее море» — титанический образ, а в нас замерзшее — того крупнее. Если «море» в нас замерзло, это значит, что часть нашей души, если не вся она, отмирает.

Дина Рубина хочет продолжить эстафету с кафкианским топором, дабы взбаламутить «море» нашей души, вызвать в ней великое чувство, именуемое сопереживанием. В двух рассказах из трех («Джаз-банде...» и «Еврейской невесте») «топор» срабатывает так: эти рассказы представляют собой жанровый «кентавр», голова которого — путевой очерк с сильно выраженной авторской эмоцией, а туловище — художественно полнокровный и психологически безошибочный этюд об индивидуальной человеческой судьбе. (О третьем рассказе — «Альт перелетный» — скажу ниже.) Тут человек выступает в раме городского ландшафта. В «Джаз-банде...» рама — это Прага и Карловы Вары, человек — Франц Кафка. В «Еврейской невесте» соответственно Брюгге (Бельгия) и Амстердам (Голландия) и чудак Йоська, спасенный в годы Катастрофы семьей голландских крестьян. В обоих рассказах (да, собственно, и в «Альте...») автор называет подлинными именами своих мужа и дочь (в «Альте...» еще сестру; ей рассказ и посвящен), с которыми она ездила в упомянутые страны и города. Насчет историчности главного героя «Джаз-банде...» вопросов не возникает. Что касается Йоськи, то, если он и вымышлен, сделано это «чисто»: ни малейшего зазора между ним и безусловно реальной супружеской парой: Дина Рубина — ее муж Борис.

Не стану утверждать, будто «кентавр» этот — открытие Америки (я не так хорошо знаю всю Америку», т.е. современную большую прозу на разных языках), но что это ошеломляющий «удар топором», я это хорошо почувствовал по волнению моего — видимо, не совсем замерзшего — моря. Тут еще и композиция виновата: она так прихотлива, так на первый взгляд спонтанна (а может, не только

на первый) и так при всем том устремлена к мощному финалу...

Что Дина Рубина — мастер живописных и ярких описаний городского (да и не только) ландшафта, читатели знают давно. Чтобы не ходить далеко за примерами, назову лишь сравнительно недавно сработанный «звонкий» портрет Венеции (в «Высокой воде венецианцев»). В новых рассказах очаровывает и пленяет Прага. Ее основные «краски»: одухотворенность, приветливость, обаятельность (лексикон авторский). Ее лики: ангелы, святые и покровители церквей и соборов, живущие своей «загадочной вольной жизнью»; «их далекие каменные улыбки, раскинутые крыла, зажатые в кулаках жезлы и шпаги пригласительно и зазывно летят в пространствах разновысоких крыш». Ее призраки: «старинное еврейское кладбище — странный заброшенный город <...>, надгробные плиты, как покосившиеся скрижали завета, окаменевшие страницы книг... Кажется, что плиты не воткнуты в землю, а, вспоров ее покровы, вкривь и вкось выросли из недр могил». Читатели без труда отыщут столь же убедительные и сильно трогающие душу описания других названных мною мест действия этих рассказов.

Главные же их герои не менее выразительны и живописны. Дина Рубина, не обинуясь, объясняется в любви к великому Кафке и не великому Йоське. Рассказчица искусно вплетает в ткань своего любовного объяснения фрагменты писем Кафки и его возлюбленной Милены Есенской, в чьих текстах видит — справедливо, по-моему, — почти уровень владения словом, характерный для самого Кафки. Замечу, что по глубине и точности характеристики Кафки — писателя и провидца, — принадлежащей самой Дине Рубиной, не уступают пронизательным аттестациям Есенской. Та писала (Максу Броду), что Кафка «знает о мире в десять тысяч раз больше, чем все остальные люди», и что «скорее все мы, весь мир и все человечество больны, а он единственный здоров, правильно понимает и правильно чувствует, единственный

чистый человек...» А вот размышления Дины Рубиной: «Откуда это – о, сбывшееся вполне! — предощущение вселенской беды, кошмара, катастрофы? В чем дело? В природе таланта? Но это даже не качество и величина таланта, а глубина, на которой он залегает. Как источник глубинных недр: чем глубже залегает, тем выше, мощнее выброс, тем сильнее и шире озонировано пространство вокруг...»

Еще несколько слов о «Еврейской невесте». Бедный Йоська, хваставший: «Двести женщин были в моей постели!», всю жизнь безуспешно мечтал найти свою половину, ту единственную женщину, которая предназначалась ему самим Небом. «Моя половина, моя женщина... Понимаешь? Ее просто нет на земле. Наверно, она ушла в дым, эта девочка <:...>. Наверно, ее превратили в пепел, как всех в моя семья...» (У Йоськи были проблемы с ивритом, и автор попытался выразить их на родном русском.) День, проведенный в Акко с Йоськой, оказался неудачным во всех отношениях: и в музей израильского художника Мане Каца, любимца Йоськи, попасть не удалось, и забыл Йоська, где припарковал машину, «и мы ее долго искали, влачась по закатным запутанным переулкам порта» (стихи, не правда ли?). Но в конце рассказа этот день кажется повествовательнице «одним из самых счастливых, самых прозрачных дней» ее жизни. Аберрация внутреннего зрения? Ностальгия по ушедшей молодости? Тоска по навсегда оставившему их с мужем в покое надоедливому, трудно переносимому, но такому трогательному Йоське? Все вместе, разумеется...

Однако пафос не отменяет в новой прозе Дины Рубиной ее искрометное остроумие, ее броский, грубоватый, но, как правило, добротный юмор. Есть он и в «Джаз-банде...», и в «Еврейской невесте». Два примера. В «Джаз-банде...» появляется на мгновение и сразу навсегда исчезает «какой-то рыжий в кепке — зубы вперед и вразброс». В «Еврейской невесте» уморительно описание жриц любви в знаменитом Розовом квартале Амстердама. Особенно хороша негритянка с длинными грудями, украшенными — каждая — голу-

быми лентами и оттого казавшимися «отдельным грузным украшением на теле»; «она играла своими грудями, перебирала их, как перебирают крупные бусы». Незабываемая картинка!

И, наконец, рассказ «Альт перелетный». В центре его судьба (воистину судьба!) не человека, а музыкального инструмента, волею судеб (опять!) побывавшего на всех континентах, кроме разве что Антарктиды. В этой вещи вся ситуация — и наплывающие один за другим, как морские валы, похожие, но все прибывающие коллизии - подсвечена юмором. Тут масса забавных деталей, и ситуационных, и характерных. На сей раз воздержусь от примеров, чтобы не портить удовольствие читателям. Пафос в «Алые...» приглушен, и тем не менее... Судите сами, смешон или возвышен пассаж, посвященный главному герою (альту) после очередного возвращения его в родные Пенаты: «Полетав неведомо где, он обязательно возвращался, складывал крылья и повисал ярким праздничным пламенем на белой стене».

....Скоро, должно быть, вернется и моя героиня — Дина Рубина — домой, в Израиль. Какие еще «топоры» привезет она нам из своих странствий по России и Европе?

2003, март.

P.S. Рецензия была уже написана, когда автору попала в руки только что изданная в Санкт-Петербурге новая книга Дины Рубиной — «Несколько торопливых слов любви». Все рассказы, оказавшиеся в фокусе внимания рецензента, вошли в эту книгу. Книга включает еще ряд текстов, среди которых — публиковавшаяся ранее повесть «Высокая вода венецианцев» (см. мой разбор повести в журнале «22», №114 за 1999 г.).

Не сомневаюсь, что на новую книгу писательницы, широко известной и популярной как в Израиле, так и в России, еще появятся отклики в периодике обеих стран.

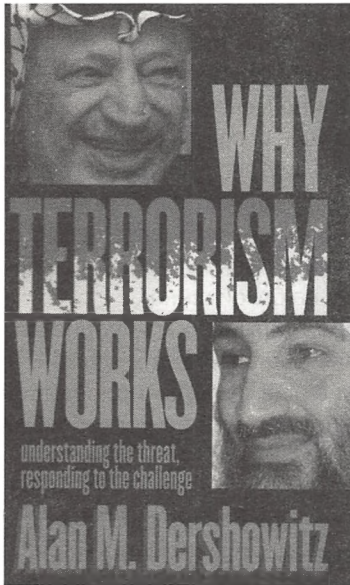

Арнольд ЭЙДЖИС

БОРЬБА С ТЕРРОРОМ ТРЕБУЕТ ПРОВЕДЕНИЯ БОЛЕЕ ЖЕСТКОЙ ПОЛИТИКИ

Алан М. Дершовиц, «Почему терроризм добивается успеха: понять суть опасности, ответить на вызов».

Why Terrorism Works: Understanding the Threat, Responding to the Challenge, by Alan M. Dershowitz, New Haven, CT; Yale University Press, 2002.

Профессор юридического факультета Йельского университета Алан Дершовиц всегда был живым воплощением либеральных ценностей и сторонником абсолютистского определения свободы слова. Для него Первая поправка (к Конституции США, декларирующая свободу слова — Прим. перев.) всегда была чем-то неприкосновенным, приближающимся по своей святости к Священному Писанию.

Если принять во внимание то, что было сказано выше, то становится трудно представить, что этот самый человек является автором новой книги, в которой предлагается серия антитеррористических мероприятий настолько драконовского харак-

тера, что даже израильтяне, самая главная жертва терроризма в мире, не решаются, за редким исключением, применить их. Эта, внушающая глубокое чувство тревоги книга полностью объясняет причины столь крутого изменения позиции Дершовица, связанного с угрозой терроризма, но комментариев в предисловии, упоминающий о том, что он сам был однажды целью террористов в районе Бостона, представляет нам более точное объяснение, чем его трезвый и рациональный анализ политики террора.

Его обращение к радикальной позиции по отношению к борьбе против бин Ладена, Арафата и других членов фундаменталистского исламского братства заставляет нас вспомнить о замечании, приписываемом английскому писателю Сэмюэлю Джонсону, который высказал предположение, что «перспектива немедленной казни удивительно способствует концентрации ума».

Как бы в соответствии с этим Дершовиц привносит в свой анализ терроризма кристальную четкость видения, побуждаемую чувством гнева и стремлением отстаивать свою позицию, которые столь же четки, как и его понимание проблемы. Как Иосиф времен египетских фараонов, Дершовиц не только интерпретирует этот кошмар, но и использует свои юридические и организационные таланты для описания стратегии борьбы, которая если не остановит терроризм полностью, то уж, во всяком случае, существенно ограничит его. Это, говорит Дершовиц, самое большее, на что мы можем рассчитывать, потому что у этой войны не бывает полного завершения.

Впрочем, не следует заводить аналогию слишком далеко, потому что в меню Дершовица есть предложения, которые воскрешают в памяти мрачные деяния тоталитарных режимов, где основные гражданские свободы ограничивались и все еще продолжают ограничиваться всеми имеющимися в распоряжении государства средствами. Дершовиц утверждает, что

масштабы транснациональной террористической угрозы в наши дни превосходят все, с чем нам приходилось сталкиваться до сих пор — и что такая угроза требует применения беспрецедентных шагов, которые обычно характерны для военного времени.

Как это случилось? В своей экзегезе текущей ситуации Дершовиц не щадит ни западные демократии, ни арабско-мусульманский мир за их непозволительно мягкое отношение к террористам. Это — центральный тезис Дершовица: примерно с 1968 года палестинские, в основном, террористы смогли хорошо образовать самих себя и своих радикальных исламистских союзников в педагогике убийства невинных людей, потому что это принесло им два исключительно важных завоевания.

Во-первых, это привлекло к ним такое внимание международной масс-медиа, что материалы о судьбе народов, куда больших по численности и испытывающих более тяжкие страдания, чем палестинцы (курды, чеченцы, сомалийцы), оказались совершенно вытесненными с ее страниц. И что более важно, свирепость террористов была вознаграждена трусливыми правительствами Европы и Ближнего Востока, которые были убеждены в том, что, заигрывая с террористами, они отведут от себя угрозу террора. Европейский Союз (который Чарльз Краутхаммер охарактеризовал как «организацию, полностью подчиненную Арабской Лиге») является примером этой пагубной стратегии, поскольку она ведет мир к выдвиганию на первый план прав палестинцев и к осуждению Израиля как (по удачному ироническому замечанию Эдварда Александера) «принадлежащую дьяволу экспериментальную станцию на Земле».

В своей книге автор приводит занявшую 20 страниц страшную в своей поучительности таблицу, перечисляющую основные террористические нападения палестинцев на Израиль и на другие цели, начиная с 1968 года. В таблице приведены шестьдесят два отдельных инцидента, с описа-

нием бойни, учиненной террористами в каждом из этих случаев. На правой стороне каждой страницы Дершовиц перечисляет те достижения палестинцев, которые стали результатом этих террористических атак. Таблица показывает, что в течение 70-х годов, по мере прогресса терроризма, Арафат и его союзники получали все большую и большую поддержку от Британии, Франции и Объединенных Наций. Урок был предельно и грубо ясен — терроризм работает.

Это, замечает Дершовиц, не предвещает ничего хорошего Израилю и миру — возникновение палестинского государства, которое будет построено на дивиденды от терроризма. Это государство, возвращенное на представлении об эффективности терроризма как источника вознаграждения, неизбежно возведет эту идеологию в ранг государственной политики против Израиля для реализации своей цели — Палестины без евреев. Таким образом, как заметил один из обозревателей, террористическое палестинское образование будет заменено террористическим палестинским государством.

Разрушение башен-близнецов в Нью-Йорке впервые пробудило американцев и заставило их осознать тот факт, что появился новый вид войны — война с неким коллективом террористов, распространенным по всему миру, но без конкретных адресов. Стремление нового поколения террористов превратить себя в современное воплощение поклонников Молоха и палачей Кали (убийцы в Индии 19 века, ставившие перед собой цель погибнуть вместе с теми, кого они убивают) только повысило степень риска и потребовало новых и нестандартных методов борьбы с ними.

Предлагаемые методы борьбы с терроризмом, несомненно, заставят многих удивленно поднять брови, потому что, несмотря на некоторые вежливые оговорки, которые он приводит для смягчения своих предложений, они являются, по сути, репрессивными инструментами, используе-

мыми в прошлом фашистами и коммунистами, а сегодня тоталитарными режимами и левого, и правого толка. Но, как он проциательно указывает, они использовались также демократическими обществами, включая и Соединенные Штаты (при Линкольне), в военное время.

Вопрос, который следовало бы задать перед тем, как согласиться принять предлагаемую автором горькую пилюлю, заключается в следующем: каким образом аморальное общество может справиться с религиозными фанатиками-самоубийцами, испытывающими непреодолимое желание стать «разрушителями миров», если прибегнуть к выражению физика Роберта Оппенгеймера, сказанному им в тот момент, когда он увидел взрыв первой атомной бомбы на полигоне Аламогордо в штате Нью-Мексико.

Аморальное общество наложило бы запрет на публикации в прессе, чтобы свести к минимуму выгоду, которую получают террористы от распространения сведений об их варварских деяниях. Оно стало бы отслеживать все связи, общественные и частные, чтобы деятельность разведывательных органов не оказалась бы ограниченной, например, при прочтении компьютерных файлов людей типа Закариаса Муссауи, предполагаемого 20-го участника захвата самолетов 11 сентября. Классификация призывов исламских мулл к убийству евреев и неверных, которые можно услышать в мечетях, как преступного деяния была бы законным, хотя и болезненным ограничением свободы слова.

Свобода перемещения, которой с такой пользой для своего дьявольского замысла наслаждался Мухаммад Атта, вальсируя по Соединенным Штатам, Европе, Ближнему Востоку и обратно, также была бы ограничена. К этим ограничениям должно было бы примыкать широкое использование специальных досье на отдельных людей, которое Дершовиц считает хоть и суровым, но необходимым шагом в условиях, когда большинство террористов принадлежит к специфической этнической

группе. Полезным средством могли бы стать общенациональные удостоверения личности, снабженные идентифицирующими отпечатками сетчатки глаза. Очевидна также необходимость использования в аэропортах хорошо обученных профессиональных охранников.

Вероятно, наиболее противоречивым средством в арсенале Дершовица является легитимация коллективного наказания. Террористы, как отмечает автор, одобряют и практикуют коллективное наказание как акт веры. Но существует также, по словам Дершовица, концепция коллективной ответственности. Те, кто дает убежище террористам и помогает им, не могут уйти от последствий своего преступного сотрудничества с террористами и должны понести наказание.

Эти шаги являются только частью мер по предотвращению террора. Превентивные удары, как, например, атака на иракский ядерный реактор в Осираке, являются, по Дершовицу, оправданной мерой, когда речь идет об оружии массового уничтожения. Массированные ответные удары и закрытые воинские судебные процессы служат другим примером специфических мер, которые могут применяться (и применялись в американской истории), чтобы сорвать планы врагов, которые получают преимущество, эксплуатируя ценности демократического общества. В этом контексте Дершовиц мог бы процитировать Аббу Эбана: «Государства не принимают на себя международных обязательств покончить со своим существованием самоубийством».

Целую главу в своем трактате Дершовиц посвятил пленному террористу, который обладает информацией о «тикающей бомбе». Немедленная отрицательная реакция на применение пыток должна быть пересмотрена, говорит Дершовиц. Даже демократии, утверждает он, могут использовать не грозящие смертью пытки для получения информации, которая может спасти жизни многих. Более того, в американском праве есть много прецедентов, в которых полицейского оправдывали по

Михаил КОПЕЛИОВИЧ

ФАНТАСТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

Журнал «22», №127. Тель-Авив, 2003

обвинению в применении пыток, когда было убедительно доказано, что насилие было применено спонтанно, и что оно было вызвано стремлением получить информацию, необходимую для спасения жизни — как, например, в делах о похищении людей.

Одним из часто встречающихся слов в книге Дершовица является довольно неуклюжее слово «дестимуляция», то есть, осуществление действий, которые ясно покажут предполагаемым «апокалиптическим» террористам, что они не получают никаких выгод, что их и тех, кто поддерживает их, ожидают только неудачи и страдания. Массированные ограничения, заключение под стражу и казнь тех, кто направляет убийц, разрушение каналов снабжения и инфраструктуры — таковы методы, которые должны применяться для нейтрализации потенциальных убийц. Террористы, и особенно религиозные фанатики, указывает Дершовиц, коварны, как дикие звери, но мы, жители свободного мира, должны научиться предугадывать их действия и переигрывать их — пугающе сложная задача, скажем прямо.

Но эта задача будет выполнена, если каждое демократическое правительство использует предлагаемую Дершовицем систему мер как руководство к действию в борьбе его страны с угрозой терроризма — этого нефилтрующегося вируса, который стал чумой 21 века.

Опубликовано в номере журнала «Мидстрим» за январь 2003 года.

Перевод Э. Маркова

Этот номер журнала «двухсюжетен». Одна линия — сегодняшние мрачные актуальности плюс напоминания о сравнительно давних зловещих событиях, плюс тупики ближайшего будущего. Сюда относятся и открывающие журнальную книжку рассказ-антиутопия Анны Фаин, и поэма Владимира Добина «11 сентября». Другой «сюжет» — сугубо литературный: здесь переводы поэм Эдгара По, размышления об этих переводах и воспоминания о том, как создавался один из них. Есть еще отрывки из романа Давида Цифриновича-Таксера, давнего автора «22», и памфлет Дмитрия Быкова, посвященный книге А.Солженицына «Двести лет вместе». Мой разбор охватывает лишь материалы, смысл которых отвечает заголовку данной рецензии.

Начну с рассказа А.Фаин «Третьяковская балдарея». Не потому, что этот текст — первый в номере, а потому, что он художественный и, стало быть, обращен не только к сегодняшнему «взбулгаченному» читателю, но и к грядущему «собеседнику» (помните Мандельштама?) Действие рассказа происходит отнюдь не в Москве, как можно было бы предположить исходя из названия, а на территории одного из университетских кампусов в Израиле — в неопределенном будущем; впрочем, ранее 2050 года, являющегося будущим для героев рассказа. Каковы приметы настоящего времени рассказа? Бушует третья палестинская интифада, при которой «самоубийцы встали в очередь, чтобы разлететься вдребезги на нашей территории» (стр.5). Площадь рассказа — шесть

страниц, и на этом, смешно сказать, пространстве происходят три взрыва, причем последний — на глазах героев. Мимоходом брошена фраза: «На дорогах сплошные пробки из-за утренних терактов» (стр.4). «Утренние теракты» — это звучит как-то по-домашнему, словно что-то привычное (вроде утреннего кофе) и уж по крайности не экстраординарное.

Правда, способность воспринимать ужас происходящего давно снижена у граждан Израиля постоянным приемом некоего медицинского препарата (он называется «релаксан»; согласно словарному определению «релаксанты» — лекарственные средства, понижающие тонус поперечно-полосатой мускулатуры; Бог ведает, что это, но звучит устрашающе), позволяющего избавиться от страха смерти. При этом, увы, неизбежно повреждается память, в том числе вербальная, следствием чего и является эта самая «балдарея» (вместо «галерея»).

Итак, израильтяне в условиях третьей интифады вынуждены жить под девизом: «Мы не можем изменить действительность — только себя» (стр.3; этот лозунг висит над столом начальницы героини). И в данном случае невозможность изменить действительность означает лишь одно: паралич воли индивида и общества, загнивание народного тела через миллионы персональных капитуляций. А откуда, собственно, взялась третья интифада? А.Фаин — точнее, ее герой — отвечает и на этот вопрос: «Ни мирные переговоры, ни военное возмездие не обуздали проклятых сук (палестинских террористов. — М.К.). Ведь ни одну войну против террора нам не дали закончить наши добрые самаритяне. Христианский мир всегда ждал случая, чтобы принести нас в жертву» (стр.5). Не весь, разумеется, христианский мир

— его элита, управляющая Америкой и Европой. К тому же и сами израильтяне в «Третьяковской балдарее» послушно бредут на Голгофу, потому что устали от двух прежних интифад и нескольких войн, от предательства (очередного) «наших добрых самаритян», от слепоты собственных элит. В результате пьют «релаксан ультима плюс — лучший в мире безопасный транквилизатор» (стр. 5). Чтобы забыться. И постепенно забыть все на свете. Да еще герой рассказа работает над проблемой клонирования еврейских смертников, «лишенных памяти и страха смерти» (стр.7). «Наши клоны пойдут на автономию, и тогда ей конец» (там же). Одним словом, перспективы невеселые. Особенно в свете тех повреждений человеческого языка, которые демонстрирует героиня на последней странице рассказа. (Кстати. Они не менее, а по мне, так и более убедительны, чем лингвистические изыски Т.Толстой в ее знаменитой «Кыси»).

Последний абзац рассказа все-таки рождает надежду вопреки всему предыдущему. «Я сажусь на корточки, зарываюсь носом в солнечные, травяные детские волосы и прижимаю ребенка к себе» (стр. 8). Извечная любовь женщины к ребенку — не обязательно своему — вот на что остается нам уповать, покуда не пришел Мессия, в рассказе — «Моисея», контаминация двух имен, не требующая пояснений. Не могу не добавить, что героиню рассказа зовут Мария...

Прекрасный, бередящий, но и возвышающий душу рассказ, приводящий на память лирические антиутопии Рэя Брэдбери.

Другие представленные в журнале тупики видятся мне и более отвлеченными (а, значат, не такими уж страшными), и в то же время более безотрадными. Откуда парадокс? У

А.Фаин, как уже сказано, есть рефлекс художественный, «нутряной», который освещает безумную ситуацию примиряющим светом простой человечности. В других же материалах о грозящем нам будущем такой рефлекс отсутствует? дискурсивный жанр диктует свои законы.

Раньше всего не соглашусь с редактором, чье предварение раздела «Тупики» начинается словами: «Ошеломляющая тупиковая ситуация, которую так живо охарактеризовал Константин Фрумкин...» (стр.180). Статью К.Фрумкина «Прогресс-произвол-самоубийство» можно, в свою очередь, охарактеризовать любыми словами, только не наречием «живо». Его статья — типичный образчик сухого, «безжизненного» дискурса, и, как бы он нас ни страшал, в ответ на его страшилки хочется возразить: «Мне бы ваши проблемы, господин учитель!» Если меня завтра взорвут в автобусе, или в театральном зале (К.Фрумкин — москвич), или я окажусь в высотном здании, когда его протаранит самолет (о такой возможности напоминает нам заголовок поэмы В.Добина; мне кажется только, что авторское обозначение жанра вещи страдает некоторой гигантоманией: для поэмы она слишком миниатюрна), — какое мне дело будет до того, что, скажем, «социальные процессы становятся все более массовыми и сложными» (стр.125). Или до того, что в достижениях современных медицины и биологии «явственно видна угроза грозящего (непозволительная тавтология. — М.К.) в будущем неконтролируемого вмешательства в человеческую природу» (стр.188). Я бы предпочел, чтобы медицина больше преуспела во вмешательстве (желательно, конечно, контролируемом) в человеческую природу, дабы, лечя, как примеру, такую болезнь, как лей-

коз, она (медицина) не приводила организм больного к полной инвалидности, тем паче — не доводила до летального исхода («зато» не от лейкоза, а от иммунодефицита).

Не избыток свободы, предоставляемой человеку достижениями цивилизации, страшит меня, а паралич воли «царя природы» перед массовыми движениями, манифестирующими себя как однозначно деструктивные, его желание зарыть голову в песок либо превратить ее в «головы кочан» с помощью всякого идеологического бреда, легальных транквилизаторов или нелегальной «травки» (впрочем, тоже уже кое-где легализованной). Мне ближе позиция фрумкинского оппонента Эдуарда Бормашенко (статья «После утопии»), в качестве альтернативы предлагающего на первый взгляд формальный, а, на «второй» — вполне сущностный и пригодный как этическая опора выход. «Рав Арье Леви, приведя жену на прием к врачу и обратившись к доктору, сказал: «У нас болит нога» (в самом прямом смысле слова). Я думаю, этот удивительный человек удивился бы (эта сознательная тавтология, в противовес «угрозе грозящего», меня вполне устраивает. — М.К.), если бы ему сказали, как он добр к жене, — просто он выполняет по мере сил заповедь Закона (Галахи. — М.К.) о любви к ближнему» (стр. 151). Дам еще одну цитату из статьи Э. Бормашенко: «По Фрумкину выходит, что рефлексия всегда разъедает традиционные ценности. Мой опыт показывает иное — по-настоящему пристальное вглядывание в себя, попытка дать ответ на вопрос, чего же мне на самом деле хочется, привела меня к традиции» (стр. 152). Не то чтобы я хотел призвать всех читателей к «тшуве», — у меня самого это не вышло. Просто здесь есть намек

на возможность преодоления тупика (как — в другом роде — в концовке рассказа — А.Фаин).

Хочу также присоединиться к Александру Воронелю (статья «Бодрящий сон»), неявным образом призвавшего «гуманистическую цивилизацию Запада» (стр. 164; я еще не забыл старую статью того же автора под знаменательным заголовком «Большой беспорядок в гуманном мире») пересмотреть свою концепцию безбрежности прав человека. Что, конечно, невозможно, покуда новоявленные «гуманисты без берегов» не осознают: им противостоит мир ислама, упорствующий в исполнении религиозных обязанностей, одна из которых предписывает сокрушать «неверных». Извечный большевистский вопрос «кто кого?» наполняется в переживаемой нами ситуации не зловеще — доктринальными, а зловеще-провиденциальными смыслами.

Евгений Беркович (статья «Заложники второй мировой») напоминает об успешной реализации нацистами их программы уничтожения европейских евреев. Самсон Модиевский («Дело врачей») — о том, как «варилось» это подлое «дело», и, главное, о том, как многие советские евреи открещивались — кто из страха, кто из карьеризма — от «презренных отщепенцев». Последнее живо напомнило мне выступления части израильтян против так называемых поселенцев (как будто не все мы здесь поселенцы!) и религиозных сионистов, «упорствующих в своем антиарабском фанатизме». Между прочим: герой рассказа Анны Фаин, пытающийся найти выход из тупика «третьей интифады», носит «большую сине-белую кипу» (стр.4).

В письме, присланном американским школьником из Пенсильвании, говорится: «Я очень хочу, чтобы вы могли радоваться, весело играть. Бог, помоги Израилю! Люди страдают там, но они же хотят мира, а не войны».

В тех местах, где злодеи совершили теракты: на автобусных остановках, у входов в магазины, кафе, рестораны, дискотеки, на улицах Иерусалима и других городов Страны были размещены стенды с экспозициями множества писем и рисунков, каждый из которых — сердечное послание солидарности и поддержки народа Израиля.

NOVIY VEK *New Century*

Russian - Jewish Journal

**Дана Сорокин — руководитель
международного проекта «Привет, Израиль!»
цель которого — продемонстрировать
солидарность Диаспоры с Израилем.**

